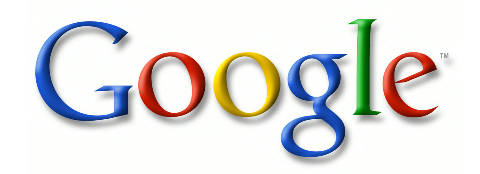

Library of the University of Michigan
Bought with the income
of the
Ford - Messer
Bequest

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

СВЯТОЧНЫЕ ВЕЧЕРА.

Отъ автора.

Въ зиму 1879 года, во время господствовавшей въ Царицынѣ «ветлянской чумы», въ Петербургѣ была сильная паника, по поводу такъ названной тогда, открытой врачами «Прокофьевской чумы». Въ обществѣ ни о чемъ другомъ столько не говорили, какъ о чумѣ. Въ одномъ кружкѣ, собиравшемся у милаго, образованнаго старожила Петербурга, возникла мысль избрать, для развлеченія себя иную тему разговоровъ,—а именно, обязательное сообщеніе каждымъ изъ членовъ кружка, по очереди, фантастическихъ разсказовъ, въ родѣ тѣхъ, которые написалъ когда-то знаменитый Боккачіо, во время бывшей въ XIV вѣкѣ «Флорентійской чумы». Осуществленію этой мысли способствовало то обстоятельство, что въ упомянутомъ гостепріимномъ кружкѣ собирались любители безгрѣшныхъ сказокъ о привидѣніяхъ, явленіяхъ духовъ и прочей бѣсовщинѣ, въ родѣ старинныхъ разсказовъ: «Вечера на Хопрѣ»,—«Панъ Твардовскій»,—«Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 году» и др. Общество было, такимъ образомъ, съ фантастической подкладкой. Автору было поручено составленіе протоколовъ предпринятыхъ бесѣдъ, изъ чего и составлены нижеприводимые святочные разсказы.

I.

Мертвецъ-убійца.

Это случилось въ прошломъ, XVIII вѣкѣ, въ царствованіе Екатерины II. Въ большомъ великорусскомъ селѣ скончался скоропостижно зажиточный, одинокій крестьянинъ, слывшій за знахаря и упыря. «Бѣда, — стали толковать крестьяне: — при жизни поѣдомъ всѣхъ ѣлъ; не дастъ покоя и послѣ смерти». — Его положили въ гробъ, вынесли на ночь въ церковь и выкопали для него яму на кладбищѣ. Похороны ожидались «постныя»: не только сосѣди жутко посматривали на опустѣвшую избу покойника, даже болѣе храбрый церковный причтъ почесывался, собираясь его отпѣвать. А тутъ еще подошла непогода, затрещалъ морозъ, загудѣла метель по задворкамъ и въ сосѣднемъ, дремучемъ лѣсу. Первый изъ причта не выдержалъ, очевидно струсилъ, дьяконъ. Пришелъ къ священнику, сталъ проситься, наканунѣ похоронъ, въ дальнее село, навѣстить умирающую тещу. — «Какъ же ты ѣдешь? — уперся попъ: — кто же будетъ помогать при отпѣваніи? нешто не знаешь, какая мошна? родичи чай вотъ какъ отблагодарятъ». — «Не могу, отче, ради Господа, отпусти».

Отпустилъ попъ дьякона, остался съ однимъ дьячкомъ. Дьячекъ прозвонилъ до зари къ заутренней, отперъ церковь, вошелъ туда съ попомъ и зажегъ свѣчи. Началась служба въ пустой, холодной, старой церкви. Стужа ли замкнула всѣ двери села, покойникъ ли пугалъ старухъ и стариковъ, только никто изъ прихожанъ не явился къ заутренней.

Дьячекъ читаетъ молитвы, напѣваетъ, пряча носъ въ шубейку, а самъ, вторя священнику, возглашавшему изъ алтаря, все посматриваетъ на мертвеца, лежавшаго въ гробу, подъ пеленой, среди церкви.

Заря еще не занималась. На дворѣ была непроглядная тьма. Въ окна похлестывалъ уносимый метелью снѣгъ, на колокольнѣ что-то съ вѣтромъ выло, и скрипѣли петли ставней и наружныхъ дверей. Желтенькія, крохотныя свѣчи чуть теплились у темныхъ, древнихъ образовъ.

И вдругъ дьячку показалось, что убогій, потертый цер-

ковный покровъ шевельнулся на мертвецѣ. Причетникъ потеръ глаза, подумалъ:—«Съ нами крестная сила!»—и опять сталъ читать по книгѣ. А глаза такъ и тянетъ снова посмотрѣть на средину темной, холодной церкви.

Не вытерпѣлъ дьячекъ, глянулъ и видитъ: у мертвеца шевелится борода, будто онъ дышитъ, уставился на царскія двери.

— Батюшка! — сказалъ дьячекъ съ клироса, остановясь читать:—у насъ не ладно.

— Что тамъ?

— Мертвецъ ожилъ, страшно мнѣ.

— Полно, неразумный, молись о Господѣ! — отвѣтилъ попъ, продолжая службу.

Дьячекъ отвернулся, углубился въ книгу. Долго ли онъ тамъ читалъ, неизвѣстно. На дворѣ какъ будто стало свѣтать.

«Ну, слава тебѣ, Боже, скоро крикнутъ пѣтухъ», — подумалъ дьячекъ въ ту минуту, когда священникъ готовился стать въ царскихъ вратахъ, читая отпускъ съ заутренней.

Дьячекъ глянулъ опять на середину церкви, вскрикнулъ въ ужасѣ не своимъ голосомъ и лишился чувствъ...

Онъ ясно передъ тѣмъ увидалъ, какъ потомъ разсказывалъ всему селу, что мертвецъ поднялся на одрѣ, опросталъ руки изъ-подъ могильнаго покрова, посидѣлъ чуточку въ гробу и сталъ вставать—блѣдный, посинѣлый, съ страшною, трясущеюся бородой. Священникъ испуганно и безмолвно глядѣлъ на него изъ алтаря. Мертвецъ, съ распростертыми руками, раскрывъ ротъ, шелъ прямо къ попу...

Когда на дворѣ совсѣмъ разсвѣло и народъ, спохватясь долго отсутствующаго причта, вошелъ въ церковь,—передъ всѣми предстала страшная картина.

Дьячекъ безъ памяти, съ отнявшимся языкомъ, лежалъ ницъ у клироса. Въ царскихъ вратахъ лежалъ навзничь бездыханный, съ перегрызеннымъ горломъ, священникъ, а въ гробу — неподвижный, блѣдный мертвецъ, съ окровавленными губами и бородой.

Вопли и плачъ поднялись въ селѣ. Убивалась попадья, чуть не умерла отъ горя и дьячиха. Но послѣднюю отлили водой; у дьячка вернулась рѣчь, а съ нею и память. Онъ все разсказалъ, какъ было.

— Упырь, людоѣдъ! — рѣшили крестьяне міромъ: — это онъ загрызъ батюшку. Не хоронить его на кладбищѣ, а въ

лѣсу, и припечатать его не отпускной молитвой, а осиновымъ коломъ.

Отвезли знахаря-мертвеца въ самую чащу лѣса, вырыли тамъ другую яму, положили туда упыря и пробили его насквозь въ грудь осиновымъ коломъ: теперь не будетъ портить сатана неповинныхъ людей.

Священника похоронили съ честью, попадью щедро одарили, а церковь начальство, за такой святотатственный казусъ, до новыхъ распоряженій впредь, запечатало.

Остались прихожане безъ попа и безъ церкви. Ѣздили они, просили. Консисторія все собиралась произвести слѣдствіе. Благочинный бралъ посильныя приношенія, обѣщалъ уладить дѣло, но церковь не отпечатывали. Крестьяне собирались писать прошеніе, но не знали, куда подать.

Дѣло случайно дошло до свѣдѣнія Екатерины. Слушая докладъ генералъ-прокурора, кн. Вяземскаго, о разныхъ происшествіяхъ, она обратила вниманіе на случай съ упыремъ.

— Что же ты думаешь объ этомъ?—спросила императрица докладчика.

— Казусъ необычный,—отвѣтилъ генералъ-прокуроръ:—онъ коренится въ суевѣріяхъ грубой черни.

— Хороши суевѣрія... перегрызенное горло! вѣдь священника-то тоже схоронили. Отложи, князь, это дѣло вонъ на тотъ ломберный столъ и позови ко мнѣ Степана Иваныча Шешковскаго... хоть сегодня же вечеромъ, передъ оперой...

Явился къ императрицѣ знаменитый сыщикъ, глава и двигатель тайной экспедиціи, Шешковскій.

— Что благоугодно премудрой монархинѣ?—спросилъ тайный совѣтникъ и владимірскій кавалеръ, Степанъ Ивановичъ, согнувшись у двери, съ треуголомъ подъ мышкой и шпагой на боку.

— А вотъ, сударь, бумажка, прочти и скажи свое мнѣніе.

Шешковскій отошелъ съ бумагой къ окну, прочелъ ее и, подойдя къ Екатеринѣ, замеръ въ ожиданіи ея рѣшенія.

— Ну, что?—спросила она:—любопытная исторія—попъ, загрызенный мертвецомъ?

— Зѣло любопытная,—отвѣтилъ сыщикъ:—и гдѣ же, въ храмѣ!

— То-то въ храмѣ. И консисторія, запечатавъ церковь,

предлагаетъ дѣло предать волѣ божьей, а прихожанамъ, освятивъ храмъ, поставить новаго попа...

— Попущеніе Господне, за грѣхи, милосердая монархиня... Какъ иначе и быть!—произнесъ, набожно поднявъ глаза, Шешковскій.

— Ну, а я—грѣшный человѣкъ!—думаю, что здѣсь иное!—сказала императрица и, взявъ перо, написала резолюцію на докладѣ: «Ѣхать въ то село особо-назначенному мною слѣдователю и, тайно дознавъ истину, доложить лично мнѣ».

Екатерина дала Шешковскому прочесть свое рѣшеніе.

— Кого, ваше величество, изволите командировать?—спросилъ Степанъ Иванычъ.

— Кому же, государь мой, и ѣхать, какъ не тебѣ?—отвѣтила императрица:—держи все въ секретѣ, какъ здѣсь, такъ и въ губерніи,—и все мнѣ доподлинно своею особой разузнай.

Шешковскій поклонился еще ниже.

— Великая монархиня! мое ли то дѣло? съ бѣсами, прости, да съ колдунами, я еще не вѣдался и не знаю съ ними обихода... вѣдь они...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, батюшка Степанъ Иванычъ, что нынче вѣкъ Дидерота и Руссо, а не царевны Софіи и Никиты Пустосвята... Мнѣ чудится, я предчувствую, убѣждена, что здѣсь все всклепано на неповинныхъ, хоть по твоему можетъ и существующихъ бѣсовъ и упырей.

Шешковскій, съ именнымъ повелѣніемъ Екатерины въ карманѣ, переодѣвшись безпомѣстнымъ дворяниномъ, полетѣлъ съ небольшою поклажей по назначенію.

Въ губерніи онъ оставилъ чемоданъ, съ запасною форменною одеждой, на постояломъ въ уѣздномъ городкѣ; самъ переодѣлся вновь въ скуфейку и рясу странника и пошелъ по пути къ указанному селу. Верстъ за двадцать до него,—то было ужъ второе лѣто послѣ событія съ священникомъ и упыремъ,—его догналъ обозъ съ хлѣбомъ.

— Куда ѣдете?—Въ Овиново; а тебя Господь куда несетъ?—Въ Соловки.—Далекій путь, спаси тебя Боже,—чай притомился?—Ужъ такъ-то, православные, ноженьки отбилъ.—Ну, садись, подвеземъ.

Подвезли извозчики до Овинова, а за нимъ было Свиблово, то самое село, гдѣ случилась исторія въ церкви. Везутъ странника мужики и толкуютъ о свибловскихъ: всѣхъ

знаютъ, всѣхъ хвалятъ, мужики добрые, не разъ хлѣбомъ у нихъ торговали.—Что же, храмъ Божій есть у нихъ?—Нѣту-ти, закрыли изъ-за Господней немилости, благочинный скоро обѣщаетъ открыть, да дорожится.—Кто же будетъ попомъ?—Два дьякона ищутъ, ихній и овиновскій.—Кого же хочетъ міръ?—Овиновскаго, подобрѣе будетъ; ихній злюка и съ женой живетъ не въ ладахъ. Вонъ и его хата, на выгонѣ, подъ лѣсомъ,—выселился за рѣку—держитъ огородъ.

Странникъ всталъ у околицы, поблагодарилъ извозчиковъ, выждалъ вечера и зашелъ къ дьякону. Хозяина не было дома, дьяконица пустила его въ избу. Ночью странникъ расхворался. Лежитъ на палатяхъ, охаетъ, не можетъ дальше идти. Возвратился дьяконъ, обругалъ жену: пускаешь всякую сволочь, еще помретъ, придется на свой счетъ хоронить. Услышалъ эти рѣчи странникъ, подозвалъ дьякона, отдалъ ему бѣдную свою кису, проситъ молиться за него, а неодужаетъ — схоронить по христіанскому обряду. Принялъ дьяконъ убогую суму богомольца, говоритъ: ну, лежи, авось еще встанешь. День лежалъ больной, два слова не выговоритъ, только охаетъ потихоньку. Забылъ о немъ дьяконъ, возвратился разъ ночью съ огорода и сцѣпился съ женой, — ну ругаться и корить другъ друга.—Да ты что? говоритъ дьяконица: ты убійца, злодѣй.—Какой я убійца, сякая ты, такая! я слуга Божій, второй на клиросѣ чинъ... а поможетъ благочинный, буду и первымъ! — Убійца, ты перегрызъ горло попу... самъ признавался...

Далѣе странникъ ничего не могъ разслышать. Хозяева вцѣпились другъ въ друга и подняли такую свалку, что хоть вонъ неси святыхъ. Къ утру все угомонилось, затихло. Странникъ днемъ объявилъ, что ему лучше, поблагодарилъ за хлѣбъ-соль и пошелъ далѣе...

Возвратясь въ городъ, онъ явился къ воеводѣ, прося о себѣ доложить. Ему отвѣтили, что его высокородіе изволитъ кушать пуншъ и принять не можетъ. Странникъ потребовалъ непромедлительнаго пріема.

Его ввели къ воеводѣ, возсѣдавшему у самовара за пуншемъ.

— Кто ты, сякой, такой, и какъ смѣлъ безпокоить меня?

Странникъ вынулъ и показалъ именной указъ императрицы.

Въ тотъ же день въ Свиблово поскакала драгунская команда. Къ воеводѣ привезли дьякона, дьяконицу и дьячка.

Дьяконъ не узналъ сперва въ ассистентѣ воеводы гостившаго у него странника. Шешковскій облекся въ форменный кафтанъ и во всѣ регаліи. Дьяконъ на допросѣ заперся во всемъ; долго его не выдавала и дьяконица. Но когда Шешковскій назвалъ имъ себя и объявилъ дьяконицѣ, что, хотя пытка болѣе не практикуется, онъ, на свой страхъ и по личному убѣжденію, имѣетъ нѣчто употребить, и велѣлъ принести это «нѣчто», то-есть изрядную плеть, веревку и хомутъ, и напомнилъ ей слышанное странникомъ,—баба все раскрыла: какъ дьяконъ, по злобѣ на попа, вмѣсто поѣздки къ тещѣ, переждалъ въ лѣсу, проникъ въ церковь, легъ въ гробъ, а мертвеца спряталъ въ складкахъ пелены подъ одромъ, напугалъ дьячка и задушилъ, загрызъ священника, а мертвецу выпачкалъ кровью ротъ и бороду и скрылся.

— Чтò скажешь на сію улику твоей жены?—спросилъ Шешковскій.

Дьяконъ молчалъ.

— А ну, ваше высокородіе,—подмигнулъ Степанъ Ивановичъ воеводѣ.

Двери растворились: въ сосѣдней комнатѣ къ потолку былъ приправленъ хомутъ и стоялъ «нарочито внушительнаго вида» добрый драгунъ съ тройчатой плетью.

Дьяконъ упалъ въ ноги Шешковскому и во всемъ покаялся.

Его осудили, наказали черезъ палача въ Свибловѣ и сослали въ Сибирь. Церковь отпечатали, овиновскаго дьякона, женивъ предварительно на дочери загрызеннаго священника, посвятили въ настоятели свибловскаго прихода. Мѣстнаго благочиннаго разстригли и сослали на покаяніе въ Соловки.

— Ну, чтò, не я ли тебѣ говорила?—произнесла Екатерина, встрѣтивъ Шешковскаго:—а ты, да и ты—предать волѣ Божьей, казусъ отъ суевѣрія грубой толпы. Мертвецъ-убійца! ну, можетъ ли двигаться, а кольми паче еще злодѣйствовать покойникъ, мертвецъ?

— Такъ, великая монархиня, такъ, мудрая и милостивая къ намъ мать!—отвѣтилъ, низко кланяясь, Шешковскій:—ты всѣхъ прозорливѣе, всѣхъ умнѣй.

Онъ еще что-то говорилъ. Екатерина стала перебирать очередныя бумаги, его не слушая. Грустная и презрительная улыбка играла на ея отуманившемся лицѣ...

II.

Жизнь черезъ сто лѣтъ.

«Еще никто не видѣлъ моего лица».
Древняя надпись на статуѣ Изиды.

Настоящій разсказъ относится къ нынѣшнему вѣку, а именно, къ 1868 году.

Нѣкто Порошинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, шести, черноволосый, сухощавый, блѣдный и красивый, незадолго до времени, котораго касается этотъ разсказъ, кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ избѣгъ тогдашнихъ волненій молодежи, вслѣдствіе особаго склада своей природы. Всѣ его помыслы, стремленія и привязанности вращались въ особомъ, заколдованномъ кругу, который можно бы назвать «идеальнымъ», въ обширномъ значеніи этого слова. Онъ читалъ философовъ, деистовъ, но рядомъ съ ними и натуралистовъ,—послѣднихъ—для сравненія съ первыми. Жадно пробѣгая въ газетахъ извѣстія о сверхъестественныхъ явленіяхъ, призракахъ, сомнамбулистахъ и медіумахъ, онъ самъ, впрочемъ, не вѣрилъ въ практическій сомнамбулизмъ и медіумизмъ, особенно въ тѣ его проявленія, которыя трактуются и публично показываются шарлатанами, въ родѣ Юма, Бредифа, Следа, братьевъ Эдди и другихъ фокусниковъ этого пошиба.

Пріѣхавъ въ 1868 г. въ Парижъ, для поправленія своего вообще разстроеннаго и слабаго здоровья, Порошинъ посѣщалъ лекціи разныхъ ученыхъ, но не пропускалъ и другихъ диковинокъ, въ томъ числѣ фантастическихъ вечеровъ, въ родѣ сеансовъ Роберъ-Гудена и ему подобныхъ, гдѣ показывались опыты такъ называемой высшей физики, явленія спектровъ, ясновидѣнія и прочія трансцедентальныя затѣи, гдѣ онъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ ловкіе, умные и вообще всегда весьма милые французскіе фокусники-шарлатаны морочатъ уличную, пресыщенную другими удовольствіями толпу.

Однажды Порошинъ сидѣлъ въ залѣ такого физика. На сценѣ была усыплена какая-то бѣлокурая дѣвица, читавшая запечатанныя письма и диктовавшая рецепты больнымъ изъ

публики. Все шло хорошо, какъ по маслу. Щеголеватый профессоръ сомнамбулизма, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и такихъ же перчаткахъ, щебеталъ съ каѳедры передъ спящею ясновидящей, сыпля именами новѣйшихъ свѣтилъ реальной философіи и путая, по обычаю французовъ, Шопенгауэра съ Гартманомъ и Штрауса съ Фейербахомъ. Становилось очень скучно. Въ залѣ была давка и духота. Лампы тускло освѣщали море головъ. И въ то время, когда Порошинъ уже хотѣлъ уѣзжать, одна изъ этихъ головъ, въ красной восточной фескѣ, шевельнулась среди публики, и изъ ея устъ послышался рѣзкій голосъ:

— Это шарлатанство, надувательство грубаго вида!

Всѣ всполошились, оглянулись. Профессоръ смутился.

— Грубый обманъ и ложь! — повторилъ громко человѣкъ съ красивымъ смуглымъ и умнымъ лицомъ: — публика должна протестовать...

— Кто вы? — спросилъ хозяинъ вечера: — такъ не смущаютъ зрителей! Если вы не вѣрите въ опыты ясновидѣнія, зачѣмъ сюда пришли? зачѣмъ платили деньги? можете ихъ получить обратно...

— Шарлатанство! — твердилъ тотъ же восточный человѣкъ, очевидно армянинъ: — я говорю не противъ сомнамбулизма, а противъ такихъ обмановъ, какіе разыгрываются здѣсь... Вы усыпили свою соучастницу. Она не спитъ, а потому такая же обманщица, извините, какъ вы... Но я вѣрю въ ясновидѣніе, — я его поклонникъ и занимаюсь имъ давно...

Въ публикѣ, смѣшанной съ подставными, очевидно, наемными зрителями, compères, поднялся невообразимый шумъ. Армянинъ въ фескѣ вскочилъ на стулъ, показалъ руками, что хочетъ говорить.

— Но я вѣрю въ могучую, безпредѣльно - великую силу сомнамбулизма, — смѣло продолжалъ армянинъ ломанымъ французскимъ языкомъ, когда все затихло: — я самъ владѣю даромъ усыпленія... И вотъ доказательство...

— Вонъ его, за дверь! долой! — кричали подставные клакеры, съ красными, вспотѣвшими лицами.

— Пусть говоритъ, пусть дѣлаетъ опытъ по-своему! — кричали другіе изъ зрителей, толпясь къ сценѣ.

Сконфуженный, съ измятымъ галстукомъ и распоротой въ давкѣ фалдой фрака, взъерошенный магъ - профессоръ, съ

своимъ помощникомъ, возвратился на каѳедру. Туда же дали пройти и человѣку въ фескѣ.

— Я хочу, желаю, требую, чтобы вы сами заснули! — сказалъ послѣдній, обращая черные, повелительные и умные глаза къ профессору: — садитесь, вотъ такъ; сложите ваши руки и спите... слышите ли? спите, я приказываю!..

Профессоръ улыбнулся, поморщился, сѣлъ, окинулъ общество растеряннымъ, недовольнымъ взглядомъ; очевидно противъ воли, закрылъ глаза, зѣвнулъ... и, къ удивленію всѣхъ, заснулъ. Армянинъ сложилъ на груди руки, поглядѣлъ также повелительно на помощника профессора, шершаваго, коротко-остриженнаго и рыжаго малаго, очевидно изъ отставныхъ военныхъ, поднялъ руку, устремилъ къ нему протянутые пальцы — помощникъ также заснулъ...

Изумленіе публики было безъ границъ. Всѣ замерли, глядя на таинственную феску.

— La séance est levée! засѣданіе наше кончено! — сказалъ армянинъ, медленно и важно сходя со сцены: — вы видѣли! вотъ сомнамбулизмъ!

Поднялась давка и суета. Всѣ хотѣли его видѣть ближе, съ нимъ говорить. Но таинственный незнакомецъ исчезъ въ толпѣ, точно провалился сквозь полъ.

«Не вѣрится, — подумалъ Порошинъ, уходя изъ залы практической физики: — старыя штуки на новый ладъ! Простодушные, легковѣрные французы не догадались, дали промахъ. Очевидно, и армянинъ былъ тѣмъ же наемнымъ, подставнымъ лицомъ... Магъ-профессоръ замѣтилъ охлажденіе къ себѣ посѣтителей, ну, и придумалъ такимъ образомъ подогрѣть ихъ вниманіе. Та же реклама, то же шарлатанство. Да при томъ и не особенно оригинально... Извѣстна продѣлка американскаго журналиста, который, для поднятія подписки на свой журналъ, сталъ печатать въ другихъ изданіяхъ самыя рѣзкія, наглыя на себя нападки отъ вымышленныхъ лицъ: одни печатно выставляли его мошенникомъ и клятвопреступникомъ, другіе воромъ и убійцей, третьи развратникомъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Онъ не скупился платить за такія дружескія рекламы, пока всѣ не задумались — да видно же любопытный это и недюжинный человѣкъ, когда о немъ всѣ такъ кричатъ! — и стали раскупать его собственную газету».

Прошло съ этого вечера нѣсколько мѣсяцевъ. Порошинъ забылъ о сомнамбулистѣ-профессорѣ и объ армянинѣ. Разъ онъ шелъ съ товарищемъ Чубаровымъ сквозь Луврскій дворъ. Видитъ, Чубаровъ раскланялся съ какимъ-то человѣкомъ въ фескѣ. Порошинъ узналъ армянина.

— Какъ ты его знаешь? — спросилъ онъ Чубарова.

— Еще бы не знать такой замѣчательной особы,—отвѣтилъ съ улыбкой Чубаровъ:—мы съ нимъ жили какъ-то на водахъ, въ Германіи.

— Да чѣмъ же онъ знаменитъ?

— Помилуй, онъ вызыватель духовъ, медіумъ и чуть не заклинатель змѣй...

— Нѣтъ, вздоръ! ты шутишь, — возразилъ Порошинъ:— ты не такой, чтобъ знался съ вызывателями духовъ и заклинателями змѣй... Слушай, чему я былъ очевидцемъ...

Порошинъ передалъ разсказъ о случаѣ въ залѣ профессора ясновидѣнія. Чубаровъ задумался.

— Ты ошибаешься, это не шарлатанъ и не могъ быть въ стачкѣ съ сомнамбулистами! — сказалъ онъ: — у этого армянина, чортъ бы его побралъ, есть дѣйствительно кое-какіе способы... Но я тебѣ, Порошинъ, о нихъ не сообщу...

— Почему?

— Ты за послѣднее время что-то ужъ очень похудѣлъ, еще сталъ блѣднѣе, и зрачки вонъ у тебя нѣсколько расширены, и нервный ты такой... Тебѣ это опасно, я же испыталъ...

— Полно, глупости! разскажи!—присталъ Порошинъ къ пріятелю: — не мучь меня; правда, какая бы она ни была, никогда меня не потревожитъ... Я добиваюсь истины; одна ложь, одни обманы мучатъ и раздражаютъ меня... Разскажи, открой, въ чемъ это дѣло? Ты вѣрно знаешь и адресъ армянина, у него бывалъ и здѣсь... Такъ послѣ водъ не встрѣчаются... Онъ на тебя посмотрѣлъ очень сочувственно...

Дѣлать нечего, Чубаровъ зашелъ съ Порошинымъ въ кафе, на набережной Сены, и это ему сообщилъ. Оказалось, что армянинъ, адресъ котораго Чубаровъ здѣсь же передалъ пріятелю, обладалъ секретомъ—переносить человѣка, во снѣ, черезъ сто лѣтъ впередъ.

— И ты этому вѣришь?—спросилъ съ болѣзненной улыбкой Порошинъ.

— Еще бы,—нехотя отвѣтилъ Чубаровъ: — какъ не вѣ-

рить, когда я самъ, благодаря этому странному человѣку, испыталъ такого рода путешествіе...

— И не раскаиваешься?

— Пожалуй, съ нѣкоторой стороны, досадно и даже обидно...

— Почему обидно?

— Да потому, что не хотѣлось, а пришлось проснуться... Во снѣ было такъ хорошо...

— Гм! и какъ онъ это дѣлаетъ?

— Даетъ, представь, какія-то пилюли...

— Что въ ротъ, то спасибо?—раздражительно засмѣявшись, спросилъ Порошинъ:—экіе ловкіе эти азіаты! Ну, можно ли такъ морочить людей? Да еще, пожалуй, и деньги беретъ?

— Беретъ, другъ мой, и большія...

— Гм!—промычалъ Порошинъ:—отсохни моя рука, если я ему дамъ хоть полушку за такой обидный обманъ.

Чубаровъ, однако, былъ убѣжденъ, что Порошинъ не вытерпитъ, и боялся особенно за его здоровье, не очень-то подходящее для такихъ опытовъ.

Такъ и случилось.

Порошинъ въ тотъ же день думалъ-думалъ, нанялъ фіакръ и покатилъ по бульварамъ на площадь Трона (place du Trône или barrière du Trône), украшенную двумя колоннами, съ бюстами старинныхъ французскихъ королей, гдѣ, по адресу Чубарова, жилъ таинственный армянинъ.

Армянинъ жилъ съ женою, хорошенькою и молодою женщиной. Онъ принялъ гостя не совсѣмъ дружелюбно.

— Вы можете перенести меня въ будущую жизнь?—спросилъ Порошинъ армянина, послѣ первыхъ съ нимъ объясненій.

— Да... но только въ будущую жизнь—на землѣ.

— Понятное дѣло... Гдѣ же именно и когда вы мнѣ дадите пожить въ будущемъ?

— Здѣсь же, въ Парижѣ... иначе, разумѣется, и быть не можетъ! Вы заснете въ моей комнатѣ и очнетесь въ ней же, черезъ сто лѣтъ, т. е. проснетесь черезъ секунду, когда задремлете и очутитесь во времени, которое настанетъ для Парижа, для цѣлаго свѣта, по прошествіи ста лѣтъ...

— Чепуха, — въ волненіи и сердито произнесъ Порошинъ:—извините меня, галлюцинаціи какія-нибудь отъ наркотическихъ средствъ. Еще дурно сдѣлается, будетъ голова

трещать, какъ раскаленный котелъ, отупѣешь на время, руки будутъ трястись...

— Видно, что вы ужъ пытались дѣлать такія эксперименты,—сказалъ, чуть замѣтно усмѣхнувшись, армянинъ.

— Ну, да... былъ такъ слабъ, увлекъ одинъ индѣецъ, здѣсь же, на всемірной выставкѣ,—отвѣтилъ Порошинъ.

— Все увидите сами, сами испытаете,—произнесъ серьезно и какъ-то задумчиво-грустно армянинъ:—мои средства иныя, безвредныя, достались отъ отца, отъ дѣда на родинѣ, въ Арменіи. Не всего достигъ человѣкъ, слабы силы смертныхъ,—но кое-что открывается мудрымъ Востока, достойнымъ умамъ. Знаете надпись на статуѣ богини Изиды: никто еще не видѣлъ моего лица?—Да, это бываетъ открыто немногимъ.

— Кому открыто? не вѣрю...—сказалъ Порошинъ:—а ужъ въ Азіи еще болѣе, простите, падкихъ къ продѣлкамъ, ловкихъ фокусниковъ и шарлатановъ. Я долго объ этомъ думалъ... а впрочемъ, сколько стоитъ вашъ опытъ съ усыпленіемъ?

— По сто франковъ за день, а если недѣля,—нѣсколько дешевле—пятьсотъ франковъ за недѣлю!—спокойно и также задумчиво отвѣтилъ армянинъ.

— То есть, какъ пятьсотъ за недѣлю? за какую недѣлю?

— Ну, вы проснетесь и, положимъ, захотите прожить въ томъ вѣкѣ, то есть въ 1968 году XX-го столѣтія, ровно семь дней... вотъ за каждый день и внесете плату!

— Когда внесу?

— Впередъ, разумѣется...

— Ха-ха-ха! Что вы! — засмѣялся Порошинъ: — нашли простака, чтобъ я этому повѣрилъ. Съ васъ еще надо взять деньги за эту шутку... Слышите ли, наѣсться вашихъ восточныхъ специй и, въ смѣшномъ видѣ, пластомъ пролежать передъ вами часъ-другой, потѣшая вашу наблюдательность...

— Не часъ и не два, ровно недѣлю, повторяю, вы будете спать,—сказалъ съ достоинствомъ и также спокойно армянинъ:—и дѣло вовсе не шуточное, не на смѣхъ! Есть не мало охотниковъ... и не одни молодые люди, какъ вы, а солидные ученые, буржуа, — и даже владѣтельныя особы обращаются ко мнѣ и къ моей женѣ...

— Какія особы? И почему также къ вашей женѣ?

— Тайна досталась намъ отъ ея родныхъ, пешаверскихъ армянъ; ее и меня звали съ этой тайной въ Испанію, Италію и даже въ Мексику; испанская королева два раза

засыпала, при нашемъ посредствѣ, а покойный мексиканскій императоръ, несчастный Максимиліанъ, мнѣ даже пожаловалъ орденъ незадолго до своей катастрофы...

«Ну, ужъ я-то не засну, ни въ какомъ случаѣ!»—сказалъ себѣ съ твердостью Порошинъ, уходя отъ армянина.

Ему показалось, что жена послѣдняго, провожая его съ лѣстницы, смотрѣла на него подозрительно и насмѣшливо, какъ бы мысля: «Придешь еще, голубчикъ, придешь».

Такъ и случилось.

На другой же день Порошинъ возвратился на площадь Трона, къ армянину.

— Вотъ пятьсотъ франковъ,—сказалъ онъ, запыхавшись отъ высокой лѣстницы и поспѣшной, тревожной ходьбы:—гдѣ ваши снадобья? я готовъ...

— Это для меня,—сказалъ армянинъ, считая тонкими, бѣлыми и нѣжными, какъ у женщины, пальцами принесенное золото:—но вѣдь нужны деньги и для васъ?

— Какія деньги? это еще для чего?

— Вы же проснетесь въ томъ вѣкѣ, проживете въ то именно время—семь дней сряду,—вамъ нужно ѣсть, пить, захотите, пожалуй, и удовольствій.

— Сколько нужно?—спросилъ, глядя въ полъ, Порошинъ.

— Это зависитъ отъ васъ самихъ... смотря по вашимъ наклонностямъ. Вашихъ привычекъ я не знаю.

— Однакоже... и мнѣ притомъ трудно... я тамъ, понимаете, не жилъ... экая чепуха! даже смѣшно...

Порошинъ, однако, теперь не смѣялся. Глаза его были строги и съ острымъ, лихорадочнымъ блескомъ смотрѣли куда-то далеко. Поблѣднѣвшія его губы слегка вздрагивали.

Армянинъ подумалъ съ минуту.

— Полагаю,—сказалъ онъ:—этихъ денегъ, то-есть пятисотъ франковъ, будетъ достаточно... Я устрою ихъ обмѣнъ и вручу вамъ ихъ передъ сномъ,—а проснувшись—вы отдадите мой заработокъ особо мнѣ или женѣ...

— Вексель надо?—спросилъ Порошинъ.

— О! я вамъ и такъ повѣрю,—отвѣтилъ армянинъ:—кромѣ того, вамъ нужно... платье...

— Какое платье?

— Да черезъ сто лѣтъ, надѣюсь, не въ этой жакеткѣ и не въ этихъ узкихъ панталонахъ будутъ ходить.

— Гдѣ же я возьму? притомъ, здѣшніе портные врядъ ли подозрѣваютъ будущія моды...

— О! я вамъ и въ этомъ помогу! У моей жены есть на такой случай запасъ.

Армянинъ сходилъ въ комнату жены и вынесъ оттуда картонную коробку съ платьемъ, замшевый мѣшочекъ, какой-то страннаго вида ящичекъ и небольшую жаровню.

— Вотъ нарядъ, въ которомъ парижане будутъ ходить черезъ сто лѣтъ,—сказалъ онъ: — а это тогдашнія, то-есть будущія монеты.

Онъ вынулъ изъ картонки шелковый просторный полукафтанъ, или скорѣе полухалатъ, яркаго, невиданнаго, восточнаго цвѣта, до колѣнъ, такіе же широкіе панталоны, еще болѣе яркій шейный платокъ и мягкую соломенную, въ видѣ зонтика, шляпу и открылъ замшевый мѣшочекъ. Изъ мѣшочка онъ высыпалъ горсть золотыхъ монетъ, съ надписью на одной ихъ сторонѣ, по-французски: «равенство, свобода, братство» — «Французская республика 1968 г.» — а на другой сторонѣ — какія-то восточныя письмена, въ родѣ арабской или еврейской азбуки, или даже іероглифовъ.

— Нелѣпость! — сказалъ, отвернувшись, Порошинъ: — у французовъ никогда не будетъ республики... Они по природѣ монархисты, а вкусомъ—фетиши... Да и вы рискуете,— теперь здѣсь правитъ Людовикъ Бонапартъ, — его агенты увидятъ у васъ эти монеты, вы еще насидитесь въ полиціи, васъ осудятъ и вышлютъ.

— Это ужъ мое дѣло,—серьезно и сухо отвѣтилъ армянинъ.

Онъ раздулъ принесенную съ угольями жаровню и взялъ въ руки серебряный, съ финифтью, изящнаго и страннаго вида ящичекъ. Изъ ящичка онъ вынулъ нѣсколько зеренъ. Зерна были черныя, блестящія, точно выточенныя изъ агата.

— Эти пилюли,—произнесъ съ важностью и даже благоговѣніемъ армянинъ:—вы примете, если на это рѣшились, одну за другою... Вотъ ровно семь пилюль,—вы проглотите ихъ и, проспавъ здѣсь семь дней, ровно столько же дней проживете въ слѣдующемъ вѣкѣ... Понятно ли вамъ? Но еще одно условіе,—не мое, а тѣхъ, кто оставилъ намъ эти зерна.

— Какое? говорите скорѣе: не мучьте, не томите, у меня точно лихорадка...

— За каждый день жизни въ томъ земномъ вѣкѣ, то есть черезъ сто лѣтъ, — вы однимъ годомъ менѣе проживете въ

этомъ свѣтѣ, или вѣкѣ... Условіе—извините—не шуточное, и я васъ о томъ предупреждаю... Подумайте прежде, чѣмъ рѣшитесь заснуть.

— Давайте ваши пилюли, я рѣшился! — отвѣтилъ, покраснѣвъ, Порошинъ: — не хочу откладывать, давайте теперь же.—Порошинъ взялъ пилюли.

Армянинъ помогъ гостю переодѣться въ принесенное «будущее платье», причемъ услуживалъ ему съ отмѣнною любезностью. Незамѣтно вошедшая въ это время жена армянина полуспустила гардины на окна, переставила нѣкоторую мебель и бросила на уголья жаровни какую-то нѣжнопахучую, янтарнаго цвѣта, смолу. Въ комнатѣ мгновенно сталъ распространяться необъяснимый, томительно-сладкій, опьяняющій запахъ.

— А что это за надписи на оборотѣ монетъ?—спросилъ онъ хозяина:—съ какой стати во Франціи будутъ чеканить, на національныхъ деньгахъ, подобныя азіатскія письмена?

— Это все вы узнаете сами, проглотивъ послѣднюю изъ пилюль,—вѣжливо-сдержанно отвѣтилъ восточный магъ.

Порошинъ взялъ на ладонь поданныя зерна, поглядѣлъ на нихъ съ секунду и быстро проглотилъ ихъ одно за другимъ. Армянинъ указалъ ему на ключъ въ двери, стаканъ и воду въ графинѣ, также вѣжливо откланялся и вышелъ съ женой.

«Посмотримъ, — подумалъ Порошинъ, замыкая за ними дверь: — и ужъ если надуютъ, я не пощажу ихъ, обо всемъ напечатаю въ газетахъ»...

Онъ подошелъ къ столу, выпилъ залпомъ стаканъ воды и взглянулъ на площадь Трона въ окно. Наступалъ вечеръ. Солнце золотило крыши домовъ, колонны съ бюстами королей, фонтанъ и вѣтви старыхъ каштановъ.

Непонятная, чарующая нѣга стала охватывать Порошина. — «Нѣтъ! не поддамся! даже вовсе не засну и посмотрю, что будетъ!» — сказалъ онъ себѣ, принимаясь ходить по мягкому, пестрому ковру небольшой, уютной горенки.

Долго ли такъ ходилъ Порошинъ, улыбаясь предстоящему испытанію и думая о своей рѣшимости наблюдать,—этого онъ впослѣдствіи не помнилъ. Подойдя къ окну, онъ опять взглянулъ на площадь и потеръ глаза: площадь Трона какъ бы застлало туманомъ. Порошинъ присѣлъ на кушетку, склонилъ голову.—«Да что же это со мною?—мыслилъ онъ:—я какъ будто дремлю!»—Онъ почувствовалъ, что, одолѣвае-

мый неудержимой наклонностью заснуть, онъ ложится, протягиваетъ ноги и противъ воли дремлетъ, даже засыпаетъ.

...«Нѣтъ, чортъ возьми, не засну! не засну, ни за какія блага въ свѣтѣ!»—сказалъ себѣ Порошинъ, усиливаясь выбиться изъ сладкихъ, охватившихъ его грезъ, усиливаясь не покориться имъ и встать.

...Это ему какъ бы удалось...

Онъ вскочилъ и подошелъ къ окну. Что за чудо? Та же самая place или barrière du Trône, тѣ же колонны съ бюстами, фонтанъ и каштаны,—но какъ будто и не тѣ. Солнце било косыми, фантастическими, желтовато-розовыми лучами. Пахло опьяняющимъ запахомъ лилій, ландышей или акацій. Голова кружилась, какъ весной въ цвѣтущей теплицѣ. Улицы кипѣли народомъ. На балконахъ и въ окнахъ развѣвались веселые, причудливые флаги, знамена. Очевидно, былъ какой-то праздникъ. Осьми- и десяти-этажные дома были снизу до верху увѣшаны громадными хромолитографическими картинами, въ видѣ вывѣсокъ. Звуковъ подковъ и колесъ не было слышно. Страннаго вида экипажи, одноярусные, двухъ- и даже трехъ-ярусные омнибусы, кареты, красивыя съ зонтами долгуши и какіе-то паланкины, въ родѣ подвижныхъ бесѣдокъ, наполненные проѣзжавшею публикой, двигались среди залитой асфальтомъ площади,—какъ подумалъ Порошинъ,—на обитыхъ гуттаперчевыми шинами колесахъ и по гуттаперчевымъ рельсамъ, а главное—безъ помощи лошадей и пара.—«А! съ помощью сжатаго воздуха!—догадался Порошинъ: — и какая масса грамотныхъ, охотниковъ до чтенія новостей... Всѣ на крышахъ омнибусовъ, въ паланкинахъ и долгушахъ съ громадными листами газетъ». Ѣдущая публика снизу казалась, съ этими газетными листами, въ видѣ двигавшейся громадной нивы бѣлыхъ грибовъ... За площадью была видна часть новой городской стѣны, окружавшей Парижъ. Простымъ глазомъ можно было разсмотрѣть, что на этой стѣнѣ ходили, въ странныхъ, длинныхъ одеждахъ, вооруженные воины, а надъ ближайшей крѣпостной башней развѣвалось исполинское красное знамя, съ изображеніемъ желтаго дракона.

«Что за чепуха! драконъ! — подумалъ Порошинъ: — и откуда въ Парижѣ драконъ? точно во снѣ, а между тѣмъ, я вовсе уже не сплю».

Сгорая любопытствомъ, онъ осмотрѣлся, увидѣлъ, что и

на немъ одежда, походившая на одѣяніе уличной публики, поспѣшилъ отомкнуть дверь комнаты и спустился на улицу, такъ какъ наступалъ вечеръ и солнце готовилось зайти за башню съ знаменемъ.

Очутившись на асфальтовой, въ видѣ узорнаго паркета, мостовой, Порошинъ прежде всего убѣдился, что находится дѣйствительно среди тѣхъ же ему знакомыхъ парижанъ: бойкая французская рѣчь, веселые возгласы, шутки, азбука надписей на вывѣскахъ,—все убѣждало, что онъ въ самомъ дѣлѣ въ Парижѣ. Но какъ, съ кѣмъ и о чемъ ему заговорить? Вѣдь онъ изъ далекаго XIX вѣка, вѣдь люди XX вѣка сразу его распознаютъ, или просто, не понявъ, сочтутъ за сумасшедшаго, подозрительнаго, еще арестуютъ, запрутъ на всѣ семь дней въ тюрьму. Что у него съ ними общаго? И какъ эти новые люди встрѣтятъ его понятія, самые обороты мыслей, реченія, слова? «Надо спросить книжную лавку,— рѣшилъ на площади Порошинъ: — кабинетъ для чтенія, а еще лучше кафе-ресторанъ!» Тамъ онъ лично и безъ посторонняго пособія ознакомится съ текущими событіями, съ новостями того любопытнаго, неразгаданнаго дня... Но какого дня? Онъ заснулъ, или точнѣе — его стремились усыпить—въ среду, 15 августа 1868 года. Посмотримъ...

— «Нѣтъ! — сказалъ себѣ Порошинъ: — не стану ни о чемъ спрашивать, ни о книжныхъ лавкахъ, ни о кафе-ресторанѣ; самъ все найду».

Отыскавъ по близости кофейню, Порошинъ подошелъ къ столику, взялъ газету съ заголовкомъ: «Геній XX вѣка» и сталъ ее читать.

Чѣмъ далѣе онъ читалъ этотъ «Геній» и другія газеты, тѣмъ болѣе рябили въ его глазахъ разныя диковинки и чудеса: росписаніе подземныхъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, между Англіей и Франціей; экспедиція изъ всеславянскаго торговаго порта, Константинополя, въ срединное море Африки, искусственно устроенное на мѣстѣ бывшей песчаной Сахары, куда напустили воду изъ болѣе возвышеннаго Средиземнаго моря.

Въ одной изъ газетъ, въ передовой статьѣ, Порошинъ наткнулся на фразу: «Въ старые, незапамятные годы, послѣ низверженія династіи Бонапартовъ и, какъ извѣстно, во время правленія нынѣ угасшей династіи Гамбеттидовъ...»

Волосы шевельнулись на головѣ чтеца, и онъ боязливо оглянулся, не увидѣлъ бы его за чтеніемъ такихъ ужасовъ полицейскій сержантъ.

— «Ужели краснобай Гамбетта могъ дѣйствительно когда-нибудь смѣнить во Франціи династію Наполеонидовъ? — подумалъ Порошинъ: — но кто же теперь правитъ французами?» — Едва онъ это помыслилъ, какъ ему въ глаза попалась новая, болѣе загадочная фраза. Онъ обратилъ вниманіе на заголовокъ послѣдняго законодательнаго акта...

«Божьею милостью и по волѣ правительствующаго высокаго народа китайскаго, — мы, европейскіе министры его свѣтозарнаго величества, императора Китая и Богдыхана Европы, — по зрѣломъ обсужденіи въ мѣстныхъ и общемъ европейскомъ парламентахъ, постановили и постановляемъ...»

— «Какъ? китайцы? вотъ небывальщина! и откуда взялся въ Европѣ Богдыханъ? — спрашивалъ себя Порошинъ: — какъ бы это въ точности узнать? Спросить? Но кого? Меня какъ разъ сочтутъ за безумнаго, незнающаго такихъ, повидимому, общеизвѣстныхъ вещей, какъ исторія дня, обратятъ на меня вниманіе... Вотъ что... — обрадовался Порошинъ: — надо обратиться къ учебнику исторіи прошедшаго вѣка, или еще проще — купить календарь...»

Порошинъ подошелъ къ буфету, выпилъ рюмку какой-то спиртной специи, очень отдававшей шафраномъ и имбиремъ, и закусилъ тартинкой; послѣдняя тоже обратила на себя его вниманіе: оказалось, что это былъ ломтикъ хлѣба, съ приправой «птичьяго гнѣзда». Буфетчикъ и слуги были съ бритыми головами, длинными, заплетенными косами и въ черныхъ шелковыхъ, китайскихъ шапочкахъ. Посѣтители сидѣли съ опахалами; на головахъ военныхъ были широкополыя шляпы съ шариками и павлиньими перьями. Вездѣ отзывалось китайщиной, и это очень шло къ французамъ, какъ извѣстно, и въ былое время, въ XIX столѣтіи, бывшимъ великими охотниками до разныхъ «chinoiseries».

Найдя книжную лавку, Порошинъ купилъ и тамъ же сталъ читать календарь. То, что онъ узналъ изъ этого чтенія, привело его еще въ большее изумленіе.

Оказалось, что китайцы, которыхъ, по исторической статьѣ календаря, въ половинѣ XIX вѣка считалось около 300 милліоновъ, уже въ то время начинали смущать политико-экономовъ страшно-быстрымъ ростомъ своего народо-

населенія. Къ концу же XIX столѣтія китайцевъ считалось до 500 милліоновъ, т.-е. половина всего человѣчества, живущаго на землѣ. Наступилъ XX вѣкъ, и въ первую четверть этого новаго вѣка народонаселеніе Китая возросло до 700 милліоновъ. Жители Небесной имперіи, соперничая съ своими сосѣдями, японцами, переняли у Европы всѣ практическія познанія, въ особенности геніальныя техническія изобрѣтенія европейцевъ въ дѣлѣ войны. Они завели громадную сухопутную армію въ 5 милліоновъ солдатъ и исполинскій паровой флотъ въ сто мониторовъ и вдвое быстроходныхъ, гигантскихъ паровыхъ крейсеровъ. Покрывъ свою страну сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которыя у нихъ дошли до Западной Сибири и Афганистана, они сперва покорили и поглотили изнѣженную Японію, потомъ завоевали и обратили въ свои колоніи республику Соединенныхъ Штатовъ Америки, въ чемъ имъ помогла новая, истребительная междоусобная война Сѣверныхъ и Южныхъ Штатовъ, которою наполнилось начало XX вѣка, при постыдномъ соперничествѣ двухъ тогдашнихъ президентскихъ династій. Переселивъ въ завоеванную Америку избытокъ своего народа, тѣснившагося подъ конецъ, за недостаткомъ земли, на пловучихъ и свайныхъ постройкахъ ихъ рѣкъ и озеръ, китайцы обратили вниманіе на Европу. Они послали свой флотъ въ Атлантическій океанъ, гдѣ въ 1930 г. произошла колоссальная морская битва китайскихъ мониторовъ съ мониторами еще существовавшихъ тогда, самостоятельныхъ государствъ европейскаго материка, — Англіи, Франціи, Италіи и Германіи. Дѣло, по словамъ календаря, рѣшилось особыми подводными, китайскими «минами-пушками», которыя подплывали подъ килевыя части европейскихъ мониторовъ и, стрѣляя залпами бомбъ, начиненныхъ динамитомъ, взрывали и топили эти грозныя когда-то суда.

Европа въ 1930 году была завоевана Китаемъ...

Отдѣльныя, во время оно сильныя и славныя государства, Франція, Англія, Италія и Германія, поглотившія незадолго передъ тѣмъ рядъ второстепенныхъ странъ — Испанію, Австрію, Швецію и Данію, были въ свой чередъ поглощены и упразднены китайцами. Побѣдители прекратили ихъ самостоятельное существованіе и обратили ихъ, какъ и Америку, въ свою колонію. Явилась федеративная Европа, которой Богдыханъ, въ утѣшеніе туземныхъ уче-

ныхъ и публицистовъ, далъ названіе «Соединенныхъ Штатовъ Европы», подчиненныхъ китайскому императору. Самъ онъ съ тѣхъ поръ сталъ именоваться Богдыханомъ Европы, какъ нѣкогда англійская королева носила титутъ императрицы Индіи.

Порошинъ съ трепетомъ сталъ доискиваться, въ занимательномъ календарѣ, свѣдѣній о судьбахъ Россіи. Она, къ его утѣшенію, уцѣлѣла въ этой общей ломкѣ, вслѣдствіе своего дружескаго китайцамъ нейтралитета, который она объявила во время нашествія жителей Небесной имперіи на Европу, — въ отместку Англіи за Пальмерстона и его преемниковъ, Франціи—за Наполеонидовъ, Австріи—за ея вѣчныя измѣны и предательства, и Германіи—за Бисмарка. «прижимавшаго славянъ къ стѣнѣ...» «Досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ!»—радостно подумалъ Порошинъ, читая эти откровенія прошлаго...

Богдыханъ, за дружбу къ Россіи, давъ средство славянамъ окончательно изгнать турокъ въ Азію («вонъ до какого времени была эта возня!» — подумалъ Порошинъ) и образовать на Балканскомъ полуостровѣ отдѣльную славяно-греческую дунайскую имперію, дружественную Россіи, не мѣшалъ и русскимъ исполнить ихъ послѣдній, главный долгъ... Русскіе, какъ гласилъ календарь, благодаря желѣзной дорогѣ, устроенной отъ Урала до Хивы и новаго передового поста китайцевъ на западѣ, до Афганистана, разбили англичанъ въ Пешаверѣ, выгнали ихъ изъ Восточной Индіи и устроили третью россійскую столицу въ Калькуттѣ. Милости Богдыхана къ завоеванной Европѣ были, впрочемъ, неизреченны. Обложивъ европейскій, покоренный его войсками, материкъ тяжкою ежегодною данью — въ милліардъ франковъ—и обязанностью обработывать на своихъ фабрикахъ исключительно китайское сырье, Богдыханъ упразднилъ всѣ непроизводительныя европейскія арміи и флоты («вонъ когда лига мира дождалась исполненія своей грезы объ общемъ разоруженіи!» — не утерпѣлъ подумать Порошинъ). Замѣнивъ эти постоянныя войска сухопутною и морскою гражданскою «китайскою жандармеріей», китайцы окружили главныя столицы и города упраздненныхъ европейскихъ государствъ новыми китайскими крѣпостными стѣнами, снабдивъ ихъ своими гарнизонами и своими пушками, но за то они предоставили каждому изъ «Соединен-

ныхъ Штатовъ Европы» устраиваться, по былой американской системѣ, на свой особый ладъ,—безъ права носить и имѣть какое бы то ни было оружіе. Даже ножи и вилки исчезли изъ употребленія; всѣ въ Европѣ съ тѣхъ поръ ѣли, какъ въ Китаѣ, только ложками и палочками.

Германія при этомъ съ удовольствіемъ сохранила свой «юнкерскій ландтагъ», Италія — «папство», Англія — «палату лордовъ» и «майоратъ», Франція—сперва «коммуну», а потомъ «умѣренную республику» президентами которой, съ 1935 по 1968 годъ, были дѣятели съ разными громкими именами, между которыми Порошинъ насчиталъ пять Гамбеттъ и двѣнадцать Ротшильдовъ. По прекращеніи «династіи Гамбеттидовъ» (такъ и выразился календарь), Франція большею частью состояла подъ мѣстнымъ верховнымъ владычествомъ президентовъ-евреевъ изъ банкирскаго дома Ротшильдовъ. Перенесясь въ 1968 г., Порошинъ, слѣдовательно, засталъ французовъ подъ управленіемъ Ротшильда XII. Евреи-адмиралы въ это время командовали французскимъ флотомъ въ океанахъ, евреи-фельдмаршалы охраняли, во имя китайскаго повелителя, французскія границы, и евреи-министры, съ президентомъ въ пейсахъ и ермолкѣ, встрѣчали правящаго Европой Богдыхана, Ца-о-дзы, при недавнемъ тріумфальномъ посѣщеніи послѣднимъ Парижа, отчего и до сихъ поръ, вторую недѣлю, парижскія улицы и дома были увѣшаны флагами.

Французская республика, съ поры окончательной побѣды жителей Небесной имперіи, мирно и дружно ужилась съ китайскимъ богдыханствомъ. Прежде у французовъ имперія чередовалась съ республикой. Теперь у нихъ разомъ и рядомъ, къ общему удовольствію, были и та, и другая.

— «Вотъ почему на монетахъ, данныхъ мнѣ армяниномъ, — догадался Порошинъ: — съ одной стороны вычеканены «Liberté, égalité, fraternité» — и надпись «Французская Республика», а съ другой стороны — внушительная китайская бамбуковая палка».

Вышелъ Порошинъ изъ книжной лавки при вечернемъ освѣщеніи. Улицы и площади Парижа горѣли яркими, какъ дневной свѣтъ, электрическими солнцами. Проголодавшись онъ зашелъ въ громадный ресторанъ съ надписью «Столица міра—Пекинъ», гдѣ вся прислуга была одѣта китайцами. Онъ потребовалъ себѣ модныхъ блюдъ; ему подали жаре-

наго фазана и рисовой каши, которые онъ торопился ѣсть, чтобы не опоздать въ театръ. Но онъ замѣтилъ, что другіе посѣтители «Пекина», между ѣдой, брали со стола какія-то трубочки и подносили ихъ къ ушамъ. Онъ освѣдомился у гарсона,—что это? Ему отвѣтили: «телефонъ».

— Да въ чемъ же дѣло, не понимаю? (Тогда, въ 1868 г., еще не знали этого изобрѣтенія). Ему объяснили, что каждая изъ трубочекъ, лежащихъ на столѣ, была соединена проволокой съ различными театрами,—оперой, водевилемъ, концертною залой,—и что за небольшую, особую плату посѣтитель можетъ, кушая, въ то же время слѣдить за любой парижской и даже болѣе отдаленной сценой.

Порошинъ поднесъ къ уху первую попавшуюся трубочку: ему послышались аплодисменты, которыми публика встрѣчала какую-то актрису въ «Comédie Française». Онъ поднесъ къ уху другую трубочку: стали слышны заключительныя, нѣжныя рулады концертной аріи, исполнявшейся въ ту минуту въ оперѣ знаменитымъ кантонскимъ пѣвцомъ. Уходя изъ кафе, Порошинъ поднесъ къ уху третью изъ трубочекъ: ему послышалась рѣчь, въ какой-то аудиторіи, о превосходствѣ реальнаго элемента въ искусствѣ, а именно—объ окончательной замѣнѣ фотографіей всѣхъ родовъ живописи.

Такъ проспалъ Порошинъ въ Парижѣ, или, какъ ему несомнѣнно казалось, прожилъ семь условленныхъ, веселыхъ и беззаботныхъ дней будущаго тысяча девятьсотъ шестьдесятъ восьмого года.

Денегъ, взятыхъ Порошинымъ у армянина изъ XIX вѣка, оказалось вдоволь, потому что все, и въ тогдашнемъ Парижѣ, было сравнительно дешево.

Онъ посѣщалъ всевозможныя, особенно модныя увеселенія. Всѣ стремились въ громадный желѣзный и каменный, на манеръ древне-римскаго, Коллизей. Въ модѣ были звѣриныя травли, бой быковъ, борьба низшихъ человѣческихъ расъ съ тиграми и львами, конскія скачки съ невѣроятными препятствіями—черезъ пороховые погреба съ зажженными факелами, черезъ динамитныя батареи—и единоборство пѣтуховъ и крысъ. Все это производилось въ названномъ Коллизеѣ. Роль древнихъ гладіаторовъ-рабовъ исполняли въ борьбѣ съ дикими, пускаемыми на арену звѣрями, нарочно для этой цѣли привозимые изъ внутренней Африки, жители озера Ніанзе и Танганаки. Когда на аренѣ Кол-

лизея лилась звѣриная или людская кровь, парижскія дамы пили шампанское и бросали изъ ложъ побѣдителямъ роскошные букеты, которые во время оно бросались Патти и Дженни Линдъ.

Порошинъ отъ Коллизея переходилъ къ безчисленнымъ кафе-шантанамъ, отъ послѣднихъ къ пирушкамъ съ молодыми людьми, между которыми пріобрѣлъ много знакомыхъ. Удивляясь, что онъ сталъ способенъ къ этого рода забавамъ, онъ нерѣдко входилъ въ споры съ простодушными, всѣмъ и всегда довольными французами. Узнавъ, что Порошинъ русскій, парижане были съ нимъ особенно любезны. Онъ не стѣснялся въ бесѣдахъ съ ними.

— Да полно, какая же у васъ республика, когда вы покорены китайскимъ Богдыханомъ и, въ его декретахъ, именуетесь его рабами? гдѣ же ваша свобода?—спрашивалъ Порошинъ парижанъ.

— O, les chinois... ce sont nos meilleurs et bons amis...

— Но какіе же вамъ они друзья, когда вы съ прочею Европой имъ платите такую страшную дань, и ихъ знамя вѣетъ надъ стѣнами нѣкогда славнаго Парижа?

— За то мы избавились отъ царства адвокатовъ... Нѣтъ болѣе адвокатовъ, — говорили ликующіе парижане: — есть только прокуроры и милующій Богдыханъ...

Порошинъ узналъ, что правосудіе въ XX-мъ вѣкѣ очень упростилось. Давно замѣчая, что спиртные напитки и отчасти хлороформъ развязываютъ языкъ, тогдашніе ученые стали дѣлать остроумные опыты и изобрѣли особую жидкость, изъ которой добыли газъ, названный спирто-хлороформомъ или алколо-хлораломъ. Напуская этотъ газъ въ особую комнату, прокуроры силой вводили туда подозрѣваемыхъ и подсудимыхъ, и послѣдніе, надышавшись предательскимъ испареніемъ, теряли главное изъ чувствъ — силу воли, послѣ чего прямо диктовали стенографамъ все, чтò дѣлали и говорили, все, чтò у нихъ было въ сокровенныхъ помышленіяхъ. Съ тѣхъ поръ упразднились полицейскія дознанія, предварительныя и судебныя слѣдствія, очныя ставки, перекрестные допросы, доносы и отдѣленія явныхъ и тайныхъ сыщиковъ.

— Потомъ, извините, вы всегда кичились свободой и мягкостью вашихъ нравовъ, — допытывалъ французовъ Порошинъ:—а у васъ вонъ и теперь существуетъ казнь...

— Нельзя! — отвѣчали находчивые парижане: — каждый народъ имѣетъ право принимать мѣры въ огражденіе своей безопасности отъ преступниковъ и злодѣевъ!

— Но еще нелѣпость... Вы кичитесь республикой, равенствомъ, свободой, а у васъ, кромѣ китайскаго, общаго всѣмъ вамъ гнета, есть еще мѣстный, частный гнетъ... еврейскій! Кромѣ многихъ прежнихъ династій, вы проходите наконецъ черезъ династію израильскихъ президентовъ своей республики, Ротшильдовъ... Извините, но это — позоръ! Евреи возсѣдаютъ у васъ на тронѣ Генриха IV-го и Людовика XIV-го, банкиры, биржевики красуются въ креслахъ Робеспьера и Мирабо... Этого не представляла исторія даже такихъ торгашей, какъ англичане; у нихъ тоже были и есть свои Ротшильды, но тѣ у нихъ не шли и не идутъ дальше банкирскихъ конторъ и несгораемыхъ сундуковъ...

— Это мы сдѣлали поневолѣ.

— Какъ поневолѣ?

— Евреи съ началомъ нынѣшняго, XX-го вѣка, черезъ свои банкирскія конторы, завладѣли всею металлическою монетою въ мірѣ, всѣмъ золотомъ и серебромъ. Производя давленіе на биржѣ, они получили неотразимое вліяніе и на выборные классы великой, но завоеванной китайцами Франціи. За то при первомъ же президентѣ изъ дома Ротшильдовъ у насъ оказался финансовый рай: полное равновѣсіе прихода съ расходомъ въ бюджетѣ, устройство всѣхъ общественныхъ отправленій на акціонерный ладъ и окончательное введеніе удобныхъ бумажныхъ денегъ, вмѣсто металлическихъ...

— Но вы говорите, что Ротшильды взяли верхъ черезъ захватъ въ свои руки всѣхъ металловъ въ мірѣ?

— Да, золото всего міра перешло къ нимъ, они имъ и донынѣ владѣютъ, а намъ за него предоставили, въ видѣ векселей на себя, очень красиво отпечатанныя ассигнаціи. Это значительно удобнѣе, ихъ легко носить въ карманѣ. Золото любятъ у насъ носить одни, какъ вы, иностранцы.

— Вы упомянули также объ устройствѣ всѣхъ общественныхъ нуждъ на акціонерный ладъ.

— Точно такъ.

— Какъ это случилось?

— За примѣромъ не далеко ходить. Со вступленіемъ въ управленіе Ротшильдовъ исчезли окончательно въ домахъ лампы, печи и графины.

— Не понимаю, какъ это?—спросилъ Порошинъ:—развѣ измѣнился климатъ, пропала зима, солнце не заходитъ съ той поры и люди не нуждаются въ питьѣ?

— Вы недостаточно поняли меня, — отвѣтилъ французъ, съ улыбкой вглядываясь въ Порошина: — я говорю только, что печи, графины и лампы окончательно исчезли, съ мудрымъ президентствомъ Ротшильдовъ, не только у насъ, но полагаю и въ другихъ цивилизованныхъ городахъ. А что эти рѣдкости доброй старины дѣйствительно исчезли, это вамъ, вѣроятно, извѣстно.:. и вы ихъ теперь увидите развѣ только въ музеяхъ диковинокъ, прошлыхъ временъ...

Порошинъ боялся далѣе объ этомъ разспрашивать, чтобъ не возбудить подозрѣнія на свой счетъ. Онъ вскорѣ лично убѣдился, что каждый домъ и каждая комната въ новомъ Парижѣ получали тепло, свѣтъ и воду изъ общаго резервуара этихъ матеріаловъ, устроеннаго въ нѣсколькихъ километрахъ за городской стѣной.

Онъ взялъ духовой фіакръ, нарочно съѣздилъ и осмотрѣлъ это замѣчательное, монументальное зданіе, доставлявшее особыми проводниками для парижанъ электрическій свѣтъ—въ ихъ зданія и уличные фонари, воду—въ кухни, бани, умывальные столы и прямо въ прицѣпленные къ столамъ на гуттаперчевыхъ трубочкахъ стаканы и другіе сосуды, и тепло — въ каждый домъ, въ каждый обитаемый уголокъ. Все ограничивалось кранами: повернешь одинъ — въ комнатѣ засвѣтитъ яркая электрическая луна, повернешь другой — наливается сквозь мягкую трубочку въ сосуды вода, повернешь третій — въ холодной комнатѣ становится, по желанію, тепло и даже жарко.

Проводники этихъ снадобій управлялись особыми регуляторами, экранами, градусниками и другими измѣрителями для разсчета съ акціонернымъ обществомъ ихъ поставщиковъ.

Это любопытное «центральное водо-тепло- и свѣто-хранилище» Порошину показывалъ бойкій и говорливый привратникъ — «портье», хотя французъ, но съ итальянскимъ профилемъ лица, одѣтый въ цвѣтное китайское полукафтанье и съ длинною, щегольски-заплетенною, до пятъ, косой, по фамиліи Бонапартъ.

— Вы носите громкую фамилію?—спросилъ, смутившись, Порошинъ:—не происходите ли отъ былыхъ во власти Наполеонидовъ? Ихъ династія когда-то здѣсь правила...

— О, мосье! вы правы! — грустно отвѣтилъ, покуривая особую сигаретку съ примѣсью опіума, портье: — мало ли что было въ старину? Намъ, скромнымъ и вѣрнымъ слугамъ Богдыхана, нѣтъ дѣла до прошлаго этой счастливой страны... Вы, какъ иностранецъ, встрѣтите и гарсоновъ въ отеляхъ изъ этой же, нынѣ обѣднѣвшей фамиліи, и ветошниковъ, и продавцевъ каштановъ и газетъ. Это все мои дяди и кузены... Благодаря многоженству, много у каждаго изъ насъ, бѣдныхъ провинціаловъ, родныхъ.

— Какому многоженству? Развѣ во Франціи мормонизмъ?

— Не знаю, мосье, что вы хотите сказать этимъ мудренымъ и мнѣ непонятнымъ словомъ. Только многоженство даровано Франціи въ правленіе предпослѣдняго изъ мудрыхъ Ротшильдовъ, нынѣ правящихъ нами во имя пресвѣтлаго Богдыхана, — даровано въ награду за допущеніе этой геніальной банкирской расы ко всѣмъ тайнамъ нашей государственной казны.

— Но почему же Ротшильды васъ надѣлили именно этой наградой?

— А какъ же? — отвѣтилъ съ чопорностью ученаго знатока, самодовольный портье Бонапартъ: — у Авраама и прочихъ праотцевъ было по нѣсколько женъ. Ну, а введя іудейское исповѣданіе въ счастливой, процвѣтающей Франціи, наши новые правители рекомендовали и этотъ обычай.

— Такъ и еврейская вѣра введена у васъ?

— Если хотите, у насъ нѣтъ теперь ужъ никакой вѣры, — спокойно улыбнулся привратникъ: — китайцы на этотъ счетъ особенно покладливы и дали намъ полную свободу. Проповѣди у насъ замѣнены поучительными воскресными фельетонами министерскихъ газетъ, а большинство обрядовъ нотаріальными актами. Прибавилось только нотаріусовъ и ихъ писцовъ.

— Бракъ, однакоже, очевидно сохранился, если у васъ введено многоженство? — спросилъ Порошинъ: — какой, скажите, у васъ бракъ, гражданскій или тоже... китайскій, то-есть никакой?.. и на какіе сроки?

— Бракъ у насъ дѣйствительно китайскій, то-есть примѣненный, въ духѣ вѣка, къ формамъ юридическаго подержанія имущества, или найма прислуги, квартиръ, — на годъ, на мѣсяцъ и даже, для желающихъ, на болѣе короткіе сроки... О, мосье, китайцы — первые люди въ мірѣ.

...Порошинъ не замѣтилъ, какъ шли его минуты, часы и дни. Парижскіе новые нравы и особенно дамскіе наряды его повергали въ изумленіе. Парижанки носили неимовѣрные костюмы, или скорѣе ходили почти вовсе безъ костюмовъ. На улицахъ и въ гостяхъ Порошинъ на нихъ видѣлъ еще нѣкое подобіе легкихъ, широкихъ, въ китайскомъ вкусѣ, бурнусовъ, сандалій и шляпъ. Дома же и на театральныхъ сценахъ онѣ, вмѣсто одеждъ, какъ дикари, имѣли лишь красивые, убранные дорогими, искусственными каменьями пояса, да на ногахъ, рукахъ и шеяхъ — золотые, серебряные и аллюминіевые браслеты, кольца, запястья и ожерелья. Каждая только и дѣлала — купалась, душилась, заплетала волосы, кушала, посѣщала театры, звѣриныя травли и влюблялась...

Для Порошина, вообще сдержаннаго и неохотника до пустыхъ развлеченій и забавъ, начался рядъ такихъ эксцентрическихъ похожденій, такой душевной и сердечной суеты, что онъ самъ себѣ не вѣрилъ, удивляясь, откуда у него берется такая пустота и такой задоръ.

Кутежи съ уличными шелопаями, сидѣніе по цѣлымъ днямъ передъ бычачьими и пѣтушиными боями въ Коллизеѣ, ужины съ убранными въ браслеты и кольца красавицами, посѣщеніе мѣстныхъ палатъ и скачекъ на искусственныхъ, движимыхъ сжатымъ воздухомъ, лошадяхъ и прочія развлеченія до того замотали и вскружили голову Порошину, что онъ, и безъ того слабый здоровьемъ, окончательно выбился изъ силъ.

Онъ особенно потомъ помнилъ свой послѣдній день, проведенный въ 1968 году.

Въ этотъ послѣдній, роковой, седьмой день, въ послѣдніе часы, минуты и секунды, передъ условнымъ досаднымъ пробужденіемъ, Порошинъ, — какъ онъ это ясно вспоминалъ впослѣдствіи, — бѣшенно и злобно хохоча въ глаза какому-то французскому академику, раздражительно-ѣдко повторялъ:

— Вы все изобрѣли и все выдумали! Надо вамъ отдать честь! Вы испытали и несете на себѣ иго евреевъ и китайцевъ, а летать по воздуху все-таки не сумѣли и не изобрѣли... Достигли этого, все-таки, русскіе, русскіе, русскіе!..

Озадаченный французскій академикъ только на него поглядывалъ.

— Притомъ... что у васъ за нравы, извините, и какой

цинизмъ во всемъ. Хоть бы эти костюмы у вашихъ женщинъ... ха-ха! Одни кольца, да запястья, какъ у дикарей...

— Но, позвольте,—вмѣшался французъ:—вы хоть и русскій, но развѣ и у васъ не введены такія же моды? Парижъ и теперь по этой части законодатель. Откуда же вы, что этого не знали и этому удивляетесь?

— Я съ крайняго сѣвера, изъ Колы,—смѣшавшись, продолжалъ Порошинъ:—да не въ томъ дѣло, хоть бы и у насъ вы ввели такую же распущенность! Далѣе... Вы въ конецъ убили дѣвственность и невинность невѣсты, — уничтожили святую роль матери. Всѣ женщины у васъ кокотки, да, кокотки! знаете это... древнее слово?

— Не слышалъ.

— У васъ во всемъ невообразимый, разнузданный и дикій произволъ страстей.

— Мы за то чужды предразсудковъ, — возразилъ съ достоинствомъ академикъ:—у насъ вездѣ поклоненіе природѣ, реальность.

— Это, пожалуй, забавно, но дико, дико до невозможности!—горячился и кричалъ на площади Трона Порошинъ, гдѣ происходилъ этотъ обмѣнъ его мыслей съ ученымъ:—у васъ полное паденіе искусствъ, поэзіи, живописи, музыки! Ваша живопись замѣнена китайщиной, безжизненной, сухой, ремесленной, всюду лѣзущей и все поглощающей фотографіей.

— За то дешево, схоже, какъ дважды два, съ природой, и избавляетъ отъ пестроты красокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—кричалъ Порошинъ: — фотографія — сколокъ одного, мелкаго и ничтожнаго момента природы; художественная живопись—могучее зеркало природы, въ ея полномъ и идеальномъ объемѣ!.. Потомъ музыка,— Богъ мой!—что у васъ за музыка! Вагнеровщина, доведенная до абсурда... слышали про Вагнера?

— Это что за имя? въ древности были Моцартъ, Бетховенъ, Россини,—о Вагнерѣ никто не знаетъ...

— Былъ такой чудакъ, дѣлавшій съ музыкой, какъ съ кроликами, опыты сто лѣтъ назадъ. Вы, теперешніе французы, развили его идеи и показали въ точности, въ какія трущобы насъ велъ этотъ и ему подобные борцы за музыку будущаго... Мелодія у васъ исчезла; ея больше нѣтъ и слѣда! Ни пѣсни, ни былаго, задушевнаго, чуднаго фран-

цузскаго романса, ни единой сносной музыкальной картины... Волны безсмысленныхъ тоновъ и звуковъ, безъ страсти и безъ выраженія, — хаосъ!.. Наконецъ, иду далѣе... куда вы дѣли драму, высокую комедію?

— Это что такое?—удивился академикъ-французъ.

— Вы замѣнили комедію и драму,—не стану вамъ объяснять ихъ значенія, если ихъ забыли теперешніе парижане!—съ грустью сказалъ Порошинъ: — вы замѣнили все это глупѣйшимъ, но реальнымъ водевилемъ, съ провальями и переодѣваньями, гнуснымъ сумбуромъ циническихъ, будничныхъ, уличныхъ сценъ, какъ замѣнили былую оперу шансонетными дивертисментами, да притомъ въ такое время, когда и всѣ-то ваши шансонетки сплошь лишены тѣни мелодіи, живого, задушевнаго мотива, наравнѣ со всею вашею музыкой...

— Мы, реалисты, васъ, къ сожалѣнію, совершенно не понимаемъ! — отозвались на площади нѣкоторые слушатели этого спора:—вы, мосье, точно вышли изъ какого-то допотопнаго архива, точно явились съ того свѣта, изъ отдаленной прадѣдовской старины.

— Да, вы правы! я жилъ и дышалъ инымъ вѣкомъ, иною эпохой! Я васъ не понимаю и отъ души сожалѣю! — произнесъ съ новою запальчивостью Порошинъ: — вы презираете все, что не ведетъ къ практической, обыденной, низменной пользѣ! Вы пренебрегаете идеями великаго философскаго цикла и дали развитіе одному—практическимъ, техническимъ, не идущимъ далѣе земли, наукамъ и ремесламъ. Вы отдали лучъ солнца за кусокъ удобренія, пѣсню вольнаго, поэтическаго соловья за мычаніе упитанной для убоя телушки, а Вольтера и Руссо, — вѣроятно, вы не забыли хоть именъ этихъ свѣтилъ вашей страны? — промѣняли на тупицу Либиха и другого тупицу, Вирхова. Надѣюсь, этихъ-то вашихъ апостоловъ вы отлично знаете и помните донынѣ?..

— Зато мы вѣрны природѣ!—повторилъ академикъ-французъ, закуривая у столика ресторана кальянъ съ опіумомъ.

— Зато васъ, свободныхъ французовъ, поколотили и завоевали китайцы, и поработили евреи, — съ бѣшенствомъ отвѣтилъ Порошинъ...

III.

Проказы духовъ.

Это было лѣтъ 10 тому назадъ, — разсказывалъ штабсъ-капитанъ Заруцкій:—я, въ качествѣ юнкера, долженъ былъ держать экзаменъ на офицерскій чинъ въ тверскомъ училищѣ. Пріѣхавъ въ Тверь, я долго искалъ квартиру. Мнѣ хотѣлось нанять одну-двѣ комнаты отъ жильцовъ, съ мебелью, чаемъ и со столомъ, чтобъ имѣть скромный свой уголъ, безъ толкотни и шума гостиницы.

Бродя по городу, я увидѣлъ въ отдаленной, глухой улицѣ небольшой деревянный двухъ-этажный домикъ съ билетиками на окнахъ второго этажа и нанялъ здѣсь двѣ комнаты, черезъ сѣни отъ хозяевъ квартиры. Хозяева оказались добродушными старичками, мужемъ и женой. Съ перваго же дня они окружили меня полнымъ вниманіемъ, заботливо содержали мои комнаты, одежду, бѣлье, отлично кормили и вообще ухаживали за мной, какъ за роднымъ. Возвращался я домой поздно, спалъ послѣ ученій и всякихъ служебныхъ занятій, какъ убитый.

Встрѣтя нѣкоторыхъ знакомыхъ въ Твери, я свободные вечера проводилъ у нихъ.

— Гдѣ вы наняли квартиру?—спросила меня одна тверская дама на одномъ изъ такихъ вечеровъ.

Я назвалъ улицу, домъ и квартирныхъ хозяевъ, Губаревыхъ.

— У Губаревыхъ?—произнесла дама:—и вы не боитесь?

— Чего же мнѣ бояться? Люди отличные, смотрятъ, какъ за роднымъ сыномъ,—отвѣтилъ я.

— Помилуйте... да эта квартира по мѣсяцамъ стоитъ незанята, все бѣлѣютъ въ окнахъ билетики...

— Ну, и что же? не сходятся цѣной, а я не торговался: улица тихая, поросла даже травой; ни пѣшихъ, ни проѣзжихъ,—весь день занимайся, читай, пиши, — никто не помѣшаетъ, не развлечетъ.

— Какъ не помѣшаетъ? Да развѣ вы не знаете, — сказала съ непритворнымъ ужасомъ дама: — въ этомъ домѣ и именно въ верхнемъ его этажѣ давно поселилось привидѣніе, не дающее покоя его жильцамъ. Оно ходитъ по ночамъ

безъ умолку по комнатамъ, двигаетъ мебелью, выпиваетъ воду, перекладываетъ съ мѣста на мѣсто разные предметы...

— Ну, крѣпко же я спалъ всѣ эти ночи, что не замѣтилъ этого,—сказалъ я съ улыбкой.

— Увѣряю васъ... клянусь, въ городѣ всѣ это знаютъ и избѣгаютъ губаревской квартиры...

— Деревянный домъ,—спросилъ я:—желтый, съ мезониномъ? Можетъ быть не та улица, не тотъ домъ?

— Именно Губаревыхъ... Одни мои знакомые, напуганные, взволнованные, едва убрались.

— Со мной шашка и револьверъ,—произнесъ я:—бояться нечего... Я постараюсь поладить съ этимъ привидѣніемъ.

Разговоръ съ тверской дамой, однако, произвелъ на меня впечатлѣніе.—«Вотъ провинція,—думалъ я:—непремѣнно что-нибудь сочинитъ, наплететъ, раздуетъ въ гору и сама потомъ волнуется собственными страхами! И откуда это взялось? Любопытно все-таки...»

Привидѣніе не выходило у меня изъ головы. Я не совсѣмъ спокойно пришелъ съ вечера, гдѣ это слышалъ, домой; втащился по скрипучей лѣстницѣ, позвонилъ. Хозяйка подала мнѣ свѣчу, проводила въ мои комнаты, осмотрѣла постель, поставила свѣжей воды въ графинѣ, спичекъ на столикъ у изголовья и, пожелавъ мнѣ, какъ всегда, спокойной ночи, ушла, забравъ для чистки мое платье и сапоги.

Я прошелъ въ туфляхъ въ сѣни, заперъ дверь на ключъ, раздѣлся и легъ, осмотрѣвъ предварительно всѣ закоулки въ обѣихъ моихъ комнатахъ, заглянулъ подъ мебель, за печку, въ шкапъ и комодъ и даже за оконныя занавѣски.

Въ то время печатался любопытный переводный англійскій романъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», мною начатый давно. Я взялъ книгу «Русскаго Вѣстника», прочелъ пять-шесть страницъ и, чувствуя дремоту, усталый отъ дневныхъ занятій, крѣпко уснулъ, отложивъ разогнутую книгу на столикъ у кровати. Помню, что, засыпая, я все думалъ: «Эка, наплели! и откуда взяться здѣсь привидѣнію, призракамъ? Въ этакомъ домишкѣ, и притомъ въ Твери! Добро бы гдѣ-нибудь въ Шотландіи, въ замкѣ какомъ-нибудь, или въ Швейцарскихъ мрачныхъ горахъ... а то на антресоляхъ, у Губаревыхъ... въ улицѣ, гдѣ выросла трава, пасутся козы и не видать по днямъ человѣческаго лица»...

И вдругъ—слышу шелестъ, явственный шелестъ, у изголовья.

Я проснулся, сталъ прислушиваться. Въ полной тишинѣ, впотьмахъ, слышу, точно кто-либо шаритъ по столу, переворачиваетъ листы разогнутой книги журнала.

«Мыши!» — подумалъ я сперва, вспоминая, какъ стоялъ до моего прихода круглый, на одной ножкѣ, столикъ и какъ я его взялъ отъ стѣны и поставилъ у изголовья.—«Нѣтъ!— сказалъ я себѣ, размысливъ немного:—мыши не могли взобраться на столъ по гладкой ножкѣ, да еще потомъ взлѣсть изъ-подъ круглой доски наверхъ. А столикъ стоялъ, не касаясь ни ближней мебели, ни моей постели...»

Подождавъ нѣсколько минутъ, я опять услышалъ ясно-различаемый шелестъ переворачиванія листовъ книги, лежавшей на столѣ.

«Надо изловить, поймать»,—подумалъ я, изловчаясь тихо встать и зажечь спичку.

Приподнявшись на локтѣ, я медленно нащупалъ на столѣ спичечницу, взялъ ее въ руки и приготовился черкнуть спичку о края спичечницы. Въ эту минуту изумленный, потрясенный необычайнымъ явленіемъ мой слухъ явственно различалъ, какъ невидимая чья-то рука мѣрно переворачивала листъ за листомъ въ спокойно-лежавшей книгѣ.

«Да! это не мыши, не шутка чья-либо,—подумалъ я, прислушиваясь къ шороху на столѣ и готовясь увидѣть, откуда и кто протянулъ руку въ запертую комнату и трогалъ ею книгу:— любопытно увидѣть эту блѣдную руку блѣднаго призрака»...

Я нажалъ спичку, черкнулъ ею. Спичка вспыхнула, ярко освѣтивъ столъ, мою подушку и меня, сидѣвшаго въ одномъ бѣльѣ на постели.

Никого въ комнатѣ не было, и ничья рука не касалась книги. А между тѣмъ,—я это ясно видѣлъ и помню все до мелочей,—въ то мгновеніе, когда спичка вспыхнула, тронутый чьею-то незримою рукой, листъ перевертывался на моихъ глазахъ съ одной половины разогнутой книги на другую.

Спичка погасла. Я зажегъ свѣчу, обошелъ съ нею опять обѣ комнаты, отомкнулъ дверь въ сѣни, заглянулъ и туда, смотрѣлъ снова за печь, въ шкапъ и комодъ, подъ мебель и за занавѣски, — никого въ комнатахъ не было, и вездѣ была полная тишина.

Легъ я опять и нѣкоторое время не тушилъ свѣчи, курилъ для развлеченія себя, осматривалъ книгу, столикъ; наконецъ, еще далѣе отставилъ послѣдній отъ кровати,

снялъ съ него все, кромѣ книги, разогнутой, какъ прежде, пополамъ, и сталъ слѣдить. Листы, пока горѣла свѣча, не перевертывались. Замѣтивъ послѣднюю открытую страницу книги, я задулъ свѣчу, укуталъ голову въ одѣяло и старался заснуть. Прошло съ полчаса, я заснулъ. Сплю и думаю: «Ну, это мнѣ все казалось; вѣроятно, теченіе воздуха, — упругіе, разогнутые листы книги сами собой поднимались и съ шелестомъ ложились на другую сторону книги...»

Меня вдругъ опять, какъ варомъ обдало. Я былъ разбуженъ явственнымъ шелестомъ быстро и будто нетерпѣливо перебираемыхъ листовъ. И въ то же время мнѣ почудилось, что въ другомъ углу комнаты, на этажеркѣ, кто-то тронулъ графинъ и, будто наливая изъ него воду, зазвенѣлъ имъ о стаканъ...

«Не доставало еще этой чертовщины!—мыслилъ я съ досадой, стараясь ничего не слышать и ни на что не обращать вниманія:—не встану, буду терпѣть, буду спать».

Сонъ охватилъ меня, подъ новый шелестъ листовъ и новое постукиванье графина о стаканъ, изъ котораго, очевидно, пили.

Утромъ я проснулся съ первымъ солнечнымъ лучемъ. Очнувшись и собравшись съ мыслями, я прежде всего бросился къ книгѣ,—посмотрѣлъ число, выставленное на верхней замѣченной мною страницѣ. Вмѣсто цифры, какъ теперь помню, 177-й, на верху книги была 219-я страница; невидимая рука перевернула, пока я спалъ,—ровно сорокъ двѣ страницы, то есть двадцать одинъ листъ... Двадцать одинъ разъ пальцы привидѣнія прикасались къ книгѣ!

Но каково было мое вторичное изумленіе, когда я подошелъ къ этажеркѣ и взглянулъ на графинъ, съ вечера наполненный и при мнѣ поставленный хозяйкой: онъ былъ пустъ... Призракъ выпилъ его до дна...

— Да вы, можетъ-быть, не перемѣняли воду?—спросилъ я хозяйку, хватаясь за это предположеніе, какъ за якорь спасенія.

— Именно, сударь, вы правы; извините, я забыла перемѣнить... Вода у насъ, впрочемъ, хорошая; вы, вѣроятно, сами изволили ее выпить... жажда-съ...

Я остолбенѣлъ.

— Вотъ и судите... заключилъ Заруцкій:—какъ это объяснить? Отлично помню, что хозяйка перемѣняла воду и что я ночью не прикасался къ графину. Кто же трогалъ книгу и выпилъ воду?

IV.

Призраки.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—сказала одна изъ нашихъ собесѣдницъ:—въ Петербургѣ умерла старушка, моя родственница, тяжело хворавшая уже нѣсколько времени. Сестра моей родственницы, жившая на другомъ концѣ города и уже дня два не видавшая ее, вспомнила о ней въ ту минуту, когда ложилась спать. Рѣшивъ на утро навѣстить больную сестру, она потушила свѣчу и ужъ начала засыпать.

Вдругъ видитъ, при свѣтѣ теплившейся лампады, что изъ-за ширмы, стоявшей передъ ея кроватью, выглядываетъ голова ея сестры.

Эту голову, это лицо сестры моя родственница видѣла совершенно отчетливо и тотчасъ ее окликнула, удивляясь ея столь позднему, при нездоровьи, посѣщенію.

Отвѣта, однако, не послѣдовало, и голова, высунувшись изъ-за ширмы, черезъ нѣсколько секундъ исчезла...

Полагая, что такой поздній и поспѣшный заѣздъ вызванъ какимъ-нибудь чрезвычайнымъ происшествіемъ въ семьѣ больной сестры, моя родственница вскочила съ постели, вышла за ширму, но ни тамъ, ни въ другихъ комнатахъ никого не было...

Дама, о которой я говорю, была женщина очень образованная, вовсе не суевѣрная и отличалась скорѣе недостаткомъ, чѣмъ избыткомъ впечатлительности и воображенія.

Послѣ перваго впечатлѣнія отъ таинственнаго заѣзда больной сестры, она старалась себѣ объяснить этотъ случай сномъ, предполагая, что сестра ей пригрезилась, подъ вліяніемъ безпокойной, предсонной думы о ней.

Она не разбудила никого, снова легла въ постель и спокойно проспала остальную часть ночи.

Но каково же было ея удивленіе, когда рано утромъ ее разбудили роковымъ извѣстіемъ, что ея сестра умерла въ ту ночь и, какъ оказалось, въ тотъ самый часъ, когда она видѣла ея лицо, выглянувшее изъ-за ширмы!..

— Другой случай былъ въ Тифлисѣ и съ вашею покорною слугой. Я тогда была дѣвочкой лѣтъ шести-семи. Пріѣхала я въ Тифлисъ съ матерью, старшею сестрой, слугою и горничной. Мы остановились во второмъ этажѣ тамошней извѣстной гостиницы; отвели намъ нѣсколько комнатъ съ балкономъ на улицу. Въ первую же ночь, проведенную нами на кое-какъ устроенныхъ постеляхъ, среди раскрытыхъ чемодановъ и сундуковъ, случилось событіе, сильно напугавшее меня.

Я спала на одной кровати съ сестрой, дѣвушкой лѣтъ семнадцати. Помню, что меня разбудилъ сдержанный, но тревожный разговоръ горничной съ сестрой.

— Ахъ, барышня, не могу глазъ сомкнуть, — говорила горничная:—на балконѣ ходитъ что-то страшное, рогатое... Еще съ вечера нижніе жильцы увѣряли, что оно ночью непремѣнно заглядываетъ въ окно...

— Да гдѣ-жъ оно, гдѣ?—шептала въ ужасѣ сестра.

— Постойте, слышите? топчется по балкону ногами... слышите? вотъ опять шаги, подходитъ...

— Да откуда же подходитъ? балконъ высоко надъ землей.

— Ай! — вскрикнула моя сестра, упавъ на подушку: — рогà, рогà...

Какъ я ни была мала и труслива, я подняла голову изъ-за дрожавшей сестры, взглянула и обмерла: съ надворья, въ блѣдныхъ сумеркахъ, ясно обозначилось нѣчто косматое, съ рогами, приникшее къ окну и будто смотрѣвшее, чтò дѣлается въ комнатѣ. Я также упала носомъ въ подушку и ну—плакать.

Проснулась матушка, разбудили лакея. Едва нашли ключъ, отдали его лакею и тотъ изъ сосѣдней комнаты, имѣвшей также выходъ на балконъ, отперъ стеклянную дверь, вышелъ наружу, осмотрѣлъ балконъ: тамъ ничего не было.

Но мы, т.-е. я съ сестрой и горничная, отлично видѣли привидѣніе—косматое, страшное и съ рогами.

Ночь провели безъ сна. На утро давай соображать, что бы это было? Слуга ходилъ къ хозяевамъ, къ нижнимъ жильцамъ, которые передъ нами стояли наверху, въ нашихъ комнатахъ, и перешли внизъ, изъ-за того же привидѣнія. Онъ разспрашивалъ ихъ, но ничего не добился. Хозяева увѣряли, что это пустяки, что намъ такъ показалось. Другихъ свободныхъ комнатъ не было, и мы поневолѣ остались

въ тѣхъ же, но приняли мѣры осторожности. Ключъ отъ балконной двери матушка положила себѣ подъ подушку, чтобъ имѣть его всегда наготовѣ. Осмотрѣли тщательно балконъ, висѣвшій надъ улицей, — оказалось, что къ нему даже не подходила водосточная труба,—осмотрѣли всѣ смежныя двери, окна, комнаты, и легли спать.

Слуга заперся отъ коридора гостиницы, мы заперлись отъ комнаты, гдѣ спалъ слуга. Горничная взлѣзла на высокую лежанку, за печью, обставилась еще стульями. Поговоривъ немного, мы погасили свѣчи и уснули...

И опять слышимъ топотъ. Я очнулась первая, взглянула въ направленіи оконъ и взвизгнула не своимъ голосомъ. Всѣ вскочили, дрожимъ отъ ужаса: по балкону снова ходитъ чудище; длинные, какъ на рисункахъ о страшномъ судѣ, загнутые надъ мохнатымъ лбомъ, бѣсовскіе рога шевелятся за окномъ, и два глаза пристально смотрятъ сквозь стекло въ комнату.

Слуга также проснулся.

— Барыня, ключъ, скорѣе ключъ!—шепталъ онъ за дверью.

Мы подали ему ключъ.

Онъ изловчился, быстро отперъ дверь, — съ балкона на крышу дома, бывшую надъ нимъ невысоко, спрыгнуло что-то мохнатое, легкое, какъ вѣтеръ...

Утромъ слуга добился, въ чемъ дѣло.

Оказалось, что этотъ страшный тифлисскій призракъ былъ козелъ; онъ являлся съ сосѣдняго двора, сѣновалъ котораго былъ на склонѣ горы, какъ разъ въ уровень съ крышей гостиницы. Покушавъ сѣна, козелъ имѣлъ обычай вскакивать въ слуховое окно сѣновала и странствовать по окрестнымъ крышамъ, крыльцамъ и балконамъ. Передъ тѣмъ въ нашихъ комнатахъ,—до насъ и нижнихъ жильцовъ,—долго жилъ какой-то одинокій постоялецъ. Онъ имѣлъ обычай пить по ночамъ чай у окна и, замѣтивъ спрыгнувшаго съ крыши на балконъ козла, давалъ ему сухарей и молока. Козелъ привыкъ къ нему и каждую ночь получалъ свою порцію. А когда этотъ жилецъ уѣхалъ, козелъ, продолжая свои посѣщенія, сперва напугалъ и заставилъ втихомолку спуститься внизъ жильцовъ, занимавшихъ наши комнаты, а потомъ напугалъ и насъ...

Въ Николаевѣ стояли въ небольшомъ, одноэтажномъ до-

микѣ, два офицера. Сидѣли они вечеромъ, однажды, у окна. Была зима. Свѣтилъ полный мѣсяцъ. Бесѣда пріятелей смолкла, они задумались, куря папиросы. Вдругъ слышатъ, съ надворья кто-то стукнулъ въ наружную раму... разъ, другой и третій. Переглянулись они, ждутъ. Минуты три спустя, опять незримая рука постучала въ окно. Одинъ изъ нихъ выбѣжалъ на крыльцо, обошелъ уголъ дома, — никого нѣтъ. Домъ былъ на краю города и выходилъ на обширный, ярко-освѣщенный луною пустырь. Потолковали пріятели и рѣшили, что это имъ такъ показалось, или что дрожало отъ движенія воздуха стекло старой двойной рамы,—хотя ночь была тихая, безъ малѣйшаго вѣтра. На вторую ночь повторилась та же исторія, на третью снова. Это вывело офицеровъ изъ терпѣнія. Осмотрѣвъ днемъ окрестные дворы, овраги и площадь, они рѣшились выслѣдить, что̀ это за чудо? — Ночью одинъ сѣлъ съ папироскою у окна, другой, одѣвшись въ шубу, спрятался въ тѣни у сосѣдняго забора. Долго ли сидѣлъ онъ—послѣдній не помнилъ,—только опять раздался стукъ, явственное дребезжаніе наружной оконной рамы. Сторожившій подъ заборомъ офицеръ бросился къ дому,—изъ-подъ оконнаго притолка выскочила какая-то тѣнь... Ночь на этотъ разъ была нѣсколько мглистая; мѣсяцъ то и дѣло прятался въ налетавшія облака. Тѣнь кинулась бѣжать по площади; офицеръ за нею,—далѣе, далѣе,—вотъ-вотъ настигаетъ. Добѣжали они до какого-то оврага. У оврага—стоитъ запряженный въ сани конь. Тѣнь бросилась въ сани, офицеръ ее за полу и, тоже въ сани. Лошадь помчалась.—Зачѣмъ ты насъ пугалъ?—спрашиваетъ офицеръ.—Тѣнь молчитъ.—Говори, говори!—присталъ офицеръ, теребя незнакомаго и стараясь вырвать у него вожжи... Но сани нечаянно, или благодаря возницѣ, раскатились, и офицеръ вывалился, среди пустыннаго, занесеннаго снѣгомъ взгорья. Онъ едва нашелъ дорогу и возвратился домой къ утру, съ трудомъ выбравшись изъ овраговъ, куда его завезла незнакомая, ускользнувшая отъ него тѣнь.

V

Таинственная свѣча.

Нѣкто Кирилловъ, будучи командированъ въ приволжскія губерніи, ѣхалъ туда съ своимъ секретаремъ. Надо было свернуть съ большого почтоваго тракта на проселокъ. Кирилловъ ѣхалъ въ собственной коляскѣ, по фельдъегерской подорожной и открытому листу. Дѣло было спѣшное и нетерпящее отлагательствъ. Проселочный путь оказался очень удобнымъ. Погода была передъ тѣмъ сухая. Стоялъ превосходный, весь въ зелени и цвѣтахъ, оглашаемый птичьими свистами, май. Но едва странники проѣхали верстъ полтораста, мѣняя въ волостяхъ обывательскихъ лошадей, небо заволокло тучами, стало пасмурно, и пошелъ теплый тихій дождь. Дорога мигомъ испортилась. До мѣста назначенія, небольшого уѣзднаго города, оставалось два-три перегона. Въ предпослѣдней волости дали Кириллову лошадей нехотя, уговаривая его переждать, пока просохнетъ. Онъ на это не могъ согласиться. Лошади пристали. Едва сдѣлавъ съ обѣда до вечера верстъ десять-пятнадцать, коляска насилу втащилась въ какую-то разбросанную, заросшую садами, деревню и остановилась въ околицѣ: ни взадъ, ни впередъ.

— Переночевали бы, ваше превосходительство,—сказалъ обывательскій ямщикъ: — до Терновки еще семь верстъ, а лошади не довезутъ.

— Какая это деревня?

— Дубки.

— Государственныхъ крестьянъ?

— Вольная.

— Расправа есть?

— Есть-то есть, да нѣту-ти лошадей. Тутошніе все гоняютъ на ночь въ луга. А пока за ними сходятъ, настанетъ и ночь. Эвоси, и солнышко заходитъ.

— Гдѣ же тутъ перебыть?

— Въ постояломъ развѣ... да нѣтъ, баринъ, тамъ кабакъ, — ужъ не знаю, куда васъ и вести. Мужики всѣ въ отхожихъ работахъ, остались почитай однѣ бабы.

— Да вонъ же у васъ церковь,—отозвался секретарь:— значитъ, есть священникъ.

— Есть,—отвѣтилъ ямщикъ.

— Ну, вези къ батюшкѣ.

Подъѣхали къ дому священника, на обширной, поросшей травой площади. Священникъ оказался вдовцомъ, лѣтъ пятидесяти, очень серьезнымъ, благообразнымъ и радушнымъ человѣкомъ.

Узнавъ, что гость его важный въ столичной іерархіи чиновникъ, онъ удвоилъ къ нему вниманіе, предложилъ странникамъ чаю, ужинъ и собственную опочивальню.

Кирилловъ съ секретаремъ напились чаю и закусили на воздухѣ, на крыльцѣ попова домика, выходившаго окнами противъ церкви. Дождь пересталъ, и хотя небо еще было заволочено тучками, или скорѣе туманомъ, на дворѣ было тепло и такъ тихо, что слышался говоръ отдаленныхъ переулковъ, гдѣ засыпала, съ быстро-наставшими сумерками, наморившаяся за день деревня. Гости и хозяинъ засидѣлись долго у столика, накрытаго бѣлой скатертью и уставленнаго скромнымъ угощеніемъ сельскаго священника.

— Что у васъ такая маленькая церковь? — спросилъ Кирилловъ:—точно вросла въ землю и даже будто покачнулась.

— Древній храмъ, очень древній, — отвѣчалъ священникъ: — еще при моемъ прадѣдѣ лажена, а при дѣдѣ достроена... Мхомъ поросла, и колокольня точно какъ бы наклонилась маленько, но еще держится.

— Что же, мало средствъ, нечѣмъ обновить?

— Народъ здѣсь смирный, свободный, какъ воздухъ,— ну, и не тѣмъ занятъ. А церковь древняя и строили ее древніе, благочестивые люди...

Поговорили еще гости, поблагодарили хозяина за хлѣбъ-соль и, распорядясь насчетъ дальнѣйшаго съ утромъ пути, ушли спать. Комната, гдѣ имъ предложили ночлегъ, выходила окнами на площадь. Священникъ легъ въ чистой пріемной, смежной съ этой комнатой.

Боясь простудиться, Кирилловъ легъ, не открывъ окна, и потому отъ духоты долго не могъ заснуть.

Постель священника, на которой онъ расположился спать, была у стѣны противъ оконъ; секретарь легъ на диванчикъ у двери. Свѣчу погасили и смолкли. Затихъ по сосѣдству и священникъ. На дворѣ еще болѣе стемнѣло.

Такъ лежалъ, ворочаясь и думая о разныхъ разностяхъ, Кирилловъ часъ или болѣе того. Обернувшись на постели къ окну, онъ сталъ всматриваться въ очеркъ церкви, неясно рисовавшейся въ сумеркахъ.

Ему показалось, что церковь слабо освѣщена...

«Вѣроятно, небо окончательно очистилось, и взошелъ мѣсяцъ за нашимъ домомъ, — подумалъ Кирилловъ: — лунные лучи и отражаются въ церковныхъ окнахъ».

Кирилловъ приподнялся на постели, вглядѣлся пристальнѣе. «Нѣтъ, это не лунные лучи!—сказалъ онъ себѣ:—всѣ окна подъ рядъ, но освѣщены только три лѣвыя, въ главной части церкви, а правыя, въ придѣлѣ, подъ колокольней, темны,—значитъ, церковь освѣщена изнутри».

Чѣмъ болѣе всматривался Кирилловъ, тѣмъ явственнѣе сталъ различать красноватый, мерцающій блескъ, отличный отъ блѣдныхъ лунныхъ лучей.

«Свѣча!—подумалъ онъ,—въ церкви зажжена свѣча! Либо тамъ воры, либо покойникъ... Но какая неосторожность — ставить на ночь у гроба, въ такой ветхой церкви, свѣчу!»

— Батюшка, а батюшка! — сказалъ Кирилловъ, помнившій, что священникъ шевелился въ сосѣдней комнатѣ, нѣсколько минутъ назадъ. Окликъ пришлось повторить.

— А? Что прикажете?—отозвался изъ-за двери проснувшійся хозяинъ.

— У васъ, батюшка, свѣтится въ церкви.

— Извините, тамъ темно, и ключи у меня.

— Да отчего же свѣтится? Не забыли-ль погасить какую свѣчку у образовъ? Была сегодня вечерня?

— Не было.

— Такъ не стоитъ ли тамъ покойникъ? — спросилъ Кирилловъ.

Священникъ повозился по полу ногами, очевидно, отыскивая башмаки. Черезъ минуту онъ появился, въ халатѣ, на порогѣ.

— Гдѣ свѣтится?—спросилъ онъ, глядя въ окно:—вотъ странно, въ церкви дѣйствительно покойникъ... его вынесли за часъ до вашего къ намъ прибытія... но только никто у образовъ, а тѣмъ паче у гроба, не зажигалъ свѣчи.

— Угодно ли, пойдемъ, стоитъ посмотрѣть,—сказалъ Кирилловъ, любопытствуя узнать, что это за странность.

Священникъ нехотя достал изъ-подъ подушки ключи.

Разбудили секретаря. Тотъ, узнавши, въ чемъ дѣло, въ особенности засуетился. «Чудеса, чудеса! — шепталъ онъ:— покойникъ... и свѣтится».

Гости и священникъ вышли на площадь. Три окна, явственно и безъ всякаго сомнѣнія были изнутри слабо освѣщены. Но едва любопытствующіе стали подходить къ церкви, свѣтъ внезапно погасъ.

— Намъ это показалось, — замѣтилъ священникъ: — никакого огня въ церкви быть не можетъ. Даромъ только, сударь, потревожились... помилуйте, у насъ очень строго насчетъ огня.

Кирилловъ ужъ повернулъ къ дому. Ему хотѣлось спать.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, — засуетился секретарь: — такъ этого оставлять бы не слѣдовало... осмотримъ церковь...

Дѣлать нечего. Священникъ, гремя ключами, отперъ церковную дверь. У секретаря нашлись спички. Зажгли стоявшій въ придѣлѣ, у порога, фонарь и вошли въ храмъ.

Церковь, какъ всѣ сельскія церкви: чистая, уютная. Пахнетъ ладаномъ. Посрединѣ, передъ алтаремъ, стоялъ гробъ съ покойникомъ, какимъ-то молодымъ, суровымъ и красивымъ работникомъ. Непокрытое лицо глядѣло спокойно, точно умершій заснулъ.

— Горячка-съ...—вскользь сказалъ священникъ, идя къ алтарю.

Кирилловъ и секретарь съ нимъ осмотрѣли алтарь, шкапъ съ ризами, поднимали покровъ алтаря, покровъ, накинутый на гробъ, всѣ углы главнаго и входного церковныхъ отдѣленій и даже приподнимали покровъ надъ небольшимъ аналоемъ, стоявшимъ у гроба.

Священникъ тѣмъ внимательнѣе осматривалъ церковь, что ему казалось всего правдоподобнѣе, какъ онъ потомъ говорилъ, искать, не притаился ли гдѣ воръ.

Еще потолковали, еще осмотрѣли церковь, поднявъ выше фонарь,—возвратились и снова легли спать.

Рѣшась болѣе не думать о видѣнномъ свѣтѣ, Кирилловъ обернулся къ стѣнѣ, но еще мелькомъ взглянулъ съ постели на церковь, и на этотъ разъ ея окна были темны.

Прошло съ часъ или болѣе. Кирилловъ хорошо помнилъ, что онъ спалъ и, какъ ему казалось, спали и другіе. «Этакая чепуха иной разъ пойдетъ въ голову,—думалъ Кирил-

ловъ во снѣ:—да не одному, а всѣмъ троимъ; трое видѣли свѣтъ въ запертой церкви и, не пойди туда, сами не осмотри, на всю жизнь осталась бы легенда о заколдованной свѣчѣ»...

— «Ахъ, я простота!—вдругъ пришло на мысль опять пробудившемуся Кириллову:—ну, какъ я не догадался? да и священникъ хорошъ! Объясненіе прямое и весьма несложное... За церковью долженъ быть тотъ именно постоялый съ кабакомъ, куда намъ не совѣтовали заѣзжать... Ну, очевидное дѣло: на постояломъ еще не спятъ, окна его освѣщены и, просвѣчивая сквозь окна церкви, ввели насъ въ такое заблужденіе».

Съ этою мыслью Кирилловъ опять старался заснуть, соображая, какъ онъ утромъ пристыдитъ священника, забывшаго о такомъ обстоятельствѣ.

Въ это время Кириллову показалось, что его секретарь почему-то не спитъ. Какъ ужъ ему это показалось, онъ впослѣдствіи не могъ и объяснить: самъ онъ лежалъ лицомъ къ стѣнѣ, и въ комнатѣ была полная тишина.

Онъ снова медленно, задерживая дыханіе, приподнялся на локтѣ и тихо обернулъ голову въ комнату...

Секретарь сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ, спустивъ ноги на полъ съ дивана, и неподвижно, какъ бы въ оцѣпѣненіи, смотрѣлъ въ окна на площадь. На дворѣ окончательно стемнѣло, и на этомъ черномъ, ночномъ фонѣ еще неуловимѣе и мрачнѣе рисовалась ветхая, вросшая въ землю, церковь, съ покачнувшеюся на бокъ сквозною деревянною колокольней.

Кириллова обдало, какъ варомъ. Волосы шевельнулись на его головѣ...

Три лѣвыхъ окна церкви были снова, и ужъ теперь явственнѣе освѣщены изнутри...

— Что вы, Иванъ Семенычъ?—спросилъ Кирилловъ секретаря:—не спите?

Тотъ, не находя словъ на коснѣющемъ отъ волненія языкѣ, только показалъ рукой на церковь.

— Батюшка, а батюшка!—сказалъ Кирилловъ, ступя за порогъ комнаты, гдѣ спалъ священникъ: — вставайте, въ церкви опять огонь.

— Быть не можетъ, что вы!

— Вставайте, глядите.

Всѣ трое опять вышли на крыльцо. Церковь была видимо изнутри освѣщена.

— А постоялый? кабакъ по тотъ бокъ площади?—спросилъ Кирилловъ: — это его окна просвѣчиваютъ...

— Постоялый въ другомъ концѣ села, а за церковью — общественный, всегда запертый, хлѣбный магазинъ.

— Кругомъ обойдемъ, кругомъ, ваше превосходительство, — проговорилъ, наконецъ, онѣмѣвшій отъ волненія и страха секретарь.

Взяли фонарь и, его не зажигая, тихо, безъ малѣйшаго шороха, обошли кругомъ церковь. Всѣ зданія на площади были темны; въ окнахъ храма, при обходѣ священника и его гостей, ясно мерцалъ слабый, будто подвижный, огонекъ, погасшій мгновенно, едва они обошли церковь.

— Войдемъ, снова осмотримъ, — прошепталъ уже не съ прежней смѣлостью Кирилловъ:—нельзя же такъ оставить... или это общая намъ троимъ галлюцинація, или въ церкви, дѣйствительно, то вспыхивая, то угасая, горитъ незамѣченная нами, при первомъ осмотрѣ, свѣча... очевидно мѣшалъ ее разглядѣть свѣтъ фонаря.

— Войдемъ безъ онаго, — произнесъ робкимъ, дрожавшимъ голосомъ секретарь.

— Съ нами крестная сила!—сказалъ священникъ, снова отмыкая дверь.

Въ церкви было темно. Ни одна свѣча передъ алтаремъ и въ другихъ ея частяхъ не горѣла. Покойникъ лежалъ также неподвижно. Наверху только, на колокольнѣ, чирикая, возились воробьи, да взлетывали галки и голуби, очевидно чуя близкій разсвѣтъ.

— Это тамъ, это оттуда... бѣлый голубь, можетъ быть!— прошепталъ секретарь.

— Какой бѣлый голубь?—спросилъ священникъ.

— Да тотъ, котораго носятъ бѣсу на кладбище за неразмѣнный рубль! Иной разъ вырвется, бѣсы погонятся,— ни голубя, ни рубля...

— Стыдно, сударь, такое суевѣрство!—сказалъ священникъ, дрожащими руками зажигая въ сѣняхъ фонарь:— извольте идти на колокольню... осмотримъ, коли ваше желаніе, всѣхъ голубей, галочье и воробьевъ.

Кирилловъ предложилъ принять мѣры осторожности. Выходную дверь церкви заперли изнутри замкомъ и пошли по витой, узкой внутренней лѣсенкѣ на колокольню. Птицы, при блескѣ фонаря, шарахнулись и шумными стаями, цѣ-

пляясь о звонкіе края колоколовъ и о пыльныя стѣны, стали вылетать съ колокольной вышки.

— Ну, гдѣ же вашъ бѣлый голубь?—спросилъ священникъ, когда осмотрѣли колокольню:—а теперь, для ради достовѣрности, изслѣдуемъ снова и церковь.

Опять съ фонаремъ обошли алтарь, осмотрѣли шкапъ и всѣ углы, и поднимали покровы надъ алтаремъ и покойникомъ. Нигдѣ ничего, церковь пуста.

— А все сіе отъ безвѣрія,—началъ священникъ:—вотъ у васъ бѣлые голуби... а тамъ можетъ и еще какія праздныя сплетенія...

Онъ не договорилъ. Кириллову въ эту минуту вздумалось приподнять покровъ надъ небольшимъ аналоемъ, стоявшимъ у гроба. Этотъ аналой они ужъ въ первый приходъ осматривали.

Кирилловъ взялся за край покрова, приподнялъ его и окаменѣлъ. Секретарь вскрикнулъ. У священника изъ рукъ чуть не упалъ фонарь...

Что же они увидѣли?

Подъ покровомъ узкаго, невысокаго аналоя, съежившись, сидѣла худенькая, сморщенная, какъ грибъ, сѣдая, повязанная по лицу платкомъ, старушенка...

— Ты здѣсь чего?—спросилъ, первый опомнившись, священникъ...

— Зубъ, батюшка, зубъ совсѣмъ одолѣлъ!—проговорила старушка, хватаясь за обвязанную щеку.

— Ну, такъ что же, что зубъ?

— Люди это сказывали, научили,—отвѣчала, дрожа, старушенка:—возьми клещи и выдерни у покойника тотъ самый зубъ... и пройдетъ на вѣки вѣковъ...

— Такъ ты, Ѳедосѣевна, грабить покойника?

— Вотъ клещи и свѣчка,—отвѣтила, падая въ ноги священнику, Ѳедосѣевна:—не погуби, батюшка,—совсѣмъ одолѣлъ зубъ...

— Но гдѣ же ты была, какъ въ первое время мы приходили?

— На колокольнѣ пряталась. Не погуби, отецъ Савелій, нѣтъ житья отъ этого самаго, то есть кутнаго зуба.

— Ну, и выдернула у покойника?

— Крѣпонекъ больно... дергала, дергала—а тутъ страхъ... а тутъ, Господи, какой страхъ! и руки дрожатъ...

VI.

Прогулка домового.

Это было года два назадъ, въ концѣ зимы, — сказалъ Кольчугинъ:—я нанялъ въ Петербургѣ вечеромъ извозчика отъ Пяти-угловъ на Васильевскій островъ. Въ пути я разговорился съ возницей, въ виду того, что его добрый, рослый, вороной конь, при въѣздѣ на Дворцовый мостъ, уперся и началъ дѣлать съ санками круги.

— Что съ нимъ?—спросилъ я извозчика:—не перевернулъ бы саней...

— Не бойтесь, ваша милость,—отвѣтилъ извозчикъ, беря кони подъ уздцы и бережно его вводя на мостъ.

— Испорченъ видно?

— Да... нелегкая его возьми!

— Кто же испортилъ? видно мальчишки ваши ѣздили и не сберегли?

— Бѣсъ подшутилъ!—отвѣтилъ не въ шутку извозчикъ:— нечистая сила подшутила.

— Какъ бѣсъ? какая нечистая сила?

— Видите ли, все норовитъ влѣво съ моста, на аглицкую набережную.

— Ну? вѣрно на квартиру?

— Бѣсъ испортилъ, было навожденіе.

— Гдѣ?

— На аглицкой этой самой набережной.

Я сталъ разспрашивать, и извозчикъ, молодой парень, лѣтъ двадцати двухъ, русый, статный и толковый, передалъ мнѣ слѣдующее:

— Мѣсяцъ тому назадъ, въ концѣ масляной недѣли, я стоялъ съ этимъ самымъ конемъ на набережной, у второго дома за сенатомъ. Тамъ подъѣздъ банка, коли изволите знать... Вотъ я стою, нѣтъ сѣдоковъ; забился я въ санки подъ полость и задремалъ. Было два или три часа по-полуночи. Это я хорошо замѣтилъ, — слышно было, какъ на крѣпости били часы. Чувствую, кто-то толкаетъ меня за плечо; высунулъ изъ-подъ полости голову, вижу: парадный подъѣздъ банка отпертъ, на крыльцѣ стоитъ высокій, въ

богатой шубѣ, теплой шапкѣ и съ красной ленточкой на шеѣ, баринъ, изъ себя румяный и сѣдой, а у санокъ — швейцаръ съ фонаремъ.—Свободенъ?—спросилъ меня швейцаръ. — Свободенъ, отвѣтилъ я. — Баринъ сѣлъ въ сани и сказалъ:—На Волково кладбище. Привезъ я его къ оградѣ кладбища; баринъ вынулъ бумажникъ, бросилъ мнѣ безъ торгу на полость новую рублевую бумажку и прошелъ въ калитку ограды.—Прикажете ждать?—спросилъ я.—Завтра о ту же пору и тамъ же будь у сената.—Я уѣхалъ, а на слѣдующую ночь опять стоялъ на набережной у подъѣзда банка. И опять въ два часа ночи, засвѣтился подъѣздъ, вышелъ баринъ, и швейцаръ его подсадилъ въ сани. — Куда?—спрашиваю.— Туда же, на Волково.—Привезъ я и опять получилъ рубль... И такъ-то я возилъ этого барина мѣсяцъ. Присматривался, куда онъ уходитъ на кладбищѣ,— ничего не разобралъ... Какъ только подъѣдетъ, дежурный сторожъ сниметъ шапку, отворитъ ему калитку и пропуститъ; баринъ войдетъ за ограду, пройдетъ малость по дорогѣ къ церкви... и вдругъ—нѣтъ его! точно провалится между могилъ, или въ глазахъ такъ зарябитъ, будто станутъ запорошены.

— «Ну, да ладно!—думаю себѣ:—что бы онъ ни дѣлалъ тамъ, намъ какое дѣло? Деньги платитъ».—Сталъ я хозяину давать полныя выручки, три рубля не менѣе за день, а рубль-то прямо этотъ ночной пошелъ на свою прибыль. Хозяинъ мнѣ справилъ новый полушубокъ, да и домой матери я переслалъ больше двадцати пяти цѣлковыхъ на хозяйство. И лошади по нутру пришлось: то, бывало, маешься по закоулкамъ, ловишь, манишь позднихъ сѣдоковъ; а тутъ, какъ за полночь, прямо на эту самую набережную, къ сенату; лошадь поѣстъ овсеца, отдохнетъ, — хлопъ... и готовъ рубль - цѣлковый! И прямо отъ Волкова, по близости, на фатеру въ Ямскую...

Все бы шло хорошо; ни я барину ни словечка, ни онъ мнѣ. Да подмѣтили наши ребята, что хозяинъ ужъ больно мной доволенъ,—ну, приставать ко мнѣ.—Ѳедька съ бабой важной свѣдался, она балуетъ его, — стали толковать: — угости, съ тебя слѣдуетъ могарычъ.—Отчего же?—говорю:— пойдемъ въ трактиръ. — Угостилъ ребятъ. Выпили съ дюжину пива, развязались языки. Давай они допытывать, что̀ и какъ. Я имъ и разсказалъ. А въ трактирѣ сидѣлъ баринъ «изъ стрюцкихъ»—должно чиновникъ. Выслушалъ онъ

мои слова и говоритъ:—«Ты бы, извозчикъ, осторожнѣе; это ты возишь домового или просто сказать—бѣса... И ты его денегъ безъ креста теперь не бери; сперва перекрестись, а тогда и принимай».—Да какъ же узнать бѣса?—спрашиваю чиновника. — «А какъ будешь ѣхать противъ мѣсяца, погляди, падаетъ ли отъ того барина тѣнь?—Если есть тѣнь—человѣкъ, а безъ тѣни—бѣсъ...»

Смутилъ меня этотъ чиновникъ. Думаю: постой, сегодня же ночью все выведу на чистую воду. Сталъ я опять у банка. Вышелъ съ подъѣзда баринъ, и я его повезъ, какъ всегда; въ послѣднее время его ужъ и не спрашивалъ,—зналъ, куда везти...

Выѣхали мы отъ сената къ синоду, оттуда стали пересѣкать площадь у Конногвардейскаго бульвара. Съ бульвара ярко свѣтилъ мѣсяцъ. Я и давай изловчаться, чтобъ незамѣтно оглянуться влѣво, есть ли отъ барина тѣнь. И только что я думалъ оглянуться, онъ хвать меня за плечо... «Не хотѣлъ, говоритъ, по чести меня возить, больше возить не будешь; никогда не узнаешь, кто я такой...» Я такъ и обмеръ; думаю: ну, какъ онъ могъ узнать мои мысли? — Я отвѣчаю: ваше благородіе, не на васъ... «На меня, говоритъ: только помни, никогда тебѣ меня не узнать».

Дрожалъ я всю дорогу до Волкова отъ этакаго страха. Привезъ туда; баринъ опять бросилъ бумажку.—Прикажете завтра?—спрашиваю.—Не нужно, отвѣтилъ:—больше меня во вѣки не будешь возить...

Ушелъ онъ и исчезъ между могилами, какъ дымъ улетѣлъ куда-то.

Думаю: шутишь. Выѣхалъ я опять на слѣдующую ноч на набережную, простоялъ до утра,—никто съ подъѣзда н выходилъ. Вижу, дворники, метутъ банковскій тротуаръ; къ нимъ: — Кто, спрашиваю, тутъ живетъ?—Никого, отвѣчаютъ, нѣту здѣсь, кромѣ швейцара; утромъ приходятъ господа на службу, а къ обѣду расходятся; квартиръ ником нѣтъ. — Что за навожденіе? Выѣхалъ я на вторую ноч опять никого. Заѣхалъ съ Галерной къ дворнику, спраш ваю,—тотъ то же самое, — видно, говоритъ, тебѣ присн лось. Дождавшись утра, вышелъ швейцаръ,—я его сейча узналъ; спрашиваю, — онъ даже осерчалъ, чуть не гони въ шею: я тебя, говоритъ, никогда и не видѣлъ, провал вай—какіе тутъ жильцы! никто отсюда не выходилъ, и н

кого ты не возилъ, — все это тебѣ либо сдуру, либо со сна, а вѣрнѣе съ пьяна... Постоялъ я еще ночь, утромъ поѣхалъ на Волково, давай толковать съ сторожами; тамъ я примѣтилъ рыжаго одного, въ веснушкахъ,—всѣ отреклись, и рыжій: знать тебя не знаемъ, никого ты не привозилъ, и видимъ тебя впервое,—у насъ строго заказано, никого въ калитку по ночамъ на кладбище не пускаемъ... Такъ это и кончилось, съ той поры я не ѣзжу на аглицкую набережную, заработокъ этотъ прекратился,—одна бѣда—лошадь сноровилась и все ее тянетъ туда... Хозяинъ дуется, ребята прохода не даютъ; а что это за оказія была съ банковскимъ этимъ самымъ бариномъ, ума не приложу...

— И это все правда?

— Сущая правда! вотъ вамъ святой крестъ!—заключилъ разсказчикъ.

Такъ разсказывалъ извозчикъ. Я—на всякій случай, разсчитываясь съ нимъ,—замѣтилъ номеръ его бляхи и передалъ о его сообщеніи нѣкоторымъ изъ знакомыхъ, въ томъ числѣ одному писателю, — собираясь еще разъ отыскать этого извозчика и разспросить его подробнѣе,—между прочимъ съѣздить съ нимъ на кладбище и разспросить тамошнихъ сторожей. Меня, однако, предупредили. Одинъ изъ репортеровъ разсказалъ часть этой исторіи въ газетной замѣткѣ; а черезъ недѣлю по ея появленіи въ печати, ко мнѣ явился высшій членъ сыскной полиціи. Объяснивъ мнѣ, что слухъ объ извозчикѣ, возившемъ «банковскаго бѣса», обратилъ на себя вниманіе полицейскаго начальства, это лицо просило меня дать средство полиціи отыскать упомянутаго извозчика.—Но кто же вамъ сообщилъ обо мнѣ?—спросилъ я полицейскаго агента.—Тотъ улыбнулся:—Позвольте намъ быть на этотъ разъ всезнающими. — Я сообщилъ агенту номеръ бляхи извозчика, съ однимъ условіемъ, чтобъ мнѣ дали возможность ознакомиться съ окончательнымъ разъясненіемъ этого дѣла. Каково же было мое удивленіе, когда дня черезъ три меня увѣдомили, что извозчикъ найденъ, но отъ всего отперся, увѣряя, что газета, сообщившая вкратцѣ его разсказъ, все на него выдумала. Я поѣхалъ по письменному извѣщенію къ агенту, производившему это изслѣдованіе. Былъ призванъ извозчикъ. Послѣдній, разумѣется, меня не узналъ: онъ меня видѣлъ ночью, при томъ въ шубѣ и

шапкѣ, а теперь я былъ въ сюртукѣ. На новые разспросы полицейскаго агента при мнѣ, извозчикъ повторялъ одно: знать ничего не знаю, ничего такого не говорилъ, все выдумано на меня...

Признаюсь, я пришелъ въ немалое смущеніе. Бросалась тѣнь на мое собственное сообщеніе пріятелямъ. Мнѣ пришло въ голову попросить агента дать мнѣ остаться съ извозчикомъ наединѣ. Онъ согласился. Я прямо объявилъ извозчику, что я то лицо, которому онъ сообщилъ свой разсказъ. Извозчикъ сильно смѣшался.

— И не стыдно тебѣ запираться, врать?—сказалъ я:— теперь и я, черезъ тебя, выхожу лгуномъ.

Извозчикъ оглянулся по комнатѣ, замигалъ глазами.

— Ваше благородіе,—сказалъ онъ:—да какъ же мнѣ не отпираться? Меня какъ взяли, сейчасъ это на ночь въ арестантскую, паспортъ отобрали, выручку отобрали и еще побили...

— Кто побилъ?

— Анисимычъ и Николай Ѳедосѣевичъ.

— Кто это?

— Вахтера въ арестантской.

Меня возмутило это признаніе. Я позвалъ полицейскаго агента, сообщилъ ему жалобу извозчика и просилъ его при мнѣ, немедленно, возвратить извозчику паспортъ, выручку и уплатить его убытки за три дня ареста, прибавя что-либо и въ вознагражденіе за побои усердныхъ вахтеровъ. Все это было исполнено. Извозчикъ упалъ агенту въ ноги. — Все разскажу, какъ было, — объявилъ онъ и повѣдалъ слово въ слово все, что передавалъ сперва мнѣ о томъ, какъ онъ возилъ на Волково банковскаго бѣса...

По указаніямъ извозчика, было произведено дознаніе— какъ на подъѣздѣ банка, такъ и на Волковскомъ кладбищѣ. Швейцаръ банка и кладбищенскіе сторожа остались при прежнемъ отрицаніи всей этой исторіи. Такъ она и понынѣ ничѣмъ не разъяснена. Но я утверждаю одно: извозчикъ былъ слишкомъ простой и добродушный малый, чтобы выдумать свой фантастическій разсказъ. Онъ при нашемъ разставаньи прибавилъ только одно: должно быть,—сказалъ онъ,—въ томъ мѣстѣ погребенъ кто-нибудь безъ креста, оттого, сердечный, и мается, все ѣздитъ на кладбище къ остальнымъ покойникамъ, погребеннымъ, какъ слѣдъ, по вѣрѣ...

VII.

Старые башмаки.

(Итальянская легенда).

Дѣло было въ Италіи, наканунѣ великаго праздника. Бѣдный архивный чиновникъ, жившій на убогое жалованье, сидѣлъ въ раздумьи — дадутъ ли ему праздничное пособіе. Въ комнатѣ было холодно; онъ раздумывалъ, затопить ли ему каминъ? Надвинулись сумерки.

Въ его дверь постучались. Вошелъ плохо одѣтый старикъ, съ длинною, бѣлою бородой.

— Я бѣдный артистъ, — сказалъ онъ: — реставрирую старыя картины, при случаѣ; но работы у меня мало, и начинаетъ дрожать рука. Помогите чѣмъ-нибудь, и Господь да поможетъ вамъ счастливо провести съ вашими дѣтьми праздники, — заключилъ онъ съ кроткою улыбкой сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ еще горѣлъ отблескъ молодости.

— Жалѣю отъ души,—отвѣтилъ чиновникъ:—я такой же бѣднякъ, и у меня нѣтъ не только дѣтей, даже собаки. Едва перебиваюсь, платя за эту каморку въ четвертомъ этажѣ, за дрова, за освѣщеніе и за платье, обязанный одѣваться, какъ подобаетъ казенному архиваріусу. А пища! а подписка въ пользу товарищей! Идите къ богатымъ; крошки ихъ трапезы цѣннѣе нашихъ хлѣбовъ!

— Нѣтъ ли у васъ хоть пары старыхъ поношенныхъ башмаковъ? — произнесъ старикъ молящимъ голосомъ, протягивая руки.

— Нѣтъ! ровно ничего нѣтъ, что я могъ бы вамъ дать.

— Вѣрно вы не видите? Мои башмаки износились до невозможности, порыжѣли и пропускаютъ воду, какъ двѣ ветхихъ ладьи.

— У меня нѣтъ башмаковъ,—отвѣтилъ сухо чиновникъ.

— Простите съ миромъ! — сказалъ старикъ, склонивъ голову на грудь.

Онъ ушелъ, влача усталыя ноги. Чиновникъ заперъ за нимъ дверь и пожалъ плечами, какъ бы кому-то доказывая, что иначе онъ и не могъ поступить. «И въ самомъ дѣлѣ,— мыслилъ онъ:—будь у меня полонъ кошелекъ, я справилъ

бы себѣ новое верхнее платье». То, которое висѣло подъ шляпой на стѣнѣ, во многихъ мѣстахъ уже показывало свое внутреннее настроеніе. Разбитое стекло въ окнѣ было заслонено кускомъ пергамента съ готическими литерами.

А погода? Въ такую ли погоду подобало встрѣчать наступавшій великій праздникъ? Шелъ снѣгъ. Въ его падающихъ хлопьяхъ, казалось, виднѣлось лицо и бѣлая борода. «Снѣгъ! онъ согрѣваетъ бѣдняковъ-поденщиковъ, очищающихъ отъ него улицы; но было бы не худо, если бы, вмѣстѣ съ снѣгомъ, время отъ времени, съ неба падала бы пара башмаковъ».

Чтобъ высушить собственные, измокшіе башмаки, чиновникъ подложилъ щепокъ и зажегъ пару полѣнъ, припасенныхъ въ каминѣ. Его ноги были давно какъ два ледяныхъ обрубка. Онъ протянулъ ихъ къ огню, сложилъ руки на колѣни и задумался. Въ дымѣ затлѣвшихся полѣнъ ему опять повидѣлось скорбное и кроткое лицо стараго артиста, голосъ котораго, казалось, замеревъ, остался въ этой комнатѣ.—«Простите съ миромъ!»—сказалъ старикъ. «Съ миромъ!» — шепталъ кто-то спрятанный въ одеждѣ, висѣвшей на стѣнѣ. Чиновникъ обернулся и замеръ...

Кровать, накрытая краснымъ одѣяломъ, съ желтыми по немъ цвѣтами, заставила его вздрогнуть. Тягой воздуха въ каминъ край одѣяла колыхался. Подъ этимъ краемъ чиновникъ увидѣлъ другую пару своихъ башмаковъ, старыхъ и дѣйствительно «весьма поношенныхъ», но тщательно высушенныхъ, вычищенныхъ и приготовленныхъ еще съ утра подъ кроватью, въ ожиданіи завтрашняго праздника. Пара же совершенно новыхъ башмаковъ дымилась, сушась у огня, на ногахъ чиновника. Ушедшій бѣднякъ, очевидно, разглядѣлъ тѣ старые, запасные башмаки и позволилъ себѣ помечтать о нихъ, какъ хозяинъ башмаковъ, разъ въ годъ, обыкновенно мечталъ о праздничномъ пособіи, разсчитывая на доброе сердце министра, который, по всей вѣроятности, не подозрѣвалъ о его существованіи. И что же отвѣтилъ чиновникъ старику?—«У меня нѣтъ башмаковъ!» Но это ложь. Сказалъ ли онъ ее съ умысломъ или по забывчивости? Ужели съ умысломъ?

Край одѣяла къ сторонѣ двери опять колыхнулся, точно старые башмаки, стоявшіе подъ кроватью и также обращенные носками къ двери, хотѣли идти сами собой, прямо къ старому художнику. Жаль стало чиновнику, что онъ такъ отпустилъ старика. Слѣдовало бы ему отдать лишніе башмаки.

«Что ты? что ты?—произнесъ кто-то внутри его:—время сырое, а ноги всегда надо имѣть сухія. Надѣвай завтра старые, высушенные башмаки, сохраняй тѣло въ здравіи и теплѣ,—для чего иначе было бы и рождаться на свѣтъ?»

Съ этими мыслями, чиновникъ раздѣлся, легъ и заснулъ. Утромъ онъ проснулся бодрый, веселый; надѣлъ лучшее свое платье, высушенные старые башмаки и пошелъ къ обѣднѣ въ соборъ. Башмаки нѣсколько жали ему ноги, поскрипывая, точно новые башмаки первыхъ городскихъ щеголей, несмотря на то, что были «весьма поношены». Утро стояло туманное. Звонъ колоколовъ глухо раздавался по улицамъ. Въ соборѣ, на мраморномъ полу, старые башмаки такъ опять крякнули и заскрипѣли, что нѣкоторые изъ молящихся оглянулись на вошедшаго. Онъ забился за колонны, сталъ усердно повторять молитвы. И снова онъ замеръ... Тихими шагами, чуть шурша стоптанными, развалившимися башмаками, къ выходу изъ собора пробирался нищій старикъ. Въ полусвѣтѣ храма неясно рисовались его сгорбленный, тощій станъ, набожно, покорно сложенныя руки и бѣлая, длинная борода.

Первымъ чувствомъ чиновника было броситься къ узнанному имъ артисту. Но обѣдня еще не кончилась; органъ начиналъ гремѣть особенно торжественную пѣснь. При томъ, можно ли было мѣняться башмаками на ступеняхъ храма?

Обѣдня кончилась. Собираясь угостить себя вкуснымъ, праздничнымъ завтракомъ, чиновникъ направился къ площади фонтановъ, куда, какъ ему казалось, мелькнуло что-то бѣлое... Чиновникъ быстро шелъ къ площади. Въ одномъ мѣстѣ, въ грязи, смѣшанной съ снѣгомъ, онъ разглядѣлъ подошву стараго, порыжѣлаго башмака. Мальчикъ, шлепавшій по грязи навстрѣчу, поднялъ и подбросилъ ногой изъ лужи другую, кѣмъ-то оброненную подошву, у которой торчала еще и половина каблука. — «Нѣтъ, надо, во что бы то ни стало, найти старика и ему помочь!»—подумалъ чиновникъ. Ища бѣднаго, теперь босого художника, онъ долго ходилъ изъ улицы въ улицу, проголодался и рѣшилъ наконецъ закусить.

Чиновникъ вошелъ въ трактиръ, потребовалъ супу и дичи, жареной въ маслѣ, подъ прянымъ соусомъ,—отмѣнно вкусная роскошь, которую онъ себѣ позволялъ разъ въ годъ, — и оглянулся. Полуосвѣщенная комната, табачный дымъ, висѣвшій подъ сводомъ, и множество мрачныхъ людей, молча или чуть перешептываясь ѣвшихъ вкругъ маленькихъ

столовъ, — все это непріятно подѣйствовало на вошедшаго. Крѣпче закутавшись въ платье, чтобы скрыть отъ назойливыхъ взглядовъ свои часы, онъ сѣлъ на лавку, вглядываясь въ глубину комнаты, гдѣ въ догоравшемъ каминѣ дымился огромный котелъ, а надъ нимъ, съ шумовкой въ рукѣ, виднѣлся на стулѣ какой-то старикъ съ босыми ногами.

Принесли миску супа. Чиновникъ съ наслажденіемъ ее съѣлъ. Потъ выступилъ на его счастливомъ лицѣ. А пока онъ доѣдалъ бульонъ, макая въ него мякишъ хлѣба, старикъ, сидѣвшій у камина, казалось, строго поглядывалъ на него. Пламя вспыхнуло подъ котломъ: архиваріусъ въ его отблескѣ узналъ, казалось, снова стараго художника. Тотъ продолжалъ на него смотрѣть такъ пристально, что чиновникъ невольно опустилъ глаза. Но и сотня другихъ глазъ была устремлена на него изъ разныхъ угловъ подозрительнаго подвала.—«Пещера воровъ!»—пронеслось въ его мысляхъ. Старикъ поднялся, показавъ трактирщику изъ-за плеча пальцемъ на архиваріуса. Трактирщикъ усмѣхнулся, прошелъ въ кухню и вынесъ оттуда порцію заказаннаго фрикассе.

Дичь оказалась невозможно жесткою. «Боже мой! но развѣ это фрикассе! — мысленно вскрикнулъ чиновникъ:— это бифштексъ изъ желѣза, или даже еще хуже — кусокъ дерева въ соусѣ! Въ жизни не ѣлъ ничего подобнаго...» И онъ жевалъ, жевалъ, поворачивая языкомъ кусокъ жаренаго дерева и чувствуя, какъ судороги стягиваютъ его челюсти.

Странная мысль пришла ему въ голову: ему показалось, что онъ жуетъ, безъ надежды когда-нибудь проглотить то, что̀ жуетъ, облитую соусомъ подошву стараго художника, оброненную въ грязи, на улицѣ. И его зубы, при этой мысли, мгновенно почувствовали нѣчто особенно противное, нѣчто кожано-упорное, съ запахомъ дубильной кислоты и ваксы...

Старикъ, ступая мягкими, босыми ногами, прошелъ отъ камина къ выходу; то былъ вовсе не художникъ. Кошка трактирщика охотно доѣла брошенное ей фрикассе, казавшееся чиновнику то желѣзомъ, то деревомъ, то подошвой.

Вкусъ кожи, съ запахомъ ваксы «весьма поношенныхъ башмаковъ», надолго однако прилипъ къ языку архиваріуса. И нерѣдко потомъ, подавая начальнику архива какой-либо древній пергаментный свитокъ или глиняный слѣпокъ съ іероглифовъ, онъ задумывался, невольно поглядывая на свои всегда чистые и хорошо-наваксенные башмаки.

VIII.

Божьи дѣти.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ,—сказалъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ:—жилъ счастливый человѣкъ. Онъ обладалъ отличнымъ здоровьемъ, былъ среднихъ лѣтъ, весьма уменъ, образованъ, а главное—богатъ. Свое богатство онъ нажилъ собственнымъ трудомъ, умѣньемъ и бережливостью. Это богатство вскорѣ стало громаднымъ. Посторонніе и даже близкіе къ этому человѣку люди знали, что всѣ его обширныя, торговыя и заводскія дѣла идутъ необыкновенно успѣшно, но и не подозрѣвали обширности его богатства, хотя въ шутку между собою и называли его «индійскій Набобъ».

Набобъ былъ холостъ и, какъ большая часть людей, вышедшихъ изъ ничтожества, безъ рода и племени. Никто не зналъ его семьи; никто на его званыхъ обѣдахъ и вечерахъ, которые онъ изрѣдка давалъ своему кругу, не слышалъ отъ него о его отцѣ и матери, а на шуточныя замѣчанія близкихъ: «вамъ пора бы въ такой роскоши, въ такихъ палатахъ—завестись хозяйкой»,—онъ отвѣчалъ:—«вотъ еще подожду... не все кончено... дѣла на всѣхъ парахъ... и какія дѣла! успокоюсь,—тогда!»—«Не все кончено!—улыбались про себя пріятели:—это ловится еще милліончикъ! у богача желаніямъ нѣтъ конца, ихъ конецъ—одна могила!»

Набобъ, однакоже, задумалъ увѣнчать созидаемое имъ сокровище земныхъ благъ. Онъ затѣялъ себѣ устроить уединенный, для одного его доступный пріютъ отдохновенія отъ ежедневныхъ, неустанныхъ, сверхъ-человѣческихъ трудовъ на пользу начатой имъ исполинской наживы.

Это задуманное «тихое пристанище» была загородная, не вдали отъ столицы, гдѣ жилъ Набобъ, укромная дача. Рѣшено, сдѣлано. Среди дремучаго лѣса, между горъ и скалъ, въ часѣ ѣзды отъ шумнаго, торговаго города, былъ купленъ и расчищенъ небольшой участокъ земли, въ верстѣ отъ станціи желѣзной дороги. Путники, ѣдущіе изъ столицы на просторъ провинцій, въ глушь полей и деревень, не подозрѣвали, что за гребнемъ еловаго бора, у одной изъ подгородныхъ станцій, скрывался очаровательный домикъ сто-

личнаго Набоба. Здѣсь было все, чтобы успокоить и понѣжить усталый духъ и тѣло дѣлового хозяина, чтобы никто его здѣсь не потревожилъ и не развлекъ.

Домикъ, во вкусѣ англійскихъ охотничьихъ коттеджей, съ рѣзными украшеніями и башенками, былъ выстроенъ на пригоркѣ, надъ крошечнымъ озеромъ, въ которое впадалъ вѣчно гремучій, свѣтлый горный ключъ. У подножія былъ небольшой, наполненный всякими древесными дивами, садикъ. И все это—домъ, озеро и садъ—окружалось высокою, съ желѣзными иглами, чугунною рѣшеткой, черезъ которую никто не могъ перелѣзть. Лучшіе, старѣйшіе и преданнѣйшіе изъ городскихъ слугъ хозяина были здѣсь поставлены сторожами, одинъ—въ видѣ привратника, другой—въ видѣ дворецкаго, еще нѣсколько—въ видѣ ловчихъ. Пріученные громадные, сытые псы берегли дачу, у всѣхъ ея воротъ и калитокъ. И всѣ ворота, калитки и подъѣзды, сверхъ того, были съ особыми, потайными замками и постоянно на запорѣ.

Красивый, молодцоватый Набобъ, отдѣлавшись отъ городскихъ дѣлъ, подписавъ десятки дѣловыхъ бумагъ и телеграммъ и отпустивъ бухгалтера, кассира, секретаря и кучу просителей, надѣвалъ пальто, фуражку, бралъ зонтикъ, дорожный мѣшокъ, садился въ вагонъ, доѣзжалъ до станціи, шелъ оттуда пѣшкомъ, лѣсною тропинкой, къ дачѣ и входилъ наконецъ въ свое заповѣдное пристанище.

Его встрѣчали свѣтлыя, уютныя комнаты, устланныя коврами и уставленныя мягкою, роскошною мебелью. Красивые шкапы были полны книгъ, собранія гравюръ. На этажеркахъ и столахъ лежали со всего свѣта газеты и иллюстрированныя изданія. Окна были уставлены цвѣтущими растеніями. А изъ оконъ, залитыхъ солнцемъ, былъ видъ на озеро, садъ и окрестные, то голубые въ дальнемъ туманѣ, то зеленѣющіе лѣсами холмы и скалы. Нужно о чемъ-либо переговорить съ городомъ—домикъ, при особыхъ усиліяхъ, былъ соединенъ телеграфною проволокой со станціей, и самъ хозяинъ, нѣкогда, въ бѣдности, служившій телеграфистомъ, могъ сноситься депешами, съ кѣмъ надо. Сверхъ того, изъ дачнаго кабинета въ городскую квартиру былъ проведенъ телефонъ. Но ни по телеграфу, ни по телефону сюда не обращались. Хозяинъ разъ навсегда отдалъ городскимъ слугамъ приказъ: не безпокоить его на дачѣ, а всякое спѣшное дѣло оставлять до его возврата въ городъ.

Наслажденіе Набоба тишиною и прелестью его пріюта, въ особенности его укромнаго, никому, кромѣ его, не доступнаго сада, было истинное, полное. Онъ обходилъ дивные, издалека сюда перенесенные деревья и кусты, осматривалъ ихъ, приглядывался къ каждой, живописно очерченной вѣткѣ, къ каждому роскошному цвѣтку, обонялъ ихъ и любовался ими безъ конца. Въ кустахъ и къ вершинамъ деревъ были подвязаны искусственныя, приноровленныя къ птичьимъ породамъ, гнѣзда. Крылатое царство съ весны наполняло затишье сада, привольно здѣсь выводило дѣтей и, съ веселымъ щебетаніемъ, улетая въ горы и вольные лѣса, разносило всюду крылатую славу гордому своимъ пріютомъ хозяину.

Наступила новая весна. Снѣга растаяли, горные потоки сбѣжали въ долину. Лѣса и сады одѣлись зеленью. Стало тепло, зацвѣли кусты и травы. Птицы слетѣлись, суетливо принялись таскать новый хламъ и пухъ въ старыя, очищенныя гнѣзда.

Былъ теплый, безоблачный, майскій вечеръ. Набобъ подъѣхалъ съ гремящимъ и свистящимъ поѣздомъ, прошелъ знакомою тропинкой къ домику, сказалъ два-три ласковыхъ слова дачной прислугѣ, съ осени его невидавшей, бросилъ на столъ дорожный мѣшокъ, спросилъ, все ли благополучно, и ушелъ въ садъ, заперевъ за собою балконную дверь. Онъ не узналъ сада: такъ все здѣсь, казалось, съ новой весной, окрѣпло, разрослось и еще болѣе похорошѣло.

Но особенно онъ стремился взглянуть на одинъ родъ дорогихъ и рѣдкихъ лилій, выписанныхъ имъ откуда-то изъ-за моря, изъ Японіи или Австраліи. Такихъ лилій въ царствѣ, гдѣ жилъ Набобъ, еще никогда не видѣли и о нихъ не слыхали. Лиліи были небеснаго, голубого цвѣта, съ розовыми каймами, точно разрисованныя красками зари, и далеко отъ нихъ лилось тонкое, чарующее благоуханіе. Лиліи, посаженныя у озера, какъ разъ въ этотъ вечеръ, по разсчету хозяина, должны были расцвѣсти.

Набобъ прошелъ нѣсколько тропинокъ, усыпанныхъ то сѣрымъ, то оранжевымъ, то почти краснымъ пескомъ, присѣлъ на скамью, отеръ лицо, хотѣлъ вынуть и закурить сигару—и остановился.—«Нѣтъ,—подумалъ онъ:—тотъ запахъ лучше; не оскверню его табачнымъ дымомъ!» И онъ, потянувъ носомъ воздухъ, сталъ приглядываться, гдѣ его лиліи? Рабочіе, даже садовникъ изъ сада, по его приказанію, были усланы заранѣе. Солнце скрылось за горой; въ вечер-

ней полумглѣ вырѣзывался изъ-за лѣса полный мѣсяцъ. Птицы смолкли. Пахло смолистыми почками тополей и распускавшейся сирени. Звенѣлъ гдѣ-то въ травѣ сверчокъ, но и тотъ вскорѣ затихъ.

«Какая тишина! какая полная, чудная отрада! — мыслилъ Набобъ: — и я одинъ всему этому владѣлецъ, однимъ этимъ наслаждаюсь... И никто, ничья тѣнь не мѣшаетъ мнѣ созерцать эти красоты, упиваться этимъ воздухомъ, этими ароматами. Я никому не сдѣлалъ зла; всѣ мои подчиненные, пособники, товарищи и слуги любятъ меня, а многіе изъ нихъ мною только и живутъ, молятъ, чтобы продлилась моя жизнь. Не боюсь я ни предательства, ни измѣны; я всѣмъ нуженъ, всѣ за меня стоятъ и меня не промѣняютъ ни на кого. А дѣла-то какія, какіе подвиги я совершаю!.. И что мнѣ еще нужно?» — Онъ съ минуту подумалъ, перебирая мысли. «Ничего мнѣ болѣе не надо... я всего достигъ, все осуществилъ... милліоны на милліоны... да! вспомнилъ! — улыбнулся онъ: — не видѣлъ еще, не обонялъ моихъ лилій»...

И вдругъ Набобъ вздрогнулъ и замеръ. Ему померещился какъ бы шорохъ по тропинкѣ чьихъ-то шаговъ. Какъ? въ его саду, въ его пріютѣ, за этою высокою рѣшеткой съ острыми иглами, — посторонніе шаги? Ключъ отъ потайного замка въ желѣзной калиткѣ у дворецкаго. Кто же перелѣзъ черезъ эти иглы, кто могъ отомкнуть потайной замокъ? Набобъ сталъ прислушиваться, приглядываться. Сумерки еще болѣе сгустились; изъ лѣса сталъ болѣе виденъ мѣсяцъ. Его блѣдные лучи освѣщали верхушки ближней части деревъ. Шаги стихли. Внизу, у озера, послышался робкій голосъ. Да, говорятъ точно... шепчутся двое. Затаивъ дыханіе, Набобъ тихо, на цыпочкахъ, пробрался ближе къ деревьямъ, присѣлъ на другую скамью и сталъ слушать.

— Ахъ, дорогая, пусти меня! — шепталъ дѣтскій голосъ: — пусти, дай только взглянуть.

— Нельзя, — отвѣчалъ другой, какъ бы болѣе возмужалый голосъ.

— Да почему же, почему? что за диво такое цвѣтокъ?

— Нельзя, повторяю тебѣ, не таковъ человѣкъ здѣшній хозяинъ.

— Да какой же онъ?

— Это страшный богачъ и еще болѣе страшный себялюбецъ! Все для себя и даже то, что для другихъ, также

исключительно для себя. Онъ накопилъ и копитъ сокровища и удѣляетъ только тѣмъ, кто ему служитъ и кто помогаетъ ему богатѣть, копить еще болѣе богатства.

«Ложь!—хотѣлъ крикнуть и удержался Набобъ:—ложь!—мыслилъ онъ, дрожа отъ негодованія:—а моя служба и мои жертвы въ богадѣльнѣ для старыхъ людей, а мои пожертвованія на пріюты, подачки бѣднымъ всякаго званія?»

— Онъ жертвуетъ на старыхъ и хилыхъ, — продолжалъ голосъ:—изъ честолюбія, изъ-за отличій, которыми его награждаютъ; онъ помогаетъ бѣднымъ и сирымъ, изъ жалкаго тщеславія, изъ-за отчетовъ, печатаемыхъ во всеобщее свѣдѣніе. Его грудь увѣшана крестами, а онъ не устыдился въ переполненной богадѣльнѣ, при видѣ кроткой, девяностолѣтней старушки, вязавшей правнуку чулокъ въ своей келейкѣ, подумать и даже сказать: «вотъ живетъ же, старушонка, не умираетъ, мѣшаетъ только другимъ занять мѣсто!» Онъ-то, которому выстроить сто новыхъ богадѣленъ ни по чемъ!

Негодованіе Набоба, при этихъ словахъ, вышло изъ границъ. Онъ хотѣлъ броситься къ смѣлому болтуну.—«Какъ? слуги не досмотрѣли, впустили наглаго клеветника! Или дерзкіе воры, можетъ-быть грабители, убійцы, подобрали ключъ? Надо пустить собакъ... дать знать по телефону, телеграфировать полиціи»... Опять раздались тихіе, точно золотые голоса.

— Но цвѣтокъ, цвѣтокъ?—лепеталъ дѣтскій голосъ:—не сорвать, позволь хоть дотронуться, понюхать...

— Боже тебя упаси его коснуться!—отвѣтилъ другой голосъ: — не только сорвать, дотронуться... черствый и злой, да, злой себялюбецъ, если это узнаетъ, если провѣдаетъ, что здѣсь у него, въ его сокровенномъ владѣніи, была чья-либо посторонняя нога, онъ прогонитъ дворецкаго, привратника и ловчихъ. Самъ исполнительный, неутомимый съ дѣтства работникъ, онъ все это сдѣлаетъ, будто бы изъ чувства справедливости; тѣ будутъ плакать, и онъ, черствый, заплачетъ! Сердце у него, какъ и эта ограда, желѣзная...

— Ахъ, Серафима! милая! но меня манятъ эти цвѣты, и онъ за меня, маленькую, не сдѣлаетъ зла слугамъ.

— Это сильный и безсердечный человѣкъ, и ты, крошка, херувимчикъ, поймешь его черствость, если я тебѣ скажу, что онъ знаетъ, какъ сотнями, тысячами мрутъ въ бѣдности, въ сырыхъ подвалахъ, голодныя дѣти городскихъ нищихъ и фабричныхъ, знаетъ—и копитъ свои милліоны. Въ пріютѣ,

гдѣ онъ почетнымъ членомъ, все переполнено... сотни голодныхъ матерей тамъ, въ пріемной и у крыльца, стоятъ, съ прижатыми къ груди безграмотными прошеніями, жалобно глядятъ на попечителей — а тѣ важно, молча проходятъ...

— Дѣти, Серафима, ты говоришь, — маленькія, умирающія дѣти? и онъ не жалѣетъ умирающихъ?

— Да, но есть, которыя, какъ и та, съ чулкомъ, старушка, живутъ и не умираютъ. О! я ихъ видѣла въ такомъ подвалѣ; уголъ, едва повернуться. На тюфякѣ, на доскахъ, за лоскутомъ ветхой простыни, спитъ послѣ тяжкой работы мать, у груди — новорожденный, красивый, какъ и ты, натерпѣвшаяся крошка, и тоже дѣвочка, неимовѣрно худая отъ голода, а въ ногахъ... лѣтъ трехъ мальчикъ... Боже! многихъ видѣла я, но такого никогда... Мальчикъ—калѣка, безъ ногъ, безъ рукъ, то-есть вмѣсто нихъ какія-то плетки, какъ вѣточки, а голова, съ водяною въ мозгу, большая, съ кроткими, будто вѣчно - плачущими глазами. Неизлѣчимо-больное дитя осуждено постоянно сидѣть въ томъ углу, въ той темнотѣ; сидитъ, и все его движеніе, вся жизнь — качаніе съ боку на бокъ его худенькаго тѣла и его большой, больной головы... И сколько такихъ! Другимъ дѣтямъ — весна, цвѣты, воздухъ, солнце, этимъ—только душные, сырые подвалы; прочимъ дѣтямъ святки, рождественскіе и крещенскіе вечера, этимъ—вѣчное страданіе и вѣчная тьма... Этотъ каменный, красивый человѣкъ не женится изъ себялюбія и чтобъ не имѣть дѣтей, которыхъ не любитъ...

— Но если ему все сказать, если попросить этого богача, — прервалъ со слезами голосъ дѣвочки: — онъ смягчится, поможетъ бѣднымъ калѣкамъ - дѣтямъ! Его теперь нѣтъ дома... Пойдемъ къ нему, когда онъ пріѣдетъ.

— Поможетъ?—сурово и властно возразилъ голосъ старшей: — нѣтъ, такой не смягчится! Онъ недавно, быть можетъ, и въ шутку, но подумалъ и сказалъ своему секретарю на докладѣ о подобныхъ калѣкахъ: эхъ, милый мой, такимъ дѣтямъ нужны не новыя койки, ихъ не вылѣчатъ: имъ лучшее лѣкарство — стрихнинъ или ціанистый кали...

— Что это?

— Сильный ядъ... Не расцвѣли его лиліи и не расцвѣтутъ: для нихъ нужно иное солнце, иная теплота... Его сердце — могила, ледъ...

Набобъ еще болѣе вознегодовалъ при этихъ словахъ. —

«Что же это? кто такъ шпіонитъ, слѣдитъ за мной? Это не воры, не грабители, хуже... это убійцы моей чести, славы».

И онъ подвинулся, тихо развелъ вѣтви и остолбенѣлъ. Мѣсяцъ поднялся выше, свѣтилъ ярко.

Въ его лучахъ, на тропинкѣ у озера, обрисовались: лѣтъ шестнадцати стройная, невиданной красоты, дѣвушка, съ свѣтлыми, распущенными косами; а рядомъ съ нею кудрявая, черноволосая, лѣтъ семи, дѣвочка; и обѣ въ бѣломъ и схожія другъ на друга, какъ сестры.

Набобъ миновалъ кусты, вышелъ на поляну; дѣвушекъ у озера уже не было. Онъ бросился къ калиткѣ въ концѣ сада: она была заперта. Онъ быстро обошелъ весь садъ, заглядывалъ подъ деревья и кусты, — садъ былъ пустъ. Были позваны дворецкій, огородникъ и привратникъ: всѣ клялись, что никого не видѣли и въ садъ не впускали. Замки были заперты и цѣпныя собаки спущены, но молчали. Набобъ отослалъ слугъ, упалъ на постель и долго не могъ сомкнуть глазъ. Мѣсяцъ наискось свѣтилъ въ широкія окна его кабинета, на бронзы, ковры, зеркала, на портреты великихъ дѣльцовъ міра, коимъ онъ покланялся, и на газеты, гдѣ его самого такъ хвалили и славили.

— Эти дѣвушки, очевидно, здѣшнія, свои... съ ближней станціи, — мыслилъ онъ: — дочери смотрителя или телеграфиста; тамъ изъ зависти сплетничаютъ на мой счетъ между собой и горожанами. Мало ли чего не плетутъ... Но такое знаніе не только дѣлъ, чуть не мыслей! О! я вывѣдаю, разузнаю, найду и пристыжу болтунью... А какая она красавица! что за голосъ, чисто ангельскій, а сердце...» И успокоенное воображеніе стало рисовать Набобу его новый подвигъ. Онъ мысленно бросилъ золотомъ, все разузналъ и нашелъ дѣвушку Серафиму. Это, — подсказывали ему мысли, — была старшая дочь бѣднаго стрѣлочника, отставного гвардейскаго солдата, крестница и воспитанница знатной княгини, навѣщавшая отца въ праздники; Набобъ вспомнилъ, что въ тотъ день былъ дѣйствительно праздникъ. Садовникъ, сослуживецъ стрѣлочника, разсказалъ дѣвушкамъ о лиліяхъ и, не ожидая въ тотъ день хозяина, такъ какъ лиліямъ не приходила еще пора цвѣсти, далъ имъ ключъ отъ желѣзной калитки. Прочіе слуги, очевидно, отъ страха, скрыли проступокъ товарища. Набобъ ихъ благодаритъ. Онъ навѣщаетъ въ новый праздникъ отца дѣвушекъ, видитъ и ее и рѣшаетъ

дѣло невиданное и неслыханное: такой умной, красивой и доброй дѣвушкѣ онъ предлагаетъ свое сердце и руку...

Набобъ очнулся. Чудный сонъ улетѣлъ, а изъ глубины померкшей комнаты на него смотритъ то кроткое личико чистенькой, богомольной старушки, вяжущей въ девяносто лѣтъ внуку чулокъ, передъ неугасимою, какъ ея тихая жизнь, бѣдною лампадкой,—то худыя плечи и большая голова безнадежно-больного, двигавшагося съ боку на бокъ, жалкаго калѣки. Еще длилась ночь. Все погружалось въ сонъ и тишину. Въ кабинетѣ Набоба раздался рѣзкій, нѣсколько разъ повторенный звонокъ телефона. На него отвѣтилъ звонокъ изъ городской квартиры. Былъ разбуженъ дежурный въ конторѣ, затѣмъ поднятъ на ноги и позванъ къ телефону секретарь.

— Сколько келій въ нашей богадѣльнѣ? — спросилъ Набобъ по телефону.

— Пятьдесятъ.

— А сколько кандидатокъ?

— Не понимаю-съ... чьихъ? по чьей рекомендаціи?

— Никакихъ рекомендацій... Сколько желающихъ, нуждающихся? Есть у васъ списокъ?

— Но теперь, извините, три часа ночи...

— Не отойду отъ телефона... справку сію секунду.

Молчаніе. Черезъ три минуты отвѣтъ:

— Заявлено сверхъ устава сто двадцать прошеній.

— Сто двадцать безпомощныхъ старухъ?

— Такъ точно. Но не при всѣхъ бумагахъ—нужны свидѣтельства врачей.

— Вздоръ. Завтра къ моему возврату приготовить смѣту и чекъ на открытіе новыхъ полутораста помѣщеній, съ полнымъ содержаніемъ.

— Но это потребуетъ новаго зданія и расхода чуть не въ двѣсти тысячъ.

— Не ваше дѣло, хоть полмилліона. Чтобъ всѣ бумаги были готовы.

Передъ разсвѣтомъ—опять звонокъ. Секретарь, писавшій въ конторѣ, снова у телефона.

— Сколько коекъ въ дѣтскомъ пріютѣ?

— Въ какомъ?

— Во всѣхъ, гдѣ служу.

— Сто семьдесятъ.

— На сколько прошеній отказано?

— Извините, пятый часъ... но я сію минуту...

Прошло четверть часа. Набобъ нетерпѣливо, громко звонитъ.

— Трудно опредѣлить,—отвѣчаетъ секретарь:—я считаю, считаю... нѣтъ числа...

— Готовьте новую бумагу. Позвать утромъ архитектора и подрядчиковъ и составить смѣту на пять новыхъ пріютовъ.

— На пять? По сколько коекъ?

— По сто, на пятьсотъ дѣтей.

— Но это потребуетъ... зданія... нѣсколько зданій... и постояннаго, большого расхода...

— Не ваше дѣло... я подпишу, въ видѣ аванса, чекъ на милліонъ.

Секретарь, въ почтительномъ ужасѣ, молчитъ.

— Еще не все,—говоритъ Набобъ:—позовите нотаріуса, изготовьте дарственную. Я уступаю эту свою дачу, гдѣ теперь нахожусь, подъ пристанище для неизлѣчимо-больныхъ дѣтей.

— Извините,—робко произноситъ секретарь:—вы тревожитесь, не спите, такое позднее время. Все ли у васъ благополучно?.. и какъ ваше здоровье?

— Не безпокойтесь, милый, здѣсь у меня все благополучно! О, я совершенно здоровъ и буду назадъ съ первымъпоѣздомъ.

Набобъ, сдѣлавъ эти распоряженія, прилегъ и крѣпко заснулъ. Спалъ онъ недолго, но сладко... Начиналась румяная заря, когда онъ очнулся, увидѣлъ, что не раздѣтъ, все припомнилъ и бросился на балконъ.

Чудный утренній воздухъ былъ полонъ необычнаго, чарующаго благоуханія. Это благоуханіе волшебною, широкою волной, лилось по всему саду. Набобъ понялъ, что подъ новымъ солнцемъ, при новой, его собственной, сердечной теплотѣ, у озера расцвѣли его заморскія лиліи... Онъ спустился съ пригорка и обмеръ.

У куста благоухавшихъ лилій стояли двѣ вечернія гостьи, старшая и младшая. Младшей удалось увидѣть и понюхать такъ ее манившій, чудный цвѣтокъ. Набобъ протянулъ руки отъ счастья и вскрикнулъ. Гостьи его не видѣли.

Надъ ихъ плечами развернулись голубыя, съ розовыми каймами, крылья, и обѣ гостьи, эти божьи дѣти, какъ понялъ Набобъ, зашумѣвъ въ воздухѣ, стройно и властно поднялись надъ озеромъ, садомъ, холмами, и исчезли въ синемъ небѣ.

IX.

Счастливый мертвецъ.

Это было лѣтъ тридцать назадъ. Въ одной изъ нашихъ южныхъ губерній проживалъ весьма даровитый, ретивый и всѣми любимый исправникъ. Тогда исправники служили по выборамъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Назовемъ его Подкованцевъ. Онъ былъ изъ бѣдныхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ, помѣстья не имѣлъ, а владѣлъ небольшимъ домомъ и огородомъ на краю уѣзднаго города, гдѣ жилъ. Его жена—болѣзненная, кроткая женщина, разстроила въ конецъ свое здоровье, ухаживая за кучею дѣтей. Мужъ и жена мечтали объ одномъ: купить съ аукціона родовое, небольшое имѣніе, которое вотъ-вотъ должно было продаваться съ публичныхъ торговъ, за долгъ въ казну родныхъ исправника. Жена, послѣ смерти бабки, получила небольшой капиталецъ; но его далеко не хватало на выкупъ этого имѣнія. Подкованцевы ожидали наступленія срока торговъ и придумывали, откуда бы взять недостающую сумму для покупки имѣнія; оно было еще южнѣе, въ лѣсистой мѣстности, у низовьевъ Днѣпра. Исправникъ, какъ всѣ это знали, взятокъ не бралъ. Откупщикъ, имѣвшій къ нему множество дѣлъ, рѣшилъ подъѣхать, безъ вѣдома мужа, съ предложеніемъ крупной благодарности—его женѣ. Въ томъ году въ губерніи, о которой идетъ рѣчь, появилась смѣлая и ловко-организованная шайка разбойниковъ. Въ губернскомъ правленіи считали ее въ количествѣ до восьмидесяти человѣкъ и не знали, что̀ дѣлать, чтобы ее переловить. Были свѣдѣнія, что шайка дѣлится на особыя кучки; что ея члены въ обычное время мирно проживаютъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи, въ видѣ крестьянъ, шинкарей, мелкихъ торговцевъ, псаломщиковъ, сгонщиковъ скота и нищихъ, и собираются въ ватаги, когда задумывается и рѣшается какое-либо особенно выгодное и ловкое предпріятіе. Главою всей шайки этихъ грабителей, конокрадовъ и разбойниковъ большихъ и проселочныхъ дорогъ считался нѣкій Березовскій. Кто онъ былъ? Никто этого не зналъ и въ дѣйствительности его не видѣлъ. Слѣдъ шайки, по нѣкоторымъ, особенно смѣлымъ грабежамъ, со взломомъ и всякими насиліями, показался въ уѣздѣ, гдѣ

служилъ Подкованцевъ. Исправникъ думалъ-думалъ и, глядя на жену, незадолго передъ тѣмъ какъ-то особенно повеселѣвшую, сказалъ ей:—Ѣду къ губернатору, попрошу особыхъ полномочій, выговорю себѣ впередъ, на случай успѣха, хорошее вознагражденіе и изловлю Березовскаго; если казна расщедрится, да и купцы, не разъ ограбленные, сложатся, то заполучимъ добрый кушъ... пожалуй, купимъ и имѣніе.— Да, не мѣшаетъ,—отвѣтила жена: — еще не хватаетъ... на торгахъ могутъ наддать цѣну... — Сказано-сдѣлано. Подкованцевъ съѣздилъ къ начальству. Его знали за искуснаго и умнаго дѣятеля; дали ему нужныя полномочія и различныя указанія, и онъ сталъ работать. Были пойманы человѣкъ пять-шесть изъ шайки, потомъ еще двое. Одинъ изъ пойманныхъ выдалъ главную нить. Были указаны притоны, мѣста сборовъ. Исправникъ обомлѣлъ отъ восторга. Въ ближайшую ночь—это было лѣтомъ — онъ, верстахъ въ двадцати, надѣялся наконецъ живьемъ захватить самого Березовскаго... Дѣло шло о выдачѣ сообщникомъ начальника шайки, на любовномъ свиданіи у какой-то вдовы-казачки. Едва стемнѣло, исправникъ уложилъ въ карманы по пистолету, на-скоро простился съ женою, сказавъ:—«ну, теперь жди съ побѣдой! со щитомъ или на щитѣ! имѣніе наше!»— и укатилъ. Прошелъ часъ, другой; уѣздный городишко стихъ; предмѣстье, гдѣ былъ дворъ исправника, погрузилось въ сонъ. Подкованцева уложила дѣтей, отпустила прислугу ужинать и, замирая отъ волненія, сѣла съ картами раскладывать пасьянсъ. Прислуга долго не возвращалась.—«Какъ барина нѣтъ, вѣчно перепьются — засидятся въ кухнѣ!»— подумала она, прислушиваясь къ запоздалымъ подводамъ, еще тянувшимся со скрипомъ изъ-подъ моста въ городъ, мимо ихъ воротъ. Она даже подошла къ окну и, приложивъ лицо къ оконной рамѣ, взглянула въ темноту. Сторожъ былъ, очевидно, въ исправности, ворота на запорѣ. Вдругъ ей послышался стукъ въ ворота.—Неужели подъѣхалъ уже мужъ? какъ она не слышала колокольчика? — Опять легкій стукъ. Видно, сторожъ заснулъ. Подкованцева бросилась въ дѣвичью, хотѣла оттуда крикнуть на кухню,—въ залѣ послышались шаги.—Исправничиха стремглавъ кинулась туда. Передъ нею стояли два незнакомыхъ мужчины. Извиняясь за поздній заѣздъ, они представились хозяйкѣ. Это были два смиренные помѣщика сосѣдняго уѣзда. По ихъ сло-

вамъ, они имѣли экстренное дѣло къ исправнику.—Мужа нѣтъ,—сказала хозяйка.—Мы знаемъ, — отвѣтили гости:— но дѣло спѣшное; не позволите ли подождать?—Исправничиха подумала:—лучше пусть посторонніе перебудутъ здѣсь, чѣмъ такъ тревожиться одной, — и пригласила пріѣзжихъ садиться. Явилась между тѣмъ служанка. Она подала чай.—Нализалась!—подумала, глядя на ея пошатываніе, хозяйка:— ну, послѣ поговоримъ!—Вечеръ кончился въ разговорахъ. Бесѣдовали о мѣстныхъ и столичныхъ новостяхъ. Одинъ изъ гостей уходилъ освѣдомляться о своемъ экипажѣ, о лошадяхъ. Еще поговорили. Былъ уже второй часъ ночи. У Подкованцевой давно слипались глаза, и она украдкой позѣвывала.—Не хотите ли у насъ переночевать?—сказала она, поглядывая, куда опять запропастилась горничная?—Гости встали, прощаясь. Изъ передней выглянуло третье лицо—слуга гостей.—«Видите ли, сударыня,—сказалъ одинъ изъ гостей, увидѣвъ своего слугу:— вы не безпокойтесь, не тревожьтесь,—продолжалъ онъ, подойдя къ рукѣ хозяйки:—благодаримъ за вниманіе, но оставаться у васъ на ночлегъ мы не можемъ, переночуемъ въ другомъ мѣстѣ... а дѣло-то вотъ въ чемъ... Я—*Березовскій...*»

Можете себѣ представить изумленіе и испугъ Подкованцевой. Барыня чуть не упала въ обморокъ. Ее поддержали.— «Успокойтесь, — сказалъ ей Березовскій: — жизнь ваша и вашей семьи въ безопасности; вы исполните только безпрекословно наше желаніе. Ваша дворня опоена сонными каплями; не кричите, не поднимайте шума... Вотъ вамъ свѣча, держите ее и ведите насъ въ вашу спальню. Тамъ, подъ кроватью, у васъ шкатулка, а въ шкатулкѣ четырнадцать тысячъ; десять изъ нихъ—ваше наслѣдство отъ бабки, а четыре... кажется, вамъ ихъ далъ откупщикъ Себыкинъ, въ надеждѣ черезъ васъ уговорить вашего мужа погасить дѣло о насильственной смерти еврея-шинкаря. Вы могли бы смѣло взять эти деньги; еврея... по ошибкѣ... придушилъ не Себыкинъ, а мы... за одинъ доносъ. Пожалуйте, идемъ... да держите свѣчу; она падаетъ у васъ...» Подкованцева, чуть жива отъ ужаса, провела грабителей въ спальню, гдѣ мирно почивали ея дѣти, и выдала завѣтную шкатулку. Березовскій весьма вѣжливо поблагодарилъ, еще разъ попросилъ не тревожиться по пусту, беречь себя, и ночные гости, выѣхавъ со двора, умчались. Подкованцева, рыдая, упала передъ кіотомъ. Грабители проскакали верстъ семь, своро-

тили съ большой дороги въ оврагъ, проѣхали оврагомъ версты двѣ и направились къ уединенной корчмѣ, стоявшей на перекресткѣ двухъ проселковъ, у лѣса. Корчмарь-еврей впустилъ ихъ въ чистую жилую избу. Грабители зажгли свѣчу, заперли и стали считать и дѣлить деньги. Вдругъ на большой дорогѣ раздался заливистый, знакомый имъ звонъ колокольчика... Березовскій прислушался и мигомъ погасилъ огонь. Прошло нѣсколько минутъ. Колокольчикъ сталъ затихать; путники по большой дорогѣ, очевидно, проѣхали далѣе. Но едва грабители хотѣли вновь зажечь свѣчу и кончить дѣлежъ, у корчмы раздался стукъ колесъ и храпъ остановленныхъ лошадей. Долго стучались пріѣзжіе. Шинкарь прикинулся спящимъ, наконецъ отперъ ворота. Въ избу вошелъ высокій, молодцоватый Подкованцевъ. Подъѣхавъ съ подвязаннымъ колокольчикомъ, онъ вынулъ спички и зажегъ стоявшую на столѣ свѣчу. Гости также притворились спящими. На вопросъ: кто это?—струсившій еврей отвѣтилъ: — проѣзжіе помѣщики. — Знаешь ихъ? — Почемъ знать!—Буди ихъ.—Еврей сталъ толкать гостей. Тѣ встали. Начался спросъ: кто вы, откуда, куда ѣдете? Тѣ вломились въ амбицію, жалуясь на безпокойство и увѣряя, что спали давно.—А зачѣмъ же вы вдругъ погасили свѣчу, едва заслышали мой колокольчикъ? Я исправникъ!—Знаемъ,—сказали гости: — что же вамъ нужно? — Ваши паспорты, господа.—Одинъ изъ гостей вынулъ дворянское свидѣтельство,— «Здѣсь прописано имя и фамилія помѣщика NN,—произнесъ исправникъ:—а я его лично знаю, вы самозванецъ,— и потому, господа, шутки въ сторону, прямо отвѣчайте, кто вы? Изба окружена сотскими; оставь насъ, уйди!»—обратился Подкованцевъ къ корчмарю. Тотъ вышелъ. Исправникъ сказалъ:—отвѣчайте, кто изъ васъ Березовскій? признавайтесь, вамъ спасенія нѣтъ. — Онъ вынулъ пистолеты и сталъ у дверей. Оба грабителя были щуплые, худощавые, невзрачные на видъ. Подкованцевъ могъ кулакомъ положить обоихъ на мѣстѣ. Березовскій взглянулъ на товарища, назвалъ себя и сталъ торговаться. Сошлись на четырехъ тысячахъ—сумма, которой именно не доставало исправнику до восемнадцати тысячъ, на выкупъ родовой деревеньки. Получивъ и со вздохомъ пересчитавъ деньги, онъ отпустилъ мнимыхъ помѣщиковъ и, когда тѣ уѣхали, сказалъ сотскимъ: ну, ребята, можете расходиться, и здѣсь не удалось,—и на-

правился домой. Онъ радостно объявилъ женѣ: — поздравь, сейчасъ накрылъ Березовскаго, вотъ и деньги,—теперь наше дѣло въ шляпѣ—Какъ?—вскрикнула жена:—такъ и шкатулку отбилъ?—Какую? Никакой шкатулки у нихъ не было!—Та разсказала, въ чемъ дѣло. Едва Подкованцевъ сознался ей, какую дурацкую штуку съ нимъ сыгралъ ловкій разбойникъ, исправничиха вскрикнула не своимъ голосомъ и грохнулась на полъ... Мужъ бросился приводить ее въ чувство; она была недвижима. Позвали уѣзднаго врача—горькаго пьяницу; тотъ повозился надъ нею, давалъ ей нюхать спиртъ, теръ ей руки и ноги, подносилъ свѣчу къ глазамъ, зеркало къ губамъ и, наконецъ, объявилъ, что она умерла, вѣроятно отъ разрыва сердца, которымъ, по его мнѣнію, она страдала. Подкованцеву обмыли, одѣли, положили на столъ, и растерянный, измученный мужъ подумалъ:—ну, мертвой не оживить; надо думать о живыхъ, о дѣтяхъ!—велѣлъ запрягать лучшую свою тройку и снова бросился искать Березовскаго. Одинъ изъ сотскихъ, бывшихъ у корчмы, догадался, что оттуда могъ быть выпущенъ пожалуй, по ошибкѣ, самъ Березовскій, рѣшилъ его выслѣдить и, загнавъ лошадь, возвратился къ обѣду и объявилъ, что слѣдъ заподозрѣннаго имъ Березовскаго направился къ мѣстечку А**, лежавшему невдалекѣ, у Днѣпра. Туда и понесся разсвирѣпѣвшій исправникъ. Подкованцеву, между тѣмъ, вынесли въ церковь на сосѣднее кладбище. Забулдыга псаломщикъ, дьяконскій сынъ, изгнанный за пьянство и буйство изъ бурсы, былъ позванъ читать надъ покойницею псалтырь. — Не стану томить васъ подробностями... Подкованцева оказалась въ летаргическомъ обморокѣ—все слышала, чувствовала, но не могла очнуться, не могла встать. Ночью въ церкви, среди чтенія псалтыря, ей померещился стукъ въ церковное окно. Чтецъ остановился, поднялъ оконницу.—Что тебѣ?—спросилъ онъ.—Панъ пришлетъ, ранкомъ, за казною; гдѣ ты ее зарылъ?—Кому нужно? — спросилъ чтецъ. — Рыжаго прислали: онъ и отроетъ. — А я? — Велѣно тебѣ читать, а онъ будто за картошкой на огородъ... говори же скорѣе.—Подъ вербою, въ грядкѣ луку зарылъ,—отвѣтилъ псаломщикъ.—Подъ какою?—У самой рѣчки... Да ты скажи Рыжему, чтобъ меня перемѣнилъ; ѣсть хочется и выпить бы.—Ну, скажу; ты однако не уходи, коли не пришлютъ другого.—Прошелъ часъ. Пса-

ломщикъ, очевидно, не вынесъ голода и жажды, погасилъ свѣчу и, ворча сквозь зубы, ушелъ и замкнулъ за собою церковную дверь. Подкованцева вылѣзла изъ гроба и, не помня себя отъ волненія, бросилась къ городу. На дорогѣ ее обогналъ какой-то поселянинъ, на повозкѣ, съ мѣшками. Она его окликнула и доѣхала съ нимъ къ пріятельницѣ, подругѣ по пансіону, женѣ аптекаря. Тамъ она, черезъ силу, разсказала второпяхъ, въ чемъ дѣло. Аптекарша позвала мужа. Подкованцева была едва жива и все твердила: «скорѣе, скорѣе, берите заступъ, молю васъ, ройте!»—Аптекарь, честный, сердобольный нѣмецъ, далъ ей успокоительныхъ капель, уложилъ ее въ постель и поспѣшилъ, по ея указанію, на огородъ дьякона, гдѣ, подъ указанной вербой, при помощи полицейскихъ, и была найдена въ цѣлости шкатулка Подкованцевой. Березовскій, какъ послѣ оказалось, выпущенный изъ корчмы, гдѣ съ товарищемъ началъ было дѣлить деньги, рѣшился, впредь до болѣе спокойнаго часа, спрятать шкатулку въ самомъ городѣ, черезъ псаломщика, состоявшаго въ шайкѣ грабителей качествѣ укрывателя награбленныхъ вещей, а Рыжій, черезъ котораго онъ съ пути прислалъ новую отмѣну своего приказа, былъ городской лавочникъ, исполнявшій при шайкѣ обязанность разсыльнаго и вѣстового. Шкатулку аптекарь успѣлъ выкопать ранѣе, чѣмъ Рыжій и его пособники, ждавшіе, пока стихнетъ возня во дворѣ дьякона, успѣли ее перенести въ иное мѣсто. Въ ту же ночь были арестованы: псаломщикъ — въ кабакѣ, Рыжій — въ квартирѣ, при своей лавочкѣ, а Березовскій—на другой день, въ мѣстечкѣ А**. Подкованцевъ убѣдился, что тарантасъ грабителей не въѣзжалъ въ мѣстечко, но что туда въѣхалъ, на возу съ арбузами и дынями, человѣкъ, похожій на Березовскаго, въ крестьянской свитѣ и поярковой шляпѣ, очевидно, успѣвъ уже гдѣ-то сбыть и свой тарантасъ, и лошадей, и одежду помѣщика. «Гдѣ тутъ хорошая шинкарка?»—лихо спросилъ исправникъ, тоже переодѣтый, перваго встрѣчнаго обывателя мѣстечка. Тотъ указалъ ему дальній дворъ. Оставя лошадей у околицы и зная сибаритскіе обычаи грабителя, Подкованцевъ вошелъ молодцемъ въ шинокъ, пошутилъ съ смазливой, румяною бабой-шинкаркой, потребовалъ корчикъ перцовки, выпилъ его, бросилъ на прилавокъ серебряный талеръ, и, утирая усы, козыремъ посмотрѣлъ на хозяйку.—«Ну, ночка

была!—сказалъ онъ:—заработали! а гдѣ сватъ?—Шинкарка налила еще корчикъ водки. — «Гдѣ сватъ? пока вернется, пеки яичницу, жарь гуся!—произнесъ гость:—надо справить магарычи...» — Шинкарка молча выглянула въ окно на Днѣпръ. «Знаю, купается, шельма — чистунъ!» — сказалъ гость и, бросивъ другой талеръ на прилавокъ, вышелъ на рѣку. Тамъ онъ тотчасъ узналъ въ водѣ, среди пархатыхъ, мѣстныхъ купальщиковъ, сѣрые, наигранные глаза и острую мордочку Березовскаго. Послѣдній также въ подошедшемъ рослом, запыленномъ мѣщанинѣ узналъ своего врага — исправника и, будто продолжая купаться, пока его преслѣдователь раздѣвался, шибко поплылъ на другой бокъ Днѣпра, въ кусты... Но къ берегу отъ околицы уже подъѣзжала тройка исправника, съ понятыми. Подкованцевъ поймалъ Березовскаго въ водѣ за ногу, когда тотъ уже былъ готовъ ускользнуть въ зеленыя, безбрежныя плавни за рѣкой.—Къ зимѣ Подкованцевъ купилъ задуманную деревню. Поймавъ Березовскаго, онъ все разсказалъ губернатору; деньги, поднесенныя его женѣ, какъ потомъ увѣряли, возвратилъ черезъ начальство откупщику, а купцы, въ благодарность за избавленіе отъ Березовскаго, сложились и предложили Подкованцеву, подъ вексель, недостающія для покупки деньги. Они по векселю, разумѣется, не думали съ него требовать долга. То были, говорятъ, иныя времена и нравы; во всякомъ случаѣ — фабула о безкорыстномъ полицейскомъ чинѣ въ то время была возможна... Передъ выходомъ въ отставку, когда имѣніе куплено уже было и семья Подкованцева тамъ проживала, онъ самъ навѣстилъ Березовскаго въ губернской тюрьмѣ. Свиданіе происходило при смотрителѣ острога. «Скажи, братецъ, какъ это ты пронюхалъ, что я уѣхалъ тебя искать,—спросилъ Подкованцевъ разбойника:—а главное, какъ ты узналъ, что у меня въ шкатулкѣ такая-то именно сумма?» — Никто самъ по себѣ ничего! — отвѣтилъ со вздохомъ Березовскій, оправляя на себѣ кандалы: — все въ пособникахъ!—«Да кто же тебѣ помогалъ у меня-то? въ моемъ-то исправницкомъ домѣ?» — Бабы, ваше благородіе, все онѣ; я передъ тѣмъ двѣ ночи ночевалъ у васъ-же, во дворѣ, одну въ саду, а другую въ такой это коморочкѣ, около дѣтской.—И ножъ былъ съ тобою?—спросилъ исправникъ. — А уже какъ же это намъ, мужчинамъ, безъ бритвы-то?—усмѣхнулся недавній душегубъ.

X.

Разбойникъ Гаркуша.

(Изъ Украинскихъ легендъ.)

Слава Гаркуши, по малорусскимъ преданіямъ, началась съ 1777 г.—Этотъ годъ остался надолго памятенъ малороссамъ. Въ продолженіе 10 лѣтъ, начиная съ этого года, Гаркуша былъ страшилищемъ Малороссіи. Преданіе такъ рисуетъ портретъ его. Это былъ широкоплечій, мускулистый, средняго роста мужчина; лицо загорѣлое, грубое; глаза черные; волосы на головѣ и на усахъ такіе же. Когда онъ былъ чѣмъ-нибудь разсерженъ, лицо его становилось багровымъ, глаза бросали молніи, всѣ мускулы были въ движеніи. Гаркуша, по преданіямъ, никого не умерщвлялъ, развѣ въ крайности. Одинъ изъ старожиловъ передаетъ слѣдующій разсказъ о смерти Гаркуши, слышанный имъ отъ дряхлаго бандуриста, лично знавшаго Гаркушу. Однажды преслѣдовали его гдѣ-то по Днѣпру. Видя невозможность спастись отъ преслѣдователей сухимъ путемъ, онъ рѣшается почти на явную смерть: отрубаетъ толстую веревку, которою была привязана, такъ-называемая, душегубка, садится въ нее и плыветъ. Другой лодки не было. Преслѣдовавшіе послали отыскать ее по близости на рѣкѣ. Между тѣмъ бѣглецъ счастливо переплываетъ большую половину Днѣпра. Уже онъ близко подлѣ берега. Вдругъ подулъ сильный вѣтеръ; Гаркуша покачнулся и — исчезъ въ синихъ волнахъ днѣпровскихъ. Старожилъ приводитъ слѣдующіе анекдоты объ этомъ разбойникѣ.—Засѣдатель ...скаго земскаго суда ѣхалъ верхомъ въ городъ изъ одной деревни, владѣтель которой праздновалъ тогда свои именины и потому звалъ къ себѣ въ гости всѣхъ знатныхъ лицъ околотка. Была ночь — и ночь темная. Тучи покрывали все небо. Этому страннику оставалось не болѣе трехъ верстъ. Онъ своротилъ вправо съ большой дороги и поѣхалъ по маленькой тропинкѣ, ведущей черезъ лѣсъ,—желая этимъ сократить путь. Ужъ онъ благополучно пересѣкъ лѣсъ, ужъ онъ проѣзжалъ городскіе

луга; въ это самое время навстрѣчу ему попадаются два человѣка, одѣтые въ русское платье. Желая выказать себя имъ, а можетъ быть и просто по невольному побужденію, родившемуся въ головѣ его отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ, онъ, именемъ земской полиціи, спросилъ ихъ: кто они? Ему отвѣчали: хибà не бàчите?—«Покажите мнѣ ваши виды, мнѣ—засѣдателю нижняго земскаго суда сего уѣзда!»—закричалъ онъ.—«Якихъ вамъ треба?»—«Да тѣхъ, которые вы имѣете».—«Стривàй, зàразъ!»—Одинъ изъ нихъ свистнулъ, въ минуту явилось человѣкъ десять гайдамаковъ. — «Берите, лишень, его, та ведите въ ту балку»,—сказалъ Гаркуша. Засѣдатель былъ приведенъ въ назначенное мѣсто. Тамъ совершена была надъ нимъ, безъ жалости, извѣстнаго рода—экзекуція. Потомъ Гаркуша давалъ ему различнаго рода наставленія и, отходя отъ него, прибавилъ: — «та гляди мини, не смотри, куды ми пидемъ, а не то очей въ тебѣ не стане!»—Не мудрено, что ...ская земская полиція долго помнила этотъ случай. Преданіе говоритъ, что наставленія Гаркуши переходили отъ одного засѣдателя къ другому по наслѣдству.—Однажды Гаркуша, съ двумя молодцами изъ своей ватаги, пріѣхалъ въ казенное селеніе, къ одной вдовѣ, и приказалъ подать себѣ поужинать Она ему говорила, что у нея ничего нѣтъ: «засѣдатель бувъ тутъ позавчора, та все, що було, описавъ, та позабиравъ за недоимку, а я вже ему въ прошлую недилю заплатыла пивторы копы».—«Жалко, що я не могу его теперычка промуштроваты. Ачь, якій бисивъ сыну! та винъ вже не минеть моихъ рукъ!»... Старушка приготовила своимъ гостямъ ужинъ. Гаркуша, за радушный пріемъ, оставилъ вдовѣ, въ приданое тремъ ея дочерямъ, можетъ быть и не послѣднимъ красавицамъ въ Малороссіи,—трудно повѣрить,—тысячу рублей. — «Кажи, — прибавилъ Гаркуша, прощаясь со старухой:—кажи усякому, що си гроши давъ тоби Гаркуша; а хто зосмилыцця у тебѣ ихъ отняти, то тому я, не на живитъ, а на смерть, вси руки повывертаю».—Гаркуша любилъ разъѣзжать по городамъ и селеніямъ въ генеральскомъ мундирѣ. Въ такомъ случаѣ за нимъ всегда слѣдовала большая свита. Однажды онъ пріѣхалъ въ такомъ видѣ въ Конотопъ, уѣздный городъ черниговской губерніи, и прямо на дворъ къ городничему.

Извѣстный библіографъ и изслѣдователь Малороссіи, А. М. Лазаревскій, на мой вопросъ о Гаркушѣ, въ 1854 г., сообщилъ мнѣ слѣдующее.

Гаркуша большею частью дѣйствовалъ въ предѣлахъ настоящей черниговской губерніи.

Фамилія городничаго, о которомъ упоминается въ статьѣ «Украинскаго Альманаха» — Базилевичъ. Гаркуша, между прочимъ, велѣлъ одному изъ своихъ хлопцевъ дать нѣсколько ударовъ нагайкою женѣ Базилевича за то, что она не соблюдала постовъ по средамъ и пятницамъ.

Въ одну погоню за шайкою Гаркуши, на Гнилище, около Конотопа, конотопцы догнали одного разбойника, но не рѣшились живымъ взять, а убили его изъ ружья, и убилъ именно казакъ Зимивецъ изъ ружья, которое было заряжено серебрянымъ гудзикомъ (пуговицею), которую нарочно для этого конотопскій протопопъ отрѣзалъ отъ ризы. Простыя пули, по мнѣнію народа, не брали разбойниковъ Гаркушиныхъ.

Будучи уже разбойникомъ, Гаркуша женился, въ роменскомъ уѣздѣ, на помѣщичьей дѣвкѣ, и здѣсь-то исправникъ едва не схватилъ его.

Пойманъ же Гаркуша въ г. Ромнахъ «бублейницею» (женщиною, торгующею бубликами). Это происходило такимъ образомъ. Гаркуша покупалъ цѣлую коробку бубликовъ; торговка, узнавъ его, схитрила: подъ предлогомъ, что у нея нѣтъ сдачи, она пригласила его войти къ себѣ во дворъ; между тѣмъ оповѣстила народъ и полицію, и Гаркуша былъ схваченъ.

Въ допросѣ Гаркуша показалъ себя выходцемъ изъ Черноморья.

Все дѣло о его разбояхъ хранится въ роменскомъ уѣздномъ судѣ. Впрочемъ, часть этого дѣла, именно о нападеніи на домъ Базилевича, находится въ конотопскомъ уѣздномъ судѣ.

Большею частью Гаркуша жилъ въ м. Смѣломъ, гдѣ его не задерживали, за что онъ щедрою рукою сыпалъ деньги.

Сохранилось преданіе, что Гаркуша строптивымъ помѣщикамъ шилъ красные сапоги, т.-е. приказывалъ сдирать съ ногъ кожу. Но врядъ ли это справедливо; Гаркуша только въ нуждѣ употреблялъ насиліе.

Въ харьковской губерніи запорожцы часто пошаливали*),

*) «*Современникъ*» 1841 г. XXV т., стр. 1—89, XXVI, стр. 1—86, статья Г. Ѳ. Квитки-Основьяненко «*Преданіе о Гаркушѣ*».

грабили помѣщиковъ, и противляющихся тиранили и даже умерщвляли; но все это проказили, такъ называемые, «гайдамаки, харцызы», являвшіеся въ разныхъ мѣстахъ и потомъ скрывшіеся оттуда. Потомъ явилась сильная партія, въ короткое время составившаяся и нахлынувшая откуда-то въ харьковскую губернію. Обращаясь въ тамошнихъ мѣстахъ, она наводила ужасъ на всѣхъ помѣщиковъ. Случалось такъ, что разбойники наѣзжали къ иному помѣщику, забирали все, что могли, и уѣзжали, не ударивъ даже никого. Подъ заграбленныя вещи брали у помѣщика фуры и воловъ, а послѣ нѣсколькихъ дней, въ одно утро, всѣ фуры и волы оказывались близъ помѣщичьяго двора, вмѣстѣ съ деньгами и запискою, въ которой говорилось, что уплачивается за столько-то дней работы волами.—Въ одномъ селеніи жили два помѣщика. Къ одному изъ нихъ, о которомъ говорили очень дурно, нагрянули разбойники. Управившись тамъ по своему желанію, возвращались мимо другого. Увидѣвъ его среди двора, съ небольшимъ числомъ людей, приготовившагося къ оборонѣ, разбойники говорили ему: «Не бойся ничего. Ты добрый панъ. Мы тебя не тронемъ; иди въ домъ и успокой свою панью и дѣточекъ». И въ самомъ дѣлѣ, ѣхали мимо, не сдѣлавъ ему вреда, тогда какъ сосѣда его обирали до чиста и сверхъ того производили ему чувствительное наставленіе... Только съ открытіемъ намѣстничествъ введенъ здѣсь порядокъ; но благодѣтельныя мѣры правительства не всѣми понимались, да и сами исполнители не по всѣмъ частямъ были еще готовы. А потому, дѣйствія по нѣкоторымъ предметамъ шли слабо, какъ это нерѣдко случается при введеніи новаго устройства. Притомъ же суевѣрный простой народъ распускалъ ужасныя нелѣпости объ этой шайкѣ. Надобно сказать, что Гаркуша именно и явился передъ самымъ преобразованіемъ черниговскаго намѣстничества. Собравъ небольшую шайку, онъ ходилъ съ нею открыто, проповѣдывалъ какія-то странныя идеи. Его очень скоро схватили и упрятали въ Сибирь. Позднѣе дѣйствовавшая здѣсь шайка распускала слухи, будто бы этотъ самый Гаркуша вырвался изъ Сибири и атаманствовалъ надъ ними. Въ самомъ дѣлѣ, они при дѣйствіяхъ своихъ всегда кричали:—«Батько Гаркуша такъ приказалъ». Власти собирали толпы мужиковъ, вооружали ихъ и намѣревались выступать противъ разбойниковъ. Тутъ шайка совершенно исчезала,

а проявлялась очень скоро въ другомъ уѣздѣ, подалѣе отъ прежнихъ дѣйствій. Надобно, однако, замѣтить, не слышно, чтобы эти разбойники кого убивали, тиранили или поджигали гдѣ; они только грабили, а у иного и оставляли даже кое-что для прожитія. Случалось, что иная шайка какъ-то необыкновенно долго гостила въ иномъ уѣздѣ; о мѣстопребываніи ея, при всѣхъ усиленныхъ стараніяхъ, не получалось свѣдѣній. Казалось, ея нѣтъ нигдѣ, а является вездѣ. Можетъ быть и выдумывали, но только увѣряли, что атаманъ ихъ, называющійся Гаркушей, являлся въ разныхъ видахъ. Вечеромъ, при холодной, ненастной погодѣ, случайно, къ кому-либо изъ помѣщиковъ въѣдетъ бывало военный чиновникъ, купецъ съ товарами, или важный гражданскій чиновникъ и проситъ укрыть его на ночь въ предостереженіе отъ разбойниковъ. Ему даютъ убѣжище, а ночью, когда въ домѣ всѣ безпечно спали, странникъ впускалъ товарищей и въ благодарность за гостепріимство грабилъ добродушныхъ хозяевъ. Разсказываютъ, что по какому-то случаю былъ схваченъ одинъ изъ разбойнической шайки. Говорятъ, что будто самъ Гаркуша поддался съ умысломъ, чтобы высмотрѣть дѣйствія городничихи. Какое бы ему, казалось, до того дѣло? Какъ ни идетъ управленіе, ему нѣтъ ни пользы, ни вреда, но такъ говорятъ. Вѣрно только то, что городничиха приказала схваченнаго разбойника содержать подъ строгимъ присмотромъ. Не представляя его къ суду, морила голодомъ, выспрашивала ни о чемъ болѣе, какъ только о мѣстѣ, гдѣ хранятся награбленныя имъ сокровища. Уже она располагала приступить къ цыткѣ, какъ арестантъ ушелъ.—«Мы его берегли до сего часу крѣпко,— говорили потомъ сторожа:—не давали ему и ѣсть; а ему кто-то со стороны приносилъ всего. Мы никакъ не додумались, кто ему это приносилъ? А не разъ заставали, что онъ доѣдаетъ поросятину, да еще и горилку пьетъ. Мы станемъ его бранить и приказывать, чтобы онъ ничего не ѣлъ, а онъ въ отвѣтъ пѣсни поетъ. Вотъ такъ и было до сего часа. Какъ приказали намъ вести его, мы и хотѣли связать ему руки, а онъ и говоритъ: — «На что вы свяжете меня?» А мы говоримъ:—«чтобы ты часомъ не ушелъ».— А онъ говоритъ: — «я и такъ не уйду». — А мы спрашиваемъ: «іо? (неужто)?»—А онъ говоритъ: «ей Богу»—А мы говоримъ: «а ну, побожись больше».—Онъ и побожился, и

таки крѣпко. Вотъ мы и повели его. Только-что вышли на улицу, смотримъ,—онъ не то думаетъ: поворотилъ въ другую сторону. Мы ему говоримъ: «иди за нами». А онъ поетъ, рукою махнулъ и идетъ своею дорогою. Мы ему кричимъ: «Брехунъ! сбрехалъ; побожился, а самъ уходишь». А онъ все-таки идетъ и не оглядывается. Глядимъ, уже далеченько отошелъ; мы стоимъ и совѣтуемся: что намъ дѣлать? А вотъ этотъ Климкѐ и говоритъ: — побѣжимъ, да поймаемъ его».—А мы говоримъ: «Побѣжимъ». — Глядимъ, примѣчаемъ, а онъ все далѣе, все далѣе... Какъ же совсѣмъ скрылся, тутъ мы принялись ругать его».

Вскорѣ затѣмъ доставлено къ городничему письмо отъ Гаркуши, коимъ онъ благодаритъ жену его за хлѣбъ-соль и угощеніе, оказанное товарищу его, и что онъ вскорѣ посѣтитъ его самъ, съ семьею своею, и лично покажетъ свое расположеніе къ ней. — «Причемъ,—такъ писалъ онъ, и городничій имѣлъ духъ показывать это письмо многимъ и Квиткѣ также: — покажу, братику, и тебѣ любовь свою за твое мудрое управленіе городомъ.»

Гаркуша, по словамъ Квитки - Основьяненка, никого не убивалъ и не губилъ. Онъ и не грабилъ «благонажитаго». Однимъ словомъ, Гаркуша ни одному человѣку безвинно не причинилъ даже испуга, не только зла. Вся цѣль Гаркуши была—исправить людей и истребить злоупотребленія. По удостовѣренію Квитки, Гаркуша обучался въ кіевской академіи и учился хорошо. Онъ въ классѣ философіи былъ изъ отличныхъ: объ этомъ можно удостовѣриться изъ академическихъ списковъ. На диспутахъ онъ побѣждалъ своихъ противниковъ. И съ такими свѣдѣніями, познаніями и понятіями, не вѣрилось, чтобы онъ вдавался въ разбойничество, душегубство и, еще болѣе, подлый грабежъ для своей пользы. Современники Гаркуши говорили о немъ, будто бы онъ, будучи одаренъ чистымъ, здравымъ разсудкомъ, видя вещи, какъ онѣ есть, сострадая къ угнетаемымъ, не видя благороднаго употребленія даровъ, случайно полученныхъ людьми, — сперва негодовалъ, скорбѣлъ и почувствовалъ въ себѣ призваніе пресѣчь зло, искоренить злоупотребленія, дать способы добродѣтельному дѣйствовать по чувствамъ своимъ, а у сильнаго отнять возможность угнетать слабаго. Онъ принялся дѣйствовать, но по молодости и неопытности, — безъ обдуманнаго плана. Его не поняли,

схватили, судили и сослали было на житье въ Сибирь. Если бы онъ могъ быть тамъ полезенъ,—онъ бы остался; но видя, что ему тамъ нечего дѣлать, онъ нашелъ средство возвратиться сюда и началъ дѣйствовать для пользы общей. Гаркуша любилъ повторять латинскую пословицу: homini, quem nescis, nequaquam male dicendum est (не знавши человѣка, не должно говорить о немъ худо). Онъ былъ, по словамъ Квитки, «лѣтъ сорока съ небольшимъ; лицо имѣлъ смуглое, загорѣлое, запекшееся на солнечномъ жару; волосы на головѣ подстриженные, по обыкновенію тогдашнихъ малороссіянъ; усы — широкіе, густые, черные; глаза — быстро глядящіе и проницательные. Одѣвался онъ въ малороссійское платье, скромное, т. е. темнаго сукна и безъ блестящихъ выкладокъ; рукава верхней черкески не закидывалъ назадъ, но надѣвалъ на руки. Одинъ только обыкновенный ножъ на цѣпочкѣ за поясомъ, и никакого больше оружія; ни сабли при боку, ни пистолетовъ за поясомъ, по обычаю дорожныхъ—ничего этого не было». По словамъ Квитки, исторія съ пріѣздомъ Гаркуши къ городничему происходила такимъ образомъ. Въ передней послышался шумъ: «пріѣхали, пріѣхали!» Колокольчики гремятъ у крыльца, ямщики кричатъ на усталыхъ лошадей, слуги изъ дома выходятъ со свѣчами на крыльцо; за ними поспѣшаетъ городничій, застегивается, торопится, прицѣпляетъ шпагу, служанка догоняетъ его съ треугольною шляпою, онъ схватываетъ ее и, вытянувшись, стоитъ на крыльцѣ, держа въ рукахъ рапортъ. Карета вѣнской работы, съ чемоданами и ящиками, останавливается у крыльца. Восемь почтовыхъ лошадей, измученныя, всѣ въ мылѣ, шатаются отъ усталости. Человѣкъ весь запыленный, подобія въ лицѣ не видно, быстро вскакиваетъ съ козелъ, ловко отпираетъ дверцы у кареты и откидываетъ подножку. Изъ кареты выскакиваетъ бывшій уже офицеръ и становится принимать генерала. Другой слуга, также вершковъ десяти, какъ и первый, встаетъ лѣниво съ запятокъ (видно спалъ всю дорогу), протираетъ глаза, весь въ пыли, зѣваетъ и, съ удивленіемъ не проснувшагося, разсматриваетъ всѣхъ и все, разбирая, куда они пріѣхали? Судья вполголоса закричалъ городничему: «Къ подножкѣ! идите къ подножкѣ!.. Такъ должно встрѣтить...» Изъ кареты показался генералъ: на пышномъ плащѣ блестящая звѣзда; на головѣ, сверхъ кол-

пака, шелковая стеганая шапочка; щека подвязана бѣлымъ платкомъ. Лицо чистое, бѣлое, румяное; замѣтны морщины, какъ у человѣка лѣтъ за шестьдесятъ. Изъ-подъ колпака висѣли развитыя пукли сѣдыхъ волосъ. Онъ вылѣзалъ медленно, потому что одна нога была окутана и обвязана; онъ съ трудомъ двигалъ ею.

Разговоръ не прерывался. Генералъ въ подробности разсказывалъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ недавно конченную войну съ турками, чертилъ на столѣ планы сраженій, штурмовъ; адъютантъ безъ запинки подсказывалъ имена храбрѣйшихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, коихъ генералъ не могъ же всѣхъ припомнить. Городничій слушалъ, городничиха слушала, и оба удивлялись, не понимая дѣла ни на волосъ. Разговоръ коснулся и до Гаркуши. Городничиха тутъ разсыпалась въ разсказахъ. Что знала, слышала, все высказала генералу и заключила описаніемъ мѣръ, какія она предприняла, чтобы схватить проклятаго харцыза. Подали ужинъ. Генералъ кушалъ хорошо. Немного мѣшала ему больная, раненая щека,—но ничего. Послѣ ужина генералъ просилъ хозяйку успокоиться, а самъ расположился съ хозяиномъ покурить, «пока до чего дѣло дойдетъ». Такъ примолвилъ онъ, снимая платокъ, коимъ завязана была его щека. Городничиха вошла въ спальню, кликала дѣвокъ,—никто нейдетъ. Она въ дѣвичью,—нѣтъ ни одной. Она прошла въ переднюю, чтобы послать за ними слугу,—ни одного человѣка нѣтъ въ передней. Она вышла на крыльцо, звала дѣвокъ, слугъ—никто не отзывается. Разсердилась, воротилась, еще дожидала,—нѣтъ никого! Что могла, сбросила съ себя, сѣла на кровать — никто нейдетъ... Она прилегла, вздремнула; потомъ, утомясь чрезъ весь день, заснула крѣпко. Генералъ продолжалъ пересказывать разныя приключенія изъ жизни своей. Вдругъ вступили въ комнату четыре человѣка страшнаго вида, въ казачьихъ платьяхъ. «Управились со всѣми, батьку!»—сказалъ одинъ изъ нихъ грубымъ голосомъ и малороссійскимъ нарѣчіемъ, обращаясь къ генералу. Кончивъ трубку, Гаркуша съ прежнимъ равнодушіемъ всталъ и сказалъ: «Пойдемъ же къ пани-городничихѣ. Веди! — ты мужъ, дорогу долженъ знать. Хлопцы, хлопцы за мною». И затѣмъ прибавилъ мужу: «Войди одинъ и объяви, что Гаркуша здѣсь». — Городничій, дрожа, взошелъ въ спальню жены и робкимъ голосомъ на-силу про-

говорилъ: «Душечка! Гаркуша здѣсь!..»—Городничиха какъ ни спала крѣпко, но это извѣстіе и во снѣ поразило ее. Она мигомъ вскочила и вскричала: «Здѣсь? Наконецъ поймали!» — «Нѣтъ, голубочка, чорта два меня поймаютъ. Я самъ явился. Вотъ и хорошо, что ты одѣтая спала; намъ меньше заботъ». Потомъ взявъ ее за руку, сказалъ: «Сядь, голубочка, подлѣ меня»,—и посадилъ ее.—«Пана-городничаго я задобрилъ, онъ не приревнуетъ васъ ко мнѣ. Ну, поговоримъ же любенько. Узнала ли ты меня, пани-городничиха?» Городничиха, дрожа всѣмъ тѣломъ, отвѣчала: «У... у... узнала...» — Квитка кончаетъ: «Однимъ словомъ, Гаркуша увидѣлъ, что зло сильно владычествуетъ между людьми, что изъ блаженной жизни, данной въ удѣлъ каждому, враги добра, не страшась преслѣдованія закона, превратили ее въ мучительное истязаніе, услаждаясь стенаніями ближнихъ, забыли мыслить о возмездіи,—и вотъ Гаркуша, одушевленный на истребленіе зла, изшелъ на дѣло. Онъ не убиваетъ, но, узнавъ о лихоимствѣ судей, корыстолюбіи ихъ, несправедливомъ управленіи,—является, выставляетъ передъ ними пороки, злоупотребленія, неправды ихъ, стремится еще навести ихъ на истинный путь убѣжденіями, увѣщаніями, угрозами — и грозитъ воздать некающимся по дѣламъ ихъ. Говорятъ, Гаркуша — грабитель. — Вотъ съ какою цѣлью отнимаетъ онъ у иного достояніе. Услышавъ о купцѣ, собравшемъ, или правильнѣе сказать, содравшемъ, изъ чего только могъ, великое богатство и не обращающемъ его на общую пользу, или провѣдавъ о зловредномъ ростовщикѣ, пользующемся слабостью ближняго и разорившемъ его непомѣрными процентами и лихвенными начетами,—Гаркуша являлся у такихъ, отбиралъ неправедно ими нажитое и бралъ къ себѣ, но не для себя. Объѣзжая самъ и имѣя великое число во всемъ здѣшнемъ краѣ вѣрныхъ людей, узнавалъ бѣдныя семейства, худо устроившія дѣла свои; небольшихъ помѣщиковъ и другихъ, впавшихъ въ несчастное положеніе, онъ снабжалъ изъ денегъ, отнятыхъ у тѣхъ, которые не умѣли изъ нихъ сдѣлать общеполезнаго употребленія, наставлялъ, какъ устроить дѣла свои—и, слыша отъ нихъ благодарность, самъ имѣлъ душевное наслажденіе, видя изъ прежде бѣдныхъ — цвѣтущихъ состояніемъ. А сколько Гаркуша истребилъ, переловилъ шаекъ гайдамакъ, настоящихъ харцызовъ, набѣжавшихъ сюда изъ вольницы

запорожской, разбойничавшихъ во всемъ краѣ и разглашавшихъ, что они изъ шайки Гаркуши! Нѣтъ, онъ, не любя и малѣйшей неправды, не терпѣлъ такого зла и отбивалъ у настоящихъ разбойниковъ охоту набѣгать сюда на промыслы. Однимъ словомъ, Гаркуша искоренялъ зло, преслѣдовалъ пороки людей. Гаркуша былъ совершенно окруженъ военною командою; непривыкшихъ къ битвѣ, но всетаки нападавшихъ на него, почти шутя отбивалъ.

Часть разбойниковъ была убита; прочіе всѣ взяты. Когда заковывали Гаркушу и Товпыгу особо,—Гаркуша сказалъ: «Какъ ни жалка смерть моего Довбни, но завидую ему: онъ избѣжалъ посмѣянія отъ злой городничихи, а мнѣ эта участь предстоитъ!»—и, скрежеща зубами, трясъ цѣпями въ ярости. По снятіи допросовъ, Гаркуша былъ заключенъ въ тюрьму, и караулъ приставленъ уже не изъ обывателей, а изъ военной команды, поймавшей его. Когда объявили Гаркушѣ рѣшительный о немъ судебный приговоръ, онъ, поклонясь присутствующимъ, сказалъ: «Справедливо. При всемъ ученіи моемъ, я ложно понялъ вещи, а предъ закономъ и въ томъ уже преступникъ, что принялся дѣйствовать самовластно. Участь мою, еще прежде васъ, истина нарекла устами юности».

I.

ЦИМБЕЛИНЪ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе В. Шекспира.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

(Посвящается П. А. Плетневу.)

Отъ переводчика.

Цимбелинъ,—по выраженію Газлитта,—*одна изъ самыхъ пріятныхъ и интересныхъ романическихъ драмъ Шекспира.*

Эту драму всегда сравнивали, по стилю и стихамъ, съ «Зимнею Сказкой», съ которой она почти въ одно время авторомъ и написана. Стивенсъ полагаетъ, что «Зимняя Сказка» явилась въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1601 года; Мэлонъ, Чалмерсъ и Дрэкъ относятъ появленіе «Цимбелина» къ 1605 году; Гервинусъ полагаетъ, что эта драма была написана около 1609 года. Во всякомъ случаѣ, теперь уже совершенно доказано, что «Цимбелинъ» явился вслѣдъ за «Зимнею Сказкою» — между «Лиромъ» и «Макбетомъ». Шекспиру тогда уже совершилось сорокъ лѣтъ отъ роду.

Гервинусъ замѣчаетъ, что въ содержаніи «Цимбелина» заключаются собственно три отдѣльныя, цѣлыя происшествія, или части. Къ первой части онъ относитъ войну изъ-за платежа дани между Британіей и Римомъ; эту сторону своей драмы Шекспиръ заимствовалъ изъ хроники Голиншеда. Цимбелинъ, по словамъ Голиншеда, царствовалъ въ Британіи во времена Августа-Цезаря и имѣлъ, дѣйствительно, двухъ сыновей, Гвидерія и Арвирага. Ко второй части, ко второму происшествію драмы, Гервинусъ относитъ судьбу сыновей Цимбелина. Источниковъ этого факта никто не знаетъ; онъ, по всей вѣроятности, созданъ фантазіею великаго поэта. У Шекспира выведено замѣчательное лицо Белларія, вельможи и полководца, впавшаго невиннымъ образомъ въ опалу и изгнаннаго изъ Британіи. Белларій похищаетъ двухъ сыновей Цимбелина, воспитываетъ ихъ въ лѣсу и вмѣстѣ съ ними оказываетъ королю великія

услуги во время его битвы съ римлянами. Къ третьему и интереснѣйшему дѣйствію или происшествію драмы Гервинусъ относитъ романъ Постума и королевской дочери Имодженъ. Эта часть заимствована Шекспиромъ изъ небольшой *Новеллы Боккаччіо* (11, 9) и изъ англійскаго ей подражанія, именно изъ поэмы «Westvard fon Smelts», которая, по Стивенсу, была издана въ 1603 году. Шекспиръ въ иныхъ мѣстахъ обработалъ свою драму по итальянскому образцу, въ другихъ же руководствовался англійскою поэмою. Въ «Новеллѣ» Боккаччіо разсказывается, какъ одинъ мужъ побился объ закладъ съ какимъ-то авантюристомъ, что вѣрность его жены непоколебима. Отверженный искатель приключеній рѣшается обмануть честнаго супруга, увѣряетъ его въ мнимомъ преступленіи его жены, и тотъ, въ припадкѣ изступленнаго негодованія, приказываетъ своему слугѣ убить преступницу. Слуга, разжалобленный просьбами госпожи, спасаетъ ее отъ погибели и доноситъ мужу, что онъ исполнилъ его приказаніе. Жена скрывается, переодѣтая въ мужское платье, и вступаетъ въ чужихъ краяхъ въ услуженіе къ знатному вельможѣ; послѣ долгихъ странствій, она встрѣчается (во всѣхъ трехъ пьесахъ, — у Боккаччіо, Шекспира и неизвѣстнаго передѣлывателя Боккачіо, — вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ) съ обманутымъ супругомъ, разувѣряетъ его въ своемъ преступленіи и соединяется съ нимъ для безмятежнаго счастія и любви. Этотъ романическій эпизодъ, обработанный когда-то и во французской комедіи, Шекспиръ припаялъ къ своей драмѣ тѣмъ, что честною, любящею и постигнутою злосчастными испытаніями судьбы супругою сдѣлалъ дочь короля Британіи, а ея обманутымъ мужемъ—пріемыша и пажа ея добраго и мягкосердаго отца.

«Цимбелинъ» — великое произведеніе новѣйшей драмы. Читатель найдетъ въ немъ бездну самыхъ разнообразныхъ наслажденій. Надъ изученіемъ этой интересной и поэтической исторіи человѣческаго сердца, во всѣхъ его оттѣнкахъ и положеніяхъ, можно провести многіе годы; отъ Цимбелина, кажется, трудно оторваться на минуту, какъ мы не можемъ оторваться отъ поэтической, цвѣтущей долины Юга, или отъ того сновидѣнія, которое насъ нежданно посѣщаетъ уже на зарѣ, совсѣмъ поутру, когда розовый, молодой день зоветъ къ дѣятельности и бодрымъ трудамъ, а серебряныя

гармоническія впечатлѣнія трепещутъ еще въ горячемъ воображеніи и, словно фантастическія, сказочныя, пѣвучія мошки, рѣютъ передъ смыкающимся взоромъ: теплѣе закутываемся мы подъ одѣяло, тѣснѣе забиваемъ голову въ горячія подушки и снова, сквозь сладкую дремоту, молимъ симпатическія видѣнія не покидать насъ и чаровать до безконечности...

Но не посчастливилось «Цимбелину» ни у европейскихъ переводчиковъ, ни у критиковъ, а вслѣдствіе этого, не посчастливилось ему и у *нашей публики*. Рѣдко кто изъ нашихъ литературныхъ диллетантовъ знаетъ эту поэтическую драму. Западные критики, за исключеніемъ, впрочемъ, германцевъ, говорятъ о ней, большею частью, сбивчиво и двусмысленно. Мы полагаемъ, что нашимъ читателямъ интересно будетъ прослѣдить эти мнѣнія.

Мезонъ, авторъ книги «Treatise on Ornamental Cardening», первый началъ достойнымъ образомъ судить о Шекспирѣ, но, за раннею кончиною, успѣлъ разобрать только характеры Ричарда III и Макбета. Вслѣдъ за нимъ явилось сочиненіе нѣмца Шлегеля «Драматическія чтенія». Шлегель, между другими первостепенными пьесами Шекспира, разобралъ и «Цимбелина». Онъ говоритъ: «Это одно изъ самыхъ зрѣлыхъ созданій великаго поэта. По всей вѣроятности, «Цимбелинъ», широкая и привольная, романтическая легенда, занимала и тревожила автора еще въ ранней молодости. Ни въ одной пьесѣ Шекспира не господствуетъ такого разнообразія разговора, свѣтскаго тона, трагическаго выраженія страсти, роскоши образовъ, нѣжности любви, наивной естественности и тутъ же, рядомъ съ изящнымъ колоритомъ, такихъ простонародныхъ выраженій и мыслей. По нашему мнѣнію, эта пьеса должна имѣть огромный успѣхъ на сценѣ; она чаруетъ нашу мысль и сердце потому, что въ ней соединено все: и поэтическая легенда, и сказка, и трагедія, и комедія; вся драма насквозь пропитана благоуханнымъ и свѣжимъ колоритомъ». Джонсонъ первый сталъ язвить великій геній Шекспира. Попе, до него, говорилъ: «Никто изъ писателей не заслуживаетъ такъ названія «оригинальный», какъ Шекспиръ: само искусство Гомера проходило черезъ египетскіе водопроводы и озера, подвергалось вліянію «образцовъ». О Шекспирѣ же можно сказать, что онъ не столько подражатель природы, сколько

орудіе ея. Шекспиръ создаетъ героевъ дѣйствительныхъ, а не принадлежащихъ міру философіи и метафизики». Но Джонсонъ съ презрѣніемъ глядѣлъ на эти слова Попе. Джонсонъ былъ въ мірѣ литературномъ, такъ называемымъ, падшимъ геніемъ, вѣчнымъ кандидатомъ на безсмертнаго, непризнаннымъ властелиномъ поэзіи. Онъ писалъ грубою и блѣдною прозою и во всю жизнь не возбудилъ къ себѣ симпатіи читателей. Въ тяжеломъ разсужденіи къ изданію Шекспира, онъ старается высокопарными фигурами и звонкими эпитетами помрачить достоинства поэта. Онъ хвалитъ въ немъ только грубое и осязаемое, только то, чтò, по выраженію Газлитта, можно измѣрить двухъ-футовою линейкою, или сосчитать на десяти пальцахъ. Вотъ, чтò онъ говоритъ о «Цимбелинѣ», — и это мѣсто, по обычаю англійскихъ книгъ, напечатано въ парижскихъ и лондонскихъ компактныхъ изданіяхъ Шекспира, передъ текстомъ «Цимбелина»:—«Эта драма сіяетъ немногими вѣрными мыслями, нѣсколькими естественными разговорами и пріятными сценами; но вся она исполнена страшныхъ невѣроятностей. Всякъ замѣтитъ, до чего ложно ея изобрѣтеніе, до чего неестественны ея происшествія, странно смѣшеніе именъ и совершенно различныхъ историческихъ эпохъ, и до чего она исполнена невозможныхъ явленій жизни».

Вслѣдъ за Джонсономъ появилось не менѣе сбивчивое разсужденіе о «Цимбелинѣ» Ульрици; но этотъ критикъ далеко не заходилъ и ограничился замѣчаніями, что эта пьеса просто «Комедія интриги» или, иначе, «Комедія судьбы» (Intriguen-Komödie und Schicksal-Komödie).

Болѣе всѣхъ вѣрныя и глубокія сужденія о «Цимбелинѣ» представили Газлиттъ и Гервинусъ. На нихъ мы и кончимъ нашъ обзоръ критиковъ «Цимбелина», потому что кропотливый Дрэкъ, авторъ знаменитаго сочиненія «Шекспиръ и его время», мало сказалъ о немъ особеннаго и оригинальнаго, рядомъ съ этими великими литературными судьями.

Въ срединѣ 1838 года, въ Лондонѣ вышло въ свѣтъ третье изданіе книги «Характеры Шекспировскихъ пьесъ» («Characters of Shakespeares plays»), сочиненія Вильяма Газлитта (Hazlitt). Въ немъ мы находимъ слѣдующія мнѣнія о «Цимбелинѣ».

«Цимбелинъ» можетъ назваться *драматическимъ романомъ*, въ которомъ всѣ самыя разительныя части повѣсти

представлены въ видѣ разговора и всѣ обстоятельства объясняются говорящими, по мѣрѣ какъ представляется къ тому случай. Дѣйствіе не вдругъ сосредоточивается, а постепенно; но занимательность возрастаетъ и становится какъ бы воздушнѣе, утонченнѣе отъ перспективы, введенной въ пьесу вымышленными перемѣнами сцены и продолжительностью занимаемаго ею времени. Чтеніе этой пьесы походитъ на путешествіе, котораго цѣль невѣрна, и въ которомъ недоумѣніе поддерживается и возвышается длинными промежутками, отдѣляющими одно дѣйствіе отъ другого. Хотя происшествія разсѣяны по обширному пространству и относятся къ множеству характеровъ, но цѣпь, соединяющая различные интересы повѣсти, нигдѣ вполнѣ не разрывается. Самыя отдѣльныя и, повидимому, случайныя обстоятельства придуманы такимъ образомъ, что приводятъ въ концѣ къ совершенному развитію главнаго приключенія. Легкость и свобода, съ какими это исполнено, удивительны. Ходъ завязки усиливается въ послѣднемъ дѣйствіи; повѣсть подвигается впередъ съ необыкновенною быстротой; различныя ея вѣтви приводятся къ одному центру отъ самыхъ отдаленныхъ точекъ; главные характеры сводятся и размѣщаются въ самыхъ критическихъ положеніяхъ, и судьба почти каждаго лица драмы зависитъ отъ разрѣшенія одного обстоятельства—отъ отвѣта Якимо на вопросъ Имоджены о полученіи кольца отъ Постума».

«*Патетическое* въ Цимбелинѣ не носитъ характера поразительнаго, или, въ обыкновенномъ смыслѣ, трагическаго, но чрезвычайно *мило* и *пріятно*. Какая-то нѣжная грусть сквозитъ во всей пьесѣ. Герой этой пьесы — Постумъ; но величайшая ея прелесть заключается въ *характерѣ Имоджены*... Отличительная черта *героинѣ Шекспира* та, что онѣ живутъ только своею привязанностью къ другимъ. Ихъ можно назвать чистыми созданіями чувства. Мы такъ же мало думаемъ о красотѣ и особенности ихъ лицъ, физіономіи, какъ и онѣ сами, потому что мы проникаемъ въ тайны ихъ сердецъ, и это для насъ гораздо интереснѣе. Мы принимаемъ такое живое участіе въ ихъ дѣлахъ, что не можемъ останавливать своихъ взоровъ на ихъ наружности, развѣ только украдкою и изрѣдка... Никогда и никто не уловилъ такъ хорошо, какъ Шекспиръ, истиннаго совершенства женскаго характера — чувства слабости, опираю-

щагося на чувствѣ любви; никогда и никто не описалъ такъ хорошо, какъ Шекспиръ ихъ природной нѣжности, чуждой всякой принужденности. Цибберъ замѣчаетъ, что во время Шекспира женщинамъ не позволялось играть женскія роли; вслѣдствіе этой необходимости, надобно было оставлять въ тѣни ихъ наружность и развивать одну внутреннюю сторону ихъ личности».

«Характеръ Клотена, продолжаетъ Газлиттъ, высокомѣрнаго глупца и отверженнаго поклонника Имоджены, хотя не очень интересенъ самъ по себѣ и теперь ужъ обветшалый, написанъ съ *большимъ юморомъ* и знаніемъ души... Замѣчательнѣе всего то, что Клотенъ, несмотря на свою жалкую роль въ любви, важничаетъ и пѣтушится и, несмотря на всю пошлость своего вида и обращенія, старается придавать какую-то *остроту* и франтовство своимъ замѣчаніямъ. Здѣсь мы находимъ подтвержденіе той вѣковой истины, что изысканность такъ же часто происходитъ отъ недостатка истинныхъ чувствъ, какъ и отъ недостатка ума! Къ Шекспиру можно примѣнить слова древняго критика: «О, Менандръ и Природа! кто изъ васъ списывалъ другъ друга?»

«Характеры Белларія, Гвидерія и Арвирага и сказочныя сцены, окружающія ихъ, составляютъ прекрасные рельефы къ интригамъ и хитростямъ города, изъ котораго они изгнаны. Описанія горной ихъ жизни исполнены дикости и простоты. Они занимаются охотою, а не разведеніемъ скота, и это чрезвычайно гармонируетъ съ духомъ приключеній и неизвѣстностью, господствующею въ остальныхъ частяхъ повѣсти, также со сценами, въ которыхъ они впослѣдствіи должны дѣйствовать. Какъ искусно юношеская пылкость и нетерпѣливое желаніе принцевъ выйти изъ неизвѣстности представлены въ противоположности съ холодною, разсчетливою и благоразумною покорностью судьбѣ болѣе опытнаго ихъ совѣтника! Какъ прекрасно другъ противъ друга размѣщены наука и невѣжество, уединеніе и общество!—Одинъ Арденскій лѣсъ въ пьесѣ «Какъ вамъ угодно!» (What you will, or Twelfth Night) можетъ сравниться съ *горными сценами* въ «Цимбелинѣ». Но какая разница между созерцательнымъ спокойствіемъ одной картины и смѣлою рѣшительностью другой! Шекспиръ не только открываетъ намъ души своихъ дѣйствующихъ лицъ, но даже отражаетъ въ тонѣ и

краскахъ описываемыхъ сценъ — чувства ихъ вымышленныхъ обитателей!»

Гервинусъ несравненно глубже и строже прослѣдилъ характеры «Цимбелина».

Прежде всего онъ сравниваетъ эту драму съ «Лиромъ». Какъ дѣйствіе Лира, такъ и дѣйствіе Цимбелина происходитъ въ языческія времена древняго британскаго народонаселенія. Разница только та, что мы вращаемся здѣсь не въ темномъ вѣкѣ, предшествовавшемъ христіанской эрѣ, а въ свѣтломъ періодѣ первыхъ годовъ царствованія императора Августа, гдѣ римская цивилизація уже сильно повѣяла на Британію своимъ благотворнымъ дыханіемъ. Леонатъ (имя, заимствованное Шекспиромъ изъ одного разсказа Сиднея, послужившаго ему источникомъ эпизода о Глостерѣ въ «Лирѣ») хвалитъ въ Италіи, передъ римлянами, своихъ соотечественниковъ и говоритъ, что теперь они ужъ превзошли старинныхъ британцевъ, такъ ловко разбитыхъ Цезаремъ.—Какъ въ «Лирѣ» отецъ проклиналъ Корделію, въ «Цимбелинѣ» такой же престарѣлый отецъ проклинаетъ Имоджену.—Въ «Лирѣ» преобладаютъ страсти дикія, изступленныя и необъятныя; хитрость и лживость тамъ играютъ, у дочерей Лира и у Эдмунда, второстепенныя роли, рядомъ съ кровавымъ честолюбіемъ героевъ драмы. Въ «Цимбелинѣ» эти страсти слабѣе и блѣднѣе; здѣсь все ужъ сглажено цивилизаціею юго-востока Европы.

Послѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ замѣчаній, Гервинусъ переходитъ къ разбору каждаго характера драмы.

Онъ разсказываетъ содержаніе «Цимбелина», большею частью, подлинными выраженіями Шекспира. Начиная съ эпизода о Белларіѣ и о похищенныхъ имъ сыновьяхъ короля, онъ чрезвычайно краснорѣчиво представляетъ воспитаніе старымъ и опытнымъ вельможею юныхъ наслѣдниковъ короны Британіи, въ пещерѣ, подъ таинственными дебрями горнаго Валлиса. Царственныя дѣти, вскормленныя плодами своихъ рукъ, окрѣпшія на охотѣ за горными сернами и ежеминутно вдохновляемыя разсказами сѣдовласаго воина о славныхъ битвахъ, гордо подъемлютъ свои головы, со слезами на глазахъ молятъ Небо о дѣятельности общественной и, сами того не зная, спасаютъ свой будущій престолъ въ битвѣ противъ римлянъ. Начертивъ этихъ ра-

тоборцевъ добраго начала, начала свѣтлаго въ сердцѣ человѣческомъ, Гервинусъ переходитъ къ мрачной сторонѣ драмы; здѣсь выступаетъ на сцену испорченный міръ того времени. Вторая жена Цимбелина и его пасынокъ изображены во всей ихъ дикой и страшной живописности. Среди этихъ двухъ сторонъ, среди представителей добра и зла — являются два чрезвычайно-идеальныхъ и высоко-поэтическихъ ббраза: пріемышъ короля, Постумъ, и дочь короля, Имоджена. Снова, почти подлинными словами Шекспира, разсказывается судьба двухъ этихъ характеровъ. Гервинусъ въ тайномъ бракѣ Имоджены и Постума видитъ сходство съ бракомъ Ромео и Юліи, Отелло и Дездемоны, особенно первыхъ двухъ, которые также росли вмѣстѣ и съ дѣтства считались между собою женихомъ и невѣстою. Гервинусъ изумляется, до какого совершенства Шекспиръ выяснилъ въ своемъ твореніи типическій образъ Имоджены. Она, по его мнѣнію, одно «изъ любезнѣйшихъ и художественныхъ женскихъ лицъ», созданныхъ великимъ поэтомъ. Ея явленіе распространяетъ теплоту, блескъ и радость на всю драму. Естественнѣе и проще Порціи и Изабеллы, она еще идеальнѣе ихъ. Она — сумма всѣхъ качествъ женственной природы человѣка. Ни въ одномъ созданіи поэзіи нѣтъ такого второго очаровательнаго образа. Рядомъ съ Гамлетомъ, — она — самый развитый и самый оконченный характеръ изо всѣхъ характеровъ Шекспира. Авторъ исчерпалъ въ ней всѣ волшебныя черты женщины, отъ убранства ея мирной спальни, до пѣнія, подобнаго пѣнію гостя Эдема, и до поварской стряпни, вырѣзывающей кружки кореньевъ такими фигурками, что самъ поваръ больной Юноны позавидовалъ бы этому искусству... По мнѣнію Гервинуса, главная черта этой природы — духовная свѣжесть и здоровье. Богатая чувствами, Имоджена никогда не впадаетъ въ сентиментальность; богатая воображеніемъ, она никогда не предается пошлой мечтательности, такъ же точно, какъ ни одна мысль болѣзненной и грубой страсти не вспадаетъ на ея трезвый умъ... Разсказывая исторію вѣроломнаго обмана Якимо, Гервинусъ замѣчаетъ, что Постумъ, повѣривъ мнимому преступленію Имоджены, разражается грознымъ диѳирамбомъ противъ женщинъ и здѣсь очень сходствуетъ съ Отелло, даже до такой степени, что, напримѣръ, и въ «Отелло» главную роль играетъ платокъ, потерянный

Дездемоною, и въ «Цимбелинѣ»—Пизаніо посылаетъ своему господину платокъ, омоченный въ мнимой крови Имоджены, которую онъ долженъ былъ убить.

Разобравъ эти характеры, Гервинусъ, по непремѣнному обычаю германскихъ ученыхъ, говоритъ, что нужно, наконецъ, отыскать «Stand und Gesichtspunkt» всей идеи «Цимбелина», и дѣйствительно находитъ этотъ «Stand und Gesichtspunkt». Онъ открываетъ, что главная исходная точка драмы заключается въ противоположности двухъ началъ: добра и зла, или, точнѣе — вѣрной (true) и измѣнчивой, лживой (false) *природы человѣка.* Подъ конецъ пьесы, какъ и вообще во всѣхъ тогдашнихъ рыцарскихъ романахъ, вѣрность и честность, испытанныя множествомъ приключеній, торжествуютъ и возвращаются подъ сѣнь покоя и счастія. Вѣрность, какъ одна изъ главныхъ добродѣтелей, воспѣвалась въ эпическихъ народныхъ поэмахъ и пѣсняхъ любви, въ «Одиссеѣ» и «Гудрунѣ», въ «Иліадѣ» и «Нибелунгахъ». Въ героическія и рыцарскія времена ничто такъ не ставилось въ похвалу и великія дарованія, въ славу и почести, какъ вѣрность, которая одна умѣла спасать отъ погибели добрыхъ друзей, покинутыхъ слугъ и беззащитныхъ женъ. Отсюда же происходятъ разсказы о клятвахъ дружбы древне-греческихъ юношей, саги о вѣрныхъ вассалахъ германскихъ героическихъ поэмъ и пѣсни о честности Пенелопы и Гудруны. Въ «Лирѣ» вѣрность престарѣлаго Кента вѣетъ дружбою Ахилла и Патрокла въ «Иліадѣ». Но исторія Имоджены и Постума нѣсколько новѣе, романичнѣе и скорѣе походитъ на легенды о вѣрности рыцарской эпохи. Самое имя Фиделіо, *вѣрный,* которое принимаетъ Имоджена, блуждая въ лѣсахъ горнаго Валлиса, въ мужскомъ платьѣ, подтверждаетъ главный выводъ Гервинуса. Неопровержимое же доказательство нѣсколько темно-изложенной мысли нѣмецкаго ученаго представляетъ характеръ Пизаніо, слуги Постума, который, съ начала до конца драмы, до такой степени честенъ и вѣренъ своему господину, что даже лжетъ и обманываетъ, съ единственною цѣлью остаться безукоризненно-честнымъ, и является самымъ отчаяннымъ плутомъ въ то время, какъ онъ, по всей справедливости, вѣрнѣйшій изъ людей.

Самого Цимбелина, давшаго свое имя этой драмѣ, Гервинусъ называетъ лицомъ, служащимъ для общей связи,

для канвы происшествій, и говоритъ, что Шекспиръ сдѣлалъ его слабымъ, безхарактернымъ и блѣднымъ потому, что для общаго колорита своего яркаго и блестящаго созданія нуждался еще въ лицѣ, составленномъ изъ чуть-примѣтныхъ линій далекой перспективы.

Въ низведеніи языческихъ боговъ на землю къ спящему Постуму, Гервинусъ видитъ желаніе Шекспира представить личность миѳологическаго рока, Фатума, который выше людей, но иногда дѣйствуетъ и въ самой ихъ средѣ и научаетъ смертнаго почтенію воли судьбы. Юпитеръ говоритъ: «Паденіе часто служитъ средствомъ болѣе счастливаго возвышенія». — «Судьба осторожно направляетъ къ пристани корабль, руль котораго разбитъ бурями», и, наконецъ, «Небеса подвергаютъ горькимъ испытаніямъ тѣхъ, къ кому они благоволятъ, для того, чтобъ послѣ несчастій ихъ дары были еще вкуснѣе и слаще».

1850 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Цимбелинъ, король Британіи, женатый на второй женѣ.
Клотенъ, сынъ королевы, отъ перваго брака.
Леонатъ Постумъ, джентльменъ, мужъ Имоджены.
Белларій, изгнанный сановникъ, принявшій въ ссылкѣ имя *Моргана*.
Гвидерій и **Арвирагъ**, сыновья Цимбелина, слывутъ, подъ именами *Полидора* и *Кадвала*, сыновьями Белларія.
Филаріо, другъ Постума } итальянцы.
Якимо, другъ Филаріо } итальянцы.
Французъ, дворянинъ, другъ Филаріо.
Кай Люцій, командиръ римскихъ войскъ.
Римскій капитанъ.
Два британскіе капитана.
Пизаніо, слуга Постума.
Корнелій, врачъ королевы.
Два дворянина.
Два тюремщика.
Королева, супруга Цимбелина.
Имоджена, дочь Цимбелина, отъ перваго брака.
Елена, фрейлина Имоджены.
Лорды, придворные люди, римскіе сенаторы, трибуны, привидѣнія, гадатель, голландскій дворянинъ, испанскій дворянинъ, музыканты, офицеры, капитаны, солдаты, вѣстники и слуги.

Дѣйствіе происходитъ частью въ Британіи, частью въ Италіи *).

*) Время дѣйствія приблизительно относится къ шестому году послѣ Р. Хр. Въ этотъ годъ отъ Римской Имперіи отпали народы Далмаціи и Панноніи, что составляетъ нынѣшнюю Венгрію, на правомъ берегу Дуная.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Британія.—Садъ передъ дворцомъ Цимбелина. (Входятъ двое гражданъ).

Первый гражданинъ.—Ты нынче здѣсь не встрѣтишь человѣка,
Который не грустилъ бы; наши души
Не слушаютъ созвѣздій; какъ придворный,
Онѣ слѣдятъ за взоромъ короля *).
Второй гражданинъ.—Что такъ?
Первый гражданинъ.— Наслѣдница, дочь короля,
Съ которой тотъ хотѣлъ помолвить сына
Своей второй жены—(онъ на вдовѣ
Женатъ)—сама себѣ избрала мужа
Достойнаго, но бѣднаго; они
Вступили въ бракъ; супругъ за это въ ссылкѣ,
Жена подъ стражей; все у насъ печально,
Хотя король, я думаю, одинъ
По-истинѣ грустить...
Второй гражданинъ.—Одинъ король?
Первый гражданинъ.—Грустить и тотъ, который потерялъ
Жену, грустить, пожалуй, королева,
Которая желала этой свадьбы...
Но уже зато придворные, хотя бы
Они свой взоръ по взору короля
Всѣ смастерили, въ глубинѣ души
Въ восторгѣ отъ того, что̀ ихъ печалить.
Второй гражданинъ.—Что̀ за причина!?
Первый гражданинъ.— Тотъ, кто потерялъ
Принцессу, существо гораздо хуже
Всего, что̀ можно разсказать худаго
О немъ; но тотъ, кто мужъ ей и за это
Въ изгнаніи—такое совершенство,
Что, если бъ въ цѣломъ свѣтѣ поискать

---

*) Это мѣсто вызвало множество комментаріевъ. Лучшій изъ нихъ принадлежитъ *Л. Тику*, который такъ объясняетъ мысль Шекспира: «Наша кровь болѣе не покоряется вліянію атмосферы и планетъ, какъ это ей приписывали астрономы; она, подобно лицамъ придворныхъ, обусловливается состояніемъ духа великаго монарха».—Это мѣсто напоминаетъ слѣдующее двустишіе Расина, въ пьесѣ «Британикъ»:

«Mais ceux qui de la cour ont un plus long usage
«Sur les yeux de César composent leur visage».

Подобнаго ему, мы не нашли бы
Такого, съ кѣмъ бы онъ сравнился! Въ мірѣ,
По-моему, нѣтъ больше человѣка,
Который бы, съ подобною душой,
Владѣлъ еще наружной красотой!..

Второй гражданинъ.—Ужъ это слишкомъ!

Первый гражданинъ.— Сэръ, я въ похвалахъ
Не перешелъ границъ его достоинствъ:
Я сжалъ ихъ, не раскрылъ, какъ должно.

Второй гражданинъ.—Откуда онъ и какъ его зовутъ?

Первый гражданинъ.—Его происхожденія не знаю...
Отецъ его, Сицилій, противъ римлянъ
Соединилъ свой лавръ съ Кассибеланомъ;
Но именемъ своимъ обязанъ онъ
Тенанцію, которому, съ успѣхомъ
И славою достойной онъ служилъ:
За это онъ и прозванъ Леонатомъ! *)
Два сына—рѣчь у насъ идетъ о третьемъ—
Его два сына храбро пали въ смутахъ
Тогдашнихъ войнъ, съ мечемъ въ рукѣ; отецъ ихъ,
Уже старикъ, мечтавшій о потомствѣ,
Скончался отъ печали; вслѣдъ за нимъ
Его жена, беременная сыномъ,
Который насъ такъ занялъ, умерла,
Едва родился онъ... Король ребенка
Взялъ подъ свою защиту, далъ ему
Прозваніе Постума—Леоната,
Въ пажи опредѣлилъ и воспиталъ его,
Открылъ ему богатства всѣхъ познаній,
Которыя тотъ могъ принять по лѣтамъ,
И мальчикъ ихъ легко и беззаботно
Впивалъ, какъ мы въ себя впиваемъ воздухъ;
Его весна уже дала плоды.
Онъ при дворѣ—въ любви, а это рѣдкость!

---

*) *Тенанцій* былъ отецъ Цимбелина и племянникъ Кассибелана; *Кассибеланъ* прогналъ римлянъ при первомъ ихъ вторженіи въ Британію, но, побѣжденный Ю. Цезаремъ, долженъ былъ платить ежегодную дань Риму. Шекспиръ слѣдуетъ въ своей драмѣ хроникѣ Голиншеда, по которой Тенанцій отказался, наконецъ, отъ этой дани и завѣщалъ своему сыну, Цимбелину, воевать за нее съ императоромъ Августомъ. *Прим. Мэлона.*

Для юношей онъ былъ примѣръ, для зрѣлыхъ—
То зеркало, въ которое мы смотримъ
Для оживленья нашей красоты...
Для стариковъ—ребенкомъ, путеводцемъ
Для госпожи своей, изъ-за которой
Теперь онъ изгнанъ,—качества его
Намъ говорятъ, какъ много почитала
Она его достоинства, а выборъ
Ея показываетъ намъ, какой
Онъ человѣкъ!

Второй гражданинъ.—Разсказъ вашъ заставляетъ
Меня его отнынѣ уважать.
Но я прошу васъ объяснить мнѣ, точно-ль
Она единственная дочь монарха?

Первый гражданинъ.—Единственная!—Были у него
Два сына (если это любопытно
Для васъ, такъ слушайте): ребенокъ старшій
Былъ трехъ годовъ, а младшій былъ въ пеленкахъ.
Когда изъ дѣтской бѣдныхъ унесли—
И до сихъ поръ никто слѣдовъ малютокъ
Открыть не могъ.

Второй гражданинъ.—Давно-ль случилось это?

Первый гражданинъ.—Да лѣтъ ужъ двадцать...

Второй гражданинъ.— Дѣти короля
Похищены! Такой дурной присмотръ
И лѣнь такая въ поискахъ... Возможно-ль!
Не отыскать и легкаго слѣда!

Первый гражданинъ.—Какъ это вамъ ни странно, впрочемъ, будетъ,
Вы надъ такой оплошностью не смѣйтесь:
Все это правда, сэръ!

Второй гражданинъ.— Я вѣрю вамъ.

Первый гражданинъ.—Но замолчимъ: сюда идетъ принцесса,
А съ нею королева и Постумъ (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же (Входятъ: **Королева, Постумъ и Имоджена**).

Королева.—Нѣтъ, вѣрьте, дочь моя, въ моей душѣ
Вы не найдете злобныхъ думъ: я въ этомъ
Не похожу на нашихъ мачихъ! Вы
Въ моемъ плѣну, но вашъ тюремщикъ самъ
Отдастъ вамъ ключъ отъ вашихъ кандаловъ!

Едва же мнѣ удастся гнѣвъ монарха
Смирить, я стану вашимъ адвокатомъ,
Постумъ... Теперь еще огонь досады
Бушуетъ въ немъ; поэтому не худо
Вы сдѣлаете, если покоритесь
Его велѣнью, съ тѣмъ святымъ терпѣньемъ,
Которое внушитъ вамъ мудрость ваша.

Постумъ.—Какъ вашему величеству угодно...
Я нынче же уѣду.

Королева.— Вамъ извѣстна
Опасность! Я вкругъ сада обойду,
Сочувствуя всѣмъ мукамъ раздѣленныхъ
Сердецъ, хотя король мнѣ повелѣлъ
Не допускать васъ къ тайнымъ разговорамъ! (*Удаляется*).

Имоджена.—О, ловкое потворство! Какъ лукаво
Ласкаетъ этотъ змѣй въ тотъ самый мигъ,
Когда кусаетъ!.. Милый мой супругъ,
Я опасаюсь гнѣва короля,
Но, сохраняя все къ нему почтенье,
Скажу, что гнѣвъ его передо мной
Безсиленъ!.. Уѣзжай скорѣй, а я
Останусь цѣлью глазъ сердитыхъ...
Ничто мнѣ жизни столько не согрѣетъ,
Какъ мысль о томъ, что въ мірѣ есть алмазъ,
Съ которымъ я сольюся вновь!

Постумъ.— Царица!
Любовь моя! Не плачь такъ много, если
Не хочешь, чтобъ чувствительность моя
Переступила грань людской печали;
Я буду вѣкъ вѣрнѣйшимъ изъ мужей,
Какой когда-нибудь клялся въ любви!
Остановлюсь я въ Римѣ, у Филарьо:
Онъ друженъ былъ съ моимъ отцомъ покойнымъ,
Я-жъ съ нимъ знакомъ пока по перепискѣ;
Пиши туда ко мнѣ, моя царица—
Твои слова я стану пить глазами,
Хотя бы ихъ чернила были желчью!.. (*Королева возвращается*).

Королева.—Спѣшите, умоляю васъ: король
Придетъ сюда—и мнѣ тогда, я знаю,

Достанется за васъ! *(Въ сторону).* Его прогулку
Направлю я теперь сюда же! Онъ,
Поссорившись со мной, всегда охотно
Мое коварство покупаетъ: щедро
Онъ платитъ мнѣ за всѣ мои обиды! *(Уходитъ).*

Постумъ.—Когда бы мы прощались такъ же долго,
Какъ долго жить съ тобой намъ остается,
Разлука намъ была бы тяжела:
Прощай!

Имоджена.— Нѣтъ, погоди еще немного!
Когда-бъ ты ѣхалъ для одной прогулки—
И тутъ прощанье это было-бъ кратко!
Смотри сюда, мой милый: вотъ колечко
Покойной матери моей; возьми,
Носи его, мое родное сердце,
До той поры, пока, съ моей кончиной,
Другой жены себѣ ты не возьмешь!

Постумъ.—Какъ?.. Что?.. Другой!.. Властительные боги,
Молю васъ, дайте мнѣ лишь ту, съ которой
Вступилъ я въ бракъ, и пусть оковы смерти
Меня навѣкъ отдѣлятъ отъ другой! *(Надѣваетъ кольцо).*
Останься здѣсь, пока во мнѣ есть чувство!
Тебѣ-жъ, моя безцѣнная краса,—
Носи же это для меня, какъ цѣпи
Любви:—я эти цѣпи налагаю
На милую невольницу! *(Надѣваетъ браслетъ на руку Имоджены).*

Имоджена.— О, боги!
Когда-то мы увидимся опять? *(Входятъ Цимбелинъ и лорды).*

Постумъ.—Бѣда!.. Король!!.

Цимбелинъ.—Прочь съ глазъ моихъ, негодный!
И если мой приказъ ты вновь нарушишь
И недостойной личностью своей
Вновь осквернишь мой дворъ, ты безъ пощады
Погибнешь. Прочь! твой видъ мнѣ ядъ смертельный!

Постумъ.—Да сохранятъ васъ боги и мольбы
Всѣхъ добрыхъ вашего двора! Прощайте! *(Уходитъ).*

Имоджена.—Подобной муки нѣтъ и въ самой смерти!

Цимбелинъ.—О! беззаконное созданье! Ты—
Которой долгъ напоминать мнѣ юность—

Ты надо мной скопляешь бремя лѣтъ!

Имоджена.—Сэръ, умоляю васъ, не убивайте
Себя досадою; вашъ гнѣвъ нисколько
Меня не трогаетъ: другія муки
Во мнѣ и страхъ, и горе заглушаютъ!

Цимбелинъ.—Какъ!.. Все исчезло, кротость и покорство?

Имоджена.—Мои мечты отчаянье убило,
Поэтому и кротость умерла!

Цимбелинъ.—Ты вышла бы за сына королевы...

Имоджена.—Блаженна я, что за него не вышла!
Отвергнувъ ястреба, я предпочла
Орла!!

Цимбелинъ.—Ты вышла замужъ за пажа,
На тронъ отца ты бѣдность посадила!..

Имоджена.—Нѣтъ! Я скорѣй его во блескѣ новомъ
Превознесла!..

Цимбелинъ.— О, грѣшная душа!

Имоджена.—Въ моей любви вы сами виноваты;
Вы съ нимъ меня отъ дѣтства воспитали:
А онъ таковъ, что всякая изъ женщинъ
Готова имъ гордиться!.. За любовь
Мою онъ мнѣ пожертвовалъ не мало!

Цимбелинъ.—Что!?. Не съ-ума ли ты сошла?

Имоджена.— Такъ точно!
Да вразумитъ меня Творецъ!.. О, если бъ
Отецъ мой былъ овчарникомъ убогимъ,
А Леонатъ мой—сыномъ кузнеца!.. *(Королева возвращается).*

Цимбелинъ.—Негодница... Я вновь засталъ ихъ вмѣстѣ...
(Королевѣ). Вы поступили противъ нашей воли:
Прочь съ глазъ ее и запереть покрѣпче!

Королева.—Прошу васъ, потерпите. Дочь моя
Родная, покоритесь. Государь,
Оставьте насъ вдвоемъ и успокойтесь,
Насколько васъ научитъ мудрость ваша.

Цимбелинъ.—Нѣтъ, пусть она теряетъ каждый день
По каплѣ крови! Пусть она погибнетъ
На старости отъ этого безумства! *(Уходятъ).*
(Входитъ **Пизаніо**).

Королева.—Фи, полноте! Вотъ вашъ слуга, милэди.
Ну, сэръ, что̀ новаго?

Пизаніо.— Милордъ, вашъ сынъ,
Дрался съ моимъ несчастнымъ господиномъ.
Королева.—А!.. Я надѣюсь, нѣтъ большой бѣды?
Пизаніо.—Бѣда могла случиться; только, къ счастью,
Мой господинъ игралъ, а не дрался,
И былъ далекъ отъ гнѣва: ихъ розняли
Свидѣтели нежданной этой ссоры.
Королева.—Я очень рада, сэръ!..
Имоджена.— Вашъ сынъ — пріятель
Съ моимъ отцомъ; отецъ мой за него
Стоитъ!.. На изгнаннаго мечъ поднять!
О, храбрый рыцарь! Я желала-бъ ихъ
Обоихъ встрѣтить въ Африкѣ *): съ иголкой
Я стала бы за ними и колола-бъ
Того, кто-бъ первый вздумалъ отступать!..
Зачѣмъ же ты покинулъ господина?
Пизаніо.—Онъ мнѣ велѣлъ идти: онъ не хотѣлъ,
Чтобъ я его до моря провожалъ.
Вотъ въ этомъ росписаньи онъ означилъ
Все то, чему я долженъ покоряться,
Когда нуждаться будете во мнѣ.
Королева.—Онъ *(указывая на Пизаніо)* былъ у васъ усерднѣйшимъ слугой
И, вѣрно, такъ останется навѣки!
Пизаніо.—Благодарю васъ, свѣтлая милэди.
Королева *(Имодженѣ).*—Прошу васъ, погуляемъ здѣсь немного!..
Имоджена *(Пизаніо).*—Я погодя съ тобой поговорю:
Мнѣ нужно, чтобъ въ послѣдній разъ ты видѣлъ
Милорда въ гавани. Ступай покуда! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Площадь (Входятъ **Клотенъ** и двое придворныхъ).

Первый придворный.—Сэръ! Я вамъ посовѣтовалъ бы перемѣнить рубашку; запальчивость движеній сдѣлала то, что вы дымитесь, словно какая жертва. Гдѣ воздухъ выдыхается, тамъ онъ и вдыхается. Но воздухъ внѣшній не такъ здоровъ, какъ тотъ, который вы выдыхаете.

Клотенъ.—Если бъ мою рубашку окатили кровью, то для того, чтобъ ее скинуть... А что, я его ранилъ?

*) Здѣсь Шекспиръ намекаетъ на африканскихъ женщинъ: большія охотницы до поединковъ мужей, онѣ часто служатъ имъ секундантами.

Второй придворный *(въ сторону)*.—Нѣтъ, почтенный, и это рѣшено точно такъ же, какъ ты не ранилъ и его терпѣнія.

Первый придворный.—Вы спрашиваете, влѣпили ли вы ему рану?! Да если онъ не раненъ, клянусь вамъ, что его тѣло ни что иное, какъ сквозной скелетъ: онъ столбовая дорога для шпаги, если вы его не искололи!

Второй придворный *(въ сторону)*. — Его шпага, должно быть, по уши въ долгахъ: она пробиралась околицами!

Клотенъ.—Смѣльчакъ не могъ противъ меня устоять!

Второй придворный *(въ сторону)*.—Да, не могъ: онъ далъ тягу прямо на тебя!

Первый придворный.—Устоять противъ васъ! У васъ и безъ того тьма-тьмущая земель; а онъ вздумалъ увеличивать вашу собственность и уступилъ вамъ еще малую толику землицы!

Второй придворный *(въ сторону)*.—Именно! ровно столько вершковъ, сколько у васъ за душою океановъ, молокососы!

Клотенъ.—О, если бъ насъ не разнимали!!

Второй придворный *(въ сторону)*.—Мнѣ также желательно было бы, чтобъ ты, наконецъ, смѣрилъ, какъ великъ глупецъ, когда его растянуть по землѣ.

Клотенъ.—И она могла полюбить этого скомороха, могла отвергнуть меня!

Второй придворный *(въ сторону)*.—Если грѣшно дѣлать праведный выборъ, то она виновата.

Первый придворный.—Сэръ! Я вамъ всегда говорилъ, что ея красота не вяжется съ ея умомъ: она смазлива на видъ, но въ ея головѣ я не замѣтилъ большого блеска.

Второй придворный *(въ сторону)*. — Ея умъ никогда не свѣтитъ на глупцовъ, чтобъ не повредить имъ своею яркостью.

Клотенъ. — Пойдемъ въ мою комнату! А все-таки мнѣ хотѣлось бы, чтобъ это кончилось хоть крохотнымъ несчастьицемъ!..

Второй придворный *(въ сторону)*.—А я до этого вовсе не охотникъ... Развѣ ужъ растянулся бы оселъ... да это еще не несчастье!

Клотенъ.—Хотите ли вы съ нами идти?

Первый придворный.—Я иду за вами, принцъ.

Клотенъ.—Нѣтъ, идемъ вмѣстѣ.

Второй придворный.—Охотно, милордъ! *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната во дворцѣ Цимбелина (Входятъ: **Имоджена и Пизаніо**).

Имоджена.—О, если бъ ты сталъ въ гавани утёсомъ,
Опрашивая всѣ въ ней корабли!
И если онъ ко мнѣ писалъ, а я
Его письма не получу — утрата
Сравнится лишь съ потерей манифеста,
Который намъ прощенье подаетъ.
Что онъ сказалъ, прощаяся съ тобою?
Пизаніо.—Онъ мнѣ сказалъ: «Царица! Имоджена!»
Имоджена.—Потомъ махнулъ платкомъ?
Пизаніо.— Махнулъ, и тутъ же
Его поцѣловалъ!..
Имоджена.— Нѣмая ткань!
Какъ я тебѣ завидую!.. И только?
Пизаніо.—Нѣтъ, лэди: онъ на палубѣ стоялъ
До той поры, пока его мой глазъ
И уши отличали отъ другихъ,
И все махалъ перчатками и шляпой,
Какъ-будто бурное волненье мыслей
Хотѣло выразить, что сердцемъ въ гавань
Стремился онъ, хоть уносился вдаль.
Имоджена.—Ты долженъ былъ за нимъ слѣдить, покуда
Онъ съ виду сталъ бы менѣе, чѣмъ голубь.
Пизаніо.—Я такъ и сдѣлалъ!
Имоджена.— Я же порвала бы
Всѣ нервы глазъ моихъ, слѣдя за нимъ,
До той поры, пока-бъ величиной
Сравнялся онъ съ концомъ моей иголки,
И я слѣдила бы за нимъ, пока
Въ эфирѣ онъ исчезъ, какъ мошка... Послѣ жъ
Я отвернулась бы и стала бъ плакать...
Ахъ, добрый мой Пизаніо, когда-то
Услышимъ мы о немъ?
Пизаніо.— Навѣрно
Онъ къ намъ напишетъ съ первымъ кораблемъ.
Имоджена.—Мы съ нимъ простилися, а сколько сладкихъ
Рѣчей ему хотѣла я сказать?!
Я не успѣла выразить ему,
Какъ буду я о немъ порою думать,
Какъ буду я о немъ мечтать; онъ клятвъ

Мнѣ не далъ въ томъ, что римскія красотки
Не омрачатъ его любви и чести...
Я не успѣла взять съ него обѣта
Молиться въ тѣ часы, какъ я молюсь—
Съ восходомъ солнца, въ полдень и въ тиши
Полночной... Я хотѣла на прощаньи
Ему вручить сладчайшій поцѣлуй
Межъ двухъ прелестныхъ словъ, какъ вдругъ явился
Отецъ мой и, подобно урагану,
Въ зародышѣ цвѣточекъ нашъ убилъ! *(Входитъ придворная дама).*

Придворная дама.—Милэди, королева проситъ васъ.
Имоджена *(Пизаніо).*—Скорѣе же исполни то, о чемъ
Тебя просила я.
Пизаніо.— Исполню, лэди *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Римъ.—Комната въ домѣ Филаріо (Входятъ: **Филаріо, Якимо, Французъ, Голландецъ и Испанецъ).**

Якимо.—Повѣрьте мнѣ, донъ Филаріо, я видѣлъ его въ Британіи. Тогда онъ былъ въ большомъ почётѣ и всѣ тревожно ожидали, что онъ наконецъ достигнетъ тѣхъ почестей, которыя впослѣдствіи ему оказали по сану. Однакожъ, я на него тогда глядѣлъ безъ удивленія и сдѣлалъ бы это даже въ то время, когда бы, рядомъ съ нимъ, вздумали выставить каталогъ всѣхъ его доблестей и меня принудили повѣрять его, статья за статьею!

Филаріо.—Вы говорите объ эпохѣ, въ которую онъ не успѣлъ еще развить, какъ это сдѣлалъ теперь, всѣхъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ даровъ.

Французъ.—Я видѣлъ его во Франціи*); у насъ перебывало немало господчиковъ, которые, подобно ему, умѣли глядѣть на солнце спокойнымъ взоромъ.

Якимо.—Главная статья въ томъ, что нашъ другъ женился на дочери короля; его цѣнятъ не по достоинствамъ его природы, а по достоинствамъ его супруги. Отсюда, нѣтъ сомнѣнія, происходятъ и всѣ эти преувеличенныя похвалы.

Французъ.—Потомъ его изгнаніе...

Якимо.—Именно!! Сюда же относятся и одобренія тѣхъ, которые жалѣютъ о плачевной разлукѣ сердецъ и держатъ сторону его жены; они его чудовищно превозносятъ, а все

*) Здѣсь имя Франціи употреблено вмѣсто имени «Галлія».

для того, чтобъ подкрѣпить ея рѣшимость, которая безъ этого пала бы отъ самой ничтожной батареи, такъ какъ принцесса выбрала бѣдняка, неукрашаемаго ни однимъ высокимъ качествомъ. Однако, послушайте: какъ это случилось, что онъ поселился у васъ? Какими путями устроилось это знакомство?

Филаріо.—Его отецъ былъ мнѣ товарищемъ по войнѣ, и я не разъ былъ одолженъ ему не менѣе какъ жизнью (*Входитъ Постумъ*). Вотъ идетъ британецъ. Примите его, какъ слѣдуетъ благороднымъ людямъ, съ вашимъ воспитаніемъ, принимать всякаго почетнаго иностранца. Прошу васъ всѣхъ покороче познакомиться съ этимъ джентльменомъ. Представляю вамъ его, какъ моего лучшаго друга. Что же касается до его достоинствъ, то, вмѣсто того, чтобъ ихъ высчитывать по-пальцамъ въ его присутствіи, я предоставляю это высказать будущему!

Французъ.—Сэръ, мы, кажется, были знакомы въ Орлеанѣ?

Постумъ.—Да, и съ той поры я у васъ вѣчно въ долгу за ваше вниманіе, и сколько ни плачу, все еще я вашъ неоплатный должникъ.

Французъ.—Сэръ, вы черезчуръ ужъ дорого цѣните мою слабую услугу. Я радъ отъ души, что примирилъ васъ съ моимъ землякомъ: жаль было бы, если бы вы сошлись съ тѣми жестокими намѣреніями, какія тогда были у васъ обоихъ, и притомъ изъ-за такого пустого ничтожнаго дѣла.

Постумъ.—Простите, сэръ! Я былъ тогда молодымъ странникомъ; я избѣгалъ слѣдовать тѣмъ мнѣніямъ, которыя слышалъ, и не хотѣлъ въ своихъ поступкахъ ходить на помочахъ чужой опытности. Но и теперь, когда мой умъ уже созрѣлъ, — если только не оскорбительно сказать, что онъ созрѣлъ, — мнѣ кажется, что моя ссора была не совсѣмъ изъ-за пустой причины.

Французъ.—Все-таки, мнѣ кажется, не стоило въ этомъ дѣлѣ прибѣгать къ посредству шпагъ, особенно людямъ, изъ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, одинъ непремѣнно уложилъ бы другого, а то, пожалуй, и оба пали бы на мѣстѣ.

Якимо.—Можемъ ли мы, не нарушая приличія, спросить о причинѣ этой ссоры?

Французъ.—Почему же нѣтъ?.. Дѣло происходило публично и, вслѣдствіе этого, я думаю, можетъ быть разсказано безъ всякихъ прикрасъ... Оно, если хотите, немножко похоже на

наше состязаніе въ прошедшій вечеръ, когда каждый изъ насъ щеголялъ похвалами красавицамъ своей земли; этотъ господинъ тогда утверждалъ — и слова свои готовъ былъ поддержать кровавою расплатой—что его предметъ страсти прелестнѣе, добродѣтельнѣе, умнѣе, степеннѣе и постояннѣе самой лучшей изъ женщинъ Франціи.

Якимо.—Безъ сомнѣнія, этой дамы нынѣ ужъ нѣтъ въ живыхъ, или мнѣніе этого джентльмена, касательно ея красоты, нѣсколько попритихло.

Постумъ.—Эта дама попрежнему полна добродѣтелей, и я все такъ же думаю о ней.

Якимо.—Но вы, конечно, не станете ее такъ превозносить надъ нашими итальянскими красавицами.

Постумъ.—Если бъ меня вздумали подзадоривать такъ, какъ это дѣлали во Франціи, я и тутъ бы не убавилъ ея достоинствъ. Объявляю вамъ, что я вмѣстѣ и обожатель ея, и вѣрный защитникъ.

Якимо.—Говорить:—«столько же прекрасна», или «столько же добра (употребляю ближайшее сравненіе), какъ наши итальянки», значило бы приписывать черезчуръ ужъ много прелести и доброты какой угодно британской лэди!.. Если она превосходитъ только тѣхъ женщинъ, которыхъ я зналъ, такъ точно, какъ вотъ этотъ вашъ алмазъ превосходитъ своею яркостью алмазы, которые мнѣ случалось видѣть, то изъ этого выходитъ покамѣстъ только то, что она лучше «многихъ» женщинъ, потому что ни я, безъ сомнѣнія, не видѣлъ драгоцѣннѣйшаго изъ алмазовъ нашего міра, ни вы не видѣли достойнѣйшей изъ женщинъ...

Постумъ.—Я ее хвалю настолько, насколько цѣню ее; то же я дѣлаю и въ отношеніи этого камня.

Якимо.—Какъ, однако, вы изволите цѣнить его?

Постумъ.—Дороже всего, что составляетъ наслажденіе нашего міра.

Якимо.—Значитъ, или ваша несравненная дама отправилась на тотъ свѣтъ, или она стала дешевле этой бездѣлушки.

Постумъ.—Вы ошибаетесь: послѣднюю можно продать или подарить, если у кого довольно богатства, чтобъ купить ее, или довольно заслугъ, чтобъ получить подобный подарокъ; первая же вовсе не предметъ для продажи и можетъ быть подарена одними богами...

Якимо.—Которые вамъ ее и подарили?

Постумъ.—Да, и которая, по милости ихъ, останется навѣкъ моею!

Якимо.—Вы имѣете полное право считать ее вашею по имени; но, вы знаете, чужія птицы иногда садятся на пруды сосѣдей... кольцо ваше могутъ также украсть; слѣдовательно, выходитъ, что изъ двухъ безцѣнныхъ сокровищъ—одно слабо, а другое подлежитъ случайностямъ... Ловкій и искусный въ этихъ дѣлахъ куртизанъ не откажется попытаться пріобрѣсти отъ васъ то и другое.

Постумъ.—Во всей вашей Италіи не найдется такого искуснаго куртизана, который бы могъ восторжествовать надъ честью моей милой, если именно о потерѣ или сохраненіи чести вы думали тогда, какъ назвали ее подверженною случайностямъ! Я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что у васъ здѣсь порядочное количество воровъ; несмотря на то, я не боюсь и за свой перстень.

Филаріо.—Остановимся на этомъ, господа.

Постумъ.—Сэръ, съ большимъ удовольствіемъ. Этотъ достойный синьоръ, — я ему очень благодаренъ, — не хочетъ видѣть во мнѣ иностранца; мы съ нимъ сблизились съ перваго раза.

Якимо.—Послѣ пяти подобныхъ разговоровъ я проложилъ бы дорогу и къ вашей прекрасной возлюбленной, заставилъ бы ее отступить и сдаться, если бъ я только имѣлъ къ ней доступъ или случай услужить ей.

Постумъ.—Нѣтъ, нѣтъ.

Якимо.—Я рѣшился бы въ такихъ обстоятельствахъ держать половину своего имущества противъ вашего перстня, и это, по моему мнѣнію, было бы еще очень много. Но я держу свой закладъ скорѣе противъ вашей слѣпой увѣренности, чѣмъ противъ ея чести; и потому, чтобъ удалить отъ васъ всякое оскорбленіе, я готовъ произвести свой опытъ надъ какой угодно женщиной въ свѣтѣ.

Постумъ.—Ваша смѣлая самонадѣянность обманываетъ васъ, и я не сомнѣваюсь, что, при опытѣ своемъ, вы получите то, что̀ вамъ слѣдуетъ по заслугамъ.

Якимо.—Что же это?

Постумъ.—Формальный отказъ! Хотя, впрочемъ, вашъ опытъ, какъ вы его изволите именовать, стоитъ бо̀льшаго, именно—наказанія.

Филаріо.—Довольно, господа: споръ этотъ произошелъ очень

быстро; пусть же онъ и умреть такъ, какъ родился! Прошу васъ, ознакомьтесь покороче.

Якимо.—Я готовъ отвѣчать всѣмъ моимъ имуществомъ и имуществомъ моего сосѣда, чтобъ только доказать вамъ то, о чемъ я говорилъ.

Постумъ.—Какую даму избрали бы вы для вашего испытанія?

Якимо.—Вашу, вѣрность которой, по вашимъ словамъ, такъ неподкупна. Я держу десять тысячъ дукатовъ противъ вашего кольца, съ условіемъ, что вы отрекомендуете меня при дворѣ, гдѣ ваша дама сердца, и не далѣе, какъ послѣ счастья второго свиданія, я привезу оттуда ея честь, которую вы считаете въ такой безопасности.

Постумъ.—Я буду держать золото противъ вашего золота; кольцо для меня дорого столько же, какъ и мой палецъ: оно—часть его!

Якимо.—Вы любите, поэтому вы и благоразумны. Но хоть бы вы платили по милліону за каждую драхму женскаго тѣла, то и тогда бы не спасли его отъ порчи... Впрочемъ, я вижу въ васъ частицу суевѣрія, которое заставляетъ васъ бояться.

Постумъ.—Это только привычка вашего языка... Надѣюсь, что убѣжденія ваши нѣсколько честнѣе!

Якимо.—Я отвѣчаю за мои рѣчи и готовъ, клянусь вамъ, подтвердить то, что̀ сказалъ.

Постумъ.—Вы рѣшились бы?!.. Въ такомъ случаѣ, я оставляю свой алмазъ до вашего возвращенія: мы заключимъ между собою формальный договоръ. Добродѣтели моей милой превосходятъ безпредѣльность вашихъ гнусныхъ мыслей. Я вызываю васъ на это пари: вотъ вамъ мое кольцо!

Филаріо.—Я желалъ бы, чтобъ это пари не существовало никогда!

Якимо.—О! клянусь богами, оно совершенно!.. Если я не привезу вамъ достаточныхъ доказательствъ тому, что я былъ принятъ благосклонно вашей милой, мои десять тысячъ дукатовъ принадлежатъ вамъ точно такъ же, какъ и мой алмазъ. Если-жъ я возвращусь оттуда, оставивъ вѣрность ея, какъ вы надѣетесь, неприкосновенною, — она, вашъ алмазъ, этотъ алмазъ и мое золото — все ваше! Вы только обязаны снабдить меня рекомендательными письмами, чтобъ я свободно получилъ къ ней доступъ.

Постумъ.—Я принимаю эти условія. Составимъ статьи

нашего контракта. Только въ ихъ предѣлахъ вы и будете отвѣчать. Если вы совершите свою атаку противъ нея и доставите мнѣ вѣрное доказательство, что побѣдили ея любовь ко мнѣ, я болѣе вамъ не врагъ: она недостойна нашихъ споровъ!.. Если-жъ окажется противное, то за ваше гнусное хвастовство и за ваше легкомысліе вы мнѣ отвѣтите со шпагою въ рукахъ.

Якимо.—Вашу руку! идемъ! Мы скрѣпимъ свой договоръ законнымъ порядкомъ, и я немедленно полечу въ Британію, чтобъ это дѣло не застыло! Итакъ, пойдемъ за золотомъ и засвидѣтельствуемъ нашъ обоюдный договоръ.

Постумъ.—Согласенъ!.. *(Постумъ и Якимо уходятъ).*

Французъ.—И вы думаете, что это состоится?

Филаріо.—Синьоръ Якимо не отступитъ отъ этого! Прошу васъ, пойдемте за ними (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Британія. Комната во дворцѣ Цимбелина. (Входятъ: **Королева, придворныя дамы и Корнелій**).

Королева.—Пока роса еще не улетѣла,
Вы наберите мнѣ такихъ цвѣтовъ...
Спѣшите: у кого изъ васъ ихъ списокъ?

1-я придворная дама.—Милэди, у меня.

Королева.— Итакъ, скорѣй! (*Дамы уходятъ*).
Ну, докторъ, принесли-ль вы нужныхъ зелій?

Корнелій (*передаетъ ей маленькую коробочку*). Всѣ тутъ,
какъ вамъ хотѣлося, милэди,
Но, если васъ я этимъ не обижу,
По совѣсти, позвольте васъ спросить,
Зачѣмъ вы составлять мнѣ поручали
Отравы, отъ которыхъ умираютъ
Тяжелою и медленною смертью?..

Королева.—Я удивляюсь, докторъ, какъ ты могъ
Меня спросить объ этомъ? Не твоя ли
Была я ученица столько лѣтъ?
Не ты-ль меня училъ приготовлять
Духи, перегонять, хранить лѣкарства?
Самъ государь меня хвалилъ за это...
Что жъ тутъ за диво, если я хочу,
Успѣвъ такъ много—вы жъ меня, вдобавокъ,
Колдуньей всѣ считаете—въ иныхъ
Предметахъ разъяснить свои сомнѣнья?

Я испытаю силу этихъ ядовъ
Не надъ людьми, надъ тварями, которыхъ,
По-нашему, мы можемъ умерщвлять...
Но, чтобъ повѣрить силѣ ихъ, мнѣ нужно
Еще узнать составъ противоядій:
Тогда-то я вполнѣ обогащусь
Ихъ грозными и дивными дарами!

Корнелій.—Милэди! эти опыты незримо
Ожесточаютъ сердце человѣка:
Одинъ ужъ видъ ихъ ядовитъ и гнусенъ!

Королева.—О, докторъ! въ этомъ будьте вы спокойны! (*Входитъ Пизаніо*).
(*Въ сторону*). Вотъ онъ, наглецъ коварный! Первый опытъ
Я совершу надъ нимъ: онъ жарко преданъ
Постуму, господину своему;
Онъ сына моего терпѣть не можетъ!.. (*Громко*).
Ну, что, Пизаніо? Любезный докторъ,
Ты мнѣ пока не нуженъ! До свиданья!

Корнелій (*въ сторону*).—Я понялъ васъ, милэди!.. Вы злодѣйства
Не совершите!..

Королева (*Пизаніо*).—Выслушай меня! (*Она говоритъ съ нимъ шопотомъ*).

Корнелій (*въ сторону*).— Я не люблю ее... пускай она
Воображаетъ, что ея составы—
Смертельный ядъ... Я разгадалъ ее
И не повѣрю никому, кто-бъ съ ней
Сравнился въ злѣ такихъ опасныхъ ядовъ!
То, чѣмъ она владѣетъ, усыпляетъ
И одуряетъ на извѣстный срокъ
Нашъ духъ и чувства; первую попытку
Она произведетъ, какъ я увѣренъ,
Надъ кошкою, за кошкой надъ собакой,
А тамъ пойдетъ и выше! Только нѣтъ
Опасности въ обманчивой кончинѣ,
Которой поражаютъ эти травы:
Отъ нихъ на время замираетъ духъ,
Чтобъ послѣ вновь ожить и посвѣжѣть...
Она обманется наружнымъ видомъ,
А я останусь правъ, хотя солгу...

Королева.—Ступайте, докторъ, я васъ позову!

Корнелій.—Иду. *(Уходитъ).*
Королева.—Ты говоришь, она все плачетъ?
Современемъ бѣдняжка перестанетъ,
И тамъ, гдѣ нынѣ царствуетъ безумство,
Окрѣпшее сознанье воцарится...
Трудись! Едва ты мнѣ доставишь вѣсть,
Что мой Клотенъ принцессу побѣдилъ,
Я тутъ же объявлю, что ты безспорно
Великъ, какъ твой достойный господинъ,
И болѣе, пожалуй, потому,
Что счастіе его лежитъ безъ жизни
И угасаетъ молодое имя.
Онъ отступить теперь уже не можетъ,
Не можетъ и впередъ ступить ни шагу:
Перемѣнять же для него мѣста—
Одно и тоже, что мѣнять невзгоды,
День трудовой днемъ новымъ замѣняя.
Нельзя надѣяться на помощь вещи
Упавшей и которую поднять —
Нѣтъ у него услужливыхъ друзей... *(Королева роняетъ ящичекъ; Пизаніо поднимаетъ его).*
Ты поднялъ то, о чемъ ты и не мыслишь.
Дарю его тебѣ я за труды.
Я эту вещь сама приготовляла
И ею пять ужъ разъ спасла отъ смерти
Супруга своего: нѣтъ въ мірѣ средства
Сильнѣе этого! Возьми его,
Прошу тебя... Пусть это будетъ знакомъ
Почтенья моего къ тебѣ! Скажи —
Но только отъ себя — своей принцессѣ,
Какъ затруднительна ея судьба...
Размысли, какъ ты выиграешь этимъ!
Ты госпожи своей не потеряешь
И на придачу сына моего
Пріобрѣтешь! Тебя онъ не забудетъ!
Я-жъ короля склоню исполнить все,
Что ты ни пожелаешь, и сама
Тебѣ вдобавокъ заплачу достойно!
Иди-жъ, зови моихъ придворныхъ дамъ
И обо всемъ, какъ слѣдуетъ, подумай! *(Пизаніо уходитъ).*
Хитрецъ и неподкупный негодяй!

Не соблазнить тебя... Агентъ Постума
И сторожъ той, которая должна
Невинною къ супругу возвратиться!
Едва ты примешь то, что̀ я тебѣ
Дала, у госпожи твоей не станетъ
Ни одного защитника ея
Красотѣ!.. Когда-жъ черезъ тебя она
Не перемѣнитъ мнѣнья своего,
Она у насъ то самое увидитъ! (*Входятъ: Пизаніо и придворныя дамы*).
Да! да! — Прекрасно сдѣлано, прекрасно!—
Подснѣжники, коронки бѣлыхъ буквицъ
И маргаритки — все ко мнѣ снесите!
Пизаніо! Прощай и не забудь
Моихъ совѣтовъ!

Пизаніо.—Не забуду, лэди! (*Королева и придворныя дамы уходятъ*).
Какъ!?.. Я обязанъ измѣнить Постуму?
Нѣтъ! Я скорѣй повѣшуся: и это
Одно, что̀ я для васъ способенъ сдѣлать! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тамъ же. — Другая комната (Входитъ **Имоджена**).

Имоджена.—Безжалостный и злой, коварный духъ
Свирѣпой мачихи!—Безмозглый рыцарь
Вдовы печальной, мужъ которой изгнанъ!..
О, этотъ мужъ! Вѣнецъ моихъ страданій!
Какъ много я терплю изъ-за него!
О, если бъ я была, подобно братьямъ,
Похищена, счастливица!.. Какъ страшно
Мучительны томленья на престолѣ!
Блаженъ бѣднякъ, исполненный лишь скромныхъ
Надеждъ, которымъ любо при удачахъ!—
Кто-бъ это былъ?!—(*Входятъ: Пизаніо и Якимо*).
Пизаніо.— Милэди, джентльменъ
Изъ Рима! Онъ пріѣхалъ къ намъ съ письмомъ
Отъ мужа вашего.

Якимо (*Вкрадчиво*). — Что же такъ, милэди,
Вы поблѣднѣли вдругъ!.. Вашъ Леонатъ
Здоровъ и шлетъ вамъ нѣжные поклоны! (*Вручаетъ ей письмо*).

Имоджена.—Благодарю васъ, добрый сэръ: вы кстати
Пріѣхали...
Якимо (*въ сторону*)— О! какъ она богата
Наружной красотой!.. Владѣй она
Такою же прелестною душою—
Она единственный арабскій фениксъ *),
И мой закладъ проигранъ!—Другъ, смѣлѣй!—
Вооружи меня, огонь отваги,
Отъ головы до ногъ, чтобъ, какъ Пареянинъ,
Сразился я средь своего побѣга
И бросился-бъ впередъ!..
Имоджена (*читаетъ*). — «Это человѣкъ высокихъ качествъ. Дружбѣ его я безконечно обязанъ. Прими его по достоинству, такъ, какъ ты предана —
Леонату.»
Я до сихъ поръ
Читаю громко! Сердце глубоко
Согрѣто остальнымъ и принимаетъ
Все это съ благодарностью. Нѣтъ словъ,
Чтобъ выразить вамъ, добрый сэръ, какъ много
Я рада вамъ, и постараюсь это
Всѣмъ доказать, чѣмъ только я могу!
Якимо (*восторженно*).—Благодарю васъ, дивная принцесса!
Какъ?!.. Неужель такъ безразсудны люди?
Природа насъ глазами надѣлила,
Чтобъ созерцать лазурь небесъ, картины
Земель и водъ, чтобъ созерцать лучи
Блестящихъ звѣздъ и пестрые каменья
Кремнистыхъ береговъ, и мы не можемъ,
При помощи подобнаго орудья,
Отъ красоты уродства отличить?..
Имоджена.—Что̀ васъ повергло въ это изумленье?
Якимо.—Глаза не виноваты!.. И мартышка
Изъ пары самокъ предпочла бы ту,
Которая смазливѣе другой;
Не виноватъ ничуть здѣсь и разсудокъ:
Въ такомъ рѣшеньи даже идіоты
Не ошибаются!.. Тѣмъ меньше страсть

---

*) Выраженіе «Arabian bird»—арабская птица—по объясненію германскихъ комментаторовъ, значитъ: диво, чудо, фениксъ. Такъ это слово перевелъ и Л. Тикъ.

Желаній здѣсь виною: гнусность, рядомъ
Съ высокою, достойной красотой,
До тошноты всѣ извратитъ желанья
И къ пищѣ въ насъ влеченья не родитъ!

Имоджена.—Въ чемъ дѣло, сэръ?!..

Якимо.— Пріѣвшаяся жадность,
Бездонная, прожорливая бочка,
Чуть уплететъ ягненка, ужъ опять
Ползетъ, готова ѣсть...

Имоджена.— Любезный сэръ,
Чтò васъ тревожитъ? Вы больны съ дороги?

Якимо.—Благодарю васъ, лэди, я здоровъ... (*Къ Пизаніо*).
Прошу васъ, сэръ, сыщите моего
Слугу: я на дворѣ его оставилъ;
Онъ очень простъ и здѣсь всего боится...

Пизаніо.—Сэръ, я за нимъ хотѣлъ уже идти (*Уходитъ*).

Имоджена.—Здоровъ ли мой супругъ? Милордъ, скажите!

Якимо.—Здоровъ, милэди!

Имоджена.— Веселится-ль онъ?
Я думаю, что веселится...

Якимо.— Да!!
Онъ страшно веселъ!.. Ни одинъ пріѣзжій
Такъ не игривъ и не безпеченъ въ Римѣ:
Его у насъ «Кутилою-Британцемъ»
Зовутъ...

Имоджена (*въ волненіи*).—На родинѣ онъ былъ всегда
Наклоненъ къ грусти и порой не зналъ
Самъ, почему онъ грустенъ...

Якимо.— Я-жъ ни разу
Его не видѣлъ пасмурнымъ!.. У насъ
Одинъ французъ, достойнѣйшій мосьё,
Съ нимъ подружился: малый этотъ дома
Прелестную землячку полюбилъ
И день, и ночь по ней вздыхаетъ въ Римѣ.
Кутила же Британецъ—то-есть вашъ
Супругъ — надъ нимъ хохочетъ отъ души.
О, говоритъ онъ, какъ мнѣ не смѣяться,
Когда подумаю, что человѣкъ,
Наученный исторіей, преданьемъ
И опытомъ своей прошедшей жизни,
Въ томъ, чтò такое женщина и чѣмъ

Не быть ей и нельзя, стремится жизнь
До времени убить въ постыдномъ рабствѣ!
Имоджена.—И это говорилъ мой мужъ?
Якимо.— Такъ точно—
Вашъ мужъ—и хохоча до слезъ! Забавнѣй
Нѣтъ ничего, какъ онъ начнетъ порою
Смѣяться надъ французомъ! Но, клянусь,
У насъ еще не такъ смѣются...
Имоджена.— Вѣрно
Не онъ?
Якимо.— Не онъ, но все-таки за милость
Небесъ онъ могъ бы быть поблагодарнѣй!
Какъ странно это въ отношеньи къ вамъ,
Которую считаю обладаньемъ
Постума, но не по его заслугамъ,
Къ вамъ я питаю вмѣстѣ съ удивленьемъ
И жалости немало...
Имоджена.— Что же вы
Жалѣете, милордъ?
Якимо.— Я отъ души
Жалѣю двухъ существъ?
Имоджена.— И я одно
Изъ нихъ, милордъ? Вы на меня глядите?
Какое же, достойное участья,
Вы усмотрѣли горе у меня?
Якимо.—Плачевное невѣжество!.. Бѣжать
Отъ свѣта солнца въ смрадную темницу!
Имоджена.—Прошу васъ, сэръ, яснѣе отвѣчайте
На мой вопросъ! Что̀ жалко вамъ во мнѣ?
Якимо.—То, что̀ другіе, думалъ я сказать,
У васъ похитили... А впрочемъ, это
Относится къ суду боговъ, и я
Обязанъ замолчать!
Имоджена.— Вы, какъ замѣтно,
Узнали нѣчто именно такое,
Что̀ до меня касается. Прошу васъ—
Сомнѣніе въ несчастьи часто хуже,
Чѣмъ самая увѣренность въ несчастьи;
Затѣмъ, что или нѣтъ уже лѣкарства
Для раны, или, во-время увидя
Ее, мы можемъ ей помочь—скажите,

Чтò вмѣстѣ васъ и шпоритъ, и уздечкой
Придерживаетъ?

Якимо.— Если бы я могъ
Коснуться поцѣлуемъ этихъ щекъ,
Коснуться этихъ рукъ,—прикосновенье,
Одно прикосновеніе къ которымъ
Влечетъ всѣ чувства къ изступленнымъ клятвамъ,
Когда-бъ я могъ смотрѣть весь вѣкъ въ глаза,
Которые плѣняютъ дикій пламень
Моихъ очей—и тутъ же—(будь я проклятъ!)
Коснулся-бъ губъ публичныхъ, словно грязь
Ступеней лѣстницы капитолійской,
Пожалъ бы загрубѣлыя отъ вѣчныхъ
Измѣнъ, какъ отъ работы черной, руки,
И наконецъ, взглянулъ бы я въ глаза
Нечистые и мутные, какъ копоть
Гнилого сала, я бы заслужилъ,
Чтобъ всѣ мученья ада на меня
Обрушились за это святотатство!..

Имоджена.—Милордъ! Я опасаюсь, онъ забылъ
Британію...

Якимо.— Онъ позабылъ себя!..
Не по своей охотѣ, поневолѣ
Открылъ я вамъ измѣну Леоната:
Да! ваши прелести виной тому,
Что мой языкъ испуганная совѣсть
Заставила все это разболтать.

Имоджена.—Я не хочу, милордъ, васъ дольше слушать!

Якимо.—Безцѣнное созданье!.. Ваше горе
Меня такимъ участьемъ наполняетъ,
Что сердцу больно! — Лэди, красота
Которой, породненная съ вѣнцомъ
Имперіи, могла-бъ удвоить славу
Монарха—промѣнять на грязныхъ тварей
И покупать ихъ ласки на дукаты
Изъ вашей же казны, моя миледи!..
Такія зачумленныя созданья,
Что самый ядъ легко имъ отравить!..
Месть! месть ему! иль васъ не королева
Произвела на свѣтъ, и вы отпали
Отъ царственнаго корня!

Имоджена.— Мнѣ отмстить?
Но какъ же мнѣ отмстить? Хотя бы это
И вѣрно было, все же не удастся
Моимъ ушамъ надъ сердцемъ подсмѣяться.
Какъ мнѣ отмстить, хотя-бъ все это было
И вѣрно?..
Якимо.— Васъ онъ заставляетъ жить
На одинокомъ ложѣ, мирной жрицей
Діаны, самъ же весело гарцуетъ
Среди разнообразныхъ наслажденій,
Къ досадѣ вашей и на ваши деньги!
Нѣтъ, месть ему! Я весь къ услугамъ вашимъ!
Я болѣе, чѣмъ этотъ ренегатъ,
Достоинъ сердца вашего и вѣчно
Поклонникомъ безмолвнымъ и покорнымъ
Для васъ клянуся быть!..
Имоджена.— Сюда, скорѣй,
Пизаніо!
Якимо.— Позвольте мой обѣтъ
Запечатлѣть на вашихъ алыхъ губкахъ!
Имоджена.—Назадъ! Да будутъ прокляты тѣ уши,
Которыя словамъ твоимъ внимали!
Когда бъ ты былъ достойный человѣкъ,
Ты бъ эту сказку разсказалъ для блага,
А не для той постыдной, гнусной цѣли,
Которой ищешь ты! Ты человѣка
Чернишь, который столько же далекъ
Отъ словъ твоихъ, какъ ты далекъ отъ чести
И соблазняешь женщину, съ презрѣніемъ
Отвергшую тебя, негодный демонъ!
Пизаніо! сюда!—Пускай узнаетъ
Король, отецъ мой, о твоемъ безстыдствѣ:
И если онъ одобритъ иностранца,
Озорника, который при его
Дворѣ такъ нагло, такъ безстыдно-дерзко
Ведетъ себя,—о доблестяхъ двора
Онъ не заботится и дочь свою
Не ставитъ ни во что̀! Сюда, скорѣй,
Пизаніо!
Якимо *(Задумчиво)*.—Счастливецъ Леонатъ!..
Вотъ что̀ сказать теперь я долженъ... Честь

Твоей жены заслуживаетъ вѣры
Твоей, какъ добродѣтели твои
Заслуживаютъ вѣры Имоджены!
Благословенны будьте вы навѣки...
Жена достойнѣйшаго изъ людей,
Прославившихъ заслугами отчизну,
И госпожа, которой стоятъ только
Достойнѣйшіе изъ людей! Простите
Меня!.. Я говорилъ все это съ тѣмъ,
Чтобъ испытать, какъ глубоко по-правдѣ
Пустила корни ваша вѣрность! Нынѣ-жъ
Я опишу вамъ снова Леоната:
Какъ высоко онъ нравственъ въ самомъ дѣлѣ!
Онъ, какъ волшебникъ, общество чаруетъ,
И половина всѣхъ сердецъ ему
Покорна!..

Имоджена.— Такъ я съ вами примиряюсь!..

Якимо.—Въ кругу людей онъ словно гость эфира.
Неуязвимой чести онъ исполненъ,
Какъ ни одинъ изъ смертныхъ! Но, простите,
Высокая принцесса, если я
Осмѣлился васъ ложью испытать!
Вы этимъ снова честно доказали
Тотъ умъ, который вамъ избралъ супруга,
Свободнаго отъ всѣхъ ошибокъ! Дружба
Къ нему меня на это побудила!
Но вы, по милости боговъ, совсѣмъ
Почти не женщина, вы неподкупны!
Простите, умоляю васъ.

Имоджена.— Милордъ,
Все хорошо теперь. Располагайте
Моимъ вліяньемъ при дворѣ.

Якимо.— Милэди,
Благодарю; я вовсе и забылъ
Васъ небольшою просьбой потревожить:
Она важна ужъ тѣмъ, что вашъ супругъ
Въ ней не чужой... И я, и всѣ мои
Достойные друзья въ ней принимаютъ
Участіе.

Имоджена.— Скажите, что же это?

Якимо.—Двѣнадцать человѣкъ изъ нашихъ римлянъ—

И въ томъ числѣ вашъ мужъ, въ крылѣ у насъ
Завѣтное перо—сложились вмѣстѣ
Купить подарокъ нашему владыкѣ *).
Я, исполнитель этого, купилъ
Подарокъ нашъ во Франціи: посуда
Довольно рѣдкая и вся въ каменьяхъ
Богатыхъ и отдѣланныхъ на-диво...
Подарокъ дорогой, и я желалъ бы,
Какъ иностранецъ, понадежнѣй мѣсто
Ему найти: не можете ли вы
Принять его подъ свой покровъ!..

Имоджена.— Охотно!
Ручаюсь честью вамъ за безопасность
Его... Когда мой мужъ въ немъ принимаетъ
Участіе подобное, я въ спальню
Къ себѣ велю его перенести.

Якимо.—Подарокъ этотъ въ сундукѣ хранится,
Подъ стражею моихъ людей; я только
На эту ночь велю перенести
Его въ покои ваши, такъ какъ завтра
Я долженъ въ путь ужъ ѣхать.

Имоджена.— Какъ, милордъ?

Якимо.—Простите, это такъ; иль я промедлю
Свой путь въ ущербъ обѣщанному слову.
Изъ Галліи морями я спѣшилъ
Нарочно, для того, чтобъ вашу свѣтлость,
Какъ обѣщалъ, увидѣть.

Имоджена.— Отъ души
Благодарю васъ за старанье это.
Но для чего вамъ рано такъ спѣшить?

Якимо.—Такъ нужно, лэди! Потому, когда
Угодно вамъ писать со мной къ милорду,
Прошу васъ въ эту жъ ночь все приготовить.
Я опоздалъ и такъ—а это важно
Для доставленья нашего подарка.

Имоджена.—Я напишу! Пришлите вашъ сундукъ.
Я сохраню его и вамъ, какъ должно,
Его доставлю.—До свиданья, лордъ! (*Уходитъ*).

---

*) Императору Августу-Цезарю.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дворъ передъ палатами Цимбелина. (Входятъ: Клотенъ и двое придворныхъ).

Клотенъ. — Бывалъ ли когда-нибудь человѣкъ въ такомъ скверномъ положеніи? Въ тотъ самый мигъ, какъ однимъ взмахомъ я уже касался цѣли, шаръ мой далъ тягу! Я побился объ закладъ на сто фунтовъ, а тутъ еще подвернулся этотъ плюгавый орангутангъ и придирается къ моей бранчивости!.. Точно я у него бралъ на-прокатъ загвоздки моихъ ругательствъ и не могу ими сорить въ услажденіе души моей!

Первый придворный.—Что онъ выигралъ въ этомъ дѣлѣ? Вы разбили ему черепъ вашимъ шаромъ!

Второй придворный *(въ сторону)*.—Если бъ у него въ запасѣ было столько же остроумія, какъ у того, кто прогвоздилъ ему черепъ, такъ это остроуміе все выцѣдилось бы при такой удобной оказіи!

Клотенъ.—Когда джентльменъ расположенъ ругнуть когонибудь, никто изъ присутствующихъ не смѣетъ коротать его брани. А?..

Второй придворный. — Не смѣетъ, милордъ! *(въ сторону)*. Точно такъ же, какъ и ты не смѣешь пилить имъ ушей.

Клотенъ.—Гнусная собака! Мнѣ дать ему удовлетвореніе? Иное дѣло, если бъ онъ былъ одного со мною званія!

Второй придворный *(про себя)*. То-есть, такой же глупецъ, какъ ты самъ?

Клотенъ.—Чортъ съ нимъ! Ничто въ мірѣ такъ меня не огорчаетъ, какъ это. Язва его побери! Я желалъ бы лучше быть не изъ столь знатнаго рода. Я сынъ королевы, и они не смѣютъ со мной драться!.. Всякая сволочь дерется, сколько ея душенькѣ угодно *), а я обязанъ ходить взадъ и впередъ, словно пѣтухъ горемычный, которому не съ кѣмъ спариться!..

Второй придворный *(въ сторону)*. Ты потому и пѣтухъ, что распѣтушился.

Клотенъ.—Что ты скажешь на это?

---

*) «Everv Jack» slave hath his belly full of figthting. Слово въ слово значитъ: всякій мазурикъ Яшка (по нашему Ванька) имѣетъ брюхо, полное ударовъ, синяковъ.

Второй придворный. — Не слѣдъ вашей свѣтлости связываться со всѣми, кого только вы обидѣли.

Клотенъ.—Знаю. Но развѣ я не могу оскорбить тѣхъ, кто ниже меня родомъ?

Второй придворный.—Это можно вамъ одному.

Клотенъ.—Я и самъ того мнѣнія.

Первый придворный. — Слышали ли вы объ иностранцѣ, который ночью сегодня пріѣхалъ ко двору?

Клотенъ.—Изъ-за моря! И я этого не знаю?

Второй придворный (*въ сторону*). — Онъ самъ заморское чучело, и не знаетъ этого!

Первый придворный.—Пріѣзжій—итальянецъ и, какъ многіе думаютъ, одинъ изъ друзей Леоната.

Клотенъ. — Леоната? Этотъ долженъ быть одной съ нимъ масти, кто бы онъ ни былъ! Кто вамъ говорилъ объ этомъ иностранцѣ?

Первый придворный.—Одинъ изъ пажей вашей свѣтлости.

Клотенъ. — Хорошо ли будетъ, если я отправлюсь поглядѣть на него? не унижу ли я себя?

Первый придворный.—Милордъ! Вамъ не подобаетъ унизиться.

Клотенъ. — Да! я тоже думаю, что это не такъ-то легко сдѣлать!

Второй придворный (*про себя*). — Ты такой глупецъ и такъ низокъ по уму, что ужъ тебя никакое твое дѣло не унизитъ.

Клотенъ. — Пойдемте! Мнѣ хочется взглянуть на этого итальянца... Авось, то, что я проигралъ на шарахъ днемъ, ворочу съ него къ ночи! Впередъ, идемте.

Второй придворный.—Слушаю, ваша свѣтлость. (*Клотенъ и первый придворный уходятъ*).

Второй придворный (*одинъ*).—И родила жъ подобнаго глупца
Коварная, какъ самъ нечистый, мать!
Умъ этой женщины, какъ буря, грозенъ,
А сынъ ея изъ двадцати на память
Не вычтетъ двухъ, такъ, чтобъ въ остаткѣ было
Восьмнадцать! Милая моя принцесса!
Бѣдняжка Имоджена, какъ ты много
Страдаешь! твой отецъ подъ башмакомъ
Лукавой мачихи; она, что день,
То новыя злодѣйства замышляетъ...

Вздыхатель твой тебѣ ужаснѣй ссылки
Супруга твоего, ужаснѣй акта
Развода вашего! Да сохранитъ
Господь неколебимо стѣны чести
Твоей, да укрѣпитъ онъ этотъ храмъ,
Твой чудный умъ, чтобъ дождалась ты счастья,
Чтобъ дождалась ты мужа и престола!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Спальня. Въ углу ея стоитъ сундукъ Якимо. (**Имоджена** читаетъ въ постели. При ней **Елена**, придворная дама).

Имоджена.—Кто здѣсь? Елена, это ты?
Елена.— Я, лэди.
Имоджена.—Который часъ?
Елена.— Ужъ скоро полночь, лэди.
Имоджена.—Поэтому, я три часа читала...
Глаза совсѣмъ устали... На, загни
Страницу тамъ, гдѣ я остановилась—
И отправляйся спать. Не уноси
Лампады: пусть она горитъ. Когда же
Часа въ четыре ты проснуться можешь,
Прошу тебя, буди меня... Ко сну
Вотъ такъ и клонитъ... (*Елена удаляется*).
Боги! въ ваши руки
Я отдаюсь!.. Отъ искушеній ночи
И отъ навѣтовъ демонскихъ молю
Хранить меня! (*Засыпаетъ. Якимо вылѣзаетъ изъ сундука*).

Якимо.— Сверчокъ поетъ, и труженикъ усталый
Врачуется покоемъ... *) Нашъ Тарквиній
Такъ точно мялъ упругія цыновки,
Скользя впотьмахъ, пока кровавой раной
Не разбудилъ невинности. Какъ чудно
Украсила ты ложе, Цитерея! **).
Лилея свѣжая! Какъ ты бѣлѣе

---

*) Этотъ знаменитый шекспировскій монологъ: «The crickets sing...» вызвалъ много комментаріевъ. Мы воспользовались ими при передачѣ оригинала на русскій языкъ, такъ сказать, вложили ихъ въ общій колоритъ текста, и потому не приводимъ ихъ здѣсь.

**) Cyterea (Cytera),—островъ у береговъ Лаконіи; на этомъ островѣ, изъ пѣны морскихъ волнъ, родилась Венера, Афродита. Поэтому Венеру и женщинъ, уподобляемыхъ ей, иногда зовутъ именемъ *Цитеры и Цитереи*.

Своихъ одеждъ!.. О, если бы я могъ
Тебя коснуться, разъ поцѣловать,
Одинъ лишь разъ!.. Безцѣнные рубины,
Какъ поцѣлуй вашъ долженъ быть пріятенъ!
Ея дыханье нѣжнымъ ароматомъ
Наполнило всю комнату... Огонь
Свѣчи, и тотъ склоняется надъ нею,
Старaясь заглянуть подъ шелкъ рѣсницъ,
Стараяся увидѣть эти звѣзды,
Покрытыя навѣсомъ этихъ ставень,
Лазурь и бѣлизну въ огнѣ небесныхъ
Лучей!.. А планъ мой!.. Комнату скорѣй
Означить: запишу все по порядку!
Такія и такія-то картины;
Вотъ тутъ окно; такая-то завѣса
Надъ ложемъ; здѣсь обои и фигуры
Такія и такія-то: сюжетъ
Послѣднихъ историческій!.. Когда-бъ
На ней самой мнѣ отыскать примѣту:
Она скорѣй, чѣмъ десять тысячъ прочихъ
Замѣтокъ, подтвердила бъ мой обманъ...
О, сонъ! ты, обезьяна смерти, крѣпче
Сомкни ее: пускай ея душа
Въ безмолвную гробницу превратится!
Сюда! (*снимаетъ съ нея браслетъ*).
Тебя легко распутать такъ же,
Какъ узелъ Гордіевъ распутать трудно!..
Ты мой! и мнѣ свидѣтель грозный будешь!
Подобно тайной совѣсти, могучій,
Разсердишь ты супруга Имоджены.
На лѣвой груди у нея пятно:
Пять крапинокъ, точь-въ-точь, пять алыхъ капель
Въ коронкѣ бѣлой буквицы! улика,
Которой лучше не найти законамъ!
Довольно! Для чего писать о томъ,
Что въ память я вложилъ, запечатлѣвъ?
Она читала сказку о Тереѣ:
Загнула листъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ
Сдается Филомела... *) Но довольно!

*) *Сказка о Тереѣ и Филомелѣ.* Терей былъ царемъ Ѳракіи. Отъ жены Прогніи, дочери аѳинскаго царя Пандіона III, у него былъ сынъ

Скорѣй въ сундукъ, замкнемъ его пружину...
Быстрѣй, быстрѣй, полночные драконы! *)
Пусть во̀рону заря раскроетъ очи:
Я весь дрожу... Хотя небесный духъ
Передо мной, мнѣ здѣсь страшнѣе ада! *(Бьютъ на башнѣ часы).*
Разъ, два, три! Время! время!.. *(Снова прячется въ сундукъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Передняя возлѣ комнаты Имоджены. (Входятъ: **Клотенъ** и придворные).

Первый придворный. — Ваша свѣтлость при проигрышѣ терпѣливѣе и хладнокровнѣе всякаго, кто только хоть разъ въ жизни каталъ шары.

Клотенъ.—Проигрышъ хоть кого охолодитъ.

Первый придворный. — Но не всѣ люди терпѣливы, по примѣру благороднаго духа вашей свѣтлости. Вы горячи и отважны только при выигрышѣ.

Клотенъ. — Выигрышъ хоть кого ободритъ! Если бъ я выигралъ эту глупенькую Имоджену, я не обобрался бы золота! Какъ-будто ужъ утро? Не такъ ли?

Первый придворный.—Уже день, милордъ.

Клотенъ.—О, если бы пришла эта музыка!.. Мнѣ совѣтовали забавлять ее по утрамъ музыкою... Говорятъ, что это—пробирательная вещица! *(Входятъ музыканты).* Ну-съ, настраивайте ваши инструменты. Если вамъ удастся пронять ее вашими звуками—хорошо! тогда и мы пустимъ въ ходъ нашъ языкъ! Если же это не поможетъ, пусть дѣлаетъ, что хочетъ, я отъ нея не отступлюсь. Прежде всего превосходную, хорошо-слаженную вещицу! Потомъ удивительно-сладкую арію, съ аккомпаниментомъ чудно богатыхъ словъ... Затѣмъ оставимъ ее пораздумать!

(Музыканты играютъ).

Итисъ. Терей однажды соблазнился красотою Филомелы и поцѣловалъ ее. — Чтобъ она не выдала его преступленія, онъ отрѣзалъ ей языкъ и заперъ ее въ башню. Филомела объявила знаками объ этомъ Прогніи и вмѣстѣ съ нею накормила Терея мясомъ его сына, Итиса. Вслѣдствіе этого боги превратили Терея въ коршуна; Филомела же и Прогнія превратились въ соловья и ласточку и день и ночь преслѣдовали и клевали Терея.

*) Ночь въ древности представляли въ видѣ женщины, сидящей въ колесницѣ; колесницу мчали по небу драконы—символы чуткости.

Пѣсня.

Чу! птичка ранняя поетъ,
И Фебъ въ лучахъ летитъ.
Въ коронкахъ розъ, у алыхъ водъ,
Онъ лошадей поитъ.
Анютины-глазки предъ солнцемъ спѣшатъ
Открыть свои крошки-глаза...
Луга въ благовонныхъ уборахъ блестятъ!
Вставай, моя роскошь-краса,
Скорѣе вставай! *)

Теперь идите: если это сдѣлаетъ эффектъ, я назову вашу музыку совершеннѣйшею въ мірѣ; если же нѣтъ, значитъ, въ ея ушахъ есть поврежденіе, котораго не излѣчить ни волосянымъ, ни кишечнымъ струнамъ, ни голосамъ искуснѣйшихъ кастратовъ **). *(Музыканты уходятъ. Входятъ: Цимбелинъ и Королева).*

Второй придворный.—Король идетъ!

Клотенъ.—Я очень кстати такъ долго засидѣлся здѣсь. Изъ этого выходитъ то, что я всталъ довольно рано... Онъ долженъ по-отечески принять мою любовную услугу. Добраго утра вашему величеству и моей достойнѣйшей матушкѣ!

Цимбелинъ.—Вы сторожите дверь суровой дочки
Моей? Она еще не выходила?

Клотенъ.—Я осаждалъ ее музыкой; да она, кажется, не хочетъ жаловать меня своимъ вниманіемъ.

Цимбелинъ.—Свѣжо изгнанье милаго ея!
Она его еще не позабыла...
Но часъ придетъ, черты воспоминаній
О немъ сотрутся, и принцесса—ваша!

Королева.—Одолжены вы много королю!
Онъ не проронитъ ничего, что бъ васъ
Могло у дочери его возвысить.
Старайтесь же и вы ей угождать,
Дружитесь съ каждой вѣрною минутой!
Отказы пусть умножатъ въ васъ заботы,
Чтобъ все, что вы ни предлагали ей,
Казалося сердечнымъ вдохновеньемъ!

---

*) «Mary buds». Слово въ слово «Машенькины глазки», то же, что русскіе цвѣты «*Анютины-глазки*».

**) Здѣсь намекъ на ту эпоху въ музыкальномъ мірѣ, когда дисканты кастратовъ замѣняли дисканты и меццо-сопрано женщинъ.

Во всемъ ей покоряйтесь, исключая
Приказа удалиться: тутъ вы будьте
Бездушны...

Клотенъ. — Какъ?! Бездушенъ? Никогда!.. *(Входитъ Вѣстникъ).*

Вѣстникъ. — Послы изъ Рима, сэръ, явились къ вамъ,
Одинъ изъ нихъ Кай-Люцій!

Цимбелинъ. — Человѣкъ
Достойный, несмотря на то, что нынче
Съ намѣреньемъ недобрымъ онъ пришелъ!
Но виноватъ не онъ! Его мы встрѣтимъ,
По доблестямъ пославшаго его...
Мы въ памяти своей возобновимъ
То, что для насъ благого сдѣлалъ онъ!
Мой милый сынъ! Поздравь же съ добрымъ утромъ
Свою любезную и поспѣши
Къ намъ съ королевой: ты намъ будешь нуженъ
При римлянахъ! Пойдемте, королева. *(Уходятъ: Цимбелинъ, королева, придворные и вѣстникъ).*

Клотенъ. — Я съ ней поговорю, когда она
Проснулась; если жъ нѣтъ, лежи и спи!
Эй! съ позволенья вашего *(стучится въ двери).* Я знаю,
При ней всегда есть женская прислуга.
Что, если мы ей поласкаемъ ручки?
Дукаты купятъ доступъ ко всему!
Да, съ ними можно хоть собакъ Діаны
Заставить искуситься и пригнать
Оленя прямо подъ-руки ловца!
Дукаты убиваютъ добродѣтель!
Чего не сдѣлать имъ и не раздѣлать?
Итакъ, одну изъ дамъ ея мнѣ нужно
Взять въ адвокаты; самъ же я пока
Немного понимаю въ этихъ штукахъ!..
Эй! съ позволенья вашего. *(Стучится. — Входитъ придворная дама).*

Придворная дама. — Кто здѣсь
Стучится?

Клотенъ. — Дворянинъ!

Придворная дама. — Не больше?..

Клотенъ. — Да,
И сынъ дворянки!

Придворная дама.— Это все, чѣмъ могутъ
Похвастать тѣ, которые, подобно
Вамъ, лордъ, своимъ портнымъ не мало платятъ!
Что жъ, ваша свѣтлость, нужно вамъ, скажите?
Клотенъ.—Особу вашей госпожи! Она
Готова?..
Придворная дама.—Да,—не выходитъ изъ спальни.
Клотенъ.—Вотъ золото: продайте вашу мнѣ
Любовь.
Придворная дама.—Какъ! имя доброе мое?
Что вижу въ васъ я добраго? Принцесса—*(Входитъ Имоджена).*
Клотенъ.—Прелестная сестрица, добрый день!
Позвольте вашу дорогую ручку...
Имоджена.—Сэръ, добрый день: вы трудитесь безмѣрно
И получаете однѣ тревоги!
Все, чѣмъ я васъ могу благодарить,
Есть то, что я бѣдна на благодарность,
И потому должна ее беречь...
Клотенъ.—Клянусь, я васъ люблю и безъ того!
Имоджена.—Когда бъ вы мнѣ открыли это просто,
Я при своемъ осталась бы; когда бъ
Вы съ клятвами мнѣ это разсказали,
Я васъ попрежнему вознаградила бъ
Тѣмъ, что не стала бы на васъ глядѣть.
Клотенъ.—Все это не отвѣтъ, моя царица!
Имоджена.—Когда бъ въ моемъ молчанiи согласья
Вы не прочли, я слова бъ не сказала!
Молю васъ, дайте мнѣ покой, и вѣрьте,
На ваши лучшiя услуги вамъ
Одна невѣжливость отвѣтомъ будетъ!
Всякъ человѣкъ, съ такимъ умомъ, какъ вы,
Увидитъ здѣсь отказъ и удалится...
Клотенъ.—Грѣшно васъ въ сумасшествiи покинуть!
Не брошу васъ.
Имоджена.— Глупецъ—не сумасшедшiй.
Клотенъ.—Что жъ, я—глупецъ?
Имоджена.— Я это говорю
По глупости своей: уймитесь только—
И я умнѣе буду! Это насъ
Обоихъ вылѣчитъ. Мнѣ очень жаль,

Что вы меня заставили забыть
Долгъ женщины въ подобныхъ выраженьяхъ.
Узнайте жъ наконецъ, что я открыто
И отъ души вамъ это говорю,
Что я ничуть не занимаюсь вами
И до того чуждаюсь снисхожденья,
Что—виновата—ненавижу васъ!
Жаль, что не вы почувствовали это,
Жаль, что пришлось мнѣ этимъ похвалиться.
Клотенъ.—Вы согрѣшили противъ послушанья,
Которымъ вы одолжены отцу!
Неравный бракъ вашъ съ этимъ жалкимъ нищимъ,
Дитятью милостыни и питомцемъ
Холодныхъ блюдъ и крохъ двора,—не бракъ!
Коль дозволяютъ низкому породой
(А кто его ничтожнѣй?) закрѣплять
Святыми узами чужое сердце
(Ихъ цѣль—плодить дѣтей для попрошайства!)—
То какъ же васъ не удержалъ отецъ
Отъ узъ подобныхъ? Вамъ не подобаетъ
Сквернить отцовъ престолъ рабомъ наемнымъ,
Слугою низкимъ, пастухомъ свиней...
Ему и это имя—честь большая.
Имоджена.—Негодный человѣкъ! Да если бъ ты
Юпитеровымъ сыномъ былъ и тѣмъ же
При этомъ всемъ остался, чѣмъ ты есть,
Ты не годился бъ въ конюхи Постуму.
И если ужъ цѣнить заслуги ваши,
Ты былъ бы свыше чести награжденъ,
Когда бы сталъ слугою палача
Въ его странѣ, и всѣмъ такимъ отличьемъ
Ты опротивѣлъ бы тогда на свѣтѣ!
Клотенъ.—Чума его убей!
Имоджена.— Нѣтъ для него
Несчастья бо̀льшаго, какъ то, что ты
О немъ болтаешь: худшая одежда
Его, едва она его коснулась,
По-моему, дороже всѣхъ твоихъ
Волосъ, хотя бъ отъ каждаго изъ нихъ
Ты родился!.. Пизаніо, послушай! *(Входитъ Пизаніо).*
Клотенъ.—Его одежда!?.. Дьяволъ побери!!

Имоджена *(къ Пизаніо).*—Иди скорѣй, сыщи мнѣ Доротею,
Мою прислужницу.
Клотенъ *(кричитъ).*— Его одежда!!..
Имоджена.—Глупецъ меня пугаетъ и тиранитъ,
Какъ бѣсъ!—Поди, скажи моей служанкѣ,
Чтобы она браслетъ мой отыскала:
Онъ какъ-то соскользнулъ съ моей руки!
Его мнѣ господинъ твой подарилъ.
За весь доходъ любого короля
Въ Европѣ не отдамъ того браслета *).
Мнѣ кажется, сегодня поутру
Я видѣла его: навѣрно жъ ночью
Висѣлъ онъ на рукѣ моей, еще
Его я цѣловала!.. Безъ сомнѣнья
Онъ не пошелъ передавать Постуму,
Что я другого здѣсь поцѣловала!
Пизаніо.—Нѣтъ, онъ пропасть не могъ!
Имоджена.— Конечно, такъ.
Иди жъ и поищи!.. *(Пизаніо уходитъ).*
Клотенъ.— Меня вы сильно
Обидѣли! Какъ? худшая одежда!!..
Имоджена.—Да, сэръ, я такъ сказала! Если жъ вы
Со мной процессъ желаете затѣять,
Сзывайте въ судъ свидѣтелей.
Клотенъ.— На это
Пожалуюсь я вашему отцу.
Имоджена.—И вашей матушкѣ: она моя
Защитница и вѣрно для меня
Не пожалѣетъ замысла дурного!
Сэръ, оставляю васъ во власть несчастной
Досады вашей! *(Уходитъ).*
Клотенъ.— О, я отомщу!
Какъ?! Худшая одежда!—Хорошо! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Римъ.—Комната въ домѣ Филаріо.—Входятъ: **Постумъ** и **Филаріо.**

Постумъ.—Не бойся, другъ, я долженъ убѣдиться,

*) Здѣсь у Шекспира снова анахронизмъ. Во времена Августа-Цезаря еще не существовало общаго названія для материка европейскихъ государствъ. Въ тогдашнемъ образованномъ мірѣ было только одно названіе для нашей части свѣта: *Римъ!* Остальное были земли варваровъ, изъ числа которыхъ не исключалась и Британія.

Что насъ король проститъ, какъ убѣжденъ,
Что честь ея непобѣдима.

Филаріо.— Чѣмъ же
Ты думаешь его уговорить?

Постумъ.—Ничѣмъ: всего отъ времени я жду!
Дрожу теперь отъ сильнаго мороза,
Въ надеждѣ, что настанутъ дни теплѣе.
И въ этой-то мерцающей надеждѣ—
Все, чѣмъ тебѣ по-силамъ заплатить
Могу я за любовь твою! Погибни
Она, и неоплатнымъ должникомъ
Сойду я въ гробъ.

Филаріо.— Ты истинной пріязнью
И дружбой мнѣ переплатилъ за все,
Что могъ тебѣ я сдѣлать. Твой король
Теперь уже объ Августѣ услышалъ:
Кай-Люцій точно выполнитъ свой долгъ;
Я убѣжденъ, что Цимбелинъ и дань
Заплатитъ намъ, и недоимки вышлетъ;
Безъ этого онъ вновь увидитъ римлянъ,
Воспоминанье о которыхъ, вѣрно,
Еще свѣжо въ преданіяхъ у васъ.

Постумъ.—Я думаю—(хотя я не бывалъ
Политикомъ съ рожденья и не буду)—
Я думаю, войны не миновать,
И вы скорѣй услышите, что Галлы
Къ Британіи безстрашной подступили,
Чѣмъ хоть частицу дани мы заплатимъ!
Мои соотчичи теперь искуснѣй
Въ войнѣ, чѣмъ въ тѣ поры, какъ Юлій-Цезарь
Трунилъ надъ ихъ неловкостью и тутъ же,
Досадою ихъ мужество почтилъ...
Ихъ дисциплина, смѣшанная нынѣ
Съ отвагою, всѣмъ судіямъ покажетъ,
Что нашъ народъ не отстаетъ отъ вѣка. *(Входитъ Якимо).*

Филаріо.—Взгляни!.. Якимо!..

Постумъ.— Вѣрно, по землѣ
Стремили васъ быстрѣйшіе олени,
А по водамъ всѣ вѣтры паруса
У васъ лобзали, чтобъ корабль скорѣе

Летѣлъ?!

Филаріо.— Добро пожаловать, мой другъ.

Постумъ.—Надѣюсь, краткость вашего отвѣта
Такъ сократила ваше возвращенье?

Якимо.—Супруга ваша, сэръ, прелестнѣй всѣхъ,
Кого я только знаю!..

Постумъ.— А затѣмъ,
Надѣюсь, и честнѣй?!

Якимо.— Вотъ письма къ вамъ!

Постумъ.—Ну что же, содержанье ихъ пріятно?

Якимо.—Я думаю...

Филаріо.—Кай-Люцій при дворѣ
Британскомъ былъ, когда ты кончилъ путь свой?

Якимо.—Нѣтъ, не былъ, но его тамъ ожидали.

Постумъ (*прочтя письма*). — Все до сихъ поръ прекрасно.
Камень мой
Попрежнему-ль хорошъ, иль ужъ поблекъ
И недостоинъ вашего наряда?

Якимо.—Когда бъ его лишился я, потеря
Моя равнялась бы цѣнѣ его
На золото! Я путь длиннѣе вдвое
Готовъ свершить, лишь только бъ мнѣ упиться
Еще такой блаженной, быстрой ночью,
Какую я въ Британіи вкусилъ!..
Кольцо мое!

Постумъ.— Нѣтъ, камни тяжелы
И такъ легко не прыгаютъ!

Якимо.— Нимало,
Когда супруга ваша на подъемъ
Способна такъ!

Постумъ.— Не издѣвайтесь, сэръ,
Надъ вашею потерею: надѣюсь,
Вы понимаете, что мы друзьями
Теперь уже не можемъ оставаться!

Якимо.—Но, добрый сэръ, мы будемъ дружны съ вами.
Условія мы наши соблюдемъ.
Когда бъ я не узналъ супруги вашей
И такъ домой вернулся, наше дѣло
Пошло бы, можетъ-быть, гораздо дальше:
Теперь же я открыто говорю,
Что выигралъ и честь ея, и перстень,

И тѣмъ я не обидѣлъ ни ея,
Ни васъ, затѣмъ, что дѣйствовалъ съ согласья
Обоихъ васъ!

Постумъ.— Когда вы доказать
Мнѣ можете, что ложа Имоджены
Касались вы, вотъ вамъ моя рука:
Я проигралъ мой перстень!—Если жъ нѣтъ,
За низкое сужденіе о чести
Принцессы наши шпаги порѣшатъ,
Кому изъ нихъ лишиться господина,
Иль побѣдить, а, можетъ быть, и обѣ
Онѣ улягутся, пока ихъ первый
Прохожій не найдетъ.

Якимо.— Сэръ, то, что̀ я
Открою вамъ, такъ близко къ чистой правдѣ,
Что нѐхотя повѣрите вы мнѣ.
Я силу рѣчи подтвердилъ бы клятвой,
Когда бъ не зналъ, что отъ нея меня
Вы разрѣшите, чуть мои слова
Вы не найдете средства опровергнуть!

Постумъ.—Извольте говорить.

Якимо.— Во-первыхъ, спальня —
(Клянусь, я въ ней не спалъ! но, вновь клянусь,
Тамъ было все безсонницы достойно),—
Въ обояхъ шелковыхъ и въ серебрѣ;
Исторія свиданья Клеопатры
Съ ея любезнымъ, Циднъ *) изъ береговъ
Выходитъ, отъ безмѣрной ли гордыни,
Или отъ тяжести судовъ: творенье
Богатое и чудное такое,
Что мастерство въ немъ борется съ цѣной!
И удивлялся я, какъ дивно-точно
Оно исполнено, и какъ въ немъ все
Кипитъ правдивой жизнью!..

Постумъ.— Это вѣрно;
Но вы могли объ этомъ отъ меня
Иль отъ другихъ узнать!

---

*) «Cydnus»—нынѣ рѣка Кара-Су. Эта рѣка протекала въ древнемъ Тарсѣ и впадала въ Средиземное море. На ней указываютъ мѣсто, гдѣ утонули Александръ Македонскій и въ 1190 году императоръ Фридрихъ Первый.

Якимо.— Мои признанья
Подробности иныя подтвердятъ.
Постумъ.—Такъ и должны вы поступить,—не то,
Вы повредите много вашей чести!
Якимо.—Каминъ на югѣ спальни, на каминѣ
Статуя цѣломудренной Діаны—
Въ купальнѣ... Я не видывалъ фигуръ
Съ такимъ краснорѣчивымъ выраженьемъ!
Скульпторъ здѣсь былъ второй живой природой!..
Онъ превзошелъ природу: позабылъ
Одно дыханье только и движенье!
Постумъ.—И это вещь, которую вы также
Могли узнать случайно, по наслышкѣ:
О ней у насъ разсказываютъ много!
Якимо.—Амуры золотые потолокъ
Рельефомъ осѣняютъ... Про таганъ
Я позабылъ сказать: два купидона,
Изъ серебра, съ него глядятъ лукаво,
Поджавъ по ножкѣ каждый и премило
На факелы свои облокотясь!.. *)
Постумъ.—Вы это все замѣтили, и славы
Достойна ваша память... Но припомнивъ
Мнѣ все, что̀ есть въ покоѣ Имоджены,
Вы тѣмъ еще заклада далеко
Не искупили!
Якимо.— Такъ блѣднѣйте жъ, если
Блѣднѣть вы можете. (*Вынимаетъ браслетъ*). Позвольте мнѣ
Провѣтрить эту штучку: посмотрите...
Теперь ее мы спрячемъ вновь: она
Должна совокупиться съ вашимъ перстнемъ;
Я ихъ возьму обоихъ!
Постумъ.— Зевсъ! Позволь
Получше поглядѣть мнѣ: неужели
Я этотъ самый отдалъ ей браслетъ?
Якимо.—Сэръ, этотъ самый, вѣрьте мнѣ: она
Его съ руки своей сняла... Какъ нынче
Я это вижу: чудное движенье
Принцессы кажется красивѣй дара

---

*) Слово «brands» значитъ головешка и мечи; это слово Гёте переводитъ словомъ «факелы».

Ея и самый даръ обогащаетъ:
Она его дала мнѣ и сказала,
Что «нѣкогда» она имъ дорожила!..

Постумъ.—Она его сняла затѣмъ, быть-можетъ,
Чтобъ мнѣ его послать?

Якимо.— Она объ этомъ
Вамъ пишетъ, сэръ?! Не такъ ли, посмотрите!..

Постумъ.—О! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!! Все это справедливо.
На — вотъ, возьми его скорѣй! (*Отдаетъ ему перстень*). Теперь
Моимъ глазамъ онъ хуже василиска:
Меня убьетъ его коварный образъ!..
Нѣтъ чести тамъ, гдѣ царствуетъ краса;
Нѣтъ правды тамъ, гдѣ только вѣроятность;
Нѣтъ истинныхъ даровъ любви, гдѣ есть
Другой мужчина... Женскіе обѣты
Нимало женщинъ тѣмъ не покоряютъ,
Кому они клянутся, точно такъ же,
Какъ невѣрна ихъ добродѣтель: это
Почти ничто! Безмѣрная измѣна!

Филаріо.—Сэръ, успокойтесь и возьмите снова
Свой перстень; онъ не выигранъ еще,
Она его, быть-можетъ, потеряла...
Кто знаетъ? Можетъ быть, одна изъ слугъ
Принцессы продалася и его
Украла!..

Якимо.— Я Юпитеромъ клянусь—
Съ ея руки...

Постумъ.— Вы слышите, Якимо
Кланется мнѣ, Юпитеромъ клянется?!
Все это правда!—Нѣтъ, возьми кольцо...
Все это правда!—Я теперь увѣренъ,
Она его не потеряла. Слуги
Ея мнѣ честью поклялись: не имъ
Продаться и украсть для иностранца!
Онъ соблазнилъ ее; все это—признакъ
Ея безчестья! Дорого жъ она
Себѣ купила прозвище продажной!
Вотъ, нà, возьми барышъ твой, и пускай
Съ тобой всѣ демоны исподней вмѣстѣ
Его раздѣлятъ!

Филаріо.— Успокойтесь, сэръ!
Тутъ нѣтъ еще такого подтвержденья,
Которое могло бъ поколебать
Того, кто убѣжденъ.
Постумъ.— Ни слова больше!
Онъ соблазнилъ ее!
Якимо.— Когда другихъ
Вы ищете уликъ, такъ вотъ что̀: ниже
Ея груди, объятія достойной,
Есть пятнышко; ему, по чистой правдѣ,
Гордиться можно этимъ сладкимъ мѣстомъ!
Клянуся жизнью, я поцѣловалъ
Его—и голоденъ я сталъ вторично,
И, сытый, вновь хотѣлъ я цѣловать!
Вы... пятнышко... припомните?!
Постумъ.— О да!
И въ этомъ я пятно другое вижу,
Такое жъ необъятное, какъ адъ,
Хотя бы адъ его лишь и вмѣщалъ!
Якимо.—Хотите-ль вы еще меня послушать?
Постумъ.—Избавь меня отъ алгебры своей!
Вовѣкъ не сосчитать ея проступковъ:
Скажи лишь «разъ»—и—«милліонъ»!..
Якимо.— Клянусь...
Постумъ.—Нѣтъ, не клянись! Едва жъ ты поклянешься,
Что этого не видѣлъ, ты солжешь!
И я тебя убилъ бы, если бъ ты
Отрекся, что роговъ мнѣ не приставилъ!
Якимо.—Я ничего не стану отрицать!
Постумъ.—О, если бъ здѣсь была ты, Имоджена,
Я разорвалъ тебя бы на куски...
Пойду туда и все покончу! (*Уходитъ*).
Филаріо.—Онъ выбился изъ-подъ цѣпей терпѣнья!
Вы выиграли. Поспѣшимъ за нимъ
И отвратимъ его отъ гнѣва; онъ
Зарѣжется...
Якимо.— Отъ всей моей души. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тамъ же. Другая комната. Входитъ **Постумъ.**

Постумъ.—Ужель родиться безъ пособья женъ
Нельзя? Тогда и всѣ мы незаконны.

Достойный мужъ, котораго отцомъ
Я почиталъ, въ отлучкѣ былъ въ ту пору,
Когда я зарождался; фабрикантъ
Фальшивый дни мои чеканилъ. Мать
Слыла Діаной, какъ теперь моя жена...
О, мщенье, мщенье, мщенье! Имоджена
Всегда была со мною холодна,
Меня въ страстяхъ обуздывать старалась
И это дѣлала съ такой румяной
Стыдливостью, что самъ старикъ Сатурнъ
При этомъ видѣ ею бы плѣнился!
И я считалъ ее бѣлѣе снѣга,
Нетронутаго солнечнымъ лучомъ!
О! дьяволы! Какой-нибудь желтякъ,
Якимо, въ часъ одинъ—не такъ ли? меньше,
Гораздо меньше, слова, можетъ быть,
Не вымолвилъ и, какъ германскій вепрь,
На желудяхъ расплывшійся, вздохнулъ
И ринулся—и встрѣтилъ только ту
Застѣнчивость, которую найти
Онъ думалъ и которую она
Ему сама, безъ битвы, уступила...
О, если бы все женское въ себѣ
Я разыскалъ!.. Нѣтъ въ человѣкѣ шага
Ко злу, который бы, какъ я увѣренъ,
Не заключалъ въ себѣ частицы бабьей!..
Солгалъ ли кто, замѣтьте, это все
Отъ женщинъ; лесть отъ нихъ же происходитъ;
Обманъ—отъ нихъ же; грубыя желанья
И страсти—все рождается отъ нихъ!
Гордыня, месть, измѣнчивость, кичливость,
Разборчивость, кокетство, клевета,
Что только называется порокомъ,
Что только знаетъ адъ—все это частью
Иль цѣликомъ отъ женщинъ происходитъ;
Скорѣе цѣликомъ, затѣмъ, что въ самомъ
Порокѣ нѣтъ у женщинъ постоянства,
И каждый грѣхъ у нихъ черезъ минуту
Уже старикъ и замѣненъ другимъ,
Который нѣсколько его моложе...
Я противъ нихъ начну писать, я стану

Ихъ презирать и проклинать; чтобъ лучше
Имъ отомстить, молить боговъ я буду,
Да исполняется ихъ воля всюду...
И самый адъ ихъ лучше не казнитъ! *) *(Уходитъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Британія.—Посольская комната во дворцѣ Цимбелина. Входятъ: въ одну дверь—**Цимбелинъ, Королева, Клотенъ** и придворные; въ другую—**Кай-Люцій** со свитой.

Цимбелинъ.—Итакъ, чего желаетъ Августъ-Цезарь
Отъ насъ? скажи.
Люцій.— Въ тѣ дни, какъ Юлій-Цезарь,
Воспоминанье о которомъ живо
Въ умахъ людей и дастъ надолго пищу
Ушамъ и языкамъ ихъ, покорилъ
Британію,—Кассибеланъ, твой дядя,
Прославленный, за доблести свои,
Хвалами Цезаря, самъ за себя
И за свое потомство обязался
Выплачивать дань Риму ежегодно—
Пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ,—но ты
Съ недавнихъ поръ отъ дани отказался.
Королева.—И такъ всегда отнынѣ это будетъ,
Чтобъ поумѣрить ваше изумленье.
Клотенъ.—Не мало Цезарей увидитъ свѣтъ,
Пока второй такой найдется Юлій!
Британія—отдѣльный, цѣлый міръ...
Мы за носы свои вамъ не заплатимъ!
Королева.—Тогда ограбить насъ помогъ вамъ случай,
И онъ же насъ за все вознаградитъ!
Припомни, государь, вѣнчанныхъ предковъ
Своихъ, твой островъ, сильный отъ природы!
Онъ, словно крѣпость грознаго Нептуна,
Со всѣхъ сторонъ укрытъ и заслоненъ
Горами, неприступными,—пучиной,
И мелями, грозой эскадры вражьей,—
Морская бездна засосетъ сюда—

*) Этотъ монологъ весьма схожъ по духу съ сатирою Ювенала «Женщины».

По самыя верхушки длинныхъ флаговъ!
Здѣсь тѣнь побѣды Цезарь одержалъ;
Но онъ не здѣсь похвастался:—«Пришелъ,
Увидѣлъ, побѣдилъ!..» *). И со стыдомъ,
Которымъ онъ впервые былъ растерзанъ,
Два раза отраженный, убѣжалъ
Отъ нашихъ береговъ... Его суда,
Ничтожныя и жалкія игрушки,
Какъ скорлупа яичная, болтались
На нашихъ, полныхъ ужаса, моряхъ—
И безъ труда о скалы разбивались...
Кассибеламъ, обрадованный этимъ,
Въ сіяньи славы, вдругъ возмнилъ себя
Владѣтелемъ (о, лицемѣръ, фортуна!)
Меча, съ которымъ къ намъ явился Цезарь,
Огнями радостными городъ Люду **)
Убралъ, и всѣ британцы стали полны
Воинственной отваги!

Клотенъ. Э! проваливай! Никакой дани тутъ не будутъ платить: наше королевство сильнѣе, чѣмъ оно было въ тѣ дни, и, какъ я говорю—теперь уже нѣтъ въ заводѣ былыхъ Цезарей... У иныхъ изъ васъ, пожалуй, такіе же орлиные носы; но ужъ зато ни у кого не имѣется такихъ мощныхъ рукъ!..

Цимбелинъ.—Сынъ, дай кончить твоей матери.

Клотенъ.—Не мало между нами отыщется такихъ молодчиковъ, которые способны притиснуть васъ не слабѣе Кассибелана. Я себя сюда не причисляю, однакоже, и у меня есть такъ-называемыя руки!.. Какая дань? За что намъ ее вносить? Вотъ если бы Цезарь могъ одѣяломъ заслонить солнце или положить себѣ въ карманъ луну, тогда мы за свѣтъ ему уплатимъ,—а иначе никакой уплаты не будетъ,—ясно и коротко...

Цимбелинъ.—Припомнить надо, мы когда-то сами
Свободны были; но кровавый Римъ
Насъ обложилъ постыдно-рабской данью!
Гордыня Цезаря, которой волны

---

*) Этими словами, въ 48 году до Р. Х., Цезарь извѣстилъ одного своего друга въ Римѣ о побѣдѣ надъ Фарнакомъ, сыномъ знаменитаго Митридата; слова: «veni, vidi, vici!» были эмблемою завоеванія могучаго Босфорскаго царства.

**) «Lund's town»—древнее названіе *Лондона*.

Такъ страшно вздулися, что перешли
Границы міра, противъ всякихъ правъ
На насъ надѣла это иго; свергнуть
Его опять отважному народу
Идетъ, а нашъ считается не трусомъ!
Поэтому мы Цезарю отвѣтимъ,
Что предокъ нашъ, Мульмуцій, былъ создатель
Законовъ нашихъ! Цезарь ихъ порядкомъ
Своимъ мечомъ отважнымъ истерзалъ,
Но мы «освободить и обновить»
Попробуемъ ихъ силою своею.
И, несмотря на то, что Римъ при этомъ
Разсердится, свершимъ благое дѣло...
Мульмуцій былъ среди британцевъ первый,
Который осѣнилъ свое чело
Вѣнцомъ—и принялъ имя короля! *)

Люцій.—Съ прискорбіемъ тебѣ я, Цимбелинъ,
Обязанъ объявить, что Августъ-Цезарь—
Отнынѣ врагъ твой,—Цезарь, предъ которымъ
Въ услугахъ больше королей покорныхъ,
Чѣмъ у тебя гвардейскихъ офицеровъ.
Внимай же мнѣ. Войну и разоренье,
Во имя Цезаря, я объявлю
Тебѣ; несокрушимой, злобной мести
Ты долженъ ожидать!—Сказавши это,
Я отъ себя тебя благодарю.

Цимбелинъ.—Я радъ тебѣ, любезный Кай! Твой Цезарь
Насъ въ рыцари возвелъ; въ его глазахъ
Я половину юности провелъ.
Онъ даровалъ мнѣ честь, и онъ же хочетъ
Ее отнять у Цимбелина: это
Насъ доведетъ до крайностей! Милордъ,
Я знаю, что Паннонцы и Далматы
Ужъ подняли оружье противъ Рима;
Не зная этого, британцы наши
Остались бы, пожалуй, хладнокровны...
Но Цезарь ихъ такими не найдетъ!

---

*) *Мульмуцій*, *Цимбелинъ*, *Лиръ*, *Макбетъ* и др., имена королей древней Британіи, упоминаемыя въ хроникѣ Голиншеда, принадлежатъ къ именамъ, въ существованіи которыхъ нынѣ уже не сомнѣваются знаменитѣйшіе историки.

Люцій.— Все порѣшится ладомъ!

Клотенъ.—Его величество очень радъ вамъ. Проживите-ка у насъ еще денекъ, два, а то и поболѣе! Если вы впослѣдствіи явитесь къ намъ подъ другими условіями, вы найдете насъ опоясанными соленоводнымъ поясомъ. Удастся вамъ выбить насъ изъ него, онъ вашъ; если же вы падете въ предпріятіи, тѣмъ аппетитнѣе, за ваше здоровье, закусятъ наши вороны; вотъ вамъ и все тутъ!

Люцій.— Точно такъ.

Цимбелинъ.—Я знаю волю Августа! Теперь
И онъ вполнѣ мою узнаетъ волю.
Мнѣ остается только повторить:
«Добро пожаловать!..» *(Всѣ уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же; другая комната (Входитъ **Пизаніо**).

Пизаніо.—Какъ! О невѣрности?! Зачѣмъ же ты
Не пишешь мнѣ; какой уродъ ее
Оклеветалъ? О, лордъ, о, Леонатъ!..
Какой заразой страшной поразили
Твой слухъ? Какой коварный итальянецъ,
Съ отравою въ рукахъ и на кинжалѣ,
Надъ легковѣрнымъ слухомъ подсмѣялся?
Она—измѣнница!! Нѣтъ! Наказанье
Гнететъ ее за вѣрность! Какъ богиня,
Какъ ни одна изъ женщинъ, переноситъ
Она нападки, страшныя для всякой
Невинности... О, господинъ! Твой духъ
Теперь передъ принцессой такъ же низокъ,
Какъ низокъ былъ ты состояньемъ! Какъ?!
Мнѣ умертвить ее?! Изъ-за любви,
Изъ-за покорности, изъ-за обѣтовъ,
Которые тебѣ я произнесъ!
Мнѣ и *ее!!!* Мнѣ кровь ея пролить?!..
Когда все это—добрая услуга,
Во вѣкъ тебѣ я не хочу служить!
Что жъ я такое, если онъ во мнѣ
Нашелъ подобную безчеловѣчность,
Когда онъ предписалъ мнѣ эту низость? (*Читаетъ*).
— «Исполни все. Я къ ней писалъ письмо.
«По этому письму она тебѣ
«Отдастъ приказъ, который самъ направитъ

«Тебя на случай это совершить».
Проклятая бумага! Какъ чернила
Твои, черна ты! Мертвое тряпье!
Какъ можешь ты невинно такъ глядѣть,
Когда ты—злой сообщникъ въ этомъ дѣлѣ? (*Входитъ Имоджена*).
Вотъ и она! Я притворюсь, какъ будто
Приказа я еще не прочиталъ! *).

Имоджена.—Ну что, Пизаніо?

Пизаніо.— Вотъ вамъ посланье
От̀ моего, милэди, господина.

Имоджена.—Отъ господина твоего? Какъ такъ?!
А мнѣ ужъ онъ не господинъ?.. Постумъ?..
О, много бы узналъ тотъ астрономъ **),
Который изучилъ бы такъ планеты,
Какъ изучила я завѣтный почеркъ:
Онъ будущее могъ бы открывать!
Вы, боги свѣтлые, устройте такъ,
Чтобы письмо его дышало страстью,
Чтобы оно сказало мнѣ, что онъ
Здоровъ и веселъ... только не вполнѣ:
Пускай его крушитъ разлука наша...
Печаль порой цѣлительна бываетъ,
Вотъ какъ теперь! Его любовь окрѣпнетъ!
Итакъ, пусть веселъ онъ, но не вполнѣ.
О, добрый воскъ! позволь... (*Распечатываетъ письмо*).
Блаженны пчелы,
Которыя могли слѣпить такой
Замокъ для таинства обѣтовъ брачныхъ!
Любовники и люди въ кабалѣ
Неодинаково творятъ молитвы...
Преступниковъ ведешь ты въ кандалы,
За то теперь скрѣпляешь ты дощечку
Малютки-купидона! ***) Дайте жъ, боги,

---

*) По объясненію Стивенса, это значитъ, что Пизаніо совсѣмъ рѣшается отказаться отъ убійства Имоджены; по объясненію нѣмецкихъ комментаторовъ, Пизаніо только колеблется и хочетъ выиграть время.

**) Шекспиръ здѣсь употребилъ слово «Astronomer» вмѣсто «Astrologer».

***) Въ Римѣ и другихъ странахъ древняго міра граждане переписывались другъ съ другомъ съ помощью записныхъ книжекъ, сдѣланныхъ изъ дерева, натертаго воскомъ, такъ что на ихъ поверхности можно

Мнѣ добрыхъ новостей. (*Читаетъ*).

— «Правосудіе и гнѣвъ твоего отца, когда бы онъ захватилъ меня въ своихъ владѣніяхъ, не въ силахъ нанести мнѣ такой жестокости, которой бы ты, о драгоцѣннѣйшее изъ твореній божьихъ, не залѣчила своимъ взоромъ. Знай, что я въ Камбріи, въ Мильфордской гавани. Слѣдуй тому, что тебѣ, въ этомъ случаѣ, посовѣтуетъ твоя собственная любовь. За этимъ, желая тебѣ всякаго счастія, остаюсь, вѣрный своимъ клятвамъ и возрастающій въ любви къ тебѣ,—

Леонатъ Постумъ».—

О! дайте мнѣ крылатаго коня!
Пизаніо, ты слышишь? Онъ теперь
Въ Мильфордской гавани... Читай, скажи мнѣ
Какъ далеко отсюда это мѣсто?
И, если для бездѣлокъ по недѣлямъ
Ползутъ въ Мильфордъ, такъ почему жъ нельзя
Мнѣ день одинъ Постуму посвятить?
Итакъ, ты, вѣрно, другъ, подобно мнѣ,
Желаешь поскорѣй его увидѣть;
Желаешь—только менѣе—не такъ,
Какъ я, желаешь непремѣнно, только
Слабѣй,—о да, не такъ, какъ Имоджена!—
Затѣмъ, что я желаю безконечно,—
Да, безконечно!—Говори жъ скорѣй...
Слова любви такъ наполняютъ сердце,
Что груди тѣсно! Говори, какъ близокъ
Отъ насъ Мильфордъ блаженный? По дорогѣ жъ
Повѣдай мнѣ, за что Валлисъ такъ счастливъ,
За что такой онъ гаванью владѣетъ?
Но прежде разскажи, какъ намъ отсюда
Укрыться, какъ намъ оправдать несходство
Во времени, между побѣгомъ нашимъ
И возвращеніемъ; нѣтъ, лучше прежде—
Какъ убѣжать намъ? Что объ оправданьи
Тутъ разсуждать до совершенья дѣла?..
Объ этомъ мы поговоримъ и послѣ!
Прошу, мой другъ, скажи, какъ много мы
Десятковъ миль проѣхать можемъ въ часъ?

было писать спичкою и потомъ стирать написанное. Впослѣдствіи эти книжки дѣлались изъ золота, слоновой кости и кинаря, украшеннаго арабесками.

Пизаніо.—Десятка миль межъ двухъ восходовъ солнца
Вамъ будетъ вдоволь, даже слишкомъ много.
Имоджена.—Не можетъ быть! Преступникъ, да и тотъ
На эшафотъ такъ тихо не пойдетъ!
Слыхала я о скачкахъ... Тамъ порою
Бываютъ лошади быстрѣй песчинокъ,
Которыя вращаются въ часахъ...
Но это пустяки!—Ступай, вели
Моей служанкѣ, чтобъ она больною
Сказалась и къ отцу бы отпросилась;
Найди скорѣй дорожное мнѣ платье,
Похуже, рубище простой крестьянки.
Пизаніо.—Одумайтесь, милэди.
Имоджена.— Я гляжу,
Пизаніо, впередъ, а не назадъ,
Не вправо и не влѣво; предо мною
Кругомъ туманъ, и я не въ состояньи
Пронзить его глазами... Не забудь же,
Прошу тебя, исполнить все, что надо.
Мнѣ больше не о чемъ болтать съ тобою:
Въ одинъ Мильфордъ теперь мой путь лежитъ!
(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Валлисъ.—Гористая страна.—Пещера. Входятъ: **Белларій, Гвидерій** и **Арвирагъ.**

Белларій.—Въ такой прекрасный день не усидишь
Подъ душной кровлею! Нагнитесь, дѣти... *)
Нашъ входъ васъ учитъ, какъ должны мы чтить
Боговъ: онъ къ утренней молитвѣ
Склоняетъ васъ! Чертоги горожанъ
Такъ высоки, что черезъ нихъ гиганты
Проходятъ въ шляпахъ и не отдаютъ
Поклоновъ появленью свѣта солнца!
Привѣтъ тебѣ, плѣнительное небо!
Мы, горные жильцы, съ тобой не такъ
Кичливы, какъ живущіе въ палатахъ!
Гвидерій.—Привѣтъ тебѣ!

---

*) По мнѣнію Л. Тика, Белларій говоритъ здѣсь: «sleep boys»—вы спите развѣ, мои дѣти? Но Стивенсъ и Мэлонъ вѣрнѣе ставятъ здѣсь слова: «stoop boys» — нагнитесь, дѣти! — потому что это прямо относится къ слѣдующей за этимъ мысли.

Арвирагъ.— Привѣтъ тебѣ, о небо!
Белларій.—Теперь за нашу горную охоту!
Скорѣе на утесы (ваши ноги
Такъ юны!). Я жъ останусь здѣсь, въ долинѣ;
И если вы меня съ вершины скалъ
Увидите съ ворону ростомъ,
Что мѣсто насъ ростить и умаляетъ,
Припомните, что̀ говорилъ я вамъ
О принцахъ, о дворахъ и о капризахъ
Войны!—Услуга не тогда услуга,
Когда ее свершили, а тогда,
Когда ее признали: эта мысль
Изо всего, что видимъ мы, для насъ
Большую пользу извлечетъ! И часто
Жукъ въ скорлупѣ счастливѣе орла!..
О, эта жизнь достойнѣе во многомъ,
Чѣмъ лесть и происки рабовъ; богаче,
Чѣмъ праздное бездѣліе и лѣнь;
Пышнѣй, чѣмъ франтовство въ шелкахъ заемныхъ!
Пусть эта пышность кланяться велитъ
Тому, кто вѣритъ въ долгъ: поклоны эти
Не сокращаютъ счета должниковъ...
Нѣтъ, мы не такъ живемъ!
Гвидерій.— Вы говорите
По опыту: мы жъ, бѣдняки безъ крыльевъ,
Не улетали изъ виду гнѣзда
И не знавали воздуха внѣ дома!
Такая жизнь и хороша, быть-можетъ,
Когда покой счастливѣйшій удѣлъ...
Она сладка вамъ потому, что вы
Другую жизнь, горчѣе, испытали;
Она подходитъ къ вашимъ дряхлымъ лѣтамъ:
Но ужъ для насъ она—глухой вертепъ
Невѣжества, прогулка по кровати,
Какъ для страдальца-должника темница,
Въ которой онъ переступить не смѣетъ
Границъ.
Арвирагъ.— О чемъ мы будемъ говорить,
Когда состаримся, какъ вы, когда
Начнетъ шумѣть декабрьскій дождь и вѣтеръ?
Какъ станемъ мы часы морозовъ грозныхъ

Въ пещерѣ душной сокращать бесѣдой?
Мы ничего не видѣли, мы словно
Лѣсные звѣри: какъ лиса на ловлѣ,
Коварны мы; какъ волкъ передъ добычей,
Безстрашны мы, и все лишь для того,
Чтобъ затравить бѣгущее отъ насъ...
И нашу клѣть мы оглашаемъ хоромъ,
Какъ птички заточенныя, привольно
Мы воспѣваемъ наше заточенье!

Белларій.—Какія рѣчи?!.. Да знакомо ль вамъ,
По опыту, коварство городовъ?
Интриги общества, съ которымъ трудно
Разстаться, но еще труднѣй ужиться?..
Всползти къ его вершинѣ—значитъ пасть!
Вершина этой цѣли такъ скользка,
Что страхъ одинъ слетѣть съ нея тяжеле
Паденія съ нея! Труды войны—
Труды, гдѣ мы во имя славы ищемъ
Опасностей и гибнемъ на пути!
За подвиги порой насъ награждаютъ
Надгробіемъ позорной клеветы;
Всю эту повѣсть свѣтъ во мнѣ прочтетъ:
Изсѣченъ весь я римскими мечами
И нѣкогда по славѣ былъ изъ первыхъ;
Самъ Цимбелинъ любилъ меня и, чуть
За тему разговора бралъ солдата,
Отъ устъ его не удалялся я!
Тогда я былъ, какъ дубъ, который клонитъ
Къ землѣ свои тяжелые плоды...
Но, какъ-то ночью, буря ль, воровство ли,—
Какъ знаете, зовите,—мой покровъ,
Созрѣвшій до листочка, оборвали—
И въ наготѣ я брошенъ непогодѣ!

Гвидерій.—Коварное несчастье!

Белларій.— Мой проступокъ,
Какъ я сказалъ вамъ, тѣмъ лишь и проступокъ,
Что два злодѣя черной клеветой
Осилили мою святую честь
И поклялись однажды Цимбелину,
Что я былъ въ тайной перепискѣ съ Римомъ.
За это сосланъ я, и двадцать лѣтъ—

Скала и этотъ хлѣвъ мнѣ цѣлый свѣтъ!
Здѣсь я живу въ покоѣ, здѣсь, клянусь вамъ,
Въ молитвахъ чтилъ я больше небеса,
Чѣмъ въ продолженьи всей протекшей жизни—
Но эта рѣчь ловцамъ нейдетъ! За дѣло!..
Кто прежде всѣхъ убьетъ оленя, тотъ
Да будетъ властелинъ нашъ за обѣдомъ!
Другіе два должны ему служить!
Намъ нечего отравы опасаться,
Которая преступнымъ угрожаетъ,
Я васъ въ долинѣ догоню. —*(Гвидерій и Арвирагъ уходятъ).*

Белларій. *(Одинъ).*— Какъ трудно
Укрыть природный пламень! Эти дѣти
Не знаютъ, что отецъ имъ—Цимбелинъ.
И Цимбелинъ о жизни ихъ не знаетъ...
Они меня считаютъ за отца...
А между тѣмъ, взращенные въ пещерѣ,
Гдѣ надобно сгибаться день и ночь,
Они въ мечтахъ касаются вершинъ
Дворцовъ; природа учитъ ихъ въ простыхъ
И низкихъ веществахъ являть высокій
И гордый духъ, что далеко искусству
Другихъ не удается!—Полидоръ,
Наслѣдникъ Цимбелина и короны
Британіи, Гвидеріемъ былъ названъ
По волѣ короля-отца!—О, Зевсъ!..
Когда сажуся я на свой треножникъ
И говорю о подвигахъ своихъ,
Его огонь стремится въ мой разсказъ!
Едва промолвлю я: «Такъ палъ мой врагъ,
«Такъ придавилъ я грудь ему пятою!»—
Ужъ царственная кровь течетъ къ его
Щекамъ, онъ весь дымится, расплавляетъ
Младые члены и отважной позой
Слова моихъ рѣчей живописуетъ!..
Кадвалъ—меньшой (когда-то Арвирагъ)
Своимъ лицомъ вливаетъ духъ и жизнь
Въ мои разсказы, больше выражая
Движеньями, чѣмъ можетъ самъ понять!..—*(Слышны крики).*

А!.. Молодцы ужъ подняли добычу!..
О, Цимбелинъ! Господь да совѣсть знаютъ,
Какъ ты меня неправедно сослалъ!
Я двухъ дѣтей, двухъ первенцовъ твоихъ,
По третьему и по второму году,
Увезъ тогда. О, Эрифила! ты
Вскормила ихъ, они тебя зовутъ
Своею матерью и каждый день
Твоей могилѣ воздаютъ почтенье! *)
Меня, Белларія, который былъ
Моргапомъ нѣкогда, они считаютъ
Своимъ отцомъ!.. Да, ловля началась!—*(Входитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мѣстность вблизи Мильфордской гавани.—(Входятъ: **Имоджена и Пизаніо**).

Имоджена.—Когда сошли съ коней мы, ты сказалъ
Что мѣсто наше близко, подъ рукою.
И мать моя впервые не желала
Меня увидѣть жадно такъ, какъ я
Теперь желаю; человѣкъ! Пизаніо!
Гдѣ мой Постумъ? Что въ мысляхъ у тебя,
И почему совсѣмъ ты помертвѣлъ?
Зачѣмъ такіе тягостные вздохи?..
Кто бъ такъ себя разрисовалъ, какъ ты,
Того безъ поясненій всѣ признали бъ
Портретомъ ужаса; прими же видъ
Поменьше страшный, иначе безумство
Убьетъ мое сознаніе! Въ чемъ дѣло?
Къ чему ты листъ мнѣ этотъ подаешь,
Съ такою неподатливою миной?.. **)
Когда въ немъ вѣсти лѣтнія, ты долженъ
Передо мной смѣяться; если же вѣсти
Въ немъ зимнія, такъ ты не измѣняй
Физіономіи своей! Рука
Супруга моего!—Страна отравъ,
Италія опутала Постума,
И онъ въ бѣдѣ? Откройся жъ, человѣкъ!

---

*) *Эрифила*—жена Белларія, бывшая прежде фрейлиною Цимбелина.

**) Здѣсь у Шекспира каламбуръ. Слово «tender» значитъ подавать и нѣжить, а слово «untender look» — ненѣжная, отталкивающая мина, взоръ.

Языкъ твой облегчитъ, быть-можетъ, горе,
Которое убьетъ меня при чтеньи!

Пизаніо.—Читайте, умоляю васъ, и вы
Увидите, что я—несчастный смертный,
Игралище озлобленной судьбы.

Имоджена (*Читаетъ*).—«Твоя госпожа, Пизаніо, разыграла роль потерянной женщины; гнусныя доказательства этому лежатъ передо мною. Я не говорю о пустыхъ предположеніяхъ,—я говорю объ уликахъ грозныхъ, какъ моя печаль, и вѣрныхъ, какъ близкое свершеніе моей мести. Эту часть, Пизаніо, ты долженъ сдѣлать за меня, если только твоя вѣрность не отравлена еще ея измѣной. Отними у нея жизнь собственными своими руками; случай къ этому я тебѣ доставлю въ Мильфордской гавани: туда она прибудетъ по моему письму. И если ты струсишь, не убьешь ея и не докажешь мнѣ, что ты исполнилъ все, какъ надо, ты—сообщникъ ея и, наравнѣ съ нею, преступенъ передо мной!»

Пизаніо.—Къ чему и мечъ мнѣ вынимать?.. Письмо
Ее пронзило! Это—клевета,
Которой жало всѣхъ мечей острѣй
И ядовитѣе всѣхъ нильскихъ змѣй!
Ея слова летятъ на крыльяхъ вѣтровъ,
Разносятъ ложь во всѣ концы земли!
Сановниковъ, князей и королевъ,
Дѣвицъ, и женъ, и таинства могилъ—
Все отравляетъ жало клеветы!
Что съ вами, лэди?

Имоджена.— Невѣрна ему!..
Что жъ значитъ быть ему невѣрной?
Лежать безъ сна и тосковать о немъ?
Рыдать ежеминутно, и едва
Природу сонъ осилитъ, прерывать
Его тяжелой грезой о Постумѣ
И съ крикомъ вскакивать?.. Не это ль значитъ
Невѣрной быть?

Пизаніо.— О, добрая милэди!

Имоджена.—Я невѣрна? Твоя, Якимо, совѣсть
Свидѣтель въ томъ... Ты обвинялъ его
Въ развратѣ—и казался мнѣ злодѣемъ!
Теперь, по-моему, ты милосерднѣй!..
Сорока итальянская, дитя

Румянъ, ее окрасившихъ, коварно
Такъ спутала его... и я—тряпье
Негодное, и вышла я изъ моды!
И такъ какъ я довольно дорога,
Чтобъ на стѣнѣ меня повѣсить, надо
Меня изрѣзать въ мелкіе куски!
Мужскія клятвы—смертный ядъ для женщинъ!
О, мой супругъ? Твое паденье—въ злобу
И добрыя дѣянья обратило!
Мы жнемъ не тамъ, гдѣ сѣемъ: эти клятвы
Разсыпаны приманкою для насъ!

Пизаніо.—Послушайте, добрѣйшая милэди...

Имоджена.—Честнѣйшихъ изъ людей, во дни бродяги
Энея, за обманщиковъ считали,
Рыданія Синона *) много вздоховъ
И слезъ заставили считать притворствомъ,
Отъ вѣрнаго несчастья отвратили
Людское состраданье! Такъ и ты,
Постумъ, всѣхъ честныхъ ложью заразилъ!
Добрѣйшіе и вѣрные, съ твоимъ
Паденьемъ, обратилися въ лжецовъ!
Что жъ, другъ, будь честенъ: исполняй велѣнье
Хозяина! Когда его ты встрѣтишь,
Увѣрь его въ покорствѣ Имоджены! *(Подаетъ ему мечъ).*
Смотри, сама я вынимаю мечъ:
Возьми его, пронзи имъ чистый храмъ
Моей любви, пронзи имъ это сердце!
Не бойся, въ немъ все пусто, кромѣ скорби;
Тамъ нѣтъ ужъ господина твоего,

*) *Эней и Синонъ*—Aeneas—троянскій князь, сынъ Венеры и Анхиза, супругъ Креузы, дочери Пріама. Онъ отличался во время осады Трои, особенно въ ночь взятія этого города, въ 1270 г. до Р. Хр. Онъ убѣжалъ, держа на плечахъ престарѣлаго отца, съ богами-пенатами, и водворился, послѣ многочисленныхъ странствованій, составившихъ предметъ виргиліевой поэмы, въ Италіи.—Шекспиръ замѣчаетъ, что въ его времена было столько честныхъ бродягъ, рядомъ съ бродягами-плутами, что всѣхъ считали за обманщиковъ. Sinon—грекъ, извѣстный своимъ вѣроломствомъ. Въ то время, какъ его соотечественники уже бросили неприступную Трою, онъ передался троянцамъ, объявивъ имъ, что его бросили земляки его, и обманомъ ввезъ въ стѣны Трои гигантскаго коня, въ которомъ заранѣе спрятались вооруженные греки. О послѣдствіяхъ его лживыхъ жалобъ на земляковъ знаютъ всѣ, читавшіе II пѣсню Энеиды. Метафорически Синона зовутъ иногда сыномъ Сизифа.

Который былъ сокровищемъ его!
Свершай же свой приказъ, рази! Ты, вѣрно,
Въ поступкахъ честныхъ болѣе отваженъ,
Теперь же ты какъ будто трусишь...

Пизаніо (*Отталкиваетъ мечъ*).—Прочь,
Негодное оружіе! Тобой
Не наложу я на руки проклятія!

Имоджена.—О! я должна погибнуть! И когда
Твоя рука меня не умертвитъ,
Ты не слуга Постума Леоната!
Самоубійство боги запретили,
И руки слабыя дрожатъ!.. Скорѣй,
Вотъ сердце!.. Передъ нимъ какой-то щитъ?
Стой, стой, ему не нужно обороны,
Пусть, какъ ножны, оно открыто будетъ!
Что это? Письма вѣрнаго Постума,
Вы обратились нынче въ ересь... Прочь,
Прочь, развратители моей любви!
Наперсниками сердца вамъ отнынѣ
Нельзя ужъ быть! Мои святыя чувства
Коварными обманщиками стали...
Тяжка измѣна жертвѣ вѣроломства,
Но для того, кто измѣнилъ, она
Еще тяжеле! Такъ и ты, Постумъ,
Родившій въ Имодженѣ непокорство
Передъ отцомъ, заставившій ее
Презрѣть искательства высокихъ принцевъ,
Увидишь въ этомъ послѣ не простое
Событіе, а рѣдкую любовь!..
И грустно мнѣ, когда я размышляю,
Что нѣкогда ты охладѣешь къ той,
Которая тебя теперь голубитъ,
И что тебя убьетъ воспоминанье
Объ Имодженѣ!—Поскорѣй, прошу
Тебя! Барашекъ молитъ мясника;
Гдѣ ножъ твой? Ты ужасно медлишь съ волей
Хозяина, тогда какъ я такъ жадно
Желаю этого...

Пизаніо.— Съ тѣхъ поръ, миледи,
Какъ получилъ я это приказанье,
На мигъ одинъ я не смыкалъ очей.

Имоджена.—Исполни это и ступай въ постель.
Пизаніо.—Нѣтъ! Прежде отъ безсонницы ослѣпнутъ
Мои глаза!
Имоджена.— Къ чему жъ ты это началъ?
Къ чему скакалъ ты столько миль, съ фальшивымъ
Предлогомъ? И къ чему намъ это мѣсто,
Мое старанье и твое старанье,
Труды коней, удобный часъ, смятенье
Двора въ мое отсутствіе, двора,
Въ который я, быть-можетъ, не вернусь?
Къ чему зашелъ ты въ эту даль и, выбравъ
Себѣ засаду, не стрѣляешь въ дичь,
Которая стоитъ передъ тобою?
Пизаніо.—Я время выиграть хотѣлъ за тѣмъ лишь,
Чтобы спастись отъ этой злой раздѣлки;
Я вотъ что вздумалъ: добрая миледи,
Извольте выслушать меня съ терпѣньемъ.
Имоджена.—О! истощи языкъ свой: говори!
Я слышала, меня безчестной звали,
И этимъ такъ мнѣ уши истерзали,
Что ранъ не излѣчить... Ну, говори...
Пизаніо.—Я думаю, миледи, вы домой
Не захотите больше возвратиться...
Имоджена.—Конечно, потому что ты меня
Привелъ сюда затѣмъ, чтобъ умертвить.
Пизаніо.—Нѣтъ, не затѣмъ! Когда бъ мой умъ равнялся
Правдивости моей, моя догадка
Навѣрно увѣнчалась бы успѣхомъ...
Мой господинъ обманутъ! Негодяй
Какой-нибудь, искусный въ этомъ дѣлѣ,
Обоихъ васъ обидѣлъ такъ коварно.
Имоджена.—О, вѣроятно, римская красотка!
Пизаніо.—Нѣтъ, жизнью вамъ клянусь! Я дамъ ему
Извѣстіе, что вы погибли, тутъ же
Пошлю ему какой-нибудь кровавый
Значекъ: онъ такъ мнѣ приказалъ, я долженъ
Исполнить это! Дворъ васъ не отыщетъ,
И этимъ все, какъ должно, объяснится.
Имоджена.—Но, добрый другъ, что дѣлать мнѣ теперь?
Куда мнѣ скрыться? Какъ мнѣ жить? Какое
Найду я утѣшенье въ жизни, если

Погибну я для мужа моего?
Пизаніо.—А если ко двору вы возвратитесь?..
Имоджена.—Ни ко двору, ни къ моему отцу!
Не стану больше я бороться съ этимъ
Ничтожнымъ и негоднымъ грубіяномъ,
Клотеномъ: онъ, съ его исканьемъ страстнымъ,
Ужаснѣе осады для меня!
Пизаніо.—Когда не ко двору, вы не должны
Скрываться и въ Британіи...
Имоджена.— Такъ гдѣ же?!
Ужель въ одной Британіи сіяетъ
Свѣтъ солнца? День и ночь ужель въ одной
Британіи ты встрѣтишь? Если наша
Британія частица міра, это
Не значитъ, чтобъ у ней одной все было!
Она въ большомъ прудѣ—гнѣздо лебяжье...
Опомнись, другъ, подумай, люди есть
И не въ одномъ британскомъ государствѣ!
Пизаніо.—Я очень радъ, что о другомъ вы мѣстѣ
Припомнили. Посланникъ римскій, Люцій,
Въ Мильфордѣ завтра долженъ быть. И если
Вы примете такой же мрачный видъ,
Какъ вашъ удѣлъ, и если вамъ удастся
Запрятать то, что̀ безъ покрова можетъ
Подвергнуться опасности, васъ ждетъ
Дорога, полная прелестныхъ видовъ!
Вы, можетъ-быть, приблизитесь къ жилищу
Постума и, хотя его дѣла
Отъ васъ сокрыты будутъ, ежечасно
Молва о немъ трубить вамъ будетъ въ уши
И передастъ вамъ всѣ его поступки!
Имоджена.—О, гдѣ же средства къ этому? Пускай
Моей стыдливости грозитъ опасность,
Лишь не грозила бъ смерть ей,—и на все
Отважусь я.
Пизаніо.— Прекрасно! Вотъ въ чемъ дѣло:
Вы позабыть должны свой полъ, привычку
Повелѣвать должны смѣнить покорствомъ;
Боязнь и деликатность слабыхъ женщинъ,
Красу, или, вѣрнѣе, ихъ прелестный
Двойникъ—должны вы замѣнить шутливой

Отвагою, охотницей трунить
И щебетать безъ умолку, проворной
И дерзостной, какъ ласточка; должны вы
Забыть сокровище прелестныхъ щечекъ,
Предать ихъ—о, какое злое сердце!
Увы! нѣтъ силы этому помочь—
Предать ихъ ненавистнымъ и открытымъ
Прикосновеньямъ поцѣлуевъ солнца *),
И позабыть нелегкое искусство
Убора локоновъ, изъ-за которыхъ
Питаетъ зависть къ вамъ сама Юнона!

Имоджена.—О, поскорѣй! Я цѣль твою предвижу
И становлюсь уже почти мужчиной!

Пизаніо.—Во-первыхъ, станьте имъ: предвидя это,
Я вамъ припасъ въ моемъ мѣшкѣ походномъ
Кафтанъ и брюки, шляпу, все, что̀ нужно!
Извольте это надѣвать, насколько
Сумѣете, старайтесь подражать
Пріемамъ юноши, который былъ бы
Не старше васъ, и къ Люцію явитесь,
Съ желаніемъ служить ему, скажите
Ему о томъ, къ чему способны вы;
Пойметъ вполнѣ онъ, если слухъ его
Устроенъ такъ, что любитъ музыкальность...
Онъ, безъ сомнѣнья, встрѣтитъ васъ радушно,
Затѣмъ, что онъ благочестивъ и честенъ,
А это много значитъ! Средства жъ къ жизни
Въ чужомъ краю—мое ужъ дѣло: ими
Я васъ теперь и послѣ не замедлю
Снабжать!

Имоджена.— Въ тебѣ одномъ мнѣ боги дали
Все утѣшеніе! Пойдемъ, немало
Придется намъ еще подумать. Время,
Намъ данное, мы превратимъ въ добро:
Солдатомъ я примусь за это дѣло
И съ царской храбростью покончу все!
Идемъ, прошу тебя.

Пизаніо.— Прекрасно, лэди!

---

*) Въ подлинникѣ говорится —«Common-kissing Titan» — всецѣлующій Титанъ, солнце,—какъ въ Гамлетѣ—«Good-kissing carrion»—прелестно-цѣлующая гетера.

Но съ вами я скорѣй разстаться долженъ,
Чтобы моя отлучка подозрѣній
Не возбудила въ томъ, что я—причина
Побѣга вашего, моя принцесса!
Вотъ стляночка; ее мнѣ королева
Дала; безцѣнно то, что въ ней сокрыто!
Морская ль качка, боли ль живота
На сушѣ поразятъ васъ, вы примите
Одну лишь драхму этого, и все
Исчезнетъ.—Въ тѣнь же поскорѣе,
И одѣвайтесь вы мужчиной: боги
Да ниспошлютъ вамъ лучшее!..

Имоджена.— Аминь!
Благодарю тебя! благодарю! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Комната во дворцѣ Цимбелина (Входятъ: **Цимбелинъ, Королева, Клотенъ, Люцій** и лорды).

Цимбелинъ.—Счастливый путь! Теперь прощайте, лордъ!

Люцій.—Благодарю васъ, лордъ. Мой императоръ
Мнѣ пишетъ, чтобы я спѣшилъ отсюда.
Жаль, очень жаль, что я обязанъ васъ
Его врагомъ смертельнымъ объявить.

Цимбелинъ.—Сэръ! Мой народъ не хочетъ покоряться
Его ярму, а намъ не подобаетъ
Предъ нимъ самодержавьемъ поступаться!

Люцій.—Такъ, сэръ. Затѣмъ прошу васъ, дайте мнѣ
Конвой до гавани Мильфордской. Лэди,
И вы, желаю вамъ всѣхъ благъ небесныхъ!

Цимбелинъ.—Милорды, вы отправитесь конвоемъ.
Не забывайте должнаго почтенья
Къ послу! Теперь—прощай, достойный Люцій.

Люцій. (*Клотену*).—Лордъ, вашу руку...

Клотенъ.— Вотъ она, мой другъ!
Но съ этихъ поръ она твой непріятель.

Люцій.—Судьба рѣшитъ, кто побѣдитъ изъ насъ.
Прощайте.

Цимбелинъ.— Проводите же, милорды,
Вы доблестнаго Люція до самыхъ
Границъ Северна... Добрый путь, Кай-Люцій (*Люцій и лорды уходятъ*).

Королева.—Онъ удалился въ гнѣвѣ; мы—причина

Всему, и это дѣлаетъ намъ честь.

Клотенъ.—Дѣла недурны! (*Охорашиваясь*). Храбрые британцы
Желали сами этого!

Цимбелинъ.— Кай-Люцій
Писалъ отсюда къ Цезарю о томъ,
Что между насъ случилося; по этой
Причинѣ мы должны скорѣй готовить
Орудія и всадниковъ: войска,
Которыя по Галліи стоятъ,
Онъ соберетъ незримо и нагрянетъ
На Англію.

Королева.— Теперь дремать нельзя...
Начнемъ работать быстро и отважно!

Цимбелинъ.—Мы это все предвидѣли и нынѣ
Уже готовы... Но, моя царица,
Гдѣ наша дочь? Она не выходила
При римлянахъ и намъ не воздала
Обычныхъ поздравленій съ утромъ; въ ней
Гораздо больше зла, чѣмъ доброты:
Мы это замѣчали!—Позовите
Ее сюда; мы къ ней ужъ слишкомъ мало
Оказывали строгости... (*Дежурный уходитъ*).

Королева.— Монархъ!
Со времени изгнанія Постума
Она жила въ большомъ уединеньи;
Отъ этого, милордъ, ее излѣчитъ
Одно лишь время! Умоляю васъ,
Не будьте съ ней въ рѣчахъ своихъ жестоки:
Она такъ сильно чувствуетъ упреки,
Что строгія слова—смертельный ядъ
Для нѣжности ея (*слуга возвращается*).

Цимбелинъ.— Ну, гдѣ-жъ она?
Чѣмъ можно извинить ея упорство?

Слуга.—Ея покои заперты, милордъ!
И какъ мы передъ ними не кричали,
Изъ нихъ отвѣта не было.

Королева.— Милордъ,
Когда я къ ней въ послѣдній разъ ходила,
Она передо мною извинилась
Въ своемъ уединеніи, говорила,
Что къ этому принудила ее

Болѣзнь, и что за ней она не можетъ
Платить вамъ ежедневно должной чести!
Она тогда повѣдала мнѣ это,
Но, за придворной суетой, невольно
Мнѣ измѣнила память.

Цимбелинъ.— Какъ?! Всѣ двери
У Имоджены заперты? Ее
Съ недавнихъ поръ никто не видѣлъ?.. Небо,
Молю тебя, пусть будетъ ложью то,
Чего я такъ боюсь!.. (*Уходитъ*).

Королева.— Клотенъ! ступай
За королемъ!

Клотенъ.— Пизаніо, слуги
Ея стариннаго, я также больше
Двухъ дней уже не видѣлъ.

Королева. Ну, ступай же,
Сыщи его! (*Клотенъ уходитъ*).
Пизаніо?.. Не тотъ ли,
Который такъ стоитъ за Леоната?.
Мое лѣкарство у него! О, если бъ
Онъ проглотилъ его и потому
Отсутствовалъ! Онъ думаетъ, что это—
Безцѣнное сокровище!.. Но гдѣ
Принцесса скрылась? Не тоска-ль ее
Взяла? Иль, окрыленная любовнымъ
Огнемъ, она къ Постуму улетѣла?
Безчестіе иль смерть ее постигли,
Въ обоихъ случаяхъ конецъ недуренъ...
Наслѣдница престола умерла—
Ко мнѣ корона царства перешла (*Клотенъ возвращается*).
Ну, что теперь, мой сынъ?

Клотенъ. Она бѣжала,
Въ томъ нѣтъ сомнѣнія! Скорѣй идите,
Утѣшьте короля: онъ внѣ себя,
Никто къ нему приблизиться не смѣетъ.

Королева.—Все хорошо!.. О, если бъ эта ночь
Лишиться дня могла ему помочь! (*Уходитъ*).

Клотенъ (*одинъ*).—Ахъ!.. Я люблю ее и ненавижу!
Она такъ царственна, такъ хороша...
У ней одной чудесъ природы больше,

Чѣмъ въ каждой лэди, чѣмъ у многихъ лэди!
Чѣмъ вообще у всѣхъ на свѣтѣ лэди!
Въ ней собрано все лучшее изъ каждой
Красавицы, и потому она,
Какъ сумма всѣхъ красавицъ, выше всѣхъ ихъ!..
Поэтому-то я ее люблю!
Но, съ той поры, какъ злость ко мнѣ и страсть
Къ уроду Леонату омрачили
Весь умъ ея, испортили все то,
Что̀ было у нея такъ дивно-нѣжно,—
Я ненавижу Имоджену, я
Готовъ ей отомстить безъ размышленій.
Когда глупцы рѣшаются... (*Входитъ Пизаніо*).
Кто здѣсь?
Какъ! Это ты, голубчикъ, строишь шашни?
Поди сюда... Такъ вотъ, кто наша сваха!
Злодѣй, гдѣ госпожа твоя? Отвѣтствуй
На первомъ словѣ: иначе въ мгновенье
Ты полетишь къ чертямъ!

Пизаніо.— О, добрый лордъ!..

Клотенъ.—Гдѣ госпожа твоя? Не то Зевесомъ
Клянусь, тебя я больше не спрошу.
Нѣмой злодѣй! Я тайну эту вырву
Изъ сердца твоего, иль вырву сердце,
Чтобъ отыскать ее! Она съ Постумомъ,
Въ которомъ драхмы доблестей не выжмешь
Изъ кучи низостей?

Пизаніо.— Увы, милордъ!
Какъ быть ей съ нимъ? Давно-ль она исчезла,
А онъ въ Италіи...

Клотенъ.— Такъ гдѣ-жъ она?
Скорѣй къ концу, безъ дальнихъ запирательствъ:
Открой мнѣ все... Что̀ сдѣлалось съ принцессой?

Пизаніо.—Достойный лордъ!

Клотенъ.— Достойный негодяй!
Скажи мнѣ сразу, гдѣ твоя принцесса,
На первомъ словѣ, безъ «достойныхъ лордовъ»—
Скажи, не то, молчаніе твое
Тебѣ смертельнымъ будетъ приговоромъ!

Пизаніо.—Здѣсь, сэръ, въ письмѣ, исторія всего,
Что̀ знаю я о бѣгствѣ Имоджены... (*Отдаетъ ему письмо*).

Клотенъ.—Давай сюда! Я погонюсь за ней,
Вплоть до ступеней Августова трона!
Пизаніо *(Въ сторону)*.—Одно изъ двухъ: иль это, или гибель*).
Она довольно далеко; письмо же
Его запутаетъ и ей не страшно...
Клотенъ *(Читая письмо)*.—Гм!!
Пизаніо.— Напишу къ нему, что умерла
Она... О, Имоджена! Будь спокойна
Въ пути и къ намъ спокойно возвратись!

Клотенъ.—А что, дружище, въ письмѣ-то подлога нѣтъ?

Пизаніо.—Конечно!

Клотенъ.—Я знаю, это почеркъ Постума. Голубчикъ! Если ты не имѣешь поползновенія быть мошенникомъ, если ты хочешь мнѣ служить вѣрою и правдою, исполнять съ достойнымъ рвеніемъ всѣ порученія, которыя только я возложу на тебя, то-есть, если ты будешь дѣлать точно и неизмѣнно всевозможныя низости, которыя я буду тебѣ заказывать, я тебя, любезнѣйшій, стану считать честнымъ малымъ; ты не будешь нуждаться въ моей помощи и въ моемъ голосѣ для твоей карьеры.

Пизаніо.—Согласенъ, мой добрый лордъ...

Клотенъ. — Ну, хочешь мнѣ служить? Подумай: если ты съ такимъ примѣрнымъ терпѣньемъ и постоянствомъ угождалъ нагой фортунѣ этого убогаго Постума, тебѣ легко изъ благодарности стать что ни на есть прилежнымъ слугою моей фортуны! Говори, хочешь быть моимъ слугою?

Пизаніо.—Хочу, сэръ.

Клотенъ. — Давай же руку. Вотъ тебѣ мой кошелекъ. Имѣется ли у тебя что-нибудь изъ платья твоего послѣдняго господина?

Пизаніо.—Есть, милордъ, у меня на дому то самое платье, въ которомъ онъ былъ во время прощанія съ милэди Имодженой.

Клотенъ.—Первая работа, какую ты сдѣлаешь мнѣ, вотъ въ чемъ должна состоять: принеси дружище, завѣтное платье сюда. Пусть это будетъ твоею первою услугой. Ступай.

Пизаніо.—Слушаю, милордъ *(Уходитъ)*.

Клотенъ. — Встрѣтить тебя въ Мильфордской гавани... Ахъ! Я и позабылъ разспросить его объ одной важнѣйшей

---

*) Джонсонъ влагаетъ эти слова въ уста Клотена, но они не согласуются съ общимъ духомъ этой сцены.

вещицѣ — какъ бы это вспомнить?.. Именно! Тамъ я доканаю тебя, негодный Постумъ! — Если бы это платье принесли скорѣе?.. Когда-то она проговорилась мнѣ—и горечь этого до сихъ поръ отзывается въ моемъ сердцѣ—что худшая одежда Постума наполняетъ ее бо̀льшимъ восторгомъ, чѣмъ моя джентльменская особа, со всѣми приправами моихъ доблестей... Въ этой-то самой одеждѣ на моей спинѣ, я прежде всего убью его, и убью передъ ея собственными глазами; она увидитъ всю мою отважность и лопнетъ съ отчаянія... Когда онъ растянется у моихъ ногъ и я, надругавшись надъ его трупомъ, насыщу мою страсть, въ насмѣшку ей, въ томъ же платьѣ, я прогоню ее пинками домой. Она веселилась, отвергнувъ меня, а я наслажусь моимъ мщеньемъ... (*Пизанію возвращается съ платьемъ*). Это то самое платье?

Пизаніо.—Точно такъ, мой благородный лордъ.

Клотенъ. — Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она дала тягу въ Мильфордъ?

Пизаніо.—Она теперь уже тамъ...

Клотенъ.—Отнеси же этотъ нарядъ въ мою спальню, и да будетъ тебѣ извѣстно, что это мой второй тебѣ приказъ! Третій состоитъ въ томъ, что ты долженъ быть нѣмъ въ отношеніи моихъ плановъ. Смотри же, исполни все, какъ надо, и вѣрнѣйшее повышеніе будетъ тебѣ наградою! — Месть моя теперь прогуливается въ Мильфордѣ! О, когда-бъ у меня были крылья, полетѣлъ бы я вслѣдъ за нею!.. Ступай, и будь честенъ! (*Уходитъ*).

Пизаніо (*Одинъ*).—Ты далъ мнѣ приказаніе погибнуть!
Затѣмъ, чтобъ вѣрнымъ быть тебѣ, чего
Я не осмѣлюсь сдѣлать, значитъ быть
Лжецомъ передъ честнѣйшимъ изъ людей!
Ступай въ Мильфордъ, ты тамъ ужъ не отыщешь
Той, за которой гонишься! Сойдите,
Благословенья неба, на нее!..
Пусть медленность скреститъ Клотену ноги
И да убьетъ его среди дороги! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Долина передъ пещерою Белларія. (Входитъ **Имоджена**, въ мужскомъ платьѣ).

Имоджена.—Печальна жизнь людей! Я утомилась,
Двѣ ночи мнѣ земля была постелью.

Я заболѣла бъ, если бъ не моя
Рѣшительность!.. Когда Мильфордъ съ горы
Мнѣ указалъ Пизаніо, онъ казался
Вблизи... О, Зевсъ! Неужели жилища
Бѣгутъ отъ бѣдняковъ, едва они
Въ нихъ захотятъ укрыться отъ ненастья?
Меня два нищихъ нынче увѣряли,
Что я не заблужусь: народецъ этотъ
Солгалъ, а между тѣмъ, страдаетъ самъ
И знаетъ, что̀ такое судъ и пытка!..
Нѣтъ чуда, если нынче богачи
Безъ мѣры лгутъ; солгать отъ нищеты
Не такъ ужасно, какъ солгать отъ жиру:
Ложь богачей грѣшнѣе лжи убогихъ!
Мой милый мужъ! Ты нынѣ также лжецъ...
Едва тебя я вспомнила, мой голодъ
Исчезъ невидимо, а передъ этимъ
Я отъ него едва могла стоять!—
Что̀ тутъ такое?.. Горная тропинка!
Ужъ не жилище ль это дикаря?
Нѣтъ, лучше мнѣ не кликать никого...
Мнѣ страшно отозваться... Голодъ, прежде
Чѣмъ умертвить природу, придаетъ
Ей храбрости... Довольство и покой
Разводятъ трусовъ; крѣпость же и сила—
Мать крѣпостей*)... Эй! Кто тутъ? Если тварь
Изъ общества людей—такъ говори!
Когда-жъ дикарь—«возьми, или подай!»
Эй!—Нѣтъ отвѣта?.. Ну, такъ я войду!..
Но прежде выну мечъ, и если врагъ мой,
Подобно мнѣ, его боится, онъ
Не взглянетъ на него... О небо, дай мнѣ
Такихъ враговъ! (*Входитъ въ пещеру*).
(*Изъ лѣса выходятъ Белларій, Гвидерій и Арвирагъ.*)

Белларій.—Ты, Полидоръ, былъ лучшій изъ ловцовъ,
Поэтому ты—царь трапезы нашей!
А мы съ Кадваломъ разыграемъ роль
Слуги и повара: таковъ у насъ

*) Здѣсь наивная, резонерствующая красавица острить: слово «hardness» значитъ крѣпость, сила, а слово «hardiness» — крѣпость, фортъ, цитадель.

Былъ уговоръ! Искусство и работа
Безъ цѣли портятся и загниваютъ!
Пойдемъ; желудки наши все приправятъ...
Усталость спитъ на камняхъ, лѣнь же часто
Суровыми находитъ и подушки!
Да будетъ миръ съ тобой, нашъ скромный домикъ,
Ты самъ свой сторожъ!

Гвидерій.— Я усталъ ужасно...

Арвирагъ.—Я жъ духомъ слабъ, но голодъ мой силенъ!

Гвидерій.—Въ пещерѣ есть холодная похлебка:
Закусимъ-ка слегка, пока зажаримъ
То, что убили мы.

Белларій (*Смотря въ пещеру*).—Стой, не входи!..
Когда бы нашей пищи онъ не ѣлъ,
Я принялъ бы его за фею!..

Гвидерій.— Что тамъ?

Белларій.—Клянусь Зевесомъ, это духъ! А если
Не онъ, такъ ужъ какъ разъ земное диво!
Какъ будто божество, а между тѣмъ,
Не старше мальчика... (*Входитъ Имоджена*).

Имоджена.— О, будьте такъ
Добры, не обижайте сиротинку!
Я кликалъ прежде, чѣмъ сюда вошелъ;
Хотѣлъ спросить или купить того,
Что взялъ я здѣсь... Свидѣтель Богъ! Я крошки
У васъ не утащилъ бы, если бъ даже
Вы золотомъ усыпали пещеру!
Вотъ деньги за обѣдъ: я на столѣ,
Покушавши, оставить ихъ хотѣлъ,
Чтобъ на пути молиться за хозяевъ.

Гвидерій.—Какъ! деньги, милый мальчикъ?

Арвирагъ.— Серебро
И золото скорѣе грязью станутъ...
Ихъ почитаютъ только тѣ, которымъ
Навозъ цѣннѣй всего...

Имоджена.— Я вижу, вы
Разгнѣвались. Но знайте, если бъ смерти
Вы за вину не предали меня,
И безъ вины скончался бъ я сегодня!

Белларій.—Куда же ты идешь теперь?

Имоджена.— Въ Мильфордъ.

Белларій.—А какъ тебя зовутъ?
Имоджена.— Фидельо, сэръ!
Одинъ мой родственникъ поѣхалъ въ Римъ
И долженъ отправляться изъ Мильфорда;
Я шелъ теперь къ нему, но сильный голодъ
Меня подсѣкъ, и я свершилъ проступокъ.
Белларій.—Прошу тебя, мой несравненный мальчикъ,
Не принимай насъ за звѣрей, не мѣряй
По нашему жилищу нашихъ чувствъ!
Будь добрымъ гостемъ!.. Ночь не за горами...
Ты на дорогу долженъ хорошенько
Покушать... Погоди жъ и закуси:
Ты этимъ насъ обяжешь много!—Дѣти,
Просите гостя.
Гвидерій.— Еслибъ ты, малютка,
Былъ женщиной, я страшно бъ за тобой
Ухаживалъ, тебѣ служить желалъ бы
И честно бы купилъ твою любовь!
Арвирагъ.—Я жъ утѣшаюсь тѣмъ, что онъ мужчина;
Люблю его, какъ брата, и встрѣчаю,
Какъ друга, послѣ тягостной разлуки.
Добро пожаловать! Будь веселъ! Ты
Среди друзей своихъ...
Имоджена *(Въ сторону).*—Среди друзей!..
О, если бъ между братьевъ? Если бъ въ нихъ
Отецъ мой сыновей своихъ увидѣлъ?
Тогда бъ упала я въ цѣнѣ, и вѣсъ мой
Сравнялся бы съ тобою, Леонатъ!
Белларій.—Онъ грустенъ.
Гвидерій.— Если-бъ мнѣ его утѣшить!
Арвирагъ.—И я готовъ, что ни случилось бы,
Какихъ бы это страховъ и заботъ
Ни стоило!
Белларій.— Послушайте-ка, дѣти *(Шепчутся втроемъ).*
Имоджена.—Властители земли, дворцы которыхъ
Не болѣе пещеры этой, слуги
Которыхъ вѣчно сами же они,
И къ добродѣтелямъ которыхъ совѣсть
Сама вездѣ печати приложила,
Такъ что они въ дарахъ толпы кичливой
Нужды не знаютъ, врядъ ли этихъ двухъ

Способны превзойти?.. Простите, боги!
Съ тѣхъ поръ, какъ Леонатъ мой сталъ невѣренъ,
Я измѣняю полъ свой для того,
Чтобъ быть въ ихъ обществѣ.

Белларій (*Вслухъ*).— Такъ точно, дѣти.
Пойдемте, приготовимъ нашу дичь.
Иди и ты, прекрасный мальчикъ; трудно
Голодному разсказывать; когда жъ
Мы кончимъ ужинъ свой, тебя мы скромно
Попросимъ намъ твою повѣдать повѣсть,—
Насколько ты захочешь говорить.

Гвидерій.—Войди, прошу тебя.

Арвирагъ.— Ты намъ любезнѣй,
Чѣмъ ночь совѣ, а жаворонку утро.

Имоджена.—Благодарю васъ всѣхъ.

Арвирагъ.— Итакъ, войди же! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Римъ.—Форумъ (Входятъ: **два сенатора и трибуны**).

Первый сенаторъ.—Вотъ все, что объявилъ намъ императоръ:
Солдаты наши въ дѣйствіи теперь,
Въ странѣ Паннонцевъ и Далматовъ; войско,
Что въ Галліи стоитъ, не столько сильно,
Чтобъ съ нимъ идти войною на возставшихъ
Британцевъ: мы должны для этой цѣли
Патриціевъ поднять!.. Онъ повелѣлъ
Проконсуломъ быть Люцію; а вамъ,
Трибуны, поручилъ скорѣй окончить
Наборъ.—Да здравствуетъ великій Цезарь!

Трибунъ.—И Люцій будетъ командиромъ войска?

Второй сенаторъ.—Такъ точно.

Трибунъ.— Люцій въ Галліи теперь?..

Первый сенаторъ.—Съ тѣмъ самымъ войскомъ, о которомъ я
Сказалъ, что вашъ наборъ его пополнитъ!
Слова приказа все распредѣляютъ:
Число набора и послѣдній срокъ
Похода...

Трибуны.— Мы исполнимъ все, какъ должно! (*Удаляются*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лѣсъ близъ пещеры. (Входитъ **Клотенъ**).

Клотенъ.—Я приблизился къ мѣсту, гдѣ они должны встрѣтиться, если Пизаніо вѣрно начертилъ мнѣ его планъ. Какъ ко мнѣ пристало его платье! Отчего же не прійтись мнѣ по мѣркѣ и его возлюбленной, которая сотворена тѣмъ же, кто сотворилъ портныхъ? По молвѣ, всякая женщина приходится по мѣркѣ тому, кто подладится подъ мѣру ея вкуса! Разыграемъ же наше дѣльце. Я долженъ признаться — потому-что это вовсе не тщеславіе, если человѣкъ и его зеркало войдутъ въ тѣсныя сношенія, я хотѣлъ сказать, въ своей собственной комнатѣ,—признаться, что формы тѣла у меня такъ же изящны, какъ и у него: я не старше его и въ то же время сильнѣе, я не уступлю ему въ богатствѣ и, рядомъ съ этимъ, много счастливѣе его въ выгодахъ положенія общественнаго; я выше его по происхожденію, искуснѣе въ свѣтскомъ обращеніи и въ единоборствѣ: и эта легкомысленная голова любитъ его въ мой ущербъ! Таковы-то всѣ вы, о смертные человѣки! Постумъ, твоя голова теперь торчитъ на плечахъ, а черезъ часъ она слетитъ оттуда; твоя одежда разлетится въ клочки передъ ея лицомъ; по свершеніи же всего этого, ее погонятъ домой, къ ея отцу, который, пожалуй, немного и посердится на меня за этотъ строгій поступокъ, но моя матушка справляется съ его заносчивостью и все поправитъ въ мою пользу. Конь мой привязанъ надежно. Мечъ, вылѣзай—на кровавое дѣло! Фортуна, дай мнѣ ихъ въ мои руки! По описанію, это, вѣроятно, мѣсто ихъ встрѣчи; простякъ не могъ меня обмануть... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Передъ пещерою. (Выходятъ изъ пещеры: **Белларій, Гвидерій, Арвирагъ** и **Имоджена**).

Белларій (*Имодженѣ*).—Вы нездоровы; подождите здѣсь,
Въ пещерѣ; мы зайдемъ къ вамъ послѣ ловли.

Арвирагъ (*Имодженѣ*).— Братъ, подожди... Вѣдь мы съ тобою братья?

Имоджена.—Всѣ люди—братьями должны считаться,
Но персть земная передъ перстью часто
Гордится, позабывъ, что обѣ—персть. Я боленъ.

Гвидерій (*отцу и брату*).—Охотьтесь вы, а я останусь съ нимъ.
Имоджена.—Я нездоровъ, но не въ такой ужъ силѣ,—
Не такъ, какъ гражданинъ женоподобный,
Который не успѣетъ заболѣть,
Какъ ужъ дрожитъ и труситъ умереть...
Поэтому прошу меня оставить
И приниматься за дневной вашъ трудъ:
Разстроить дорогой обычай, значитъ
Разстроить все! Я боленъ; но, оставшись
Со мной, вы тѣмъ не въ силахъ мнѣ помочь!
Общественность—не утѣшенье тѣмъ,
Кто чуждъ общественности; неопасна
Болѣзнь моя съ тѣхъ поръ, какъ я о ней
Могу судить. Итакъ, прошу васъ, ввѣрьте
Меня пещерѣ вашей; я могу
Украсть лишь одного себя; но если
Скончаюсь я, такъ это воровство
Не велико!
Гвидерій.— Тебя я обожаю—
И это я не разъ ужъ говорилъ—
Сильнѣй и жарче, чѣмъ любилъ бы я
Отца родного!
Белларій.— Что такое? какъ?!
Арвирагъ.—Когда грѣшно такъ выражаться, я
Себя къ поступку брата пріобщаю!
Не знаю, почему я такъ люблю
Фиделіо!.. Вы сами говорили,
Что въ разсужденьяхъ страсти нѣтъ разсудка...
Когда бъ стоялъ у двери страшный гробъ,
И у меня спросили бы, кто долженъ
Скончаться,—я отвѣтилъ бы: отецъ,
А не прекрасный юноша!
Белларій (*въ сторону*).— О, диво
Природы! голосъ царственнаго духа!
О, дѣтище достойнаго величья!
Трусливость—мать трусливости, а низость
Рождаетъ низость, у природы есть
Мякина и мука, краса и гадость...
Я не отецъ имъ! Кто же этотъ мальчикъ?
Онъ удивляетъ ихъ, они его
Сильнѣй меня отнынѣ любятъ. (*Громко*). Дѣти,

Уже девятый часъ.

Арвирагъ.— Прощайте, братъ.

Имоджена.—Желаю вамъ успѣха на охотѣ.

Арвирагъ.—А я желаю вамъ здоровья.—Сэръ,
Идемте! въ путь!..

Имоджена *(Въ сторону).*—Добрѣйшія созданья!
О, боги! Сколько лжи мнѣ насказали!
Льстецы меня увѣрили, что все,
Чего нѣтъ въ городахъ, ужасно дико...
Но, опытъ, ты ихъ рѣчи опровергъ!
Побѣдныя моря рождаютъ гадовъ,
А рѣчки производятъ вкусныхъ рыбъ!..
Я очень боленъ; сердце нездорово...
Пизаніо, теперь я испытаю
Твое лѣкарство!

Гвидерій.— Онъ мнѣ ничего
Не захотѣлъ раскрыть; онъ говорилъ:
«Я благороденъ, но постигнутъ горемъ,
«Я удрученъ безчестіемъ, но честенъ!»

Арвирагъ.—Онъ то же мнѣ повѣдалъ, но прибавилъ,
Что я впослѣдствіи узнаю больше.

Белларій.—Въ поля, въ поля: мы васъ пока оставимъ;
Идите же въ пещеру, ждите насъ.

Арвирагъ.—Мы не надолго васъ покинемъ.

Белларій. Будьте жъ
Здоровы, умоляю васъ; вы нашей
Хозяюшкой останетесь.

Имоджена.— Здоровъ ли,
Иль нездоровъ я буду: я вашъ другъ!

Белларій.—И такъ всегда да будетъ! *(Имоджена уходитъ).*
Этотъ мальчикъ
Мнѣ кажется отродіемъ боговъ,
Хоть и томится тяжкой онъ бѣдою.

Арвирагъ.—Какъ горній духъ, онъ нѣжно распѣваетъ.

Гвидерій.—А какъ его стряпня щеголевата!
Коренья онъ фигурками изрѣзалъ
И заварилъ такой бульонъ, что, право,
Когда бъ сама Юнона заболѣла,
Богиню онъ какъ разъ бы излѣчилъ!

Арвирагъ.—Какъ часто онъ съ улыбкой вздохъ мѣшаетъ!
Ну, точно, словно вздохъ о томъ грустить,

Что онъ не можетъ быть ея улыбкой!..
Улыбка же надъ вздохомъ все трунитъ,
Что изъ такой святыни онъ летитъ,
И хочетъ породниться съ буйнымъ вѣтромъ,
Котораго не любятъ такъ матросы.

Гвидерій.—Мнѣ кажется, что горе и терпѣнье
Въ немъ возросли и заплелись корнями.

Арвирагъ.—Рости жъ, терпѣніе! а ты, загнившій
Старикъ, несчастіе, убей свой плодъ—
И юный виноградъ да зацвѣтетъ!

Белларій.—Давно ужъ день. Идемъ, впередъ. Кто здѣсь?
(Входитъ Клотенъ).

Клотенъ.—Не въ силахъ я настигнуть бѣглецовъ.
Мошенникъ надо мною подсмѣялся!
Я утомленъ ужасно.

Белларій. (*Въ сторону*).—Бѣглецовъ?
Не мы ли? Я его отчасти знаю...
Когда бы намъ въ ловушку не попасть!
Я много лѣтъ его уже не видѣлъ,
Но, кажется, теперь его узналъ... *(Громко).*
Законы насъ не пощадятъ; бѣжимъ!

Гвидерій.—Но онъ одинъ!.. Ступайте лучше съ братомъ
И посмотрите, нѣтъ ли здѣсь конвоя?
Впередъ, прошу васъ! Я же съ нимъ останусь. (*Белларій и Арвирагъ уходятъ*).

Клотенъ.—Стой!.. Кто вы, что̀ бѣжите отъ меня?
Должно быть, негодяи горцы?.. Я
Наслышался о васъ... Эй, кто ты, трусъ?

Гвидерій.—Я въ жизнь свою не дѣлалъ вещи низкой;
На имя трусъ—всегда я отвѣчалъ
Ударомъ.

Клотенъ.— Ты разбойникъ, ты преступникъ,
Ты негодяй!—Сдавайся, гнусный воръ!

Гвидерій.—Кому? тебѣ? Да кто же ты такой?
Или твой мечъ длиннѣе моего?
Иль сердце у тебя побольше?.. Рѣчи
Твои, я сознаюся, велики;
А я кинжала не ношу во рту...
Скажи жъ, кто ты такой? Кому мнѣ сдаться?

Клотенъ.—Ахъ, низкій ты злодѣй! И по одеждѣ
Меня ты не узналъ?

Гвидерій.— Такъ точно, другъ,
И твоего портного я не знаю;
Портной тебѣ былъ дѣдомъ: онъ родилъ
Твою одежду, а она, какъ видно,
Тебя произвела.
Клотенъ.— Слуга невѣрный!
Не мой портной одежду эту сшилъ.
Гвидерій.—Такъ прочь поди, и поклонись тому,
Кто подарилъ тебѣ одежду эту.
Ты глупъ! Тебя не въ силахъ я прибить.
Клотенъ.—Негодный воръ! Узнай, кто я такой,
И трепещи!
Гвидерій.— Что жъ у тебя за имя?..
Клотенъ.—Я... я... Клотенъ, мерзавецъ!
Гвидерій.— Будь вдвойнѣ
Клотенъ мерзавецъ—этого не струшу...
Паукъ, змѣя, скорѣе-бъ испугался!
Клотенъ.—Такъ, знай же—тѣмъ тебя я доканаю—
Я—королевы сынъ!
Гвидерій.— Какъ жаль, бѣдняга,
Что вышелъ ты не въ мать и не въ отца!
Клотенъ.—Что же не трепещешь ты?
Гвидерій.— Я только умныхъ
Боюсь, а дуракамъ смѣюсь въ лицо.
Клотенъ.—Умри жъ! Когда же собственной рукою
Убью тебя, я погонюсь за тѣми,
Что убѣжали, и на воротахъ
Могучей Люды головы злодѣевъ
Воткну... Сдавайся, непокорный горецъ! (*Уходятъ, сражаясь*).

(*Входятъ Белларій и Арвирагъ*).

Белларій.—Въ окрестности я никого не видѣлъ.
Арвирагъ.—Нѣтъ ни души! Вы, вѣрно, въ немъ ошиблись!
Белларій.—Не знаю, какъ сказать. Ужъ много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его не видѣлъ;
Но отъ годовъ черты его лица
Ничуть не стали лучше: тотъ же голосъ
Порывистый и та жъ охриплость рѣчи...
Я убѣжденъ, что это былъ Клотенъ!
Арвирагъ.—Мы ихъ оставили на этомъ мѣстѣ...
Когда бы братъ Клотена не обидѣлъ!

Вы говорили, что Клотенъ горячъ...

Белларій.—Онъ мало такъ развитъ для человѣка,—
Я думаю, что врядъ ли въ толкъ возьметъ,
Что значитъ ярый ужасъ; только сила
Ума даетъ уразумѣть опасность...
Но посмотри, твой братъ! (*Входитъ Гвидерій съ головою Клотена*).

Гвидерій.— Хвастунъ былъ глупъ:
Порожній кошелекъ, безъ крошки денегъ;
Самъ Геркулесъ не могъ бы изъ него
Частицы мозгу выжать; онъ былъ пустъ!
Когда бы я не поступилъ, какъ надо,
Глупецъ мою бы голову понесъ,
Какъ я несу его...

Белларій.— Ахъ! Что ты сдѣлалъ?!

Гвидерій.—Онъ звалъ меня измѣнникомъ, злодѣемъ,
Клялся, что собственной рукой убьетъ
Всѣхъ насъ и наши головы снесетъ
Долой съ тѣхъ плечъ, гдѣ, милостью боговъ,
Онѣ красуются, и на воротахъ
Могучей Люды ихъ воткнетъ.

Белларій.— Мы всѣ
Погибли!

Гвидерій.— Что же намъ, отецъ достойный,
Еще терять возможно, кромѣ жизни,
Которую отнять онъ поклялся?
Законы насъ съ тобой не защитятъ;
Зачѣмъ же намъ безславно покоряться,
Чтобъ насъ судилъ и былъ намъ палачомъ
Кусокъ говядины, изъ-за угрозъ закона?
Нашли ли вы кого-нибудь въ лѣсу?

Белларій.—Мы ни души вокругъ не отыскали;
Но я навѣрно знаю, онъ не могъ
Явиться безъ конвоя! Ежечасно
Онъ измѣнялъ свой нравъ, переходя
Отъ злого къ худшему; но ни безумство,
Ни бѣшенство его такъ далеко—
И одного притомъ—не завлекли бы!..
Поэтому, быть-можетъ, при дворѣ
Узнали, что живутъ въ лѣсу, въ пещерѣ,
Похожіе на насъ ловцы; что эти

Ловцы современемъ составить могутъ
Мятежную толпу; услышавъ это,
Онъ, по привычкѣ, вышелъ изъ себя,
Далъ клятву, что прогонитъ насъ изъ лѣса,
И, вѣроятно, бросился одинъ,—
По храбрости ль своей, иль потому,
Что такъ ему дозволили: и должно
Бояться, какъ бы у такого тѣла
Хвостъ не былъ бы опаснѣй головы!..

Арвирагъ.—Пускай идетъ бѣда, по волѣ неба,
Мой братъ былъ правъ, его я не виню.

Белларій.—Сегодня я охотиться не думалъ:
Фиделіо, бѣдняжка, захворалъ,—
Болѣзнь его меня тревожитъ сильно!

Гвидерій.—Его жъ мечомъ, которымъ онъ махалъ
Надъ головой моей, я ловко снялъ
Съ безумца голову; пойду, заброшу
Ее въ заливъ, что за утесомъ нашимъ;
Пускай она плыветъ себѣ морями
И каждой рыбѣ говоритъ, что это—
Остатокъ храбреца! Мнѣ все равно... *(Уходитъ)*.

Белларій.—Боюсь, чтобы не отомстили намъ!
Желалъ бы я, чтобъ милый Полидоръ
Не сдѣлалъ этого! хотя отвага
Къ его лицу пристала такъ...

Арвирагъ.— О, если бъ
Я это сдѣлалъ и подвергся мести
Одинъ! Я Полидору братски преданъ,
А между тѣмъ завидую ужасно,
Что онъ меня ограбилъ въ этомъ дѣлѣ...
Желалъ бы я, чтобъ месть, какую только
Возможно силѣ встрѣтить, къ намъ явилась
И на отвѣтъ меня съ нимъ позвала!

Белларій.—Ну, дѣло сдѣлано: мы нынче больше
Охотиться не будемъ и безъ цѣли
Опасностей не станемъ накликать.
Прошу тебя, ступай скорѣй въ пещеру
И помоги Фиделіо въ стряпнѣ.
Я жъ подожду прихода Полидора
И позову его обѣдать съ нами.

Арвирагъ.—Фиделіо, бѣдняжка, мой больной!

От всей души къ тебѣ я поспѣшу:
Чтобъ возвратить тебѣ румянецъ прежній,
Я сотнѣ храбрецовъ такихъ готовъ
Посбавить крови и еще начну
Хвалиться кротостью моей!.. (*Уходитъ*).

Белларій.— Богиня,
Безсмертная природа! Какъ твой образъ
Отпечатлѣнъ на царственныхъ птенцахъ!
Ихъ нравъ нѣжнѣе вѣтерка, который
Лепечетъ вкругъ фіалки, не сгибая
Ея головки сладостно-душистой;
И, между тѣмъ, чуть царственная кровь
Зажжется, этотъ нравъ и дикъ, и буренъ,
Какъ вѣтеръ, отъ котораго сосна
Нагорная свою вершину клонитъ
И падаетъ въ долину... Чудеса!
Незримое чутье безъ всякой книги
Ихъ царственнымъ пріемамъ научаетъ:
Безъ руководства въ нихъ вселяетъ честь,
Безъ посторонняго примѣра—знанье
Приличій свѣтскихъ; наконецъ, отвага
Растетъ въ нихъ пышно и даетъ плоды,
Какъ будто кто отвагу эту сѣялъ!
Но больше странно то, зачѣмъ Клотенъ
Сюда пришелъ; и что пророчитъ намъ
Его конецъ печальный? (*Возвращается Гвидерій*).

Гвидерій.— Гдѣ мой братъ?
Башку врага пустилъ я по теченью,
А трупъ его залогомъ къ возвращенью
У насъ останется! (*Слышны торжественные звуки печальной гармоніи*).

Белларій. Мой инструментъ
Завѣтный! Полидоръ, ты слышишь, онъ
Играетъ! Для чего Кадвалъ привелъ
Его въ движеніе? Послушай!

Гвидерій.— Развѣ
Онъ дома?

Белларій.— Онъ сейчасъ туда вошелъ.

Гвидерій.—Что жъ онъ задумалъ? Съ той норы, кака наша
Бѣдняжка-матушка скончалась, я
Не слышалъ музыки его! Событьямъ

Торжественнымъ торжественные знаки
Предшествуютъ. Что жъ это предвѣщаетъ?
Восторгъ изъ пустяковъ и грусть изъ шутки—
Забава обезьянъ и плачъ мальчишекъ!
Ужъ не съ ума ль сошелъ Кадвалъ? (*Возвращается Арвирагъ, неся на рукахъ Имоджену въ летаргическомъ снѣ*).

Белларій.— Взгляни,
Вотъ онъ идетъ и на рукахъ несетъ
Причину нашихъ строгихъ порицаній.

Арвирагъ.—Скончалась птичка, о которой такъ
Мы убивались! Лучше бъ я мгновенно
Съ шестнадцати на шестьдесятъ годовъ
Перескочилъ и быстрые шаги
Смѣнилъ клюкой, чѣмъ это все мнѣ видѣть!

Гвидерій.—О, сладкая, прелестная лилея!
Ты на стеблѣ была милѣе вдвое,
Чѣмъ на рукахъ у брата моего.

Белларій.—О, горе, о, печаль! Кто можетъ бездну
Твою измѣрить? Кто отыщетъ берегъ,
Который бы для тягостныхъ заботъ
Представить могъ надежнѣйшую пристань?
Блаженное дитя! Юпитеръ знаетъ,
Какой бы изъ тебя развился мужъ
Впослѣдствіи! Тебя во гробъ вогнали
Мученія довременной печали...
Безцѣнный мальчикъ! Какъ его нашли вы?

Арвирагъ.—Безъ жизни, какъ теперь: съ улыбкой, словно,
Его во снѣ пощекотала мушка,
А не стрѣла смертельная; отъ этой
Причины и смѣялся онъ, склонившись
На изголовье правою щекой...

Гвидерій.—Гдѣ?

Арвирагъ.— На полу,—и такъ сложивши руки!..
Мнѣ показалось, что малютка спитъ!
И снялъ я съ ногъ подкованную обувь,
Которой тяжесть черезчуръ ужъ громко
Моимъ шагамъ пугливымъ отвѣчала!..

Гвидерій.—Да, онъ заснулъ! а ежели скончался,
Такъ онъ могилу обратитъ въ постель:
И феи чудныя къ нему на гробъ

Слетаться станутъ, и его не тронетъ
Могильный червь!..
Арвирагъ.— Душистыми цвѣтами,
Всю жизнь свою, пока сіяетъ лѣто,
Я стану гробъ Фиделью убирать:
Не будетъ онъ нуждаться ни въ веснянкахъ,
Цвѣточкахъ блѣдныхъ, какъ его лицо;
Ни въ гіацинтахъ, голубыхъ, какъ жилки
Его руки; ни въ листьяхъ алыхъ розъ,
Которыхъ ароматъ (не въ порицанье
Будь это сказано) гораздо хуже
Его дыханья; это все наноситъ
Ему щегленокъ милосерднымъ клювомъ,
И слабый клювъ щегленка пристыдитъ
Наслѣдниковъ, которые въ довольствѣ,
Безъ монументовъ оставляютъ гробы
Своихъ отцовъ!.. Когда жъ цвѣты пройдутъ,
Его могилкѣ зимнюю одежду
Пушистый мохъ замѣнитъ у меня!
Гвидерій.—Прошу тебя, довольно, не играй
Женоподобными словами въ дѣлѣ
Высокой важности! Пойдемъ, схоронимъ
Его: къ чему откладывать нашъ долгъ
Изъ-за ненужныхъ возгласовъ... Къ могилѣ!
Арвирагъ.—Но гдѣ, скажи, его намъ положить?
Гвидерій.—Близъ нашей матушки, близъ Эрифилы.
Арвирагъ.—Охотно, Полидоръ; притомъ, хотя
Съ лѣтами огрубѣлъ нашъ нѣжный голосъ,
Мы пропоемъ ему надъ гробомъ пѣсню,
Какъ нѣкогда надъ матушкой мы пѣли;
Пусть будетъ та же пѣснь и тѣ жъ слова,—
Лишь имя Эрифилы намъ замѣнитъ
Фиделіо!
Гвидерій.— Кадвалъ, я не могу
Съ тобою пѣть; я буду плакать
И повторять одни твои слова:
Рыданіемъ разстроенная пѣсня
Тяжка, какъ лицемѣрная молитва!
Арвирагъ.—Изволь, мы нашу пѣснь проговоримъ.
Белларій.—Я вижу, грусть тяжелую врачуетъ
Печаль, которая еще тяжеле!..

Нашъ храбрый врагъ забытъ!.. А между тѣмъ,
Онъ, кажется, былъ знатенъ и богатъ!
Да, дѣти, онъ явился къ намъ, враждуя;
Но вспомните, онъ пострадалъ за это!..
Хотя безсиліе и сила, вмѣстѣ
Истлѣвъ, становятся все тѣмъ же прахомъ,
Благоговѣніе, сей ангелъ мира,
Различіе творитъ въ мѣстахъ величья
И низости... Бѣднякъ пришлецъ, какъ видно,
Былъ знатенъ; онъ явился къ намъ врагомъ,
И вы его за то лишили жизни;
Теперь же вы его должны по сану
Похоронить.

Гвидерій.— Прошу, васъ, принесите
Его сюда. Безмолвный трупъ Терсита
Аяксу не уступитъ, если оба
Они скончались *).

Арвирагъ.— Вы за нимъ идите,
А мы проговоримъ покуда пѣсню
Свою: начни же, братъ! (*Белларій уходитъ*).

Гвидерій.— Нѣтъ погоди,
Кадвалъ; его чело сперва къ востоку
Положимъ; батюшка на то причины
Имѣетъ! **)

Арвирагъ.— Въ самомъ дѣлѣ.

Гвидерій.— Подойди же
И помоги мнѣ приподнять.

Арвирагъ.—Ну, съ богомъ... (*Надгробная пѣсня*).

Гвидерій.—Не бойся солнечнаго зноя,

---

*) **Thersites** и **Ajax**. Терситъ—уродъ, насмѣшникъ и плутъ. Его убилъ Ахиллесъ ударомъ кулака, за его насмѣшки надъ тѣми изъ грековъ, которые плакали у изголовья умирающей Пентезилеи. — Аяксъ, сынъ князя Саламинскаго, знаменитъ своею борьбою съ Гекторомъ. Сраженный Улиссомъ въ борьбѣ за оружіе Ахиллеса, онъ убилъ, вмѣсто врага своего, невиннаго бычка и, увидѣвъ свою ошибку, съ досады закололся.

**) Великій авторъ Цимбелина, сознавая, въ какую эпоху дѣйствуютъ у него герои этой драмы; въ лицѣ язычника Белларія создалъ человѣка, который, какъ и все общество, современное имперіи Августа, былъ готовъ къ принятію Божественнаго ученія Христа. Самый поступокъ Белларія, забвеніе неправеднаго своего изгнанія и тщательное воспитаніе дѣтей Цимбелина, потомъ всѣ рѣчи его и, наконецъ, заступничество за британскаго короля и спасеніе его отъ меча римлянъ — уже чисто христіанскія идеи и христіанскіе поступки.

Не бойся зимнихъ холодовъ,
Ты низошелъ подъ сѣнь покоя,
Ты принялъ дань земныхъ трудовъ!
Краса и юность—все сгніетъ,
Всѣхъ гробовщикъ переживетъ!

Арвирагъ.—Не бойся лютости кичливыхъ,
Намъ не страшна тирановъ злость!
Не заводи одеждъ красивыхъ:
Тебѣ равны и дубъ, и трость!
Искусство, мудрости вѣнецъ,
Какъ ты, истлѣютъ, наконецъ.

Гвидерій.—Не бойся молніи падучей!

Арвирагъ.—Не бойся ужасовъ грозы!

Гвидерій.—Не бойся зависти ползучей!

Арвирагъ.—Не жди ни счастья, ни слезы!..

Оба.— Весна души, любовь—умретъ,
Всѣхъ гробовщикъ переживетъ!

Гвидерій.—Тебя не тронутъ чары!

Арвирагъ.—Колдунъ не околдуетъ!

Гвидерій.—Мертвецъ не поцѣлуетъ!

Арвирагъ.—Минуютъ зла удары!

Оба.— Забвенье и покой
Да будутъ надъ тобой!.. (*Белларій возвращается съ тѣломъ Клотена*).

Гвидерій.—Мы нашу пѣсню кончили; кладите
Его сюда.

Белларій.— Вотъ нѣсколько цвѣтовъ;
Я къ ночи соберу вамъ больше; травы,
Покрытыя холодною росой,
Всего скорѣй идутъ для украшеній
Могилъ!.. На груди ихъ цвѣтовъ насыпьте:
Вы были тѣ жъ цвѣты, теперь же вы
Завяли; такъ завянетъ, наконецъ,
И изъ цвѣтовъ нагробный вашъ вѣнецъ!..
Уйдемъ отсюда, станемъ на колѣни:
Земля дала ихъ міру, и она же
Ихъ заберетъ назадъ... Для нихъ прошло
И счастье добродѣтели, и зло! (*Уходятъ: Белларій, Гвидерій и Арвирагъ*).

Имоджена (*просыпаясь*).—Такъ точно, сэръ, въ Мильфордъ!..
А гдѣ-жъ дорога?

Благодарю!.. Все черезъ лѣсъ?—Прошу вас,
Скажите, какъ отсюда далеко?—
Святые боги! Неужель шесть миль?
Всю ночь я шла безъ отдыха. По-правдѣ,
Мнѣ лучше лечь и отдохнуть немного...
Нѣтъ, стой! товарища не нужно мнѣ! (*Увидя трупъ*).
О, боги и богини! Здѣсь цвѣты,—
Подобіе земного наслажденія,
И рядомъ съ ними—трупъ, эмблема горя!
Но, я надѣюсь, это—грезы сна!
Мнѣ видѣлось, что я была въ пещерѣ
Хозяйкою и поваромъ двухъ честныхъ
Созданій; нѣтъ, все это невозможно;
Стрѣла-ничто вонзилася въ ничто;
Все это мозгъ изъ воздуха настроилъ!..
Правдивые глаза у насъ нерѣдко,
Подобно нашему разсудку, слѣпы!
Клянусь, я вся отъ ужаса дрожу:
И если нынѣ въ небесахъ осталась
Хоть капля милосердія, не больше
Зрачка малиновки, святые боги,
Пошлите мнѣ частицу милосердья!
А сонъ еще все тутъ; когда же я
Проснусь, онъ внѣ меня блуждаетъ, словно
Во мнѣ самой; не въ мысляхъ, въ самыхъ чувствахъ!
Безглавый человѣкъ.—Въ плащѣ Постума!
Я узнаю черты его ноги...
Его рука! Меркурія ступня!
Станъ Марса и осанка Геркулеса!
Но гдѣ же ликъ Юпитера?.. Убійство
На небесахъ свершилось!—Нѣтъ его!..
Пизаніо! Проклятія безумной
Гекубы, устремленныя на грековъ,
Съ моими вмѣстѣ, пусть тебя замучатъ!
Ты, съ беззаконнымъ демономъ, Клотеномъ,
Убилъ милорда... Чтенье и письмо—
Все съ этихъ поръ исполнено измѣны?
Пизаніо проклятый—эти письма
Коварныя—Пизаніо проклятый!—
У лучшаго на свѣтѣ корабля
Срубили мачту главную! Постумъ,

Гдѣ голова твоя? Увы! гдѣ это?
Гдѣ, гдѣ она? Пизаніо могъ и въ сердце
Тебя пронзить, а голову твою
Тебѣ оставить... Какъ случилось это?
Пизаніо съ Клотеномъ, зло и похоть,
Мнѣ это горе завѣщали въ немъ...
О, это ясно, ясно! Отдавая
Мнѣ свой составъ, онъ увѣрялъ меня,
Что отъ него могу я излѣчиться:
А не нашла ли я его смертельнымъ
Для чувствъ? О, это самый лучшій доводъ!
Пизаніо съ Клотеномъ здѣсь виной...
Позволь же мнѣ окрасить блѣдность щекъ
Въ твоей крови, чтобъ мы еще ужаснѣй
Казались тѣмъ, кто насъ въ трущобѣ этой
Случайно встрѣтитъ!.. О, милордъ, милордъ! *(Входятъ: Люцій, Капитанъ и другіе римскіе офицеры; за ними Гадатель.)*

Капитанъ.—По приказанью вашему, войска,
Которыя въ Бургундіи стояли,—
Пройдя проливъ, явилися въ Мильфордѣ
И ожидаютъ васъ на корабляхъ;
Они готовы.

Люцій.— Что изъ Рима пишутъ?

Капитанъ.—Сенатъ созвалъ патриціевъ и римскихъ
Сосѣдей; храбрость этихъ новобранцевъ
Намъ обѣщаетъ многія услуги;
Они сюда стремятся подъ начальствомъ
Якима, брата стараго Сіенны.

Люцій.—Когда ихъ ждете вы?

Капитанъ.— Съ попутнымъ вѣтромъ.

Люцій.—Такая быстрота немало свѣтлыхъ
Надеждъ влагаетъ въ насъ. Велите всѣмъ
Войскамъ произвести парадный смотръ;
Пускай слѣдятъ за этимъ капитаны... (*Гадателю*).
Ну, сэръ, что снилось вамъ въ послѣдній разъ
О предпріятіяхъ этого похода?..

Гадатель.—Прошедшей ночью боги мнѣ послали
Видѣніе; молитвой и постомъ
Уразумѣлъ я тайное видѣнье!
Мнѣ снилося: Юпитерова птица,

Орелъ Италіи, оставилъ Югъ
И, полетѣвъ сюда, на дикій Западъ,
Въ сіяніи небесномъ потонулъ...
Когда мой духъ не ослѣпленъ грѣхами,
Все это предвѣщаетъ намъ успѣхъ.

Люцій.—Почаще такъ дремли и никогда
Не ошибайся!—Стой... Что здѣсь за пень,
Безъ головы?—Развалины гласятъ,
Что зданіе когда-то было славно...
Какъ! пажъ!—Онъ умеръ или только дремлетъ?
Скорѣе умеръ: жизнь не ляжетъ спать,
Какъ здѣсь, съ умершимъ, на одну кровать.
Взгляните мальчику въ лицо.

Капитанъ.— Онъ живъ!

Люцій.—Такъ пусть же онъ о мертвецѣ разскажетъ.
Эй, юноша! повѣдай намъ свою
Судьбу; она, мнѣ кажется, достойна
Вопроса: разскажи, кого избралъ
Ты для себя кровавымъ изголовьемъ?
Кто мастерство природы благородной,
Красивый этотъ образъ измѣнилъ?
Чѣмъ ты участвуешь въ крушеньи этомъ?
И какъ оно произошло? Кто жъ онъ?..
Кто ты?..

Имоджена.— Я, сэръ, ничто; когда же это
Не такъ, я самъ желаю быть ничѣмъ!
Мой господинъ былъ истинно-отважный
Британецъ и достойный человѣкъ:
Его убили горцы; нѣтъ на свѣтѣ
Еще такихъ господъ; я обойду
Весь божій міръ отъ запада къ востоку,
Крича, моля о службѣ, встрѣчу много
Достойныхъ властелиновъ, буду всѣмъ
Служить по-правдѣ, только никогда
Я не найду подобнаго владыки!

Люцій.—Увы, мой добрый мальчикъ! Ты меня
Своими воплями растрогалъ такъ же,
Какъ твой хозяинъ кровью; добрый другъ,
Повѣдай намъ его прозванье.

Имоджена.— Ричардъ
Дю-Шанъ. (*Въ сторону*). Я лгу, но ложь моя безвредна,

И если боги слышали ее—
Они меня простятъ, какъ я надѣюсь!
Чтò говорите вы?

Люцій.— Какъ звать тебя?

Имоджена.—Фиделіо *).

Люцій.— Ты милое прозванье
Собою оправдалъ твое старанье,
Твой долгъ и имя у тебя рифмуютъ!..
Святая вѣрность и святое имя!
Не хочешь ли ко мнѣ ты перейти?
Не говорю, чтобъ господинъ твой новый
Былъ столько же хорошъ; но вѣрь, тебя
Не менѣе любить онъ станетъ. Если бъ
Самъ императоръ римскій написалъ
Мнѣ о тебѣ, чрезъ консула, порука
Его не такъ меня бы убѣдила,
Какъ самъ ты, другъ, съ достоинствомъ твоимъ.
Иди же къ намъ.

Имоджена.— Съ охотою, но прежде—
И пусть богамъ угодно будетъ это—
Я господина моего отъ мухъ
Запрятать постараюся, чуть только
Сумѣютъ вырыть гробъ вотъ эти ногти,
Потомъ его могилу я усыплю
Листочками и дикими цвѣтами;
Прочту надъ нею сотни двѣ молитвъ,
Какія только знаю; стану плакать,
Вздыхать, прощусь съ его безцѣнной службой,
И ужъ тогда за вами я пойду,
Когда меня принять вы захотите...

Люцій.—Да, добрый юноша, не господина,
Отца родного встрѣтишь ты во мнѣ.
Друзья мои! обязанности наши
Малютка намъ припомнилъ: поскорѣй
Отыщемъ лугъ красивыхъ маргаритокъ
И выроемъ концами нашихъ пикъ
И палашей походную могилу.
Пойдемъ! ты насъ заставилъ полюбить
Его и какъ солдата схоронить.

*) Это имя происходитъ отъ слова «Fides» — честность, вѣрность, добрая совѣсть.

Утри жъ свои хорошенькіе глазки:
Вслѣдъ за бѣдой судьба даритъ намъ ласки!—(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната во дворцѣ Цимбелина. (Входятъ: **Цимбелинъ**, придворные и **Пизаніо**).

Цимбелинъ.—Идите и узнайте, лучше ль ей?..
Она въ горячкѣ съ той поры, какъ скрылся
Несчастный сынъ ея; она въ безумствѣ,
И жизнь ея въ опасности! О, боги!
Какъ разомъ вы измучили меня!—
Исчезла ты, бѣдняжка Имоджена,
Ты, лучшая моя отрада въ жизни!
Жена моя на безнадежномъ ложѣ;
Мнѣ угрожаетъ страшная война,
А сынъ ея, который намъ такъ нуженъ
Въ годину бѣдствій, скрылся безъ слѣда!
Я пораженъ, я потерялъ надежды
Отрадныя... Но ты, сообщникъ зла,
Ты, вѣрно, знаешь, гдѣ она укрылась,
И хочешь насъ увѣрить, что не знаешь:
Твое признанье страшныя мученья
Исторгнутъ!

Пизаніо.— Жизнь моя въ рукахъ у васъ;
Что жъ до моей высокой госпожи
Касается, я ровно ничего
Не знаю, гдѣ она, куда укрылась
И возвратится ль къ вамъ когда-нибудь!
Я вашему величеству, повѣрьте,
Мой государь, всей правдою служилъ!

1-й Лордъ.—Добрѣйшій государь, въ тотъ день, какъ наша
Принцесса скрылась, онъ былъ при дворѣ:
Ручаюсь вамъ, онъ неподкупно вѣренъ
И вѣчно долгъ свой честно исполнялъ!
Что-жъ до Клотена,—всѣ старанья наши
Употребили мы, и онъ на-дняхъ
Найдется, безъ сомнѣнья!..

Цимбелинъ (*Пизаніо*).— Время бурно!..
На этотъ случай мы тебѣ пропустимъ!
Но—подозрѣнья наши не умрутъ.

1-й Лордъ.—Великій государь, отряды римлянъ
Изъ Галліи сошли на берега

Британіи! На подкрѣпленье имъ
Сенатъ прислалъ патриціевъ свободныхъ.

Цимбелинъ.—Теперь нуждаюсь я въ совѣтѣ сына
И королевы! Я теряюсь въ безднѣ!..

1-й Лордъ.—Добрѣйшій государь, приготовленья
Твои не только то, о чемъ ты слышалъ,
Способны встрѣтить: приходи громады
Обширнѣе, ты и для нихъ готовъ!
Намъ только стоитъ дать движенье силамъ,
Которыя такъ долго ждутъ его...

Цимбелинъ.—Благодарю васъ! поспѣшимъ отсюда
И встрѣтимъ бурю такъ, какъ къ намъ она
Является. Не римскія угрозы
Опасны намъ: меня терзаетъ горе
Домашнее.—Пойдемъ.—*(Уходятъ).*

Пизаніо.— Ни одного
Письма не получалъ я отъ Постума,
Съ тѣхъ поръ какъ написалъ ему о мнимой
Кончинѣ Имоджены. Это странно!
О ней я также слуховъ не имѣю,
Въ то время, какъ она дала обѣтъ
Почаще мнѣ писать, и о Клотенѣ
Я ничего не знаю!.. Это все
Меня терзаетъ! Но да будетъ воля
Боговъ! Я лживъ и въ то же время честенъ!
Невѣренъ я для вѣрности святой!
Пусть близкая война увидитъ силу
Моей любви къ отечеству; король
Узнаетъ преданность мою, не то
Погибну я въ безжалостномъ сраженьи!
Сомнѣніе съ годами пропадетъ—
И къ пристани корабль мой приплыветъ! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Передъ пещерою. (Входятъ **Белларій, Гвидерій и Арвирагъ**).

Гвидерій.—Смятеніе вокругъ насъ.

Белларій.— Пойдемъ отсюда!

Арвирагъ.—Что за отрада въ жизни, если мы
Ее отъ дѣлъ и предпріятій прячемъ?

Гвидерій.—Что за надежды въ этомъ укрываньи?
Насъ, какъ британцевъ, римляне убьютъ
Или, принявъ за варваровъ мятежныхъ,

Сперва заставятъ насъ себѣ служить,
А послѣ умертвятъ безъ сожалѣнья.
Белларій.—Повыше, въ горы сыновья мои!
Тамъ защитимся мы; за короля же
Намъ съ вами нѣтъ возможности стоять...
Не знаютъ насъ въ отрядахъ Цимбелина,
Поэтому, едва мы къ нимъ придемъ,
Насъ спросятъ, гдѣ до сей поры мы жили?
И такъ у насъ исторгнется признанье
О томъ, что́ мы свершили, и отвѣтомъ
На нашу рѣчь намъ злая гибель будетъ!..
Гвидерій.—Все это, сэръ, пустое опасенье!
Въ такое время, вамъ не принесетъ
Оно нисколько пользы и нимало
Не убѣдитъ насъ съ братомъ.
Арвирагъ.— Невозможно,
Чтобъ, слыша близость римскихъ скакуновъ
И видя грозный пламень ихъ биваковъ,
Чтобы, занявъ свои глаза и уши
Предметами серьезными, какъ нынѣ,
Они рѣшились узнавать о насъ
И тратить время въ розыскахъ о томъ,
Откуда мы явилися!
Белларій.— Въ отрядахъ
Меня какъ разъ узнаютъ!.. Вы со мной
Лишилися въ горахъ образованья
И безопасности разумной жизни!
И нѣтъ надежды вамъ достигнуть счастья,
Которое вамъ льстило въ колыбели!
Васъ лѣтній зной сжигаетъ и томитъ
И, какъ рабы, дрожите вы отъ стужи!..
Гвидерій.—Такъ лучше умереть, чѣмъ жить, какъ мы
Живемъ!—Прошу васъ, поспѣшимъ къ отрядамъ:
Насъ съ братомъ тамъ почти никто не знаетъ!
Васъ тоже позабыли, да притомъ
И устарѣли вы, и васъ, конечно,
Пытать не станутъ...
Арвирагъ.— Я туда иду,
Клянуся въ томъ сіяніемъ денницы!
Что я за вещь, когда до сей поры
Не видѣлъ я, какъ умираютъ люди,—

И видѣлъ кровь однихъ трусливыхъ зайцевъ,
Орленковъ, козъ и молодыхъ оленей?
Когда ѣзжалъ я на такомъ конѣ,
Котораго ѣздокъ не зналъ съ рожденья
Желѣзныхъ шпоръ у каблуковъ своихъ?
Мнѣ совѣстно глядѣть на пламя солнца,
Вкушать его блаженное сіянье,—
Затѣмъ, что я такъ долго остаюсь
Невѣждою несчастнымъ.

Гвидерій.— Небесами
Клянусь, и я иду за братомъ; если
Угодно вамъ меня благословить
И отпустить, я позабочусь лучше
О дняхъ своихъ; когда жъ вы не рѣшитесь
Благословить меня, пусть римскій мечъ
Ослушника безумнаго накажетъ!

Арвирагъ.—Я то же повторяю, сэръ... Аминь!

Белларій.—Съ тѣхъ поръ, какъ вы такъ мало дорожите
Своими днями, я не смѣю больше
Беречь свою угаснувшую жизнь!
И вслѣдъ за вами я пускаюсь, дѣти,—
Но если вы за родину падете,
Я лягу такъ же, дѣти, и найду
Себѣ постель на полѣ бранной славы!
Впередъ, впередъ! (*Въ сторону*). Нескоро мчится время:
Ихъ кровь пролиться жаждетъ и кипитъ,
Въ желаньяхъ принцевъ вижу ихъ стремленье
Всѣмъ объяснить свое происхожденье!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Поле между британскимъ и римскимъ лагерями. (Входитъ **Постумъ**, съ окровавленнымъ платкомъ, полученнымъ отъ Пизаніо).

Постумъ.—Я сберегу тебя, платокъ кровавый;
По моему желанью ты окрашенъ!..
Что, если бъ каждый мужъ мнѣ подражалъ?
Какъ многіе, изъ-за пустой ошибки,
Убили бы своихъ прелестныхъ женъ,
Которыя самихъ ихъ превосходятъ?
Пизаніо! Не все, что намъ велятъ,

Обязанъ исполнять слуга достойный.
Онъ долженъ слушать честныхъ лишь приказовъ!
О, боги! если-бъ вы меня казнили
За всѣ мои проступки, никогда
Я не свершилъ бы этого убійства:
Спасли бы вы тогда для покаянья
Возвышенную сердцемъ Имоджену!
Одинъ бы я, несчастный и вполнѣ
Достойный вашей мести, былъ наказанъ!..
Иныхъ изъ насъ, за малые грѣхи,
Вы по любви уносите отсюда,
Чтобъ мы не впали въ большіе проступки,
Другимъ же попускаете грѣхи
Смѣнять грѣхами худшими: злодѣевъ
Боятся всѣ, а имъ того и нужно!..
Но Имоджена—ваше достоянье:
Творите, какъ угодно вамъ, меня жъ
Прошу благословить на послушанье!
Межъ римскими войсками я пришелъ
Сюда сражаться съ царствомъ Имоджены.
Но нѣтъ, пока довольно и того,
Что я твою, Британія, царицу
Убилъ: тебѣ я ранъ не нанесу!..
Поэтому, властительное небо,
Мой честный планъ дослушай терпѣливо:
Я вновь сниму одежды пришлецовъ,
Переодѣнусь пахаремъ британскимъ
И такъ пойду сражаться противъ тѣхъ,
Которые пришли сюда войною!
И за тебя паду я, Имоджена,—
Затѣмъ, что каждый вздохъ мой за тебя—
Не жизнь, а смерть! Никто меня не знаетъ!
Не возбудя ни зависти, ни слезъ,
Предстану я передъ лицомъ кончины...
И да узнаютъ люди, что во мнѣ
Достоинствъ больше, чѣмъ въ моихъ одеждахъ.
Сойди въ меня, отвага Леонатовъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же. (Входятъ: съ одной стороны — **Люцій, Якимо** и римское войско; съ другой—британское войско; **Леонатъ Постумъ** слѣдуетъ за нимъ простымъ солдатомъ. Всѣ проходятъ черезъ сцену. Тревога. Входятъ, сражаясь на поединкѣ, **Якимо и Постумъ; Постумъ** побѣждаетъ, обезоруживаетъ **Якимо** и уходитъ).

Якимо.—О! Тяжесть преступленія убила
Въ моей душѣ все мужество! Я честь
Невинной женщины, принцессы этой
Страны, постыдной ложью омрачилъ,—
И самый воздухъ мстительнаго края
Во мнѣ всѣ силы ослабляетъ!.. Рабъ,
Чернорабочій жизни, опрокинулъ
И побѣдилъ меня въ моемъ искусствѣ!
Санъ рыцаря и почести мои
Теперь лишь признакъ гнуснаго паденья!
Когда твои, Британія, вельможи
Настолько жъ лучше этого раба,
Насколько онъ патриціевъ моей
Отчизны превосходитъ,—всѣ вы боги,
А мы и для людей душой убоги! (*Уходитъ*).

Сраженіе продолжается. Британцы бѣгутъ; Цимбелинъ взятъ въ плѣнъ; въ помощь ему вбѣгаютъ Белларій; Гвидерій и Арвирагъ.

Белларій.—Стой! стой!—За нами выгода сраженья:
Ущелье подъ защитою; ничто
Не выбьетъ насъ оттуда, кромѣ низкой
Трусливости!

Гвидерій и Арвирагъ.—Сражайтесь!.. Подождите!..

(Входитъ Постумъ и помогаетъ британцамъ; они освобождаютъ Цимбелина и уходятъ. — Вслѣдъ за ними входятъ: Люцій, Якимо и Имоджена).

Люцій.—Прочь, мальчикъ, отъ отрядовъ, и спасайся:
Друзья друзей въ смущеньи убиваютъ,
И шумъ такой, какъ будто у войны
Повязка на глазахъ.

Якимо.— Къ нимъ подоспѣла
Подмога свѣжая!..

Люцій.— Престранный день!
Мы вò-время должны войска усилить,
Не то, придется намъ скорѣй бѣжать! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Другая часть поля битвы.—(Входятъ: **Постумъ** и британскій придворный).

Придворный.—Такъ ты пришелъ оттуда, гдѣ сражались?
Постумъ.—Такъ, сэръ; а вы, мнѣ кажется, оттуда,
Гдѣ все бѣжало?
Придворный.— Точно такъ!
Постумъ.— Я васъ
Винить не смѣю: все-бъ мы потеряли,
Когда бъ за насъ не стали небеса!
Король былъ схваченъ въ плѣнъ, ряды смѣшались,
Войска разстроились, и только тылъ
Британцевъ виденъ былъ; толпы бѣжали
По узкому ущелью... Врагъ веселый,
Въ крови языкъ купая, ликовалъ,
Что передъ нимъ головъ гораздо больше,
Чѣмъ у него мечей; однихъ разилъ
До смерти, до другихъ едва касался,
А третьи сами падали отъ страха!..
И узкое ущелье заградилось
Кровавыми тѣлами, у которыхъ
Весь тылъ израненъ былъ, и вѣчный стыдъ
Съ кончиной поджидалъ спасенныхъ трусовъ!
Придворный.—Гдѣ жъ это чудное ущелье?
Постумъ.— Возлѣ
Скалы, вблизи которой мы сражались:
Оно въ окопахъ и покрыто мхомъ;
Его себѣ припасъ на всякій случай
Одинъ маститый воинъ, честный мужъ,
Я въ томъ ручаюсь; подвигомъ подобнымъ
Дни долгіе, какъ борода его
Сѣдая, заслужилъ онъ у отчизны...
Къ ущелью онъ дорогу проложилъ,
А съ нимъ еще два юноши тамъ были,
Птенцы, которымъ бы скорѣе шло
Плясать въ селѣ, чѣмъ лѣзть въ такую сѣчу.
Да, лица ихъ красивѣй были масокъ,
Красивѣе всего, что прикрываетъ
Стыдливость и красу... Онъ закричалъ:
«Въ Британіи лишь зайцы гибнутъ въ бѣгствѣ,
«А не солдаты; въ адъ стремятся тѣ,

«Которые бѣгутъ отъ битвы! Стойте!
«Не то, мы обратимся въ грозныхъ римлянъ
«И воздадимъ вамъ, какъ скотамъ, все то,
«Чего вы скотски такъ теперь бѣжите!
«Взгляните погрознѣй назадъ—и вы
«Ужъ спасены!—Постойте же, постойте!»
Три этихъ, какъ три тысячи бойцовъ
(Затѣмъ, что во главѣ отряда трое
Героевъ болѣе, чѣмъ весь отрядъ,
Который ничего не хочетъ дѣлать),
Три этихъ, со словами: стойте, стойте!
И съ выгодою мѣстности, а больше,
Чаруя всѣхъ достоинствомъ своимъ
(Которое могло бы обратить
Въ копье и самое веретено),
Зажгли опять поблеклыя ланиты
И пробудили стыдъ и пылъ отваги!
Одни, которые изъ подражанья
Въ негодныхъ трусовъ обратились (грѣхъ,
Великій грѣхъ тому, кто на войнѣ
Подастъ примѣръ къ предательскому бѣгству!),
Старалися взглянуть на путь, который
Они свершили, и, подобно львамъ,
Кидалися на вражескія копья...
Тогда-то римляне остановились,
Смѣшались, оробѣли, отступили,
И побѣжали, какъ цыплята, тѣ,
Которые орлами налетали,
И превратилися въ рабовъ любимцы
Побѣды!.. Наши трусы, какъ куски
Провизіи въ дорогѣ, пригодились
Для поддержанья силъ во время нужды!
О, какъ, найдя отворенную дверь
Къ сердцамъ неохраненнымъ, поражали
Они враговъ, рубили мертвецовъ,
Рубили тѣхъ, которые кончались,
Рубили наконецъ своихъ друзей,
Волною предыдущей унесенныхъ!..
На каждаго врага по десяти
Британцевъ приходилось въ этомъ бѣгствѣ,
Теперь же всякъ изъ нашихъ убивалъ

По двадцати враговъ, и тѣ, которымъ
Хотѣлося скорѣе умереть,
Чѣмъ въ бой идти, нежданно обратились
Въ смертельнѣйшихъ клоповъ *) кровавой почвы.

Придворный.—Да, оборотъ престранный! Какъ!.. Ущелье,
Два мальчика и старый человѣкъ...

Постумъ.—Но вы словамъ моимъ не удивляйтесь:
Хоть рождены вы только для того,
Чтобы дивиться дѣйствіямъ другихъ,
А не своимъ!.. Хотите ли на это
Пориѳмовать со мною, такъ, для шутки?
Вотъ вамъ: «старикъ, два мальчика и горы
«Насъ сберегли,—враговъ загнали въ норы!»

Придворный.—Ахъ, не сердитесь!

Постумъ. (*Комически скандируетъ*).—Не къ чему сердиться.
Я съ трусами всегда готовъ дружиться!
Пусть только трусъ не позабудетъ роли,
Онъ убѣжитъ отъ самой нѣжной доли!
Вы риѳмами языкъ мой заразили...

Придворный. — Прощайте! васъ, какъ видно, разсердили.
(*Убѣгаетъ*).

Постумъ.—И снова убѣжалъ.—Каковъ придворный?
О, благородный рыцарь, быть въ бою
И спрашивать, что̀ новаго тамъ было!
Какъ многіе теперь всю честь свою
За безопасность тѣла промѣняли-бъ!
Пустились вспять и все-таки погибли...
Я самъ, моей печалью закаленный,
Не могъ найти кончины, гдѣ она
Стонала; не попалъ къ ней подъ удары,
Гдѣ такъ она удары разсыпала...
Зачѣмъ ты, смерть, чудовище уродства,
Скрываешься коварно въ яркихъ кубкахъ,
Въ пуховыхъ ложахъ и въ словахъ сладчайшихъ?
Къ чему тебѣ еще покорныхъ слугъ,
Когда мы для тебя свои мечи
Въ сраженьяхъ обнажаемъ!—Такъ, прекрасно:
Я отыщу тебя! Любимцемъ римлянъ
Я стану вновь; я больше не британецъ,

*) «Mortal bugs» — клопы, которые зарождаются иногда на поляхъ сраженій.

Пойду за тѣмъ, которыхъ поражалъ... (*Скидаетъ оружіе*).
От сей поры я больше не сражаюсь,
Отдамся въ руки первому рабу,
Который только плечъ моихъ коснется!
Здѣсь римляне великія убійства
Произвели; къ великому отвѣту
Потребуютъ враговъ своихъ британцы!
Меня же смерть лишь въ силахъ искупить,
Я приходилъ ко всѣмъ ея просить;
Убьетъ ли бой меня или измѣна,
Я за тебя паду, о Имоджена!
(*Входятъ дви британскихъ капитана и воины*).

1-й капитанъ.—Хвала великому Юпитеру! Люцій взятъ въ плѣнъ, старика и его сыновей считаютъ за ангеловъ.

2-й капитанъ.—Тамъ былъ еще четвертый человѣкъ, въ простой одеждѣ; онъ имъ помогалъ.

1-й капитанъ.—Такъ говорятъ; но никого изъ нихъ
Не могутъ отыскать. Постой! Кто это?

Постумъ.—Я римлянинъ!.. И здѣсь бы не бродилъ,
Когда бъ вослѣдъ за мною шли другіе.

2-й капитанъ.—Связать его! Собака! Ни одинъ
Изъ земляковъ твоихъ не возвратится
Разсказывать, какъ васъ вороны наши
Клевали!.. Онъ отвѣтилъ свысока,
Какъ будто знатный. Къ королю злодѣя!

(Входятъ: Цимбелинъ со свитой, Белларій, Гвидерій, Арвирагъ, Пизаніо и римскіе плѣнники. Капитаны представляютъ Постума Цимбелину, который отдаетъ его тюремщику; послѣ этого всѣ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тюрьма. (Входятъ: **Постумъ** и два тюремщика).

1-й тюремщикъ.—Теперь васъ не украдутъ: вы въ цѣпяхъ;
Паситесь, если пастбище найдете!

2-й тюремщикъ.—Или когда найдете аппетитъ! (*Оба уходятъ*).

Постумъ.—Добро пожаловать, моя тюрьма!
Я убѣжденъ, ты—вѣрный путь къ свободѣ!
Счастливѣй я подагрика, который
Скорѣй желаетъ вѣчно такъ стонать,
Чѣмъ излѣчиться смертью, этимъ вѣрнымъ
Изъ всѣхъ врачей; она—волшебный ключъ,

Который растерзаетъ наши цѣпи!
О, совѣсть! ты закована сильнѣй
И рукъ, и ногъ моихъ... Святые боги!
Пошлите мнѣ оружье покаянья,
Чтобы разбить мнѣ цѣпи и навѣкъ
Свободнымъ быть!—Довольно ли того,
Что я тоскую такъ?—Земныя дѣти
Земныхъ отцовъ рыданьями смягчаютъ:
Но милости не больше ль у боговъ?
Раскаяться я долженъ! И тѣмъ лучше
Я это сдѣлаю въ моихъ цѣпяхъ,
Желанныхъ, не насильственныхъ цѣпяхъ!
Когда платежъ свободу возвращаетъ,
Всего меня берите, безъ остатка,
Я знаю, вы добрѣе злыхъ людей,
Которые у должниковъ порою
Берутъ всего лишь третью, иль шестую,
Или десятую частицу долга,
А прочимъ позволяютъ имъ опять
Разжиться; но не этого мнѣ нужно.
За жизнь моей безцѣнной Имоджены
Возьмите жизнь мою; хотя она
Не столько дорога, но все же жизнь!
Вы отчеканили ее! На свѣтѣ
Притомъ не всякую монету вѣсятъ,
И принимаютъ деньги, если только
На нихъ условный штемпель сохраненъ!..
Возьмите же меня, я—вашъ чеканъ;
Внемлите мнѣ, властительныя силы;
Когда хотите вы свести разсчетъ,
Возьмите жизнь мою и уничтожьте
Холодныя оковы!.. Имоджена!..
Поговоримъ съ тобой въ молчаньи ночи... *(Засыпаетъ).*

(Торжественная музыка.—Являются видѣнія: Сицилій Леонатъ, отецъ Постума, старикъ въ одеждѣ воина; онъ ведетъ за руку свою жену, мать Постума. За ними, послѣ новой музыки, слѣдуютъ два брата Постума, въ ранахъ, отъ которыхъ они пали въ сраженіи. Всѣ они окружаютъ соннаго Постума.)

Сицилій.—Владыка грома, пощади
Малютокъ смертныхъ, мухъ;

Съ Юноной, съ Марсомъ ты вюой,
Они твой страстный духъ
И шашни сторожатъ!
Правъ бѣдный сынъ мой, хоть его
Лица я не видалъ;
Скончался я, какъ въ узахъ онъ
Законовъ жизни ждалъ!
Ты, говорятъ, слывешь отцомъ
Сиротокъ-бѣдняковъ:
Сними жъ съ него ты, какъ отецъ,
Ярмо земныхъ оковъ!

Мать.—Меня Люцина *) не спасла;
Я умерла въ родахъ:
Врачу я сына отдала,—
Онъ на чужихъ рукахъ,
Бѣдняжка, закричалъ!

Сицилій.—Онъ отъ природы былъ красой,
Какъ предки, надѣленъ;
И, какъ наслѣдникъ нашъ, у всѣхъ
Хвалой превознесенъ.

1-й братъ.—Когда жъ для мужа онъ созрѣлъ,
Среди родной земли,
Никто не смѣлъ сравниться съ нимъ;
Британцы не могли
Глазъ Имоджены побѣдить.
Онъ былъ достойнѣй всѣхъ!

Мать.—Зачѣмъ ты бракъ ему послалъ,
Лишивъ его всего,—
Отчизны, почестей отцовъ
И радости его
Супруги молодой?..

Сицилій.—Какъ могъ ты снесть, что римскій плутъ,
Якимо, очернилъ
Постыдной ревностью покой
Его душевныхъ силъ
И смѣхъ презрѣнья на него
И шутки устремилъ?..

2-й братъ.—Вотъ для чего мы всѣ пришли
Изъ области тѣней!

*) *Lucina*—богиня родильницъ и новорожденныхъ дѣтей. Ее иногда смѣшиваютъ съ Діаною и Юноною и считаютъ дочерью послѣдней.

Сражаясь храбро, мы легли
За честь земли своей:
Да процвѣтають короли
Средь насъ, своихъ дѣтей!

1-й братъ.—Постумъ отваженъ и правдивъ
У Цимбелина былъ;
За что же ты, король боговъ,
Надолго отложилъ
Его награду и бѣдой
Блаженство замѣнилъ?

Сицилій.—Открой кристальное окно!
Взгляни на бѣдный край,—
На племя храброе твое
Обидъ не проливай!

Мать.—Юпитеръ! сынъ мой правъ, его
Ты больше не терзай!

Сицилій.—Явись изъ мраморныхъ дворцовъ ,
Не то—мы улетимъ
И на тебя въ совѣтъ боговъ
Доносъ свой подадимъ!

2-й братъ.—О, Зевсъ! дай помощь намъ; не то—
Тебѣ мы отомстимъ!

(Юпитеръ спускается въ громѣ и молніи, сидя на орлѣ; онъ бросаетъ огненную стрѣлу; тѣни падаютъ на колѣни).

Юпитеръ.—Вы, духи жалкіе подземныхъ странъ,
Не оскорбляйте слуха моего!
Какъ смѣли вы, трепещущія тѣни,
Владыку гроба обвинить? Стрѣла
Моя съ небесъ летитъ и укрощаетъ
Мятежныхъ смертныхъ!.. Прочь отсюда, тѣни
Элизія, останьтесь на своихъ,
Во вѣкъ невянущихъ, цвѣточныхъ ложахъ!
Не занимайтесь смертными дѣлами:
Не вамъ о нихъ заботиться, а намъ,—
Вы это знаете! Кого мы любимъ,
Тому и шлемъ мы наши испытанья;
Мы замедляемъ нашъ священный даръ,
Затѣмъ, чтобъ онъ былъ слаще! Успокойтесь!
Нашъ добрый духъ незримо вознесетъ
Низверженнаго бѣдствіемъ Постума;
Его удѣлъ готовится, и опытъ

Слова мои на дѣлѣ подтвердитъ!
Его рожденье встрѣтила звѣзда
Юпитера, и въ нашемъ свѣтломъ храмѣ
Вступилъ онъ въ бракъ!—Вставайте, удалитесь!
Онъ будетъ властелиномъ Имоджены,
Счастливѣе отъ прошлыхъ, тяжкихъ бѣдъ!
На грудь ему вы положите эту
Дощечку. Здѣсь, по милости своей,
Мы изложили счастіе Постума!
Итакъ, домой! и болѣе не смѣйте
Нетерпѣливыхъ жалобъ расточать,
Пока еще молчитъ мой гнѣвъ опальный.
Орелъ! лети въ чертогъ небесъ кристальный! *(Улетаетъ въ тучи).*

Сицилій.—Онъ въ громѣ къ намъ сошелъ; его дыханье
Наполнило весь воздухъ сѣрнымъ дымомъ;
Орелъ могучій опустился къ намъ,
Какъ будто насъ хотѣлъ онъ уничтожить...
Его полетъ красивѣй былъ роскошныхъ
Земель эдема!.. Царственная птица
Свое крыло безсмертное трепала
И чистила могучій клювъ, какъ будто
Доволенъ былъ ея маститый богъ!

Всѣ.—Благодаримъ тебя, Юпитеръ дивный!

Сицилій.—Закрылся снова мраморный чертогъ,
Вошелъ въ свои покои свѣтлый богъ...
Пойдемъ и мы! Чтобы снискать спасенье,
Скорѣй его исполнимъ повелѣнье! *(Всѣ тѣни исчезаютъ).*

Постумъ *(просыпаясь).*—О, сонъ, ты былъ мнѣ дѣдомъ! Ты отца
Родилъ Постуму, создалъ мнѣ двухъ братьевъ
И мать; но, горе! ихъ ужъ больше нѣтъ!
Они исчезли такъ же, какъ явились,—
И я проснулся! Горе бѣднякамъ,
Которые отъ случая зависятъ
И бредятъ такъ, какъ бредилъ я теперь:
Они проснутся и мечты желанной
Не обрѣтутъ!—Но нѣтъ, я ошибаюсь:
Иные не мечтаютъ ни о чемъ
И ничего не стоятъ,—между тѣмъ,
Они по горло плаваютъ въ блаженствѣ!
Таковъ и я: не знаю самъ, за что

Досталось мнѣ блистательное счастье?
Какія феи посѣтили землю?..
А!.. Книжка!.. Вотъ ужъ рѣдкое издѣлье:
Когда бъ оно не подражало свѣту,
Въ которомъ платья благороднѣй тѣхъ,
Кого онѣ скрываютъ! Небеса!
Пускай она все то, что̀ обѣщаетъ,
Разскажетъ мнѣ! (*Читаетъ*).

«Когда львёнокъ, самъ того не зная, и безъ поисковъ, найдетъ струю нѣжнаго воздуха и будетъ объятъ ею, и когда обломленныя у величаваго кедра вѣтви, послѣ многолѣтняго смертнаго сна, оживутъ, приростутъ къ старому пню и снова покроются свѣжими отростками,—тогда настанетъ конецъ бѣдствіямъ Постума; Британія будетъ счастлива и процвѣтетъ въ мирѣ и довольствѣ.»

О, это снова сонъ, или слова
Безумныхъ устъ: разсудокъ ихъ не скажетъ!
Здѣсь что-нибудь изъ двухъ: или ничто,
Иль рѣчь безъ смысла, иль слова такія,
Которыхъ умъ не въ силахъ разъяснить!
Но, что̀ бы ни было, а въ этомъ дѣлѣ
Подобіе моей судьбы, и я
Пророческія строки сохраню,
Хоть изъ одной сердечной симпатіи! (*Входятъ тюремщики*).

Тюремщикъ.—Ступайте-ка, сэръ, готовы ли вы къ смерти?

Постумъ.—Скорѣе пережаренъ: я уже давно готовъ.

Тюремщикъ.—Рѣчь идетъ о вѣшаньи, сэръ, если вы готовы для этого, такъ вы отлично сжарены.

Постумъ.—Такъ! и если зрители найдутъ меня довольно вкуснымъ, то блюдо покроетъ счетъ.

Тюремщикъ.—Тяжелёнекъ счетъ для васъ, сэръ; но да утѣшитъ васъ то, что вы больше уже не будете расплачиваться, не будете трусить трактирныхъ разсчетовъ, отъ которыхъ часто уходишь не совсѣмъ весело, хоть они и способны производить веселье; вы приходите слабые, отъ жажды покушать, а уходите, качаясь отъ того, что черезъ край хлебнули; сердитесь на то, что много заплатили, да тутъ же сердитесь и на то, что много забрали; и кошелекъ, и черепъ пусты; черепъ немного тяжеле потому, что былъ уже слишкомъ пустъ,—а кошелекъ полегче оттого, что былъ

черезчуръ уже тяжелъ: о! вы теперь поквитаетесь со всѣми этими противорѣчіями! о, милосердіе веревки, цѣною въ пенни!.. Она въ одинъ мигъ кончаетъ тысячные разсчеты: вы не найдете болѣе вѣрнаго дебета и кредета; съ нею разомъ квитается и прошедшее, и настоящее, и будущее.— Ваша шея, сэръ, вмѣстѣ и перо, и книга, и счеты: итогъ подводится немедленно!

Постумъ.—Мнѣ гораздо веселѣе умирать, чѣмъ тебѣ жить.

Тюремщикъ.—Въ самомъ дѣлѣ, сэръ: кто спитъ, тотъ не чувствуетъ зубной боли; но если бы кто-нибудь шелъ заснуть вашимъ сномъ и висѣльнику приходилось бы помочь ему ложиться, я думаю, онъ охотно помѣнялся бы мѣстами съ своимъ сторожемъ, потому что, посмотрите-ка, сэръ, вы еще не знаете, какою дорогою вамъ идти!

Постумъ.—О, творецъ, очень хорошо знаю!..

Тюремщикъ.—Тогда въ головѣ у вашей смерти есть глаза, а я еще не видѣлъ, чтобы ее такъ рисовали, вы должны или идти по направленію, которое вамъ укажутъ обязавшіеся на это, или взять на себя то, чего, я знаю, вы не можете знать; или же пуститься на поиски, подвергаясь собственной гибели, и тогда, если вы успѣете придти къ концу вашего путешествія, я думаю, вы никогда уже не воротитесь разсказывать кому-нибудь объ этомъ.

Постумъ.—Говорю тебѣ, дружище, что никто не станетъ нуждаться въ глазахъ, чтобы разсмотрѣть дорогу, по которой я теперь пойду, развѣ уже тѣ, которые станутъ жмуриться и не захотятъ ея испробовать...

Тюремщикъ.—Что за мудреная штука была бы, если бы человѣкъ имѣлъ совершенное употребленіе глазъ для того, чтобы разсмотрѣть путь слѣпоты! Я убѣжденъ, что висѣлица—путь къ жмуркамъ. *(Входитъ вѣстникъ).*

Вѣстникъ.—Снять съ него оковы!—Ведите плѣнника къ королю.

Постумъ.—Ты принесъ добрую новость!—Меня позвали затѣмъ, чтобы, наконецъ, освободить...

Тюремщикъ.—Тогда я готовъ быть повѣшеннымъ.

Постумъ.—И ты станешь свободнѣе тюремнаго сторожа; для мертвыхъ замковъ не существуетъ. *(Постумъ и вѣстникъ уходятъ).*

Тюремщикъ.—Если бы человѣкъ вздумалъ жениться на висѣлицѣ, то она родила бы ему другихъ маленькихъ ви-

сѣльницъ; по-моему, только бы онѣ и бѣжали къ ней съ такою охотою. Да, по совѣсти, есть бездѣльники побольше его,—и тѣмъ всегда хочется пожить, а онъ еще римлянинъ! Многіе, впрочемъ, изъ этихъ господъ умираютъ противъ своей воли; такъ, къ несчастью, было бы и со мною, если бы я былъ однимъ изъ нихъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ всѣ мы стали одной души — и притомъ души доброй!—О, тогда вымерли бы и тюремщики, и висѣлицы!.. Я говорю противъ своихъ настоящихъ выгодъ... Но — въ желаніи моемъ есть своего рода выгода!.. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Палатка Цимбелина.—(Входятъ: **Цимбелинъ, Белларій, Гвидерій, Арвирагъ, Пизаніо**, придворные, офицеры и свита).

Цимбелинъ.—По волѣ неба вы спасли престолъ:
Скорѣй же станьте близъ меня! Прискорбно
Моей душѣ, что мы не отыскали
Того убогаго, но такъ богато
Отважнаго бойца; онъ пристыдилъ
Своимъ лохмотьемъ пышное оружье;
Онъ выставлялъ свою нагую грудь
Гораздо дальше латъ позолоченныхъ...
Мы осчастливимъ всякаго, кто намъ
Его отыщетъ, если наша милость
Доставить можетъ счастье.

Белларій.— Никогда
Не видѣлъ я такой отваги царской
Въ такомъ вполнѣ ничтожномъ существѣ
И подвиговъ высокихъ въ человѣкѣ,
Который всѣмъ одно лишь обѣщалъ:
Убожество и горе.

Цимбелинъ.— Ничего
О немъ не слышно?

Пизаніо.— Мы его искали
Между живыхъ и мертвыхъ, но слѣдовъ
Его найти мы не могли.

Цимбелинъ.— Итакъ,
Къ несчастью моему, въ его наградѣ
Прямой наслѣдникъ я!—Передаю
Награду эту вамъ—душа, разсудокъ
И грудь Британіи! *(Белларію, Гвидерію и Арвирагу)*.
Клянусь, чрезъ васъ

Она живетъ.—Но наступило время
И васъ спросить, откуда вы?.. Скажите.

Белларій.—Мы родомъ, сэръ, изъ Камбріи; притомъ
Мы джентельмены; а хвалиться больше—
Несправедливо будетъ и нескромно;
Я вамъ скажу, что мы, вдобавокъ, честны!

Цимбелинъ.—Склоните же колѣни!

(*Белларій, Гвидерій и Арвирагъ становятся на колѣни; Цимбелинъ посвящаетъ ихъ въ рыцари*).

Поднимитесь,
Сіятельные рыцари! Я васъ
Въ сопутниковъ престола назначаю
И почести, которыя по сану
Вы заслужили, обѣщаю вамъ!

(*Входятъ: Корнелій и придворныя дамы.*)

Цимбелинъ (*Продолжаетъ*). — На лицахъ вашихъ грусть...
Что такъ печально
Привѣтствуете вы побѣду нашу?
Вы съ виду словно римляне какіе,
А не орлы британскаго двора!

Корнелій.—Да здравствуетъ великій государь!..
Пришлось смутить твою святую радость:
Скажу тебѣ, что наша королева
Скончалась!..

Цимбелинъ.— Лѣкарю такая вѣсть
Всѣхъ менѣе идетъ! Но намъ извѣстно,
Что жизнь продлить всегда лѣкарства могутъ,
Хоть смерть беретъ порой и лѣкарей!
Скажите, какъ она скончалась?

Корнелій.— Страшенъ,
Безуменъ былъ ея конецъ, какъ жизнь
Несчастной; жизнь ея была для свѣта
Мученіемъ: въ мученіяхъ она
И умерла! Я вамъ, когда угодно,
Всю исповѣдь ея перескажу:
И если ошибусь я, эти дамы
Пускай меня на словѣ перебьютъ;
Онѣ со мною, проливая слезы,
Стояли тамъ, когда она кончалась...

Цимбелинъ.—Прошу тебя, скажи.

Корнелій.— Во-первыхъ, намъ

Она созналася, что не любила
Васъ никогда; что не о васъ самихъ
Заботилась, а о величьи вашемъ!..
Что обвѣнчалась съ королевскимъ саномъ,
Была супругой вашего престола,
И не могла терпѣть особы вашей!
Цимбелинъ.—Она одна могла все это знать,
И если бы, не умирая, мнѣ
О томъ сказала, я бы не повѣрилъ
Ея устамъ!.. Извольте продолжать!..
Корнелій.—Она созналась намъ, что ваша дочь,
Которую всегда съ такой любовью
Она передъ отцомъ ея ласкала,
Въ глазахъ ея казалась скорпіономъ!
Что жизнь ея, когда бы не побѣгъ
Предупредилъ ея разсчеты злые,
Она хотѣла тайно отравить!
Цимбелинъ.—Какой же тонкій, хитрый непріятель!
Кто можетъ въ сердцѣ женщины читать?
Что дальше?
Корнелій.— Дальше, сэръ, гораздо хуже:
Она созналась намъ, что и для васъ
Она составъ смертельный припасала;
Что ваша жизнь отъ этого состава
Слабѣла бы и сохла каждый мигъ
И медленно, по дюйму, пропадала-бъ!
А между прочимъ, ласками, слезами
И поцѣлуями она хотѣла
Васъ обмануть и, во-время склонивъ
Послушаться себя, предполагала
Наслѣдникомъ короны объявить
Клотена! Но его побѣгъ разрушилъ
Ея разсчетъ коварный, и она
Съ отчаянья стыдливость потеряла;
Въ отмщенье небесамъ и человѣку,
Открыла всѣмъ свои предположенья;
И, наконецъ, жалѣя, что не всѣ
Изъ замысловъ ея созрѣть успѣли,
Въ отчаяньи безумномъ умерла!..
Цимбелинъ (*женщинамъ*).—И это все вы слышали, миледи?
Дамы.—Такъ точно, государь!

Цимбелинъ.— Моихъ очей
Я не виню: она была прекрасна!
Моихъ ушей я также не виню:
Они внимали лести королевы!
Я не виню и сердца моего:
Оно ее считало тѣмъ, чѣмъ только
Она казалась намъ; подозрѣвать
Ее въ то время было-бъ слишкомъ низко!
О, дочь моя! Ты можешь всѣмъ сказать,
Что я впадалъ въ безстыдное безумство.
Твое несчастье это подтвердитъ!
Исправьте жъ, небеса, мою ошибку!..
(Входятъ: Люцій, Якимо, Гадатель и другіе римскіе плѣнники, подъ стражею,—позади ихъ Постумъ и Имоджена).
Теперь ты, Кай, не дань съ насъ собирать
Пришелъ; британцы свергли ваше иго,
Хотя немало храбрыхъ потеряли!..
Ихъ родственники просятъ насъ скорѣй
Смирить ихъ души страждущія казнью
Спасенныхъ плѣнниковъ, и мы на это
Согласны: разсмотри свою судьбу!
Люцій.—Подумайте объ участи сраженій:
Вы случаю обязаны побѣдой.
Достался бы намъ онъ, остудивъ свой пылъ,
Мы никогда съ мечемъ не угрожали бъ
Своимъ военноплѣннымъ! Но да будетъ
Исполнено велѣніе боговъ,
И выкупомъ намъ станетъ наша жизнь:
Съ душою римской римлянинъ мученья
Перенесетъ; на насъ взираетъ Августъ!
Такъ мало я забочусь о себѣ...
И объ одномъ лишь попрошу милорда:
(Указывая на Имоджену)
Позвольте мнѣ за этого пажа,
Британца родомъ, вамъ представить выкупъ:
Никто слугой подобнымъ не владѣлъ;
Онъ ласковъ, нѣженъ, добръ, трудолюбивъ,
Внимателенъ и вѣренъ, и опрятенъ;
Позвольте жъ добродѣтелямъ его
Съ моей мольбой теперь соединиться;
Я знаю, ваша свѣтлость не отвергнетъ

Моей мольбы: онъ не нанесъ вреда
Британіи, хотя служилъ у римлянъ!
Спаси его, великій государь,
И не щади за это нашей крови!

Цимбелинъ.—Я гдѣ-то видѣлъ этого пажа;
Его черты мнѣ кажутся знакомы.
О, мальчикъ! взоръ твой чудный пріобрѣлъ
Мою любовь: ты мой съ минуты этой!
Не знаю какъ, не знаю почему,
Но мнѣ тебѣ все хочется сказать:
Живи, мой мальчикъ!—Никогда не думай
Благодарить монарха своего:
Живи,—проси себѣ у Цимбелина
Какой лишь хочешь милости; пускай
Она идетъ лишь къ нашей добротѣ
И къ сану твоему: ты все получишь!
Получишь все, хотя бы ты просилъ
Свободы главнаго изъ этихъ плѣнныхъ!..*)

Имоджена.—Благодарю васъ, свѣтлый государь.

Люцій.—Я не прошу тебя молить о жизни
Моей, прекрасный мальчикъ; но увѣренъ,
Что ты о ней попросишь короля.

Имоджена.—Ахъ, нѣтъ, увы! другая подъ рукою
У насъ забота: смерть не такъ горька,
Какъ то, что вижу я! И ваша жизнь
Сама пускай хлопочетъ о спасеньи!

Люцій.—Какъ? пажъ меня оставилъ, презираетъ
И ненавидитъ? Быстротечна радость,
Которая отъ вѣрности мальчишекъ
И дѣвочекъ зависитъ!.. Онъ смущенъ!

Цимбелинъ.—Чего же хочешь ты, мой милый мальчикъ?
Все болѣе и болѣе тебя
Люблю я: думай же и ты о просьбѣ
Все болѣе и болѣе!.. Ты знаешь
Того, въ кого теперь впился ты взоромъ?
Скажи, желаешь ты его спасти?

---

*) Эта тирада, какъ и вообще всѣ разговоры переодѣтой Имоджены съ ея братьями, въ лѣсу, показываютъ, что Шекспиръ слишкомъ глубоко былъ преданъ идеямъ своего вѣка и вѣрилъ въ мнѣнія о сродствѣ душъ и о вліяніяхъ одного человѣка на другого посредствомъ магнетическаго влеченія.

Онъ родственникъ тебѣ? онъ твой пріятель?

Имоджена.—(*Смотритъ на Якимо*).—Онъ римлянинъ и мнѣ
родной такой же,
Какъ я родной монарху моему...
Нѣтъ, я рожденъ вассаломъ Цимбелина,
И потому къ нему гораздо ближе!

Цимбелинъ.—Что-жъ на него ты зорко такъ глядишь?

Имоджена.—Я вамъ одинъ повѣдаю объ этомъ,
Когда угодно вамъ меня услышать.

Цимбелинъ.—Отъ всей души: располагай моимъ
Вниманіемъ! Какъ звать тебя, мой милый?

Имоджена.—Фиделіо!

Цимбелинъ. Отнынѣ, добрый мальчикъ,
Ты пажъ мой, а король—твой господинъ!
Ступай за мной и говори свободно. (*Цимбелинъ и Имоджена разговариваютъ въ сторонѣ*).

Белларій.—Ужъ не воскресъ ли этотъ чудный мальчикъ?

Арвирагъ.—Песчинки такъ не схожи межъ собой.
Да, это тотъ румяный, нѣжный крошка,
Который былъ Фидельо и скончался:
Что думаете вы?

Гвидерій.— Покойникъ ожилъ!..

Белларій.—Молчите; станемъ дальше наблюдать;
На насъ не посмотрѣлъ онъ; берегитесь;
На свѣтѣ разныя бываютъ сходства:
Когда бы это былъ нашъ милый мальчикъ,
Онъ ужъ давно завелъ бы съ нами рѣчь!

Гвидерій.—Мы сами видѣли, какъ онъ скончался.

Белларій.—Потише, станемъ далѣе глядѣть.

Пизаніо (*въ сторону*).—О, это госпожа моя!.. Она
Жива!.. Катись теперь, какъ хочешь, время,
Хорошее и злое—все неси! (*Цимбелинъ и Имоджена приближаются къ авансценѣ*).

Цимбелинъ (*Имодженѣ*).—Стань возлѣ насъ, по правой сторонѣ,
Произноси свои вопросы громко. (*Якимо*)
Приблизьтесь, сэръ, свободно отвѣчайте
На то, о чемъ васъ проситъ этотъ пажъ:
А иначе, клянусь величьемъ нашимъ
И красотой его—святою честью,
Мученія ужасныя исторгнутъ
Всю истину у непокорной лжи!

Извольте говорить!..

Имоджена.— Мнѣ нужно знать
Откуда вы достали этотъ перстень?

Постумъ *(въ сторону).*—Зачѣмъ ему все это?

Цимбелинъ.— Говорите,
Откуда вы достали вашъ алмазъ?

Якимо.—Подъ страхомъ пытки вы мнѣ запретите
Повѣдать то, чтò, если разсказать,
Васъ будетъ пыткой страшною терзать!

Цимбелинъ.—Меня?!..

Якимо.— Я очень радъ, что принуждаютъ
Меня повѣдать то, чтò укрывать
Такая мука! Перстень я похитилъ
Злодѣйствомъ: онъ принадлежалъ Постуму,
Котораго изгналъ ты и который,—
Да будетъ рѣчь моя тебѣ тяжеле,
Чѣмъ сердцу моему,—достойнѣй всѣхъ,
Кто только жилъ межъ небомъ и землею!
Но говорить ли далѣе мнѣ, сэръ?..

Цимбелинъ.—Повѣдай все, чтò только близко къ дѣлу!

Якимо.—Да... неземное чудо, дочь твоя!..
Изъ сердца кровь сочится и коварный
Разсудокъ, при одномъ воспоминаньи
О ней, болитъ: мнѣ дурно... дай мнѣ кончить,..

Цимбелинъ.—Какъ! дочь моя? Что жъ ты о ней разскажешь?
Возобнови свои больныя силы:
Живи, пока природа жить позволитъ,
Не умирай, не высказавъ всего!
Приди въ себя, бѣднякъ, и говори!

Якимо.—Однажды (горе тѣмъ колоколамъ,
Которые пробили часъ коварный),
Случилось это въ Римѣ (проклятъ будь
Нашъ домъ),—обѣдая (о, если бъ въ ядъ
Тогда всѣ наши блюда обратились,
Хотя бы тѣ, что предо мной стояли!)—
Достойный Леонатъ—(чтò я сказалъ?!
Онъ слишкомъ былъ достоинъ между злыми,
И лучше всѣхъ, кто только ни былъ добръ
И доблестенъ межъ нами!) сидя грустно,
Внималъ, какъ мы наперерывъ хвалили
Любовницъ нашихъ римскихъ, красоты

Которыхъ даже тотъ, кто лучше всѣхъ
Умѣлъ блеснуть словечкомъ, не нашелся бъ
Превознести достойной похвалой:
По формамъ передъ ними былъ калѣкой
Безсмертный бюстъ Венеры, а Минерва
Не такъ стройна и нѣсколько горбата;
Онѣ стыдили чудеса природы—
И все, что только качествомъ своимъ
Насъ дѣлаетъ поклонниками женщинъ—
Въ себѣ соединяли... все, что ловитъ
На удочку безпечныхъ жениховъ
И красотой глаза намъ поражаетъ!

Цимбелинъ.—На угляхъ раскаленныхъ я стою:
Скорѣе къ дѣлу!..

Якимо.— Разомъ все скажу я,
Чтобъ ты не мучился отъ нетерпѣнья!
Постумъ (любя, какъ благородный лордъ,
И царственной любезною счастливый)
Взялся за рѣчь; не унижая тѣхъ,
Кого хвалили мы (какъ добродѣтель,
Онъ былъ спокоенъ!)—началъ онъ чертить
Портретъ своей любезной и, окончивъ
Его вполнѣ, онъ влилъ въ него дыханье
И мысли: тутъ увидѣли мы всѣ,
Что наше хвастовство трещало чуть ли
Не о красѣ кухарокъ; рѣчь его
Насъ обратила въ безсловесныхъ куколъ!

Цимбелинъ.—Скорѣй, скорѣе къ дѣлу!

Якимо.— Моя жена
Чиста, какъ ангелъ,—такъ онъ началъ споръ!
Онъ говорилъ, что и сама Діана
Во снѣ нечистыя мечтанья видитъ,
Она же съ ними вовсе незнакома!
При этомъ я (несчастный!) сталъ смѣяться
Надъ похвалой Постума и держалъ
Закладъ на кучу денегъ противъ перстня,
Который онъ тогда носилъ на пальцѣ,
Что перстень тотъ куплю ея позоромъ!
Онъ, вѣрный мужъ,—не сомнѣваясь въ чести
Своей жены, какъ я не сомнѣваюсь
Въ ней, послѣ всѣхъ моихъ попытокъ,—перстень

Поставилъ на закладъ и также точно
Могъ поступить, хотя бъ тотъ перстень былъ
Карбунколомъ изъ колесницы Феба
И могъ со всей цѣной ея сравниться.
Тогда въ Британію помчался я,
Въ намѣреньи исполнить это дѣло!
Вы, можетъ-быть, припомните, милордъ,
Какъ при дворѣ у васъ я находился.
Здѣсь ваша дочь невинностью своей
Заставила меня увидѣть бездну
Между грѣхомъ распутства и любовью!
Я потерялъ надежду, но желаній
Я не терялъ: мой итальянскій мозгъ
Работать сталъ въ наивности британской
Немножко подло, но для нашей цѣли
Довольно выгодно; короче, я
Въ трудѣ успѣлъ и возвратился въ Римъ,
Съ большимъ запасомъ лживыхъ доказательствъ,
Которыя свели съ ума Постума,
Изранивъ вѣру бѣднаго въ невинность
Его жены безсовѣстною ложью...
Я описалъ ему покой принцессы,
Обои, потолки, каминъ, ковры;
Я показалъ ему браслетъ (о, хитрость!
Какъ ты легко достала мнѣ его!)—
Я подтвердилъ слова мои примѣтой
На тѣлѣ Имоджены сокровенной,
И онъ повѣрилъ, что замо̀къ ея
Невинности разбитъ и что она
Мнѣ отдалась... И мнится мнѣ, что вижу
Вновь Леоната я...

Постумъ *(выступая впередъ)*.—Онъ передъ тобой,
Предатель итальянскій!—О! какой же
Глупецъ я легковѣрный, воръ, убійца,—
Собраніе всего, что̀ было, есть
И будетъ въ мірѣ изъ грѣховъ злодѣйскихъ!..
О, дайте мнѣ нелицемѣрный судъ!
Ты, мой властитель, дай мнѣ казнь и пытку!
Я всѣ злодѣйства заслужилъ собой—
Я хуже всѣхъ ихъ!.. Да, я—Леонатъ!
Я дочь твою убилъ! Нѣтъ, лжецъ коварный!

Я лгу: я совершилъ свое злодѣйство
Черезъ другого, худшаго еще,
Чѣмъ я; посягнулъ на святотатство:
Она была Діаны чистой храмомъ,
Нѣтъ, добродѣтель вся она была!
Заплюйте же скорѣе, закидайте
Каменьями и грязью вы меня!
Собаками злодѣя затравите!
Пусть каждаго разбойника зовутъ
Отъ этихъ поръ Постумомъ Леонатомъ...
И пусть земля извѣдаетъ грѣхи
Еще ужаснѣй моего злодѣйства.
О, Имоджена, королева, жизнь,
Жена моя! бѣдняжка Имоджена!
О, Имоджена! Имоджена!

Имоджена.— Тише,
Милордъ, прошу...

Постумъ.— Такъ ты комедію
Изъ этого желаешь разыграть?
Негодный пажъ: ты здѣсь окончишь роль! *(ударяетъ ее мечомъ: она падаетъ).*

Пизаніо.—Милорды! помогите, помогите!
Вѣдь это ваша и моя принцесса!..
Постумъ, Постумъ, теперь ты лишь убилъ
Бѣдняжку! Помогите, помогите!
О, честная миледи, Имоджена!

Цимбелинъ.—Неужели весь міръ перевернулся?

Постумъ.—Какъ отуманились мои глаза?!.

Пизаніо.—Очнитеся, принцесса!

Цимбелинъ.— Если это
Все правда, небеса хотятъ, чтобъ я
Отъ радости и счастія скончался!

Пизаніо.—Что, лучше-ль вамъ теперь, моя принцесса?

Имоджена. *(приходя въ себя).*—О! удалися съ глазъ моихъ! Ты яду
Мнѣ далъ! Поди, опасный человѣкъ!
Не смѣй дышать въ томъ мѣстѣ, гдѣ есть принцы!

Цимбелинъ.—Какъ?.. Голосъ Имоджены!

Пизаніо. Пусть, миледи,
Убьетъ меня небесная гроза,
Когда тотъ порошокъ, который вамъ

Я далъ въ лѣсу, я не считалъ безцѣннымъ
Лѣкарствомъ. Эту вещь я получилъ
Отъ королевы!

Цимбелинъ.— Новая продѣлка?!.

Имоджена.—Онъ отравилъ меня, милордъ!

Корнелій.— О боги!
Я позабылъ еще одно признанье
Покойницы: оно васъ оправдаетъ!—
О! если,—такъ сказала королева,—
Пизаніо далъ принцессѣ тотъ составъ,
Который я лѣкарствомъ назвала,
Онъ служилъ своей принцессѣ такъ же,
Какъ я, положимъ, услужила бъ крысѣ.—

Цимбелинъ.—Что тамъ еще, Корнелій?

Корнелій.— Королева,
Милордъ, меня просила очень часто,
Составить ей отравъ, для изученья
Ихъ свойствъ, какъ говорила мнѣ она,
Надъ смертью злыхъ созданій, кошекъ, крысъ,
Всего, что̀ только въ свѣтѣ не жалѣютъ!
Боясь, чтобъ планъ ея пошелъ не дальше,
Я для нея составилъ вещество,
Которое на время только жизнь
Лишаетъ силъ, но вскорѣ весь процессъ
Природы вновь свершаетъ отправленія...
Вы не его ли приняли?

Имоджена.— Быть можетъ,
Я умерла отъ этого состава...

Белларій.—Вотъ, дѣти, въ чемъ была ошибка наша!

Гвидерій.—О, это нашъ Фиделіо, навѣрно!

Имоджена. *(Постуму).* — Зачѣмъ свою ты вѣрную супругу
Покинулъ здѣсь! Вообрази, что ты
Стоишь надъ бездной: сбрось меня туда!
(Обнимаетъ его).

Постумъ.—Виси на мнѣ, моя душа, какъ плодъ
На вѣточкѣ, пока она изсохнетъ!

Цимбелинъ.—Что жъ это, плоть моя, мое дитя?
Я зрителемъ нѣмымъ при этомъ буду?..
Ты говорить со мной совсѣмъ не хочешь?

Имоджена *(опускаясь на колѣни).*—Милордъ, прошу у васъ
благословенья.

Белларій (*Гвидерію и Арвирагу*). — Теперь я васъ нисколько не виню,
Что юношу вы этого любили:
У васъ къ тому свои причины были!
Цимбелинъ.—О, пусть мои родительскія слезы
Святой водою каплютъ на тебя:
Увы, скончалась мачиха твоя!..
Имоджена.—Мнѣ очень жаль ее, мой государь!
Цимбелинъ.—Она была исполнена грѣховъ:
По милости ея, такъ странно всѣ мы
Сошлися здѣсь... Но сынъ ея исчезъ
И мы не знаемъ, какъ и почему?..
Пизаніо.—Милордъ! мой страхъ прошелъ, я все открою...
Клотенъ, едва принцесса удалилась,
Пришелъ ко мнѣ, съ мечомъ въ рукѣ и съ пѣной
У рта; онъ началъ клясться предо мной,
Что если я ему не объявлю,
Куда ушла принцесса, я погибну
Въ одно мгновеніе!.. Тогда при мнѣ
Какъ разъ нашлось послѣднее письмо
Постума; это-то письмо умчало
Его за ней на поиски въ Мильфордъ,—
Куда, какъ звѣрь и въ платьѣ Леоната,
Которое онъ вырвалъ у меня,
Клотенъ съ позорнымъ планомъ поспѣшилъ...
Что съ нимъ случилось послѣ, я не знаю!
Гвидерій.—Позвольте мнѣ окончить вашъ разсказъ.
Я умертвилъ его!
Цимбелинъ.— Спаси васъ небо!
Я не хотѣлъ бы добрыя дѣла
Наказывать жестокимъ приговоромъ:
Скажи, что ты солгалъ, мой храбрый мальчикъ!
Гвидерій.—Я сдѣлалъ такъ, какъ я вамъ объявилъ!
Цимбелинъ.—Клотенъ былъ принцъ!
Гвидерій.— Онъ наглымъ принцемъ былъ!
Его продѣлки недостойны принца.
Онъ вздумалъ вызывать меня такимъ
Задорнымъ языкомъ, что я пошелъ бы
Хоть на моря, когда бъ они ревѣли,
Какъ онъ: я голову ему отсѣкъ!..
И очень радъ, что нынче передъ вами

Онъ не стоитъ, какъ я, и обо мнѣ
Такой же рѣчи вамъ не говоритъ!..
Цимбелинъ.—Жаль мнѣ тебя; твой собственный языкъ
Тебѣ изрекъ смертельный приговоръ;
Законамъ ты обязанъ покориться:
И нынче же умрешь!
Имоджена.— Безглавый трупъ
Я приняла за милаго супруга!
Цимбелинъ.—Связать убійцу, прочь его отсюда!
Белларій.—Стой, государь; убитый недостоинъ
Убійцы; твой преступникъ одного
Съ тобою рода: онъ передъ тобой
Свершилъ гораздо болѣе заслугъ,
Чѣмъ цѣлый полкъ Клотеновъ совершилъ бы. (*Стражѣ*).
Освободите царственныя руки:
Не для цѣпей онѣ сотворены!
Цимбелинъ.—Зачѣмъ, старикъ-солдатъ, желаешь ты,
Не получивъ еще вознагражденья
За подвигъ свой, подвергнуться опалѣ
И гнѣву короля? Какъ можетъ онъ
Быть одного со мной происхожденья?
Арвирагъ.—Въ своихъ словахъ зашелъ онъ далеко.
Цимбелинъ (*Белларію*).—За это ты погибнешь безъ пощады!
Белларій.—Всѣ трое мы погибнемъ! Но сперва
Я докажу, что двое между насъ
То самое, о чемъ я вамъ повѣдалъ.—
Я долженъ, дѣти, гибельную тайну
Открыть: она—опасна для меня,
Но васъ она, навѣрно, осчастливитъ!
Арвирагъ.—Опасность ваша и для насъ—опасность!
Гвидерій.—А счастье наше—счастье и для васъ!
Белларій.—Позвольте же: я стану говорить.—
Великій государь, скажите, былъ ли
У васъ вельможа, именемъ Белларій?
Цимбелинъ.—Что въ немъ тебѣ?!. Онъ сосланный измѣнникъ!
Белларій.—Онъ такъ же старъ, какъ тотъ, кто передъ вами
Стоитъ теперь: онъ сосланъ—это правда;
Но я не знаю, былъ ли онъ измѣнникъ?..
Цимбелинъ.—Схватить его! Вселенная не можетъ
Его спасти!—
Белларій.— Не горячитесь такъ!

Сначала заплатите мнѣ за то,
Что ваши дѣти выкормлены мною,
И конфискуйте послѣ все, едва
Я получу свое вознагражденье.

Цимбелинъ.—Ты выкормилъ моихъ дѣтей?

Белларій.— Я грубъ
И слишкомъ смѣлъ: молю васъ на колѣняхъ...
Не стану я до той поры, покуда
Не вознесу я вашихъ сыновей!
Тогда вы старика ужъ не жалѣйте...
Великій государь, я не отецъ
Двумъ этимъ джентльменамъ, хотя меня
Они зовутъ отцомъ и почитаютъ
Себя дѣтьми изгнанника-Моргана!
Они потоки царственной рѣки—
И кровь твоя, мой свѣтлый повелитель!..

Цимбелинъ.—Какъ! въ нихъ мое потомство?

Белларій.— Точно такъ,
Какъ ты потомокъ дѣдовъ Цимбелина.
Старикъ Морганъ былъ нѣкогда Белларій:
Его тогда ты выслалъ изъ отчизны.
Двухъ этихъ принцевъ (имя это къ нимъ
Идетъ, они сіятельные принцы)—
Я двадцать лѣтъ воспитывалъ въ горахъ;
Вселилъ въ нихъ все, что только могъ вселить
Изъ истинныхъ познаній; самъ ты знаешь,
Кормилица малютокъ, Эрифила,
Съ которой я вступилъ за это въ бракъ,
Ихъ унесла, едва меня изгнали!
На это я склонилъ ее тогда!
Я былъ наказанъ прежде преступленья,
Которое свершилъ я предъ тобой:
Я пострадалъ за вѣрность и замыслилъ
Коварную измѣну Цимбелину!
Но, свѣтлый сэръ, вотъ вновь твои сыны:
Я въ нихъ теряю всю мою отраду!
Да низойдетъ благословенье неба
На ихъ чело спасительной росой:
Они могли бъ достойно сводъ лазурный
Огнями звѣздъ душевныхъ обложить!

Цимбелинъ.—Ты говоришь и плачешь; вы втроемъ

Свершили подвигъ, предъ которымъ блѣдны
Всѣ чудеса разсказа твоего:
Я потерялъ моихъ дѣтей; но если
Мои то дѣти, лучшихъ сыновей
Желать не долженъ я.

Белларій.— Милордъ, позвольте!
Тотъ джентельменъ, который у меня
Носилъ названье Полидора, принцъ—
Достойнѣйшій Гвидерій; джентельменъ,
Котораго я называлъ Кадваломъ,—
Свѣтлѣйшій Арвирагъ, вашъ младшій сынъ;
Его въ богатой мантіи укрыли,
Въ пеленкахъ, вышитыхъ рукой его
Высокой матери: всѣ эти вещи
Я вамъ, для бо́льшей правды, покажу!

Цимбелинъ.—На шеѣ у Гвидерія была
Кровавая звѣзда—значокъ родимый!..

Белларій (*указывая на Гвидерія*).—Вотъ, кто родимымъ пятнышкомъ отмѣченъ!
Премудрая природа создала
Его на тотъ конецъ, чтобъ вамъ сегодня
Скорѣй пришлось Гвидерія признать!

Цимбелинъ.—Ужель я вновь отецъ троихъ дѣтей?
Вовѣки мать не радовалась больше,
Окончивъ му́ки тягостныхъ родовъ!..
Благословенны вы, которыхъ путь
Лежалъ такъ долго внѣ родимыхъ о̀рбитъ:
Войдите въ нихъ и царствуйте опять!
Ты, дочь моя, лишилась черезъ это
Короны!..

Имоджена.— Нѣтъ, милордъ, я черезъ это
Пріобрѣла два міра неземныхъ!..
О, братья милые, мы снова вмѣстѣ!
Не говорите жъ больше никогда,
Что рѣчь моя неправильна: вы братомъ
Меня именовали, я же вамъ
Была сестрой; а я именовала
Васъ братьями, и были вы мнѣ братья!..

Цимбелинъ.—Такъ вы уже встрѣчались?

Арвирагъ.— Да, милордъ!

Гвидерій.—И съ перваго жъ свиданья полюбили

Другъ друга, продолжая страсть свою,
До той поры, когда сестра скончалась...
Корнелій.—Отъ ядовитыхъ зелій королевы!
Цимбелинъ.—О, дивное чутье!—Когда же я
Услышу все? И въ спѣшномъ пересказѣ
Видны у васъ безчисленныя вѣтви,
Которыми богато вашъ разсказъ
Развиться можетъ! Гдѣ и какъ жила ты?
Какъ римскому ты плѣннику служила?
Какъ ты разсталась съ братьями? Какъ вновь
Ты ихъ нашла? Зачѣмъ ты убѣжала
Отъ нашего двора?.. Куда бѣжала?!.
Все это—и къ тому еще причину,
Которая васъ привела на бой,
Не знаю самъ, какъ много я желалъ бы
Узнать отъ васъ въ подробнѣйшихъ оттѣнкахъ,
Во всѣхъ случайныхъ, мелкихъ переходахъ!
Но намъ теперь не мѣсто и не часъ
Васъ долгими вопросами тревожить...
Постумъ закинулъ якорь къ Имодженѣ;
Она же, какъ стыдливая зарница,
Бросаетъ взоръ свой нѣжный на него,
На братьевъ и на насъ,—и свѣтъ, и радость
На милые предметы проливаетъ!..
Мы отвѣчаемъ тѣмъ же Имодженѣ...
Пойдемъ отсюда; пусть дымятся храмы
Огнями нашихъ благодарныхъ жертвъ! *(Белларію)*
Ты братъ мой и навѣкъ мнѣ будешь братомъ!..
Имоджена.—Вы мой отецъ, меня вы воскресили!
Я дожила до радостной поры!
Цимбелинъ.—Всѣ радуются, кромѣ этихъ плѣнныхъ:
Пускай же и на нихъ прольется радость;
Они раздѣлятъ счастье короля!
Имоджена (*Люцію*).—Теперь, мой повелитель, постараюсь
Я вамъ, какъ должно, услужить!
Люцій.— Сойди
На васъ благословеніе небесъ!
Цимбелинъ.—Пропавшій воинъ столько благородства
Въ сраженьи показалъ, что между насъ
Блисталъ бы кстати онъ и благодарность
Монаршую собою бы почтилъ!

Постумъ.—Я, государь, тотъ неизвѣстный воинъ!
Я въ рубищѣ простомъ сопровождалъ
Троихъ твоихъ бойцовъ: моя одежда
Тогда моимъ желаньямъ отвѣчала!
Якимо, говори, кто этотъ воинъ?
Не я ль тебя повергнулъ, и едва
У ногъ моихъ ты не лишился жизни?
Якимо (*становясь на колѣни*).—Я вновь у ногъ твоихъ: но мнѣ колѣни
Теперь сгибаетъ мстительная совѣсть,
Какъ нѣкогда ихъ мощь твоя сгибала;
Возьми же эту жизнь, молю тебя:
Я столько разъ надъ нею издѣвался!
Но прежде получи свое кольцо
И съ нимъ браслетъ вѣрнѣйшей изъ принцессъ,
Какія только въ вѣрности клялися!
Постумъ.—Не преклоняй колѣнъ передъ Постумомъ:
Одною властью обладаетъ онъ,
И эта власть—прощеніе врагу;
Одну лишь месть питаетъ онъ къ тебѣ—
И эта месть—забвеніе обиды!
Живи и поступай съ другими лучше!
Цимбелинъ.—Вотъ благородный судъ; нашъ мудрый зять
Даетъ урокъ намъ въ мудромъ милосердьи *).
На этотъ разъ прощенье—нашъ пароль!
Арвирагъ.—Вы помогали намъ, какъ будто знали,
Что мы на самомъ дѣлѣ съ вами братья;
Какъ рады мы, что вы намъ не чужой!
Постумъ.—Я вашъ слуга, сіятельные принцы!
Вы, благородный вождь отрядовъ римскихъ,
Не можете ль гадателей своихъ
Сюда созвать: я видѣлъ чудный сонъ!
Ко мнѣ сходилъ властительный Юпитеръ,
На царственномъ орлѣ своемъ покоясь,
И, окруженный лицами моихъ
Покойниковъ родныхъ, меня тревожилъ...
Когда же я проснулся, на груди
Моей покоилась вотъ эта книжка;
Ея слова такъ странны и темны,

*) Слово: son-in-law, зять, заключаетъ здѣсь непереводимый намекъ на милосердіе законовъ; собственно son-in-law значитъ *сынъ по закону*.

Что я не въ силахъ смысла ихъ понять!..
Пускай же вашъ гадатель намъ покажетъ
Свое искусство въ чтеньи этихъ словъ!

Люцій.—Гдѣ Филармонъ?

Гадатель.— Я здѣсь, мой добрый лордъ.

Люцій (*даетъ ему книжку*). Читай и объясни намъ эти рѣчи.

Гадатель (*читаетъ*).—«Когда львенокъ, самъ того не зная, и безъ всякихъ поисковъ, найдетъ струю нѣжнаго воздуха и будетъ объятъ ею, и когда обломленныя у величаваго кедра вѣтви, послѣ многолѣтняго смертнаго сна, оживутъ, приростутъ къ старому пню и снова покроются свѣжими ростками, тогда настанетъ конецъ бѣдствіямъ Постума; Британія будетъ счастлива и процвѣтетъ въ мирѣ и довольствѣ».

Ты, Леонатъ, какъ сказано здѣсь,—львенокъ;
Значеніе прозванья твоего
Намъ подтверждаетъ это: Leo-natus—
Одно и то же, что рожденный львомъ! (*Цимбелину*)
А нѣжный воздухъ—дочь твоя, властитель;
По-римски, нѣжный воздухъ—mollis aer;
Изъ слова mollis-aer выйдетъ слово
«Супруга»—mulier; а это прямо
Ужъ означаетъ вашу Имоджену,
Которую, безъ поисковъ, теперь,
И самъ того не зная, какъ оракулъ
Сказалъ, нашелъ восторженный супругъ
И ею былъ, какъ пеленой воздушной,
Какъ нѣжнымъ благовоніемъ объятъ!

Цимбелинъ.—Да, въ этомъ есть, повидимому, смыслъ!

Гадатель.—Могучій кедръ—великій Цимбелинъ!
А отъ него отломленныя вѣтви—
Два сына Цимбелина; ихъ унесъ
Белларій. Много лѣтъ ихъ всѣ считали
Погибшими; они теперь воскресли
И приросли къ властительному корню;
И мощный кедръ отчизнѣ обѣщаетъ
Въ своихъ потомкахъ славу и покой!..

Цимбелинъ.—Прекрасно! мы теперь начнемъ съ покоя:
Кай-Люцій, я побѣду одержалъ,
Но покоряюсь Цезарю и Риму!
Согласенъ я условленную дань
Ему платить; вражда супруги нашей

Меня отъ этой дани отклонила:
За это судъ небесъ рукой тяжелой
Ее съ несчастнымъ сыномъ поразилъ:

Гадатель.—Персты боговъ настраиваютъ струны
Гармоніи торжественной и мира!
Видѣніе, которымъ занялъ я,
Передъ сраженьемъ, Люція, вполнѣ
Свершается теперь: мнѣ снилось, будто
Могучій нашъ орелъ покинулъ Югъ
И залетѣлъ на отдаленный Западъ;
Тамъ, уменьшаясь болѣе и болѣ,
Онъ наконецъ исчезъ во блескѣ солнца!..
Видѣнье предвѣщало, что орелъ—
Властительный, великій императоръ,
Сольется вновь съ пресвѣтлымъ Цимбелиномъ,
Блестящею звѣздой полночныхъ странъ!..

Цимбелинъ.—Благословимъ теперь святыхъ боговъ:
Пусть къ алтарямъ таинственнымъ восходитъ
Волнистый дымъ благоуханныхъ жертвъ!
Всѣмъ подданнымъ о мирѣ объявить!
Пойдемъ! И пусть британскія знамена
Завѣютъ рядомъ съ цезарскимъ орломъ!
Мы такъ пойдемъ съ тріумфомъ въ нашу Люду.
И въ храмѣ Зевса миръ нашъ заключимъ;
Потомъ его скрѣпимъ роскошнымъ пиромъ...
Итакъ, впередъ!.. Еще не конченъ бой—
А ужъ кругомъ и счастье, и покой!—

(Занавѣсъ опускается.)

Оглавленіе.

XIX ТОМА.

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,
ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

II.

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ
КОРОЛЯ РИЧАРДА ТРЕТЬЯГО.

Вильяма Шекспира.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

(В. А. Каратыгину.)

Отъ переводчика.

«Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея?.. Человѣкъ и народъ, — судьба человѣческая и народная. Вотъ почему Шекспиръ—великъ!»

Записки Пушкина

Историческая драма «Ричардъ III» — считается нѣкоторыми первою, по времени, историческою драмою Шекспира. Коллье и Дэйсъ относятъ ее къ 1593 году.

Рядъ произведеній, въ средѣ которыхъ эта драма занимаетъ такое видное мѣсто, составляетъ, по мнѣнію Шлегеля, колоссальную драматическую эпопею, подобной которой нѣтъ ни у одного литературнаго народа. Эти историческія драмы обязаны своимъ происхожденіемъ лучшей эпохѣ царствованія Елисаветы,—когда, по сокрушеніи испанской Армады (1588 г.), впервые въ сердцахъ англичанъ заговорило чувство народнаго самосознанія и гордой независимости, въ кругу державъ Европы. Удивляясь общему, политико-патріотическому значенію историческихъ драмъ Шекспира, Шлегель сказалъ, что «главныя черты происшествій въ нихъ до того вѣрно схвачены, ихъ причины и тайныя начала такъ ясно

изображены, что всюду исторія въ нихъ изучается изъ источника истины, какъ бы у корня самой дѣйствительности». Единственнымъ пособіемъ Шекспиру въ ихъ созданіи служила хроника Голиншеда, которая явилась въ свѣтъ между 1577 и 1587 годами, въ двухъ фоліантахъ. Какъ онъ пользовался ею, насколько отступалъ отъ нея и слѣдовалъ ей—превосходно объяснилъ Куртнэй въ своемъ отдѣльномъ сочиненіи—«Commentaries on the historical plays of William Shakespeare, 1840». Вотъ главный законъ, которому, по мнѣнію Куртнэя, подчинялся Шекспиръ при пользованіи источниками хроники Голиншеда: «онъ искалъ природы и внутренней истины». Мотивы историческихъ дѣйствій онъ бралъ изъ простодушныхъ повѣствованій Плутарха; на ихъ основаніи онъ смѣло входилъ въ міръ сагъ и миѳовъ Голиншеда, и самая хроника представлялась ему сквозь свѣтлую призму естественности и природы, такъ что — чѣмъ свободнѣе и энергичнѣе творилъ Шекспиръ, тѣмъ, — какъ, напримѣръ, въ «Ричардѣ III», — поэтичнѣе являлись его образы, хотя при этомъ болѣе теряли въ историческомъ достоинствѣ,—чѣмъ, напротивъ, вѣрнѣе и ближе къ дѣйствительности творилъ онъ, тѣмъ болѣе его характеры, — какъ, напримѣръ, характеры въ «Ричардѣ III»,— выигрывали въ историческомъ смыслѣ, но тѣмъ болѣе теряли въ поэтическихъ достоинствахъ.—Рядъ этихъ историческихъ драмъ, именно: «Ричардъ III» (1593 г.), «Ричардъ II» (1597 г.), «Генрихъ IV», первая и вторая части (1596—1598 гг.), «Генрихъ V» (1599 г.), «Виндзорскія Кумушки», «Король Іоаннъ» и «Генрихъ VIII» (1604 г.),— интересенъ не менѣе фантастическихъ трагедій Шекспира, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, въ «Ричардѣ III», встрѣчается еще интересъ чисто *психологическій*. Эту истину доказалъ просвѣщенному міру германскій ученый Гервинусъ, въ капитальномъ сочиненіи «Shakespeare». «Историческія драмы» Шекспира составляютъ второй томъ этого сочиненія. Чтобы показать высокій интересъ и оригинальность взглядовъ ученаго, которому Я. Гриммъ, авторъ «Исторіи германскаго языка», посвятилъ свой великій трудъ, здѣсь излагаются главныя мысли Гервинуса объ исторической драмѣ Шекспира «Ричардъ III».

Теперь доказано, что еще въ 1583 г., въ Кэмбриджѣ, была написана докторомъ Легге латинская драма, подъ именемъ «Ричардъ III», а въ 1588 г. англійская трагедія «The true tragedy of Richard III», которая, впрочемъ, появилась въ печати годомъ позже Шекспировой. Обѣ помѣщены въ запискахъ Шекспировскаго общества, но изъ нихъ видно, что творецъ «Отелло» и «Макбета» ими почти не пользовался. «Ричардъ III» Шекспира — самобытное твореніе великаго драматурга и служитъ продолженіемъ его драмы «Генрихъ VI». Здѣсь, какъ и въ «Генрихѣ VI», еще не вполнѣ выдержана строго-драматическая форма. Но эта пьеса полна трагическихъ мотивовъ и сценъ, и въ ней поразительно выступаетъ міръ черныхъ злодѣяній, которыя Шекспиръ, безъ доказательствъ исторіи, сваливаетъ на Ричарда III и тѣмъ, съ такимъ горькимъ сарказмомъ, развертываетъ внутреннія отношенія своихъ героевъ, гдѣ мы постепенно видимъ, какъ коварный Ричардъ показываетъ падшему поколѣнію послѣдствія гражданскихъ смутъ, какъ онъ, низвергнутый, возвышается, побѣждаетъ своихъ враговъ, и, почти въ мигъ торжества, самъ падаетъ и погребается подъ обломками всеобщаго разрушенія. Трагедія Шекспира основана на борьбѣ *бѣлой* и *алой розъ*, на соперничествѣ домовъ Іорка и Ланкастера.

Среди гражданскихъ смутъ и потрясеній всего общества— выступаетъ страшный Глостеръ, съ опаснымъ сознаніемъ превосходства своихъ дарованій и съ проницательною зоркостью взгляда на испорченность и неспособность человѣчества его эпохи. Въ мірѣ, гдѣ всякій добро считаетъ добромъ, онъ ложно убѣждается, что одно зло должно управлять нашими дѣйствіями; слѣпой и неблагородный эгоизмъ возвышаетъ его надъ слабыми личностями; гордость мышленія заставляетъ его пренебрегать законами обычаевъ и нравовъ. Что свѣтъ покорястся уму и силѣ—было началомъ его макіавеллизма; онъ избралъ тронъ цѣлью своей сустности; окружающихъ его людей онъ обращаетъ въ ступени лѣстницы своего возвышенія. Англійская сцена, во всѣ времена, интересовалась этимъ созданіемъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи Коллей-Гибберъ вынесъ его изъ мрака забвенія. Величайшіе артисты Англіи, Борбэджъ, Гаррикъ и Кинъ, считали Ричарда въ числѣ своихъ любимѣйшихъ ролей, что особенно удавалось двумъ первымъ, по причинѣ

ихъ натуральной малорослости. Другіе артисты, какъ напримѣръ, Кембель, оставили цѣлые трактаты объ исполненіи этого характера. Уже во время Шекспира (1614 г.) одинъ писатель, вѣроятно, Христофоръ Брукъ, сочинилъ поэму въ стансахъ—«Духъ Ричарда III», которая помѣщена въ запискахъ Шекспировскаго Общества. Эта поэма тѣмъ интереснѣе, что показываетъ, какъ тогдашнее время понимало человѣчество и насколько оно старалось вникать въ духъ такихъ характеровъ, каковъ характеръ Ричарда III.

Біографія Ричарда переведена Томасомъ Муромъ съ латинской біографіи-хроники Голинщеда, который, вѣроятно, ее заимствовалъ, въ свой чередъ, у архіепископа Мортона. Въ этомъ источникѣ Шекспиръ нашелъ слѣдующія скудныя, но довольно мѣткія черты для характеристики своего героя. Ричардъ родился съ зубами, былъ безобразенъ и его лѣвое плечо было выше праваго. Злость, гнѣвъ и ненависть были его главными качествами. Онъ былъ хорошій воинъ; былъ щедръ, что доставляло ему самыхъ многочисленныхъ, но непостоянныхъ друзей; былъ таинственъ, глубокій лицемѣръ; снаружи онъ казался смиреннымъ, внутри его бушевали кичливость и гордость; онъ былъ другомъ и врагомъ въ одно время, цѣловалъ въ тотъ самый мигъ, когда готовилъ убійство, и если пускалъ въ дѣло свое вѣроломство и тщеславіе, то не щадилъ ни враговъ, ни друзей. Шекспиръ удержалъ всѣ эти черты, — удержалъ въ самой высокой, художественной естественности и гармоніи. Его Ричардъ всюду является отличнымъ, ловкимъ краснобаемъ, съ духомъ испорченнымъ и холодно-ядовитымъ, съ острою проницательностью взгляда, вполнѣ такимъ, какъ его изображаетъ хроника; въ его двуличномъ волокитствѣ и ухаживаніи за Анною, въ его лицемѣрныхъ фразахъ, въ его сарказмахъ и двусмысленныхъ рѣчахъ, — вездѣ проглядываетъ острый и ядовитый даръ его лукавой рѣчи. Съ наслажденіемъ смотритъ на него мстительно-жадная Маргарита. Суровый, дикій, выросшій на войнѣ и въ крови убійствъ, съ гордостью аристократа и съ пронырствомъ плута, Ричардъ является въ вѣчномъ противорѣчіи съ самимъ собою. Уже хроника выставила его съ качествами существа падшаго и дерзкаго въ своихъ злодѣяніяхъ; Шекспиръ его дорисовалъ: Ричардъ выходитъ на сцену съ духомъ перемѣнчивымъ и необузданнымъ, въ припадкахъ бѣшенства и упорства, и

тутъ же расточаетъ медовыя рѣчи; то кажется легко-откровеннымъ и поверхностно-безпечнымъ льстецомъ, то вдругъ—самымъ суровымъ и коварнымъ лицемѣромъ, злодѣемъ.

Сомнѣвались, возможны ли подобныя противорѣчія въ одномъ лицѣ. Могъ ли человѣкъ, которому въ высочайшей степени свойственна лесть, такъ далеко упасть въ суровости и свирѣпости нрава, сдѣлаться самымъ закоснѣлымъ злодѣемъ? Или, если эта свирѣпость была его природнымъ качествомъ, могъ ли подобный извергъ быть образцомъ такого ума? Наконецъ, возможно ли было человѣку, такъ сознававшему свои силы въ достиженіи предположенной цѣли, распространять страхъ и ужасъ, и, по сказанію хроники, исполнять всѣ свои гнусныя злодѣйства, безъ природной наклонности, изъ одной политики? Шекспиръ, какъ и его историческіе источники, главною пружиною дѣйствій Ричарда, основою всѣхъ его плановъ выставляютъ его заносчивое честолюбіе. Онъ поставилъ это качество въ центръ всего характера Глостера. Въ его грубой природѣ столько гордости и самолюбія, столько аристократической щепетильности, столько, наконецъ, отвращенія къ кривой лести, что онъ ползаетъ и сгибается, какъ мы видимъ, изъ одного непреклоннаго стремленія къ достиженію того мѣста, на которомъ каждый передъ нимъ долженъ склоняться. Вслѣдствіе своихъ намѣреній и плановъ, онъ дошелъ до того, что не только могъ сдѣлаться неподражаемымъ плутомъ, но еще могъ скрывать свое плутовство и свои цѣли. Лицемѣрство онъ довелъ до высшей степени, такъ что онъ является иногда преслѣдуемымъ и угнетеннымъ тамъ, гдѣ онъ самъ всѣхъ угнетаетъ и уничтожаетъ, — и разыгрываетъ роль труса въ то время, когда его ненависть разитъ самымъ отчаяннымъ и коварнымъ ударомъ; — такъ что артистъ-актеръ долженъ непремѣнно различать, гдѣ его сила природна и гдѣ она въ своемъ дѣйствіи только принятая роль. Наконецъ, онъ доводитъ свое лукавство до non plus ultra, до того, что онъ, ужасъ людей, принимается въ свѣтѣ за кроткаго и милосерднаго, за добродѣтельнаго, что онъ, тѣломъ и душою демонъ-предатель, является въ образѣ праведника, и что его врагъ, какъ, напримѣръ, Риверсъ, вѣритъ въ его честность; прямой человѣкъ, какъ Гэстингсъ, вѣритъ въ неспособность его скрытности; Анна замѣчаетъ въ немъ возвратъ къ раскаянію, а падающій Кларнесъ

вѣритъ въ его братскую любовь... На послѣднихъ ступеняхъ къ достигаемой цѣли состязается съ Бокингэмомъ въ лицемѣрствѣ и побѣждаетъ его...

Слабы нити, посредствомъ которыхъ характеръ Ричарда связывается съ добрыми сторонами человѣческой природы; не найди Шекспиръ этого характера въ достовѣрныхъ скрижаляхъ исторіи, онъ, можетъ-быть, не рѣшился бы, позднѣе, воспроизвести его въ типахъ Эдмунда и Яго. Шекспиръ старался сдѣлать какъ можно болѣе интереснымъ этотъ характеръ, и потому такъ развилъ въ немъ его злую сторону... Невѣроятно при этомъ встрѣтить въ демонѣ пороковъ, въ дерзкомъ Ричардѣ, — черту совершенно неожиданную: герой зла подверженъ припадкамъ *суевѣрія!* Когда Маргарита (I актъ, 3 сцена) осыпаетъ его проклятіями, Глостеръ старается ее прервать различными словами и обратить ея проклятія на нее же. Одинъ предсказатель объявилъ ему смерть послѣ его свиданія съ Ричмондомъ, и это уже тяготитъ его. Хроника говоритъ, что онъ выходилъ изъ себя, когда слышалъ имя Ричмонда. Шекспиръ удержалъ эту черту. Внутренніе голоса, днемъ связывающіе его совѣсть и волю, вырываются наружу въ полночь, когда спятъ его нравственныя силы; злодѣя томятъ ужасные сны... Наканунѣ его битвы съ Ричмондомъ (также по сказанію хроники), передъ нимъ являются духи убитыхъ имъ жертвъ и терзаютъ его угрозами и упреками... Ричардъ просыпается въ испугѣ, и, обливаясь холоднымъ потомъ, кричитъ отрывистыя слова и въ бреду чуть не выдаетъ самого себя...

Въ роли Ричарда — актеру предстоитъ тьма самыхъ непреодолимыхъ трудностей. По словамъ Стивенса, не то здѣсь затруднительно, что артистъ долженъ безпрестанно мѣнять въ себѣ образы героя и шарлатана, государственнаго человѣка и буффо, лицемѣра и разбойника, не то здѣсь трудно, что онъ долженъ ежеминутно извертываться между высочайшими страстями и самымъ фамильярнымъ тономъ рѣчи, между красными словами—то грубаго солдата, то лукаваго политика и льстиваго придворнаго и между угрозами взбѣшеннаго пирата; наконецъ, не въ тонкой обрисовкѣ движеній или мимической и риторической художественной діалекціи состоятъ трудности выполненія характера Ричарда, но въ томъ, что артисту должно найти основныя начала всѣхъ этихъ разнообразностей и соединить ихъ плотью гар-

моніи. Ричардъ — это Протей превращеній. Самый лучшій выразитель его роли до сихъ поръ былъ и есть — самъ Шекспиръ... Для величайшихъ актеровъ онъ всегда былъ Гордіевымъ узломъ.

Въ трагедіи — остальныя лица, какъ и въ раннихъ произведеніяхъ Шекспира, группируются вокругъ главнаго дѣйствующаго характера; одна и та же идея связываетъ ихъ съ страшнымъ героемъ. Сверхчеловѣческимъ силамъ Ричарда прежде всего противупоставляются женщины — во всей ихъ женственной слабости и безсиліи. *Анна*, которую онъ въ началѣ покоряетъ оружіемъ своего лицемѣрія, возбуждаетъ скорѣе участіе, нежели презрѣніе; она ненавидитъ и выходитъ замужъ; она проклинаетъ ту, которая станетъ женою убійцы ея мужа, и сама подпадаетъ этому проклятью и, ставши его супругою, входитъ снова, невольно, въ ряды враговъ своего новаго мужа... Рѣдко выводили сцену, полную такихъ невѣроятностей, какова сцена, гдѣ Анна играетъ главную роль, и ея характеръ выходитъ неожиданно и какъ бы мимоходомъ, снова исчезнувъ въ своемъ проявленіи до конца пьесы, но блеснувъ всею роскошью красокъ, женскою кичливостью, самолюбіемъ, слабостью и кокетливостью рѣчи; подобное явленіе мы видимъ еще въ трагедіи «Эфесская Матрона»... Не надобно забывать, впрочемъ, что убійство ея мужа частью оправдывается неизбѣжнымъ зломъ всякой гражданской войны и долгомъ воинской чести...

Не менѣе остроумно выступаетъ, въ противоположность характеру Глостера, простодушіе Гэстингса. Онъ добросердеченъ, вѣренъ чувству добра, болтливъ, честенъ, чуждъ всякаго лукавства; онъ вѣритъ Кэтзби столько же, сколько и Ричарду; онъ торжествуетъ съ неосмотрительною радостью при паденіи своихъ враговъ, тогда какъ ему грозитъ подобная же участь; онъ подаетъ въ совѣтѣ свой голосъ за Глостера, за своего чуднаго и вѣрнаго друга, и не видитъ, что тотъ уже подписалъ его смертный приговоръ. Вся сцена (III актъ, 4 сцена), въ которой это происходитъ, даже въ подробностяхъ характеристической рѣчи, заимствована изъ хроники. Иначе Шекспиръ выставилъ Бракенбери; — здѣсь онъ основывался единственно на силѣ своего воображенія, и потому этотъ послѣдній исторически играетъ совершенно другую роль, нежели въ трагедіи. Являясь лицомъ вполнѣ страдательнымъ, какъ Кэтзби и Тиррель характерами дѣй-

ствующими, онъ вѣчно вызываетъ Ричарда къ дѣйствіямъ, вызываетъ его планы и намѣренія, — безъ чего послѣдніе, повидимому, не получили бы такого энергическаго полета. Самымъ главнымъ орудіемъ Глостеру служитъ его креатура — Бокингэмъ... Онъ выставленъ съ нимъ рука объ руку, какъ его близкое и дивно-схожее отраженіе, какъ копія его честолюбія и лицемѣрія. Другъ у друга они заимствуютъ и оба вмѣстѣ стремятся къ одной цѣли— къ возвышенію. Здѣсь—ихъ природная, нравственная связь. Въ Бокингэмѣ, въ его сходствѣ съ Ричардомъ, Шекспиръ примиряетъ противуположности въ характерѣ своего героя и рѣзкое различіе въ типахъ второстепенныхъ лицъ, сгруппированныхъ около Глостера. Онъ помогаетъ своему патрону возвыситься—и, подобно ему и его продѣлкамъ, дивно скрываетъ свою атаку... Сама Маргарита въ началѣ считаетъ его невиннымъ; ея проклятія не касаются его; онъ не вѣритъ имъ, но, подобно Глостеру, сомнѣвается въ своихъ убѣжденіяхъ и радуется, что страшная женщина извлекаетъ его изъ круга тѣхъ, на которыхъ обрушаетъ свои заклинанія, и что она протягиваетъ ему руку помощи. Вездѣ, въ добрѣ и злѣ, онъ рисуется за Ричардомъ — на второмъ планѣ.—Совершенная противуположность Бокингэму—Стэнли. Это настоящій льстецъ и лицемѣръ; внѣ своей главной сферы онъ не признаетъ ничего, и, подобно Елисаветѣ, поражаетъ Ричарда его же оружіемъ. Будучи въ родствѣ съ Ричмондомъ, онъ уже съ самаго начала принялъ мѣры предосторожности, и изъ врага дѣлается другомъ королевы Елисаветы; его глазъ видитъ всюду; сама исторія изумляется, какъ Ричардъ, будто ослѣпленный самимъ небомъ, могъ обмануться въ этомъ человѣкѣ?.. Шекспиръ оправдываетъ истину тѣмъ, что даетъ Стэнли одно оружіе съ Ричардомъ; равенствомъ природной ловкости—онъ надолго оспариваетъ побѣду у Глостера...

Разсмотрѣвъ эти стороны, объяснивъ положенія лицъ, сгруппированныхъ около сверхъестественнаго характера героя трагедіи, мы должны замѣтить, что поэтъ искалъ еще бóльшихъ крайностей, чтобы со всѣхъ сторонъ вполнѣ освѣтить и уяснить этотъ характеръ. Онъ противупоставляетъ его счастью, его возвышенію—горести и паденія; его глубокому лицемѣрію—безпечность и добродушіе; его кровожадности—беззаботное самодовольство, которое издѣвается надъ

самою смертью. — Все это объясняется появленіемъ *Маргариты.*

Маргарита была вдовою короля Генриха Шестого; она однажды вернулась изъ Франціи, куда была сослана, на материкъ Англіи—въ одеждѣ нищей... Обезоруженная, съ убитымъ самолюбіемъ, она издѣвается надъ опасностями, надъ самою смертью, которая ей грозитъ за нарушеніе закона; она врывается въ кругъ своихъ враговъ и, будучи не въ силахъ повелѣвать и управлять ими, не имѣя возможности скрыть своей внутренней бури, она въ безуміи и бѣшенствѣ расточаетъ безпощадныя, предсказательныя проклятія, развертываетъ во всей наготѣ страшную истину и, какъ труба суда Божія, — гремитъ и поражаетъ отступниковъ правды, своихъ бездушныхъ гонителей. Эти слова имѣютъ болѣе силы и огня, чѣмъ всѣ злодѣянія Ричарда, и жажда ея мщенія неукротима: она неукротимѣе и ненасытнѣе, чѣмъ вся страшная жажда честолюбія, грызущаго гнусную душу Глостера. Сочинитель хроники замѣчаетъ, при описаніи смерти сына Маргариты, что всѣ, бывшіе при этой кончинѣ, позднѣе испили одинаковую чашу, «вслѣдствіе заслуженной справедливости и карающаго наказанія Божія...» Шекспиръ этотъ судъ олицетворилъ въ суровой Маргаритѣ и ея проклятіяхъ. Она прокляла Эдуарда, и Эдуардъ скоропостижно умираетъ; ея проклятія сбываются и на несчастномъ Кларенсѣ, который сражался за домъ Ланкастеровъ; они сбываются и на Гэстингсѣ, и на Елисаветѣ, которая подъ конецъ, въ самомъ дѣлѣ, остается безъ брата, безъ мужа и безъ дѣтей, и на лукавомъ Бокингэмѣ... Ричардъ также, наконецъ, дѣлается жертвою ея проклятій... Бокингэмъ измѣняетъ ему,—это ему предсказала Маргарита. Самъ Ричардъ (IV актъ, 4 сцена), въ дерзкомъ безвѣріи, накликаетъ на свою голову судъ Божій... Наконецъ, его родная мать, герцогиня Іоркская, которую поэтъ выставилъ въ срединѣ — между Елисаветою и Маргаритою — и надѣлилъ ее качествами этихъ обѣихъ, говоритъ ему (IV актъ, 4 сцена), что ея молитвы будутъ на сторонѣ его враговъ; она восклицаетъ: «Да будутъ мои проклятія, въ день роковой, послѣдней битвы, на головѣ твоей тяжелѣе твоего желѣзнаго шлема!» И картины движутся, какъ живыя, и все идетъ, какъ на яву, и страшный конецъ неотразимъ. Кара небесная, какъ ужасный ураганъ, охватываетъ всѣхъ и несетъ къ гибель-

ной цѣли... «Lascinate ogni speranza voi che intrate!..» Послѣдняя туча разсѣянной бури, лицемѣрный и ехидный Бокингэмъ восходитъ на эшафотъ.— «Всевышній, надъ Промысломъ котораго я издѣвался,—восклицаетъ онъ,—обрушилъ мою лицемѣрную молитву на мою голову; онъ далъ мнѣ по святой правдѣ то, о чемъ я просилъ въ шутку!». Послѣднія слова трагедіи, которыя Шекспиръ влагаетъ въ уста Ричмонда, человѣка, осчастливленнаго волею небеснаго Промысла — «God say amen!»—примиряютъ наше чувство съ идеею всей драмы, богатой такими многообразными подробностями.

«Ричардъ III» въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ переведенъ на русскій языкъ стихами, съ французскаго перевода Шекспира *). Въ 1842 году эта драма явилась у насъ въ третьей части переводовъ Шекспира - Кетчера. Послѣдній перевелъ ее слово-въ-слово и со многими примѣчаніями, съ англійскаго,—въ прозѣ.

Предлагаемый здѣсь переводъ сдѣланъ также съ англійскаго языка стихами, какъ и позднѣйшій А. В. Дружинина.

Слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ объ *извѣстнѣйшихъ актерахъ, выполнявшихъ*, въ разныя времена, *роли въ этой драмѣ.*

Драма, особенно драма Шекспира, теряетъ половину своихъ достоинствъ, если она не представляется на сценѣ театра; актеръ-художникъ дополняетъ, животворитъ идеи поэта, выясняетъ ихъ, даетъ имъ гармоническую плоть и дѣлаетъ ихъ доступными органамъ зрителей. — Такъ иногда, при жизни своей, поэтъ бываетъ гораздо менѣе славенъ, чѣмъ актеръ, выполняющій его созданія; послѣднему зритель приписываетъ свои сердечныя движенія, свое наслажденіе; послѣдній, подобно гальскому Геркулесу, приковываетъ къ своимъ устамъ цѣлый народъ своихъ поклонниковъ. Но, увы! приходитъ роковая, безвозвратная пора, и этотъ голосъ, этотъ могучій голосъ — смолкаетъ навсегда: завѣса другого міра падаетъ между нами и актеромъ.—Отъ него, какъ отъ исполнителя-музыканта, какъ отъ пѣвца, какъ отъ прелестной танцовщицы, остается одно: звукъ его имени и нѣсколько лучей славы! Произведенія его исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ его жизнью, которая

---

*) Переводъ покойнаго актера *Брянскаго*, шедшій долго на сценахъ нашихъ театровъ.

иногда десятки лѣтъ увлекаетъ цѣлыя поколѣнія и цѣлыя современности наполняетъ новыми эстетическими началами. И едва-едва остаются отъ всей его личности немногіе слабые отголоски, немногія преданія, выраженныя слабымъ, безплоднымъ словомъ.

Ни одинъ поэтъ столько не сдѣлалъ для актеровъ, сколько сдѣлалъ Шекспиръ; ни одинъ изъ писателей-драматурговъ не создалъ такого множества характеровъ, типовъ, которые живутъ самостоятельною жизнью и совершенно овладѣваютъ нашимъ воображеніемъ. Большая часть актеровъ пріобрѣтала свою славу исполненіемъ ролей Шекспира.—Скажемъ о нѣкоторыхъ изъ болѣе прославленныхъ, въ отношеніи къ «Ричарду-Третьему». — *Беттертонъ*, по словамъ записокъ Коллея-Гиббера, «былъ единственнымъ человѣкомъ, который еще могъ играть роли созданій Шекспира, такъ точно, какъ Шекспиръ одинъ только и могъ писать для сцены...» Главное достоинство Беттертона было: разнообразіе игры и примѣненіе своей артистической личности къ личности каждой изъ играемыхъ имъ ролей... Въ «Ричардѣ-Третьемъ» съ нимъ могъ соперничать одинъ Кинъ. Коллей о немъ выражается такъ: «въ роляхъ, созданныхъ не Шекспиромъ, онъ превосходилъ всѣхъ другихъ актеровъ; въ Шекспировскихъ же твореніяхъ онъ превосходилъ самого себя».—Онъ родился въ 1685 году, умеръ въ 1710.—*Гаррикъ*—былъ знаменитъ въ роли «Ричарда-Третьяго», въ «Лирѣ» и «Макбетѣ».—Онъ родился въ 1716 году, умеръ въ 1779 году, и происходилъ отъ французской фамиліи. Англичане его ставятъ выше всѣхъ своихъ актеровъ; природа, естественность и разнообразіе были его главными качествами. Будучи самъ сочинителемъ, Гаррикъ всю свою жизнь разрабатывалъ творенія Шекспира. Онъ иногда передѣлывалъ роли Шекспира, оправдываясь желаніемъ приблизить ихъ къ духу своей эпохи. Упрекъ этотъ, впрочемъ, исчезаетъ при мысли о достоинствахъ Гаррика: онъ возвратилъ своею игрою всю популярность Шекспиру, которую этотъ послѣдній потерялъ съ той поры, какъ англійская сцена лишилась Беттертона. Онъ поочередно былъ то страшенъ, то благороденъ, то патетиченъ, то страстенъ; и никогда актеру столько не изумлялись и не аплодировали, сколько изумлялись и аплодировали Гаррику. По его смерти, Англія воздала ему почести великихъ людей, и онъ былъ похороненъ въ пышномъ

склепѣ Вестминстерскаго аббатства. — Роли *Маргариты* и *Елисаветы* въ «Ричардѣ Третьемъ» со славою исполняла мистриссъ *Притчардъ*. Она первая замѣнила собою молодыхъ актеровъ, которые до нея обыкновенно выполняли всѣ женскія роли Шекспира. Она также неподражаемо играла роли милэди Макбетъ, королеву въ «Гамлетѣ» и «Екатерину» въ «Генрихѣ Восьмомъ». Мистриссъ Притчардъ родилась въ 1711 году, умерла въ 1768 году.—Послѣ этихъ именъ мы можемъ назвать *Кука*, которому было уже сорокъ-пять лѣтъ отъ роду, когда онъ, въ 1801 году, на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ, дебютировалъ въ роли короля «Ричарда-Третьяго»... Ему аплодировалъ самъ Кембль. Будучи красивъ собой, Кукъ отличался, главнымъ образомъ, неподражаемымъ выраженіемъ ненависти, зависти, хитрости и ѣдкой ироніи... Онъ ѣздилъ играть въ Соединенные Штаты, гдѣ въ Нью-Іоркѣ, въ 1812 году, и скончался, на пятьдесятъ-восьмомъ году отъ рожденія.—Но славнѣйшимъ изъ исполнителей роли «Ричарда Третьяго» былъ *Кинъ*. *Эдмондъ Кинъ* владѣлъ удивительными качествами.—Иногда онъ впадалъ въ тривіальность и уже въ слишкомъ изступленную энергію гнѣва и горячности... Но безъ этого онъ былъ благороденъ, высокъ и изященъ. «Ричардъ Третій» и «Шейлокъ» были главными его ролями. Ричардъ Третій, изъ котораго онъ дѣлалъ безобразнаго Донъ-Жуана, росъ мгновенно и становился почти гигантомъ, едва надъ нимъ распадалась туча опасности. Вся зала потрясалась электрическимъ ударомъ, когда онъ кричалъ: «Коня! коня! все царство за коня!»—Кинъ, подобно всѣмъ англійскимъ актерамъ, въ совершенствѣ владѣлъ шпагою и рапирою... Поэтому въ роли Ричарда онъ растягивалъ съ умысломъ послѣднюю сцену своей борьбы съ Ричмондомъ и умиралъ, показавъ вполнѣ свое искусство владѣть оружіемъ. Кинъ оставилъ сына, но его сынъ вовсе не имѣетъ таланта своего отца. Въ новѣйшее время исполненіемъ роли Ричарда III прославились итальянскіе трагики Сальвини и Росси.

Изъ нашихъ актеровъ *Мочаловъ* исполнялъ въ Москвѣ роль «Ричарда Третьяго» и былъ неподражаемъ въ пятомъ актѣ; этотъ пятый актъ, подъ именемъ «Сна короля Ричарда Третьяго»—въ послѣдніе годы жизни Мочалова давали обыкновенно отдѣльно.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Король Эдуардъ четвертый.
Эдуардъ, принцъ Валлійскій, } сыновья его.
Ричардъ, герцогъ Іоркскій, }
Ричардъ, герцогъ Глостеръ, } братья его.
Георгъ, герцогъ Кларенсъ, }
Малолѣтній сынъ Кларенса.
Генрихъ, графъ Ричмондъ.
Кардиналъ Борчеръ, архіепископъ кэнтерберійскій.
Томасъ Росерамъ, архіепископъ іоркскій.
Джонъ Мортонъ, епископъ элійскій.
Герцогъ Бокингэмъ.
Герцогъ Норфолькъ.
Графъ Серри, сынъ его.
Графъ Риверсъ, братъ жены короля Эдуарда.
Маркизъ Дорзетъ и Лордъ Грей, сыновья его.
Графъ Оксфордъ.
Лордъ Гэстингсъ.
Лордъ Стенли.
Лордъ Ловель.
Сэръ Томасъ Вогенъ.
Сэръ Ричардъ Раддклифъ.
Сэръ Вилльямъ Кэтзби.
Сэръ Джемсъ Тиррель.
Сэръ Джемсъ Блентъ.
Сэръ Вальтеръ Гербертъ.
Сэръ Робертъ Бракенбери, комендантъ Тоуэра.
Христофоръ Орзвикъ, священникъ.
Лордъ-Меръ Лондона.
Шерифъ Вильширскій.
Елисавета, жена Эдуарда Четвертаго.
Маргарита, вдова умершаго короля Генриха Шестого.
Герцогиня Іоркская, мать короля Эдуарда Четвертаго, Глостера и Кларенса.
Лэди Анна, вдова Эдуарда, принца Валлійскаго.
Маленькая дочь Кларенса.

Лорды. Свита. Джентльмены. Священникъ. Писецъ. Граждане. Убійцы. Гонцы. Духи. Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ.—Улица. (Входитъ **Глостеръ**).

Глостеръ.—Зима усобицъ нашихъ обратилась
Въ блистательное лѣто солнцемъ Іорка:
Потоплены въ пучины океана
Нависшія надъ нами тучи.
Побѣда увѣнчала чела наши.
Трофеями виситъ побѣдное оружье.
Веселый пиръ смѣнилъ свирѣпость битвы,
И плясокъ звукъ—звукъ маршей заглушилъ!
Суровый бой чело свое разгладилъ,
И на коняхъ, закованныхъ въ желѣзо,
Не носится, пугая души робкихъ;
Онъ весело въ покояхъ лэди пляшетъ,
Подъ звуки льстиво-сладострастной лютни..
И только я, къ игрушкамъ неспособный,
Несозданный для зеркала уродъ,
Я, такъ топорно срубленный, лишенный
Любовныхъ чаръ, таинственныхъ и сильныхъ,
Передъ вертлявостью кокетокъ-нимфъ;
Я, въ красотѣ мужчины обдѣленный,
Физіономіи лишенный отъ природы,
Уродъ я недодѣланный, до срока
Я выброшенъ на свѣтъ, какъ недоносокъ,
Едва покончённый, и то такой красивый,
Что на меня собаки лаютъ, чуть
Предъ ними гдѣ заковыляю; только я,—
Въ изнѣженно-пустое время это,
Отрады жить совсѣмъ не нахожу,—
За исключеніемъ, конечно, созерцаній
На солнцѣ тѣни собственной своей,
Да разсужденій о своемъ уродствѣ.
И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ я не въ силахъ быть
Любовникомъ,—любимцемъ пошлой моды,

Я быть хочу злодѣемъ, я рѣшился
Преслѣдовать отраду жизни смертныхъ!..
Разставилъ я губительныя сѣти,
Пророчества безумцевъ, письма, сны, —
Въ смертельный бой поставятъ короля
И Кларенса; и если Эдуардъ
Король — правдивъ и такъ же вѣренъ долгу,
Какъ я хитеръ, лукавъ и вѣроломенъ, —
Сегодня-жъ Кларенсъ будетъ въ заключеньи,
Изъ-за пророчества, что буква — Г
Обезнаслѣдитъ племя Эдуарда!..
Но вотъ и онъ: сокройтесь всѣ разсчеты!..
(Входитъ Кларенсъ со стражей и Бракенбери).
А! здравствуй, братъ! Что̀ значитъ эта стража
Вокругъ тебя, съ оружіемъ въ рукахъ?

Кларенсъ. — Его величество, заботясь сердцемъ
О сохраненіи моемъ, велѣлъ
Ей проводить меня конвоемъ въ Тоуэръ.

Глостеръ. — За что̀?

Кларенсъ. — За то, что я зовусь — Георгомъ.

Глостеръ. — Ай-ай, милордъ! Но, ваша-ль въ томъ вина?
Отцовъ сажать въ тюрьмы за имя надо.
Ужъ не задумалъ ли король для васъ
Устроить въ Тоуэрѣ опять крестины?..
Безъ шутокъ, Кларенсъ, можно-ль знать, въ чемъ дѣло?

Кларенсъ. — Да, Ричардъ, если-бъ зналъ я; но клянусь
Тебѣ, не знаю: говорятъ, онъ снамъ
И предсказаньямъ вѣритъ, говорятъ,
Вездѣ изъ алфавитовъ букву Г
Вычеркиваетъ, ибо это Г,
По предсказаніямъ, лишитъ потомства
Его фамилію должно; мое —
Георга имя — букву Г въ началѣ
Имѣетъ; и за то меня врагомъ
Король возмнилъ... и вотъ какіе вздоры
Составили приказъ — идти мнѣ въ Тоуэръ.

Глостеръ. — И такъ всегда бываетъ, только баба
Осилитъ человѣка! Не король,
А лэди Грей, жена его, васъ, Кларенсъ,
Несправедливо въ Тоуэръ посылаетъ.
И не она-ль, иль не ханжа-ль смиренный,

Антоній Вудвиль, братъ ея, рѣшили
И лорда Гэстингса забросить въ Тоуэръ,
Откуда тотъ сегодня только выйдетъ?
Не безопасны мы; да, Кларенсъ, мы —
Не безопасны!..

Кларенсъ.— Небомъ я клянусь,
Здѣсь никого на полѣ нѣтъ; свободны —
Родня лишь королевы, да гонцы
Отъ короля къ красоткѣ Шоръ. Вы, вѣрно,
Слыхали, какъ ее постыдно-рабски
Просилъ лордъ Гастингсъ о своей свободѣ!

Глостеръ.—Покорныя воззванья къ божеству
Вернули волю лорду-камергеру.
Сказать ли? намъ одно осталось средство
Пріобрѣсти любовь монарха, — это
Ужъ разомъ надѣвать ливрею Шоръ
И поступать на службу къ ней скорѣе;
Она, съ каргою старой, королевой —
Теперь въ странѣ сильнѣйшія особы.

Бракенбери.—Прошу обоихъ васъ мнѣ извинить:
Его величество строжайше всѣмъ
Имѣть бесѣды тайныя съ милордомъ,
Съ кѣмъ онъ ни говорилъ бы,—запретилъ.

Глостеръ.—Что-жъ, если вамъ угодно, Бракенбери,
Вы можете войти въ бесѣду нашу.
Не объ измѣнѣ рѣчь: мы говоримъ,
Что мудръ король, что королева наша
Немножко хоть стара, за то добра,
И хороша, и вовсе неревнива;
Мы говоримъ, что у супруги Шоръ —
Вишневый ротикъ, прелесть—ножка, бойкій
Языкъ, и глазъ презоркій; что въ дворянство
Возведены родные королевы...
Ну, что же, сэръ? Ужли все это ложь?..

Бракенбери.—До этого мнѣ, лордъ, нѣтъ дѣла.

Глостеръ.— Какъ?
Нѣтъ ничего, что можно-бъ съ мистриссъ Шоръ
Вамъ сдѣлать? Пусть такъ думаютъ другіе,
Одинъ же человѣкъ въ секретѣ держитъ
Безсилье это съ ней...

Бракенбери.— Кто-жъ онъ, одинъ?..

Глостеръ.—А мужъ ея, бездѣльникъ?! Донесли
Теперь на насъ...
Бракенбери.— Простите, ваша свѣтлость,
И кончите вашъ разговоръ съ милордомъ.
Кларенсъ.—Твой долгъ извѣстенъ намъ, и мы внимаемъ
Тебѣ.
Глостеръ.—Мы—королевины рабы!—
Прощайте, братъ, я къ королю спѣшу;
И что бы вы мнѣ къ нему ни поручили,—
Хотя-бъ назвать сестрою Эдуарда
Вдову,—на все готовъ я, только-бъ вамъ
Вернуть свободу. Болѣе, чѣмъ вы
Предполагаете,—измѣна брата
Убійственна мнѣ.
Кларенсъ.— Знаю!—намъ обоимъ
Она не по сердцу...
Глостеръ.— Но вамъ недолго
Сидѣть въ тюрьмѣ; я васъ освобожу,
Иль сяду самъ туда. Терпѣнье только!
Кларенсъ.—Стерплю! терпѣть мы всѣ должны; прощайте.
(Уходитъ съ Бракенбери и стражей).
Глостеръ.—Ступай, оттуда не легко вернуться,
Простякъ и глупый Кларенсъ!—Я тебя
Люблю, поэтому скорѣе душу
Твою отправляю въ небо, если этотъ
Подарокъ небо приметъ отъ меня.
Но кто тамъ? А, освобожденный Гэстингсъ!.. *(Входитъ Гэстингсъ).*
Гэстингсъ.—День добрый вамъ, достопочтенный лордъ.
Глостеръ.—И вамъ, лордъ-камергеръ, того-жъ желаю.
Радъ видѣть васъ я снова на свободѣ.
Ну, что, какъ вы сносили заключенье?..
Гэстингсъ.—Терпѣлъ, милордъ, какъ терпитъ всякій узникъ.
Теперь же я спѣшу благодарить
Доставившихъ мнѣ прелесть заточенья.
Глостеръ.—О, да! какъ разъ! и Кларенсъ вамъ поможетъ.
У васъ съ нимъ общія дѣла, его
Враги и васъ такъ злобно сокрушили.
Гэстингсъ.—Бездушные! закабалить орла,
Тогда какъ коршуны на волѣ грабятъ!
Глостеръ.—Что новаго—на воздухѣ?

Гэстингсъ.— Внѣ дома
Не лучше, что и въ самомъ домѣ: слабъ
Король и хворъ, и удрученъ тоской,
И страшно трусятъ за него врачи.
Глостеръ.—Клянусь Петромъ, плохая ваша новость!
Долгонько нашъ король не зналъ діэты
И свыше силъ себя ужъ истощалъ!
Невесело объ этомъ и подумать.
Гдѣ онъ теперь? въ постели?
Гэстингсъ.— Да, въ постели.
Глостеръ.—Иди-жъ, я за тобою вслѣдъ къ нему! *(Гэстингсъ уходитъ).*
Ему не жить, увѣренъ я; Георга-жъ
Онъ, умирая, на небо ушлетъ;
Скорѣе къ Кларенсу—въ немъ подозрѣнье
Воспламенить лукавой клеветой;
И если я не ошибаюсь въ планахъ,
Не жить до-завтра Кларенсу: тогда—
Прими, Господь, и душу Эдуарда,
Меня-жъ оставь стараться въ этомъ мірѣ;
Здѣсь Варвикову дочь возьму я въ жены!..
Но я убилъ ея отца и мужа?!
Что-жъ?.. Дать собой ей мужа и отца
Опять—не значитъ ли ее утѣшить?..
И я исполню это!—Безъ сомнѣнья—
Не изъ любви,—изъ лучшей, важной цѣли...
А цѣли мнѣ достичь лишь этой связью!
Однако-жъ я спѣшу на рынокъ прежде
Коня! Еще и Кларенсъ живъ, и самъ
Король живетъ и правитъ!.. Уберутся,
Тогда считать начнемъ мы барыши.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же. Другая улица.—Несутъ тѣло короля Генриха Шестого въ открытомъ гробѣ. Джентльмены съ алебардами охраняютъ его. За ними лэди **Анна**,—плачущая.

Анна.—Поставьте на-земь вы честную ношу,
Коль въ гробѣ можетъ укрываться честь;
Посѣтовать мнѣ дайте о кончинѣ
Ланкастера безвременно-печальной!
Холодный ликъ святого короля!

Безкровные останки крови царской!
Поблеклый прахъ Ланкастерова дома!
Да внемлетъ тѣнь твоя рыданьямъ Анны,
Супруги сына твоего, — любимца,
Пронзеннаго одной съ тобой рукою!
Смотри, безпомощнымъ бальзамомъ глазъ
Я орошаю раны — окна смерти...
Проклятіе рукѣ, ихъ отворившей,
Кровь источившей! — О, да разразится
Надъ нимъ, убійцею твоимъ, несчастье
Ужаснѣе всего, что пожелать
Могу я жабамъ, паукамъ, ехиднамъ,
Всѣмъ злобнымъ, пресмыкающимся гадамъ!
И если станетъ онъ отцомъ, — пусть будетъ
Дитя его уродомъ, прежде срока
Рожденнымъ, — видъ котораго, ужасный
И дикій, мать родную испугалъ бы!..
И да наслѣдуетъ его онъ звѣрство!
Когда-жъ возьметъ себѣ жену онъ, пусть
Она несчастнѣй жизнью мужа будетъ,
Чѣмъ я кончиной мужа и твоею!
Теперь идите съ вашей ношей въ Чертзи,
Берите гробъ и, если притомитесь,
Поставьте на-земь, я-жъ своимъ стенаньемъ
Послѣдній долгъ воздамъ святому праху *(Носильщики поднимаютъ тѣло и несутъ его далѣе. Входитъ Глостеръ).*

Глостеръ. — Эй, вы! стой, — на-земь опускайте гробъ!

Анна. — Какой колдунъ косматый сатану
Сюда наслалъ мѣшать святымъ обрядамъ?

Глостеръ. — Спускайте трупъ, бездѣльники! иль Павломъ
Клянусь, я въ трупъ васъ обращу самихъ!

Первый джентльменъ. — Лордъ, пропустите гробъ, посторонитесь.

Глостеръ. — Собака дерзкая! велятъ — такъ стой!
Прочь алебарду отъ груди моей,
Иль, Павломъ я клянусь, за дерзость
Ногами растопчу тебя, бездѣльникъ. *(Носильщики ставятъ гробъ на землю).*

Анна. — Какъ?! вы трепещите? вы испугались?
Нѣтъ, — я винить не смѣю васъ, вы смертны,

А взорамъ смертныхъ демона не вынесть
Исчезни ты, палачъ ужасный ада!
Ты власть имѣлъ надъ тѣломъ этой жертвы,
Не властенъ ты въ ея душѣ: исчезни!
Глостеръ. — О, праведная, чѣмъ я прогнѣвилъ?
Анна. — Исчезни, ради неба, гнусный демонъ,
Не искушай насъ, богомъ заклинаю!
Ты нашу землю въ адъ преобразилъ
И воплемъ ярости ее наполнилъ!
Когда собой ты въ силахъ любоваться,
Гляди, — вотъ плодъ твоей бездушной бойни.
О! посмотрите, Генриховы раны
Открылися и источаютъ кровь!..
Краснѣй, дрожи, поганый недоносокъ,
Ты эту кровь исторгъ, чуть подошелъ —
Изъ охладѣвшихъ, изъ безкровныхъ жилъ
Чудесный этотъ розлился потокъ...
Творецъ, создавшій чудо, отомсти
За кровь! Земля, упившаяся кровью,
За смерть его отмсти! Убійцу, небо,
Сожги грозой, — земля, разверзни пасть,
И поглоти его, какъ эту кровь,
Имъ истощенную, ты поглощаешь!
Глостеръ. — Законъ Христовъ вы позабыли, лэди,
Законъ — платить за зло благословеньемъ.
Анна. — Не знаешь ты ни божьихъ, ни людскихъ
Законовъ; звѣрь не чуждъ ихъ состраданья.
Глостеръ. — Я — чуждъ его, и потому не звѣрь.
Анна. — О, диво! демонъ истину промолвилъ.
Глостеръ. — Еще чуднѣе, — разсердился ангелъ.
Божественное совершенство Евы,
Позволь мнѣ предъ тобою оправдаться
Въ злодѣйствахъ, возводимыхъ на меня.
Анна. — Несовершенство гнусное Адама,
Позволь мнѣ тутъ же проклинать тебя
За несомнѣнныя твои злодѣйства.
Глостеръ. — Прелестница, красивѣй всѣхъ рѣчей,
Придетъ пора, меня ты оправдаешь!
Анна. — Уродъ, ужаснѣй всѣхъ терзаній сердца,
Повѣсившись — тѣмъ можешь извиниться.
Глостеръ. — Такимъ поступкомъ обвиню себя.

Анна. — За то, отчаявшись, прощенье, извергъ,
Получишь ты, отмстивъ себѣ достойно —
За всѣхъ, тобой убитыхъ неповинно!
Глостеръ. — Клянусь тебѣ, я ихъ не убивалъ!
Анна. — Тогда они и не были-бъ убиты;
Но — нѣтъ ихъ, и виной тому ты,—
Палачъ!
Глостеръ. — Не умерщвлялъ я твоего
Супруга.
Анна. — Значитъ, живъ онъ?
Глостеръ. — Нѣтъ, убитъ.
Но онъ убитъ рукою Эдуарда.
Анна. — Ты лжешь своею гнусной глоткой: твой мечъ
Въ его крови дымился. Маргарита
Свидѣтель въ томъ,— твой мечъ, тобой однажды
И на нее направленный при братьяхъ.
Глостеръ. — Я вызванъ былъ ея же клеветой
И умысломъ — взвалить вину чужую
На плечи мнѣ, невинному ни въ чемъ.
Анна. — Ты вызванъ былъ твоимъ кровавымъ духомъ,
Который грезитъ объ однихъ убійствахъ.
Кто-жъ Генриха убилъ? ты?
Глостеръ. — Я!— согласенъ.
Анна. — Согласенъ, ежъ?— Такъ согласись же, Боже,
Отмстить тебѣ за это злое дѣло!
О! Генрихъ былъ такъ милосердъ, такъ кротокъ!
Глостеръ. — Тѣмъ болѣе пріятенъ онъ для Бога.
Анна. — Онъ — на небѣ, тебѣ же — не бывать тамъ.
Глостеръ. — За нимъ спасибо,— я ему помогъ
Туда попасть. Ему на небѣ — мѣсто.
Анна. — Тебѣ же мѣста лучше ада нѣтъ.
Глостеръ. — Ахъ, есть одно, когда-бъ его назвать
Позволили?..
Анна. — Въ острогѣ?
Глостеръ. — Въ вашей спальнѣ!
Анна. — Проклятье дому, гдѣ ты обитаешь
И спишь.
Глостеръ. — Мнѣ не найти покоя въ домѣ,
Гдѣ я, милэди, сплю одинъ, безъ васъ.
Анна. — Надѣюсь!
Глостеръ. — Именно. Но, лэди Анна,

Оставимъ сшибку легкую остротъ
И спустимся къ чему-нибудь серьезнѣй:
Кто предалъ ранней смерти Эдуарда,
Плантагенетовъ Генриха,—не правда-ль,—
Былъ смерти ихъ причина и свершитель?
Анна.—Ты былъ причиной, ты же и палачъ.
Глостеръ.—Твоя краса одна тому причина!
Она во снѣ меня томитъ и сушитъ,
И цѣлый міръ готовъ я перерѣзать,
За часъ одинъ—пробыть въ твоихъ объятьяхъ!..
Анна.—Будь это все не ложь, клянусь, убійца,
Когтями я красу съ лица сорвала-бъ.
Глостеръ.—Я-бъ не стерпѣлъ ея уничтоженья.
При мнѣ вы ей не сдѣлали-бъ вреда:
Какъ цѣлый міръ живится солнцемъ, такъ
Я ею. Мнѣ она—и день, и жизнь!
Анна.—Да омрачится день твой черной ночью,
Жизнь—смертью.
Глостеръ. Дивное созданье, ты
Себя клянешь,—вѣдь ты же эти оба.
Анна.—Когда бы такъ, чтобъ отомстить тебѣ.
Глостеръ.—Нѣтъ ничего ненатуральнѣй мести
За то, что любятъ насъ.
Анна.— Нѣтъ ничего
Естественнѣй и справедливѣй мести—
Убійцѣ мужа моего.
Глостеръ.— Тотъ, кто
Лишилъ васъ мужа, сдѣлалъ это съ тѣмъ,
Чтобъ дать вамъ лучшаго, милэди, мужа.
Анна.—На всей землѣ нѣтъ лучшаго другого.
Глостеръ.—Есть,—тотъ, кто любитъ васъ сильнѣй его.
Анна.—Кто-жъ онъ?
Глостеръ.— Плантагенетъ.
Анна.— Такъ звался мужъ мой.
Глостеръ.—Одно званье,—качества другія.
Анна.—Но гдѣ-жъ онъ?
Глостеръ.— Здѣсь. (*Она плюетъ ему въ лицо*).
За что-жъ плюстесь вы?
Анна.—Желала-бъ я, чтобъ это ядомъ стало!..
Глостеръ.—Изъ сладкихъ устъ не проливался ядъ!
Анна.—И никогда не попадалъ на жабу

Гнуснѣе! Прочь! ты взоръ мой заразишь!
Глостеръ.—Твои глаза—мои ужъ заразили.
Анна.—О, для чего они не василиски!
Глостеръ.—Когда бы такъ, чтобъ умереть мнѣ сразу,
А то они меня живьемъ терзаютъ.
Смотри, мои глаза—соленой влагой
Затмилися, потокомъ дѣтскихъ слезъ
Позоритъ ихъ твой взоръ,—когда ни разу
Тамъ не было слезинки состраданья,—
Ни въ часъ, когда отецъ мой Іоркъ и братъ
Рыдали, воплямъ Рютланда внимая,
Котораго терзалъ свирѣпый Клиффордъ,
Ни въ часъ, когда воинственный отецъ твой
Разсказывалъ о смерти моего
И двадцать разъ крѣпился, какъ дитя,
Рыдая, и у всѣхъ стоявшихъ слезы
Бѣжали по щекамъ, какъ дождь по листьямъ...
И въ этотъ часъ мой взоръ слезы не вѣдалъ!
И то, чего не выжали страданья,
Могла твоя святая прелесть вызвать!
Вѣкъ не молилъ ни друга, ни врага я,
Уста мои не знали сладкой рѣчи;
Но красота твоя мой умъ плѣнила,
И молитъ сердце, и языкъ мой плачетъ. (*Она взглядываетъ на него съ негодованіемъ*).
Не придавай устамъ твоимъ презрѣнья;
Не для него они, для поцѣлуевъ
Сотворены. Когда меня простить
Не въ силахъ ты,—вотъ мечъ, возьми его,
Пронзи имъ, если хочешь, эту грудь,
И любящую душу вырви вонъ!..
Я обнажу ее ударамъ смерти,
О смерти на колѣняхъ я взываю. (*Онъ подставляетъ ей грудь свою; она направляетъ на нее мечъ*).
Не медли же. Я Генриха убилъ,
Но этому краса твоя виною.
Кончай, я Эдуарда умертвилъ,
Но ликъ твой ангельскій тому причиной. (*Она роняетъ мечъ*).
Кого поднимешь, мечъ или меня?
Анна.—Встань, лицемѣръ, твоей я смерти жажду,

Но палачемъ твоимъ быть не желаю.
Глостеръ.—Такъ прикажи, и я убью себя.
Анна.—Я ужъ сказала.
Глостеръ.— Это было въ гнѣвѣ.
Скажи теперь, и въ мигъ рука моя,
Изъ-за любви къ тебѣ твою любовь
Убившая,—убьетъ изъ-за любви же
Любовь еще сильнѣйшую; и въ смерти
Обѣихъ ты виновницею будешь!..
Анна.—Желала-бъ я твое извѣдать сердце.
Глостеръ.—Оно—на языкѣ...
Анна.— Но также лживомъ.
Глостеръ.—Тогда—кто-жъ правъ на свѣтѣ?
Анна.— Хорошо.
Вложи свой мечъ въ ножны.
Глостеръ.— Итакъ, скажи,
Вернется-ль мой покой?
Анна.— Узнаешь послѣ.
Глостеръ.—Могу-ль надѣяться?
Анна.— Мы всѣ надеждой
Живемъ.
Глостеръ.— О, такъ прими-жъ, носи хоть это
Кольцо.
Анна.— Взять, лордъ, еще не значитъ дать!.. (*Она надѣваетъ кольцо*).
Глостеръ.—Смотри, какъ перстень мой твой палецъ обнялъ,—
Такъ грудь твоя мое объемлетъ сердце;
Носи же оба ихъ,—они твои.
Когда же твой покорный, бѣдный рабъ
Еще одну твою получитъ милость,—
Навѣкъ его упрочено блаженство.
Анна.—Что тамъ еще?
Глостеръ.— Оставь исполнить этотъ
Обрядъ тому, кто болѣе причинъ
Имѣетъ сѣтовать,—и удалися въ Кросби.
Похоронивъ торжественно останки
Святого короля въ оградахъ Чертзи
И гробъ его съ раскаяньемъ оплакавъ,
Туда къ тебѣ—твой рабъ, я поспѣшу.
По многимъ, тайнымъ для тебя причинамъ,
Молю, позволь мнѣ это.

Анна.— От души.
Мнѣ радостно раскаянье такое,
Трессѐль и Бѐрклей, слѣдуйте за мной.
Глостеръ.—Скажи же мнѣ,—прости.
Анна.— О, тутъ ужъ болѣ,
Чѣмъ ты достоинъ; но, какъ самъ меня
Ты лести выучилъ,—вообрази,
Что я тебѣ прости уже сказала. (*Уходятъ: лэди Анна, Трессель и Берклей*).
Глостеръ.—Берите гробъ—и въ путь.
Джентльмены.— Куда же, въ Чертзи?
Глостеръ.—Нѣтъ, къ Бѣлымъ Братьямъ,—ждите тамъ меня.
(*Джентльмены съ гробомъ удаляются*).
Ну, кто искалъ любви въ такомъ несчастьи?
Пріобрѣтали-ль женщинъ въ мигъ подобный?..
О, я возьму ее хоть не надолго...
Какъ?! я,—убійца мужа и отца
Ея,—за ней же волочусь,—когда
Изъ устъ ея—проклятья, слезы рвутся
Изъ глазъ,—и я, всего причина, съ ней же;
Когда и Богъ, и совѣсть за нее,
Когда ничто не помогаетъ мнѣ,
За исключеніемъ лести да притворства...
И покорить ее, весь міръ—ничѣмъ?
Или она забыть успѣла мужа,
Прекраснаго и доблестнаго принца,
Котораго три мѣсяца назадъ
При Тьюксбери я ловко такъ убилъ?
Еще во вѣкъ въ припадкѣ добрыхъ дѣлъ
Природа лучшаго не создавала;
Пространный міръ не видывалъ владыки
Разумнѣй, царственнѣй, отважнѣй;—
И до меня унизилась она!..
До демона, подсѣкшаго весну
Ея любви, печальное вдовство
Ей предназначившаго? До меня,
Который весь частицы Эдуарда
Не стоитъ? До меня, страшилища хромого!
Все герцогство—противъ полушки грязной
Въ закладъ даю,—я страшно ошибался
Въ своей особѣ: жизнію клянусь,

Она во мнѣ,—чего ужъ мнѣ не видѣть
Никакъ,—красиваго мужчину видитъ...
Займемся жъ зеркаломъ, пріищемъ
Съ полдюжины портныхъ, нарядъ достойный
Для украшеній нашихъ смастерить:
Съ тѣхъ поръ, какъ я съ собою примиряюсь,
На франтовство поиздержаться можно!..
Упрячемъ же пріятеля въ могилу,
А тамъ въ слезахъ пойдемъ къ голубкѣ нашей!..
Свѣти же, солнце, дай мнѣ на тѣни
Твоей—моей особой любоваться,—
Пока купить я зеркала не вздумалъ!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Комната во дворцѣ. Входятъ: Королева **Елисавета, лордъ Риверсъ и лордъ Грей.**

Риверсъ.—Терпѣнье, королева: вѣрьте, скоро
Вернутъ его величеству здоровье.
Грей.—Вы безпокоитесь,—ему же хуже;
Утѣшьтесь, ради Бога, ободрите
Его величество веселымъ словомъ.
Елисавета.—Умретъ онъ, что тогда со мною будетъ?
Грей.—Одна печаль—подобная потеря.
Елисавета.—Въ потерѣ этой разомъ всѣ печали
Совмѣщены.
Грей.— Умретъ онъ, небо вамъ
Прекраснаго дало въ утѣху сына.
Елисавета.—Но молодъ онъ, а опекунъ его
До срока—Глостеръ, человѣкъ такой,
Который ни меня, ни васъ не любитъ.
Риверсъ.—А рѣшено-ль, что избранъ будетъ онъ
Въ протекторы?
Елисавета.— Еще не рѣшено;
Но такъ должно случиться, чуть король
Намъ съ вами завѣщаетъ долго жить. (*Входятъ Бокингэмъ и Стэнли*).
Грей.—Вотъ, идутъ лорды Бокингэмъ и Стэнли.
Бокингэмъ.—День добрый нашей славной королевѣ.
Стэнли.—Да возвратитъ Господь вамъ вашу радость!
Елисавета.—Графиня Ричмондъ, Стэнли, врядъ ли скажетъ
Аминь на ваши добрыя моленья.

Но, несмотря на то, что ваша, Стэнли,
Она жена и что меня не любитъ,
Увѣрьтесь, добрый лордъ, васъ ненавидѣть
Не стану я за дерзости супруги.

Стэнли.—Не слушайте, не вѣрьте, васъ молю я,—
Постыдной лжи гонителей ея.
Когда-жъ вамъ донесутъ и правду даже,
Простите слабостямъ ея, повѣрьте,
Не изъ обдуманности злой и хитрой—
Изъ яда немощей онѣ выходятъ!

Елисавета.—Видали-ль нынче короля вы, Стэнли?

Стэнли.—Сію минуту только отъ него
Вернулись мы съ милордомъ Бокингэмомъ.

Елисавета.—Что новаго въ немъ къ лучшему нашли вы?

Бокингэмъ.—Надежду, королева! веселъ былъ
Его величество.

Елисавета.— Богъ да пошлетъ
Ему здоровье! Съ нимъ вы совѣщались?

Бокингэмъ.—Да, королева: примирить желаетъ
Онъ вашихъ братьевъ съ лордомъ-камергеромъ,
А также съ герцогомъ, милордомъ Глостеръ.
За ними онъ уже послать изволилъ.

Елисавета.—Когда-бъ все такъ! но это невозможно.
Предвижу я, погибло наше счастье! *(Входятъ Глостеръ, Гэстингсъ и Дорзетъ).*

Глостеръ.—Неправды ихъ терпѣть я не намѣренъ.
Кто королю доноситъ на меня,
Что я жестокъ, что непріязненъ къ нимъ?
Клянуся, короля не любитъ тотъ,
Кто духъ его волнуетъ этимъ вздоромъ.
Не въ силахъ я сгибаться, льстивой рѣчью
Блистать, на всѣхъ съ улыбкой лицемѣрья
Глядѣть, всѣхъ надувать французскимъ лоскомъ
И обезьянскимъ ханжествомъ,—и вотъ
Я непремѣнно закоснѣлый врагъ!..
Уже-ль не можетъ честный человѣкъ
Жить безъ обмана, безъ того, чтобъ правду
Его поступковъ толковали вкось
Коварные и хитрые пройдохи?

Грей.—Къ кому-жъ изъ насъ относитесь вы, герцогъ?

Глостеръ.—Къ тебѣ, неблагодарный и безчестный!

Когда тебя тѣснилъ я, оскорблялъ?
Или тебя?—или тебя?—иль всѣхъ васъ?
Проклятье вамъ! Король,—Богъ да поможетъ
Ему безъ вашихъ пламенныхъ молитвъ,
На вздохъ одинъ покоя не имѣетъ
Изъ-за безстыдныхъ, гнусныхъ вашихъ жалобъ.

Елисавета.—Братъ Глостеръ, вы неправы. Самъ король,
По волѣ царственной своей, чужимъ
Не понукаемый навѣтомъ, васъ
Призвалъ къ себѣ, быть-можетъ, разгадавъ
По вашимъ дѣйствіямъ,—нѣмую злобу
Въ васъ на меня, моихъ дѣтей и братьевъ,
И тѣмъ хотѣлъ, раскрывъ ея причину,
По-братски въ васъ совсѣмъ ее изгладить.

Глостеръ.—Нѣтъ силъ смотрѣть! Неузнаваемъ свѣтъ.
Крапивники разбойничаютъ тамъ,
Гдѣ и орлы присѣсть не смѣли. Съ той
Поры, какъ всякій шутъ сталъ джентельменомъ,
Прошло въ шуты немало джентельменовъ.

Елисавета.—Такъ, такъ, все намъ понятно, Глостеръ:
Завиденъ вамъ высокій нашъ удѣлъ!..
Дай Богъ, чтобъ мы вовѣкъ въ васъ не нуждались.

Глостеръ.—Межъ-тѣмъ, какъ видитъ Богъ, — я въ васъ нуждаюсь.
Мой братъ по вашимъ проискамъ въ темницѣ;
Въ опалѣ самъ я, честное дворянство
Въ пренебреженіи, когда, что день,
То новыя мѣста даются людямъ,
Еще вчера не стоившимъ гроша.

Елисавета.—Клянуся тѣмъ, кто изъ моей же тѣни
Возвелъ меня на высь моихъ стремленій,
Я никогда не возбуждала гнѣва
У короля на Кларенса; напротивъ—
Я за него молила короля!..
Милордъ, вы оскорбляете жестоко
Меня подобнымъ гнуснымъ подозрѣньемъ.

Глостеръ.—Вы можете отречься, что не вы,
Пожалуй, были тайною причиной
И лорда Гэстингса ареста...

Риверсъ.— Можетъ,
Милордъ, затѣмъ что...

Глостеръ.— Очень можетъ, Риверсъ?!
Кто этого не знаетъ? Даже болѣ:
Она могла-бъ чѣмъ отпереться въ этомъ,
Она помочь вамъ можетъ въ возвышеньи,
И тутъ же отопрется въ томъ, что было,
Сложивъ всѣ почести на васъ самихъ.
Чего она не можетъ?! О, все, можетъ...
Да, безъ сомнѣнья, можетъ...

Риверсъ.— Что-жъ такое?

Глостеръ.—Дѣла свои поправить, выйдя замужъ
За короля, красавца холостого.
Бываетъ хуже—выборъ вашей бабки
Я вамъ напомню кстати.

Елисавета.— Глостеръ, долго
Сносила я и грубые намеки,
И ваши колкости: клянуся небомъ,
Его величество теперь узнаетъ
Все, все, чѣмъ оскорбляли вы меня.
Нѣтъ, лучше быть работницей, крестьянкой
Простой, чѣмъ королевою великой—
Терпѣть насмѣшки, стыдъ и оскорбленья.
Немного радостей мнѣ принесла корона
Британіи!.. *(Въ глубинѣ сцены показывается королева Маргарита).*

Маргарита *(въ сторону).*—Молю тебя, Господь,
И это сбавь ей! Санъ ея, престолъ
И почести—все мнѣ принадлежитъ.

Глостеръ.—Какъ! жалобами королю вы мнѣ
Грозите? Жалуйтесь, и не жалѣйте
Меня: я подтвержу все, что сказалъ,
И королю,—я самъ желаю въ Тоуэръ
Попасть. Настало время! Позабыты
Мои труды!

Маргарита *(въ сторону).*—Нѣтъ, демонъ! слишкомъ ихъ
Я помню: въ Тоуэрѣ тобою Генрихъ,
Мой мужъ, убитъ,—при Тьюксбери-жъ убитъ
Мой бѣдный сынъ, мой Эдуардъ несчастный.

Глостеръ.—Когда еще не звался королемъ
Вашъ мужъ, въ его дѣлахъ великихъ былъ я
Вьючнымъ конемъ, грозой его враговъ,
Ходатаемъ друзей его покорныхъ,

Потомъ, чтобъ кровь его избрать на царство,
Я проливалъ свою.
Маргарита *(въ сторону).*—А сколько лучшей,
Чѣмъ въ васъ обоихъ?..
Глостеръ.— Въ это время вы
И Грей, вашъ мужъ, и Риверсъ съ вами были—
За домъ Ланкастеровъ: что-жъ, развѣ не былъ
Убитъ при Сентъ-Альбанѣ вашъ супругъ?
Когда забыли вы, я покажу вамъ,
Что вы теперь и чѣмъ вы прежде были,—
Чѣмъ я тогда былъ, и что я теперь.
Маргарита *(въ сторону).*—Убійца гнусный. Имъ ты былъ всегда.
Глостеръ.—Несчастный Кларенсъ—тестя позабылъ,
Нарушилъ клятву Варвику! Господь
Да сжалится надъ нимъ!
Маргарита *(въ сторону).*—Карай, о Боже,
Его за это!
Глостеръ.— Сталъ за Эдуарда,
Чтобы добыть ему престолъ,—и что-жъ?
За всѣ труды попался въ заточенье.
Ей-ей, желалъ бы я, чтобъ камнемъ сердце
Мое, какъ Эдуардово, терпѣло...
Иль чтобъ мое въ его груди забилось;
Клянусь, я слишкомъ глупъ для этой жизни!
Маргарита *(въ сторону).*—Ступай же въ адъ, и нашъ ты свѣтъ оставь,
Негодный демонъ, тамъ престолъ твой!
Риверсъ.— Лордъ,
Въ печальную эпоху, о которой
Сказали вы, чтобъ выставить врагами
Насъ вашей свѣтлости, мы были вѣрны
Законному владыкѣ,—вѣрны будемъ
И вамъ, едва лишь нашимъ королемъ
Вы станете.
Глостеръ.— А, если стану?!—Нѣтъ,
Скорѣй разносчикомъ я стану!.. Прочь
Отъ сердца мысль коварная!
Елисавета.— Какъ мало
Вы ожидаете себѣ, милордъ,
Отрады въ королевствѣ, такъ же мало

И я, повѣрьте мнѣ, ихъ обрѣла,
Возвысившись до сана королевы.
Маргарита *(въ сторону).*—Да, мало королева здѣсь отрады
Нашла, затѣмъ, что королева—я,
А я—несчастна такъ. *(Выходитъ).* Внемлите мнѣ,
Пираты дерзкіе,—мою добычу
Вы дѣлите, враждуя такъ! Кто въ силахъ
Изъ васъ взглянуть безъ трепета въ глаза
Мои? Предъ королевой не склоняли
Вы головы, къ чему-жъ теперь, низвергнувъ
Ее, вы—трусы—всѣ такъ раскричались?
Не отворачивайся, честный плутъ!
Глостеръ.—Колдунья страшная, скорѣй,—въ чемъ дѣло?
Маргарита.—Я вычислить хочу твои злодѣйства,
И не пущу тебя, пока ихъ всѣ
Тебѣ не выражу.
Глостеръ.— Но развѣ ты
Не сослана,—подъ страхомъ смертной казни?!
Маргарита.—Я сослана, но смерть,—за ослушанье
Остаться здѣсь,—мнѣ легче муки ссылки.
Ты долженъ мнѣ супруга возвратить
И сына,—ты мнѣ задолжала царствомъ!
А всѣ вы—подданствомъ; мои несчастья
По праву вамъ принадлежатъ; наслѣдье-жъ
Всѣхъ вашихъ радостей—мое.
Глостеръ.— Тебя
Проклятьями отецъ мой разгромилъ,
Когда его достойное чело
Бумажной ты короной увѣнчала,—
Когда изъ глазъ его потоки слезъ
Ты выжала сарказмами своими,
И—осушить ихъ—подала тряпицу,
Напитанную Рютландовой кровью;
Проклятья эти изъ души его
Разбитой вырвались тогда,—теперь же
Надъ головой твоей отяготѣли.
Не мы, Господь за зло тебя караетъ!..
Елисавета.—Богъ правосуденъ, въ Немъ невинныхъ помощь.
Гэстингсъ.—Ужасно! Какъ? младенца умертвить!
Неслыханное, страшное убійство!
Риверсъ.—Тираны, услыхавъ объ этомъ, станутъ

Рыдать.

Дорзетъ.— Всѣ кару лютую убійцѣ
Пророчили.

Бокингэмъ.— Нортумберлэндъ, при этомъ
Злодѣйствѣ бывшій, плакалъ, какъ ребенокъ.

Маргарита.—Какъ?! Не входила я, вы грызлись всѣ,
Готовые за горла уцѣпиться
Другъ съ другомъ,—и внезапно ваша злоба
Упала на меня?—Ужели Іоркъ
Съ своимъ проклятьемъ такъ силенъ предъ небомъ,
Что Генриха, что Эдуарда смерть,
Потеря царства, мрачное изгнанье
Мое,—все—лишь достойное отмщенье
За этого мальчишку? Если такъ,
Сквозь тучи черныя, на небо прямо,
Мои проклятья быстрыя, летите!..
Не на войнѣ,—отъ пресыщенья пусть
Погибнетъ вашъ король, какъ нашъ погибъ
Отъ рукъ убійцы, сдѣлавъ королемъ
Его! А Эдуардъ, твой сынъ, Валлійскій
Принцъ нынѣ, да умретъ, какъ Эдуардъ,
Мой сынъ, и нѣкогда-жъ Валлійскій принцъ—
Погибъ насильственно!.. Ты, королева,
Да изживешь весь блескъ свой за меня,
За королеву бѣдную! Подолѣ
Живи, чтобъ смерть дѣтей тебѣ оплакать;
Чтобъ увидать другую, какъ тебя
Я вижу, въ почестяхъ твоихъ, какъ ты
Въ моихъ, великую! Задолго счастье
Твое пускай окончится—до смерти
Твоей! И послѣ долгихъ, долгихъ скорбей
Умри—ни матерью, ни королевой
Британскою, ни счастливой женой!..
Риверсъ и Дорзетъ, Гэстингсъ,—также вы,—
Вы видѣли, какъ сына моего
Кровавыми мечами затерзали...
Я Господа молю, чтобъ прежде срока,
Чтобъ неожиданно онъ вамъ послалъ
Кончину!..

Глостеръ.— Старая колдунья, кончи
И ты заклятія!..

Маргарита.— Забыть тебя?
Нѣтъ, стой, собака,—слушай! Если небо
Имѣетъ про запасъ тебѣ отмщенье
Ужаснѣе, чѣмъ я могла-бъ придумать,
Пусть бережетъ оно его, покуда
Созрѣютъ всѣ твои грѣхи,—тогда
Да разразитъ свое негодованье
Надъ головой губителя невинныхъ...
Пусть совѣсть изгрызетъ тебя, какъ червь!
Страшись предателей, всю жизнь друзей
Подозрѣвай въ измѣнѣ, за враговъ
Считай друзей... Да не смыкаетъ сонъ
Злодѣйскихъ глазъ твоихъ,—пускай глаза
Тебя пугаютъ безобразьемъ адскихъ
Видѣній!—Ты, избранникъ зла, уродъ,
Свинья, взрывающая землю!—Ты,
Рожденіемъ помѣченный въ рабы
Природы, ада сынъ! Ты, клевета
На чрево матери! Исчадье гнусной
Отцовской крови, ты отребье чести!
Ты, ужасъ...
Глостеръ.— Маргарита!
Маргарита.— Ричардъ!
Глостеръ.— Что?
Маргарита.—Я не звала тебя!
Глостеръ.— Простите, леди,—
Я думалъ, что меня вы окрестили
Всѣмъ этимъ.
Маргарита.— Да—тебя! но не просила
Перебивать меня. Позволь докончить
Мои проклятья!..
Глостеръ.— Я ужъ ихъ покончилъ,
Ихъ завершаетъ имя—Маргариты!
Елисавета.—Такъ ты себя сама же прокляла!..
Маргарита.—Бѣдняга-королева, блескъ пустой
Моихъ богатствъ! Зачѣмъ ты сыплешь сахаръ
На этого тарантула, который
Тебя своей тлетворной паутиной
Такъ путаетъ? Безумная, сама
Ты на себя оттачиваешь ножъ!
Придетъ пора, меня молить ты станешь

Помочь тебѣ проклятьемъ этой гадкой,
Горбатой, страшной жабы.
Гэстингсъ.— Замолчи,
Вѣщунья ты пустая, на бѣду
Свою не истощай у насъ терпѣнья!
Маргарита.—Позоръ вамъ! вы мое ужъ истощили!
Риверсъ.—Ты не забылась бы, когда-бъ, какъ должно,
Съ тобой мы поступили.
Маргарита.— Если-бъ вы
Со мной, какъ надо, поступали, дóлга
Вы не забыли-бъ своего: меня
Признали-бъ королевой, а себя
Моими подданными! Поступите-жъ,
Какъ слѣдуетъ, исполните свой долгъ!
Дорзетъ.—Не спорьте съ ней, безумной.
Маргарита.— Господинъ
Маркизъ, потише! вы ужъ слишкомъ дерзки.
Еще недавно санъ вашъ пущенъ въ дѣло.
О, если-бъ ваша молодая знатность
Могла понять, чтò значитъ потерять
Его, и быть несчастной! Кто высоко
Стоитъ, того скорѣе сдуетъ вѣтеръ,
А упадетъ—въ кусочки расшибется...
Глостеръ.—Полезная замѣтка, не забудьте
Ее, маркизъ!
Дорзетъ.— Она и къ вамъ подходитъ.
Глостеръ.—Подходитъ чудно; только я рожденъ ужъ
Такъ высоко: мы на вершинахъ кедровъ
Вьемъ гнѣзда наши, вѣтрами играемъ,
Надъ солнцемъ издѣваемся...
Маргарита.— И солнце
Собою омрачаете,—увы!
Тому свидѣтель сынъ мой, тѣнью смерти
Теперь объятый; тучи адской злобы
Твоей въ полночь его блестящій день
Навѣки облекли, свое гнѣздо
Въ гнѣздѣ вы нашемъ свили.—Всемогущій!
Ты видишь это, не стерпи-жъ неправды!
Лиши ихъ благъ, которыхъ кровью
Они добились...
Бокингэмъ— Вспомни же хоть стыдъ,

Когда смиренiе ты позабыла.
Маргарита.—Не требуйте приличiй отъ меня.
Не требуйте смиренья! Вы безстыдно
Убили лучшiя мои стремленья,
Безчеловѣчны были вы со мной.
Моя любовь—неистовство, вся жизнь
Моя—позоръ,—пускай же въ немъ гремитъ
Гроза моей неукротимой скорби.
Бокингэмъ.—Молчи, молчи...
Маргарита.— Свѣтлѣйшiй Бокингэмъ,
Въ знакъ нашей дружбы и союза съ вами,
Я вамъ цѣлую руку: пусть отрада
Сойдетъ на васъ и домъ вашъ! Нашей кровью
Не запятнали вы своей одежды,
Мои проклятья не коснутся васъ!
Бокингэмъ.—И всѣхъ изъ насъ; проклятья упадаютъ
На тѣхъ, кто ихъ безумно расточаетъ!
Маргарита.—Нѣтъ, вѣрю я, они восходятъ къ небу
И пробуждаютъ тамъ Господнiй мiръ...
О, Бокингэмъ! остерегайся этой
Собаки; посмотри, она, ласкаясь,
Кусаетъ! страшною отравой въ раны
Слюна ея вливается; храни
Себя, бѣги его коварной дружбы;
Онъ заклейменъ порокомъ, адомъ, смертью,
Владыки адскiе ему покорны!..
Глостеръ.—Что̀ говоритъ она, Бокингэмъ?
Бокингэмъ.—Пустое, ничего, что-бъ было важно,
Милордъ!
Маргарита. Какъ! такъ и ты за мой достойный
Совѣтъ смѣешься надо мной и льстишь
Тому, въ комъ я тебя остерегала?!
Припомни-жъ это въ день, когда печально
Изранитъ сердце онъ твое, скажи
Тогда: пророчицею Маргарита
Несчастная была! Да будетъ всякъ
Изъ васъ его коварства жертвой, небо
Да разразитъ васъ всѣхъ своей карой! (*Уходитъ*).
Гэстингсъ.—Отъ словъ ея—мой волосъ дыбомъ сталъ!
Риверсъ.—И мой!.. Опасно ей давать свободу!..
Глостеръ.—Я не виню ее: клянуся Богомъ,

Она перенесла не мало горя,—
Каюсь передъ ней въ моихъ обидахъ.
Елисавета.—Я, сколько знаю, передъ ней невинна...
Глостеръ.—Вы пользуетесь благами несчастья
Ея. Творя добро, я слишкомъ пылокъ
Былъ съ тѣмъ, кто хладнокровно такъ меня
Забылъ. Вотъ, Кларенсъ, онъ вознагражденъ
Достойно, въ хлѣвъ несчастнаго загнали,
Да за труды и угощаютъ тамъ;
Богъ да проститъ виновниковъ его
Страданій.
Риверсъ.— Христіанское, святое
Намѣренье—молить за тѣхъ, кто намъ
Враги.
Глостеръ.— Одумавшись, я поступаю
Всегда подобно!.. *(Въ сторону)*. Проклиная нынѣ,
Я проклиналъ бы самого себя. *(Входитъ Кэтзби)*.
Кэтзби.—Его величество васъ, королева,
Къ себѣ зоветъ; и вашу честь, и васъ,
Милорды.
Елисавета.— Я иду, угодно-ль, лорды,
И вамъ за мною слѣдовать?
Риверсъ.— Мы всѣ—
Идемъ за нашей свѣтлой королевой. *(Всѣ, кромѣ Глостера, уходятъ)*.
Глостеръ.—Я дѣлаю злодѣйства и кричу
Самъ противъ нихъ, я на другихъ слагаю
Бѣды, въ которыхъ я одинъ виновникъ.
Передъ глупцами, каковы лордъ Стэнли,
Лордъ Гэстингсъ, Бокингэмъ, я громко плачу
О Кларенсѣ, котораго въ тюрьму
Забросилъ самъ я; увѣряю всѣхъ,
Что братъ поссоренъ съ королемъ друзьями
Родными королевы. И мнѣ вѣрятъ,
И побуждаютъ мстить Вогэнамъ, Грею;
А я, вздохнувъ, твержу изъ книгъ Завѣта:
Господь велитъ платить за зло добромъ!
Я тѣмъ скрываю умыселъ злодѣйства,
Въ клочкахъ старинныхъ текстовъ представляясь
Святымъ, когда разыгрываю смѣло
Роль дьявола... *(Входятъ двое убійцъ)*. А, вотъ и палачи

Мои. Потише!.. Что жъ, друзья мои
Безстрашные, готовы-ль вы на то,
О чемъ я васъ просилъ?
Первый убійца.— Готовы, лордъ.
За пропускомъ однимъ мы къ вамъ явились;
Насъ безъ него къ нему пустить не могутъ.
Глостеръ.—Прекрасно сказано! вотъ пропускъ вашъ.
(Даетъ полномочный листъ).
Когда покончите, явитесь въ Кросби!
Но, сэры, будьте быстры въ исполненьи,
Не слушайте его плаксивыхъ просьбъ...
Краснорѣчивъ лукавый Кларенсъ; онъ
Какъ разъ растрогаетъ васъ, только волю
Дадите вы его устамъ медовымъ...
Первый убійца.—Хе-хе! милордъ, рѣчь наша коротка!
Говоруны—дѣльцы плохіе,—будьте
Увѣрены, не языкомъ, руками—
Пойдемъ работать мы.
Глостеръ.— Глаза глупцовъ
Льютъ слезы; ваши-жъ жерновами плачутъ...
Друзья! я вѣрю вамъ! Скорѣй за дѣло!
Въ путь!
Первый убійца.—Не замедлимъ, благородный лордъ. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лондонъ. Комната въ Тоуэрѣ. (Входятъ: **Кларенсъ и Бракенбери**).

Бракенбери.—Что такъ, милордъ, сегодня вы печальны?
Кларенсъ.—О! я провелъ убійственную ночь,—
Ночь, полную чудовищныхъ видѣній!
Какъ вѣрный христіанинъ, я клянусь,
Еще такую-жъ ночь я провести
Не согласился бы, хотя-бъ она
Могла купить мнѣ міръ блаженныхъ дней!
Такъ страшными видѣніями полно
Казалось время.
Бракенбери.— Что-жъ такое снилось
Вамъ, свѣтлый лордъ? Молю васъ, разскажите!
Кларенсъ.—Мнѣ снилось, что изъ Тоуэра бѣжалъ я
Въ Бургундію на вольномъ кораблѣ...
Въ сообществѣ со мной былъ братъ мой Глостеръ,
И выманилъ меня онъ изъ каюты

На палубу; смотря со мной оттуда
На Англію, припоминая дни
Кровавыхъ войнъ Ланкастера и Іорка,
Бесѣдуя о нихъ, ходили мы
По шаткимъ доскамъ палубы,—и вдругъ
Приснилось мнѣ, что Глостеръ поскользнулся...
Я поддержать его хотѣлъ, но братъ
Упалъ и, падая, столкнулъ меня
За бортъ въ зіяющія бездны моря...
О, Боже! Какъ мучительно казалось
Тонуть! Какой ужасный шумъ въ ушахъ!
Какія страшныя картины смерти
Въ глазахъ! Мнѣ видѣлось, что предо мной
Лежатъ обломки тысячи судовъ,
И тысячи размокшихъ труповъ рыбы
Терзаютъ; слитки золота, каменья
Безцѣнные, брильянты, кучи перловъ,
Желѣзныя трезубья,—все по дну
Морскому колыхалося... Алмазы,
Попавъ въ очницы череповъ, оттуда
Сверкали, издѣваясь надъ глазами,
Тутъ бывшими когда-то,—въ блѣдномъ свѣтѣ
Любезничали съ тиною морскою—
И насмѣхались надъ костьми скелетовъ...

Бракенбери.—И вы могли въ предсмертный мигъ замѣтить
Всѣ тайны этой ненасытной бездны?

Кларенсъ.—Мнѣ грезилось, что все я это видѣлъ;
Душа рвалась изъ тѣла вонъ, но зависть
Воды ее держала, не давая
Ей улетѣть въ воздушныя пространства,
И въ стиснутой груди ее давила,—
Въ груди, которая рвалась изъ силъ
Ее извергнуть въ страшныя пучины.

Бракенбери.—И отъ тоски одной вы не очнулись?

Кларенсъ.—Нѣтъ, сонъ мой длился и за гранью смерти!..
Тутъ поднялась въ душѣ моей тревога.
Мнѣ видѣлось, черезъ потокъ печальный
Я былъ перевезенъ въ предѣлы вѣчной
Полуночи—пловцомъ, у всѣхъ поэтовъ
Воспѣтымъ. Тесть мой, славный Варвикъ, первый
Привѣтствовалъ испуганную душу...

Онъ громко закричалъ: «Какую-жъ пытку
Придумаетъ теперь отчизна ада—
Для Кларенса, за лживую измѣну?»
И такъ исчезъ. За нимъ передо мною
Скользнула тѣнь безплотнаго видѣнья,
Съ окровавленными, какъ свѣтлый лучъ
Блестящими, кудрями; и она
Воскликнула: «Коварный, лживый Кларенсъ,
Измѣнникъ Кларенсъ, въ Тьюксберійскомъ полѣ
Зарѣзавшій меня, пришелъ! Схватите
Его, терзайте, фуріи, убійцу!»
И мнѣ привидѣлось, что цѣлый полкъ
Свирѣпыхъ демоновъ вокругъ меня
Столпился, и надъ самыми ушами
Моими вой, такой безумно-громкій,
Былъ поднятъ, что, дрожа всѣмъ тѣломъ, я
Очнулся,—и надолго послѣ все
Казалось мнѣ, что я въ аду!.. Такъ страшно
Встревоженъ былъ мой умъ видѣньемъ этимъ.

Бракенбери.—Нѣтъ дива, лордъ, что сонъ васъ напугалъ...
Отъ словъ однихъ теперь мнѣ страшно стало.

Кларенсъ.—О, Бракенбери! все, въ чемъ нынѣ совѣсть
Меня терзаетъ, сдѣлалъ я для счастья,
Для блага Эдуарда! Посмотри же,
Какъ онъ меня достойно наградилъ...
О, Боже! если предъ тобой молитвы
Мои безсильны, если за мои
Грѣхи меня ты наказать желаешь,—
На одного меня излей свой гнѣвъ,
Мою жену, моихъ дѣтей невинныхъ
Избавь! Постой еще, мой добрый стражъ,
Изнемогла душа моя, заснуть
Желалъ бы я охотно...

Бракенбери.— Я останусь
При васъ, милордъ. Богъ да пошлетъ вамъ миръ!—
(*Кларенсъ садится на стулъ и засыпаетъ*).
Печаль—и сонъ, и время измѣняетъ,
Творя изъ ночи день, изъ полдня—ночь...
Владыки міра за свое величье
Нѣмыя титла получаютъ, внѣшній
Почетъ за внутреннее бремя, цѣлый

Міръ горестныхъ заботъ за легкій призракъ,
За пылъ мечты!.. И что-жъ въ награду имъ
Ниспосылается?—минутный дымъ
Извѣстности, отличія земныя,—
Страданья ихъ незримыя, глухія!.. *(Входятъ двое убійцы).*

1-й убійца. —Эй, кто тутъ есть?

Бракенбери.—Что тебѣ нужно, негодяй, — и какъ ты вошелъ сюда?

1-й убійца.—Мнѣ нужно переговорить съ Кларенсомъ, а вошелъ я сюда—ногами.

Бракенбери.—Какъ?!.. это ужъ очень коротко!..

2-й убійца.—Чѣмъ кратче, сэръ, тѣмъ лучше. Что тутъ долго болтать-то? Покажи ему приказъ. *(Они подаютъ бумагу Бракенбери, который ее просматриваетъ).*

Бракенбери.—Мнѣ здѣсь предписываютъ выдать вамъ
Милорда Кларенса. Я не хочу
Судить о томъ, что въ этомъ повелѣньи
Скрывается,—я умываю руки...
Вотъ—герцогъ сонный, вотъ—ключи. А я
Пойду къ его величеству съ докладомъ,
Что герцога, какъ велѣно, я сдалъ.

1-й убійца.—Идите, сэръ! Умно вы говорите.
Прощайте... *(Бракенбери уходитъ).*

2-й убійца.— Что-жъ? убить его во снѣ?

1-й убійца.—Нѣтъ! онъ еще скажетъ, проснувшись, что мы струсили.

2-й убійца.—Когда проснется? Дуракъ! не проснуться ему вплоть до дня страшнаго суда.

1-й убійца.—Въ такомъ случаѣ на страшномъ судѣ онъ скажетъ, что мы убили его соннаго.

2-й убійца.—Слово — страшный судъ — бросило укоръ въ мою совѣсть.

1-й убійца.—Какъ? или ты испугался?

2-й убійца.—Я не трушу убить его, у насъ на то приказаніе; а быть проклятымъ за его убійство — тутъ не защитить никакой приказъ.

1-й убійца.—Я думалъ, ты рѣшительнѣе.

2-й убійца.—Я и такъ рѣшился оставить ему жизнь.

1-й убійца.—Въ такомъ случаѣ, надо идти къ герцогу Глостеру и сказать ему о томъ.

2-й убійца.—Нѣтъ, прошу, погоди немного. Надѣюсь, это благое намѣреніе во мнѣ еще можетъ измѣниться; оно у меня обыкновенно непродолжительно.

1-й убійца.—Какъ же теперь себя чувствуешь?

2-й убійца.—Поправдѣ, кое-что изъ совѣсти еще шевелится во мнѣ.

1-й убійца.—Припомни нашъ могарычъ, по совершеніи дѣла.

2-й убійца.—Идемъ, онъ погибнетъ! я и забылъ про могарычъ.

1-й убійца.—Гдѣ твоя совѣсть теперь?

2-й убійца.—Въ Глостеровомъ кошелькѣ.

1-й убійца.—Слѣдовательно, если онъ откроетъ свой кошелекъ для уплаты намъ награды, твоя совѣсть улетитъ?

2-й убійца.—Ничего, пусть летитъ; никому она не нужна.

1-й убійца.—А что, если она къ тебѣ вернется?

2-й убійца.—Я не хочу съ нею возиться, это опасная вещь, она дѣлаетъ человѣка трусомъ. Человѣкъ не можетъ украсть, она его винитъ; человѣкъ не можетъ поклясться, она ему перечитъ; человѣкъ не можетъ согрѣшить съ женою ближняго, совѣсть его обличаетъ. Это краснѣющій, стыдливый дьяволенокъ, смущающій душу человѣка и наполняющій его препятствіями. Онъ однажды заставилъ меня возвратить полный золота кошелекъ, найденный на дорогѣ; изъ-за него многіе становятся голышами; его гонятъ изъ городовъ и селъ, какъ опасную тварь. И всякъ, кто хочетъ пожить пріятно, долженъ съ нимъ разстаться и жить безъ него.

1-й убійца.—И теперь онъ предо мною, убѣждая не убивать герцога.

2-й убійца.—Не забывай дьявола, иначе онъ въ тебя вцѣпится.

1-й убійца.—Я стоекъ, онъ не одолѣетъ меня.

2-й убійца.—Сказано ладно; ты, очевидно, уважаешь свою репутацію. Что-жъ, идемъ на работу?

1-й убійца.—Ткни его концомъ твоего меча и потомъ бросимъ его въ бочку съ мальвазіей въ сосѣдней комнатѣ.

2-й убійца.—Отличная мысль! выйдетъ недурная настойка.

1-й убійца.—Тсъ! онъ проснулся.

2-й убійца.—Коли его.

1-й убійца.—Нѣтъ, давай побесѣдуемъ съ нимъ.

Кларенсъ *(просыпаясь)*. — Гдѣ моя стража? Дайте мнѣ кружку вина.

1-й убійца.—Будетъ вамъ, милордъ, вдоволь вина.

Кларенсъ.—Ради Бога, кто ты?

1-й убійца.—Человѣкъ, какъ и ты.

Кларенсъ.—Но не царскаго рода.

1-й убійца.—За то честнаго, не въ примѣръ тебѣ.

Кларенсъ.—Твой голосъ — громокъ, но взглядъ твой — ласковъ.

1-й убійца.—Мой голосъ теперь—голосъ короля, взглядъ—свой собственный.

Кларенсъ.—Какъ мраченъ и какъ золъ твой разговоръ!
Твой взоръ грозитъ мнѣ! что такъ блѣдно смотришь?
Кѣмъ присланъ ты? зачѣмъ сюда пришелъ?
Оба убійцы.—Чтобъ, чтобъ...
Кларенсъ.— Чтобы убить меня?
Оба убійцы.— Да, да!
Кларенсъ.—Въ васъ силы нѣтъ мнѣ возвѣстить о томъ,
И потому нѣтъ силы это сдѣлать.
Когда и чѣмъ я васъ, друзья, обидѣлъ?
1-й убійца.—Не насъ обидѣлъ ты, а короля.
Кларенсъ.—Я съ нимъ опять надѣюсь помириться.
1-й убійца.—Нѣтъ, никогда, милордъ; готовься къ смерти.
Кларенсъ.—Уже-ль изъ всей вселенной жребій выпалъ
Вамъ—умертвить невиннаго? Въ чемъ грѣхъ мой?
Въ улику мнѣ какое преступленіе?
Гдѣ судъ, мнѣ объявившій свой вердиктъ?
И гдѣ судья, нахмуренный и грозный,
Изрекшій Кларенсу-бѣднягѣ смерть?
Кто смѣлъ грозить мнѣ смертнымъ приговоромъ,
Коль выше я законнаго суда?
Васъ заклинаю кровію Христа,
Пролитою за наши злыя чувства,
Идите прочь, не налагайте рукъ,
Предпринятое дѣло васъ погубитъ.
1-й убійца.—Что сдѣлаемъ, на то намъ данъ приказъ.
2-й убійца.—А приказалъ то сдѣлать нашъ король.
Кларенсъ.—О, лживый рабъ! Король надъ королями,
Господь въ своихъ скрижаляхъ повелѣлъ —
Не убивать. Ужели ты нарушишь
Его законъ, по волѣ человѣка?

Въ Его десницѣ месть; остерегайся,
Казнитъ Онъ нарушителей завѣта.
2-й убійца.—И та же казнь ждетъ нынѣ и тебя
За клятву ложную и за убійство.
Ты, пріобщась, открыто присягнулъ
Въ бояхъ за домъ Ланкастеровъ сражаться.
1-й убійца.—И, какъ предатель имени Господня,
Присягу разорвалъ, заклавъ измѣной
Наслѣдника владыки твоего.
2-й убійца.—Котораго клялся ты охранять.
1-й убійца.—Тебѣ-ль грозить намъ заповѣдью Божьей,
Коль ты ее въ такой нарушилъ мѣрѣ?
Кларенсъ.—О! для кого я это зло свершилъ?
Для Эдуарда, брата моего!
Онъ не пошлетъ васъ убивать меня,
Онъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и я, преступникъ!
И коль Господь рѣшитъ за то отмстить,
Онъ, знайте, то исполнитъ предо всѣми.
Не отклоняйте-жъ полной силъ десницы,
Онъ чуждъ неправыхъ, беззаконныхъ каръ
Надъ тѣми, кѣмъ Онъ дерзко оскорбленъ.
1-й убійца.—Кто-жъ въ палачи кровавые толкнулъ
Тебя, когда смѣльчакъ Плантагенетъ,
Вѣнчанный отпрыскъ, юноша державный,
Безъ жалости тобою былъ убитъ?
Кларенсъ.—Расположенье брата, гнѣвъ и дьяволъ...
1-й убійца. — Твой братъ, нашъ долгъ и твой поступокъ лживый
Призвали насъ сюда тебя убить.
Кларенсъ.—Коль любите вы брата, и меня
Щадите,—я ему родной по крови.
Вы, можетъ-быть, подкуплены? идите-жъ,
Васъ отсылаю къ Глостеру. Щедрѣй
Онъ дастъ награду вамъ за жизнь мою,
Чѣмъ Эдуардъ за смерть мою заплатитъ.
2-й убійца.—Ты ошибаешься; братъ Глостеръ—врагъ твой.
Кларенсъ.—О, нѣтъ, меня онъ любитъ; отъ меня
Къ нему идите.
1-й убійца.— Такъ мы и поступимъ.
Кларенсъ.—Напомните ему, когда державный
Отецъ нашъ Іоркъ трехъ сыновей своихъ

Благословлялъ побѣдною рукою
И отъ души внушалъ любить другъ друга,
Онъ врядъ-ли думалъ о такомъ разладѣ...
Пусть это вспомнитъ Глостеръ и заплачетъ!

1-й убійца.—Каменьями!.. какъ насъ училъ онъ плакать!

Кларенсъ.—Не обижайте брата, онъ такъ нѣженъ.

1-й убійца.—Какъ лѣтомъ снѣгъ; себя ты, другъ, морочишь;
Вѣдь насъ прислалъ онъ умертвить тебя.

Кларенсъ.—Не можетъ быть, онъ обо мнѣ тужилъ такъ,
Меня сжималъ въ объятіяхъ и клялся,
Что похлопочетъ о моей свободѣ.

1-й убійца.—Онъ такъ и дѣлаетъ, освобождая
Тебя на небо отъ житейскихъ бѣдствій.

2-й убійца.—Молись, ты долженъ умереть, милордъ.

Кларенсъ.—Ужели ты такъ набоженъ въ душѣ,
Что мнѣ совѣтуешь мириться съ Богомъ,
И самъ въ душѣ твоей такъ ослѣпленъ,
Что хочешь умертвить меня безбожно?
Ахъ, тотъ, друзья, кто васъ сюда въ убійцы
Прислалъ, васъ проклянетъ за это дѣло.

2-й убійца.—Какъ быть же намъ?

Кларенсъ.—Спасти, смягчившись, души.

2-й убійца.—Смягчиться намъ?

1-й убійца.— Какъ бабамъ и трусишкамъ?

Кларенсъ.—Безжалостны лишь дьяволы, да звѣри.
И кто изъ васъ, будь сынъ онъ короля,
Лишенный воли, какъ и я, несчастный,
Увидя двухъ убійцъ, подобныхъ вамъ,
Не будетъ умолять о благахъ жизни?
Въ твоихъ глазахъ я, другъ, читаю жалость.
О, ежели глаза твои не льстятъ,
Стань ближе здѣсь и за меня проси,
Какъ бы просилъ о собственномъ несчастьи.
Молящій принцъ разжалобитъ и нищихъ.

2-й убійца.—Назадъ, милордъ, прошу васъ, оглянитесь.

1-й убійца. (*Колетъ Кларенса*). — Вотъ такъ, вотъ этакъ! если жъ недовольно,
Я окуну въ мальвазію тебя! (*Удаляется съ трупомъ*).

2-й убійца.—Кровавое, безумное злодѣйство!
Охотно-бъ, какъ Пилатъ, умылъ я руки

В безсовѣстном и злом убійствѣ этом! (*Возвращается 1-й убійца*).

1-й убійца.—Ну, что? зачѣм стоишь, не помогаешь?
Клянусь, твою узнает герцог слабость.

2-й убійца.—О, если-б он узнал, что я спас брата!
Бери на водку и ему скажи:
Я каюсь в том, что герцог умерщвлен. (*Уходит*).

1-й убійца.—А я не каюсь. Оставайся трусом;
Иди. Мы-ж гдѣ-нибудь припрячем труп,
Пока похоронить прикажет герцог.
И, чуть свою награду получу,
От этих дѣл нечистых укачу! (*Уходит*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Лондон. Комната во дворцѣ. Входят: **Король Эдуард**, — больной, **Королева Елисавета, Дорзет, Риверс, Гэстингс, Бокингэм, Грей** и другіе).

Король Эдуард.—Вот, наконец, мнѣ удалось окончить
Благое дѣло.—Пэры, вас молю,
Храните честь воскресшаго союза;
Я каждый день от Спаса моего
Жду вѣстников желаннаго спасенья...
Спокойно дух мой полетит на небо,
Когда друзья мои примирены!
Лорд Риверс и лорд Гэстингс, дайте руки
Друг другу; не таите черной злобы,
Клянитеся любить друг друга...

Риверс.— Небом
Клянусь, моя душа забыла гнѣв, —
И этою рукой скрѣпляю я
Союз моей любви святой и дружбы.

Гэстингс.—Бог да пошлет мнѣ счастье, если нынѣ
Права моя торжественная клятва.

Король Эдуард.—Смотрите, не шутите перед вашим
Монархом, чтоб могучій Царь царей
Не отомстил вам за притворство злое
И каждаго из вас не погубил.

Измѣною другого...

Гэстингсъ.— Пусть же я
Погибну, если невѣрна любовь,
Въ которой я клянусь теперь.

Риверсъ.— И я.
Клянуся—Гэстингса любить всѣмъ сердцемъ.

Король Эдуардъ.—Миледи, вы изъ этихъ заклинаній
Не исключаетесь, ни сынъ вашъ и Дорзетъ,—
Ни вы, лордъ Бокингэмъ; вы всѣ другъ съ другомъ
Вели вражду; жена, лордъ Гэстингсъ ждетъ
Твоей руки,—люби его, и миръ
Да низойдетъ на васъ невозмутимый.

Королева Елисавета. — Вотъ вамъ рука моя: навѣки, Гэстингсъ,
Я ненависть былую забываю
И въ этомъ вамъ клянусь моимъ блаженствомъ.

Король Эдуардъ.—Лордъ Дорзетъ, обойми его; лордъ Гэстингсъ,
Люби маркиза.

Дорзетъ.— Небомъ я клянусь—
Хранить обмѣнъ священной дружбы нашей.

Гэстингсъ.—И я клянусь служить ей всей душой. (*Обнимаетъ Дорзета*).

Король Эдуардъ.—Достойный Бокингэмъ, запечатлѣй
И ты союзъ всеобщій, обойми
Родныхъ жены моей, порадуй сердце
Мое—согласіемъ, мнѣ столько милымъ!

Бокингэмъ (*Королевѣ*).—Едва на васъ ослушникъ Бокингэмъ
Осмѣлится возстать, едва лукавой
Любовью онъ обманетъ васъ и вашихъ
Друзей,—Господь да поразитъ его
Коварствомъ тѣхъ, кого любовь дороже
Ему всего!.. И если нуженъ станетъ
Мнѣ другъ, и я вполнѣ ему довѣрюсь,
Пусть онъ меня съ презрѣніемъ покинетъ,
Измѣнитъ мнѣ, продастъ меня врагамъ!..
Такъ небеса да отомстятъ мнѣ, если
Когда-нибудь въ душѣ моей остынетъ
Любовь къ монархинѣ моей и всѣмъ
Ея друзьямъ!..

Король Эдуардъ.— Достойный Бокингэмъ,

Обѣтъ твой моему больному сердцу
Отраднѣйшій бальзамъ!—Но гдѣ же Глостеръ,
Нашъ братъ! Его лишь одного здѣсь нѣтъ,
Чтобъ увѣнчать союзъ нашъ благодатный.

Бокингэмъ. — А вотъ, какъ-разъ, и благородный герцогъ.
(Входитъ Глостеръ).

Глостеръ.—День добый королю и вамъ, моя
Монархиня!—Милордамъ-пэрамъ счастья
Желаю всякаго...

Король Эдуардъ.— Мы въ самомъ дѣлѣ
Сегодня счастливы.—Намъ удалось
Исполнить истинно-благое дѣло!
Мы обратили ненависть—въ любовь,
Вражду друзей—мы замѣнили миромъ,
И обнялись, какъ обнимались встарь
По-братски—наши царственные пэры...

Глостеръ.—Да, повелитель, истинно-благое
Вы дѣло сдѣлали... Я самъ,—едва
Въ собраньи этомъ человѣкъ найдется,
Считающій меня своимъ врагомъ
По клеветѣ одной, по подозрѣнью-ль,
Иль, даже, если, въ самомъ дѣлѣ, я
Кому-нибудь—неволею иль волей—
Нанесъ обиду въ бѣшенствѣ моемъ,—
Я самъ желалъ бы примириться съ нимъ
Отъ всей души!.. Вражда мнѣ хуже смерти:
Я не терплю ея!.. Любовь людей—
Одна мое блаженство составляетъ.
И потому васъ первыхъ, королева,
Прошу объ этомъ я, въ залогъ любви
Вамъ обѣщаю вѣчныя услуги...
Васъ, благородный братъ мой, Бокингэмъ,
Прошу о томъ же, если между нами
Была хотя малѣйшая вражда...
И васъ, лордъ Риверсъ, также васъ, лордъ Дорзетъ,—
Мы безъ причины съ вами враждовали.
Васъ, Вудвиль, васъ, лордъ Скэльзъ, васъ, графы, лорды,
Васъ, герцоги и джентльмены,—всѣхъ
Я васъ прошу!.. Нѣтъ человѣка въ цѣлой
Британіи, къ которому-бъ я болѣ

Питалъ вражды, чѣмъ, напримѣръ, къ ребенку,
Который этой ночью родился...
Благодарю, благодарю, о Боже,
Тебя за даръ смиренья моего...

Королева Елисавета.—Днемъ празднества да будетъ намъ отнынѣ
День этотъ! Съ нимъ да кончится раздоръ
Въ семьѣ монаршей!—Государь, позволь
Тебя просить о милости достойной,—
Отдай намъ Кларенса, прости его...

Глостеръ.—Какъ королева? Я любовь и дружбу
Вамъ предлагалъ затѣмъ, чтобъ надо мной
Вы издѣвались—здѣсь, предъ королемъ?
Скажите, кто-жъ не вѣдаетъ, что герцогъ
Скончался?—Трупъ его такой насмѣшкой
Безбожно оскорблять!.. (*Всѣ изумляются*).

Король Эдуардъ.— Какъ?.. Кто не знаетъ,
Что умеръ онъ?.. Но кто-жъ, скажите, знаетъ
О томъ, что онъ скончался?..

Королева Елисавета.— Небеса
Всевидящія! гдѣ же нашъ покой?!..

Бокингэмъ.—Лордъ Дорзетъ, неужель я такъ же блѣденъ,
Какъ всѣ здѣсь?

Дорзетъ.— Да, милордъ, здѣсь нѣтъ лица,
Съ котораго-бъ румянецъ не сбѣжалъ!..

Король Эдуардъ.—Какъ? умеръ Кларенсъ? Но вѣдь повелѣнье
Мое я отмѣнилъ!..

Глостеръ.— Бѣдняга умеръ
По первому приказу короля,—
Его къ нему съ Меркуріемъ крылатымъ
Послали... Со вторымъ же, вѣроятно,
Какой-нибудь калѣка потащился,—
Отсталъ немножко, и попалъ какъ разъ
На погребеніе!.. Дай Богъ, чтобъ люди,—
Настолько благородные и къ вамъ
По крови близкіе,—не по кровавой
Душѣ,—дай Богъ, чтобъ эти люди худшей
Не заслужили участи, чѣмъ Кларенсъ...
И чтобъ напрасно не касалось ихъ
Нѣмое подозрѣнье!.. (*Входитъ Стэнли*).

Стэнли.— Государь,

Молю тебя о милости за службу
Мою!

Король Эдуардъ.—Молчи, прошу тебя: душа
Моя полна мученій!

Стэнли.— Я не встану,
Пока меня не захотите вы
Услышать.

Король Эдуардъ.—Говори-жъ скорѣе, въ чемъ
Твое прошенье?

Стэнли.— Государь, молю
Тебя—простить, избавить моего
Слугу отъ казни: онъ убилъ сегодня
За дерзость джентльмена одного
Изъ сильной свиты герцога Норфолька.

Король Эдуардъ.—Языкъ мой осудилъ на гибель брата—
И рядомъ съ нимъ помилуетъ раба?
Мой братъ убійцей не былъ, мысль его
Одна виновна,—и мой братъ казненъ!
Просили-ль за него меня? Склоняли-ль
Колѣни предо мной, съ мольбой за жизнь
Несчастнаго, когда я бѣсновался?
Кто говорилъ о братской мнѣ любви?
Кто мнѣ припомнилъ, что бѣднякъ отрекся
Отъ Варвика и сталъ въ мои ряды?..
Кто мнѣ напомнилъ, какъ при Тьюксбери,
Когда Оксфордъ низвергъ меня на землю,—
Онъ спасъ меня, воскликнувъ: «вѣрный братъ,
Живи и царствуй!..» Кто напомнилъ мнѣ
О томъ, какъ онъ,—когда, до смерти мы
Иззябшіе, лежали средь пустыни,—
Меня своей одеждою окуталъ
И самъ, нагой, на холодѣ дрожалъ?..
Скотскàя месть изъ памяти моей
Безчувственно изгладила все это.
И ни одинъ изъ васъ мнѣ не напомнилъ
О томъ!—Вашъ конюхъ, вашъ послѣдній рабъ—
Свершилъ убійство гнусное,—святое
Подобье Бога погубилъ,—и вы
У ногъ моихъ взываете: «прощенье,
Прощенье, государь!..» И я обязанъ,
Кривя душой, исполнить вашу просьбу!

За брата-жъ моего никто и слова
Не вымолвилъ, ни я, неблагодарный,
Ни вы спасти не вздумали его...
Надменнѣйшимъ изъ васъ — при бѣдной жизни
Онъ помогалъ, — и что же? кто за жизнь
Его теперь просилъ?.. О, Боже правый,
Ты отомстишь за это имъ и мнѣ,
Друзьямъ моимъ и ихъ друзьямъ коварнымъ!
Пойдемте, Гэстингсъ, помогите мнѣ
Дойти въ мой кабинетъ. О, бѣдный, бѣдный,
Несчастный Кларенсъ!.. (*Уходятъ: Король, Королева, Гэстингсъ, Риверсъ, Дорзетъ и Грей*).

Глостеръ.— Вотъ вамъ и плоды
Поспѣшности! — Замѣтили-ль вы, лордъ,
Какъ поблѣднѣли вдругъ, при громкой вѣсти
О смерти Кларенса, родные нашей
Великой королевы?.. День и ночь
Они ожесточали короля! —
Но Богъ накажетъ ихъ!.. Пойдемте, лорды,
Утѣшимъ Эдуарда.

Бокингэмъ.— Свѣтлый лордъ,
Вы правы; — мы за вами всѣ идемъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лондонъ. (**Входятъ: герцогиня Іоркъ съ сыномъ и дочерью Кларенса**).

Сынъ.—Скажите, бабушка, уже-ль скончался
Нашъ папенька?

Герцогиня.— О! нѣтъ, дитя мое...

Дочь.—Зачѣмъ же такъ вы плачете и бьете
Такъ часто въ грудь себя, взывая: «Кларенсъ!
Несчастный сынъ мой!»

Сынъ.— Отчего всегда
Вы головой качаете, едва
На насъ глядите вы, и сиротами,
Изгнанниками насъ зовете, — если
Отецъ нашъ живъ?

Герцогиня.— Вы спутали совсѣмъ
Меня! Повѣрьте, немощь короля
Заставила меня рыдать; опасность
Одна разстаться съ нимъ меня печалитъ,
А не кончина вашего отца...

Напрасна скорбь о томъ, что́ безъ возврата
Утрачено...

Сынъ.— Итакъ, — онъ, значитъ, умеръ?!
Король, мой дядя, виноватъ во всемъ,—
И Богъ его накажетъ, — и молить
Его о томъ я буду день и ночь!

Дочь.—И я.

Герцогиня.—Постойте, дѣти, перестаньте!
Король васъ любитъ, вы еще покуда
Такъ кротки и невинны, что рѣшить,
Кто былъ убійцей вашего отца,
Вамъ не подъ-силу.

Сынъ.— Бабушка, убійцу
Я отыщу! Мнѣ добрый дядя Глостеръ
Сказалъ, что королева королю
Совѣтовала папеньку въ темницу
Забросить; и когда мнѣ говорилъ
Объ этомъ дяденька, онъ такъ рыдалъ,
Молился обо мнѣ и цѣловалъ
Мои глаза, и жалобно просилъ
Меня — надѣяться, какъ на отца
Второго, на него!.. и увѣрялъ,
Что онъ меня, какъ сына своего,
Какъ первенца, любить и нѣжить будетъ!..

Герцогиня.—И хитрость можетъ принимать такую
Волшебную наружность, прикрывать
Свое коварство добродушной маской!?
Онъ кровь моя, мой сынъ, — и мой позоръ!..
Но эту злобу онъ не изъ моей
Несчастной груди высосалъ.

Сынъ.— Такъ дядя,
По-вашему, лжетъ, бабушка?

Герцогиня.— Да, сынъ мой!

Сынъ.—Не можетъ быть!.. Но, слушай! что за шумъ? (*Выходитъ королева Елисавета, внѣ себя отъ отчаянья. За нею слѣдуютъ Риверсъ и Дорзетъ*).

Королева Елисавета.—О! кто теперь осмѣлится сказать,
Чтобъ не рыдала я, чтобъ не стонала,
Чтобъ участи своей не проклинала?..
Да, я сольюсь съ отчаяньемъ своимъ,
Сама себѣ врагомъ теперь я буду!

Герцогиня.—На что, скажи, идетъ вся эта сцена?
Королева Елисавета.—На цѣлый актъ трагическаго горя:—
Мой лордъ, твой сынъ, король нашъ Эдуардъ
Скончался!—Для чего же вѣтви живы,
Когда нѣтъ корня болѣ? Почему
Не вянутъ листья жалкіе, безъ соку?
Хотите жить,—рыдайте! Умереть
Хотите,—поскорѣе умирайте!
Чтобъ быстрокрылыя, земныя души
Могли съ душой монарха снова слиться
И, какъ ея покорные рабы,—
Въ другое царство, въ царство вѣчной ночи—
За нимъ путемъ воздушнымъ полетѣли!..
Герцогиня.—Ахъ, и моя есть доля въ вашей скорби!
Она равна моимъ былымъ правамъ
На мужа вашего, моя сестра!
Оплакавъ смерть любимаго супруга,
Я созерцаніемъ его подобій
Жила. И вотъ, два зеркала его
Вѣнчанныхъ образовъ—ехидной смертью
Разбиты въ дребезги... Въ утѣху мнѣ
Теперь осталося одно—кривое,
И нѣтъ покоя мнѣ, затѣмъ, что въ немъ я
И день, и ночь позоръ свой созерцаю...
Вы, слабая вдова, но вмѣстѣ вы—
И мать: вамъ утѣшенье—ваши дѣти.
А смерть, сгубивъ супруга моего,
Изъ рукъ моихъ и костыли мои
Исторгла: Кларенса и Эдуарда!
О, ваша скорбь—лишь половина скорби
Моей, и вашъ безумно-громкій плачъ
Я заглушу стенаньями моими!..
Сынъ.—Ты, тетенька, не плакала о смерти
Бѣдняжки папеньки, и мы теперь
Тебѣ слезою нашей не поможемъ!
Дочь.—О сиротствѣ ты нашемъ не жалѣла,
И мы вдовства и горя твоего
Жалѣть не станемъ!..
Королева Елисавета.— Не въ рыданьяхъ помощь
Нужна мнѣ нынѣ. Я не такъ безплодна,
Чтобъ не могла въ избыткѣ ихъ родить...

Всѣ рѣки мнѣ въ глаза воды нашлютъ,
И я, живя подъ мѣсяцемъ дождливымъ,
Могу весь міръ залить потокомъ слезъ,
Слезъ о моемъ безцѣнномъ Эдуардѣ,
О мужѣ бѣдномъ!

Дѣти.— Объ отцѣ несчастномъ,
О Кларенсѣ, о нашемъ утѣшеньи.

Герцогиня.—О нихъ обоихъ! Эдуардъ и Кларенсъ—
Мнѣ оба дѣти!

Королева Елисавета.—Кто безъ Эдуарда
Мнѣ помогалъ? и я его лишилась!

Дѣти.—Кто, кромѣ Кларенса, намъ помогалъ?
И мы его лишились!

Герцогиня.— Кто безъ нихъ
Мнѣ былъ опорой? И я ихъ лишилась!

Королева Елисавета.—Вдова была-ль когда несчастна такъ?

Дѣти.—Вѣкъ сироты такъ много не теряли!

Герцогиня.—И никогда ужаснѣйшаго горя
Не знала мать.—Я мать всѣхъ этихъ скорбей.
Ихъ горе частное, моя-жъ судьба—
Всѣхъ ихъ касается!—Она о мужѣ
Рыдаетъ, я о немъ же убиваюсь.
О Кларенсѣ я плачу, но она
О немъ уже не плачетъ. Эти дѣти
О Кларенсѣ рыдаютъ,—и я съ ними;
Объ Эдуардѣ плачу я,—они
Молчатъ!.. Такъ выплачьте же ваши слезы
О мнѣ, несчастной, троекратнымъ горемъ.
Я выкормила вашу грусть и снова
Вскормлю ее рыданіемъ моимъ!

Дорзетъ.—Утѣшьтесь, матушка, Господь не терпитъ
Роптанія на промыселъ небесный;
И въ мірѣ жизни ропотный возвратъ
Займа тому, кто насъ радушно имъ
Ссудилъ,—неблагодарностью зовется...
Тѣмъ болѣе неблагодаренъ ропотъ
На Господа за то, что онъ назадъ
Потребовалъ Свой царственный заемъ,
Которымъ насъ ссудилъ Онъ такъ охотно.

Риверсъ.—Опомнитесь, милэди! вы такъ нѣжно
Заботитесь о принцѣ, вашемъ сынѣ.

Скорѣй за нимъ пошлите,—и его
Немедля коронуйте. Въ немъ вся ваша
Награда.—Схороните-жъ эту скорбь
Въ гробѣ Эдуарда мертваго, и радость
Свою на тронъ живого возводите!..

(Входятъ: Глостеръ, Бокингэмъ, Стэнли, Гэстингсъ, Ратклифъ и другіе).

Глостеръ.—Сестра, утѣшься; всѣ мы здѣсь имѣемъ
Причину плакать — о затменьи нашей
Звѣзды. Но не помогъ еще никто
Рыданьемъ скорби нашей... Ахъ! простите!
Васъ, матушка, я не замѣтилъ здѣсь...
Смиренно, на колѣняхъ васъ молю я
О вашемъ праведномъ благословеньи...

Герцогиня.—Господь тебя да осѣнитъ и въ грудь
Твою да поселитъ—любовь, покорность,
Смиренье кроткое и вѣрность долгу!

Глостеръ.—И да пошлетъ мнѣ смерть въ преклонныхъ лѣтахъ,
Аминь! (*Въ сторону*). Таковъ конецъ благословеній
Всѣхъ матерей, а между тѣмъ ея
Высочество объ этомъ и забыла!..

Бокингэмъ.—Печальные и горестные принцы,
Печальные и горестные пэры,—
Одно несчастье убиваетъ насъ;
Утѣшимъ же взаимною любовью
Другъ друга. Нашу жатву смерть
Монарха уничтожила, но въ сынѣ
Его другая жатва созрѣваетъ...
Чувствительный и острый переломъ
Враждующихъ сердецъ, еще недавно
Соединенный, связанный и плотью
Покрывшійся, теперь мы всѣ должны
Щадить, беречь и зарощать незримо!..
По-моему, сейчасъ, безъ замедленья,
Должны мы молодого короля
Изъ Людлова въ его столичный Лондонъ
Перевезти, со свитой небольшой,
И здѣсь его короновать на царство...

Риверсъ.—Зачѣмъ же съ небольшою только свитой,
Лордъ Бокингэмъ?

Бокингэмъ.— Затѣмъ, милордъ, чтобъ шумомъ

Процессіи не растравить вражды,
Недавно такъ залѣченной; а это
Опаснѣй тѣмъ, что зелены еще
И не устроены законы наши:
Что каждый конь вожжами правитъ здѣсь,
Бѣжитъ туда, куда ему угодно...
Я думаю, что устранить должны мы
Со зломъ и самую возможность зла!

Глостеръ.—Но вѣдь король насъ примирилъ!.. Не знаю,
Какъ вы,—а я мирился отъ души—
И навсегда...

Риверсъ.— Какъ я,—какъ всѣ, надѣюсь!
Но все-таки союзъ нашъ очень юнъ,
И подвергать его—хотя-бъ возможной
Опасности разрыва—не должно...
А при большомъ конвоѣ онъ возможенъ!
Поэтому, согласно съ благороднымъ
Милордомъ Бокингэмомъ, предложить
И я осмѣлюсь вамъ,—послать немногихъ
За принцемъ...

Гэстингсъ.— Это и мое рѣшенье!

Глостеръ.—И я согласенъ, если вы согласны.
Пойдемте же, назначимъ—кто изъ насъ
За королемъ поѣхать долженъ въ Людловъ?
Миледи,—королева,—я надѣюсь,
Вы не откажетесь въ подобномъ важномъ
Рѣшеніи свое намъ мнѣнье дать. (*Всѣ уходятъ, кромѣ Бокингэма и Глостера*).

Бокингэмъ.—Лордъ... Кто-бъ теперь за принцемъ ни поѣхалъ,
Молю васъ, не сидите дома; я
Дорогою отъ принца удалю
Надменныхъ родственниковъ королевы!

Глостеръ.—Мое второе *Я*, престолъ моихъ
Совѣтовъ, мой судья и мой оракулъ!
Любезный братъ, я, какъ дитя, пойду
Подъ вашимъ руководствомъ къ цѣли! Да,
Мы не останемся здѣсь!.. Въ Людловъ, въ Людловъ!

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Улица. Два гражданина встрѣчаются.

Первый гражданинъ.—Здорово, другъ сосѣдъ! Куда спѣшишь
такъ?
Второй гражданинъ.—А право, я и самъ не знаю... Слышалъ
Ты новость?
Первый гражданинъ.—О кончинѣ короля?..
Да, слышалъ.
Второй гражданинъ.—Богоматерью клянусь,
Плохая новость!—Радостныя вѣсти
И безъ того до насъ доходятъ рѣдко...
О-охъ! Боюсь, какъ разъ теперь вверхъ дномъ
Пойдетъ нашъ свѣтъ. (*Входитъ третій гражданинъ*).
Третій гражданинъ.— Богъ въ помощь вамъ, сосѣди!
Первый гражданинъ.—Спасибо! Добраго вамъ утра, сэръ!
Третій гражданинъ.—Что, подтвердилась новость о кончинѣ
Внезапной Эдуарда?
Второй гражданинъ.— Нѣтъ сомнѣнья
Ужъ болѣе! Господь, спаси насъ бѣдныхъ!
Третій гражданинъ.—Да, сэры, быть великимъ смутамъ!
Первый гражданинъ.—Какъ такъ?—Вѣдь Божьей милостью
на тронъ
Сынъ короля взойдетъ!..
Третій гражданинъ.— Несчастье царству,
Въ которомъ правитъ слабое дитя!
Второй гражданинъ.—На нашего надѣяться мы можемъ!
Въ немъ цвѣтъ престола нашего!.. Пока
Онъ малъ,—въ рукахъ достойнаго совѣта
Бразды правленья будутъ,—а когда
Онъ подростетъ и наберется силой,—
Самъ онъ возьметъ свой скипетръ золотой
И управлять на славу нами станетъ!!..
Первый гражданинъ.—Да, тронъ въ такомъ же положеньи былъ,
Когда короною, въ Парижѣ, Генрихъ
Шестой вѣнчался на родное царство...
Онъ девяти былъ мѣсяцевъ тогда.
Третій гражданинъ.—Въ такомъ же положеньи? Нѣтъ, друзья,—
Господь свидѣтель,—наше царство было
Тогда богато славными мужами,
Совѣтниками королей,—и дяди
Могучіе вкругъ юнаго орла

Могучею фалангою стояли!—

Первый гражданинъ.—Что-жъ, и у этого довольно дядей
По матери и по отцу его...

Третій гражданинъ.—Ужъ лучше, если-бъ по отцѣ всѣ были,
Иль не было ни одного по немъ.
Соперничествомъ въ томъ, кому быть ближе
Изъ всѣхъ ихъ къ королю, они и насъ
Задѣнутъ, если не спасетъ насъ Богъ.
О, герцогъ Глостеръ полонъ страшныхъ козней;
А сыновья и братья королевы
Высокомѣрны и горды; да, если бъ
Имъ не владѣть, а быть самимъ подъ властью—
Нашъ бѣдный и больной и слабый край
Увидѣлъ бы опять свое блаженство.

Первый гражданинъ. — Ну, перестаньте, вамъ все въ черномъ видѣ
Является: все будетъ хорошо!—

Третій гражданинъ.—Когда ползутъ на небо тучи, — умный
Скорѣе надѣваетъ плащъ. Зима
Близка, когда большіе листья падать
Начнутъ; а закатилось солнце,—всякій
Ждетъ сумрака... Безвременныя бури
Дороговизну предвѣщаютъ... Впрочемъ,
Все будетъ хорошо,—но ужъ тогда
Господь къ намъ милостивъ гораздо болѣ,
Чѣмъ стòимъ мы и чѣмъ я ожидаю.

Второй гражданинъ.—Да точно,—всѣ умы полны боязни;
И съ кѣмъ бы вы ни стали разсуждать,
Его лицо ужъ покрываетъ грусть,
И весь онъ дышитъ чернымъ опасеньемъ.

Третій гражданинъ.—Предъ смутами всегда бываетъ такъ!
Божественнымъ инстинктомъ человѣкъ
Разгадываетъ близкую опасность...
Такъ волны моря, передъ лютой бурей,
Какъ оживленныя, встаютъ надъ бездной—
Безъ вѣтра, сами... Но все это Богу
Оставимъ, граждане! — Куда вы?

Второй гражданинъ.— Насъ
Къ судьѣ обоихъ звали.

Третій гражданинъ.— И меня.
Въ дорогу-жъ, добрые друзья, въ дорогу. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамъ же. Комната во дворцѣ. Входятъ: **Архіепископъ Іоркскій, малолѣтній герцогъ Іоркскій, королева Елисавета и герцогиня Іоркская.**

Архіепископъ.—Прошедшей ночью,—слышалъ я,—они
Въ Стратфордѣ были, въ Норсгэмптонѣ нынѣ
Имъ ночевать, а завтра на зарѣ,—
Иль ужъ навѣрно послѣзавтра,—здѣсь,
Межъ нами быть имъ.

Герцогиня.— Ото всей души
Мнѣ видѣть принца хочется. Съ тѣхъ поръ, какъ
Я видѣла его въ послѣдній разъ,
За это время онъ, конечно, выросъ.

Королева Елисавета.— Нѣтъ,
Мой Іоркъ его замѣтно переростъ,
Какъ говорили мнѣ!

Іоркъ.— А я совсѣмъ бы
Не пожелалъ такой завидной доли...

Герцогиня.—Какъ такъ, мой милый? Ростъ всегда хорошъ...

Іоркъ.—Да вотъ какъ, бабушка: однажды ночью,
За ужиномъ, мой дядя Риверсъ мнѣ
Сказалъ, что я переростаю брата,—
А дядя Глостеръ и замѣтилъ намъ:
«Хорошая трава невысока,
Дурная-жъ тянется всегда высоко».—
Съ тѣхъ поръ и не желаю я рости...
Роскошный цвѣтъ растетъ едва замѣтно,
А скоро вырастаютъ лишь дурные,
Да хворые и слабые цвѣты!..

Герцогиня.—Однакожъ, эта поговорка вовсе
На томъ, кто высказалъ ее тебѣ,
Не оправдалася: онъ въ дѣтствѣ былъ
Такъ малъ и росъ такъ медленно, такъ туго,
Что, будь права пословица его,
Онъ былъ бы украшеніемъ людей...

Архіепископъ.—Онъ, герцогиня, добръ и безъ того!

Герцогиня.—Быть-можетъ,—но, какъ мать, я васъ прошу
На этотъ разъ позволить мнѣ немножко
Поусомниться...

Іоркъ.— Да! и если-бъ я
Тогда подумалъ хоть немного,—дядѣ
Сказалъ получше бы о бѣдномъ ростѣ

Его, чѣмъ о моемъ сказалъ онъ.

Герцогиня.— Чтò жъ,
Мой милый Іоркъ, сказалъ бы ты ему?

Іоркъ.—Всѣ говорятъ, что дядя росъ такъ скоро,
Что ровно черезъ два часа съ рожденья
Легко могъ корки грызть,—а у меня
Мой первый зубъ явился черезъ два
Лишь года!.. Бабушка, вѣдь это будетъ
Повеселѣй и поострѣй!

Герцогиня.— Скажи,
Мой свѣтлый Іоркъ, кто разсказалъ тебѣ
Объ этомъ?

Іоркъ.— Я не помню.—Да! его
Кормилица...

Герцогиня.— Кормилица? Возможно-ль!
Она скончалась прежде твоего
Рожденья.

Іоркъ.— Ну, такъ значитъ не она,
И я не знаю, кто мнѣ разсказалъ.

Королева Елисавета.—Болтунъ, пошелъ!! Ты что-то слишкомъ дерзокъ!

Архіепископъ.—Монархиня, простите,—онъ ребенокъ...

Королева Елисавета. — Милордъ, ушей не лишены и стѣны!
(*Входитъ гонецъ*).

Архіепископъ.—Вотъ и гонецъ: чтò новаго?

Гонецъ.— Милордъ,
Такія новости, что тяжело
И говорить.

Королева Елисавета.—Что принцъ!?..

Гонецъ.— Здоровъ и веселъ,
Монархиня...

Герцогиня.— Такъ говори-жъ, въ чемъ дѣло?

Гонецъ.—Лордъ Риверсъ и лордъ Грей, а съ ними сэръ
Томасъ Вогэнъ, подъ сильной стражей въ Помфретъ
Отправлены.

Герцогиня.— Кто-жъ ихъ арестовалъ?

Гонецъ.—Лордъ Бокингэмъ и сильный герцогъ Глостеръ.

Королева Елисавета.—За что?

Гонецъ.— Я разсказалъ вамъ все, что знаю,
Но кàкъ и по какой причинѣ ихъ
Арестовали, королева, это—

Мнѣ не повѣдано.

Королева Елисавета.—О! горе, горе...
Я вижу гибель всей моей семьи.
Бездушный тигръ поймалъ бѣдняжку лань.
Неистовое самовластье вздулось
Надъ беззащитнымъ англійскимъ престоломъ:
Здорово-жъ, злобное опустошенье,
Кровь и убійства! Вижу, вижу васъ...
Какъ на живой картинѣ—предо мной
Конецъ всего—непризванный выходитъ!

Герцогиня.—Проклятое и гибельное время
Междоусобій,—сколько черныхъ дней
Надъ головой моею разразилось!
Мой мужъ погибъ, сражаясь за вѣнецъ;
Мои сыны—то шумно возвышались,
То падали,—и я то наслаждалась
При ихъ побѣдахъ, то надъ горемъ ихъ
Терзалася... И вотъ, вполнѣ побѣда
Вѣнчала ихъ, враги ихъ разбѣжались...
Что-жъ вышло?—Бой открылся между ними,
Межъ побѣдителями; братъ на брата
И кровь на кровь возстали!.. О! безумство
Неистовое, брось свою хандру
Проклятую,—иль умертви меня,
Чтобъ не видать мнѣ смерти близкихъ мнѣ!

Королева Елисавета.—Пойдемъ! пойдемъ! мой сынъ!.. Скорѣе
въ церковь
Укроемся!.. Прощайте, герцогиня.

Герцогиня.—Постойте! и меня съ собой возьмите.

Королева Елисавета.—Вамъ незачѣмъ! Вы можете остаться...

Архіепископъ.—Да, королева, поспѣшите!—Всѣ
Свои сокровища, все достоянье
Свое берите также за собой...
А я передаю вамъ отъ себя
Печать, мнѣ ввѣренную... И дай Богъ
Мнѣ счастія такого же, какъ вамъ
Я отъ души желаю! Въ путь, идемте...
Я проведу васъ въ храмъ! Идемте съ Богомъ! (*Всѣ
уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ. Улица. Звучатъ трубы. (Входятъ: **Принцъ Валлійскій, Глостеръ, Бокингэмъ, Борчеръ** и другіе).

Бокингэмъ.—Привѣтствую васъ, принцъ, въ палатѣ вашей,—
Въ великомъ Лондонѣ.
Глостеръ.— Племянникъ милый,
Властитель думъ моихъ, привѣтъ душевный
Вамъ отъ меня! Не отъ дороги-ль трудной
Вы такъ печальны?
Принцъ.— Нѣтъ, не отъ дороги,
Любезный дядя,—отъ досадныхъ смутъ,
Которыя нашъ путь такимъ несчастнымъ
И непріятнымъ сдѣлали: я ждалъ,
Что здѣсь меня еще другіе дяди
Привѣтствовать сойдутся.
Глостеръ.— Свѣтлый принцъ,
Безгрѣшная правдивость вашихъ лѣтъ
Мѣшаетъ вамъ проникнуть въ козни міра!
Понятна вамъ одна лишь внѣшность наша,
Которая,—свидѣтель Богъ,—почти
Всегда противорѣчитъ нашимъ мыслямъ.
Опасны были вамъ всегда тѣ дяди,
Которыхъ здѣсь вы не нашли... Вамъ сладки
Казались рѣчи ихъ, но ядъ сердецъ
Своихъ они отъ васъ лукаво скрыли!
Да сохранитъ васъ Богъ отъ этихъ дядей
И ото всѣхъ друзей коварныхъ!..
Принцъ.— Богъ
Да сохранитъ меня отъ ложной дружбы.
Но ложны-ль были дяди, я не знаю...
Глостеръ.—Милордъ, мэръ Лондона спѣшитъ сюда
Поздравить васъ съ избраніемъ... (*Входитъ лордъ-мэръ со свитой*).
Мэръ.— Всевышній
Да ниспошлетъ вамъ счастье и здоровье,
Нашъ молодой монархъ!
Принцъ.— Благодарю
Васъ, добрый лордъ; благодарю и васъ всѣхъ! (*Мэръ удаляется со свитой*).

Я полагалъ, что матушка и братъ,
Принцъ Іоркъ, меня еще въ дорогѣ встрѣтятъ;
Но—какъ же медлитъ этотъ скучный Гэстингсъ!
Какъ не узнать, пріѣдутъ ли они?
(*Входитъ Гэстингсъ*).

Бокингэмъ.—Да вотъ и Гэстингсъ! какъ усталъ, и весь
Въ поту!
Здорово, лордъ! Что-жъ, скоро будутъ
Сюда мой братъ и мать моя?

Гэстингсъ.— Богъ вѣсть,
Что за причина, только братъ вашъ Іоркъ
И королева удалились въ храмъ.
Принцъ думалъ къ вамъ со мною вмѣстѣ ѣхать,—
Но королева силой удержала
Его...

Бокингэмъ.—Какой безумный и упрямый
Капризъ!—Лордъ Борчеръ, не угодно-ль вамъ
Представить убѣжденья королевѣ,
Чтобы она сейчасъ же принца Іорка
Сюда, къ его властительному брату,
Отправила!—Когда-жъ она, лордъ Гэстингсъ,
Не согласится, вы пойдете съ нимъ,
И силой изъ ея ревнивыхъ рукъ
Возьмите герцога!..

Борчеръ.— Лордъ Бокингэмъ,
Пусть только не измѣнитъ мнѣ языкъ,—
Я вымолю у матери вамъ принца,
И вы увидите его; но если-жъ
Она не тронется моей мольбой,—
Избави Богъ меня нарушить святость
Ея убѣжища! За царство міра—
Не соглашусь дѣлить я этотъ грѣхъ!

Бокингэмъ.—Вы мелочны, милордъ, и суевѣрны;
Вамъ самый безтолковый подтвердитъ,
Что, принца захвативъ, не прегрѣшите;
Убѣжище даютъ тому охотно,
Кто борется за сохраненье жизни.
Принцъ ни о чемъ не плачетъ, не вздыхаетъ,
А потому не ищетъ онъ и скрыться.
Вы, взявъ его, не оскорбите тѣмъ
Ни привилегій, ни уставовъ храма.

Я слышалъ часто о правахъ людей,
Но никогда о хартіяхъ дѣтей!

Борчеръ.—Милордъ, меня вполнѣ вы убѣдили.
Идемъ. Лордъ Гэстингсъ, вы со мной?

Гэстингсъ.— Идемте.

Принцъ.—Идите, лорды добрые, спѣшите. (*Кардиналъ и Гэстингсъ уходятъ*).
Скажите, дядя Глостеръ,—если братъ мой
Пріѣдетъ, гдѣ мы съ нимъ должны пристать
До коронаціи?

Глостеръ.— Повсюду, лордъ,
Гдѣ вашему величеству угодно
Лишь будетъ.—Впрочемъ, я бы далъ совѣтъ вамъ—
Хоть на день или на два завернуть
Въ спокойный Тоуэръ; послѣ же, пожалуй,—
Гдѣ вы найдете болѣе пріятнымъ
И болѣе полезнымъ для здоровья.

Принцъ.—Противенъ мнѣ вашъ Тоуэръ; хуже всѣхъ
Другихъ мнѣ мѣстъ онъ.—Справедливо-ль, впрочемъ,
Что выстроилъ его Великій Цезарь?

Глостеръ.—Онъ, государь, лишь началъ строить Тоуэръ;
Доканчивало дальнее потомство.

Принцъ.—И это все по лѣтописямъ видно,
Или преданія изъ вѣка въ вѣкъ
Перенесли такую вѣсть?

Бокингэмъ.— Милордъ,
Лишь по преданьямъ.

Принцъ.— Но, положимъ, дядя,
Что это бы и не было въ столбцы
Пергамента записано,—не правда-ль,
Что истина должна изъ вѣка въ вѣкъ,
Изъ устъ въ уста идти и безъ того,—
Идти до дня *послѣдняго суда?*..

Глостеръ (*въ сторону*).—Разумникъ скороспѣлый, говорятъ,
Недолговѣченъ, впрочемъ!..

Принцъ.— Что вы, дядя,
Сказали?..

Глостеръ.— Лордъ, я говорю, что слава
И безъ скрижалей долговѣчна. (*Въ сторону*). Вотъ—
И я, какъ Зло въ старинныхъ представленьяхъ,
Плету двусмысленныя остроты.

Принцъ.—Великій человѣкъ былъ Цезарь! То,
Чтò доблести его уму внушали,
Умъ завѣщалъ потомству въ письменахъ,
И доблести его въ безсмертной жизни
Явились.. Смерть его не побѣдила...
И умеръ онъ,—но духъ его живетъ!—
Лордъ Бокингэмъ, я чтò-то вамъ сказать
Хочу.

Бокингэмъ.—Чтò скажешь, принцъ?

Принцъ.— А вотъ чтò: если
Я доживу до той поры, что мужемъ
Ужъ назовусь, я возвращу отчизнѣ
Завоеванья нашихъ королей—
Во Франціи... Иль на войнѣ солдатомъ
Паду, какъ жилъ на тронѣ королемъ!

Глостеръ (*въ сторону*). Несвоевременный приходъ весны,
Жаровъ и жизни—убавляетъ лѣто... (*Входятъ: Іоркъ, Гэстингсъ и Кардиналъ*).

Бокингэмъ.—А вотъ, какъ разъ, и герцогъ Іоркъ!

Принцъ.— Привѣтъ вамъ,
Любезный братъ нашъ, Ричардъ Іоркскій! Какъ
Вы поживаете?

Іоркъ.— Благодарю,
Мой августѣйшій повелитель!—Такъ ли
Теперь я долженъ называть тебя?

Принцъ (*горестно*).—Да, братъ, и къ твоему, и къ моему
Несчастью!—Такъ еще недавно умеръ
Тотъ, кто бы могъ еще носить такое
Святое имя! Это имя много
Утратило величья своего
Со смерти короля!

Глостеръ.— Какъ поживаетъ
Племянникъ нашъ, достойный герцогъ Іоркъ?

Іоркъ.—Благодарю, любезный дядя... Да!!
Милордъ,—вы какъ-то говорили мнѣ,
Что быстро выростаетъ лишь дурная
Трава: смотрите же, какъ переросъ
Меня свѣтлѣйшій принцъ, мой братъ...

Глостеръ.— Да, лордъ,
И въ самомъ дѣлѣ!

Принцъ.— Значитъ, братъ твой—зельс

Плохое?
Глостеръ.— Нѣтъ, кузенъ мой, не скажу.
Іоркъ.—Такъ вы насъ любите любовью разной?
Глостеръ.—Онъ мнѣ король, я подданный ему;
А вы—родной намъ близкій.
Іоркъ.— Такъ прошу васъ,
Любезный дядя, дать мнѣ свой кинжалъ.
Глостеръ.—Кинжалъ мой? Отъ души, племянникъ милый.
Принцъ.—Ты, братецъ, просишь, точно нищій.
Іоркъ.— Да,—
Прошу у дяди: онъ мнѣ не откажетъ.
Притомъ—не жаль отдать такой бездѣлки
Кому угодно.
Глостеръ.— Дорогому принцу
Я никогда-бъ не отказалъ и въ бо̀льшемъ...
Іоркъ.—И въ бо̀льшемъ? Значитъ, вы мнѣ подарите
И мечъ еще?
Глостеръ.— Да, дорогой племянникъ,
Когда-бъ онъ былъ поменьше.
Іоркъ.— О! я вижу
Теперь, вы щедры лишь на небольшіе
Подарки: попроси же васъ бѣднякъ
О чемъ-нибудь побольше, вы ему
Сейчасъ откажете.
Глостеръ.— Мой мечъ тяжелъ
Вамъ будетъ.
Іоркъ.— Ничего, я слажу съ нимъ,
Будь онъ еще тяжелѣ.
Глостеръ.— Какъ? Малютка
Милордъ мое оружіе носить
Хотѣлъ бы?
Іоркъ.— Да, мнѣ очень бы хотѣлось
Вамъ отплатить, любезный дядя, тѣмъ же,
Чѣмъ вы меня сейчасъ назвали!
Глостеръ.— Какъ же,
Чѣмъ?
Іоркъ.— Маленькимъ!..
Принцъ.— Лордъ Іоркъ всегда до вздору
Дойдетъ въ своихъ словахъ... Но добрый дядя
Всегда умѣлъ переносить пустыя
Его обиды!

Іоркъ.— Вы сказать хотѣли—
Носить, а не переносить меня...
Братъ надо мной, да и надъ вами, дядя,
Смѣется; я не больше обезьяны,—
И на плечахъ вамъ не снести меня.
Бокингэмъ.—Какъ мѣтко и остро хитрецъ насъ шутитъ:
Какъ ловко и наивно онъ смѣется
Самъ надъ собой,—чтобы смягчить свои
Нападки на родного дядю!.. Чудно!
Такъ молодъ и ужъ такъ хитеръ.
Глостеръ.— Милордъ,
Угодно-ль вамъ идти въ дорогу далѣ?
А между тѣмъ, мы съ братомъ Бокингэмомъ
Къ родительницѣ вашей поспѣшимъ
И убѣдимъ ее явиться вслѣдъ
За вами въ Тоуэръ съ должнымъ поздравленьемъ.
Іоркъ.—Какъ, лорды, вы идете въ Тоуэръ?
Принцъ.— Лордъ
Протекторъ приказалъ намъ это, онъ
Желаетъ такъ...
Іоркъ.— Я въ Тоуэрѣ едва-ль
Спокойно буду спать!
Глостеръ.— Что это значитъ?
Чего бояться вамъ, милордъ?
Іоркъ.— Чего?
Кровавой тѣни Кларенса!—Вѣдь дядя
Былъ въ Тоуэрѣ убитъ?.. Такъ говорила
Мнѣ бабушка!
Принцъ.— Я мертвыхъ дядей вовсе
Бояться не умѣю.
Глостеръ.— И живыхъ—
Надѣюсь?
Принцъ.— О! пока они еще
Не умерли, мнѣ нечего бояться!—
Однако-жъ, лордъ, идемте!—Вспоминая
О нихъ,—съ печалью и съ тоской въ душѣ,—
Я неохотно отправляюсь въ Тоуэръ. (*Уходятъ:Принцъ, Іоркъ, Гэстингсъ, Кардиналъ, свита и другіе*).
Бокингэмъ.—Какъ, лордъ, вы думаете, эти всѣ
Насмѣшки маленькаго болтуна—
Не наущенья матери его

Лукавой и мятежной?..

Глостеръ.— Безъ сомнѣнья!
О! это преопасный мальчикъ: смѣлъ,
Хитеръ, уменъ и гордъ,—и весь
Въ родную матушку—отъ головы
До пятокъ!

Бокингэмъ.— Хорошо!.. Оставимъ ихъ!.. (*Входитъ Кетзби*).
Приблизься, вѣрный Кэтзби. Ты клялся намъ
Исполнить все, что̀-бъ мы ни замышляли,
Клялся хранить въ глубокой тайнѣ все,
Что̀-бъ мы тебѣ ни сообщили.—Ты
Дорогою узналъ уже не мало
Изъ нашихъ плановъ!—Какъ ты полагаешь,
Легко-ль на нашу сторону склонить
Вильяма Гэстингса въ великомъ дѣлѣ
Коронованья этого милорда
Вѣнцомъ Британіи, отчизны нашей?

Кэтзби.—Нѣтъ, изъ любви къ покойному монарху,
Не согласится онъ обидѣть сына
Его!

Бокингэмъ.—А что̀ ты думаешь о Стэнли?
Не покорится-ль этотъ намъ?

Кэтзби.— Ни въ чемъ
Отъ Гэстингса онъ не отстанетъ.

Бокингэмъ.— Ну,—
Такъ вотъ что, добрый Кэтзби, ты ступай
Къ Вильяму Гэстингсу и передай
Ему, что онъ на-завтра долженъ въ Тоуэръ
Явиться на совѣтъ объ исполненьи
Вѣнчанія;—и тутъ, издалека,
Узнай, какихъ лордъ Гэстингсъ будетъ мыслей
Касательно задуманнаго нами
Намѣренья? И если ты замѣтишь,
Что онъ расположенъ къ намъ,—ободри
Его, повѣрь ему всѣ наши планы;
Когда-жъ онъ будетъ молчаливъ и мраченъ,
И холоденъ, и весь въ негодованье
Придетъ,—и ты ему потворствуй! Сбавь
Горячности своей, незримо кончи
Свой разговоръ и поскорѣй увѣдомь

Насъ о его расположеньи. Завтра
Еще другой совѣтъ составимъ мы:
А въ немъ и ты себѣ отыщешь дѣло.
Глостеръ.—Напомни Гэстингсу, любезный Кэтзби,
Что завтра, въ Помфретѣ,—опасной кучкѣ
Его враговъ беззубыхъ пустятъ кровь...
Пускай, дружокъ, на радости отъ этихъ
Вѣстей,—одинъ хоть лишній поцѣлуй
Дастъ мистриссъ Шоръ!
Бокингэмъ.— Надѣюсь, добрый Кэтзби,
Что порученья наши ты исполнишь
Со всею вѣрностью...
Кэтзби.— Со всею, лорды!—
Глостеръ.—Увидимъ ли тебя мы, Кэтзби, прежде,
Чѣмъ ляжемъ спать?..
Кэтзби.— Увидите, надѣюсь!
Глостеръ. — Итакъ — иди, ты въ Кросби насъ найдешь.
(*Кэтзби уходитъ*).
Бокингэмъ. — Что-жъ, лордъ, мы станемъ дѣлать, если Гэстингсъ
Откажетъ намъ?
Глостеръ.— Мы голову ему
Сорвемъ!.. На всякій случай, вѣроятно,
Ужъ что-нибудь да станемъ дѣлать!—слушай:
Когда я буду королемъ, твое—
Герфордское блистательное графство
И все имѣнье движимое брата
Покойника!..
Бокингэмъ.— Я, лордъ, тогда сошлюсь
На ваше слово.
Глостеръ.— Да, я и сдержу
Его тебѣ, какъ другу моему!..
Пойдемъ, поужинаемъ поскорѣй,
Заранѣе, чтобъ было время намъ—
Переварить получше наши планы!—(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Передъ домомъ лорда Гэстингса. Входитъ **гонецъ**.

Гонецъ (*стучитъ въ дверь*).—Милордъ, милордъ!
Гэстингсъ (*за сценой*).— Кто тамъ стучится,—эй?..
Гонецъ.—Посолъ отъ Стэнли.

Гэстингсъ.— А который часъ?
Гонецъ.—Четыре скоро станетъ бить. *(Входитъ Гэстингсъ).*
Гэстингсъ.— Навѣрно—
Лордъ Стэнли твой безсонницей страдаетъ?
Гонецъ.—Да, по тому судя, что мнѣ сказать
Поручено вамъ,—кажется, что такъ...
Во-первыхъ, онъ вамъ кланяется, лордъ!
Гэстингсъ.—Потомъ?
Гонецъ.— Потомъ велѣлъ вамъ сообщить,
Что въ нынѣшнюю ночь ему приснился
Кабанъ, и будто этотъ звѣрь съ него
Сорвалъ шишакъ; потомъ онъ говоритъ,
Что завтра соберутся два совѣта,
И что въ одномъ изъ нихъ рѣшиться можетъ
То, что въ другомъ надѣлаетъ заботъ
Вамъ и ему. Поэтому онъ мнѣ
Велѣлъ узнать, угодно-ль будетъ вашей
Свѣтлѣйшей милости немедля, съ нимъ
Садиться на коней и, сколько можно
Быстрѣй, летѣть на сѣверъ и спасаться
Отъ бѣдъ, которыя предвидитъ онъ.
Гэстингсъ.—Иди, дружище, воротись къ милорду,
Скажи ему, чтобъ онъ не опасался
Двойного совѣщанья: на одномъ
Изъ нихъ мы будемъ оба, на другомъ же
Мой другъ, лордъ Кэтзби, непремѣнно будетъ;
И все, что-бъ на послѣднемъ противъ насъ
Ни порѣшили, тотчасъ намъ объявятъ.
Скажи ему, что страхъ его напрасенъ;
А что касается до сна, то я
Не надивлюся просто,—какъ въ такой
Онъ степени и простъ, и безразсуденъ,
Что вѣритъ шалостямъ своихъ же грёзъ!
Бѣжать отъ кабана, когда кабанъ
Еще не гонится за нами, значитъ—
Заставить броситься его за нами
И показать ему добычу тамъ,
Гдѣ онъ ее и видѣть не сумѣлъ бы!
Иди же къ господину твоему
И попроси его ко мнѣ; мы вмѣстѣ
Поѣдемъ въ Тоуэръ, и милордъ увидитъ,

Какъ тамъ его воинственный кабанъ
Насъ ласково и безобидно встрѣтитъ!

Гонецъ. — Лордъ, обо всемъ ему я передамъ. (*Уходитъ. Входитъ Кэтзби*).

Кэтзби.—День добрый, благородный лордъ!

Гэстингсъ.— А, Кэтзби,
Мое почтеніе: вы нынче рано
Вспорхнули! Ну, что̀ новаго у насъ,—
У насъ, въ несчастномъ государствѣ нашемъ?

Кэтзби.—И въ самомъ дѣлѣ, лордъ, въ немъ какъ-то все
Мятется и идетъ внѣ колеи.
Я думаю, что этому до той
Поры не перестать, пока вѣнецъ
На Ричардѣ не заблеститъ и земли
Регалій не войдутъ въ его доходы.

Гэстингсъ.—Вѣнецъ правленія? Корона?

Кэтзби.— Да,
Мой добрый лордъ.

Гэстингсъ.— Пусть голову мою
Снесутъ мнѣ прежде, чѣмъ увижу я
Такое страшное перемѣщенье
Короны! Неужель и въ самомъ дѣлѣ,
По-вашему, онъ мѣтитъ на нее?

Кэтзби.—Да, нѣтъ сомнѣнья. Онъ и васъ склонить
Надѣется на сторону свою:
И потому просилъ меня сказать вамъ,
Что нынче-жъ ваши кровные враги,
Родные королевы,—всѣ погибнутъ
Близъ Помфрета...

Гэстингсъ.— О! Ужъ, конечно, я
Не огорчусь извѣстіемъ подобнымъ,
Они всегда со мною враждовали!
Но, чтобъ за Ричарда мой голосъ дать
Рѣшился я,—чтобъ согласился тронъ
Отнять у сына моего монарха,—
Нѣтъ,—никогда! Свидѣтель Богъ,—хоть жизни
Лишусь!

Кэтзби.— Дай Богъ, чтобъ вы всегда, милордъ,
Такихъ достойныхъ мыслей были!

Гэстингсъ.— Но—
И черезъ годъ я радоваться буду,—

Что видѣлъ смерть моихъ враговъ лукавыхъ...
Они меня поссорили съ моимъ
Монархомъ.—Да, любезный Кэтзби, прежде
Чѣмъ я двумя недѣлями еще
Состарѣюсь,—я положу отправить
Еще кого-нибудь изъ нихъ,—они
Объ этомъ и не думаютъ!..

Кэтзби.— Однако-жъ,
Милордъ,—прескверно умереть, когда
О смерти и не думаешь!

Гэстингсъ.— Да, гадко!
И такъ падутъ Вогэнъ, и Грей, и Риверсъ,—
И нѣсколько еще другихъ; межъ тѣмъ,
Они себя въ опасности нисколько
И не считаютъ, точно ты да я,—
Къ которымъ, какъ всему извѣстно свѣту,
Такъ благосклонны—и свѣтлѣйшій Ричардъ,
И другъ его,—достойный Бокингэмъ.

Кэтзби.—Они васъ оба ставятъ такъ высоко...
(*Въ сторону*). Что вашей головѣ, милордъ, какъ разъ
Стоять на мостовомъ столбу!

Гэстингсъ.— О, да,—
Я знаю самъ, что я достоинъ этой
Почетной дружбы! (*Входитъ Стэнли*).
А, здорово, лордъ!
Что-жъ безъ рогатины вы,—кабана
Боитеся,—а ходите одни,
Безъ всякаго оружія?

Стэнли.— Милорды,
День добрый вамъ!—Не смѣйтесь надо мной,
Клянусь крестомъ Спасителя,—совсѣмъ
Не по душѣ мнѣ двойственный совѣтъ вашъ.

Гэстингсъ.—Милордъ, я дорожу не меньше васъ
Своею жизнью; и прибавлю вамъ,
Что никогда еще она мнѣ столько,
Какъ нынче, не казалася безцѣнна.
И неужель, когда бы въ безопасность
Свою не вѣрилъ я,—такъ безмятежно-бъ
Болталъ я съ вами?..

Стэнли.— Помфретскіе лорды
Изъ Лондона спокойно выѣзжали

И вѣрили въ святую безопасность
Свою,—и въ самомъ дѣлѣ никакой
Причины не имѣли опасаться.
Однако-жъ, вамъ извѣстно, какъ нежданно
Затмился день ихъ?—Страшно я боюсь
Ударовъ этой безпощадной мести!..
Дай Богъ, чтобъ я остался только трусомъ!
Что-жъ, въ Тоуэръ, лорды, мы идемъ?.. Ужъ день
Давно на небѣ.

Гэстингсъ.— Полно, успокойтесь.
Извѣстно-ль вамъ, милордъ, что нынче будутъ
Казнить тѣхъ самыхъ лордовъ, о которыхъ
Вы только-что припоминали?..

Стэнли.— Да,
По вѣрности и чести ихъ, скорѣй—
Имъ можно-бъ было головы носить,
Чѣмъ нѣкоторымъ изъ судей ихъ шляпы.
Идемте-жъ, лордъ. (*Входитъ разсыльный*).

Гэстингсъ.— Ступайте вы впередъ;
А я вотъ съ этимъ перемолвить долженъ.
(*Стэнли и Кэтзби уходятъ*).
Ну что, дружище, какъ твои дѣла?

Разсыльный.—Идутъ чудесно,—если ваша свѣтлость
Меня своимъ уже почтили словомъ...

Гэстингсъ.—Скажу тебѣ, что и мои дѣлишки
Поправились завидно съ той поры,
Какъ мы съ тобою здѣсь же повстрѣчались:
Тогда я шелъ подъ стражей въ грозный Тоуэръ,
Благодаря стараніямъ друзей
И родственниковъ королевы; нынче-жъ,—
Храни лишь это въ тайнѣ,—нынче день
Кровавой казни всѣхъ моихъ враговъ....
Да, лучше, нежели когда-нибудь,
Теперь моя капризная судьба.

Разсыльный.—Дай Богъ, чтобъ все по вашему желанью
Свершилося!

Гэстингсъ.— Спасибо, вѣрный другъ! (*Бросая ему кошелекъ*).
Вотъ, выпей за мое здоровье!

Разсыльный.— Лордъ,
Благодарю васъ. (*Уходитъ. Входитъ Патеръ*).

Патеръ.— Дорогая встрѣча,
Милордъ!—Отрадно вашу честь мнѣ видѣть!
Гэстингсъ.—Благодарю васъ отъ души, любезный
Сэръ Джонъ! Я передъ вами все еще
Въ долгу за вашу вѣрную услугу...
Въ субботу слѣдующую ко мнѣ
Зайдите,—я свой долгъ вамъ заплачу!
Патеръ.—Свѣтлѣйшій лордъ, я буду ожидать. *(Входитъ Бокингэмъ).*
Бокингэмъ.—О чемъ вы это говорите здѣсь
Съ духовникомъ своимъ, лордъ камергеръ?
Въ немъ болѣе нуждаются друзья
Милорда,—Помфретскіе арестанты,
А вашей чести исповѣдь пока
Еще надолго ненужна.
Гэстингсъ.— Конечно!
Я встрѣтился съ духовникомъ, и мысль
Невольная о нашихъ заключенныхъ
Пришла мнѣ въ голову. Скажите, герцогъ,
Вы въ Тоуэръ отправитесь?
Бокингэмъ.— Да, лордъ;
Но я туда—на самый малый срокъ,
И прежде васъ оттуда возвращусь.
Гэстингсъ.—Быть можетъ, потому что я обѣдать
Останусь тамъ.
Бокингэмъ *(въ сторону).*—И ужинать! Но этого еще
Не знаешь ты.—Итакъ, милордъ, идемте.
Гэстингсъ.—Идемте, я готовъ, свѣтлѣйшій герцогъ! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Помфретъ. Передъ замкомъ (**Ратклифъ** со стражею ведетъ на казнь **Риверса, Грея и Вогэна**).

Ратклифъ.—Ведите плѣнниковъ!
Риверсъ.— Сэръ Ричардъ Ратклифъ,—
Сегодня ты увидишь, какъ за вѣрность,
За честь свою и за святой свой долгъ—
Погибнетъ подданный!..
Грей.— Всевышній принца
Да сохранитъ отъ вашей братьи! Всѣ
Вы заклятые кровопійцы...

Вогэнъ.— Будетъ
Пора,—и вы начнете горевать,
Что жизнь васъ не покинула!..
Ратклифъ.— Спѣшите.—
Уже давно границы вашей жизни
Положены.
Риверсъ.— О, Помфретъ, Помфретъ! Ты—
Кровавая и страшная темница
Для благородныхъ пэровъ!.. Подъ твоимъ
Преступнымъ сводомъ былъ изрубленъ Ричардъ
Второй,—и мы своей невинной кровью
Тебя забрызжемъ, чтобъ въ-конецъ усилить
Позоръ твоей отверженной судьбы.
Грей.—Свершаются проклятья Маргариты,
Ея желанья Гэстингсу, и мнѣ,
И вамъ, милордъ: мы видѣли, какъ Ричардъ
Убилъ ея любимое дитя!..
Риверсъ.—Тогда она проклятья расточала
И на другихъ: мятежный Бокингэмъ,
И Гэстингсъ, и коварный Ричардъ—также
Подверглись имъ!—О, Господи, внемли-жъ
Ея мольбамъ за нихъ, какъ внялъ ты нынѣ
Ея моленіямъ за насъ... Но, Боже,
Помилуй и спаси мою сестру!
И сохрани ея малютку-сына...
Пусть наша кровь невинная прольется
За нихъ и жизнь ихъ бѣдную искупитъ!
Ратклифъ.—Спѣшите: часъ кончины вашей пробилъ...
Риверсъ.—Вогэнъ, другъ, Грей! обнимемся, прощайте!
До новой встрѣчи, тамъ—на небесахъ!..

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лондонъ. Комната въ Тоуэрѣ. **Бокингэмъ, Стэнли, Гэстингсъ, Епископъ Эли, Кэтзби, Ловель** и другіе сидятъ за столомъ; чиновники совѣта стоятъ позади ихъ.

Гэстингсъ.—Итакъ, милорды-пэры, на совѣтъ
Мы собрались, чтобъ кончить наше дѣло
О коронаціи; рѣшите-жъ съ Богомъ
Его и назначайте день.
Бокингэмъ.— Но все-ль
Готово для такого торжества?

Стэнли.—Готово все; осталося назначить
Лишь день одинъ!
Эли.— По-моему—такъ завтра
День самый выгодный!
Бокингэмъ.— Кому извѣстно,
Что думаетъ объ этомъ лордъ-протекторъ?
Кто посвященъ въ тайникъ его души?
Эли.—Мы думаемъ, что вамъ, достойный лордъ,
Скорѣй другихъ его извѣстно мнѣнье.
Бокингэмъ.—Какъ такъ? Мы только лишь по лицамъ знаемъ
Другъ друга. Что же до сердецъ, то, право,
Мое ему настолько же извѣстно,
Насколько мнѣ извѣстны ваши; сердце
Его открыто предо мною такъ же,
Какъ вамъ мое открыто!.. Гэстингсъ, вы—
Съ нимъ дружны...
Гэстингсъ.— Я благодарю его
Высочество за добрую любовь
Его ко мнѣ, я въ ней вполнѣ увѣренъ.
Но что касается его сужденій
О коронаціи,—объ этомъ я
Его не спрашивалъ, а самъ онъ вовсе
Не думалъ мнѣ о нихъ сказать; когда-жъ
Вы, лорды благородные, рѣшите
Назначить день, я голосъ свой подамъ
За герцога,—и онъ, какъ я надѣюсь,
Не можетъ оскорбиться тѣмъ нисколько!.. *(Входитъ Глостеръ).*
Эли.—А вотъ и герцогъ.
Глостеръ.— Добраго утра,
Милорды благородные и братья.
Я заспался... Надѣюся, однакожъ,
Мое отсутствіе не помѣшало
Вамъ ни въ какомъ сужденьи: вы всегда
И безъ меня могли бы обойтись.
Бокингэмъ.—Когда-бъ по репликѣ вы не явились,
Лордъ Гэстингсъ произнесъ бы вашу часть:
То-есть—сказалъ бы всѣмъ намъ ваше мнѣнье
Насчетъ вѣнчанья короля...
Глостеръ.— Одинъ

Лордъ Гэстингсъ можетъ быть такъ смѣлъ. — Лордъ Гэстингсъ
Меня и знаетъ хорошо, и любитъ!
Лордъ Эли, я въ послѣдній разъ въ Гольборнѣ
Гулялъ у васъ въ саду,—и видѣлъ тамъ
Чудесную клубнику! потрудитесь
Послать за ней теперь же.

Эли.— Свѣтлый лордъ,
Отъ всей души!.. (*Уходитъ*).

Глостеръ.— Любезный Бокингэмъ,
На пару словъ. (*Отходитъ съ нимъ въ сторону*).
Другъ! Кэтзби говорилъ
Съ Вильямомъ Гэстингсомъ о нашемъ дѣлѣ.
Упрямый джентельменъ горячъ и такъ
Настойчивъ, что скорѣй готовъ погибнуть,
Чѣмъ согласиться, чтобъ прямой наслѣдникъ
Его монарха,—какъ достойно онъ
Его честитъ,—лишился царственнаго трона
Британіи!

Бокингэмъ.— Уйдите на минуту
Отсюда. Я за вами тоже выйду. (*Уходитъ съ Глюстеромъ*).

Стэнли.—А мы еще не назначали дня...
По-моему, такъ завтра слишкомъ скоро
Ужъ будетъ,—я и самъ не такъ готовъ,
Какъ могъ бы,—если-бъ это торжество
Немного продолжили!.. (*Входитъ Эли*).

Эли.— Гдѣ же лордъ
Протекторъ? Я послалъ уже за клубникой.

Гэстингсъ.—Его высочество сегодня ласковъ
И веселъ: вѣроятно, что-нибудь
Особенно пріятное его
Теперь и радуетъ, и занимаетъ:
Онъ добраго утра намъ пожелалъ
Отъ всей души!.. Нѣтъ человѣка въ мірѣ,
Который бы такъ худо могъ скрывать
Свою любовь и ненависть!..—Вы тотчасъ
Прочтете по лицу его—все сердце
Его...

Стэнли.— А именно, что̀ нынче вы
Прочли изъ сердца лорда по его

Лицу?..

Гэстингсъ.— Что у него въ душѣ нисколько
Нѣтъ непріязни къ намъ, милорды-пэры!..
О! если-бъ онъ питалъ къ кому досаду,—
Она-бъ въ глазахъ его сейчасъ сказалась. (*Глостеръ возвращается съ Бокингэмомъ*).

Глостеръ (*въ волненіи*).—Прошу васъ всѣхъ сказать, какой награды
Достойны тѣ, которые меня
Задумали бѣсовскимъ колдовствомъ
Сгубить,—и въ самомъ дѣлѣ, наконецъ,
Осилили волшебствомъ адскихъ чаръ
Мое больное тѣло?..

Гэстингсъ.— Свѣтлый лордъ,
Любовь, которую я къ вамъ питаю,—
Меня невольно заставляетъ, прежде
Высокихъ пэровъ, осудить виновныхъ
Въ такомъ ужасномъ дѣлѣ: кто-бъ они,
Лордъ, ни были,—они достойны смерти.

Глостеръ.—Пускай же собственный вашъ взоръ увидитъ
Ихъ преступленіе! Смотрите, какъ
Испорченъ я!.. Рука моя изсохла,
Какъ сукъ порѣзанный... И все—по кознямъ
Супруги Эдуарда, этой страшной
Волшебницы, да непотребной Шоръ.
Вотъ какъ меня злодѣйски заклеймили!..

Гэстингсъ (*вкрадчиво*).—Онѣ ли это,—благородный лордъ...

Глостеръ.—Онѣ-ль?.. И ты, ихъ гнусный покровитель,
Мнѣ говоришь еще—онѣ-ль?.. Ты, низкій
Измѣнникъ! Голову ему долой!!,
Клянуся Павломъ, я не сяду ѣсть,
Покуда не увижу головы
Его!—Ловѐль и Кэтзби, вамъ я это
Приказываю!.. Что-жъ до васъ, милорды,
Касается,—кто за меня, тотъ встанетъ—
И за своимъ протекторомъ пойдетъ! (*Весь совѣтъ встаетъ въ смущеніи и уходитъ съ Глостеромъ*).

Гэстингсъ.—О, горе, горе Англіи! но вовсе
Не за меня, затѣмъ, что я былъ глупъ
И не сумѣлъ предотвратить несчастья!—
Да!—Стэнли снилось, будто бы кабанъ

Сорвалъ съ него завѣтный шлемъ,—но я
Сномъ пренебрегъ и убѣжать не думалъ!..
Три раза спотыкался нынче мой
Парадный конь; завидѣвъ мрачный Тоуэръ,
Онъ вздрогнулъ весь и страшно на дыбы
Взвился,—какъ будто угадалъ заранѣ,
Что везъ меня въ предательскую бойню
О! вотъ когда мнѣ нуженъ духовникъ,
Съ которымъ я сегодня повстрѣчался!..
Я каюсь, что съ кичливостью такой
Сказалъ разсыльному о томъ, что нынче
Погубятъ въ Помфретѣ моихъ враговъ—
И что я самъ—въ любви и даже въ дружбѣ
Властей!.. О, Маргарита, Маргарита!
Обрушилось твое проклятье нынче
На Гэстингса, на голову его
Несчастную.

Ратклифъ.— Идите, лордъ, идите.
Протектору угодно поскорѣй
Сѣсть за обѣдъ!.. Вы кайтесь покороче,
Онъ ждетъ давно ужъ вашей головы...

Гэстингсъ.—Кто утверждаетъ всѣ свои надежды
На льстивыхъ взорахъ милости людской,
Къ которой мы стремимся,—словно къ дару
Господню,—тотъ живетъ, какъ опьянѣлый
Бѣднякъ-матросъ на мачтѣ корабля,—
Готовый съ каждымъ роковымъ толчкомъ
Слетѣть стремглавъ въ пучины океана...

Ловель.—Идемте же, напрасны всѣ слова,
Всѣ ваши возгласы; милордъ, спѣшите!..

Гэстингсъ.—О, безпощадный и кровавый Ричардъ!
Несчастная Британія!.. Тебѣ
Я предвѣщаю страшную годину,—
Такое время, о которомъ ты
Еще вовѣкъ и не слыхала.—Ну-те,
Ведите поскорѣй меня на плаху,
Снесите голову мою ему...
Недолго-жъ проживутъ и тѣ, которымъ
Пріятенъ мой безвременный конецъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тамъ же. Стѣны Тоуэра. Выходятъ на нихъ — **Глостеръ** и **Бокингэмъ**, въ ржавомъ и безпорядочно-надѣтомъ оружіи.

Глостеръ.—Скажи мнѣ, братъ, умѣешь ли дрожать ты
И измѣнять лицо свое, дыханье
Въ срединѣ слова убивать, потомъ
Его незримо обновлять и снова,
По волѣ, прерывать его, какъ будто
Ты весь отъ ужаса—и внѣ себя,
И обезумѣлъ?

Бокингэмъ.— О! я превзойду
И лучшихъ трагиковъ. За каждымъ словомъ
Я стану озираться, и назадъ
Глядѣть, и трепетать всѣмъ тѣломъ,—
И вздрагивать при шелестѣ малѣйшей
Соломинки, какъ будто нахожусь
Въ глубокомъ опасеніи.—Пугливость
И выраженье ужаса къ моимъ
Услугамъ, и настолько-жъ мнѣ легки,
Какъ и притворная улыбка; ими
Вы можете всегда распоряжаться,
Они на всякую минуту вамъ
И вашимъ планамъ отданы!—Однакожъ,
Скажите, вы послали Кэтзби?

Глостеръ.— Какъ же.
Да вотъ и онъ, и съ мэромъ, — посмотри. (*Входятъ лордъ-мэръ и Кэтзби*).

Бокингэмъ.—Позвольте мнѣ съ нимъ говорить!—Лордъ-мэръ...

Глостеръ.—Другъ, посмотри-ка на подъемный мостъ!

Бокингэмъ.—А! Барабаны!..

Глостеръ.— Кэтзби, посмотри,
Что за стѣнами—тамъ?

Бокингэмъ.— Лордъ-мэръ, причина,
Которая заставила милорда
Послать за вами...

Глостеръ.— Обернись!.. Враги
Бѣгутъ сюда! Къ оружью, защищайся!

Бокингэмъ.—Да защититъ насъ Богъ и наше право! (*Входятъ — Ловель и Ратклифъ съ головой Гэстингса*).

Глостеръ.—Не безпокойся: это все друзья,—

Ловель и Ратклифъ.

Ловель.— Вотъ вамъ голова
Измѣнника коварнаго, никѣмъ
Неуличеннаго въ его измѣнѣ.

Глостеръ.—Да, Гэстингса я такъ любилъ и такъ
Цѣнилъ его, что не могу не плакать!
Я почиталъ его всегда честнѣйшимъ
И высоко-разумнымъ человѣкомъ—
Въ великомъ христіанскомъ мірѣ. Онъ
Мнѣ книгой былъ и въ эту книгу вѣчно
Моя душа безтрепетно вносила
Всѣ помыслы мои: онъ такъ искусно
Наружностью достоинствъ прикрывалъ
Свои пороки, что, за исключеньемъ
Его открытой слабости,—я здѣсь
Считаю связь его съ женою Шоръ,—
Его нѣтъ силъ ни въ чемъ и упрекнуть.

Бокингэмъ.—Да, это былъ хитрѣйшій изо всѣхъ
Измѣнниковъ,—которые межъ насъ
Когда-либо существовали.—Лордъ,
Повѣрите-ль, когда-бъ мы не спаслись
Особеннымъ и непонятнымъ чудомъ,—
Вамъ никогда-бъ и въ мысли не пришло,
Что нынче-жъ, на совѣтѣ, хитрый Гэстингсъ
Меня и герцога хотѣлъ убить?..

Мэръ.—Какъ? Онъ замыслилъ это?..

Глостеръ.— Неужель
Вы полагаете, что мы съ нимъ турки,
Или язычники? что мы-бъ рѣшились,
Противу всѣхъ законовъ, поспѣшить
Погибелью измѣнника, когда-бъ
Не вынудили насъ къ тому опасность
Такого дѣла, собственное наше
Спокойствіе и миръ святой отчизны?..

Мэръ.—Вы правы, лордъ, онъ казни былъ достоинъ.
Вы оба поступили превосходно:
Измѣнникамъ хорошій данъ примѣръ!
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ женою Шоръ связался,
Я ничего ужъ отъ него не ждалъ.

Бокингэмъ.—Однакожъ, лордъ, мы вовсе не хотѣли,
Чтобъ умеръ онъ безъ вашего суда;

Одна лишь ревность и покорство нашихъ
Друзей—все это совершили; намъ
Хотѣлось, чтобы сами вы, милордъ,
Пугливое измѣнника признанье
Услышали, чтобъ замыселъ его
Во всѣхъ частяхъ подробно вы узнали
И это все народу-бъ объяснили...
Быть-можетъ, граждане невольно насъ
Подозрѣваютъ и превратно судятъ
О гибели измѣнника.

Мэръ.— Милордъ,
Рѣчь вашей свѣтлости—мнѣ замѣняетъ
Мои глаза и уши. Успокойтесь
И вѣрьте мнѣ, сіятельные лорды,
Смущеннымъ гражданамъ я объясню
Всю честность, всю правдивость вашу въ этомъ
Несчастномъ дѣлѣ!

Глостеръ.— Именно, затѣмъ,
Чтобъ избѣжать неправыхъ обвиненій
Народа, мы и попросили васъ
Сюда.

Бокингэмъ.— Но, къ сожалѣнью, опоздали
Вы нѣсколько! Идите-жъ, объявите
Хотя о томъ, что слышали отъ насъ.
Прощайте, благородный мэръ, прощайте! (*Лордъ-мэръ уходитъ*).

Глостеръ.—Скорѣй за нимъ, любезный Бокингэмъ!
Онъ въ гильдію спѣшитъ!.. На всякій случай—
Увѣрь ты судей, дѣти Эдуарда
Не по закону прижиты; скажи имъ,
Что въ старину былъ нѣкій гражданинъ:
Онъ въ шутку сыну завѣщалъ корону,
Предполагая въ томъ заѣзжій дворъ свой
Подъ вывѣской короны, и король
Зато велѣлъ того глупца казнить!
Скажи имъ о распутствѣ Эдуарда,
Какъ, что ни день, мѣнялъ онъ фаворитокъ,
Женъ честныхъ, дочерей чужихъ безчестилъ,
Вездѣ добычи алча, точно звѣрь,
Гдѣ только взоромъ замѣчалъ добычу.
Когда понадобится, не щади

И близкихъ мнѣ,—скажи имъ, не краснѣя,
Что мой отецъ, мой царственный отецъ,
Во Францію въ то время шелъ походомъ,
Когда моя родительница братомъ
Моимъ, бездушнымъ Эдуардомъ, стала
Беременна,—и что, расчисливъ время,—
Онъ убѣдился, что рожденный сынъ —
Не сынъ ему,—и это подтвердило
Еще печальное несходство съ нимъ
Несчастнаго малютки!—Ты, однакожъ,
Объ этомъ намекни полегче, такъ,
Какъ будто мимоходомъ... Потому что
Еще жива моя родная мать.

Бокингэмъ.—Повѣрьте, лордъ, я буду остороженъ
И ловокъ въ этомъ такъ, какъ будто я
О золотой наградѣ хлопочу
Для самого себя; итакъ—прощайте!

Глостеръ.—Когда тебѣ удастся это, въ замокъ
Байнардъ ихъ приведи! Тамъ вы найдете
Меня среди монаховъ и ученыхъ.

Бокингэмъ.—Спѣшу, и вы изъ ратуши, надѣюсь,
Дождетесь вскорѣ важныхъ новостей. (*Уходитъ*).

Глостеръ.—Спѣши, Ловель—здѣсь нуженъ докторъ Шау;
Ты къ брату Пенкеру скорѣе, Кэтзби,—
Чтобъ черезъ часъ въ Байнардѣ были оба (*Ловель и Кэтзби уходятъ*).
Теперь мнѣ остается устранить
Одно отродье Кларенса,—За дѣло-жъ!..
Распорядимся, чтобъ отнынѣ къ принцамъ
Живой души не смѣли допускать! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Улица. Входитъ писецъ.

Писецъ.—Вотъ обвинительный и смертный приговоръ
Милорду Гэстингсу... Краснó и четко
Перебѣленъ онъ для прочтенья въ церкви
Святого Павла!—Какъ, однакожъ, странно
Все это вяжется!—Вчера его
Прислалъ мнѣ Кэтзби вечеромъ, и я
Одиннадцать часовъ надъ нимъ трудился...
Для составленья черноваго столько-жъ,

И болѣе еще, необходимо...
А между тѣмъ, нѣтъ и пяти часовъ,
Какъ Гэстингсъ жилъ—внѣ всякихъ обвиненій,
Свободенъ, правъ душой и безопасенъ!..
Да, чуденъ свѣтъ!—И кто такъ глупъ и простъ,
Что не увидитъ здѣсь обмана? Кто
Осмѣлится и скажетъ, что не знаетъ
Обмана этого?.. Ужасенъ свѣтъ!
Конецъ его подходитъ!.. Какъ страдать—
И не искать защиты и молчать??.. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тамъ же. Дворъ Байнардова замка. — Входятъ **Глостеръ** и **Бокингэмъ**: одинъ въ одну,—другой въ другую дверь.

Глостеръ.—Ну, какъ дѣла? что̀ говоритъ народъ?
Бокингэмъ.—Клянуся Богоматерью, — народъ
Не говоритъ ни слова... Онъ совсѣмъ
Какъ онѣмѣлъ!
Глостеръ.— А говорилъ ли ты
О томъ, что дѣти Эдуарда вовсе—
Не дѣти Эдуарда?..
Бокингэмъ.— Какъ же, лордъ!
Я вспомнилъ и о брачномъ договорѣ
Его съ миледи Люси, и о томъ,
Который онъ во Франціи составилъ
Черезъ пословъ своихъ. Я говорилъ
О незаконности его рожденья,—
И какъ на герцога онъ непохожъ
Совсѣмъ... При этомъ я на васъ сослался,
Какъ на подобье вѣрное отца
И по лицу его, и по душѣ...
Я вычислилъ всѣ ваши торжества,
Шотландскія побѣды,—я представилъ
Воинскія познанья ваши, мудрость
И кротость вашу въ мирные года̀,
Смиреніе и вашу безкорыстность!..
Я не забылъ формально — ничего,
Что̀-бъ помогло вамъ дѣломъ или словомъ.
Когда-жъ къ концу склонилась рѣчь моя,
Я прямо предложилъ тѣмъ, кто желаетъ
Добра своей отчизнѣ, — закричать:

«Да здравствуетъ могучій Ричардъ, вѣрный
«И царственный король нашъ!..»

Глостеръ.— Что-жъ они,
Воскликнули?..

Бокингэмъ.— Нѣтъ, Богомъ я клянусь,
Они ни слова не сказали!.. Всѣ-жъ
Стояли молча, какъ нѣмые камни,
Какъ статуи бездушныя, и только—
Всѣ, блѣдные какъ смерть, въ глаза другъ другу
Глядѣли.— Видя это, упрекать
Я началъ ихъ и къ мэру обратился
Съ вопросомъ о такомъ молчаньи... Онъ
Отвѣтилъ мнѣ, что самъ народъ привыкъ
Глашатаевъ своихъ однихъ лишь слушать.
Тогда его я повторить заставилъ
Мои слова и онъ ихъ повторилъ...
«Такъ герцогъ говорилъ, такъ герцогъ думалъ»,
Ссылался безпрестанно онъ, ни слова
Не прибавляя отъ себя въ защиту
И пользу нашу.— Только что онъ кончилъ,
Немногіе изъ нашихъ, на концѣ
Парадной залы,— забросали шляпы
Свои на воздухъ,— имъ во-слѣдъ съ десятокъ
Отвѣтило охрипшихъ голосовъ,—
И крикъ: «Да здравствуетъ король нашъ Ричардъ!»
Раздался между ними... Я скорѣй
Воспользовался этимъ и сказалъ:
«Благодарю васъ, вѣрные друзья,
«Достойные сограждане и братья!
«Всеобщій кликъ вашъ ясно показалъ
«И мудрость вашу, и любовь святую
«Къ милорду Ричарду!..» Сказалъ и вышелъ.

Глостеръ.—Чурбаны безъязычные! Совсѣмъ—
Не говорить?!—Поэтому и мэръ
Не явится сюда съ своею братьей?

Бокингэмъ.—Мэръ будетъ здѣсь сейчасъ. Вы покажите,
Что опасаетесь чего-то... Слушать
Рѣшитесь ихъ по долгимъ убѣжденьямъ...
Молитвенникъ держите вы въ рукахъ
И стойте между двухъ поповъ почтенныхъ,—
На эту святость я и налегаю!

Играйте роль застѣнчивой дѣвицы,
Твердите—«нѣтъ» одно... и не противьтесь!

Глостеръ.—Согласенъ!—И когда просить за нихъ
Ты будешь такъ же хорошо, какъ я
Примуся этимъ «нѣтъ» работать,—вѣренъ
И несомнѣненъ нашъ успѣхъ.

Бокингэмъ.— Милордъ,
Ступайте на балконъ... Лордъ-мэръ стучится. *(Глостеръ уходитъ. Входитъ лордъ-мэръ съ альдерменами и гражданами).*
Добро пожаловать, милордъ!.. А я
Все ожидаю допуску!.. —Едва ли
Протекторъ вовсе не рѣшился насъ
Не принимать?.. *(Изъ комнатъ замка выходитъ Кэтзби).*
Ну что, любезный Кэтзби?
Что герцогъ на мою отвѣтилъ просьбу?—

Кэтзби.—Онъ проситъ васъ, милордъ, къ нему явиться
Пораньше завтра или послѣзавтра.
Онъ во дворцѣ и два попа съ нимъ рядомъ;
Ничѣмъ мірскимъ не хочетъ онъ заняться,
Всѣмъ сердцемъ, всей душою углубленный
Въ святое созерцанье божьей правды.

Бокингэмъ.—Вернися, Кэтзби, къ свѣтлому милорду,
Скажи ему, что я, лордъ-мэръ и всѣ
Достойные сограждане — покорно
Къ нему явилися по дѣлу крайней,
Великой важности; скажи, что это
Святое дѣло—нашихъ общихъ благъ
Касается.

Кэтзби.— Я доложу ему
Сейчасъ! *(Уходитъ).*

Бокингэмъ.— Да! этотъ принцъ—не Эдуардъ!
Онъ не лежитъ, не нѣжится въ постели...
Онъ на колѣняхъ молится о благѣ
Своей отчизны... Занятъ онъ не пьянымъ
Веселіемъ въ кругу своихъ прелестницъ,—
Не сномъ своимъ, не праздной лѣнью плоть
Свою онъ утучняетъ, — а мольбами
Обогащаетъ бодрствующій духъ!
Какъ счастлива была-бъ судьба печальной
Британіи, когда бы этотъ мудрый

И кроткій принцъ взялъ на себя труды
Великаго вѣнца!.. Но, нѣтъ надеждъ,
Чтобы склонился онъ на наши просьбы.
Мэръ.—Не дай Господь, чтобъ онъ намъ отказалъ *).
Бокингэмъ. — Боюсь, откажетъ. — Вотъ и вѣрный Кэтзби.
(*Входитъ Кэтзби*).
Ну что̀, милордъ, что̀ вамъ отвѣтилъ герцогъ?
Кэтзби.—Онъ удивляется, зачѣмъ къ нему
Вы привели толпу достойныхъ гражданъ,
Заблаговременно не давши знать
Ему о томъ: онъ здѣсь подозрѣваетъ
Недоброе намѣренье, милордъ.
Бокингэмъ.—Мнѣ очень больно, что свѣтлѣйшій братъ мой
Подумать могъ, что я противъ него
Замыслилъ злое дѣло: нѣтъ, клянусь,—
Мы изъ любви одной сюда явились.
Поди же и скажи ему объ этомъ!.. (*Кэтзби уходитъ*).
Когда святоши примутся за чотки,
Не жди ужъ толку. Сладко такъ молиться! (*Кэтзби возвращается. — Вслѣдъ за нимъ — Глостеръ показывается на галлереѣ между двухъ прелатовъ*).
Мэръ.—Вотъ и его высочество... съ нимъ два
Духовника.
Бокингэмъ.— Они святому — посохъ
Въ пути грѣховномъ, а въ рукахъ, смотри,
Молитвенникъ — краса и честь святая
Всѣхъ праведныхъ людей. Лордъ Глостеръ,
Свѣтлѣйшій герцогъ, принцъ Плантагенетъ!
Склони свое безцѣнное вниманье
На наши просьбы — и прости, что мы
Нарушили твои мольбы святыя,
Твои христолюбивыя занятья.
Глостеръ.—Лордъ, вамъ не нужно извиняться!.. Я
Скорѣй просить васъ долженъ о прощеньи,
Затѣмъ, что, занятый бесѣдой съ небомъ,
Я пренебрегъ желаньями друзей...
Итакъ, что вамъ угодно? Объявите!
Бокингэмъ.—Мы просимъ васъ о томъ, чего желаетъ

*) Лордъ-мэромъ въ это время былъ Эдмондъ Шо, братъ доктора Шо, которому Ричардъ поручилъ сказать съ каѳедры собора Святого Павла— о его притязаніяхъ на корону Англіи.

Господь и эта бѣдная страна...
Глостеръ.—Мнѣ кажется, я сдѣлалъ что-нибудь
Обидное для васъ,—что оскорбляетъ
Достойныхъ гражданъ,—и пришли вы съ тѣмъ,
Чтобъ осудить мое незнанье...
Бокингэмъ.— Да,
Милордъ!.. Но если-бъ вамъ угодно было
Исправить вашъ проступокъ...
Глостеръ.— Я согласенъ!..
Къ чему же и дышу я въ христіанскомъ,
Смиренномъ мірѣ?
Бокингэмъ.— Знайте же, милордъ,
Что вы — вина тому, что власть правленья,
Величественный тронъ, корона вашихъ
Могучихъ предковъ, санъ вашъ по рожденью,—
И вашъ почетъ, и царственная слава,—
Все, все оставлено — негодной вѣтви
Испорченнаго пня; что отъ сонливой
Безпечности и лѣни вашихъ дѣйствій,
Которую теперь мы пробуждаемъ
Для блага общаго, — нашъ славный край
Лишается своихъ могучихъ членовъ;
Его лицо — морщинами позора
Покрылося, и къ дереву престола
Отверженныя вѣтви приростаютъ,—
И все оно почти ужъ погрузилось
Въ бездонную и жадную пучину
Ничтожества, нѣмого запустѣнья
И черной гибели!.. Чтобы спасти
Его, мы вашу свѣтлость умоляемъ
Принять бразды правленія родной
Вамъ Англіи: принять — не въ слабомъ званьи
Протектора, намѣстника иль просто
Повѣреннаго, — выгодамъ другого
Покорнаго наемника... Нѣтъ! въ званьи—
Наслѣдника, принять, какъ вашу часть,
Какъ вашу собственность, какъ вашу славу,
Какъ вашу кровь, — родное государство!..
Вотъ для чего, по неотступной просьбѣ
Всѣхъ этихъ гражданъ, истинныхъ друзей
И вѣрныхъ вашихъ слугъ, — сюда пришелъ я!..

Вотъ почему я умоляю васъ —
Принять бразды покинутаго трона!..

Глостеръ.—Не знаю, какъ мнѣ быть: уйти-ль въ молчаньи,
Иль ѣдкими упреками осыпать
Всѣхъ васъ?.. И что скорѣй прилично будетъ —
И сану моему, и вашимъ добрымъ
Намѣреньямъ?! — Не отвѣчать, уйти,—
Вы можете подумать, что нѣмое
Отъ радости тщеславіе — охотно
Пріемлетъ золотое иго власти,
Которую вы предложили мнѣ!..
Негодовать на васъ — за ваши просьбы,
Исполненныя пламенной любви
Ко мнѣ, — не значитъ ли моихъ друзей
Обидѣть? — Потому, чтобъ избѣжать
Послѣдняго и первымъ въ искушенье
Васъ не ввести — я вотъ что вамъ отвѣчу:
Благодарю васъ за любовь ко мнѣ; —
Что-жъ до моихъ достоинствъ, — то они
Такъ блѣдны и такъ малы, что мѣшаютъ
Вполнѣ принять мнѣ ваше предложенье!..
Когда бы даже не было препятствій
И путь мой къ трону былъ бы чистъ и вѣренъ,
Какъ кровныя права мои по сану,—
То и тогда — я такъ ничтоженъ духомъ,
Такъ многочисленны мои пороки,
Что я, — какъ утлый и безсильный челнъ,
Бѣжалъ бы моря моего величія,
Чтобы оно меня не поглотило
И чадомъ славы собственной моей
Меня не задушило! — Но Господь
Еще хранитъ меня, и нѣтъ вамъ нужды
Пока во мнѣ... Когда-жъ она случится,
Вамъ помогу немного я! — Достойный
Остался плодъ отъ царственнаго корня...
Сѣдое время этому плоду
Придастъ красу и зрѣлость — и собою
Украситъ онъ нашъ царственный престолъ,—
И нѣтъ сомнѣнья, всѣхъ насъ осчастливитъ
Своимъ правленіемъ... Вотъ на кого
Я возлагаю то, что на меня

Вы возлагаете и что ему
Принадлежитъ по праву и по волѣ
Его звѣзды таинственно-счастливой!..
Избави Богъ, чтобъ я его лишить
Рѣшился этого наслѣдства!..

Бокингэмъ.— Лордъ,
Все это про одну лишь вашу совѣсть
Намъ говоритъ; но если разсмотрѣть
Получше обстоятельства, нетрудно
Увидѣть, какъ ничтожны и безсильны
Причины, на которыя она
Ссылается... Вы говорите намъ,
Что вашего родного брата сынъ,
Малютка Эдуардъ, и мы ни слова
Не скажемъ противъ этого!.. Но что
Заговоритъ супруга Эдуарда,
Его отца?.. Вашъ братъ былъ сговоренъ
Сперва съ милэди Люси — и объ этомъ
Вамъ засвидѣтельствуетъ ваша мать...
А послѣ онъ, черезъ своихъ пословъ,
Сосваталъ лэди Бону, молодую
Сестру французскаго монарха! — Ихъ
Обѣихъ удалила отъ него
Убогая и жалкая вдовица,
Измученная мать семьи голодной,
Переступившая за полдень жизни—
Поблекшая красавица... Она
Очаровала взоръ его, прельстила —
Поработила духъ его высокій
И наконецъ унизила его—
До двоебрачья... Съ ней-то Эдуардъ
На беззаконномъ ложѣ прижилъ сына,
Котораго изъ вѣжливости мы
Назвали принцемъ. — Не цѣни я чести
И славы нѣкоторыхъ изъ живыхъ
Свидѣтелей тому, что я повѣдалъ,—
Я-бъ разсказалъ вамъ болѣе еще...
Итакъ, примите же, свѣтлѣйшій лордъ,
Вамъ предлагаемый вѣнецъ, — когда
Не для спасенія отчизны вашей
Иль не для нашихъ просьбъ, — по крайней мѣрѣ,

Хоть для того, чтобы возстановить
Нарушенный насмѣшливой судьбой
Порядокъ въ вашемъ царственномъ наслѣдствѣ...

Мэръ.—Васъ граждане всѣ молятъ! Согласитесь,
Милордъ!..

Бокингэмъ.— Не отвергайте ихъ любви!

Кэтзби.—Исполните ихъ праведную просьбу,
Обрадуйте согражданъ!

Глостеръ.— Боже правый!
И для чего меня обременить
Хотите вы заботами правленья?
Златой вѣнецъ и королевскій скипетръ
Мнѣ не пристанутъ. — Умоляю васъ —
Моимъ словамъ не придавайте смысла
Превратнаго! — я не могу и даже
Желать не смѣю — вашихъ предложеній
Достойно выполнить...

Бокингэмъ.— Вы не хотите,
Вы отказались отрѣшить отъ трона
Дитя, наслѣдника родного брата.
Мы знаемъ кротость вашихъ добрыхъ чувствъ,
Любовь и вашу женственную нѣжность —
Къ роднымъ и не-роднымъ!—Такъ знайте-жъ, лордъ,
Уважите-ль, отвергнете ли вы
Горячія моленья наши, сынъ
Родного брата вашего—во вѣкъ
Не будетъ королемъ намъ!.. Мы другого
Кого-нибудь на тронъ нашъ возведемъ...
И съ этою рѣшимостью — покорно
Васъ оставляемъ мы! — Друзья, идемте,
Намъ нечего здѣсь болѣе просить... (*Отходитъ со всѣми гражданами*).

Кэтзби.—Любезный принцъ, верните ихъ, склонитесь
На просьбы ихъ! Отказъ вашъ возмутитъ
Негодованіемъ все государство...

Глостеръ.—Вы, значитъ, положили непремѣнно
Меня сковать веригами вѣнца?
Знать, такъ и быть!.. Верни ихъ!.. Я не камень!..
(*Кетзби идетъ къ гражданамъ*).
Я не могу не тронуться мольбами
Моихъ друзей, какъ ни противно это

И совѣсти моей, и сердцу!.. *(Бокингэмъ возвращается съ гражданами).*
Братъ,
Достойный Бокингэмъ, и вы, мои
Сограждане,—когда уже рѣшились
Вы королемъ своимъ меня назвать,
Не зная, будетъ ли мнѣ это любо,
Иль нѣтъ,—я долженъ на себя невольно
Принять тяжелыя вериги власти!..
Но—если клевета иль порицанье
Бездушное послѣдуютъ за этимъ
Согласіемъ невольнымъ,—о! тогда
Вы сами смыть должны всѣ эти пятна
И оскорбленія... Господь свидѣтель,
И вы отчасти видѣли, какъ я
Далекъ былъ даже мысли о коронѣ!..

Мэръ.—Да наградитъ васъ Богъ! мы знаемъ это
И засвидѣтельствуемъ всѣмъ!..

Глостеръ.— И вы—
Объ истинѣ—свидѣтельство свое
Дадите, лордъ!..

Бокингэмъ.— Итакъ, я королемъ
Привѣтствую васъ, принцъ! Друзья милорды,—
«Да здравствуетъ король нашъ Ричардъ, вѣрный
«Властитель Англіи!!»

Всѣ.— Аминь!

Бокингэмъ.— Угодно-ль,
Милордъ, вамъ завтра же короноваться?

Глостеръ.—Когда хотите, я на все согласенъ.

Бокингэмъ.—Мы къ вашему величеству поутру
Придемъ.—Затѣмъ—до свѣтлаго свиданья!..

Глостеръ *(епископамъ).*—Воротимся и мы къ святой бесѣдѣ.
(Бокингэму).
Прощайте, братъ! Друзья мои, прощайте!.. *(Уходятъ).*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Передъ Тоуэромъ. (Входятъ: съ одной стороны — **королева Елисавета, герцогиня Іоркъ и маркизъ Дорзетъ**; съ другой—**Анна, герцогиня Глостеръ съ лэди Маргаритою Плантагенетъ**, маленькою дочерью **Кларенса**, которую ведетъ за руку).

Герцогиня.—Кто это къ намъ идетъ навстрѣчу?—Внучка.
Плантагенетъ съ своею теткой Глостеръ!
Навѣрно, и онѣ стремятся въ Тоуэръ,
Чтобы поздравить принца вмѣстѣ съ нами!
Я очень рада нашей встрѣчѣ, дочь
Моя!
Анна.— Дай Богъ обѣимъ вамъ, милэди,
И счастія, и радостей.
Королева Елисавета.— Пошли
Господь и вамъ, сестра! Куда вы?
Въ Тоуэръ,
И, если я не ошибаюсь, мы
Идемъ къ одной и той же цѣли съ вами:
Поздравить нашихъ свѣтлыхъ принцевъ...
Королева Елисавета.— Да,
Любезная сестра!—Благодарю!
Пойдемте вмѣстѣ... *(Входитъ Бракенбери).*
Вотъ и комендантъ!
Любезный комендантъ, прошу, скажите,
Здоровъ ли принцъ и младшій сынъ мой Іоркъ?..
Бракенбери.—Здоровы оба, слава Богу!.. Только,
Простите, къ нимъ васъ допустить нельзя мнѣ:
Король строжайше это запретилъ.
Герцогиня.—Король? Какой король?
Бракенбери.— Нѣтъ! Я хотѣлъ
Сказать вамъ—лордъ-протекторъ.
Королева Елисавета.— Упаси
Его Господь отъ царственнаго титла!
Такъ это онъ преграды воздвигаетъ
Межъ насъ, между любовію дѣтей
И матерью?.. Я мать—и кто же смѣетъ
Не допустить меня къ моимъ же дѣтямъ?
Герцогиня.—Я мать отца ихъ,—я хочу ихъ видѣть.

Анна.—Я тетка по родству имъ, по любви
Я матерь ихъ... Скорѣе-жъ къ нимъ ведите
Меня, я принимаю на себя
Отвѣтственность; обязанность твою
Съ тебя передо всѣми я слагаю.
Бракенбери.—Нѣтъ, лэди, не могу; никакъ нельзя:
Я связанъ клятвою, и потому
Простите. *(Уходитъ. Входитъ Стэнли).*
Стэнли.— Встрѣть я васъ хоть часомъ позже,
Я-бъ могъ поздравить герцогиню Іоркъ
И матерью, и спутницею двухъ
Прекрасныхъ королевъ. *(Герцогинѣ Глостеръ).*
Но, лэди,—вы
Пожалуйте въ Вестминстеръ! Васъ тамъ ждетъ,
Какъ Ричарда достойную супругу,—
И тронъ, и честь, и лавры діадемы.
Королева Елисавета.—О! Поскорѣй разрѣжьте поясъ мой,
Пусть сердце бѣдное свободнѣй бьется!
Иль эта вѣсть ужасная совсѣмъ
Лишитъ меня сознанія и чувствъ!
Анна.—Проклятая, убійственная новость!
Дорзетъ.—Родная, ободритесь, успокойтесь.
Королева Елисавета.—Не говори со мною, милый Дорзетъ!
Смерть и страданья по твоимъ пятамъ
Несутся... Имя матери твоей
Зараза для ея дѣтей несчастныхъ...
Спасай скорѣе жизнь свою, бѣги
Немедля за море,—и вѣрный Ричмондъ
Тебя, вдали отъ этой адской бури,
Убережетъ... Бѣги, мой сынъ, бѣги
Изъ этой бойни страшной!.. Укрывайся,
Не увеличивай собой числа
Кровавыхъ мертвецовъ, чтобъ надо мной
Проклятье Маргариты не свершилось,
Чтобъ не пришлось мнѣ умереть, по слову
Ея, ни матерью, ни королевой
Британіи, ни счастливой женой!..
Стэнли.—Благоразуменъ вашъ совѣтъ, милэди. *(Дорзету).*
Спѣшите, не теряйте ни минуты.
Вы отъ меня получите письмо,
Въ немъ сыну моему я также дамъ

Совѣтъ послѣдовать за вами въ бѣгство.
Не накликайте смерти безразсуднымъ
Упрямствомъ!

Герцогиня.— О! всесильный вихорь бѣдствій!
Проклятая моя утроба! Ложе
Коварной гибели!.. Ты василиска
Извергла въ этотъ міръ,—и смерть летитъ
Съ рѣсницъ его отравленнаго ока!..

Стэнли.—Идемте, лэди, поспѣшите: мнѣ
Приказано васъ привести, какъ можно
Скорѣй!

Анна.— Я не могу идти за вами...
О! если-бъ Господу угодно было,
Чтобъ обручъ золотой, который долженъ
Обнять мое грѣховное чело,
Сталъ раскаленнымъ до-красна желѣзомъ
И до мозгу прожегъ мой жалкій черепъ!
Пускай меня помажутъ страшнымъ ядомъ,
Чтобъ умерла я прежде, чѣмъ успѣютъ
Воскликнуть мнѣ: «да здравствуетъ супруга
Британскаго монарха!»

Королева Елисавета.— Въ путь, бѣдняжка,
Иди; я не завидую твоей
Блестящей славѣ... Я не стану даже
Тебѣ желать несчастій, чтобъ разсѣять,
Чтобъ утолить мое нѣмое горе!..

Анна.—Не станешь? Почему-жъ?—Когда недавно
Ко мнѣ явился тотъ, кого теперь
Я называю мужемъ, и увидѣлъ
Меня за трупомъ Генриха; когда
Явился онъ, еще не смывъ, какъ должно,
Съ злодѣйскихъ рукъ своихъ остылой крови
Супруга моего, невинной жертвы,
Второго ангела, къ могилѣ тѣло
Котораго тогда я провожала,
Рыдая, какъ безумная; когда,
Вамъ говорю, я Ричарда лицо
Увидѣла, вотъ въ чемъ моя молитва
Была: «Будь проклятъ,—я сказала:—
За то, что ты меня вдовой-старухой
Изъ молодой жены насильно сдѣлалъ!..

Самъ женишься, пусть горе никогда
Не покидаетъ ложа твоего...
Жена твоя, когда ужъ ты найдешь
Безумную, которая тебѣ
Отдастъ навѣкъ свою свободу,—пусть
Несчастнѣе твоею жизнью будетъ,
Чѣмъ я кончиной моего супруга!»
И что же? Черезъ мигъ, скорѣй, чѣмъ можно
Вновь повторить мое проклятье, лесть
Его рѣчей медовыхъ соблазнила
Мой слабый духъ и женственное сердце,
И на меня-жъ обрушились мои
Проклятія.—И съ той поры глаза
Мои не знаютъ сладкаго покоя,
На часъ одинъ не освѣжила ихъ
Росинка золотого сновидѣнья
На ложѣ грѣшномъ... Призраки его
Ужасныхъ грезъ меня ежеминутно
Гнетутъ и пробуждаютъ!.. Онъ меня,
Какъ Варвикову дочь, со всѣмъ коварствомъ
Хранитъ... Но, я увѣрена, недолго
Мнѣ жить: онъ скоро и со мной покончитъ!

Королева Елисавета.—Прощай же, бѣдная, мнѣ жаль тебя!

Анна.—И о тебѣ жалѣю я душой.

Королева Елисавета. — Прощай! Какъ грустно ты встрѣчаешь славу!

Анна.—Прощай! Какъ грустно съ ней ты разстаешься!

Герцогиня *(Дорзету).*—Ты къ Ричмонду скорѣе поѣзжай,
И счастье да сопутствуетъ тебѣ!.. *(Аннѣ).*
Ты къ Ричарду спѣши, и да хранятъ
Тебя святые ангелы! *(Елисаветѣ).*
Спѣши
Во храмъ, и да даруетъ онъ тебѣ
Покой и миръ!.. А я сойду въ могилу
И тамъ свое спокойствіе найду!..
Я выстрадала восемьдесятъ лѣтъ,
Тяжелыхъ лѣтъ печали и рыданій,
И каждый часъ блаженства моего
Недѣлей слезъ и мукъ уничтожался!..

Королева Елисавета.—Нѣтъ, стойте! Обернемся на Тоуэръ!
Твердыня дряхлая,—въ твоихъ стѣнахъ

Заложены завистливымъ коварствомъ
Мои малютки,—сжалься надъ дѣтьми!
Ты, колыбель суровая для нѣжныхъ
Созданій!.. Грубая, сѣдая нянька!
Товарищъ устарѣлый и угрюмый
Ихъ рѣзвыхъ игръ! Не угнетай, храни
Моихъ дѣтей!—Такъ разстается съ вами,
Нѣмые камни, грустное безумье! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тронная комната во дворцѣ. (Звучатъ трубы. Ричардъ королемъ возсѣдаетъ на тронѣ. **Бокингэмъ, Кэтзби, пажъ и другіе**).

Король Ричардъ.—Оставьте насъ!—Братъ Бокингэмъ!
Бокингэмъ.— Милордъ!
Король Ричардъ.—Дай руку!—Помощи твоей, совѣтамъ
Твоимъ обязанъ Ричардъ королевствомъ!
Но неужель мы славой облеклись
На день одинъ?.. или она за нами
Останется и мы найдемъ въ ней счастье?
Бокингэмъ.—Да не кончается она вовѣкъ
И навсегда да остается съ вами!
Король Ричардъ.—Братъ Бокингэмъ, теперь я разыграю
Роль оселка́!.. Я испытаю, въ правду-ль
Ты золото? Наслѣдникъ Эдуардъ
Живетъ еще... Ты понялъ, что̀ сказать
Хочу я?
Бокингэмъ.— Говорите, государь.
Король Ричардъ.—Какъ, Бокингэмъ? Я ужъ сказалъ тебѣ:
Мнѣ королемъ хотѣлось бы остаться!
Бокингэмъ.—Но вы король и безъ того, мой трижды
Великій властелинъ!..
Король Ричардъ.— А! Я король?!
Пусть такъ!—Но Эдуардъ, не живъ ли онъ?
Бокингэмъ.—Живъ, благородный лордъ.
Король Ричардъ.— Печальный выводъ,
Когда изъ словъ: «живъ, благородный лордъ!»—
Выходитъ, что и послѣ жить онъ будетъ.
Братъ, ты сегодня страшно безтолковъ:
Неужели я долженъ все сказать?
Я требую немедленной кончины
Побочныхъ мальчиковъ. Ну! Что̀-жъ ты скажешь

На это? Говори скорѣй, будь точенъ!

Бокингэмъ.—Король, вы въ правѣ дѣлать, что̀ хотите.

Король Ричардъ.—Такъ, такъ! Ты нынче совершенный ледъ!
Твоя услужливость совсѣмъ замерзла!
Скажи, согласенъ ты за дѣло взяться?

Бокингэмъ.—Позвольте мнѣ подумать, государь,
Сообразить хотя минуту прежде,
Чѣмъ отвѣчать мнѣ: я сейчасъ вернусь
И сообщу мое вамъ мнѣнье *(Уходитъ).*

Кэтзби (*въ сторону*).— Вспыхнулъ
Король и разсердился: посмотрите,
Онъ до крови кусаетъ губы...

Король Ричардъ.— Лучше
Имѣть дѣла съ чугунными башками
Глупцовъ или съ мальчишками слѣпыми!..
Тотъ, кто въ меня пытливый взоръ вперяетъ,—
Не для меня. — Кичливый Бокингэмъ
Ужъ не въ мѣру остороженъ! Пажъ!

Пажъ.—Король!

Король Ричардъ.—Не знаешь ли ты человѣка,
Котораго бы звонкіе червонцы
Могли склонить на тайное убійство?

Пажъ.—Я знаю джентельмена одного,
Желанія котораго всегда
Въ разладѣ съ кошелькомъ его печальнымъ:
Червонцы передъ нимъ сильнѣй фаланги
Ораторовъ, и золото какъ разъ
Его на что̀ угодно соблазнитъ!

Король Ричардъ.—А кто онъ?

Пажъ.— Тиррлъ!..

Король Ричардъ.— Его я частью знаю!
Ступай и приведи его ко мнѣ! *(Пажъ уходитъ).*
Хитрецъ и плутъ — коварный Бокингэмъ
Не будетъ болѣе сосѣдомъ тайнъ
Моихъ... Безъ устали онъ все бѣжалъ...
Не дать ли духъ ему перевести
Теперь?—Пусть такъ! *(Входитъ Стэнли).*
Что̀ новаго, лордъ Стэнли?

Стэнли.—Король, я слышалъ, что мятежный Дорзетъ
Бѣжалъ въ помѣстья Ричмонда и тамъ
На васъ съ нимъ замышляетъ ополченье.

Король Ричардъ.—Приближься, вѣрный Кэтзби: распусти
Скорѣе слухъ, что при-смерти больна
Моя супруга Анна; я-жъ отправлюсь
Распорядиться объ ея арестѣ.
Сыщи мнѣ джентельмена побѣднѣй,—
Я Кларенсову дочь съ нимъ обвѣнчаю;
А сынъ его и глупъ, и неопасенъ!
Что-жъ ты заснулъ?.. Я говорю тебѣ,
Скорѣе слухи распусти, что Анна,
Моя супруга, при-смерти больна.
За дѣло!.. Для меня необходимо
Въ началѣ самомъ разрушать ихъ планы;
Созрѣютъ, такъ не разочтешься съ ними!.. *(Кэтзби уходитъ).*
Во что̀ бы то ни стало, мнѣ должно̀
Жениться на племянницѣ; не то
Престолъ мой выстроенъ на хрупкихъ камняхъ.
Какъ?.. Умертвить ея любимыхъ братьевъ
И съ нею-жъ въ бракъ вступить?.. Невѣрный путь
Къ побѣдѣ!.. Но въ крови уже по горло
Погрязъ я такъ, что каждый грѣхъ рождаетъ
Во мнѣ другой и бо̀льшій грѣхъ... Моимъ
Глазамъ невѣдомы святыя слезы!
(Входитъ пажъ съ Тиррлемъ).
Ты Тиррль?
Тиррль.— Джемсъ Тиррль, покорнѣйшій слуга
Монарха моего!..
Король Ричардъ.— Какъ, въ самомъ дѣлѣ?
Тиррль.—Извольте испытать, свѣтлѣйшій лордъ.
Король Ричардъ.—Рѣшишься-ль ты убить кого-нибудь
Изъ приближенныхъ мнѣ, моихъ друзей?
Тиррль.—Когда угодно вашей чести!.. Только
Я бъ умертвилъ охотнѣй двухъ враговъ
Монарха моего!
Король Ричардъ.— Что̀-жъ? Очень можешь!
Есть у меня два страшные врага,
Два демона моихъ несчастій, два
Гонителя покоя и отрады
Моей; займися ими, вѣрный Тиррль!
Я разумѣю здѣсь побочныхъ пташекъ,
Что въ Тоуэрѣ сидятъ.

Тиррль.— Доставьте мнѣ
Возможность къ нимъ пробраться, и я тотчасъ
Избавлю васъ отъ вашихъ опасеній.
Король Ричардъ.—Твои слова—гармонія!.. Мой милый,
Стань ближе: съ этимъ знакомъ ты заставишь
Себя впустить къ нимъ; а потомъ запомни
Вотъ это!.. (*Шепчетъ ему на ухо*).
И конецъ! — Скажи мнѣ только:
Успѣхъ! И я тебѣ любовь мою
Дарую, и ты будешь возвеличенъ!
Тиррль.—Я кончу все сейчасъ же! (*Уходитъ. — Входитъ Бокингэмъ*).
Бокингэмъ.— Государь,
Я, наконецъ, обдумалъ вашъ вопросъ
И вашу мысль послѣднюю.
Король Ричардъ.— Прекрасно!
Но это мы теперь оставимъ! Дорзетъ
Соединился съ Ричмондомъ, бѣжалъ...
Бокингэмъ.—Милордъ, я это слышалъ...
Король Ричардъ.— Стэнли, Ричмондъ—
Твоей супруги сынъ, — остерегайся!..
Бокингэмъ.—Милордъ, я васъ осмѣлюся просить
О должной, мнѣ обѣщанной наградѣ:
Вы поклялись, ручались честью дать мнѣ
«Герфордское блистательное графство
И все имѣнье движимое брата!»
Король Ричардъ (*не замѣчая его*).—Лордъ Стэнли, за женой своей смотри.
Ты мнѣ отвѣтишь за ея сношенья
И переписку съ Ричмондомъ!
Бокингэмъ.— Милордъ,
Угодно-ль вамъ принять мое прошенье?
Король Ричардъ. — Я помню, Ричмондъ былъ дряннымъ мальчишкой
Тогда, какъ Генрихъ предсказалъ ему
Корону... Онъ король?! Быть можетъ!
Бокингэмъ.— Лордъ!
Король Ричардъ.—Но какъ же предсказатель позабылъ
Меня, тогда, какъ я былъ тутъ же, возлѣ,
И не сказалъ, что я его убью?..
Бокингэмъ.—Милордъ, обѣщанное вами графство...

Король Ричардъ.—А *Ричмондъ*?! Я недавно былъ въ Экстерѣ;
Мэръ изъ учтивости задумалъ мнѣ
Какой-то замокъ показать и назвалъ
Его *Ружмонтомъ*!.. Роковое имя
Заставило меня невольно вздрогнуть...
Одинъ ирландскій бардъ мнѣ предсказалъ
Кончину, чуть я Ричмонда увижу...
Бокингэмъ.—Милордъ!
Король Ричардъ.— Который часъ?..
Бокингэмъ.— Я вамъ осмѣлюсь
Напомнить объ обѣщанной наградѣ.
Король Ричардъ.—Прекрасно!—Но который часъ?..
Бокингэмъ.— Пробьетъ
Сію минуту десять.
Король Ричардъ.— Ну, такъ бей же!
Бокингэмъ.—Какъ—бей же?!
Король Ричардъ.— Такъ же! Ты вѣдь автоматъ
И съ молоткомъ стоишь между своими
Желаньями и мыслями моими.
Сегодня я, любезный Бокингэмъ,
Совсѣмъ не въ дарственномъ расположеньи!..
Бокингэмъ.—Рѣшите же, угодно-ль вамъ иль нѣтъ
Сдержать обѣщанное вами слово?..
Король Ричардъ.—Ты надоѣлъ мнѣ: я не въ духѣ нынѣ!
(*Уходитъ со свитой*).
Бокингэмъ.—Такъ вотъ что?—Онъ презрѣньемъ платитъ мнѣ
За всѣ мои труды, за всѣ услуги?
На это королемъ его я сдѣлалъ?..
О! Вспомнимъ Гэстингса, и поскорѣй
Въ Брекнокъ, пока еще смиренъ злодѣй. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Входитъ **Тиррль.**

Тиррль.—Кровавое, насильственное дѣло
Исполнено!.. Ужасное убійство,
Убійство гнусное, какимъ вовѣкъ
Еще не обагрялись эти земли!..
Дайтонъ и Форрестъ, палачи мои,
Мои сообщники въ убійствѣ этомъ,
Двѣ кровожадныя собаки, два
Отъявленныхъ, бездушныхъ негодяя,

Растаяли отъ жалости, рыдали,
Какъ дѣти малыя, передавая
Мнѣ повѣсть о кончинѣ ихъ... «Вотъ такъ
«Лежали кроткія малютки!» Дайтонъ
Разсказывалъ. «Вотъ такъ они лежали» —
Со вздохомъ Форрестъ говорилъ — «обнявши
«Другъ друга ручками, какъ алебастръ
«Прозрачными; ихъ губы цѣловались,
«Какъ на одномъ стеблѣ четыре розы,
«Четыре близнеца, во всей красѣ
«Ихъ лепестковъ пурпурно-ароматныхъ...
«Молитвенникъ лежалъ на ихъ подушкѣ...
«Тутъ отнялся вполнѣ мой дерзкій духъ...
«Но сатана!»... злодѣй на этомъ словѣ
Замолкъ... «Мы задушили», говорилъ,
Рыдая, Дайтонъ: «свѣтлыя созданья
«Природы-матери, какихъ она
«Сначала міра намъ не создавала!..»
Въ тоскѣ, терзаемые состраданьемъ,
Они оттуда вышли; ихъ языкъ
Покинуло испуганное слово...
И такъ я, наконецъ, разстался съ ними,
Чтобъ обо всемъ повѣдать королю (*Входитъ король Ричардъ*).
Но вотъ и онъ.—Привѣтъ вамъ, мой властитель.

Король Ричардъ.—Что скажетъ вѣсть твоя, любезный Тиррль?
Порадуешь ли ты меня?

Тиррль.— Когда
Исполнить ваше порученье — значитъ
Дать радость вамъ, вы счастливы вполнѣ:
Все кончено!..

Король Ричардъ.—И ты ихъ трупы видѣлъ?

Тиррль.—Да, государь!

Король Ричардъ.—И самъ ихъ схоронилъ,
Любезный Тиррль?

Тиррль.— Ихъ капелланъ тюремный
Похоронилъ, но гдѣ, мнѣ неизвѣстно.

Король Ричардъ.—По окончаньи ужина, сейчасъ
Приди ко мнѣ, любезный Тиррль; подробно
Разскажешь мнѣ ты о кончинѣ ихъ,
А между тѣмъ, подумай хорошенько,

Чѣмъ могъ бы я тебя вознаградить.
Немедленно желаніе твое
Исполнится... За этимъ — до свиданья!

Тиррль.—Вашъ преданный слуга, достойный лордъ! (*Уходитъ*).

Король Ричардъ.—Сынъ Кларенса запрятанъ въ Тоуэръ, дочь
Обвѣнчана съ ничтожнымъ дворяниномъ,
Два сына Эдуарда мирно спятъ
На лонѣ Авраама, а моя
Супруга, Анна, пожелала свѣту
Спокойной ночи! — Я увѣренъ, Ричмондъ
Британскій на Елисавету мѣтилъ,
На маленькую дочку брата, мысля
Союзомъ этимъ до вѣнца добраться!..
Пойдемъ же къ ней, къ хорошенькой принцессѣ—
Достойнымъ и счастливымъ женихомъ (*Вбѣгаетъ Кэтзби*).

Кэтзби.—Милордъ!

Король Ричардъ.—Какія новости, дурныя
Или хорошія, тебя сюда
Втолкнули дерзко такъ?

Кэтзби.— Дурныя, лордъ;
Мортонъ вчера за Ричмондомъ бѣжалъ,
А Бокингэмъ, съ безстрашною ватагой
Валлисцевъ, выступилъ походомъ въ поле,
И рать его растетъ...

Король Ричардъ.— Отважный Ричмондъ
И Эли мнѣ опаснѣе, чѣмъ этотъ
Лукавый Бокингэмъ съ его полками!
Идемъ!—Трусливое раздумье—рабъ,
Свинцовый рабъ медлительности сонной!..
За неподвижностью идетъ безсилье
И нищенство съ походкою улитки!..
Нѣтъ! быстрота, огонь пускай меня
На грозныя свои подхватятъ крылья...
Меркуріемъ Юпитера, герольдомъ
Владыки пусть они мнѣ будутъ! Въ путь!
Сюда, ко мнѣ, воинственный народъ!
Мой щитъ совѣтомъ осѣнитъ мнѣ грудь.
Измѣнники бѣгутъ!.. Впередъ, впередъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамъ же. Передъ дворцомъ. Входитъ **королева Маргарита.**

Королева Маргарита.—Такъ, наконецъ, ихъ счастье перезрѣло
И падаетъ въ истлѣвшій, смрадный зѣвъ
Холодной гибели! Я здѣсь скрывалась
И стерегла паденіе враговъ
Моихъ. И вотъ я дождалась сегодня
Прелюдіи великолѣпной сцены!
Теперь—во Францію, въ надеждѣ сладкой,
Что и послѣдствія все также будутъ
Трагичны, горестны и безпощадны...
Но кто-то здѣсь идетъ!.. Бѣдняжка, спрячься. *(Входятъ королева Елисавета и герцогиня Іоркъ).*

Королева Елисавета.—О! бѣдные, несчастные малютки!
Цвѣтки, не развернувшіе листочковъ,
Минутная краса!.. Когда еще
По воздуху летаютъ ваши души
И въ вѣчныя селенья вы не скрылись,
Носитесь надо мной на вашихъ крыльяхъ
Лазорево-воздушныхъ и внимайте
Рыданьямъ вашей матери!..

Королева Маргарита *(въ сторону).*—Носитесь
Надъ ней, шепчите ей, что право мести
Младенческое утро ваше въ полночь,
Въ сѣдую полночь, обратило...

Герцогиня.— Эти
Несчастія меня лишили слова,
И мой языкъ разбитый—нѣмъ и тихъ!
Плантагенетъ, достойный Эдуардъ,
Зачѣмъ скончался ты?..

Королева Маргарита.— Плантагенетъ
Плантагенету отплатилъ кончиной:
Принцъ Эдуардъ расчелся съ Эдуардомъ.

Королева Елисавета.—Къ чему же, Господи, оставилъ Ты
Невинныхъ агнцевъ? Для чего Ты бросилъ
Ихъ въ волчью пасть?

Королева Маргарита.— Гдѣ Генрихъ, гдѣ мой сынъ?

Герцогиня.—Нѣмая жизнь, слѣпое зрѣнье, призракъ,
Живущій смертію, жилище горя,
Позоръ твореній, собственность могилы,
Похищенная жизнію, итогъ

И краткій перечень ужасныхъ дней,—
Смири свое глухое безпокойство
На праведной землѣ британской, такъ
Неправедно облитой нашей кровью!.. *(Садится на землю).*

Королева Елисавета.—О! Если-бъ ты могла мнѣ даровать
Могилу такъ же скоро, какъ пріютъ
Покоя грустнаго, я никогда бы
Не оставляла здѣсь моихъ костей,—
Я скрыла-бъ ихъ въ твоихъ тяжелыхъ нѣдрахъ!..
И кто же, кромѣ насъ, имѣетъ столько
Причинъ вздыхать и сѣтовать? *(Садится на землю).*

Королева Маргарита.— Когда
Старѣйшая печаль достойна болѣ
И почестей, и уваженій вашихъ,
Отдайте первенство моей! *(Выходитъ впередъ).*
И пусть
Она царитъ надъ вашею печалью!.. *(Садится подлѣ нихъ).*
Когда-жъ тоскѣ товарищество любо,
Высказывайте мнѣ несчастья ваши,
Перебирая горести мои!
Былъ у меня достойный Эдуардъ,
Но Ричардъ умертвилъ его! Супругъ
Былъ у меня, но Ричардъ и его
Убилъ! *(Елисаветѣ).*
И у тебя былъ Эдуардъ,
Но Эдуарда Ричардъ умертвилъ!
Былъ у тебя и Ричардъ,—но его,
Какъ и другихъ, убилъ коварный Ричардъ!

Герцогиня.—И у меня былъ Ричардъ, но его
Ты умертвила! У меня былъ Рютландъ,
И ты его зарѣзать помогла.

Королева Маргарита.—И Кларенса имѣла ты, но Ричардъ
Его убилъ!.. Ты вывела на свѣтъ
Собаку адскую, и всѣхъ насъ гонитъ
Она къ кровавой гибели; у этой
Собаки прежде, чѣмъ глаза раскрылись,
Прорѣзалися зубы, чтобъ терзать
Ягнятъ и кровь невинную сосать!
Чтобъ насъ загнать въ могилы, ты извергла

Губителя всѣхъ божескихъ созданій,
Тирана, страшнаго во всей вселенной,
Который царствуетъ слезами душъ
Рыдающихъ.—О, Боже правосудный!
Какъ я Тебя благодарю, что эта
Свирѣпая собака не щадитъ
Дѣтей у бѣдной матери своей
И дѣлаетъ ее подругой прочихъ
Страдалицъ...

Герцогиня.— Ты, супруга короля
Покойнаго, не радуйся несчастьямъ
Моимъ: свидѣтель Богъ, я о тебѣ
Жалѣла!

Королева Маргарита.—О, прости мнѣ! До сихъ поръ
Я голодала местью; но теперь
Я начинаю насыщаться ею!
Твой Эдуардъ, убившій моего
Родного Эдуарда,—умеръ! Скоро,
За моего же Эдуарда, умеръ
И твой послѣдній Эдуардъ! А Іоркъ
Малютка мнѣ пошелъ въ простой барышъ —
Затѣмъ, что мало будетъ и двоихъ
Великихъ Эдуардовъ, чтобъ сравнять
Твою печаль съ печалью Маргариты!..
Твой Кларенсъ, умертвившій Эдуарда,
Любимца моего, скончался; съ нимъ
Погибли и свидѣтели кончины
Несчастнаго: Вогэнъ, и Грей, и Риверсъ,
И развращенный Гэстингсъ; всѣ они
Задохлися въ довременныхъ могилахъ!..
И только Ричардъ, этотъ черный вѣстникъ
Пучины адской, живъ еще, оставленъ
Межъ нами факторомъ ея владыкъ,
Чтобъ вербовать и посылать туда
Земныя души!.. Но близка, близка
И жалкая безжалостнаго гибель!
Земля разверзлася, и пышетъ адъ,
И демоны ревутъ, и небо молитъ,
Чтобъ онъ скорѣй покинулъ этотъ міръ!...
Молю Тебя, о Боже милосердный!
Расторгни узы, съ жизнію его

Связавшія и этотъ бѣдный свѣтъ,
Чтобъ прежде, чѣмъ умру, сказать могла я:
«Издохни, гнусная собака!»

Королева Елисавета.— Ты
Мнѣ предсказала, что настанетъ время,
Когда придется мнѣ молить тебя,
Чтобъ ты мнѣ помогла въ проклятьяхъ этой
Горбатой, бѣшеной и гадкой жабѣ,
Пузатому тарантулу и змѣю!..

Королева Маргарита.—Тогда тебя я называла блескомъ
Пустымъ моихъ богатствъ; тогда тебя
Звала я жалкой тѣнью, королева,
Изображеніемъ того, чѣмъ я
Была когда-то, перечнемъ коварнымъ
Трагедіи ужасной!.. Высоко
Ты вознеслась лишь для того, чтобъ громче
И тяжелѣй тебѣ упасть; повѣрь,
Тебя дразнили только, ты не мать
Двухъ этихъ мальчиковъ!.. Ты—просто сонъ
Того, чѣмъ ты была, цвѣтное знамя,
Въ которое направлены всѣ ружья;
Ты водяной пузырь, ты дуновенье,
Ты вывѣска величья, королева
Несчастная, для пополненья сцены
Представленная только! Гдѣ твой мужъ
Теперь? Гдѣ сыновья твои? Гдѣ братья?
Гдѣ радости твои и наслажденья?
Кто преклоняется передъ тобой?
Кто восклицаетъ: «Боже! королеву
Спаси!..» Гдѣ пэры, льстившіе тебѣ
Низкопоклонники? Гдѣ твой народъ,
Въ восторгѣ за тобой толпой бѣжавшій?
Перебери все это и представь
Себѣ, чѣмъ ты была и что̀ теперь ты!
На мѣсто счастливой жены, теперь
Ты—скорбная вдова; была ты мать,
И радостная мать, теперь же плачешь
О томъ, что матерью была ты; вмѣсто
Того, чтобы тебя просили, ты
Сама теперь скитаешься и молишь...
На мѣсто королевы—ты раба̀,

Увѣнчанная терніемъ и горемъ!
Ты издѣвалась надо мной, теперь же
Я надъ тобою издѣваюсь!.. Вмѣсто
Того, чтобъ намъ тебя бояться, ты
Боишься насъ, и мы тобою правимъ,
Какъ нами ты когда-то помыкала!..
Такъ повернулось праведное счастье
И предало тебя въ добычу лѣтъ,
Оставивъ при однихъ воспоминаньяхъ
Мучительной, промчавшейся годины.
Ты завладѣла мѣстомъ Маргариты,
Прими же съ нимъ и часть моихъ утратъ!
Ты половину бремени несешь
На горделивой выѣ,—но стряхаю
И остальную я съ моей усталой
И дряхлой головы,—и всю ее
Слагаю на тебя!.. Прощай, вдова
Властительнаго Іорка, королева
Угрюмаго несчастія, прощай!
Меня во Франціи утѣшитъ горе
Британіи!..

Королева Елисавета.— О! подожди немного!
Ты такъ искусна въ огненныхъ проклятьяхъ,—
Дай силы мнѣ проклясть моихъ враговъ!

Королева Маргарита.—Не спи ты по ночамъ и бодрствуй днемъ;
Почаще сравнивай живое горе
Съ умершимъ счастіемъ; припоминай
Своихъ малютокъ—лучшими, чѣмъ были
Они на самомъ дѣлѣ, ихъ убійцу—
Гнуснѣй, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ есть,
И украшай все то, чего лишилась
Ты, бѣдная! Тогда ты заклеймишь,
Какъ надобно, виновниковъ несчастій
Твоихъ, тогда сумѣешь ты сложить
Слова твоихъ проклятій безпощадныхъ!

Королева Елисавета.—Тупа моя измученная рѣчь;
Ты заостри ее своею рѣчью!

Королева Маргарита.—Ее твои страданья заострятъ,
И, какъ мое язвительное слово,
Она порхнетъ изъ ядовитыхъ устъ!.. *(Уходитъ).*

Когда васъ пригласили безъ меня
Позавтракать!.. Но, впрочемъ, если я
Противенъ вамъ,—позвольте мнѣ избавить
Васъ отъ моей особы и отъ стрѣлъ
Моихъ нападковъ!.. Бейте барабаны!
Герцогиня.—Прошу тебя, дослушай рѣчь мою!..
Король Ричардъ.—Вы говорите черезчуръ ужъ ѣдко!
Герцогиня.—Одно хоть слово!.. Я въ послѣдній разъ
Съ тобой, быть-можетъ, говорю.
Король Ричардъ.— Ужели?
Герцогиня.—Кто знаетъ, что Господь намъ присудилъ?..
Тебѣ-ль назначено погибнуть прежде,
Чѣмъ выйти изъ сраженія съ побѣдой,
Иль я умру подъ бременемъ годовъ
И горя — и тебя ужъ не увижу?!
Такъ унеси-жъ съ собой мое проклятье,
Тяжелое проклятье!!.. И пускай
Оно тебя въ минуту роковой,
Послѣдней битвы, утомитъ сильнѣй,
Чѣмъ все твое желѣзное оружье!!..
Мои мольбы пускай на сторонѣ
Твоихъ враговъ сражаются, — а души
Малютокъ падшихъ да вселяютъ въ нихъ
Безстрашіе и мужество, — пророча
Имъ торжества, успѣхи и побѣду!
Ты кровью жилъ и кровью захлебнешься!
Въ позорѣ жилъ ты—и умрешь въ позорѣ!.. (*Уходитъ*).
Королева Елисавета.—Я болѣе еще причинъ имѣю
Тебя, убійца, проклинать; но слабъ
Мой духъ, — и я скажу одинъ аминь
Къ проклятьямъ герцогини!.. (*Хочетъ идти*).
Король Ричардъ.— Погодите,
Мнѣ съ вами, королева, нужно слово
Замолвить!
Королева Елисавета.— Я ужъ не имѣю болѣе
Сыновъ вѣнчанной крови для твоей
Бездушной жажды, дочерей же бѣдныхъ
Я въ монастырь отдамъ; пускай онѣ

обѣдъ надъ памятникомъ герцога Гомфри. На этотъ памятникъ стекалось тогда смотрѣть множество народа, и нѣкоторые здѣсь искали приглашенія на обѣдъ или завтракъ.

Спасаются отъ сана королевъ,
Рыдающихъ въ отчаяньи!.. Тебѣ
Нѣтъ нужды въ смерти ихъ, могучій Ричардъ!

Король Ричардъ.—У васъ есть дочь — Елисавета, чудо
Невинности и красоты и скромной,
Высокой царственности.

Королева Елисавета.— Неужель
Она должна за это умереть?
О, пощади ее!.. Я развращу
Ея невинность, я обезображу
Ея красу!.. Послушай! Я готова
Оклеветать сама себя, — сознаться
Въ измѣнѣ мнимой ложу Эдуарда!
Я на нее наброшу покрывало
Безчестія! Чтобы ее избавить
Отъ гибели насильственной, скажу,
Что Эдуардъ ей вовсе не отецъ!

Король Ричардъ.—Вы обезчестите ея рожденье;
Она вѣнчанной крови!..

Королева Елисавета.— Я-жъ скажу,
Что это ложь, и сохраню ей жизнь.

Король Ричардъ.—Высокій санъ—вѣрнѣйшая охрана
Ея спокойствія и жизни!

Королева Елисавета.— Но
Охрана эта умертвила братьевъ
Ея!

Король Ричардъ.—Ничуть! созвѣздія одни,
Которымъ ихъ рожденіе противно
Казалось, виноваты въ томъ!

Королева Елисавета.— Нѣтъ! люди,
Которыхъ ихъ рожденье тяготило.

Король Ричардъ.—Никто не избѣжитъ предначертаній
Судьбы!

Королева Елисавета.—Малютки лучшей бы кончины
Дождалися, когда бы жизнь твою
Святая добродѣтель осѣнила.

Король Ричардъ.—Вы говорите, точно, будто я
Убилъ племянниковъ моихъ...

Королева Елисавета.— Конечно,
Ты, добрый дядюшка, лишилъ ихъ счастья,
Родныхъ, свободы, королевства, жизни!..

Чьи руки ни пронзили-бъ ихъ сердецъ,
Ударъ твоимъ неправеднымъ умомъ
Направленъ!.. Ножъ убійственный — и тупъ,
И робокъ былъ, до той поры, пока
Не наточилъ его ты на своемъ
Гранитномъ сердцѣ, и пока его
Во внутренность овечекъ беззащитныхъ
Ты не послалъ!.. О! если бы привычка
Къ отчаянью не укрощала злобы,—
Языкъ мой при тебѣ не произнесъ бы
Именъ дѣтей моихъ, пока-бъ въ глаза
Твои, какъ звѣрь, я не впилась когтями,
Желѣзными трезубьями, — пока
Сама бы я въ щепы не раздробилась
О грудь твою скалистую, какъ челнъ,
Лишенный въ этой гибельной пучинѣ
И парусовъ, и мачты, и снастей!

Король Ричардъ.—Дай Богъ, чтобъ вѣренъ былъ завѣтный планъ мой,
Успѣхъ войны опасной и кровавой, —
Какъ вѣрно то, что я задумалъ сдѣлать
Для счастья вашего и вашихъ!.. Это
Искупитъ все, чѣмъ я обидѣлъ васъ!

Королева Елисавета.—Какая же еще отрада можетъ
Скрываться для меня подъ сводомъ неба?

Король Ричардъ.—А возвышенье вашихъ дочерей?

Королева Елисавета.—На эшафотъ, чтобъ обезглавить ихъ?

Король Ричардъ.—Нѣтъ! на вершину почестей и счастья,
На высшую ступень величья смертныхъ.

Королева Елисавета.—Льсти, льсти моей печали этой сказкой!
Все объясни, какимъ ты состояньемъ,
Какой достойной почестью надѣлишь
Мое дитя?

Король Ричардъ.—Всѣмъ, что имѣю я!
Да!—И себя, и все готовъ отдать
Я вашему дитяти, если въ Летѣ
Души обиженной вы потопить
Рѣшитеся воспоминанья зла,
Которое, по вашимъ заключеньямъ,
Я вамъ накликалъ!

Королева Елисавета.— Говори короче,

Чтобъ это краткое расположенье
Не миновалось прежде, чѣмъ успѣешь
Его ты высказать...
Король Ричардъ.— Такъ знайте-жъ, я
Отъ всей души влюбился въ вашу дочь!!..
Королева Елисавета.—Мать дочери отъ всей души,
Какъ ты, о томъ же думаетъ.
Король Ричардъ.— О чемъ же?
Королева Елисавета.—О томъ, что ты въ ея влюбился дочъ
Отъ всей души!.. Вѣдь ты любилъ и братьевъ
Ея—отъ всей души?! — Благодарю
Тебя за это всей моей душою!
Король Ричардъ.—Не объясняйте словъ моихъ неправо.
Я говорю вамъ ясно, что душевно
Влюбленъ я въ вашу дочь и что желаю
Доставить ей величье королевы!..
Королева Елисавета.—Прекрасно,—только кто жъ при этомъ будетъ
Ей королемъ?
Король Ричардъ.—А тотъ, кто-въ королеву
Ее преобразитъ! И кто же кромѣ
Его, милэди?
Королева Елисавета.—Какъ? Такъ это — ты?..
Король Ричардъ.—Да, я!.. А вы что̀ думаете, лэди,
Объ этомъ?
Королева Елисавета.—Чѣмъ же ты ее склонить
Надѣешься на сторону свою?..
Король Ричардъ.—Объ этомъ посовѣтоваться съ вами
И думалъ я. Вы знаете ее
Получше всѣхъ...
Королева Елисавета.—И моего совѣта
Послушаешься ты?
Король Ричардъ.— Отъ всей души!
Королева Елисавета. — Пошли же къ ней, съ тѣмъ самымъ человѣкомъ,
Который былъ убійцею двухъ братьевъ
Ея, окровавленныя сердца
Несчастныхъ,—вырѣзавъ на нихъ заранѣ
Два имени завѣтныхъ: «Эдуардъ
И Іоркъ!» — Увидѣвъ ихъ, она заплачетъ!
Ты помнишь, какъ когда-то Маргарита

Измученному твоему отцу
Дала платокъ, обмоченный въ крови
Страдальца Рютланда; и ты такой же
Ей предложи!.. Скажи, что онъ напитанъ
Пурпурной влагою, изъ труповъ братьевъ
Ея истекшею, и попроси,
Чтобы она имъ осушила слезы!
Когда и это не пробудитъ въ ней
Любви, пошли ей письменный реестръ
Твоихъ достойныхъ дѣлъ, и разскажи,
Какъ ты убилъ ея любимыхъ дядей,
Какъ Риверсъ и несчастный Кларенсъ пали,
И какъ ты не замедлилъ, для ея-жъ
Спокойствія, раздѣлаться и съ теткой
Ея, съ добрѣйшею милэди Анной!..
Король Ричардъ.—Вы надо мной смѣетесь, королева!
Ужель этимъ я пріобрѣту
Ея расположенье?..
Королева Елисавета.— Что же дѣлать?
Другой дороги нѣтъ, когда тебѣ
Нельзя другимъ явиться человѣкомъ
И вовсе Ричардомъ не быть, который
Все это сдѣлалъ!
Король Ричардъ.— Вы скажите ей,
Что дѣлалъ я все это — изъ любви,
Изъ дружбы къ ней одной.
Королева Елисавета.— О, да! готова!...
Когда она узнаетъ покороче,
Какими жертвами она купила
Твою любовь, она ужъ не откажетъ...
Король Ричардъ.—Послушайте!—что сдѣлано, того
Ужъ не воротишь! Человѣкъ порой
Недальновидно дѣйствуетъ и послѣ
Жалѣетъ самъ объ этомъ... Я лишилъ
Наслѣдья предковъ — вашихъ сыновей;
Но, чтобъ поправить это, свой вѣнецъ
Отдать я вашей дочери желаю!..
Я истребилъ потомство вашей крови
И воскрешу его потомствомъ новымъ,
Потомствомъ вашей дочери... Святое
Названье бабушки пріятно такъ же,

Какъ и названье матери... Внучата
Тѣ-жъ дѣти, разница въ одномъ колѣнѣ!...
Всѣ тѣ-жъ и кровь, и плоть, — и только ночи
Страданій подвергается здѣсь та,
Изъ-за которой вы когда-то горе
Переносили!.. Ваши дѣти были
Мученьемъ вашей юности; мои —
Вамъ будутъ утѣшеніемъ подъ старость!
Вы потеряли сына-короля...
Но ваша дочь вслѣдъ за утратой вашей
Восходитъ на престолъ!.. Я не могу
Вамъ возвратить всего, какъ ни желалъ бы
Я этого! А потому примите
Хоть то, что я могу... Несчастный Дорзетъ,
Вашъ сынъ, печально бродитъ по чужбинѣ, —
Но нашъ союзъ немедленно его
Отчизнѣ возвратитъ, — и я возвышу
Его и награжу... А вашу дочь
Назвавъ своей прекрасною женой,
Король и сына вашего отъ сердца
И за-просто наименуетъ братомъ...
Вы королевой-матерью опять
Предстанете, и раны нашихъ бѣдствій
Излѣчатся двойнымъ богатствомъ счастья!..
О! сколько радостей еще увидимъ
Мы въ будущемъ! святыя капли слезъ,
Пролитыхъ вами, возродятся снова,
Но превращенныя въ алмазы, перлы...
И цѣнность ихъ, процентами блаженства
Умноженная, возвратится къ вамъ...
Ступайте-жъ, матушка, ступайте къ вашей
Прекрасной дочери и ободрите
Ея застѣнчивость и робость вашей
Разумной опытностью; слухъ ея
Вы приготовьте къ говору блаженства
И къ сладконѣжной рѣчи жениха...
Въ пугливомъ сердцѣ возбудите пламя
Высокихъ почестей, откройте ей
Всѣ прелести безмолвныхъ наслажденій
Супружества!.. А я съ моимъ мечомъ
Пойду на этого бунтовщика,

Пигмея-Бокингэма!.. Накажу
Его и возвращусь въ тріумфѣ, въ лаврахъ...
Своей женѣ я передамъ трофеи...
И будетъ намъ она—вѣнцомъ побѣды,
И «цезарь-цезаря!» ей имя будетъ!

Королева Елисавета.—Но какъ же ей я назову того,
Кто хочетъ быть ея супругомъ?!. Братомъ
Ея отца?.. иль дядей?.. или тѣмъ,
Кто умертвилъ ея несчастныхъ братьевъ
И дядей?.. Дай ты мнѣ хотя одно
Названіе, съ которымъ бы тебя—
Господь, законъ, и честь моя, и эта
Любовь узнали, безъ того, чтобъ ты
Ея душѣ противнымъ не казался!

Король Ричардъ.—Скажите ей, что миръ отчизны нашей
Упрочится отъ этого союза.

Королева Елисавета.—И вѣчною борьбой она должна
Купить его?

Король Ричардъ.—Скажите ей, что самъ
Король ее объ этомъ умоляетъ.

Королева Елисавета.—Но царь царей согласенъ ли на то?

Король Ричардъ.—Скажите, что великой королевой
Я сдѣлаю ее.

Королева Елисавета.—Чтобы величье,
Какъ матери, оплакивать?

Король Ричардъ.— Скажите,
Что любить ее и нѣжить буду
Безъ умолку!

Королева Елисавета.—А долго-ль эта вѣчность
Продлится?

Король Ричардъ.—До поры, угодной небу
И матери природѣ.

Королева Елисавета.— До поры,
Которую ей предназначитъ адъ
И Ричардъ?

Король Ричардъ.—Объявите ей, что я,
Ея король, рабомъ ея покорнымъ
Желаю сдѣлаться!..

Королева Елисавета.— Повѣрь: она,
Раба твоя, гнушается подобнымъ
Владычествомъ!..

Король Ричардъ.— Употребите всю
Краснорѣчивость вашу въ этомъ дѣлѣ!
Королева Елисавета.—Прямое и простое предложенье
Скорѣе принимается!
Король Ричардъ.— Такъ вы
Ей просто объявите о любви
Моей!
Королева Елисавета.—Но предложеніе безчестья
Еще ужаснѣе—въ простыхъ словахъ!..
Король Ричардъ.—Всѣ ваши возраженья слишкомъ ложны
И мелки!!
Королева Елисавета.—Нѣтъ! они ужъ слишкомъ вѣрны
И глубоки!—Въ сырыхъ могилахъ дѣти
Мои лежатъ и глубоко, и вѣрно!
Король Ричардъ.—Милэди, не касайтесь этой грустной
Струны: все это кончено давно ужъ!
Королева Елисавета.—Нѣтъ, я ея касаться вѣчно буду,
Пока всѣ струны сердца моего
Не лопнутъ!..
Король Ричардъ.— Если такъ—клянусь Георгомъ,
Короной и подвязкою *) клянусь...
Королева Елисавета.—Ты осрамилъ Георга и подвязку,
Корону-жъ ты похитилъ...
Король Ричардъ.— О, клянусь...
Королева Елисавета.—Молчи, совсѣмъ нѣтъ клятвы у тебя!
Ты осрамилъ угодника святого;
Звѣзда подвязки помрачилась также.
Похищенная-жъ силою корона
Лишилась славы царственной своей!..
Когда ты хочешь, чтобъ сердечной клятвѣ
Твоей повѣрили, клянися тѣмъ,
Чему ты никогда не дѣлалъ зла!..
Король Ричардъ.—Клянуся этимъ міромъ.
Королева Елисавета.— Онъ исполненъ
Твоей неправды!
Король Ричардъ.— Смертью моего
Отца.
Королева Елисавета.—Ты осрамилъ ее твоею
Безчестной жизнію!
Король Ричардъ.— Самимъ собой!!.

*) *Подвязка*—орденъ.

Королева Елисавета.—Ты опозорилъ самого себя!..
Король Ричардъ.—Такъ небомъ!!!
Королева Елисавета.— Передъ небомъ ты скорѣй
Всего виновенъ!.. Если-бѣ ты боялся
Нарушить клятву, данную ему,
Союзъ, упроченный моимъ супругомъ,
Не нарушался бы и братъ мой жилъ!..
Когда бы ты боялся измѣнить
Священной клятвѣ,—царственный металлъ,
Объемлющій теперь твое чело,
Блисталъ бы на челѣ моихъ дѣтей,
И оба принца безмятежно-бъ жили...
Твое коварство не убило-бъ ихъ
И на одномъ печальномъ ложѣ въ землю
Не опустило бы на снѣдь червей!..
Ну, чѣмъ же ты еще мнѣ поклянешься?
Король Ричардъ.—Моею будущностью...
Королева Елисавета.— Ты въ прошедшемъ
Надъ нею надругался!.. у меня
Самой довольно слезъ, чтобы омыть
Грядущіе года отъ всѣхъ несчастій,
Которыя въ прошедшемъ ты свершилъ!
Малютки дѣти, у которыхъ ты
Убилъ отцовъ, въ печальномъ сиротствѣ
Живутъ, чтобы на старости своей
Оплакать это все! Отцы, которыхъ
Дѣтей зарѣзалъ ты, живутъ страдая,
Какъ старыя, безплодныя растенья,—
Чтобъ это все на старости оплакать!
Нѣтъ, не клянись грядущимъ! Ты его
Еще до срока исказилъ въ прошедшемъ!
Король Ричардъ.—Пусть будетъ столько-жъ вѣренъ мой успѣхъ
Въ войнѣ грядущей, сколько вѣрно то,
Что я желаю счастья вамъ и каюсь!
Да истреблю я самъ себя! Судьба
И небо да лишатъ меня блаженства!
День—да не дастъ мнѣ свѣта, ночь—покоя!
И да возстанутъ всѣ созвѣздья противъ
Моихъ началъ, когда я не люблю
Любовью чистою и непорочной,

Святыми помыслами сердца—вашей
Прекрасной дочери!.. Въ ней все мое
И ваше счастье... Безъ нея—меня,
И васъ, и царство наше, и ее,
Несчастную, и много-много вѣрныхъ,
Невинныхъ душъ постигнетъ смерть и гибель,
И разореніе, и запустѣнье!..
Ничто не въ силахъ отвратить и вовсе
Не отвратитъ всѣхъ этихъ бѣдствій, кромѣ
Союза этого!.. И потому
Вы, матушка безцѣнная,—я долженъ
Такъ называть васъ,—будьте у нея
Ходатаемъ любви моей, скажите
Ей не о томъ, чѣмъ былъ я, но о томъ,
Чѣмъ быть хочу я; не о томъ, что я
Заслуживаю, но о томъ скажите,
Что заслужить желалъ бы я!.. Представьте
Ей нужду этого! Не увлекайтесь
Горячностью въ такомъ высокомъ дѣлѣ.

Королева Елисавета.—Неужели навѣтамъ сатаны
Я уступить должна?

Король Ричардъ.— Да, если онъ
Совѣтуетъ вамъ доброе.

Королева Елисавета.— И я
Сама себя обязана забыть,
Чтобъ только быть собою?..

Король Ричардъ.— Безъ сомнѣнья,
Когда воспоминаніе о васъ
Самимъ вамъ повредить, миледи, можетъ.

Королева Елисавета.—Но ты моихъ дѣтей убилъ?

Король Ричардъ.— Я ихъ
На лонѣ вашей дочери прекрасной
Похороню,—и вновь на этой почвѣ
Они родятся сами изъ себя,
На утѣшенье вамъ!..

Королева Елисавета.— И я должна
Склонить ее на это предложенье?

Король Ричардъ.—Васъ это матерью счастливой, лэди,
Навѣки сдѣлаетъ...

Королева Елисавета.— Изволь!—Пиши
Ко мнѣ немедленно; я обо всемъ

Тебя увѣдомлю!..

Король Ричардъ (*цѣлуетъ ее*).—Такъ передайте-жъ
Ей этотъ поцѣлуй!—Прощайте. (*Королева Елисавета уходитъ*).
Дура!
Безсильная и вѣтренная баба!—(*Входитъ Ратклифъ и за нимъ Кэтзби*).
Что новаго?..

Ратклифъ.— Могучій повелитель!
У западнаго берега явился
Безчисленный и сильный флотъ. На берегъ
Бѣгутъ толпы сомнительныхъ бродягъ,
Безъ всякаго оружія, и вовсе
Не думаютъ отбить врага... По слухамъ
Народнымъ, этимъ флотомъ правитъ Ричмондъ.
Они сложили паруса и ждутъ,
Что Бокингэмъ ихъ высадкѣ поможетъ.

Король Ричардъ.—Скорѣй посла надежнаго къ Норфольку!
Скачи ты самъ иль Кэтзби... Гдѣ же Кэтзби?

Кэтзби.—Здѣсь, государь.

Король Ричардъ.— Скорѣе поѣзжай
Къ Норфольку!..

Кэтзби.— Я не пощажу, милордъ,
Ни лошади, ни самого себя.

Король Ричардъ.—Ты, Ратклифъ, въ Сальсбёри скачи: когда
Пріѣдешь ты туда... (*Кэтзби*) Ну! что же ты,
Бездѣльникъ, негодяй лѣнивый, здѣсь
Стоишь... и къ герцогу не ѣдешь?

Кэтзби.— Ваше
Величество еще не объявили,
Что̀ долженъ я ему сказать...

Король Ричардъ.— Прости,
Мой вѣрный, добрый Кэтзби!—Объяви
Ему, чтобъ онъ немедленно сбиралъ,
Какое только можетъ, ополченье
И съ нимъ ко мнѣ бы мчался въ Сальсбёри!

Кэтзби.—Лечу!.. (*Уходитъ*).

Ратклифъ.— Что же въ Сальсбёри я долженъ дѣлать,
Милордъ?—

Король Ричардъ.—Да, въ самомъ дѣлѣ, что̀ тебѣ
Тамъ дѣлать безъ меня?

Ратклифъ.— Вы тотчасъ мнѣ
Впередъ приказывали ѣхать.
Король Ричардъ.— Я
Раздумалъ!.. *(Входитъ Стэнли).*
Ну, что новаго, лордъ Стэнли?
Стэнли.—Нѣтъ ничего хорошаго, свѣтлѣйшій
Монархъ, чтобъ вы съ отрадой услыхали,
И ничего печальнаго, о чемъ бы
Не могъ я вашей чести доложить!
Король Ричардъ.—Вотъ-на! загадки!!—Ничего дурного
И ничего хорошаго?.. Какая
Тебѣ необходимость столько миль
Скакать околицами, если ты
Ближайшею дорогою намъ можешь
Сказать свои таинственныя вѣсти?
Что новаго, опять я повторяю?
Стэнли.—Лордъ,—Ричмондъ на морѣ!
Король Ричардъ.— Пускай онъ въ немъ
Утопится, чтобы не онъ, а море
Надъ нимъ ходило! Ренегатъ бездушный!
И для чего пустился въ море онъ?
Стэнли.—Не знаю, но мнѣ кажется, милордъ...
Король Ричардъ.—Что-жъ кажется тебѣ?..
Стэнли.— Что, возбужденный
Мортономъ, Дорзетомъ и Бокингэмомъ,
Онъ въ Англію пустился за короной...
Король Ричардъ.—Но развѣ упразднился тронъ у насъ?
Рука, владѣвшая мечомъ, изсохла?
Король скончался? Въ королевствѣ нѣтъ
Властителя? И кто же, кромѣ насъ,
Живъ изъ наслѣдниковъ вѣнчанныхъ Іорка?
И кто законный Англіи король,
Какъ не наслѣдникъ Іорка?.. Говори же,
Зачѣмъ пустился въ море онъ?..
Стэнли.— Милордъ,
Я виноватъ,—ошибся,—и не знаю
Другой причины этому походу.
Король Ричардъ.—Ошибся ты, и ужъ не знаешь болѣ
Другой тому причины? Ты не знаешь,
Зачѣмъ пришелъ Валлисецъ?—Стэнли, ты
Къ нему бѣжать задумалъ, ты—измѣнникъ!

Стэнли.—Нѣтъ, государь! напрасно вы меня
Подозрѣваете въ измѣнѣ!
Король Ричардъ.— Гдѣ же
Твои войска, чтобъ отразить его?
Отвѣтствуй, гдѣ твои друзья, вассалы
На западныхъ, мятежныхъ берегахъ,
Для охраненья высадки враговъ?!
Стэнли.—Мои друзья на сѣверѣ, милордъ.
Король Ричардъ.—Холодные друзья мнѣ! Что имъ дѣлать
На сѣверѣ, когда ихъ государь
На западѣ нуждается въ ихъ силахъ?
Стэнли.—Имъ не было приказано, великій
Монархъ! Но, если вамъ угодно будетъ
Пустить меня, я соберу моихъ
Друзей и вашей чести ихъ представлю,
Когда и гдѣ прикажете вы мнѣ!..
Король Ричардъ.—Ты съ Ричмондомъ соединиться хочешь?
Нѣтъ, я тебѣ не довѣряю...
Стэнли.— Свѣтлый
Монархъ, вы не имѣете причины
Подозрѣвать меня! Я никогда
Измѣнникомъ вамъ не былъ и не буду!..
Король Ричардъ.—Пусть такъ!—Иди-жъ и собирай войска!
Но сынъ твой, Стэнли, здѣсь остаться долженъ.
Будь твердъ и вѣренъ мнѣ, когда не хочешь,
Чтобъ голова его слетѣла съ плечъ!
Стэнли.—Вы съ нимъ, милордъ, по вѣрности моей
Поступите... (*Уходитъ. Входитъ гонецъ*).
Гонецъ.— Свѣтлѣйшій государь,
Я получилъ извѣстье отъ моихъ
Друзей, что Кортни и его надменный братъ,
Владѣтель Экстерскій, съ толпой другихъ
Мятежниковъ, оружье въ Девонширѣ
Внезапно подняли!.. (*Входитъ другой гонецъ*).
2-й гонецъ.— Монархъ великій,
Герфорды въ Кентѣ подняли оружье!..
И съ каждымъ часомъ къ нимъ бѣгутъ другіе
Измѣнники, и силы ихъ растутъ! (*Входитъ третій гонецъ*).
3-й гонецъ.—Милордъ, поутру войско Бокингэма...
Король Ричардъ.—Прочь! съ глазъ долой, зловѣщая сова!

Все пѣсни смерти! (*Бьетъ его*).
Вотъ тебѣ на память
До лучшей вѣсти!

3-й гонецъ.— Я хотѣлъ, милордъ,
Вамъ донести, что войско Бокингэма
Разсѣяно разливомъ водъ отъ сильныхъ
Дождей, поутру выпавшихъ нежданно!..
И что, покинутый, онъ убѣжалъ
Одинъ, невѣдомо куда...

Король Ричардъ.— Прости!..
Вотъ кошелекъ тебѣ мой... (*Бросаетъ ему кошелекъ*).
Залѣчи
Мои удары имъ!—А что, ты слышалъ,
За голову измѣнника награду
Мои друзья назначили?

3-й гонецъ.— Милордъ,
Она давно объявлена! (*Входитъ четвертый гонецъ*).

4-й гонецъ.— Свѣтлѣйшій
Монархъ, сэръ Томасъ Ловель и маркизъ
Лордъ Дорзетъ, говорятъ, знамена бунта
Въ Іоркширѣ подняли! Но вотъ другое
Извѣстіе,—оно васъ успокоитъ:
Бретанскій флотъ разсѣянъ бурей! Ричмондъ
На дорзетширскій берегъ выслалъ шлюпку,
Чтобъ разузнать, его ли ждутъ отряды,
Которые стояли тамъ?.. Ему
Отвѣтили, что Бокингэмомъ въ помощь
Они къ нему отправлены! Но онъ
Имъ не повѣрилъ, поднялъ паруса
И повернулъ назадъ, въ свою Бретань.

Король Ричардъ.—Впередъ, впередъ! Теперь ужъ мы готовы,
Когда не для сраженья съ иноземнымъ
Врагомъ, хоть для того, чтобъ усмирить
Бунтовщиковъ домашнихъ!.. (*Входитъ Кэтзби*).

Кэтзби.— Государь,
Мятежный Бокингэмъ подъ стражу взятъ...
И это—вѣсть хорошая! Но вы
Должны узнать и вѣсть дурную... Ричмондъ
Явился съ многочисленной толпой
Въ Мильфордѣ!..

Король Ричардъ.— Въ Сальсбёри! впередъ! Пока

Мы здѣсь болтали съ вами, можно-бъ было
Сраженье выиграть, иль проиграть!
Одинъ изъ васъ проводитъ Бокингэма,
А прочіе за мною!.. Въ Сальсбёри!! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Комната въ домѣ лорда Стэнли. (Входятъ: **Стэнли и Сэръ Христофоръ-Орзвикъ**, капелланъ графини Ричмондъ, жены Стэнли).

Стэнли.—Сэръ Христофоръ, скажите отъ меня
Милорду Ричмонду, что сынъ мой запертъ
Въ хлѣвѣ извѣстнаго вамъ кабана,
Едва возстану я, мой юный сынъ
Лишится головы! И это только
Мѣшаетъ мнѣ соединиться съ нимъ!
Скажите, гдѣ-жъ теперь достойный Ричмондъ?
Христофоръ.—Близъ Пемброка или у Гарфордъ-веста,
Въ Валлисѣ.
Стэнли.— Кто-жъ при немъ изъ лицъ извѣстныхъ?
Христофоръ.—Воинственный сэръ Вальтеръ Гэрбертъ, сэръ
Джильбертъ Тальботъ, сэръ Вильямъ Стэнли, Оксфордъ,
Могучій Пемброкъ, Блентъ и Ричь-апъ-Томасъ,
Съ толпою храбрыхъ воиновъ,—а съ ними
И прочіе сподвижники!.. Они
Пойдутъ на Лондонъ прямо, если имъ
Не преградятъ дороги нападеньемъ.
Стэнли.—Прекрасно!—Такъ идите же къ милорду
И передайте мой ему привѣтъ!
Увѣдомьте его, что королева
Согласна дочь свою Елисавету
Отдать ему въ супруги!.. Эти письма
Подробно все ему передадутъ. (*Вручаетъ ему бумаги*).
Итакъ, милордъ, прощайте, до свиданья!.. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сальсбёри. — Площадь. — (Входятъ: **Шерифъ со стражей, ведущей на казнь Бокингэма**).

Бокингэмъ.—Такъ Ричардъ не желаетъ говорить
Со мной?

Шерифъ.— Да, добрый герцогъ, покоритесь
Судьбѣ своей.
Бокингэмъ.— Несчастный Гэстингсъ, Грей,
Король благочестивый мой и всѣ,
Погибшіе отъ гнусной и коварной
Несправедливости,—внимайте мнѣ!
И если ваши пламенныя души,
Негодованья полныя и гнѣва,
Увидятъ съ облаковъ лазурныхъ то,
Что дѣлается здѣсь,—вы отмщены!..
Порадуйтеся гибели моей.—
Друзья, сегодня день поминовенья
Усопшихъ?
Шерифъ.— Точно такъ, свѣтлѣйшій лордъ.
Бокингэмъ.—И день поминовенія усопшихъ
Мнѣ будетъ днемъ позорной казни?.. Этотъ
Священный день, при жизни Эдуарда,
Я призывалъ на голову мою,
Когда-бъ я измѣнилъ роднымъ его
Жены, или его несчастнымъ дѣтямъ...
Я въ этотъ самый день желалъ погибнуть
Отъ вѣроломной зависти того,
Кому-бъ довѣрился я больше всѣхъ!..
И этотъ, этотъ самый день кончаетъ
Всѣ помыслы грѣховные моей
Испуганной души! Господь Всевидецъ,
Котораго я обмануть пытался,
На голову мою же обратилъ
Мои мольбы притворныя и клятвы...
Онъ даровалъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ то,
Чего просилъ я въ шутку! Стрѣлы грѣшныхъ
На ихъ же груди направляетъ Онъ!
Всей тяжестью проклятье Маргариты
Обрушилось на голову мою:
«Припомни это въ день, когда печально
Изранитъ сердце онъ твое»,—она
Мнѣ восклицала:—«и скажи—отъ сердца
Тогда: пророчицею Маргарита
Несчастная была!»... Друзья! впередъ!..
Ведите грѣшника къ позорной плахѣ!..
Неправдѣ, злу—и наказанье злое! *(Его уводятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Равнина близъ Тэмворза. (Входятъ съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами: **Ричмондъ**, **Блентъ**, **Гэрбертъ** и другіе съ войскомъ).

Ричмондъ.—Товарищи и братья по оружью!
Мы съ вами безпрепятственно прошли
Въ средину самую родного царства:
И вотъ отъ Стэнли, тестя моего,
Я получилъ отраднѣйшія письма,
Которыми онъ ободряетъ насъ!
Свирѣпый, хищный, кровожадный вепрь,
Опустошающій поля и ваши
Сады, звѣрь дикій, вашей теплой кровью
Весь вѣкъ свой упивавшійся, теперь,
Какъ увѣряютъ насъ, лежитъ въ срединѣ
Британіи, близъ Лестера.—Отсюда
До Лестера одинъ лишь день пути...
Во имя Бога, храбрые друзья,
Впередъ!.. Пожнемъ одной кровавой пыткой
Теперь мы жатву вѣчнаго покоя!..
Оксфордъ.—Лордъ, совѣсть каждаго изъ насъ—фаланга
Безчисленныхъ мечей. Мы отразимъ,
Мы побѣдимъ бездушнаго злодѣя.
Гэрбертъ.—Его друзья подъ наши знамена
Сбѣгутся...
Блентъ.— Всѣ друзья его—друзья
Ему изъ страха одного; при первомъ
Удобномъ случаѣ они его
Покинутъ.
Ричмондъ.— Тѣмъ отраднѣе для насъ!
Итакъ, друзья, впередъ—во имя Бога!..
Надежда вѣрная—быстрѣе мысли,
Она летитъ на ласточкиныхъ крыльяхъ!
Владыки съ ней—подобье божества,
А бѣдные страдальцы—съ ней владыки!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Босвортское поле. (Входятъ: **Король Ричардъ**, съ войскомъ; **Герцогъ Норфолькъ**, **Графъ Серри** и другіе).

Король Ричардъ.—Здѣсь, на Босвортскомъ полѣ этомъ, нынче
Мы разобьемъ палатки! Что такъ мрачны

Вы, свѣтлый Серри?..

Серри.— На сердцѣ моемъ,
По крайней мѣрѣ, въ десять разъ свѣтлѣе
Моей наружности.

Король Ричардъ.— Лордъ Норфолькъ!

Норфолькъ.— Здѣсь,
Мой повелитель!

Король Ричардъ.— Добрый Норфолькъ, намъ
Не миновать ударовъ! Вы какого
Объ этомъ мнѣнія?

Норфолькъ.— Довольно будетъ
Всего на ихъ и нашу долю!

Король Ричардъ.— Здѣсь
Разбить мою палатку. Эту ночь
Я проведу въ Босвортскомъ полѣ. Гдѣ-то
Придется завтра быть?.. (*Солдаты разбиваютъ королевскую палатку*).
Э! Все равно!
Кто разузналъ, какъ многочисленъ врагъ?

Норфолькъ.— Въ его рядахъ не болѣе шести
Или семи вооруженныхъ тысячъ!..

Король Ричардъ.—Такъ мы сильнѣй его едва-ль не втрое!
Притомъ одно ужъ имя короля —
Бойница, башня силы, а у нихъ
Его-то именно и нѣтъ!—Готовьте-жъ
Палатку намъ! А вы со мной, милорды,
Идите. Мы изслѣдуемъ для битвы
Получше мѣстность и возьмемъ съ собой
Искусныхъ въ этомъ дѣлѣ.—Поскорѣе-жъ!
Откладывать намъ нечего, затѣмъ,
Что завтра всѣмъ и безъ того довольно
Отыщется работы и трудовъ... (*Уходитъ съ своей свитой. На другомъ концѣ поля показываются Ричмондъ, сэръ Вильямъ Брандонъ, Оксфордъ и другіе лорды. Нѣсколько солдатъ разбиваютъ палатку Ричмонда*).

Ричмондъ.—Усталое, таинственное солнце
Въ туманѣ золотистомъ потонуло...
И слѣдъ его блестящей колесницы
Намъ предвѣщаетъ радостное утро.
Сэръ Вильямъ Брандонъ, вамъ я поручаю
Штандартъ мой.—Принесите мнѣ въ палатку

Бумаги и чернилъ. Я начерчу
Планъ битвы завтрашней и всѣмъ назначу,
Кому какое мѣсто занимать;
Придумаю, какъ лучше бъ размѣстить
Нашъ маленькій отрядъ.—Лордъ Оксфордъ, вы,
Сэръ Вильямъ Брандонъ, и сэръ ВальтеръГэрбертъ—
Останетесь со мною!—Графъ же Пемброкъ
Пойдетъ къ своимъ солдатамъ. Свѣтлый Блентъ,
Вы пожелайте доброй ночи лорду
И передайте отъ меня ему,
Что въ два часа утра, въ моей палаткѣ,
Его желаю видѣть я... Теперь,
Мой добрый капитанъ, другая просьба:
Извѣстно ль вамъ, гдѣ Стэнли?

Блентъ.— Если я
Чужихъ полковъ не принялъ за его
Полки,—чего не думаю я вовсе,—
Такъ онъ находится, по крайней мѣрѣ,
Съ полъ-мили къ югу отъ могучихъ полчищъ
Монарха своего...

Ричмондъ.— Любезный Блентъ,
Найдите средство повидаться съ нимъ—
Едва возможно это безъ особой
Опасности—и передайте лорду
Вотъ эту важную бумагу!.. (*Передаетъ ему бумагу*).

Блентъ.— Пусть
Лишуся жизни я,—а передамъ!
Покойной ночи, лордъ!.. (*Уходитъ*).

Ричмондъ.— Покойной ночи,
Безцѣнный капитанъ!—Пойдемте-жъ, лорды,
Подумаемъ о завтрашнихъ трудахъ
Въ моей палаткѣ!.. Я совсѣмъ озябъ!.. (*Уходятъ въ палатку*). (*Въ палатку Ричарда входятъ: онъ самъ, Норфолькъ, Ратклифъ и Кэтзби*).

Король Ричардъ.—Который часъ?

Кэтзби.— Часъ ужина, милордъ:
Девятый...

Король Ричардъ.—Ѣсть я не хочу!—Подайте
Мнѣ поскорѣй бумаги и чернилъ.
Исправили-ль мой шлемъ и легче-ль сталъ онъ?
Внесли-ль мое оружіе въ палатку?..

Кэтзби.—Все внесено и все готово, лордъ.
Король Ричардъ.—Любезный Норфолькъ, ты иди на мѣсто,
Тебѣ назначенное. Не зѣвай
И выбери надежныхъ часовыхъ.
Норфолькъ.—Иду, милордъ.
Король Ричардъ.— Пораньше, на зарѣ,
Проснися съ ласточками, добрый Норфолькъ.
Норфолькъ. — Богъ да хранитъ васъ, мой властитель!
(Уходитъ).
Король Ричардъ.— Ратклифъ!
Ратклифъ.—Милордъ!
Король Ричардъ.—Пошли гонца скорѣе къ Стэнли,
Вели сказать ему, чтобъ онъ явился
Съ своимъ отрядомъ до восхода солнца,—
Когда не хочетъ, чтобъ единый сынъ
Его сокрылся въ бездну вѣчной ночи! (*Кэтзби*).
Дай мнѣ вина, да принеси ночникъ.
А къ утру, къ битвѣ, осѣдлать мнѣ Сѣрри *).
Да чтобъ древки моихъ завѣтныхъ копій
Не тяжелы и крѣпки были!—Ратклифъ!
Ратклифъ.—Милордъ!
Король Ричардъ.—Угрюмаго Нортумберлэнда
Ты видѣлъ нынче?
Ратклифъ.— Около зари
Вечерней видѣлъ я, какъ онъ, а съ нимъ
И Томасъ Сэрри, обходилъ ряды
Всей арміи, одушевляя храбрыхъ
Солдатъ.
Король Ричардъ.—Я имъ доволенъ!—Дай мнѣ кубокъ
Вина.—Не знаю почему, но только
Я нынче какъ-то вялъ и несвободенъ
Душой... Поставь его... А гдѣ-жъ бумага
И перья?..
Ратклифъ.— Здѣсь, милордъ.
Король Ричардъ.— Вели же стражѣ
Моей не спать. Теперь оставь меня.—
Часу въ двѣнадцатомъ опять въ палатку
Мою приди: ты мнѣ тогда поможешь
Надѣть оружіе.—Иди же съ Богомъ.

---

*) *Surrey* имя Ричардова *историческаго коня.*

(Ратклифъ и Кэтзби уходятъ.—Палатка Ричарда закрывается.—Палатка Ричмонда открывается, и въ ней видны онъ и другіе лорды. Входитъ Стэнли).

Стэнли.—Побѣда и покой да увѣнчаютъ
Твой шлемъ!
Ричмондъ.—Все доброе, что̀ принесетъ
Намъ эта ночь,—тебѣ, мой благородный
Отецъ!—Скажи, здорова ли моя
Старушка мать?
Стэнли— Она мнѣ поручила
Тебя благословить; ея моленья
И день, и ночь на небо за тебя
Несутся... Но оставимъ это...—Время
Безмолвное летитъ, и непримѣтно
Уже рѣдѣетъ пасмурный востокъ.
Итакъ, чѣмъ кратче и скорѣй, тѣмъ лучше:
Веди войска, едва забрезжетъ день,
И пусть судьбу твою рѣшаетъ воля
Оружія и смертоносной битвы.
Я жъ, если только будетъ можно мнѣ
(Затѣмъ что такъ, какъ я желаю, врядъ-ли
Возможно будетъ), постараюсь всѣмъ
Воспользоваться и къ тебѣ на помощь
Явлюся въ мигъ рѣшительнаго боя!..
Я не могу спѣшить съ такимъ рѣшеньемъ:
Стань я до времени въ твои ряды,
И брата твоего казнятъ въ глазахъ
Отца!.. Прощай же!—Общая опасность
И краткость времени не позволяютъ
Намъ высказать священныхъ нашихъ чувствъ,
Мѣшаютъ нашей сладостной бесѣдѣ
И отравляютъ счастіе свиданья
Друзей, томившихся въ разлукѣ мрачной.
Да ниспошлетъ Господь намъ наконецъ
Досугъ для свѣтлыхъ изліяній дружбы!..
Еще—прощай, мой сынъ!—Будь храбръ и счастливъ.
Ричмондъ.—Милорды, потрудитесь проводить
Его... А я немного отдохну
И успокою легкою дремотой
Встревоженныя мысли, чтобъ назавтра,
Когда придется мнѣ летать на крыльяхъ

Побѣды,—сонъ меня не подавилъ
Своей свинцовой тяжестью!.. Милорды,
Еще желаю вамъ спокойной ночи! (*Лорды уходятъ вмѣстѣ съ Стэнли*).
О! Господи! Какъ полководецъ Твой,
Молю Тебя, взгляни могучимъ окомъ
На воинство мое... Вложи въ его
Десницу острое желѣзо гнѣва,
Чтобы подъ тяжестью его ударовъ
Распались шлемы хищниковъ-враговъ!..
Дай намъ свершить Твою святую кару,
Прославить на землѣ Твою побѣду!..
Тебѣ я поручаю бодрый духъ мой,
Пока мои рѣсницы не сомкнулись...
Своимъ покровомъ осѣни меня—
И спящаго, и въ битвѣ роковой!.. (*Засыпаетъ*).

(*Въ серединѣ, между открытыхъ палатокъ Ричарда и Ричмонда, является тѣнь принца Эдуарда, сына Генриха Шестого*).

Тѣнь Эдуарда (*Ричарду*).—Тяжелымъ гнетомъ на душу твою
Налягу завтра я! Припомни, ты
При Тьюксбери меня зарѣзалъ въ цвѣтѣ
Моей весны!—Отчайся-жъ и умри! (*Ричмонду*).
Мужайся, Ричмондъ! Души гнѣвныхъ принцевъ,
Убитыхъ, явятся тебѣ на помощь!
Тебя, достойный Ричмондъ, ободряетъ
Сынъ Генриха, покойнаго монарха! (*Является тѣнь Генриха Шестого*).

Тѣнь Генриха (*Ричарду*).—Когда я былъ въ числѣ печальныхъ смертныхъ,
Ты истерзалъ помазанное тѣло
Мое смертельными мечами! Вспомни
Ужасный Тоуэръ! Вспомни короля!
Отчайся и умри! Покойный Генрихъ
Передъ тобой; отчайся и умри! (*Ричмонду*).
Ты-жъ, добродѣтельный и кроткій, встань
И побѣждай! Король, тебѣ корону
Предсказывавшій, говоритъ во снѣ
Съ тобой теперь: живи и процвѣтай! (*Является тѣнь Клarенса*).

Тѣнь Кларенса (*Ричарду*).—Тяжелымъ гнетомъ на душу твою

Наляжетъ поутру несчастный Кларенсъ,
Замытый до-смерти твоимъ виномъ
Противнымъ, низостью твоей убитый!.. *)
Въ часъ битвы, завтра, вспомнишь ты его,
И мечъ иступленный покинетъ руку...
Отчайся и умри!—*(Ричмонду)*.
А за тебя,
Ланкастерова отрасль, молятъ души
Убитаго потомства Іорка! Небо
И ангелы да поведутъ къ побѣдѣ
Твои ряды! — Живи и процвѣтай! *(Являются тѣни Риверса, Грея и Вогэна)*.

Тѣнь Риверса *(Ричарду)*.—Тяжелымъ гнетомъ на душу твою,
Близъ Помфрета, убитый Риверсъ ляжетъ...
Страдай, не спи!—Отчайся и умри!

Тѣнь Грея *(Ричарду)*. — Припомни Грея, — и твой алчный духъ
Отчаянье пугливое задушитъ!..

Тѣнь Вогэна *(Ричарду)*.—Вогэна вспомни и покинь отъ страха
Свое копье!—Отчайся и умри!—*(Всѣ три тѣни вмѣстѣ Ричмонду)*.
Вставай! проснись! Сознанье нашей смерти
Уже впилось въ Ричардову грудь...
Внимай и пробуждайся для побѣды!—*(Является тѣнь Гэстингса)*.

Тѣнь Гэстингса *(Ричарду)*. — Кровавый и преступный, преступленья
Исполненный, просыпайся! Бой
Кровавый да окончитъ жизнь твою...
Припомни Гэстингса, умри, отчайся! *(Ричмонду)*.
Ты-жъ, безмятежная душа, вставай,
Вооружись, кидайся въ бой могучій—
И побѣждай для благъ твоей отчизны!—*(Являются тѣни двухъ молодыхъ сыновей короля Эдуарда)*.

Тѣни *(Ричарду)*.—Малютокъ, въ Тоуэрѣ тобой убитыхъ,
Припомни въ сновидѣньѣ, Ричардъ! Въ грудь
Твою заляжемъ мы свинцомъ тяжелымъ,
На твой позоръ, тоску и гибель!—Души

---

*) Здѣсь намекается на смерть Кларенса, утонувшаго въ бочкѣ вина мальвазіи.

Племянниковъ взываютъ предъ тобой:
Отчайся и умри, коварный Ричардъ! (*Ричмонду*).
Ты-жъ, Ричмондъ, спи спокойно! Ты проснешься
Для радостей! И ангелы святые
Тебя отъ вепря охранятъ!.. Живи—
И длинный рядъ царей твое потомство
Украситъ славою великихъ дѣйствій!
Несчастные малютки Эдуарда
Къ тебѣ взываютъ: царствуй и живи! — (*Является тѣнь королевы Анны*).

Тѣнь Анны (*Ричарду*).—Твоя жена, бездушный Ричардъ, Анна
Несчастная твоя, на грѣшномъ ложѣ
Незнавшая съ тобой покоя,—сонъ твой
Теперь тревожитъ... Завтра, въ мигъ сраженья,
Припомни обо мнѣ и урони
Иступленный свой мечъ... Умри, отчайся! (*Ричмонду*).
Ты-жъ, мирная душа, спокойно спи,
Пусть грезится тебѣ успѣхъ, побѣда...
Жена врага тебѣ желаетъ счастья! (*Является тѣнь Бокингэма*).

Тѣнь Бокингэма (*Ричарду*).—Я первый помогалъ тебѣ добыть
Корону и послѣдній умерщвленъ
Твоимъ злодѣйствомъ! Но, въ кровавой сѣчѣ,
Ты вспомнишь Бокингэма и—умрешь
Отъ ужаса свершенныхъ преступленій!—
Спи, спи! пусть смерть и кровь тебѣ приснятся...
Измученный, отчаяньемъ терзайся
И подъ ярмомъ отчаянья задохнись!.. (*Ричмонду*).
Меня сразила смерть, я не успѣлъ
Тебѣ помочь; но ободрися, Ричмондъ,
И веселись душой!—Господь и лики
Его архангеловъ на сторонѣ
Твоей сразятся, а надменный Ричардъ
Падетъ,—падетъ въ пылу своей гордыни!
(*Тѣни исчезаютъ. Ричардъ пробуждается въ ужасѣ*).

Король Ричардъ.—Коня другого мнѣ!.. Перевяжите
Мнѣ раны!.. Господи, умилосердись!..
Что-жъ это?—Небо!..—Это только сонъ!!—
О, трусъ негодный, совѣсть, какъ ты мучишь
Меня?!—Ночникъ трепещетъ синимъ свѣтомъ...
Теперь глухая полночь... Капли пота

Бѣгутъ съ испуганнаго тѣла... Странно!
Чего боюся я?—Себя?—Здѣсь нѣтъ
Лица живого, кромѣ самого
Меня... А Ричардъ Ричарда такъ любитъ!—
Все я, все тотъ же я!!—Здѣсь нѣтъ убійцы!—
Какъ нѣтъ?—А я?.. Бѣги же поскорѣй!..
Отъ самого себя?—Какая нужда?
Чтобъ я не отомстилъ!.. Кому? Еще бы!..
А самому себѣ?.. Нѣтъ, я люблю
Себя.—За что-жъ себя ты любишь?—Вѣрно,
За что-нибудь хорошее, что я
Доставилъ самому себѣ?—О! нѣтъ!
Нѣтъ, я себя скорѣе ненавижу
За преступленія мои!—Злодѣй ты!!
Нѣтъ, врешь! я вовсе не злодѣй!.. Глупецъ,
Ты самого себя чернить не смѣешь!
Глупецъ! не льсти себѣ!—Мое сознанье
Владѣетъ тысячами языковъ...
У каждаго изъ нихъ есть обвиненье,
И каждое изъ этихъ обвиненій
Клеймитъ меня злодѣемъ и убійцей!..
Да! Я клятвопреступникъ, страшный извергъ!
Убійца я, безжалостный убійца,
И въ высочайшей степени убійца!!
Злодѣйства безобразныя, грѣхи,
Свершенные въ безчисленныхъ оттѣнкахъ
Моей рукой, толпятся передъ трономъ
Судьи небеснаго и восклицаютъ:
«Виновенъ ты! виновенъ!»—Какъ же мнѣ
Не потеряться?.. Нѣтъ созданья въ мірѣ,
Которое бы Ричарда любило!
Погибну я, и ни одна душа
Не станетъ обо мнѣ жалѣть и плакать.
Да и къ чему жалѣть имъ, если самъ я
Себя ни мало не жалѣю?—Мнѣ
Пригрезилось, что души всѣхъ убитыхъ
Моимъ стараніемъ къ моей палаткѣ
Слеталися и каждая отмщенье
На голову убійцѣ призывала!.. *(Входитъ Ратклифъ).*

Ратклифъ.—Милордъ!

Король Ричардъ.—Кто тутъ?!

Ратклифъ.— Я, Ратклифъ!—Ранній сельскій
Пѣтухъ уже два раза прокричалъ,
Привѣтствуя зарю, и всѣ друзья
Монарха нашего вооружились...
Король Ричардъ.—О! Ратклифъ! я ужасный видѣлъ сонъ.
Какъ полагаешь ты, друзья мои
Намъ не измѣнятъ?
Ратклифъ.— Безъ сомнѣнья, нѣтъ,
Милордъ!
Король Ричардъ.—О! Ратклифъ! Я боюсь, боюсь...
Ратклифъ.—Возможно-ль призраковъ бояться, ваше
Величество?
Король Ричардъ.—Клянуся Павломъ, въ эту
Глухую полночь тѣни мертвецовъ
Такъ ужаснули Ричардову душу,
Какъ не удастся ужаснуть ее
И десяти полкамъ живыхъ солдатъ,
Закованныхъ въ желѣзо, предводимыхъ
Надменнымъ Ричмондомъ!.. Еще пока
Не разсвѣло.—Пойдемъ со мною, Ратклифъ. *(Уходитъ съ Ратклифомъ).*
(Въ палатку Ричмонда входятъ: Оксфордъ и другіе лорды).
Лорды.—Пріятнаго утра, лордъ Ричмондъ.
Ричмондъ *(просыпаясь)*.— Лорды
И джентельмены, извините! Я,
Лѣнтяй, сегодня заспался совсѣмъ!..
Лорды.—Какъ почивали вы, милордъ?
Ричмондъ.— Чудесно!
Прекраснѣйшіе сны, какіе только
Когда-нибудь въ усталой головѣ
Являлись, съ той поры, какъ вы ушли,—
Меня не покидали! Мнѣ казалось,
Что души Ричардовыхъ бѣдныхъ жертвъ
Слеталися къ моей палаткѣ, громко
Взывая: встань и побѣждай!—Клянусь,
Моя душа наполнена восторгомъ!..
Который часъ теперь, милорды?
Лорды.— Скоро
Четыре.
Ричмондъ.— Такъ пора вооружаться

И строить наши храбрые ряды. (*Подходить къ войску*).
Друзья и земляки! Распространяться
О томъ, что я уже повѣдалъ вамъ,
Не позволяютъ мнѣ ни время наше,
Ни наши нужды,—помните одно:
Господь сражается за наше дѣло,
И теплыя молитвы райскихъ душъ
Окопами предъ нашими рядами
Стоятъ!—Сердца озлобленныхъ враговъ,
За исключеньемъ Ричарда, желаютъ
Побѣды намъ, а не вождю дружинъ
Своихъ!.. И въ самомъ дѣлѣ, джентельмены,
Кто предводитель ихъ?.. Тиранъ, убійца,
Возвысившійся кровью и на тронъ
Въ крови взошедшій!.. Не щадилъ онъ средствъ
Для достиженья цѣли и губилъ
То самое, что подавало средства
Его трудамъ!.. Простой, фальшивый камень,
Сверкающій алмазомъ потому,
Что вмѣсто фольги у него—корона
Британіи, похищенная имъ!..
Онъ—врагъ небесъ, и если вы пойдете
На Божьяго врага, Господь укроетъ
И защититъ поборниковъ своихъ!
Устанете, свергая супостата,—
Заснете мирно, побѣдивъ его...
Сразитеся съ врагомъ отчизны вашей—
И благо земляковъ вознаградитъ
Васъ за труды.—Возстаньте на защиту
Несчастныхъ женъ, и жены встрѣтятъ васъ,
Какъ побѣдителей, въ тріумфѣ мирномъ!..
Избавьте отъ меча дѣтей-малютокъ,
И ваши дѣти, и родные внуки
Вознаградятъ васъ въ старости за это!..
Итакъ, во имя Бога и святыхъ
Его законовъ, распускайте ваши
Побѣдныя знамёна,—на-голо
Ретивые мечи!.. Когда, друзья,
Неправо дѣло наше, пусть мой трупъ
Холодный на холодную равнину
Падетъ наградою моихъ желаній!—

Когда-жъ удастся мнѣ, успѣхъ побѣды
Я раздѣлю съ послѣднимъ изъ моихъ
Сподвижниковъ!.. Гремите-жъ, барабаны,
И потрясайте воздухъ сонный, трубы,
Веселіемъ и храбростью!.. Святой
Георгій! Небо!—Ричмондъ и побѣда! *(Уходятъ).*
(Снова являются :Ричардъ, Ратклифъ, свита и войско Ричарда).

Король Ричардъ.—Что говоритъ о Ричмондѣ суровый
Нортумберлэндъ?

Ратклифъ.— Что онъ прямой невѣжда
Въ военномъ дѣлѣ.

Король Ричардъ.— Это правда. Что же
Ему сказалъ на это Сэрри?

Ратклифъ.— Онъ
Сказалъ съ улыбкою: «Тѣмъ лучше, лордъ,
Для насъ!»

Король Ричардъ.—И это правда! Безъ сомнѣнья! *(Бьютъ часы).*
Сочтите-ка часы, да календарь
Подайте мнѣ.—Кто видѣлъ нынче солнце?

Ратклифъ.—Я не видалъ...

Король Ричардъ.— Такъ, значитъ, намъ оно
Свѣтить не хочетъ нынче!.. Въ этой книгѣ
Написано, что цѣлый часъ уже
Оно должно блестѣть на горизонтѣ;
Кому-то нынче будетъ черный день!..
Лордъ Ратклифъ!..

Ратклифъ.— Государь!

Король Ричардъ.— Сегодня солнце
Совсѣмъ не хочетъ показаться... Мрачно
Нависло небо гнѣвное надъ нашимъ
Отрядомъ.—Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ эт.
Слезливая роса исчезла съ поля...
Не разсвѣтаетъ!.. Впрочемъ, что-жъ такое?
Не я одинъ, и Ричмондъ погруститъ!..
Нахмуренное надо мною небо—
И надъ его померкло головой!.. *(Входитъ Норфолькъ).*

Норфолькъ.—Къ оружію, къ оружію, король!..
Враги уже несутся по равнинѣ...

Король Ричардъ.—Скорѣй—тревогу!.. Мнѣ коня взнуздать!
Сказать милорду Стэнли, чтобъ придвинулъ

Онъ свой отрядъ!—Я въ поле поведу
Войска и такъ устрою планъ сраженья:
Передовыя линіи, изъ равныхъ
Частей пѣхоты и отрядовъ конныхъ,
Подъ предводительствомъ милорда Сэрри
И Норфолька, растянутся фалангой.
Стрѣлки займутъ средину. Между тѣмъ,
Я съ главной силой выступлю за ними,
И сильный центръ пѣхоты окрылится
Блестящей конницей!—Святой Георгій
И это все—помогутъ намъ! Какъ ты
Объ этомъ думаешь, достойный Норфолькъ?

Норфолькъ.—Прекрасное распоряженье, храбрый
Король... Но вотъ что я нашелъ зарей
Сегодня около моей палатки. (*Подаетъ ему свитокъ*).

Король Ричардъ (*Читаетъ*).—
... «Джонъ Норфолькъ, дружище, смотри, не храбрись!
«Твой Диконъ *) ужъ преданъ и проданъ, очнись!..»
Все это выдумки враговъ презрѣнныхъ!...
Впередъ же, джентльмены! По мѣстамъ!
Не позволяйте говорливымъ грезамъ
Тревожить воли... Смѣло же впередъ
И прямо въ схватку, на смертельный бой!..
Что вамъ сказать еще?!—Вы не забудьте,
Съ кѣмъ вы ведете бой!.. Съ толпой бродягъ,
Бездѣльниковъ, воровъ и бѣглецовъ,
Съ презрѣнной накипью Бретани, съ гнусной
Толпой рабовъ, которыхъ бѣдный край
Извергнулъ изъ себя искать по свѣту
Достойной гибели и приключеній!—
Вы спали мирно, но они явились
Лишить васъ сна! У васъ есть земли, вы
Имѣете прекрасныхъ женъ, и вотъ
Имъ хочется лишить васъ блага первыхъ
И честь послѣднихъ опозорить!.. Кто
Ведетъ ихъ полчища?—Дрянной мальчишка,
Откормленный въ Бретани нашимъ хлѣбомъ...
Молокососъ, котораго нога
Всю жизнь его не уходила въ снѣгъ

---

*) *Диконъ*—старинное фамильярное искаженіе имени Ричарда.

За щиколотку, выше башмака!..
Отбросимъ эту сволочь снова въ морс...
Очистимъ родину отъ бѣглецовъ
Французскихъ, этихъ жадныхъ попрошаекъ,
Которымъ жизнь давно ужъ надоѣла...
Не соблазняй коварный ихъ успѣхъ,—
Давно бы ужъ повѣсилися крысы
Отъ недостатка средствъ къ существованью!
Ужъ если пасть и быть побѣждену,
Пускай, друзья, насъ побѣждаютъ мужи,
А не гнилые выродки Бретани,
Которыхъ наши дѣды, въ ихъ же бѣдной
Странѣ, такъ знатно колотили, били
И, въ завершенье радостнаго дѣла,
Еще такимъ потомствомъ наградили!..
Ужели эта сволочь завладѣетъ
Землями нашими, ужель отниметъ
Она у насъ супругъ и дочерей?.. *(Вдали раздается глухой барабанный бой).*
А!.. Слышите, милорды?.. Барабаны!
Ихъ барабаны!!—Джентльмены, въ битву!—
Впередъ, впередъ, безстрашные драбанты!..
Стрѣлки, прицѣливайтесь прямо въ лобъ!
Пришпоривайте вашихъ скакуновъ...
Въ крови купайтеся и ужасните
Небесный сводъ обломками мечей! *(Входитъ гонецъ).*
Что-жъ Стэнли? Гдѣ его отрядъ могучій?

Гонецъ.—Милордъ... Онъ отказался вамъ служить!..

Король Ричардъ.—Долой же голову родному сыну
Его! Долой немедленно!

Норфолькъ.— Милордъ,
Врагъ перешелъ уже болота наши...
Отсрочьте казнь до окончанья битвы!

Король Ричардъ.—О!.. Тысяча сердецъ теперь трепещетъ
Въ моей груди!—Знамена,—на врага,—
Впередъ!—Нашъ старый, громоносный возгласъ:
«Святой Георгій!» да вдохнетъ въ сердца
Моихъ друзей огонь драконовъ лютыхъ...
Впередъ, и да вѣнчаетъ насъ побѣда!—*(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Другая часть поля. — Смятеніе. — Шумъ битвы. — Стычки. — Входятъ: съ одной стороны Норфолькъ съ войскомъ, съ другой—Кэтзби.

Кэтзби.—Спасайтеся, лордъ Норфолькъ! Поскорѣй
Бѣгите!.. Ричардъ чудеса творитъ!
Кидается въ опаснѣйшія схватки...
Подъ нимъ убили лошадь,—онъ одинъ
Дерется, пѣшій... И въ объятьяхъ смерти
Повсюду ищетъ Ричмонда! Спѣшите,
Милордъ, иль этотъ день навѣкъ потерянъ!.. *(Смятеніе.—Вбѣгаетъ король Ричардъ).*

Король Ричардъ.—Коня!—Коня!—Все царство за коня!—

Кэтзби.—Бѣгите, государь! Я тотчасъ вамъ
Добуду лошадь...

Король Ричардъ.— Рабъ!! Я жизнь мою
Поставилъ на игру судьбы—и смѣло
Взгляну въ глаза неумолимой смерти!
Въ сраженіи—шесть Ричмондовъ, навѣрно!!
Я пятерыхъ убилъ,—а онъ все живъ!!
Коня! — Коня!! — Все царство за коня!! — *(Уходитъ).*
(Шумъ битвы.—Король Ричардъ и Ричмондъ входятъ и уходятъ, сражаясь другъ съ другомъ.—Отступленіе.—Трубы.—Возвращаются: Ричмондъ, Стэнли съ короной, многіе другіе лорды и войско).

Ричмондъ.—Хвала Творцу и вашему оружью,
Побѣдоносные мои друзья!..
День—вашъ!..

Стэнли.— Достойный Ричмондъ, ты раскрылъ
Намъ доблести души твоей! Внимай!
Вотъ тотъ вѣнецъ, которымъ долго такъ
Владѣли хищники... Я снялъ его
Съ безжизненной, кровавой головы,
Чтобы твое чело украсить имъ...
Носи-жъ его! Владѣй имъ по закону
И возвышай его твоею славой!

Ричмондъ.—Великій Богъ да скажетъ намъ на это:
Аминь!—Скажите, живъ ли вѣрный сынъ
Милорда Стэнли?—

Стэнли.— Живъ, но онъ теперь
Покуда въ Лестерѣ... Когда угодно
Вамъ, лордъ, и мы отправимся туда!..
Ричмондъ.—Кто изъ людей извѣстныхъ палъ въ сраженьи
У васъ и у враговъ?..
Стэнли.— Лордъ Вальтеръ Феррерсъ,
Сэръ Робертъ Бракенбери, Вильямъ Брандонъ
И герцогъ Норфолькъ!..
Ричмондъ.— Схоронить тѣла ихъ
Со всею почестью, приличной сану
И ихъ рожденью!—Объявить прощенье
Всѣмъ воинамъ бѣжавшимъ, если только
Они опять съ повинной головой
Вернутся къ намъ! Теперь соединимъ,
Какъ клятвенно и причастившись тайнъ
Святыхъ мы вамъ ужъ обѣщали, вмѣстѣ —
И *бѣлую*, и *пурпурную* розу!
Да улыбнутся небеса на ихъ
Союзъ; такъ долго хмурились они
На ихъ вражду!—И кто, услышавъ это,
Не скажетъ намъ: аминь,—того я прямо
Измѣнникомъ бездушнымъ назову!—
Да, долго Англія сама себя
Терзала и неистово бѣсилась!..
Въ безумномъ ослѣпленьи братъ на брата
Вставалъ и проливалъ родную кровь...
Отецъ тиранилъ сына, сынъ мятежный
Шелъ въ палачи родимаго отца...
Да прекратятся же раздоры Іорка
Съ Ланкастеромъ—въ святомъ соединеньи
Елисаветы съ Ричмондомъ, законныхъ
Наслѣдниковъ вѣнчаннаго семейства!—
Соедини ихъ, Боже милосердый!
И пусть потомство ихъ,—когда потомство
Ты имъ пошлешь,—грядущіе вѣка
Обиліемъ, отрадою, весельемъ
И благодатнымъ миромъ увѣнчаетъ!
Владыко всемогущій! Преломи
Оружіе измѣны, если ей
Захочется былое возвратить
И затопить потокомъ слезъ и крови

Родную Англію, отчизну нашу!..
Владыко праведный, не дай злодѣямъ,
Которые задумаютъ нарушить
Священный миръ, вкусить отраду мира!
Все обновится!.. Раны нашихъ смутъ
Закроются незримо, заживутъ!..
И Царь небесъ на нашъ святой восходъ
Спасительный аминь произнесетъ!..

Занавѣсъ опускается.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

I.

ХУТОРОКЪ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

(Родина Н. В. Гоголя).

Покинувъ придонецкія равнины, я отправился въ Миргородъ. Не доѣзжая до Коломака, я свернулъ вправо, по пути къ мѣсту, манившему мое воображеніе еще съ раннихъ лѣтъ моего дѣтства. «Когда кто изъ васъ будетъ въ нашихъ краяхъ»,—писалъ веселый *пасѣчникъ*, издавая въ свѣтъ свои *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*, — «то заверните ко мнѣ: я васъ напою удивительнымъ грушевымъ квасомъ!..» Это наивное приглашеніе очень меня заняло; но исполнить его я не могъ. Во время выхода въ свѣтъ «Вечеровъ», у меня былъ одинъ только конь — липовая вѣтка, на которой я галопировалъ по саду, и отлучался я тогда изъ родительскаго дома не далѣе вѣтряной мельницы, скрипъ тяжелыхъ крыльевъ которой слышался въ моей дѣтской комнатѣ... И грустно мнѣ было, что не могу я поѣхать къ доброму пасѣчнику, который своими разсказами плѣнялъ и, вмѣстѣ, пугалъ меня, не менѣе своихъ внуковъ. И былъ я въ полной увѣренности, что существуетъ на свѣтѣ хуторъ, гдѣ, при дрожащемъ свѣтѣ каганца, старый дѣдушка сидитъ по длиннымъ зимнимъ вечерамъ и сказываетъ, не умолкая, свои плѣнительныя, чудныя повѣсти. Передо мною ясно совершалась исторія «красной свитки» въ «Сорочинской ярмаркѣ», проходила тихая и задумчивая утопленница «Майской Ночи» и возставала на далекихъ Карпатскихъ горахъ фигура ледяного всадника въ «Страшной Мести»... И вотъ теперь, черезъ много лѣтъ, когда мы уже оплакали Рудаго-Панька, когда

уже нѣтъ его на свѣтѣ и опустѣлъ безъ него его родимый хуторъ, я ѣхалъ въ этотъ хуторъ...

Дорога изъ Колонтая, черезъ Опошню, идетъ роскошными Кочубеевскими степями. Степи еще не видѣли въ это лѣто косы и пышно разстилали ковры своихъ цвѣтовъ. Цвѣты качались тихо на стебелькахъ и струили благоуханія... Былъ полдень, и голова кружилась отъ ихъ опьяняющаго курева...

Лошади шли почти шагомъ, срывая на ходу головки бѣлой кашки и махровыхъ султанчиковъ. Изъ телѣжки, почти не нагибаясь, я нарвалъ букетъ зинзивера, смолки и шевліи: такъ высока была украинская трава! Солнце было подернуто бѣлымъ, тусклымъ паромъ; но это не мѣшало богатой зелени горѣть своими яркими нарядами. Подъ вліяніемъ воспоминанія о картинахъ степной природы въ «Тарасѣ Бульбѣ», я смотрѣлъ на окрестность. Роскошные кусты репейника, съ пышными, алыми, какъ макъ, головками, стояли густыми кучами, будто косари въ пунцовыхъ шапкахъ, держа въ рукахъ свои колючія косы. Цѣлая поляна дикой пшеницы просвѣчивала на солнцѣ тонкими, шелковистыми стеблями, нагнувшими къ землѣ свои золотые колосья. У самой дороги, по полянѣ, убранной серебряною тканью ковыля, на сочныхъ, четыреугольныхъ стволахъ, поднимались изъ земли странныя, фантастическія травы. Лѣнивая дрофа, съ полузажмуренными глазами, пробираясь сквозь ихъ высокіе стволы, шагала на красныхъ лапкахъ почти у самой телѣги. И цѣлый міръ кузнечиковъ трепеталъ въ воздухѣ, падалъ, опять поднимался и летѣлъ, то алыми, то голубыми, то бирюзовыми ракетами, надъ чудною картиною нескошеннаго луга; то была фантастическая, причудливая, невѣроятная картина, родъ празднества, родъ пышнаго, торжественнаго сборища всевозможныхъ степныхъ цвѣтовъ и травъ. Самое скромное и неприхотливое воображеніе, при видѣ этого міра и этой жизни, родило бы цѣлый рядъ прелестныхъ образовъ. Алые, фіолетовые, бѣлые, какъ пѣна, махровые, стрѣльчатые, длинные, широкіе, словомъ, всевозможные цвѣты устилали лугъ... Онъ мнѣ казался раутомъ сказочнаго дворца, и въ тонкихъ очертаніяхъ травъ, сквозившихъ лучами выглянувшаго солнца, видѣлъ я образы легкихъ, граціозныхъ и нарядныхъ красавицъ... Я былъ въ сладкомъ и нескончаемомъ сновидѣніи...

У встрѣчавшихся жнецовъ я спрашивалъ: «Гдѣ хуторъ Гоголя?»

— Хуторъ Гоголя?..—спрашивали меня въ свой чередъ добрые казаки съ удивленіемъ:—не знаемъ!

— Ахъ! я забылъ: хуторъ Яновскаго!

— А, Яновскаго, знаемо, пане, знаемо! Ось вамъ дорога!..

И мнѣ указывали дорогу къ Рудому Паньку, къ Яновскому-Гоголю, на хуторъ *Яновщину*.

Отъ самой Опошни и вплоть до села Воронянщины, я былъ свидѣтелемъ картины истинно-степной, истинно-хуторянской. Ѣхалъ я, по причинѣ нестерпимаго жара, всю дорогу почти шагомъ. Всю дорогу за мною, на волахъ, сидя на возу съ корзинами спѣлой шелковицы, ѣхалъ толстый казакъ, свѣсивъ ноги съ воза, лѣниво сгорбясь и наклонивъ сонную голову на грудь. Онъ ѣхалъ, покачиваясь на возу, и пѣлъ, пѣлъ онъ все одно и то же, пѣлъ слѣдующія слова, повидимому, начало любимой своей пѣсни:

«Якъ булы въ кума бжолы!
Ой... та булы... въ кума... б-ж-о-лы!»

Онъ пѣлъ энергически первую строку, начало второй — слабѣе, а конецъ второй строки уже пѣлъ заснувши. Встрѣчавшійся толчокъ будилъ его, и онъ снова пѣлъ одно и то же, съ тѣми же пріемами, засыпалъ при словѣ «Ой!.. та булы въ кума б-ж-о-лы!» и, проснувшись на толчкѣ, опять принимался за старое...

Узнавъ отъ него интересную новость, что «были у кума пчелы», я думалъ, что онъ повѣдаетъ мнѣ при этомъ новость и полюбопытнѣе; ничуть не бывало: онъ пѣлъ двадцать верстъ одно и то же! Это мнѣ надоѣло, и я поѣхалъ рысью. Но, проѣхавъ верстъ пять, я раздумалъ, и мысль— не услышу ли я конца интересной пѣсни казака, заставила меня поѣхать снова тише. Я поѣхалъ тише, казачьи волы скоро меня догнали, и я опять услышалъ пѣсню ихъ хозяина... Увы! я не узналъ отъ него болѣе того, что «были у кума пчелы»!

До хутора Яновщины оставалось три версты; онъ былъ спрятанъ за косогоромъ. Все здѣсь уже вѣяло и «Старосвѣтскими помѣщиками», и садомъ Плюшкина, и птичьими дворами Коробочки. Наивно-роскошныя картины жизни ху-

торянъ тѣснились вокругъ меня. Я вспомнилъ разсказъ одного моего знакомаго. Этотъ знакомый, пріѣхавъ на станцію возлѣ Миргорода, отправился на постоялый дворъ и, къ прискорбію своему, узналъ, что тамъ ничего не готовили съѣстного. Въ досадѣ онъ кликнулъ хозяина.

— Нѣтъ ли у васъ хоть яичницы?

— Я-съ... къ вашимъ услугамъ... я самъ... *Яичница*!

Это была точно фамилія содержателя постоялаго двора, и мой знакомый примирился со скудостію его припасовъ, вспомня о героѣ «Женитьбы».

Не доѣзжая двухъ верстъ до Яновщины, я остановился въ чистенькой хатѣ, на хуторѣ Вороняншина, по причинѣ соскочившей гайки съ колеса моего экипажа, которую пошли отыскивать. Хозяйка хаты съ груднымъ ребенкомъ стала у дверей и пустилась меня разспрашивать. Замѣтя ея словоохотливость, я тоже обратилъ къ ней нѣсколько вопросовъ. Она охала, разсказывая о томъ, что теперь уже долго не увидитъ Яновскаго пана.

— И никогда не увидишь...—сказалъ я, съ грустью отвернувшись отъ нея:—развѣ увидишь на томъ свѣтѣ!

— Ни, паночку! то неправда, что говорятъ, будто онъ умеръ! похороненъ не онъ, а одинъ убогій старецъ; а самъ онъ опять поѣхалъ молиться за насъ въ святой Ерусалимъ! Не умеръ онъ, а уѣхалъ, и черезъ одиннадцать лѣтъ опять вернется къ намъ!

Странная вещь: сосѣдніе хуторяне, зная, что Гоголь, около двѣнадцати лѣтъ жившій за границею, часто и надолго отлучался съ родины, снова, впрочемъ, въ нее возвращаясь,—и теперь не хотятъ вѣрить, чтобы онъ умеръ! Многіе изъ нихъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, даже гадали по немъ, ставя на ночь, по своему обычаю, пустой горшокъ и сажая въ него паука. Старинные казаки, гадая на своихъ родичей и ближнихъ, такъ часто въ былыя времена пропадавшихъ безъ вѣсти, при этомъ полагали: если паукъ вылѣзетъ ночью изъ горшка съ выгнутыми, скользкими стѣнками, то человѣкъ, по которомъ гадали, живъ и возвратится. Паукъ, на котораго было возложено хуторянами рѣшить, живъ ли Рудый-Панько, ночью выткалъ паутиною весь горшокъ и по ней вылѣзъ... Грустно останавливаться на этомъ! Но нельзя не увидѣть, въ странномъ упорствѣ

сосѣдей Гоголя, любви ихъ къ нему. Онъ столько помогалъ имъ совѣтомъ и дѣломъ! Не одинъ изъ грамотеевъ по Миргородской и Рѣшетиловской дорогѣ показывалъ намъ съ гордостью духовно-нравственныя книги, подаренныя ему Гоголемъ, при неоднократныхъ его поѣздкахъ за границу и изъ-за границы. А скольким нуждающимся сосѣдямъ удѣлялъ онъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни, изъ небольшихъ литературныхъ доходовъ своихъ!..

И вотъ, хуторъ *Яновщина* выглянулъ между двухъ отлогихъ холмовъ. Опишемъ вкратцѣ его мѣстоположеніе и прямо перейдемъ къ нѣкоторымъ любопытнымъ свѣдѣніямъ о жизни его покойнаго владѣльца.

Вотъ они, мѣста, въ которыхъ прошло веселое дѣтство Гоголя! Широкая поляна надъ косогоромъ. Справа избы хутора, чистенькія, окрашенныя бѣлою и желтою краскою, въ тѣни прелестныхъ садиковъ; слѣва левада, родъ огромнаго огорода; середина его, обращенная къ хутору, обсажена липами и вербами. Передъ этою оградою каменная церковь съ зеленою крышею. Ограда церкви сдѣлана изъ окрашенныхъ желтою и бѣлою краскою кирпичей; кирпичи сложены въ видѣ рѣшетки, сквозными стѣнами. Церковь между левадою и хуторомъ; противъ нея, примыкая къ хатамъ хутора, съ правой же стороны, новая ограда; за этою оградою панскій деревянный домъ, съ красною крышею, въ одинъ этажъ; направо отъ него флигель, налѣво людскія строенія. За домомъ садъ; за садомъ пруды. За прудами неоглядныя равнины Украинскихъ степей... Я въѣхалъ во дворъ. Сердце сжалось невольною тоскою... По двору бѣгали ребятишки, играя и весело потрясая своими кудрявыми головками. Вѣтеръ волновалъ листья ясеней; кукушка куковала въ купѣ деревьевъ за церковью, и стаи скворцовъ и воробьевъ кружили надъ хатами хутора... Все было полно жизни, все шло своимъ чередомъ... А хозяина этого хутора уже не было въ живыхъ!..

Много въ послѣднее время видѣлъ я людей, истинно горевавшихъ о Гоголѣ, и самъ я горевалъ вмѣстѣ съ этими людьми. Но никогда еще не было мнѣ такъ тяжело, какъ въ то время, когда я увидѣлъ наконецъ *трауръ* и слезы теперешнихъ обывателей Яновщины, — матери и двухъ сестеръ покойнаго Гоголя. Третья сестра Гоголя, еще при жизни его, вышла замужъ и нынѣ находится въ Кіевѣ.

Прежде всего остановимся на *флигелѣ*, который помѣщается на дворѣ, направо отъ дома, такъ какъ въ этомъ флигелѣ, въ свои неоднократные пріѣзды на хуторъ, обыкновенно жилъ и работалъ Гоголь. Здѣсь онъ написалъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ», въ послѣднее свое пребываніе въ Яновщинѣ, въ прошломъ году, съ 20-го апрѣля по 22-е мая. Осенью прошлаго года онъ-было опять переѣхалъ на хуторъ, къ свадьбѣ своей сестры; но остановился въ Тулѣ, провелъ нѣсколько времени въ близлежащемъ монастырѣ и потомъ пріѣхалъ обратно въ Москву, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и скончался.

Флигель — низенькое, продолговатое строеніе съ крытою галлереей, выходящею во дворъ. Ветхія ступени ведутъ на крыльцо; черезъ небольшія сѣни открывается входъ въ пространную комнату, родъ залы, а отсюда въ гостиную. Въ этой комнатѣ, да еще въ кабинетѣ, поочередно работалъ и отдыхалъ Гоголь. Постоянно тревожное состояніе его духа заставляло его мѣнять комнаты своей работы; также точно и спать нѣсколько дней сряду въ одной и той же комнатѣ, какъ намъ говорили, онъ не могъ. Въ гостиной окна выходятъ въ палисадникъ за флигелемъ. Палисадникъ кончается группою тополей; за тополями видъ на избы хутора и на степи. Одно изъ оконъ сдѣлано въ двери, которая ведетъ на балконъ, въ палисадникъ. Здѣсь у двери иногда помѣщалась рабочая конторка автора «Тараса Бульбы», и тогда, во время работы, онъ могъ любоваться видомъ на хуторъ и степи... Кабинетъ находится въ сторонѣ и имѣетъ особый выходъ. Здѣсь болѣе всего оставался покойный авторъ «Ревизора»; въ послѣднее свое пребываніе въ Яновщинѣ, онъ не выходилъ отсюда иногда по цѣлымъ днямъ, являясь въ домъ, къ столь любимой имъ матери, только на нѣсколько минутъ. Это — комната въ десять шаговъ длины и въ четыре шага ширины. Два маленькія окошечка выходятъ во дворъ; между ними помѣщается небольшое зеркальцо; окна завѣшаны бѣлыми кисейными занавѣсками. Влѣво отъ двери — печь; вправо — дубовый шкапъ для книгъ. Шкапъ этотъ заказанъ Гоголемъ въ прошлое лѣто и оконченъ уже безъ него. Влѣво отъ печи — простенькая кровать, покрытая ковромъ. Здѣсь замѣчу, кстати, что Гоголь въ послѣднее время много занимался улучшеніемъ фабрикаціи домашнихъ ковровъ, самъ

рисовалъ по цѣлымъ днямъ узоры для нихъ,—и это занятіе, вмѣстѣ съ разведеніемъ деревьевъ въ саду, составляло главное удовольствіе его въ немногіе часы его отдыха... Надъ кроватью въ углу — образъ св. угодника Митрофана. Наконецъ, спинкой къ забитой двери, между печью и кроватью, помѣщается рабочій столъ Гоголя. Это — на высокихъ ножкахъ конторка съ косою доскою изъ грушеваго дерева, покрытою кожею; на верхней платформѣ ея съ двухъ сторонъ вдѣланы чернильница и песочница. Гоголь за этою конторкой работалъ стоя. Подобный же столъ я видѣлъ у него и въ Москвѣ, въ квартирѣ графа А. П. Толстого (въ домѣ Талызина на Никитскомъ бульварѣ), гдѣ онъ и скончался. На стѣнѣ, возлѣ рабочаго стола, помѣщается привезенный Гоголемъ изъ Италіи нерукотворенный образъ Спасителя, писанный масляными красками.

О домѣ, гдѣ помѣщается теперь семейство покойнаго, мы не можемъ сказать ничего особеннаго. Домъ выстроенъ удобно, даже красиво; выстроенъ такъ, какъ строились въ старину всѣ дома въ украинскихъ селахъ. По стѣнамъ развѣшаны превосходныя старинныя гравюры. Въ залѣ стоитъ рояль, за которымъ въ послѣднее время Гоголь, при помощи своихъ близкихъ знакомыхъ, составлялъ собраніе украинскихъ пѣсенъ съ музыкою. Это собраніе, почти изъ тридцати пѣсенъ, теперь находится, какъ намъ говорили, въ Москвѣ, у П. С. А—вой, и мы отъ души желаемъ скорѣе увидѣть его въ печати.

Перейдемъ въ садъ, столько занимавшій воображеніе Гоголя. Въ немъ онъ гулялъ, въ немъ обдумывалъ свои поэтическія созданія; въ немъ онъ принималъ немногихъ изъ своихъ близкихъ пріятелей; въ немъ, наконецъ, подъ сѣнью широколиственныхъ кленовъ, посаженныхъ еще дѣдомъ его, переносился воображеніемъ въ сказочныя времена запорожья и гетманщины и обдумывалъ мрачныя и поэтическія натуры героевъ своего «Тараса Бульбы».

Садъ расположенъ во вкусѣ всѣхъ украинскихъ сельскихъ садовъ. Деревья его высоки и тѣнисты. По сторонамъ аллеи, идущей вправо отъ садоваго балкона, Гоголь въ прошломъ году сажалъ молодыя поросли клена и береста. Теперь эти деревца уже укрѣпились и покачиваютъ новыми листиками. Далѣе, за ними, на луговой полянѣ, у корней другихъ деревьевъ, Гоголь посадилъ нѣсколько желудей.

Изъ жолудей теперь выросли крохотные дубки, родоначальники будущей дубравы, куда, быть можетъ, черезъ много лѣтъ, придутъ новые посѣтители родины нашего поэта, съ новыми надеждами и заботами, и вспомнятъ они того, кто съ такою любовью сажалъ этотъ садъ... Влѣво отъ балкона идетъ другая аллея; здѣсь не такъ нависли дикія, ползучія вѣтви деревъ; здѣсь уже прошелъ заступъ цивилизаціи. Дорожка аллеи, въ два шага шириною, идетъ надъ однимъ прудомъ и упирается своимъ концомъ въ другой, смежный съ нимъ прудъ. По этой дорожкѣ особенно любилъ гулять Гоголь. И до сихъ поръ обитателямъ хутора близъ Диканьки видится порою, въ концѣ этой дорожки, покойный Гоголь въ любимомъ своемъ черномъ плащѣ. Надъ этою дорожкою, на холмѣ, устроена деревянная бесѣдка, разрушенная бурею скоро послѣ отъѣзда Гоголя изъ Яновщины. Тутъ же, недалеко, въ тѣни нависшихъ липъ и акацій, чернѣетъ небольшой гротъ, съ огромнымъ дикимъ камнемъ у входа. На этомъ камнѣ Гоголь игралъ, будучи ребенкомъ трехъ лѣтъ... Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой поры онъ часто садился на этотъ камень и любилъ съ него глядѣть въ свѣтлыя воды сельскаго пруда.

На прудѣ, за садомъ, передъ домомъ, устроена купальня. Къ ней ѣздятъ на маленькомъ двухъ-весельномъ паромѣ. Ее устроилъ для себя Гоголь, но купался въ ней не болѣе трехъ разъ. Такъ же точно, впослѣдствіи, за три мѣсяца до смерти, онъ поступилъ и съ идропатіей. — За прудомъ разстилается широкая, огороженная поляна. У самаго пруда она, благодаря заботливости Гоголя, обсажена деревьями, и въ особенности красива здѣсь недавно-разросшаяся аллея изъ серебристыхъ тополей: покойный ухаживалъ за нею съ самымъ теплымъ участіемъ.

День свой въ Яновщинѣ Гоголь проводилъ такъ. Вставалъ онъ рано; въ воскресенье шелъ въ церковь; въ будни тотчасъ принимался за работу. Работалъ онъ иногда по пяти часовъ сряду и рѣдко выходилъ изъ своего кабинета ранѣе полудня. Онъ шелъ тотчасъ гулять, обыкновенно на поляну за церковью; иногда же въ это время, вплоть до обѣда, гулялъ въ саду. Обѣдая въ своемъ семействѣ, онъ былъ всегда веселъ, шутилъ, смѣшилъ всѣхъ своими импровизированными разсказами и все послѣобѣденное время также оставался въ кругу семейства. Вечеромъ онъ или катался

на паромѣ по прудамъ, или работалъ въ саду, или снова уходилъ въ свой кабинетъ. Ложился онъ спать довольно рано, почти не позже десяти часовъ вечера. Оставаясь среди своего семейства, онъ въ особенности любилъ приниматься за разныя домашнія работы: рисовалъ узоры для ковровъ, кроилъ платья и принималъ участіе въ окраскѣ стѣнъ и въ обойкѣ мебели.

Изъ сосѣдей Гоголя немногіе его посѣщали. Иные боялись обезпокоить его среди литературныхъ занятій, другіе почти никогда не жили въ своихъ помѣстьяхъ, а третьи, по странному мнѣнію о характерѣ сатирическихъ писателей, просто боялись его. Главными собесѣдниками покойнаго изъ сосѣдей его были грамотные хуторяне, убогіе и несчастные разныхъ сословій, которымъ онъ всегда помогалъ, и нѣкоторыя духовныя особы.

Къ украшеніямъ дома Яновщины въ послѣднее время прибавились: портретъ покойнаго, писанный Моллеромъ масляными красками, чрезвычайно схожій (портретъ этотъ привезенъ Гоголемъ изъ Петербурга, въ подарокъ матери), и трость изъ жилы пальмоваго листа, на которую Гоголь опирался въ своихъ странствованіяхъ по Святой Землѣ.

Итакъ, вотъ небольшой очеркъ Яновщины. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о жизни покойнаго и о времени, въ которое онъ особенно былъ близокъ къ мирному украинскому хуторку.

Авторъ статьи, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ»: *Нѣсколько словъ для біографіи Н. В. Гоголя,* говоритъ, что Гоголь родился въ *1808 году*, въ деревнѣ *Василевкѣ*, какъ теперь называется хуторъ Яновщина. Н. В. Гоголь, по словамъ матери его, родился въ *1809 году, 19-го марта*, въ селѣ *Сорочинцахъ*, которое находится верстахъ въ двадцати отъ Яновщины. До него г-жа Гоголь имѣла дѣтей, изъ которыхъ ни одно не жило болѣе нѣсколькихъ дней. Поэтому появленія на свѣтъ Николая Васильевича ожидали съ грустнымъ и, вмѣстѣ, тяжелымъ чувствомъ. Будетъ ли суждено новому ребенку остаться въ живыхъ? Родился мальчикъ, котораго назвали Николаемъ. Новорожденный былъ необыкновенно слабъ и худъ. Долго опасались за его жизнь. Черезъ шесть недѣль онъ былъ перевезенъ въ Яновщину. Несмотря на слабый организмъ,

онъ скоро показалъ, что не въ тѣлѣ сила человѣка. Трехъ лѣтъ отъ роду, не учась грамотѣ у учителя, онъ уже бѣгло читалъ и писалъ слова мѣломъ, запомнивъ алфавитъ по рисованнымъ, игрушечнымъ буквамъ...

Будучи пяти лѣтъ отъ роду, онъ вздумалъ писать стихи. Никто не помнитъ, какого рода стихи писалъ онъ; но вотъ что̀ осталось въ памяти его домашнихъ: «Извѣстный литераторъ нашъ, *Капнистъ*, заѣхавъ однажды къ отцу молодого поэта, засталъ пятилѣтняго сына его за перомъ. Малютка Гоголь сидѣлъ за столомъ, глубокомысленно задумавшись надъ какою-то фразою. Капнисту удалось просьбами, ласками и другими средствами заставить новаго литератора прочесть свое произведеніе. Гоголь отвелъ Капниста въ другую комнату и тамъ прочелъ ему свои стихи... Капнистъ никому не сказалъ о содержаніи этихъ стиховъ. Онъ вышелъ къ домашнимъ Гоголя, глубоко тронутый, лаская и обнимая маленькаго писателя, и сказалъ: «Изъ него будетъ большой талантъ, дай ему только судьба въ руководители учителя-христіанина!» Это намъ сообщилъ М. В. Гоголь. Что̀ же касается до охоты автора «Мертвыхъ Душъ» писать стихи, то она проявилась въ немъ впослѣдствіи еще не одинъ разъ. Кромѣ поэмы въ стихахъ, *Ганцъ - Кюхельгартенъ*, напечатанной имъ подъ псевдонимомъ Алова, укажемъ еще на стихотвореніе *«Россія подъ игомъ татаръ»*; это стихотвореніе никогда не было напечатано; Гоголь прислалъ его къ своей матушкѣ изъ Нѣжинскаго лицея, тщательно переписавъ его въ изящную книжечку, украшенную собственными его рисунками. Изъ всего содержанія этой эпопеи, къ сожалѣнію, увезенной изъ Яновщины черезъ нѣсколько лѣтъ самимъ авторомъ, матушка покойнаго помнитъ только окончаніе — слѣдующіе два стиха:

«Раздвинувъ тучки среброручны,
Явилась трепетно луна».

Извѣстно, что впослѣдствіи, разгадавъ въ себѣ призваніе и начавъ писать прозою, Гоголь молчалъ о своемъ стихотворномъ поприщѣ. Онъ сжегъ своего «Ганца-Кюхельгартена». Якимъ, человѣкъ его, о которомъ уже упомянуто въ «Отечественныхъ Запискахъ», находится теперь въ Яновщинѣ. Я разспрашивалъ его объ этомъ сожженіи. Робкій и застѣнчивый Якимъ, бывшій камердинеръ Гоголя, а теперь

дворецкій и ключникъ, разсказалъ мнѣ, что его баринъ точно однажды вдругъ пришелъ домой и послалъ его скупать и отбирать отданные па комиссію книгопродавцамъ синенькіе экземпляры «Ганца-Кюхельгартена». Шестьсотъ книжекъ сожжены безъ всякаго милосердія. Вотъ случай, обрисовывающій характеръ Якима. Узнавъ о смерти Пушкина въ 1837 году, онъ сидѣлъ въ передней и плакалъ.

— О чемъ ты плачешь, Якимъ? — спросили его.

— Какъ мнѣ не плакать... Пушкинъ умеръ!

— Да тебѣ-то что? Развѣ ты его знаешь?

— Какъ что? какъ не знать?.. Помилуйте, да они такъ любили барина! Бывало, снѣгъ, дождь, слякоть въ Петербургѣ, а они въ своей шинелькѣ бѣгутъ съ Мойки, отъ Полицейскаго моста, въ Мѣщанскую, въ домъ Іохима-каретника, гдѣ мы жили!.. По цѣлымъ ночамъ просиживали у барина, слушая, какъ тотъ имъ читалъ свои сочиненія, а у насъ иногда и свѣчей своихъ не было!

Я разспрашивалъ Якима объ этомъ періодѣ жизни Гоголя, и онъ сообщилъ мнѣ много любопытнаго. Интересны его разсказы, объясняющіе отношенія первой тогдашней литературной славы къ Гоголю. Пушкинъ иногда приходилъ къ Гоголю въ кабинетъ и рылся въ его бумагахъ. Занимаясь «Дубровскимъ», «Повѣстями Бѣлкина» и «Капитанскою дочкою», Пушкинъ съ любовію слѣдилъ за развитіемъ будущаго автора «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора». Вспомните отзывы Пушкина въ издаваемомъ имъ «Современникѣ» о первыхъ повѣстяхъ Гоголя! Вспомните, наконецъ, его выноски, съ подписью—*Редакторъ*, къ повѣстямъ Гоголя, напечатаннымъ въ «Современникѣ»! Въ 1836 году Гоголь уѣхалъ вторично за границу. Наканунѣ его отъѣзда, по словамъ Якима, Пушкинъ просидѣлъ у него всю ночь напролетъ, читая ему свои произведенія и слушая отрывки изъ сочиненій Гоголя. Это было послѣднее свиданіе. Въ 1837 году Пушкинъ скончался, и Гоголь уже его не видалъ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ.

Гоголя отдали въ ученіе въ Полтаву, а потомъ въ Нѣжинъ. Г. Кукольникъ говорилъ намъ, что Гоголь, его соученикъ по Нѣжинскому лицею, вообще былъ веселаго и предпріимчиваго характера. Онъ уже окрѣпъ, изъ хилаго ребенка вышелъ сильный и пылкій юноша, страстный до всего изящнаго и высокаго. На школьной скамейкѣ будущій

сатирикъ и юмористъ переписывалъ для себя только-что выходившія въ свѣтъ поэмы Пушкина: «Цыгане», «Полтава», «Братья Разбойники» и главы «Евгенія Онѣгина». Онъ обыкновенно переписывалъ ихъ на самой лучшей бумагѣ и украшалъ рисунками собственнаго изобрѣтенія. Чтобы ознакомить читателей съ состояніемъ духа нашего поэта-юмориста въ этотъ періодъ времени, приведемъ здѣсь *четыре письма его*, писанныя имъ къ матушкѣ изъ училища. Первыя три письма относятся къ 1827 году, когда онъ былъ 18-ти лѣтъ. Приводимъ ихъ по порядку:

1-е. — «Почтеннѣйшая маменька! Къ числу мечтательностей своихъ иногда желаю быть ясновидцемъ, знать, чтò у васъ дѣлается, чѣмъ вы занимаетесь. И вѣрите ли, съ какимъ удовольствіемъ занимаюсь я отгадываніемъ всего, чтò васъ занимаетъ... Какъ вы проводили масляную? Весело ли? были ли у васъ веселыя собранія? — Извините, что закидываю васъ кучею вопросовъ. Обыкновенно человѣку, какъ говорятъ, порядкомъ повеселившемуся, всегда хочется сдѣлаться участникомъ другихъ, особливо ближайшихъ къ нему... Кто же ближе къ моему сердцу, какъ не вы, ваша радость, ваше удовольствіе. Посмотрите же, какъ я повеселился!..— Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго! Вы одни только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось желаніе веселости (разумѣется, не буйной!), и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сантиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни.. Я удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ!..

«Ежели о чемъ я теперь думаю, такъ это о будущемъ моемъ житьѣ-бытьѣ. Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, а съ нимъ вмѣстѣ и служба Государю. До сихъ поръ я былъ счастливъ; но ежели счастіе состоитъ въ томъ, чтобъ быть довольну своимъ состояніемъ, то не совсѣмъ, не совсѣмъ, — до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста...

«Масляницу, всю недѣлю, мы провели такъ, какъ желаю всякому ее провести; мы веселились безъ-устали. Четыре дня сряду былъ у насъ *театръ*, и, къ чести нашей, всѣ признали единодушно, что изъ провинціальныхъ театровъ

ни одинъ не годится противъ нашего! Правда, играли всѣ прекрасно. Двѣ французскія піесы — Мольера и Флоріана; одну нѣмецкую — Коцебу, и русскія: «Недоросль» Фонъ-Визина и др. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много, все пріѣзжіе и все съ отличнымъ вкусомъ. Музыка тоже состояла изъ нашихъ. Осмнадцать увертюръ Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь! Дай Богъ, чтобы вы провели его еще веселѣе!»

2-е.—«Позвольте, во-первыхъ, почтеннѣйшая маменька, поздравить васъ съ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Думаю, что вы провели первые дни его хорошо; желаю и окончить его весело. Благодарю васъ за присылку денегъ; въ это время онѣ бываютъ мнѣ очень нужны. Мой планъ жизни теперь удивительно строгъ и точенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Каждая копейка теперь имѣетъ у меня мѣсто; я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ томъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ — видѣть и чувствовать *прекрасное!* Для него-то я, съ величайшимъ трудомъ, собираю все свое годовое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я сорокъ рублей — деньги весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу очень пріятно. Не забываю также и *русскихъ* и выписываю, что̀ только выходитъ самаго отличнаго; разумѣется, что я ограничиваюсь немногимъ; въ цѣлые полугода я не пріобрѣтаю болѣе одной книжки, и это меня печалитъ чрезвычайно! Какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему! Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго— сильно бьется сердце... и съ тяжкимъ вздохомъ роняю изъ рукъ газету, видя невозможность имѣть его; мечтаніе — достать его, смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь болѣе самаго жаркаго корыстолюбца... Не знаю, что̀ было бы со мною, еслибъ я еще не могъ чувствовать отъ этого радости; я бы умеръ отъ тоски и скуки! Это одно услаждаетъ разлуку мою съ вами. Вы рисуетесь въ свѣтлыхъ мечтахъ моихъ. Давно ли я пріѣхалъ съ Ро-

ждества, а уже трехъ мѣсяцевъ какъ не бывало; половина времени до каникулъ утекла; еще половина, и я опять съ вами, опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю ивановскую... Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь наша! Одно имя каникулъ уже приводитъ меня въ восхищеніе... Увидѣть всѣхъ родныхъ, всѣхъ близкихъ сердцу... очаровательно!»

3-е.—«Получилъ ваше письмо сегодня и къ моей горести узналъ, что вы больны! Я уже это замѣтилъ изъ одной краткости письма вашего, которому видно мѣшала много болѣзнь. Всегда нужно судьбѣ, въ самомъ удовольствіи покоя, въ которомъ я находился, зачернить начатокъ свѣтлыхъ дней ѣдкостію горя. Меня мучитъ ваша болѣзнь... Сдѣлайте милость, берегите себя...

Я не могу нарадоваться, вспомнивъ, сколько меня ожидаетъ дома близкихъ моему сердцу. Желаю, чтобъ этотъ годъ, какъ и всѣ будущіе, Богъ подарилъ намъ изобиліе, чтобы роскошь плодородія упитала счастливое наше жилище. Чтобы всѣ крестьяне наши были награждены съ избыткомъ за годичные труды свои. Здѣсь поговариваютъ о плодородіи этого года; я думаю, что и у васъ также; желательно мнѣ бы узнать объ этомъ отъ васъ. Также, водится ли что въ саду нашемъ? Здѣсь и на фрукты урожай! Позвольте поговорить съ вами теперь касательно платья. Ежели посылать деньги, то не тогда, когда будете присылать за мной; нужно гораздо прежде, а то экипажъ всегда дожидается; тогда нужно метаться по всѣмъ портнымъ, и то еще ежели сыщешь, несмотря на дорогую плату. Я совѣтовалъ бы вамъ деньги отправить тотчасъ по полученіи моего письма; оно какъ разъ и выйдетъ, что къ времени моего отъѣзда платье поспѣетъ, для чего нужно, по крайней мѣрѣ, три недѣли, а то мнѣ всегда за скоростью шьютъ на живую нитку...

«Присылайте за мною экипажъ поумѣстительнѣе, потому что я ѣду со всѣмъ богатствомъ вещественныхъ и умственныхъ имуществъ, и вы увидите *труды мои*. Теперь я оканчиваю посылать за себя представителей, то-есть письма. Черезъ двѣ недѣли явится творецъ ихъ, никогда неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, все тотъ же пламенный, признательный, никогда не загашавшій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ!»

4-е. — (Въ 1826 году, вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о кончинѣ отца).

«Не безпокойтесь, маменька! Я этотъ ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ симъ извѣстіемъ; однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ; оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія; хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою... Но Богъ удержалъ меня, и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва замѣтную грусть, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему!—Благословляю тебя, священная Вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ! я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга всего драгоцѣннаго моему сердцу!..»

Все это письмо проникнуто горячею любовью покойнаго къ роднымъ. Въ концѣ письма, во второй припискѣ, онъ прибавляетъ просьбу къ матушкѣ, выслать ему десять рублей на покупку курса русской словесности. *«А собственно для меня,—заключаетъ онъ,—не нужно ничего»*.

Семнадцатилѣтній мальчикъ въ отдаленномъ провинціальномъ городкѣ, въ школѣ, за годовое жалованье свое выписывающій изъ Лемберга Шиллера, невольно остановитъ вниманіе каждаго. Все занимало и волновало его! Минуты даромъ онъ не терялъ еще съ раннихъ лѣтъ своего дѣтства.

Первые годы юношескаго возраста онъ провелъ вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ, Иваномъ, рано похищеннымъ смертью. Отецъ Гоголя часто ѣздилъ въ поле со своими сыновьями и дорогою задавалъ имъ темы для импровизацій: «солнце», «степь», «небеса». Старшій сынъ всегда отличался изумительною находчивостью въ импровизаціяхъ... Отецъ Гоголя самъ писалъ; труды его состояли изъ театральныхъ, комическихъ пьесъ, написанныхъ для домашней сцены въ семействѣ Трощинскихъ, которые постоянно ласкали и отца, и сына Гоголей. Эти комедіи Гоголь, при отъѣздѣ въ Петербургъ, послѣ смерти отца взялъ съ собою для того, чтобъ напечатать ихъ. Неизвѣстно, какой участи подверглись онѣ въ Петербургѣ, потому что ихъ никто и нигдѣ болѣе не видалъ, за исключеніемъ выписокъ изъ нихъ, по-

служившихъ эпиграфами къ нѣкоторымъ повѣстямъ Гоголя.

Смерть младшаго брата, Ивана, до того поразила Николая Васильевича, что принуждены были перевести его изъ Полтавы въ Нѣжинъ, чтобы отвлечь его мысли отъ могилы брата. По окончаніи курса въ Нѣжинскомъ лицеѣ, Гоголь былъ увезенъ А. С. Д—скимъ въ Петербургъ, гдѣ занимался снова науками, въ особенности иностранными языками и живописью. Въ 1829 году онъ неожиданно уѣхалъ за границу.—Извѣстны послѣдствія этой фантастической поѣздки. Гоголь пріѣхалъ въ Любекъ, написалъ оттуда письмо къ матери, которое мы сами читали, описалъ ей подробно всѣ муки своего разочарованія въ мѣстахъ, которыя онъ такъ жаждалъ увидѣть, къ письму приложилъ очеркъ перомъ улицы, въ которой нанялъ себѣ помѣщеніе, скоро увидѣлъ близкій конецъ своихъ денегъ и съ грустью возвратился въ Петербургъ.

1852 годъ.

II.

ДИВНОГОРСКЪ.

(Очеркъ изъ путевыхъ замѣтокъ.)

Кто слыхалъ въ Россіи о Дивногорскѣ? Кто слыхалъ у насъ о Дивáхъ, какъ его еще называютъ туземцы? Кто знаетъ изъ читателей нашихъ, что на крутомъ берегу Дона, въ восемнадцати верстахъ отъ города Острогожска, при впаденіи рѣки Тихой-Сосны въ Донъ, возвышается гребень каменистыхъ горъ, на которомъ бѣлѣетъ шестнадцать столпообразныхъ, мѣловыхъ утесовъ, темный дубовый лѣсъ и тихая пустынь отшельниковъ? Если бы кто изъ читателей вздумалъ обратиться къ нашимъ литературнымъ источникамъ, то ни въ одной книгѣ путешествій и описаній мѣстъ достопримѣчательныхъ онъ не нашелъ бы извѣстія о Дивногорскѣ *): А между тѣмъ, въ этой пустыни, въ мѣловыхъ холмахъ, устроены тихія жилища людей, которымъ стали бѣдны приманки жизни суетной; по стѣнѣ скалъ плетется улиткообразная лѣстница, по уступамъ каменнымъ лѣпятся изсѣченныя и давно покинутыя въ мѣловомъ кряжѣ келіи, въ каменныхъ, громадныхъ столбахъ, вознесшихся надъ бездною, продѣланы входы и устроены церкви, и наконецъ Петръ Великій, во время Азовскаго похода, идя изъ Воронежа внизъ по теченію Дона, здѣсь молился о будущей побѣдѣ за Русь, здѣсь отдыхалъ съ кораблями-барками и любовался съ колоссальныхъ горъ равниною Придонскаго прибрежья.

*) Нѣсколько строкъ мы находимъ о Дивногорскѣ въ «Полномъ собраніи историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ», Александра Ратшина. Москва 1852 года.

Нѣсколько лѣтъ назадъ авторъ этого очерка, проѣзжая изъ города Бирюча въ Острогожскъ, въ слободкѣ Александровскомъ, въ мѣстахъ родины нашего заслуженнаго профессора А. В. Никитенко, разговорился съ старымъ хуторяниномъ, помнившимъ А. В. Никитенко еще въ дѣтствѣ, и узналъ отъ него, что въ семи верстахъ отъ большой дороги лежитъ монастырь, куда рѣдко завертывала нога русскихъ путниковъ. Я своротилъ изъ Коротояка вправо, и скоро Донъ заблисталъ передо мною своими синими водами. Это были тѣ мѣста, гдѣ нѣкогда носились мысли Бориса Годунова, воздвигавшаго по южнымъ степямъ оплотъ противъ крымцевъ и ногайцевъ. Острогожскъ—одна изъ тѣхъ крѣпостей, которыя онъ построилъ на такъ-называемой Бѣлгородской линіи или Бѣлгородской чертѣ, вмѣстѣ съ тремя Бѣлгородами, Чугуевомъ, Салтовомъ, Харьковомъ и Царе-борисовомъ, которому далъ свое живописное въ исторіи вѣка имя. Нѣкоторыя изъ этихъ, сильныхъ тогда, крѣпостей стали городами, другія слободами, а третьи, какъ Салтовъ, на берегу Донца, даже и имени слободъ теперь не удержали. То было время смутъ и бѣдствій; дикія орды разоряли слободскія поселенія, и все жалось за стѣнами крѣпостей. Въ Острогожскѣ, на площади, гдѣ теперь соборъ, по увѣренію одного жителя его, было тогда въ одномъ мѣстѣ до десяти церквей: такъ тѣснились предки наши въ Малороссіи даже съ своими храмами! Незадолго до присоединенія Малороссіи къ родной Россіи царя Алексѣя Михайловича, именно въ 1640 году, какъ говорятъ туземцы, выходцами изъ Кіева былъ основанъ Дивногорскій мужской монастырь. До 1786 года онъ процвѣталъ приношеніями сосѣднихъ богомольцевъ и трудами братіи, пополнявшейся изъ разныхъ отдаленныхъ пустыней и, между прочимъ, изъ Святогорскаго монастыря, близъ Изюма. Въ 1786 году онъ упраздненъ, вмѣстѣ съ многими тогдашними монастырями, и земли его отошли въ казну. Но, во время холеры 1831 года, народъ, стекавшійся изъ окрестныхъ мѣстъ на поклоненіе святынѣ древняго мѣста, сталъ получать чудотворное исцѣленіе отъ иконы Богоматери въ монастырскомъ храмѣ, и пустынь была возобновлена. Вотъ, въ немногихъ словахъ, мѣстность Дивногорскаго монастыря. По уступамъ мѣловыхъ горъ, которыя угломъ упираются къ Дону и у подошвы своей образуютъ обширные, зеленые луга, вправо

возвышаются шестнадцать колоссальныхъ столбовъ,—каменныхъ пирамидъ, образовавшихся отъ обваловъ горы, и иные изъ этихъ столбовъ имѣютъ до пяти и семи саженъ вышины. Въ одномъ изъ этихъ столбовъ, надъ отвѣсомъ горы саженъ въ пятнадцать, словно въ воздухѣ висить высѣченная въ известнякѣ церковь, во имя Іоанна Крестителя. Сюда ведетъ, карабкаясь съ камня на камень, змѣеобразная лѣстница, и едва поднимешься надъ бездною, едва блеснетъ надъ церковью бѣлый крестъ,—чудные виды степей, по которымъ катятся серебряныя волны ковыли, виды луговъ, съ пѣснями пастуховъ и погонщиковъ, съ моремъ камышей по берегамъ Дона, и вечеромъ — огни рыбацкихъ костровъ, разложенные послѣ обильной ловли, открываются съ маковки горнаго хребта. Влѣво по уступамъ горъ, вдали, среди садовъ и лѣса, зеленѣетъ крыша монастырской церкви и бѣлѣютъ зданія отшельнической братіи. Здѣсь, проѣхавши дорогою, прорѣзанною усиленными трудами въ известнякѣ, надъ самою окраиною горнаго отвѣса, путникъ встрѣчаетъ прежде всего низенькую, кое-какъ сложенную плотину, на которой сидятъ дѣти кочующихъ рыбаковъ и ловятъ удочками мѣстную, необыкновенно вкусную, рыбку бирючь, которою такъ славятся кухни окрестныхъ Придонскихъ городковъ, и чуть ли самый городъ Бирючь не получилъ своего имени отъ этой рыбки. Въ самомъ монастырѣ двѣ церкви: одна во имя Успенія Богородицы, при которой придѣлъ Николая Чудотворца, и другая во имя Владимірской иконы Богоматери. Отъ первой церкви ко второй ведетъ, поднимаясь въ гору, деревянная лѣстница. Въ верхней церкви есть пещеры, какъ повѣствуютъ туземцы, вырытыя, на пространствѣ почти шестидесяти саженъ во внутренность горы, кіевскими монашествующими пришельцами. Живопись въ обѣихъ церквахъ новѣйшая, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ иконъ, запечатлѣнныхъ слѣдами древности. Монастырскія келіи необыкновенно уютны, чисты, красивы. Малая числомъ братія—велика духомъ подвижничества и трудовъ на пользу спасенія душевнаго. Всѣ жизненные припасы пріобрѣтаются личными работами братіи,—потому что кружка для вкладовъ постороннихъ подаяній никогда не бываетъ богата сборомъ, и скудныя денежныя средства монастыря восполняются трудами обитателей его.

Не ищите лѣтописей въ этой пустыни, не ищите въ ней

краснорѣчивыхъ историческихъ сказаній: страницы монастырской исторіи написаны на каменныхъ столбахъ и пирамидахъ, — на этой великой книгѣ окрестной природы! Что-то необыкновенное чувствуется въ этихъ тихихъ, картинныхъ мѣстахъ! Надъ тонущею въ сумерки окрестностью, на вершинѣ горы, вправо, гдѣ въ каменной пирамидѣ стоитъ церковь, въ бесѣдѣ съ полуслѣпымъ, бѣднымъ сторожемъ пустыннаго храма, видятся надъ Дономъ иныя времена и иные люди! Великій изъ великихъ выходитъ на берегъ, какъ повѣствуетъ клочекъ страницы въ ветхомъ молитвенникѣ пустынной церкви, выходитъ на берегъ среди своихъ сподвижниковъ, и молится за отчизну; русскіе корабли-лодки, наполненные войскомъ, качаются подъ парусами у берега, и на яркомъ кострѣ дымится скромный ужинъ царя, у котораго во власти полміра...

А вотъ, за перелѣскомъ, выше столбовъ и выше монастыря,—развалины городища, земляныя, размытыя укрѣпленія, холмы и бастіоны, наугольники и бойницы! Это — дозорный пунктъ надъ окрестностью, видимою отсюда верстъ на пятьдесятъ кругомъ, другихъ вѣковъ и другой образованности: это — городище временъ скиѳскихъ, временъ Геродота, переселенія народовъ и близкаго водруженія животворящаго креста апостоломъ Андреемъ надъ холмами кіевскими, надъ купелью будущей отчизны русскихъ!

И въ виду этихъ живыхъ скрижалей, надъ которыми вьются тѣни сарматовъ и Аттилы, дикихъ ордынцевъ и Бориса Годунова, и не менѣе грозныхъ Османовъ Азова, на берегу Дона, между тростниковъ и прибрежныхъ порослей, у перевоза на паромѣ, чернѣютъ соломенные курени рыбаковъ. Обѣ ночи, въ двое сутокъ, прожитыхъ мною близъ Дивногорска, я провелъ подъ крышами этихъ куреней...

Рыбаки изъ окрестныхъ селъ и городовъ — типъ совершенно оригинальный. Это смѣсь малороссійскаго степного типа съ типомъ рыбаковъ русскихъ, рыбаковъ по большимъ срединнымъ русскимъ рѣкамъ. Набожная степенность и молчаливость ихъ лишь изрѣдка нарушаются празднымъ разгуломъ, когда, въ пестрыхъ рубахахъ и широкихъ малороссійскихъ шароварахъ, они наполняютъ торговыя площади и, среди короткаго веселья, проживаютъ нажитое долгимъ трудомъ. Разсказы этихъ рыбаковъ любопытны, какъ и самый дикій, пустынный образъ ихъ жизни. Вѣчно на

водѣ, вѣчно на-готовѣ, боясь спугнуть чуткую водную добычу, они представляютъ любопытную смѣсь осторожности и дикости, таинственности и безстрашія. Нѣкоторые между ними слывутъ за отличныхъ пѣсенниковъ, другіе за балагуровъ-сказочниковъ. Здѣсь слышатся пѣсни про близкія Прикаспійскія станицы и киргизовъ, про Крымъ и сказочное взятіе Азова. Стихи, распѣваемые въ другихъ мѣстахъ слѣпцами, стихи религіозные — также здѣсь поются иногда на зарѣ, въ тихій майскій вечеръ. Вотъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ, которыя пѣлъ Викентій Туловъ, рыбакъ изъ-подъ Воронежа, въ одну изъ ночевокъ, проведенныхъ авторомъ на берегу Дона, въ рыбацкихъ куреняхъ.

Пѣсня про двухъ братьевъ.

— «Ой, изъ Крыму ли, братцы, изъ Ногаева,
И стояли тутъ орды Ордынскія;
А и ѣхали два брата родимые,
Родимые, одной матери.
Подъ большимъ братомъ конь уставаетъ,
А меньшой за большаго умираетъ.
Охъ ты гой еси, мой братъ ты родимый,
А родимый, одной матери!
А я тебя, братецъ, посверстнѣе,
Посверстнѣе, послабѣе,—
И пѣшъ путь-дороженьку пройду!
Когда было добру молодцу время,
Бусурмане молодца почитали;
Вотъ, какъ стало молодцу безвременье,
Никто уже молодца не почитаетъ,
Не почитаетъ, не поважаетъ,
А и самъ се молодецъ разсуждаетъ:
Соколъ ли на семъ свѣтѣ не птица.
Кречетъ ли во міру семъ не удача,—
На его тожъ безвременье бываетъ,
Онъ пѣшъ да по чисту полю гуляетъ.
Худая же малая птица,
Птица малая синица,—
И та надъ соколомъ насмѣялась,
Напередъ его синица залетѣла».

Эта пѣсня, вѣроятно, потерпѣла измѣненія; въ спискѣ народныхъ былинъ Кирши Данилова есть ея варіантъ *).

Что касается стиховъ религіознаго содержанія, то два сообщенные мнѣ Викентіемъ Туловымъ очень мало разнятся

*) Варіантъ этотъ въ «Древнихъ Россійскихъ стихотвореніяхъ, собр. Киршею Даниловымъ», въ изданіи 1818 г.

отъ напечатанныхъ въ сборникѣ Г. Кирѣевскаго **). Рыбакъ зналъ цѣлую пѣсню о «Пустыни» и о «Грѣшной душѣ». Изъ «Адамова плача» зналъ окончаніе. Особенно слово въ слово сохранились въ его памяти слѣдующіе, полные красоты, стихи изъ «Адамова плача». Туловъ очень часто вращался среди семинаристовъ воронежскихъ, и потому неудивительно, что, при его любознательности и дарованіи музыкальномъ, онъ удержалъ болѣе въ памяти эти отрывки:

— «Оставимъ мы злобу,
Воспріемлемъ кротость!
Возлюбимъ мы нищихъ,
Убогую братью;
Обуемъ мы босыхъ,
Одѣнемъ мы нагихъ,—
Одѣнемъ мы нагихъ
Своимъ одѣяньемъ!
Проводимъ мы мертвыхъ
Отъ двора до церкви,
До Божьяго храма,—
Съ ярыми свѣчами,
Съ горькими слезами!
Прижмемъ руки къ сердцу,
Прольемъ слезы къ Богу,
И воззримъ мы, братье,
На дубовы гробы:
Ой вы, гробы-гробы,
Превѣчные домы,—
Сколько намъ ни жити,
Васъ не миновати!»

Кромѣ стиха «до Божьяго храма», прибавленнаго въ пѣснѣ Тулова, весь отрывокъ вѣренъ тексту Г. Кирѣевскаго.

Замѣчу кстати, что рыбакъ Туловъ прежде ходилъ, какъ мнѣ разсказывали, съ кружкою на построеніе храма въ ближнемъ селѣ; но потомъ взялъ неводъ, сталъ работать, разбогатѣлъ, крестилъ трехъ внучатъ и часто ѣздитъ къ пятой дочкѣ своей въ гости, которая замужемъ за гуртовщикомъ подъ Воронежемъ, посылающимъ въ Петербургъ рогатый скотъ стадами.

На третій день, передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Дивногорска, прибѣжалъ ко мнѣ четырнадцатилѣтній мальчикъ, Саша, сынъ другого рыбака изъ Коротояка, и, за кремень съ походнымъ стальнымъ огнивомъ (во время послѣднихъ поѣздокъ по Украйнѣ я постоянно запасался перст-

**) См. Чтенія Импер. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1848 года, № 9.

нями, лентами, серьгами, чумацкими трубками и тому подобными вещами, для обмѣна ихъ на пѣсни и преданія), сообщилъ мнѣ сказку о «Ледяной дочкѣ», на малороссійскомъ языкѣ, чисто-степную, которую я, впрочемъ, узналъ еще и въ русскомъ варіантѣ, и потому представляю ее здѣсь подъ тѣмъ именемъ, подъ которымъ она сообщена по-русски. Признаюсь, въ этой сказкѣ особенно выяснился тотъ самобытный поэтическій тактъ, которымъ такъ богаты наши малороссійскія сказки, полныя простоты и живописности, безъ всякой натяжки и неестественной фантастичности, преобладающей въ легендахъ востока. Въ сказкахъ малороссійскихъ постоянно, даже и при картинахъ душевнаго горя, рисуется какое-то таинственное, мечтательное довольство окружающимъ, причудливая способность передавать человѣческія страсти и человѣческія мысли предметамъ неодушевленнымъ, поражающимъ вниманіе человѣка. Всѣ эти сказки родились не въ мірѣ призраковъ сказокъ германскихъ, испанскихъ и швейцарскихъ, не въ мірѣ отвлеченныхъ идеаловъ, а, если можно такъ выразиться, въ мірѣ людей, въ сосѣдствѣ людей, въ кругу человѣческой обыденной жизни и обыденной дѣятельности. Вотъ сообщенная мнѣ сказка.

Снѣгурка.

«Жили-были дѣдъ да баба,
Не было у нихъ дѣтей:
И сидѣли подъ окошкомъ,
Горевали дѣдъ и баба,—
А на улицѣ изъ снѣгу
Вереница ребятишекъ
Гору снѣжную лѣпила.
«Не пойти ль и намъ на старость,—
Молвилъ бабѣ дѣдъ съ усмѣшкой,—
Полѣпить шаровъ изъ снѣгу?»
— Что жъ! пойдемъ!—съ усмѣшкой также
Баба дѣду отвѣчала:—
Старость наша—то же дѣтство!—
И шары лѣпить изъ снѣгу
Принялися дѣдъ и баба.
«Что вы дѣлаете, старцы?»—
Отозвался голосъ тихій,—
И прохожій съ бородою
У воротъ остановился.
— Лѣпимъ дитятко!—съ усмѣшкой
Отвѣчали дѣдъ и баба.
«Богъ же въ помощь, Божьи люди!»—

Молвилъ, кланяясь, прохожій
И, какъ тѣнь, исчезъ въ потемкахъ.
Лѣпитъ дѣдъ изъ снѣгу ножки,
Лѣпитъ носикъ, лѣпитъ ротикъ,—
Только вдругъ изъ губокъ бѣлыхъ
Теплый паръ повѣялъ струйкой,
Глазки синіе раскрылись,
И красавица-снѣгурка,
Отряхая мелкій иней,
Передъ старцемъ встрепенулась,
Встрепенулась, какъ живая.
«Крошка!—молвила старуха:—
Будь отнынѣ нашей дочкой!»
И, въ тулупъ закутавъ теплый,
Унесла снѣгурку въ хату.

Вотъ, идутъ за днями ночи,
За ночами дни проходятъ;
Не по днямъ, не по минутамъ
Хорошѣетъ и милѣетъ
Русокудрая снѣгурка.
Не успѣли дѣдъ и баба
Встрѣтить первые морозы,
Стала дѣвушкой-рѣзвушкой
Русокудрая снѣгурка!
Не успѣли дѣдъ и баба
Встрѣтить первыя метели,
Стала пышною невѣстой
Русокудрая снѣгурка!
Не успѣли дѣдъ и баба
Наварить къ веселью браги,
Женихи, какъ листья въ осень,
Къ нимъ посыпались въ ворота,
И, любуясь кралей-дочкой,
Бабѣ дѣдъ шепталъ тихонько:
«Ну, какъ знаешь, пани-матко,
А пора встрѣчать и сватовъ!»

Только вотъ, тепломъ пахнуло,
Потянулъ весенній вѣтеръ,
И затаяли потоки.
И, когда тепломъ пахнуло,
Потянулъ весенній вѣтеръ
И затаяли потоки,—
Призадумалась, замолкла
И головкою поникла
Русокудрая снѣгурка...
Разъ, зарей вечерней было,
Вышелъ дѣдъ, присѣлъ на призбѣ
И тихонько бабѣ молвилъ:
«Погляди, какою павой

Выступаетъ наша дочка!»
А красавица-снѣгурка,
Коромысло взявъ на плечи,
Отъ колодца—отъ криницы
Шла, былинкой изгибаясь
И былинкой колыхаясь,
Вся въ дукатахъ, вся въ гранатахъ!
Только вдругъ остановилась,
Протянула въ воздухъ руки
И тихонько стала таять,
Стала таять, словно свѣчка,
Заклубилась легкимъ паромъ
И на небо улетѣла...

Прибѣжали дѣдъ и баба,
Покачали головою
И примолвили печально:
«Не ужиться пташкѣ въ клѣткѣ,
А душѣ на этомъ свѣтѣ!»

Слышанное мною въ окрестностяхъ Дивногорска гармонировало съ картинами чудной пустыни, съ картинами монастыря, этого жилища отошедшихъ отъ жизни для вѣчности, какъ бы висящаго на воздухѣ, съ своими столпообразными утесами и лѣсами, съ каменными дорогами и развалинами древняго городища. Историческія пѣсни и историческіе берега, волны Дона и память о Петрѣ Великомъ, богатая степная природа и бѣдность человѣческаго духа, жалкая передъ этими дивами-горами и дивами-лѣсами, наконецъ отшельническая братія и сказочная легенда о бренности человѣческой красоты и силы, этихъ гостей тлѣннаго міра, олицетворенныхъ въ бѣдной снѣгуркѣ, — все это оставило во мнѣ глубокія впечатлѣнія, и я навсегда сохраню въ себѣ память о Дивногорскѣ! Тѣмъ болѣе сохраню эту память, что нигдѣ, ни въ глубинѣ Россіи, ни въ окрестностяхъ Кіева, ни въ рединѣ Украинскихъ степей, я не видѣлъ ничего подобнаго причудливой и очаровательной красотѣ Дивногорска. Одинъ Георгіевскій монастырь на южномъ берегу Крыма поспоритъ съ Дивногорскомъ очаровательностью своей полуденной природы.

1853 г.

III.

АРАКЧЕЕВСКІЯ ПОСЕЛЕНІЯ НА УКРАЙНѢ.

«Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ...» (Разговоръ 1824 г. «Для потомства». Изд. 1862 г.).

Карамзинъ.

Съ поставщикомъ лѣса на постройку сосѣдняго этапнаго зданія мы стояли, облокотившись о ворота постоялаго двора, въ деревушкѣ Андреевкѣ и смотрѣли черезъ заборъ.

Невдалекѣ отъ насъ толпа поселянъ возилась, ломая и разбирая кирпичныя стѣны какого-то обширнаго зданія. Кирпичъ, сложенный въ кучи правильными рядами, тутъ же накладывался на возы, вереницы которыхъ разъѣзжались въ разныя стороны; бревна потолковъ, доски половъ, стропила и красивая черепица крыши, двери и оконныя рамы также лежали кругомъ по засоренному штукатуркой двору, поочереди накладывались на воловъ и подводы и развозились.

— «А труда-то, труда, а денегъ-то потрачено было на все это! — сказалъ со вздохомъ Иванъ Алексѣичъ: — Вотъ поднялся бы изъ гроба-то графъ Аракчеевъ, да посмотрѣлъ бы теперь на дѣло рукъ своихъ!»

— «А что такое?»

— «Да какъ же! Подумайте: эти зданія, комитеты-съ разные, да правленія, да военныя рабочія команды, гошпитали-съ, дома для генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ-съ, не говоря уже о манежахъ зимнихъ и лѣтнихъ, конюшняхъ и даже каменныхъ заборчикахъ, все теперь велѣно упразд-

нить, продать съ аукціона-съ, съ молотка! Жалость да и только! Ажно слезы прошибаютъ, глядючи теперь на все это...»

Старикъ отеръ дѣйствительно слезы, тихо вздохнулъ и мутнымъ, боязливымъ взоромъ снова окинулъ толпу, копошившуюся надъ разбираніемъ кирпича.

— «Батюшки, батюшки! Что это дѣлается! — повторялъ онъ, оглядываясь по сторонамъ: — вонъ гдѣ еще недавно и вывѣска золотая висѣла!.. Давно ли мы въ это зданіе, въ этотъ комитетъ съ почтеніемъ входили, шапки еще на дворѣ снимали; кругомъ толпились сторожа, дежурные, лекзекуторы, ехрейторы; полотеры каждодневно съ швабрами полы мыли; а тамъ полсотни писарей сидѣло, все столы да столы, чинно такъ, бумагъ груды... Войдешь, бывало, станешь у дверей и обомлѣешь: скрипъ перьевъ такой, какъ вотъ черви-съ, ей - Богу, на шелковичной плантаціи въ Чугуевѣ точатъ листики. Всѣмъ дѣламъ были эти леестры, ко всякой особѣ писались отношенія и предложенія, а къ мелкой сошкѣ, волостнымъ маіорамъ, что ли, положимъ, предписанія; а тѣ, въ свою очередь, рапорты, донесенія, объясненія, и со всего этого еще копіи оставались... А теперь? Пришелъ я намедни въ ихнее теперешнее, мужицкое значитъ правленіе: сидитъ за краснымъ столомъ рыло въ бородѣ—голова, а сборщикъ почтительно ему на словахъ какое-то дѣло поясняетъ, и оба въ сермягахъ, косматые... Тьфу! Я ажно плюнулъ и вышелъ! Нужно было попросить этого голову лѣску ссудить изъ назначеннаго къ продажѣ; мнѣ даже очень нужно было его попросить. А не попросилъ, потому что рыло неотесанное... Ну, какъ я, капитанъ въ отставкѣ, попрошу его?»

— «Оттого у васъ, Иванъ Алексѣевичъ, этапъ и не подвигается въ постройкѣ...»

Старикъ оправился, хотѣлъ что-то сказать и опять прищурилъ глаза къ сторонѣ кирпичныхъ кучъ.

— «Вонъ еще пять лѣтъ назадъ, въ каждой деревушкѣ, тутъ при въѣздѣ, такъ парадно шланбаумъ былъ устроенъ, абафта-съ подъ крышечкой красовалась. Наѣдутъ, при передвиженіи съ мѣста на мѣсто, полковые; часовой сейчасъ къ шланбауму, и патруль на площадку къ абафтѣ-съ, такъ ночью запоздаетъ бывало мужикъ съ возомъ сноповъ съ поля, и того прежде остановятъ и спросятъ, а потомъ уже пропустятъ...»

— «А теперь? Развѣ вы недовольны тѣмъ, что, заснувши

смиренно въ тарантасѣ, не боитесь болѣе головы разбить о ненужную и дикую въ этихъ пустыхъ мѣстахъ перекладину?»

— «Теперь-то? А вотъ я что вамъ доложу. Давеча я ѣхалъ черезъ Осиновку; мальчишки собрались гурьбой на площадку тамошней абафты и давай въ мяча въ этакомъ-то, такъ сказать-съ, святомъ и почтенномъ мѣстѣ играть, гдѣ и полковники прежде подъ арестомъ сиживали и уважительной стопой чуть дотрогивались, ступая ножками, до тамошняго помоста, а одинъ сорванецъ взлѣзъ на самый брусъ шланбаума, осѣдлалъ его, какъ конька, и лупитъ его по ребрамъ плеточкой».

Мы помолчали. Старикъ грустно понюхалъ табаку.

— «Скажите, Иванъ Алексѣевичъ, много хлопотъ стоили дѣйствительно эти поселенія Аракчееву?»

— «И не говорите, и не говорите! Бывало, налетитъ сюда грозой; какъ разгремится, какъ взорветъ его, и пошелъ, и пошелъ; за сто верстъ щепки, за пятьдесятъ стружки летѣли. Ну, а потомъ уже здѣшнее начальство и усвоило себѣ его поведеніе. И само, до послѣдняго человѣка, иначе и не вело себя, какъ пріѣдетъ каждый въ свою палестину: тоже порядкомъ и разгремится, и взорветъ его непремѣнно нелегкая, и стружки, и щепки летятъ далеко. Поселяне непремѣнно въ мундирныхъ кафтанахъ и фуражкахъ форменныхъ за плугами ходятъ, по формѣ усы и бакены носили,—бороды имъ воспрещены были; а наѣдетъ власть какая, всѣмъ это сейчасъ смотръ, выстроятъ во хронтъ и смотрятъ. У каждаго безвыходно солдатъ на кватерѣ стоитъ съ лошадью; значитъ, ты хозяинъ, корми солдата, корми и лошадь его. Много въ первое время это причинило непріятностей въ народѣ: знаете, тамъ жена у иного невѣрна оказалась, тамъ, положимъ, отъ тѣсноты и всякой помѣхи затосковалъ самъ мужъ, а послѣ все обошлось. Къ смотрамъ это, правда, бывало, въ рабочую пору, улицы подметали, канавки, родъ тротуаровъ по улицамъ вездѣ устраивали; песокъ издалека везли къ казеннымъ зданіямъ. Зато вездѣ порядокъ былъ; все въ аккуратъ дѣлалось...»

— «Что же теперь тутъ не въ аккуратъ дѣлается?»

— «Что? И вы еще спрашиваете? А пирамидки кирпичныя по дорогамъ куда дѣлись? А?

— «Ну? Не знаю...»

— «Какъ ну? Для чего пирамидки устраивались? Отвѣ-

чайте! Вѣдь онѣ замѣняли по дорогамъ версты, и въ то же время служили знаками въ зимнее время, въ метели, когда въ степи какъ разъ собьешься съ дороги. Что же сдѣлало съ ними теперь это мужичье? Чуть ихъ расформировали, чуть они выбрали себѣ этихъ головъ да старшинъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ по ночамъ разломали всѣ эти пирамидки и развезли по домамъ на поправку печей. Мы, дескать, и такъ зимою найдемъ дорогу. Тычки изъ вѣтокъ поставимъ, какъ у государственныхъ крестьянъ, сосѣдей нашихъ, заведено, а кирпичъ мы дѣлали, мы пирамидки ставили и беремъ ихъ себѣ. Ихъ судили, штрафовали, да такъ и бросили дѣло».

За спиной нашей послышался голосъ:

— «Надоѣло намъ, Иванъ Алексѣевичъ, бѣлить ихъ послѣ дождей, да глиной подмазывать на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ въ разныхъ мѣстахъ!» — сказалъ подошедшій къ намъ торговецъ бакалейной лавочки, также изъ поселянъ: — «Заслышитъ начальство, что ѣдетъ какая-нибудь, даже, такъ сказать, простая особа, изъ особъ зауряднъ, сгоняй поселянъ, чини пирамидки. Вотъ мы, какъ дѣти, и посѣкли самую розочку-то сдуру. Глупы мы, что дѣлать, Иванъ Алексѣевичъ! Я уже и самъ своимъ говорилъ...»

— «И ты тоже, съ своимъ рыломъ, туда же суешься! — злобно зашипѣлъ старикъ: — Ужъ далъ бы удовольствіе молодымъ господамъ языки чесать! А то и мы съ своими дегтярными чоботами въ ихъ барскія палаты затесались...»

Купчикъ запахнулся полами синяго кафтана, вздохнулъ, взглянулъ разсѣянно черезъ заборъ и сказалъ:

— «Вы, сударь, про все разспросили Ивана Алексѣевича?»

— «Почти...»

— «Спросите ихъ, какъ они офицерскій чинъ получили. Вѣдь они тоже изъ нашихъ, изъ кантонистовъ вышли...»

Старикъ позеленѣлъ. Табачная капля сбѣжала ему на фіолетовый, растерявшійся и въ досадѣ вилявшій носъ, и долго онъ ловилъ ее концомъ также дрожавшаго клѣтчатаго платка.

— «Я чинъ получилъ по заслугѣ! Такъ-то-съ! Былъ у насъ окружной изъ нѣмцевъ, злюка изъ злюкъ, и такой уже аккуратистъ, что куда мы всѣ привычны были къ чистотѣ и къ порядку, а гдѣ бывало онъ корень пуститъ,

ажно тошно смотрѣть на него, душу вонъ воротитъ. Имѣлъ я должность, знаете, крошечную такую, съ пуговку — за конюшнями надзиралъ, а хотѣлось получить мѣстечко доходное, гдѣ нуженъ былъ офицерскій чинъ. Я же былъ изъ кантонистовъ ундеромъ. Ну, я и выдумалъ, когда ожидали въ нашъ округъ этого нѣмца, такой рисунокъ кирпичнаго заборчика, что когда онъ пріѣхалъ, да метнулъ въ сторону нечаянно на него взглядомъ, такъ изъ коляски даже сейчасъ вышелъ. Ужъ онъ ходилъ ходилъ возлѣ него, смотрѣлъ, даже заплакалъ отъ радости. А заборчикъ вышелъ весь сквозной, точно изъ дерева, прорѣзной. Дѣлала его цѣлая рабочая рота, день и ночь трудилась. Вышло красиво, только непрочно; пойдетъ корова, почешется и вывалитъ стѣнку. Но, соблюдая благолѣпіе улицъ, мы дали приказъ: не допускать коровъ чесаться о заборы въ той деревушкѣ, и дѣло обошлось. Графъ пріѣхалъ, за заборчики того нѣмца по плечу потрепалъ, къ себѣ на обѣдъ пригласилъ, да разсердившись тутъ же на одного начальника изъ русскихъ князьковъ за вольнодумство, при всемъ сопровождавшемъ его генералитетѣ, и гаркнулъ: «Я васъ, сударь, знать не хочу, что вы ваше сіятельство; вы передо мной рядовой солдатъ, а въ вашей дистанціи у поселянъ лица все еще бунтовщиками смотрятъ, у трехъ бакенбарды этакими стогами сѣна запущены, все еще на бороды смахиваютъ. Отставляю васъ отъ должности! Берите примѣръ съ *корнета Васильева:* онъ не только усерднѣйшій слуга Его Величества, Государя и Благодѣтеля моего, но притомъ и успѣшный прожектеръ. Взять, судари мои, примѣръ съ его заборчика во всѣ поселенія!» — «Слушаемъ!» — отвѣтили раболѣпно всѣ начальники, стоя передъ графомъ на аудіенціи. — «Смѣю доложить», — прибавилъ мой окружной: — «Васильевъ не корнетъ, а унтеръ-офицеръ!» Графъ метнулъ въ него огненнымъ взоромъ, и сказалъ: «Знаю, но такая ошибка въ ошибку не ставится!» — И представьте, желая ли поддержать въ себѣ поэтому сходство съ королями, не въ примѣръ другимъ, выхлопоталъ мнѣ чинъ корнета — за изобрѣтеніе въ безлѣсныхъ степяхъ забора, удобнаго и дешеваго, сохраняющаго экономію имперіи. Ну, что же ты рыло-то скалишь? — прибавилъ старикъ лавочнику: — коли меня въ благородство произвели, значитъ, я стоилъ того!»

— «Что и говорить-то, что и говорить! Ты, ваше бла-

городіе, все свое, да и мы свое. Объясни ихъ высокоблагородію ту причту: отчего же это нашъ братъ, поселянинъ, вотъ хоть бы и я, богатый человѣкъ, какъ ты меня считаешь, отчего, чуть насъ назначили обратить въ первое состояніе, мы въ три-дорога закупили у господъ помѣщиковъ хвороста да кольевъ и поспѣшили заплести плетневые заборы на мѣсто-то вашихъ кирпичныхъ, а ваши рядчикамъ распродали, либо въ мусоръ сволокли? На зло тѣсненію, скажешь, баринъ? Отъ супротивности? Анъ нѣтъ: самъ же ты признался, что коровы чесамшись твои заборчики валяли; не на привязи же ихъ держать было. Да и мазка, бѣленье, поправка всякая разоряла, а тутъ десять хворостинокъ приволокъ и починилъ опять лѣтъ на пять, на шесть...»

— «Тьфу! Не слушайте его! — крикнулъ сердито старикъ: — за плетни они стоятъ потому, что хвороста украдутъ и у помѣщиковъ, и въ казнѣ, а кирпичъ сдѣлай самъ, либо купи на заводѣ! Извините, я маленько васъ оставлю; вонъ идетъ г. аудиторъ Поклонскій. Есть къ нему дѣло...»

Васильевъ насъ оставилъ. Я же съ лавочникомъ вышелъ потихоньку изъ воротъ постоялаго двора и пошелъ съ нимъ вдоль улицъ, къ сторонѣ огромнаго сада шелковичныхъ плантацій и разсадника разныхъ ботаническихъ растеній. Въ тѣни дремучихъ ракитъ, тополей и бѣлыхъ акацій возвышались бѣлыя, громадныя зданія недавно закрытаго здѣсь военнаго госпиталя. Ряды зеленыхъ крышъ весело сверкали на солнцѣ, уходя въ развѣсистыя кущи пространныхъ, ловко раскинутыхъ аллей. Флигеля, размалеванные по стѣнамъ желтою краскою, или окрашенные краскою синею, розовою, шли по сторонамъ главныхъ корпусовъ.

— «Дворцы, да и полно! — сказалъ я, невольно любуясь огромными, удобными и щегольскими постройками: — а тоже, кажется, пусты; вонъ однѣ ласточки да стрижи теперь кружатся роемъ подъ крышами».

— «И тоже назначены къ продажѣ съ аукціона. Пока, однако, тутъ помѣщается послѣдняя смѣна военнаго начальства. Она завершаетъ тутъ прежнія дѣла. А шелковицу нашу видѣли теперь?»

— «Нѣтъ...»

— «Извольте своротить сюда, — подъ вербами вамъ не видно».

Мы свернули къ другой сторонѣ дороги. Я остолбенѣлъ

отъ картины, представившейся моимъ глазамъ. Громадныя плантаціи тутовыхъ деревьевъ, какъ оказалось, въ нѣсколько десятковъ десятинъ земли, шли низменною равниною, огибая съ этой стороны госпиталь и крайнія улицы села. Былъ май мѣсяцъ. Всѣ остальныя деревья сверкали яркою, нѣжною зеленью. Шелковичныя заросли стояли безлистыя, сухія, точно зимою лѣсной хворостъ, сквозя какъ стебли травы на далекое пространство.

— «Что это значитъ?»

— «Вымерзли въ эту зиму до тла».

— «Какая жалость!»

— «Да-съ; сказать бы что отъ дурного присмотра — такъ нѣтъ! Просто надъ этими... про... надъ нашими бѣдными поселеніями точно ворохъ разныхъ бѣдъ кто-нибудь высыпалъ. Тысячи народа нашего сгонялись сюда, ямки и канавы рыли, молодыя деревца сажали, школы сѣянковъ разводили, окапывали каждый кустикъ. Садовники тутъ содержались, всякому жалованье шло. При преемникѣ гр. Аракчеева, при графѣ Никитинѣ, пудъ, что ли, шелку со всѣхъ поселеній въ губерніи нашей, харьковской, говорятъ, собиралось... Ну, теперь разочло начальство, что какъ всѣ эти продовольствія кавалеріи натурою, такъ равно ремонты всякихъ штабовъ да комитетовъ больно дорого стоятъ казнѣ, и проку оттого нѣтъ никакого; тоже разочли и о шелководствѣ нашемъ военномъ. Отдали это, послѣ всякой тамъ переписки, съ торговъ частному лицу наши шелковичные сады. Тотъ ухватился за даровыя эти рощи, думаетъ: вотъ сорву барыши! А тутъ эта зима; все въ два послѣдніе мѣсяца зимою и вымерзло до корешка».

— «Отойдутъ же хоть изъ корня деревья?»

— «Богъ ихъ знаетъ, можетъ и отойдутъ; лѣтъ пять надо будетъ подождать, когда нѣкоторыя и отойдутъ! Да что, пустое это дѣло тутъ! Нашъ братъ мало понимаетъ въ немъ, а наймомъ все вести, врядъ ли выгодно будетъ! Это не то, что «на дурничку», согнать человѣкъ семьсотъ въ одинъ день съ бабами, да послѣ и щеголять, продавши тричетыре фунта сырца. Супротивъ хлѣбопашества врядъ ли это, али другое какое дѣло тутъ верхъ возьметъ».

— «Такъ вы довольны, то-есть поселяне, что эту военщину теперь распустили, и васъ опять поворотили въ государственныхъ?»

Лавочникъ сѣлъ на остатокъ какой-то былой уличной тумбочки, указавши мнѣ возлѣ такую же, и отвѣтилъ:

— «Какъ не рады, ваше высокоблагородіе! Господа офицеры изъ нашего былого начальства, въ родѣ вотъ господина корнета Васильева...»

— «Да развѣ онъ до сихъ поръ корнетъ?»

— «Такъ на корнетѣ и остался: мы его Заборчиковымъ и зовемъ... больше отъ начальства не удостоенъ, особенно, какъ за поставку сапоговъ съ картонными подошвами его отчислили въ чистую... Такъ вотъ эти-то господа нашею перемѣною недовольны! А ужъ зато мы-то всѣ, простой народъ, и—и! Повѣрите ли, какъ увидѣли всѣ, что бороды запускать лѣтомъ-то можно, когда не то что до бритвы, вшей некогда вычесать съ головы, да что этихъ фуражекъ военныхъ не требуютъ носить, и на сгоны не сгоняютъ насъ гуртомъ песокъ возить, либо дрова гг. офицерамъ, либо щекатурить какія конюшни, да пустяки всякіе, бесѣдки, что ли, строить,—такъ просто не опомнились отъ радости. Спросите по церквамъ, сколько свѣчного сбора прибавилось у насъ съ тѣхъ поръ. Пахать и сѣять мы стали вдвое, скота держимъ втрое противъ прежняго. Лѣтъ пять-шесть назадъ, сколько недоимки въ податяхъ было, а теперь, спросите въ Харьковѣ, за полгода впередъ сносятъ, до срока, не то что еще недоимки тамъ какія!»

— «Коммерція же ваша какъ идетъ?

— «Коммерція—ничего-съ! Вотъ я прежде больше бакалеей, чаемъ, сахаромъ, да французскими винами торговалъ, да табакомъ: знаете, полки въ нашей слободѣ, вся кавалерія еще недавно стояла; ну, для военнаго лишь бы пуншикъ, да папироска, да вотъ еще карты. Забирать-то точно забирали у меня гибель: чуть привезешь чего свѣжаго изъ Харькова, отъ Лемера или отъ Павлова, такъ и расхватаютъ. Да только расплата шла туго. На двухъ полкахъ по тысячѣ цѣлковыхъ такъ и пропало, а на войну, въ походъ, сколько долговъ увезено у меня—и не спрашивайте...»

— «Теперь же?»

— «Теперь не то. Теперь я самъ—и подчиненный, и начальство. Я, примѣромъ, бородачъ, торгую, а сосѣдъ мой, мужикъ, головою въ правленіи сидитъ. Ну, случись должекъ, его теперь легче и выправишь. Да, кромѣ бакалеи-то, я

сталъ теперь и ситцами торговать, и ссыпку хлѣба началъ...»

— «Ситцами?!»

— «А какъ бы вы думали? Заверните-ка теперь сюда въ праздникъ какой, не говорю уже о ярмаркѣ. У нашей церкви возы съ краснымъ товаромъ стоятъ. Дѣти орѣхи съ лотковъ покупаютъ. А поселянка въ церкви свѣчку-таки поставитъ, помолится, а потомъ къ краснорядцу норовитъ, и уже дешевки какой ей не подавай теперь: «французскаго ситцу» по 30 к. с., да по 40 к. ей подавай. Ну, и сунешь ей клинцовскаго какого или бетепажевскаго, замѣсто французскаго. Подите вы, хе-хе! съ нашими запасницами прежними теперь! Иной разъ штуку ситцу да бунта три платковъ раскупятъ, пока еще послѣ обѣдни иные старики молебны за новую волю нашу правятъ...»

— «А ссыпка хлѣба?»

— «Это тоже хорошее дѣло. Я вотъ, да еще одинъ тутъ, плохенькій капитанчикъ изъ отставныхъ, амбары для этого построили. Да что капитанъ? Денжатъ у него маловато; жмется. Намъ такіе неопасны; да опять же торгуетъ онъ на шестьсотъ цѣлковыхъ, положимъ, а за сто, въ томъ числѣ, еще сидѣльца амбарнаго держитъ; самъ же дома больше все трубочку сосетъ. Нашъ же братъ самъ: и въ красной лавкѣ посидишь, и въ амбарѣ кули пріймешь,—у иного за чистыя деньги, у другого такъ, дашь ему какой ножикъ, либо веревку, либо связку табаку, либо платокъ его бабѣ. Ну, такъ-то глядишь, сотня-другая четвертей пшеницы и наберется. Да эти же свои братья поселяне ее и за четыреста верстъ, и въ Бердянскъ къ морю весной свезутъ чуть не за даромъ; они за солью ѣдутъ, въ деньгахъ нуждаются,—ты имъ дашь впередъ, и глядишь—къ Троицѣ вернулись: рубль на полтину и выторгованъ; такъ-то-съ...»

— «Кромѣ васъ и другіе поселяне торгуютъ уже хлѣбомъ?»

— «Что я за хлѣбный купецъ? это я такъ, ради скуки только, всего по-немногу; лишь бы не съ убытками, какъ съ гг. офицерами, лемеровскими винами! А вотъ въ слободахъ другихъ у насъ, въ Лозовенькѣ, Балаклеѣ, Волоховомъ-Яру, такъ тамъ есть такіе ссыпщики изъ нашихъ мужиковъ, что съ той поры, какъ къ намъ воротили волю, по тысячѣ и по двѣ четвертей изъ однихъ воротъ стали

къ морю возить на чумацкихъ фурахъ. Взгляните вы на наши хлѣбные токи осенью — такъ ломятся теперь отъ скирдъ. О нехозяевахъ и не слышно. Всякъ теперь за плугъ ухватился, не то что прежде выгоднѣе было, такъ гдѣ нибудь мотаться. Землю теперь раздѣлили по душамъ, и податями обложили каждую десятину: волею, неволею, работай. Да и лучше. Побывали бы вы на нашихъ торгахъ, когда залишнюю землю съ аукціона, значитъ, отдаютъ; года въ два, три разъ это бывать завелось».

— «Какія же это земли залишнія?»

— «Да, видите ли, прежде на этихъ земляхъ сгономъ сѣно для кавалеріи косили, а болѣе это сѣно, слышно, самимъ гг. начальникамъ шло. Ну-съ, а теперь нарѣзали на каждое село, на общество, положимъ, по 4½ десятины на душу; за нихъ идутъ въ казну подати. А лишнія земли при каждомъ селѣ, десятинъ по 500, по 1,000 и болѣе, раздаютъ съ торговъ. Такихъ десятинъ тысячъ 50 наберется тутъ только въ окружности. Ихъ расхватываютъ по рублю-цѣлковому и болѣе на одно лѣто съ десятины. Деньги вносятъ разомъ, чистоганомъ, да кладутъ-то ихъ теперь, слышно, въ простенькое, такъ-сказать, уѣздное казначейство, подъ замокъ, что ли, Өедора Ивановича, коли знаете, г. казначея въ Харьковѣ: можетъ-быть, подорожныя у него брали— г. Литвиновъ фамилія... Ну, у этого денежка невзначай со стола казеннаго не упадетъ! Можетъ слышали, какъ дважды подъ его подвалъ хваты подрывались? Не удалось! Теперь-то, говорятъ, казна и увидала, какъ ее сосали эти-то поселенія. А залишнія земли и отъ нашихъ все-таки поселянскихъ рукъ не ушли. Бо̀льшую часть дачъ этихъ мы же съ торговъ разобрали обществами; только поглядите теперь: свинки по землѣ этой сѣнокосной уже не толкутся, лошади какой блудящей по травѣ тамъ не увидите! Своихъ сторожей держатъ; да и сѣно-то косятъ почище, стоги складываютъ повыше и поаккуратнѣе. Ну, словомъ, благодать на сердце Царево сошла, когда Онъ, голубчикъ, о насъ-то подумалъ...»

Вдали показался опять корнетъ Васильевъ. Онъ шелъ чернѣе тучи осенней.

— «Замѣчаете, видно аудиторъ-то Поклонскій барину дурныя вѣсти далъ...»

— «А что?»

— «Торгуютъ вмѣстѣ эти палаты-съ, гошпитали, подъ

коими мы теперь сидимъ. Видно, цѣну на торги великую готовитъ начальство...»

Старикъ подошелъ, снялъ картузъ, обтеръ съ лысины потъ и со всего размаха ударилъ о-землю и картузомъ, и носовымъ платкомъ. Мы переглянулись. Погодя немного, Васильевъ улыбнулся. Хмурыя, кустоватыя брови его разошлись. Сизый носикъ опять весело и хитро задвигался.

— «Мы съ Поклонскимъ хотѣли съ торговъ госпиталь этотъ купить. Торги, кажется, будутъ черезъ полгода; да пугаютъ большою цѣною. Мы даемъ чистоганомъ пять тысячъ цѣлковыхъ».

Лавочникъ сердито фыркнулъ.

— «Что ты?»

— «Какъ что?! Да вѣдь вы за глаза двадцать тысячъ на сломъ на одномъ кирпичѣ выберете».

— «Эка важность! А тебѣ-то что, суконное твое рыло? А? Чего ты присталъ? Спрашиваютъ тебя, что ли? Или завидно стало?»

— «Какъ не завидно коли отецъ мой лично, отцы наши своими руками эти-то махинища сооружали, а я мальчишкой воду сюда и песокъ таскалъ».

— «Но, вѣдь это, дружище, казнѣ даромъ обошлось! Вы сгономъ работали, почитай, барщиной. То, все же хорошо получить казнѣ 5,000 р. за то, на что она почти не тратилась».

— «Пять тысячъ! Меньше 50,000 цѣлковыхъ отдать нельзя. Извини, ваше благородіе!»

— «Ты, что ли, отдавать будешь?»

— «Да, я!»

— «Ты?»

— «Я!»

— «Тьфу!» Васильевъ опять со злостью плюнулъ и показалъ мнѣ на ладонь:

— «Это видите?»

— «Вижу!»

— «Волосамъ тутъ не быть?»

— «Не быть...»

— «Ну, такъ и этому мужичью, всякимъ лавочникамъ, господами не сдѣлаться. Погодите, пофинтите вы еще годокъ, другой. А тамъ опять васъ въ военные поселяне повернутъ».

Старикъ простился со мной и ушелъ въ комитетъ. Мы съ лавочникомъ воротились на постоялый дворъ. Дорогой онъ сказалъ мнѣ:

— «Сынишка мой грамотѣ обученъ...»

— «Чай, при прежнихъ порядкахъ?»

— «Да, правда. А теперь наши слободы всѣ отвѣтили, на предложеніе самимъ завести школы: не хотимъ школъ, а нужно обучить сына кому, онъ и самъ къ дьячку его отведетъ».

— «Что же? Вѣдь это скверно? Въ кабакахъ отъ поселянъ отбоя нѣтъ, а по гривеннику въ годъ съ души на учителя сложиться тяжело...»

Лавочникъ вздохнулъ и осмотрѣлся кругомъ.

— «Тяжело? Гдѣ тяжело! Не безпокойтесь, баринъ, все будетъ. А теперь еще молчатъ, потому, прежніе распорядки еще на свѣжей памяти. Дайте самимъ сдѣлать, и сдѣлаютъ».

— «Такъ ты говорилъ про сына?»

— «Да, онъ у меня грамотѣ обученъ, читаетъ исторію. И говоритъ онъ, что эти наши поселенскія слободы прежде знаменитыя были, Андреевка, равно какъ и Балаклея. Въ Андреевкѣ сотня изюмскаго слободского полка стояла, и знать тутъ сотникъ отъ татаръ, да отъ поляковъ отбивался, и царя Петра I у себя въ гостяхъ принималъ, такъ и въ печатныхъ книгахъ записано. А въ Балаклеѣ, вблизи села, царь Петръ лагеремъ стоялъ, какъ подъ Полтаву на шведа шелъ, и колоколъ тамъ на церковь самъ встащилъ. Да и въ лѣтописяхъ нашихъ украинскихъ постоянно эти имена попадаются. Намъ, старикамъ, пріятно вычитывать, что и въ старину села и слободы эти жили, какъ подобаетъ человѣку. А графъ-то Аракчеевъ... все перегнулъ, перевернулъ, перекрестилъ по-своему... Андреевку нашу назвали Ново-Борисоглѣбскомъ, а старую-то, еще въ дни Годунова, говорятъ, славную, Балаклею — Ново-Серпуховомъ. Точно завоеватель-непріятель въ Крыму свои имена надавалъ урочищамъ. Повѣрите ли, въ первые годы поселянъ хватали въ холодную, сѣкли, чуть, вмѣсто Ново-Серпухова, Балаклеей свою слободу прозовутъ между собою. А въ обоихъ селахъ по пяти тысячъ душъ, не слышно было искони донынѣ ни грабежей, ни убійствъ, ни супротивности начальству... Порядки тяжелые измѣнились, мы опять вольными по царѣ стали, а именъ намъ нашихъ не возвращаютъ, и

господа офицеры, наше еще военное начальство, межъ собой и съ народомъ наши старыя имена говорятъ, а въ бумагахъ все новыя прозвища наши пишутъ. А люди они теперь на подборъ хорошіе: все изъ новыхъ, ласковыхъ и умныхъ. Законъ берегутъ и насъ отстаиваютъ. Такъ видите ли, теперь велѣно, что ли...»

— «Въ прежнее время, я слышалъ, поселяне ваши сильно сосѣдніе помѣщичьи лѣса обижали. Теперь же тише стали?»

— «Куда имъ теперь! Вотъ у насъ въ Андреевкѣ теперь головою Астафьевъ. Случилось недавно такое дѣло. Въ семи верстахъ отсюда живетъ помѣщикъ; лѣсничій его и далъ поселянину нашему Лещенку вывезти пять штукъ дерева. Помѣщикъ далъ знать прямо головѣ. Голова взялъ понятыхъ, лично накрылъ украденное дерево и положилъ по суду такъ: Лещенка заставить отвезти дерево обратно помѣщику, да по оцѣнкѣ за кражу, по таксѣ казенной, десять цѣлковыхъ штрафа въ пользу помѣщика съ него же; да еще Лещенка предалъ штрафу работой въ пользу общества. Такъ какъ привелъ въ исполненіе этотъ приговоръ, воровство у андреевскихъ поселянъ какъ рукой сняло. А прежде, пошло бы дѣло за справками, да командировками, да переписками, да отписками...»

Черезъ два часа послѣ этого разговора съ корнетомъ Васильевымъ и лавочникомъ, я въѣхалъ въ г. Чугуевъ, средоточіе бывшихъ еще недавно сѣверныхъ (на Украйнѣ) военныхъ поселеній. Любимое дѣтище графовъ Аракчеева и Никитина, Чугуевъ сталъ, въ послѣдніе два-три года, рѣшительно неузнаваемъ.

Прежде Чугуевъ былъ весь въ садахъ. Старинные акты говорятъ, что тутъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, были виноградники. Сообразивши, что Чугуевъ находится на крутой горѣ, окружаемой съ двухъ сторонъ Донцомъ, графъ Аракчеевъ рѣшилъ изъ него сдѣлать столицу своихъ подбритыхъ, вымуштрованныхъ и всячески перекроенныхъ на его мѣрку «граничаръ»—Gränzes-Völker, какъ въ Австріи, сводившей съ ума тогда сего великаго стратига. Пока у окрестныхъ помѣщиковъ волей и неволей скупались хутора и села, тутъ же обращаемыя въ поселенія, а вольныхъ хлѣбопашцевъ изъ бывшихъ украинскихъ казаковъ силой, нерѣдко съ грозными военными экзекуціями, дѣлали безобразными двуутробками, т.-е. солдатами-пахарями,—въ Чу-

гуевѣ особенно трудно было бороться съ народонаселеніемъ. Отсюда, между прочимъ, выведено сорокъ отставныхъ маіоровъ, поселенныхъ гуртомъ близъ Салтова въ селѣ, прозванномъ народомъ Сороковкой, гдѣ каждый изъ маіоровъ получилъ по 40 десятинъ казенной земли, а ихъ земли близъ Чугуева взяты подъ поселеніе.

Кто изъ бывшихъ на югѣ Россіи не помнитъ сороковыхъ годовъ, времени высшаго процвѣтанія города Чугуева? Кто не помнитъ его бѣлыхъ, точно изъ карты вырѣзанныхъ по одному образцу, домиковъ, вытянутыхъ въ шеренги по длиннымъ улицамъ и крытыхъ черепицей? Кто не помнитъ его нескончаемыхъ смотровъ, парадовъ, вѣчной пыли, поднимаемой конскими копытами, пушками и ногами, въ три темпа поднимаемыми вверхъ? Во всѣхъ уголкахъ мундиры. Въ окнахъ усы, трубки, красные лацканы и опять мундиры. Здѣсь замыслилась и привелась въ исполненіе подъ Вознесенскомъ знаменитая кадриль, исполненная верхомъ на лошадяхъ уланами. Заставы у въѣзда и выѣзда, гауптвахты тамъ же, гауптвахта еще въ срединѣ города. Скачутъ курьеры; почтовая контора ломится отъ тюковъ съ письмами, предписаніями и донесеніями. Команды входятъ, выходятъ и опять входятъ. Поселяне чистятъ офицерскихъ лошадей, кормятъ солдатъ, ходятъ артелями на сгонныя работы, въ родѣ сыпанія «песку по песку», о чемъ сохранились намеки въ распѣваемой теперь здѣсь пѣснѣ о быломъ:

«Жизнь въ военномъ поселеньѣ
Настоящее мученье;
Волостные, окружные,
Все-то строгіе такіе,
Лучшихъ не сыскать!
Люди возятъ хлѣбъ мѣшками,
Мы же все песокъ возами—
Сыпать по песку!»

Теперь Чугуевъ, отрадно даже сказать, сталъ гражданскимъ городомъ. Аптека изъ окрестностей (отчего она была за городомъ въ верстѣ?—Богъ вѣсть!) перешла въ средину его. Домики до того ударились въ перестройку на гражданскій ладъ, не на вытяжку и не по одной формѣ, что иные вылѣзли даже на улицу вовсе бокомъ. Явилось много постоялыхъ дворовъ. Казенные офицерскіе и генеральскіе

дома распроданы въ частныя руки. Явилось много гражданскихъ костюмовъ, постоянныхъ гражданъ въ пальто и чуйкахъ. Базаръ гудитъ народомъ по понедѣльникамъ. Являются вывѣски частныхъ мастеровыхъ.

Словомъ, изъ какой-то холостой, недомовитой гостиницы, гдѣ каждый ухорскій проѣзжій, временной ея обитатель, позволяетъ себѣ и столы исчерчивать ножикомъ, и на стѣнахъ всякія прелести писать,—Чугуевъ становится теперь, и скоро окончательно станетъ, семейнымъ домомъ, милымъ и уютнымъ жилищемъ, у котораго составятся и свои отрадныя преданія, и свои постоянные обладатели по праву собственности.

Но еще много въ Чугуевѣ теперь разношерстной и разнокалиберной публики изъ былыхъ его судебъ: отставныхъ писарей, аудиторовъ не у дѣлъ, заштатныхъ чиновъ всякаго званія, составляющихъ въ немъ партію старую, или, такъ-называемыхъ здѣсь, аракчеевофиловъ. Они вѣроятно скоро перестанутъ неприлично ругаться и окончательно угомонятся, направивъ свои силы къ другимъ поприщамъ: къ земледѣлію, или торговлѣ хотя пряниками или пастилой изъ осиновскихъ и зарожненскихъ грушъ и сливъ на базарѣ.

Въ Чугуевѣ не слышно болѣе неугомонной барабанной трели. Надъ зданіемъ главнаго штаба хорошенькая каланча съ часами, а въ самомъ зданіи, вмѣсто сотни писарей, аудиторовъ и прочихъ чиновъ, очень успѣшно организованное на новый ладъ военное училище... не кантонистовъ, а дѣтей всякихъ сословій, приготовляемыхъ въ техническія военныя званія по артиллеріи, фортификаціи и инженерному искусству. На площадкѣ былой грозной «чугуевской главной гаубтвахты» я увидѣлъ толпу веселыхъ, краснощекихъ дѣтей, игравшихъ въ мячъ между уроками.

Въ домѣ бывшихъ полковыхъ командировъ, квартировавшихъ здѣсь въ домѣ, давшемъ столько сюжетовъ очеркамъ г. Турбина и прекраснымъ разсказамъ изъ военной жизни г. Аѳанасьева, теперь главная откупная контора. Тамъ, гдѣ мелькали личики полковницкихъ дочекъ, а рядомъ съ ними усики разныхъ «съ ума сводовъ», торчатъ бочки, ведра и молчаливыя лица писцовъ канцеляріи акцизно-откупного комиссіонерства, также доживающаго тутъ свой вѣкъ.

Вмѣсто десятка генераловъ, постоянно считавшихся здѣсь старшинствомъ, коменданта и окружнаго, которому всѣ п

все мѣшали, сбивая съ толку всѣ его распоряженія о поселянахъ, здѣсь теперь одна власть: новоставленный «отъ губерніи» городничій. Заведены свои квартальные, пока собственно «хватальные» (для пьяницъ изъ разнаго былого здѣсь люда) изъ унтеръ-офицеровъ. Много выходитъ въ этой ломкѣ стараго и перестройкѣ всего здѣшняго мірка тяжелыхъ казусовъ для этого городничаго. Откупъ, пользуясь прежнимъ произволомъ, позволяетъ себѣ еще производить при погребахъ виноградныхъ винъ продажу водки на выносъ и для распивки на мѣстѣ. Городничій Тризна запрашиваетъ откупъ объ этихъ нарушеніяхъ его правъ и обязанностей. Винный главный комиссіонеръ, по поводу запроса городничаго Тризны «представить ему списокъ мѣстъ продажи питій», отвѣчаетъ на печатномъ бланкѣ, какъ нѣкій маршалъ Пелисье смиренному русскому капитану порта: «Мы не понимаемъ изъ запроса вашего, что нужно вашему благородію отъ насъ: *склянки, пробки, деньги, или самые горячіе напитки*». И бумага — за нумеромъ и за ссылкой на своего почтеннаго патрона, барона Фитингофа, который вѣроятно объ этомъ и не помышляетъ.

Входитъ г. Тризна въ три часа въ частный отель, содержимый нѣкоею вдовою-солдаткою, слыша о буйствѣ и крикахъ, вылетавшихъ изъ оконъ сего кабачка, и говоритъ: «По закону далѣе полуночи кабаки не могутъ быть открыты. Выходите отсюда всѣ домой». Утромъ храбрая вдова призвана къ допросу. Но отвѣчать и судиться у частнаго гражданскаго городничаго она не желаетъ.

— «Дайте мнѣ антиллерійскаго начальника!» кричитъ она, вспоминая былыя здѣшнія привилегіи и желая имѣть надъ собою судъ спеціалиста, такъ какъ мужъ ея былъ тутъ когда-то въ артиллеріи.

Такова-то была здѣсь прежде путаница семи подраздѣленій разныхъ подчиненныхъ. Теперь, слава тебѣ Господи, все минуетъ, все обстроится заново. Я здѣсь выросъ, служилъ въ разныхъ службахъ и знаю мѣсто: городъ лѣтъ черезъ десять будетъ на славу; особенно, какъ созрѣетъ и сосѣдній съ нашимъ военно-поселенскимъ, крестьянскій вопросъ.

Вечеромъ пилъ я чай въ подгородней поселенской слободкѣ Осиновкѣ, у бывшаго еще недавно военнаго поселянина, а теперь второй гильдіи купца Зорина. Онъ держитъ

гурты рогатаго скота и овецъ, нагуливаетъ ихъ на арендуемыхъ земляхъ и осенью бьетъ на сало и солонину въ собственныхъ бойняхъ. Недавно онъ завелъ и свѣчной заводъ. Прежде онъ держалъ разные подряды на военныя команды. Теперь у него, говорятъ, капиталъ тысячъ въ двѣсти серебромъ. Старшаго сына онъ выдѣлилъ и далъ ему чистоганомъ 25,000 р. с. Сверхъ того, онъ купилъ на границѣ купянскаго уѣзда тысячу десятинъ земли, гдѣ ведетъ уже два года хлѣбопашество наймомъ. Землю эту онъ, какъ слышно, купилъ у какого-то обѣднѣвшаго помѣщика.

Въ домикѣ у него, оклеенномъ французскими обоями, стоитъ рояль. На столѣ лежатъ «Биржевыя Вѣдомости» и книжка журнала «Время». Младшій сынъ его учится уже давно. Ему лѣтъ десять. Зимою онъ учится, а лѣтомъ ѣздитъ въ фургонѣ, съ отцовскими сгонщиками, въ объѣздъ гуртовъ скота и овецъ. Старикъ былого не бранитъ, а въ молодое и новое вѣруетъ всею душой. Счастливъ этотъ несчастный «мономанъ села Грузина», что его громадныя и опасныя ошибки исправлены теперь такою опытною рукой.

1862 г.

IV.

НѢМЕЦКІЯ КОЛОНІИ БЛИЗЪ КРЫМА.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ по Малороссіи.)

Въ Россіи въ настоящее время *) находится до 300,000 человѣкъ колонистовъ разныхъ племенъ и вѣроисповѣданій. Первые колонисты были водворены въ нашемъ отечествѣ около 1763 года по указу императрицы Екатерины II; имъ дано было на каждое семейство отъ двадцати-пяти до тридцати десятинъ земли. Всѣ колонисты состояли подъ вѣдѣніемъ комитета опекунства объ иностранцахъ. Особенныя привилегіи быстро развили благосостояніе нашихъ колоній. Съ той поры ихъ народонаселеніе безпрестанно увеличивалось. Въ Сарептской колоніи оно удвоивалось въ каждыя двадцать два или двадцать пять лѣтъ. Взглянемъ на состояніе нѣмецкихъ колоній въ нашихъ херсонскихъ степяхъ, именно колоній *менонистовъ*.

Недавно мы имѣли случай видѣть всѣ менонистскія колоніи, которыя лежатъ по большой дорогѣ изъ Керчи, чрезъ Арабатскую Стрѣлку, Мелитополь и Орѣховъ, въ Екатеринославль.

Колоніи эти, числомъ до двадцати нумеровъ, какъ ихъ называютъ русскіе, носятъ имена или нѣмецкія, или татарскія, или русскія. Онѣ расположены въ небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга и представляютъ видъ небольшихъ германскихъ торговыхъ городковъ. Большая дорога идетъ чрезъ ихъ главныя улицы.

Каждому хозяину полагается обязанностью воздѣлывать

---

*) Писано въ 1855 году.

небольшой домашній садъ. Часть этого сада засѣвается фруктовыми деревьями, другая часть дикими деревьями, третья тутовыми. Кромѣ этого сада, всѣ хозяева общими средствами обязаны воздѣлывать огромный общественный садъ своей колоніи. Этотъ садъ имѣетъ также три разряда деревъ: фруктовыхъ, дикихъ и тутовыхъ. Подобное распоряженіе имѣло самое благодѣтельное вліяніе на пустынныя степи нашего юга. Дорога, по которой вы большею частію не встрѣтите даже верстъ, замѣняемыхъ здѣсь небольшими насыпями, во многихъ мѣстахъ идетъ роскошною аллеею менонистскихъ плантацій... Степи наши обращаются въ сады...

Сверхъ этой первой обязанности, менонистскіе колонисты должны устроивать въ своихъ хлѣбныхъ поляхъ живыя изгороди. Живыя изгороди удались здѣсь въ отличномъ видѣ. Кромѣ тѣни, которою онѣ увеличиваютъ влажность атмосферы и степной почвы, живыя изгороди составляютъ притомъ лучшую защиту противъ постоянныхъ степныхъ вѣтровъ, изъ которыхъ восточный, лѣтній, особенно страшенъ для нашей благословенной житницы Малороссіи.

Самыя травы вокругъ садовъ и живыхъ изгородей оживляются, разростаются и даютъ превосходный укосъ. Иногда въ мѣстахъ, долгое время обнаженныхъ и обгорѣлыхъ, вдругъ являются травы самыя сочныя и рѣдкія. Въ несчастные годы, когда для южныхъ хозяйствъ въ Крыму и въ степяхъ Украйны сѣно чрезвычайно дорожаетъ, у менонистовъ его бываетъ столько, что они имъ снабжаютъ самыхъ отдаленныхъ своихъ сосѣдей.

Колоніи состоятъ изъ главной улицы и двухъ или трехъ переулковъ. Дома всѣ деревянные, на каменныхъ фундаментахъ, въ два и часто въ три этажа. Кровли высокія, острыя, выкрашенныя въ красный или въ черный цвѣтъ. Крыльцо каждаго дома выходитъ на улицу, что очень поражаетъ путешественниковъ, привыкшихъ въ Крыму къ домамъ, которые на улицу не имѣютъ даже оконъ и представляютъ сплошныя, печальныя массы. Передъ домомъ зажиточныхъ менонистовъ вы увидите колодецъ съ колесомъ и чистенькою голубою бадьей; подлѣ помѣщается длинное корыто, куда бѣжитъ вода для скота. Кромѣ домоваго садика, который выходитъ на улицу, какъ въ Москвѣ въ Садовой улицѣ, или въ Петербургѣ на Большомъ проспектѣ Васильевскаго острова, вы иногда увидите хорошенькій па-

вильонъ, въ которомъ женскій полъ менонистскаго семейства въ лѣтніе дни купается въ чистенькихъ и оранжевыхъ ваннахъ. Рядомъ съ каждымъ домомъ устроены сараи; одна часть сарая служитъ для помѣщенія фабрики или мастерской, въ другой ставятся земледѣльческія орудія и экипажи. За сараемъ помѣщаются конюшни, овечьи загоны, бойни, погреба и ледники. У каждаго селенія возвышается столбъ съ надписью на металлической доскѣ: такая-то колонія, столько-то жителей и домовъ.

Менонисты имѣютъ довольно оригинальное устройство своихъ общинъ. Они не допускаютъ между собою никакой роскоши, никакого щегольства. Дорогія ткани, модныя платья женщинъ и мужчинъ, пестрые цвѣта, все это запрещено у нихъ. Для женщинъ существуетъ здѣсь такой же, установленный годами, неизмѣнный нарядъ, какъ и для мужчинъ. Въ этомъ ихъ хозяева находятъ огромную выгоду. Подобно тому, какъ въ Петербургѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ денди, напримѣръ, ни въ какомъ случаѣ въ настоящее время не смѣютъ ходить, положимъ, въ желтыхъ шелковыхъ фракахъ или въ блондовыхъ жилетахъ, такъ точно и менонистскія модницы не смѣютъ носить прически à la Titus, или шелковыхъ платьевъ съ воланами. У менонистовъ не существуетъ даже словъ и понятій о модѣ и современности вкуса. У нихъ все, какъ въ старину. Мужчины уже четвертый десятокъ носятъ зеленыя суконныя куртки, узкіе черные панталоны, что безобразитъ ихъ неуклюжія и длинныя ноги, башмаки, подкованные гвоздями и шапки съ колоссальными козырьками; лѣтомъ къ этому костюму присоединяется соломенная шляпа. Женщины ходятъ въ синихъ чулкахъ; эти синіе чулки какъ нельзя лучше приходятся къ менонисткамъ, потому что онѣ ужасныя умницы, скороспѣлки, пишутъ, кромѣ отчетовъ по экономіи, свои дневники и участвуютъ въ туземныхъ газетахъ, «Zeitung», которыхъ у нихъ двѣ. Всѣ менонистки носятъ короткія шерстяныя юбки, черные передники, голубые ситцевые корсажи и нѣсколько нитокъ ожерелья. Волосы убираютъ въ корзинку, а виски заплетаютъ косичками и въ видѣ бѣлокурыхъ клапанчиковъ укладываютъ по бокамъ бровей.

Мужчины и женщины всѣ ужасные флегматики, но опрятны, разсудительны, работящи и экономны. Изгнавъ роскошь, менонисты распорядились такъ же и съ изящными

искусствами: музыка у нихъ предана остракизму и запрещена подъ страхомъ строгихъ взысканій. Танцы считаются однимъ изъ смертныхъ грѣховъ. Молодые мужчины совершенно удалены отъ женскаго общества. Менонисты говорятъ, что сближеніе молодыхъ людей обоего пола порождаетъ только пошлое волокитство, безхарактерность, легкость и вѣтренность мыслей. Вы ихъ не увѣрите, что это отчужденіе мужчинъ отъ общества женщинъ порождаетъ еще худшія послѣдствія: угрюмость характера первыхъ и смѣшную сентиментальность послѣднихъ; молодые мужчины, въ свободное время, губятъ свои досуги въ пьянствѣ, въ куреніи кнастера и въ чтеніи глупѣйшихъ рыцарскихъ сказокъ, и, наконецъ, браки рѣдко бываютъ счастливы у менонистовъ, потому что женихъ и невѣста до дня свадьбы рѣдко знаютъ другъ друга даже по имени.

Менонистское начальство считаетъ обязанностью слѣдить за частною жизнью каждаго изъ колонистовъ. Когда какой-нибудь членъ менонистскаго общества своими поступками, развратнымъ поведеніемъ или неповиновеніемъ обществу навлечетъ на себя общее негодованіе, его призываютъ въ молитвенный домъ. Президентъ совѣта читаетъ ему его проступки, укоряетъ его въ безчестной жизни и, отъ имени общества, исключаетъ изъ числа членовъ колоніи: это значитъ, что виновный лишается чести, всего имѣнія, жены и дѣтей... Никто ему не смѣетъ подать руку! Исключенному остается одно: поступить въ наемники къ одному изъ членовъ колоніи. Если онъ исправится, лѣтъ чрезъ пять, правленіе колоніи призываетъ его вновь въ молитвенный домъ, читаетъ ему положеніе совѣта и объявляетъ, что общество, исключивъ его изъ своего состава, положило своею обязанностью слѣдить за нимъ, что онъ своею послѣднею честною жизнью искупилъ свое прошедшее, и что общество вновь принимаетъ его въ свою среду, возвращаетъ ему его права, имѣніе и семейство, бывшее безъ него подъ опекою общества.

Благодѣтельныя мѣры правительства совершенно осчастливили этотъ чудный уголокъ Россіи.—Въ числѣ менонистовъ есть семейства, которыя пришли въ наше отечество, не имѣя ничего, кромѣ жажды труда и хозяйственныхъ познаній, а нынѣ пользуются огромными богатствами. Фамиліи *Корниза*, помѣстья котораго, Тощенакъ и Юшакли, чудно устроены, и *Пфейля* пользуются всеобщимъ уваженіемъ.

Корнизъ, съ самаго прибытія въ Россію до нынѣшняго времени, постоянно былъ главою менонистскихъ колоній. Честность, здравый умъ, геніальныя способности въ наукѣ хозяйства и въ практикѣ положительной жизни, наконецъ, европейская ученость, доказательствомъ которой служатъ его сочиненія по части хозяйства и сельской промышленности, все это характеризуетъ представителя менонистовъ. Корнизъ, кромѣ заботъ о своихъ соотечественникахъ, много сдѣлалъ и для другихъ племенъ южной Россіи. Такъ, его содѣйствіемъ къ осуществленію благихъ предначертаній правительства, дикіе ногайцы стали теперь народомъ осѣдлымъ. Корнизъ сперва входилъ съ ними въ дружбу, потомъ надежнѣйшихъ ногайцевъ бралъ къ себѣ въ наемники, въ услуженіе, училъ ихъ обработкѣ земли, посѣву хлѣбовъ и деревьевъ, обогащалъ ихъ сколько можно, просвѣщалъ, словомъ — доводилъ ихъ личность до личности европейца, и потомъ отпускалъ ихъ въ родныя кочевья... Образованіе такихъ пришлецовъ быстро распространялось на дикихъ ногайцевъ, они бросали свои кибитки, селились въ степяхъ, у рѣкъ и озеръ, заводили вначалѣ родъ татарскихъ auловъ, строили сакли, потомъ малороссійскія мазанки, хаты, а нынѣ вы встрѣтите цѣлыя ногайскія селенія, которыхъ нельзя отличить отъ нѣмецкихъ колоній. По распоряженію мѣстнаго начальства, здѣсь обращаютъ большое вниманіе на благочиніе ногайскихъ поселеній. Дурные хозяева, за нерадѣніе и нечистоту въ домахъ, переселяются въ заднюю часть деревень, и желаніе жить въ главной улицѣ, на большой дорогѣ, заставляетъ ногайцевъ бросать и природную лѣнь, и природную дикость.

Несмотря на нынѣшнее свое богатство, ни одинъ изъ честныхъ менонистовъ не перемѣнитъ своихъ привычекъ и образа жизни.

У одного изъ богатѣйшихъ менонистскихъ магнатовъ я какъ-то провелъ весь день и успѣлъ подмѣтить много страннаго въ чудной жизни его семейства. Старикъ-хозяинъ имѣетъ теперь состояніе въ нѣсколько милліоновъ. Въ разговорахъ своихъ онъ иногда ссылается на нѣкоторые участки своихъ земель, говоря: «да! у меня есть тамъ-то клочекъ чернозема, тамъ-то клочекъ степей»,—а эти клочки состоятъ изъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ земли. Получая не одинъ десятокъ тысячъ рублей дохода, мой знакомый менонистъ

живетъ очень просто, его дочери готовятъ ему обѣдъ, служатъ за столомъ, моютъ его бумажные колпаки и стелютъ гостямъ чистыя, настоящія германскія постели.

У другого менониста состояніе значительнѣе, чѣмъ у предыдущаго, и, несмотря на это, честный колонистъ объѣзжаетъ на простой телѣжкѣ каждый годъ свои земли, гдѣ пасутся безчисленныя стада овецъ и лошадей; выдалъ единственную дочь за своего чабана, пастуха, и вовсе не жалѣетъ своего зятя, который, попрежнему, цѣлое лѣто живетъ въ степи съ овцами и только зимою предается счастію семейнаго уголка.

Кстати о стадахъ овецъ и лошадей. Теперь на югѣ, особенно у колонистовъ, коневодство играетъ важную роль. Заимствуемъ здѣсь описаніе степныхъ новороссійскихъ табуновъ изъ сочиненія Коля и, показавъ нашимъ читателямъ любопытную сторону нашей степной жизни, тѣмъ самымъ постараемся обратить ихъ вниманіе на богатства нашихъ колоній.

Подъ степными или дикими лошадьми не должно разумѣть такихъ, которыя пасутся на волѣ, безъ всякаго надзора, и которыхъ потомъ ловятъ; въ этомъ смыслѣ, можетъ-быть, встрѣчаются еще табуны дикихъ, никому не принадлежащихъ лошадей въ киргизскихъ и аральскихъ степяхъ, гдѣ есть огромныя, необитаемыя, никому не принадлежащія пространства. Въ новороссійскихъ степяхъ важнѣйшіе изъ помѣщиковъ владѣютъ такими огромными землями, что, за недостаткомъ людей, могутъ обработывать только самомалѣйшую часть оныхъ, а потому, кромѣ овецъ и рогатаго скота, содержатъ большіе табуны лошадей, которые посылаютъ въ отдаленнѣйшія пастбища или самыя плохія угодья, и тѣмъ безполезную траву превращаютъ въ выгодныя силы, и задешево воспитываютъ въ пустыняхъ сильную породу лошадей.

Они покупаютъ кобылъ и жеребцовъ и отсылаютъ ихъ, подъ надзоромъ пастуховъ, въ степи для расплода. Жеребята оставляются въ табунахъ, пока число лошадей въ табунѣ не возрастетъ до извѣстнаго предѣла, то-есть пока имѣніе можетъ ихъ прокормить, не вредя прочимъ отраслямъ хозяйства. Это число, по величинѣ имѣнія, бываетъ различно: отъ 100 до 800, даже 1000 лошадей. Иногда помѣщики имѣютъ нѣсколько подобныхъ табуновъ, которые вмѣстѣ возростаютъ тысячъ до десяти штукъ; но тогда табуны

распредѣляются по разнымъ имѣніямъ, изъ которыхъ для каждаго едва ли назначается болѣе тысячи. Когда табунъ размножается до извѣстнаго числа лошадей, соотвѣтственнаго имѣнію, начинается пользованіе онымъ; до того лошади родятся и издыхаютъ, не принося никакой выгоды; пользованіе состоитъ въ томъ, что изъ табуна частію берутъ рабочихъ лошадей, нужныхъ для хозяйства въ имѣніи, частію же этихъ, на свободѣ степей окрѣпшихъ, сильныхъ животныхъ продаютъ охотникамъ, ремонтерамъ и на ярмаркахъ.

Степное воспитаніе лошадей производится подъ надзоромъ табунщиковъ.

Эти табунщики составляютъ столь же отличный типъ степей, какъ и дикія лошади, и едва ли во всей Европѣ можно найти подобныхъ людей: развѣ только нѣчто подобное можно встрѣтить у ихъ антиподовъ, въ пампасахъ, или травяныхъ степяхъ Южной Америки. Пастухи овецъ и скота суть настоящіе телѣгообитатели и возятъ за собою въ своихъ странствованіяхъ телѣги, съ которыми на короткое время и утверждаются въ томъ или въ другомъ мѣстѣ. Этого небольшого удобства табунщикъ не имѣетъ, потому что дикость и быстрота коней заставляютъ его постоянно быть верхомъ на лошади. Бурный темпераментъ его питомцевъ не даетъ ему ни минуты покоя: онъ день и ночь остается на лошади, которая не только служитъ ему сидѣньемъ, но и столомъ для обѣда, диваномъ и постелью... Этотъ народъ пріобрѣтаетъ удивительную способность удовлетворять всѣ свои прихоти, для чего прочимъ людямъ необходима разная мебель, помощью одной лошади, отъ четырехъ ногъ которой они такъ же не отдѣлены, какъ центавры отъ своихъ...

Когда другіе люди ищутъ покоя, тогда именно табунщикъ лишенъ его. Ночью, когда лошади далеко уходятъ пастись, онъ долженъ постоянно объѣзжать табунъ, потому что тогда-то и собираются всѣ опасности отъ волковъ, воровъ, бури и прочаго. Въ проливной дождь и метель ему хуже, чѣмъ лошадямъ, потому что послѣднія могутъ отвертываться отъ вѣтра, а онъ долженъ постоянно идти противъ направленія бури, чтобъ смотрѣть за лошадьми и отгонять ихъ; иначе онѣ безъ призора, въ сильную непогоду, разсѣваются по обнаженной степи... Табунщикъ обыкновенно

носитъ панталоны изъ шкуры жеребячей или телячей; родъ камзола изъ того же матеріала, внутрь шерстью, подъ которою прежде билось лошадиное сердце, согрѣваетъ его грудь. Все это стягиваетъ кожаный ремень, къ которому навѣшиваются разныя рѣдкости: кусочки металла, янтарь, деньги, древности...

Такъ-какъ табунщики бываютъ и врачами порученной имъ скотины, и почти всегда знаютъ съ дюжину разныхъ средствъ, то обыкновенно пояса ихъ обвѣшиваются хирургическими и медицинскими снарядами. Они носятъ высокія, цилиндрическія шапки изъ чернаго бараньяго мѣха. Сверху надѣваютъ свитку изъ темной овечьей шерсти; снаружи къ ней придѣланъ большой капишонъ, который надвигается на шапку и лицо и въ которомъ, какъ въ древнихъ шлемахъ, оставлены отверстія для глазъ, носа и рта. Въ хорошую погоду капишонъ виситъ на спинѣ, какъ мѣшокъ, и дѣйствительно вмѣсто его и употребляется... Табунщикъ бываетъ вооруженъ арапникомъ, арканомъ и дубиной. Арканъ— веревка, длиною аршинъ въ пятнадцать, съ узломъ на концѣ: когда нужно, табунщикъ бросаетъ его на лошадь, обматываетъ веревку объ ея шею, затягиваетъ узелъ и повергаетъ плѣнника на землю. Дубинка обдѣлана на кончикѣ желѣзомъ: ею бьютъ, иногда ее бросаютъ.

Сверхъ этихъ вещей и чашки съ водою (такъ какъ надобно возить съ собою и колодецъ, необходимый при безводіи степей), сверхъ сумы съ хлѣбомъ и фляжки съ водкой, табунщикъ имѣетъ еще нѣкоторыя бездѣлицы, что можно себѣ и представить, если вообразить, что лошадь его—арсеналъ, спальня, кладовая и кухня, и что она должна мчать въ галопъ всѣ предметы, удовлетворяющіе жизненнымъ потребностямъ. Эти, сказаннымъ образомъ обвѣшанные, вооруженные дубиновержцы, работая своимъ хлопающимъ арапникомъ, умѣютъ удивительно искусно управлять неукротимыми конями своего табуна, рѣшать ихъ споры, водить ихъ днемъ и ночью, въ бури и непогоды, защищать отъ волковъ. Болѣе всего хлопотъ причиняютъ имъ жеребцы, которые постоянно стараются утвердить свою власть надъ другими лошадьми, а потому и находятся съ ними во всегдашней враждѣ...

Эти злые и упрямые султаны табуновъ, изъ коихъ нѣкоторые живутъ въ степи лѣтъ по пятнадцати и двадцати, не

видавъ въ глаза конюшни, иногда до того надоѣдаютъ табунщикамъ, что они проклинаютъ свое ремесло, отправляются къ хозяевамъ и объявляютъ, что они съ такимъ-то жеребцомъ не могутъ болѣе служить и, какъ говоритъ Коль, или имъ не служить, или жеребцу не быть въ табунѣ!.. Въ такихъ случаяхъ своевольный жеребецъ продается, или на время отсылается въ темницу конюшни, гдѣ и долженъ искупить свою необузданность.

При неимовѣрныхъ трудахъ, табунщикъ рѣдко достигаетъ старости. Разумѣется, и плата ему бываетъ высока. Они получаютъ ежегодно отъ пяти до шести рублей за лошадь, и, слѣдовательно, за тысячу штукъ получатъ отъ пяти до шести тысячъ рублей ассигнаціями! Это было бы выгодное жалованье для пастуха, если бъ онъ не долженъ былъ платить за пропадающихъ лошадей, нанимать себѣ товарищей, которыхъ при табунѣ въ тысячу лошадей не можетъ быть менѣе трехъ, и держать своихъ верховыхъ лошадей для ѣзды.

Кража лошадей въ степяхъ производится иногда въ большомъ видѣ, и при несчастіи можно въ одну ночь потерять большое число. Впрочемъ, если табунщики счастливы, ловки, поселяютъ страхъ въ ворахъ и звѣряхъ, то чрезъ нѣсколько лѣтъ могутъ собрать порядочный капиталецъ и оставить свое званіе. Но жадность къ деньгамъ ослѣпляетъ ихъ: они не оставляютъ своего ремесла вò-время и обыкновенно теряютъ все, чтò до того успѣютъ сберечь.

Иногда въ тяжелой жизни табунщиковъ бываетъ и веселье. Денегъ у нихъ довольно, жидъ вѣритъ на сколько угодно, и они проводятъ ночи въ степныхъ корчмахъ. Поутру, проспавшись, мчатся на бѣгунахъ за табуномъ и сгоняютъ разсѣянныхъ. Если лошади въ ночь надѣлали вредъ въ поляхъ или садахъ, то они умѣютъ хитростями избѣжать отвѣтственности.

Бываютъ и между табунщиками ужасные конокрады. Если они прогоняютъ свой табунъ, то берегись странникъ, остановившійся на большой дорогѣ. Будто занимаясь только своими лошадьми, они подходятъ ближе и ближе и пасутъ своихъ лошадей подлѣ дороги; но чуть солнце закатится и наступятъ сумерки, они напрягаютъ свое зрѣніе, какъ совы, и гдѣ только завидятъ парочку лошадокъ, которыхъ, можетъ-быть, выпрягъ обозникъ и пустилъ на травку, или которыя зашли подалѣе отъ сосѣдней деревни, тотчасъ настигаютъ

ихъ безжалостнымъ арканомъ и гонятъ весь табунъ въ степь. Табунщики не держатъ краденаго добра, а передаютъ его своимъ пріятелямъ противной стороны, съ которыми всегда имѣютъ ночныя сходбища; эти пріятели препровождаютъ плѣнниковъ далѣе, и такимъ образомъ слѣдъ ихъ теряется. Время этихъ сдѣлокъ—тихая лѣтняя ночь... Воры-пастухи совершаютъ тогда свои переѣзды верстъ по сорока и по пятидесяти, о которыхъ такъ же мало извѣстно, какъ и о ночныхъ странствованіяхъ хищныхъ жителей пустыни. Монгольскіе могильные холмы бываютъ при этомъ случаѣ мѣстами сходки, впадины пещеръ—кошельками, а широкая степь—базаромъ...

Весною лошадямъ приволье во всѣхъ отношеніяхъ. Только волки, проголодавшись послѣ зимы, иногда ихъ сильно безпокоятъ. Волки, конечно, не осмѣливаются прямо нападать на табуны, оберегаемые пастухами; но иногда случается имъ зарѣзать жеребенка, оставленнаго матерью, или отсталую хромую лошадь. Если то завидятъ другія лошади, то не даютъ пощады, а дубинка пастуха вылетаетъ изъ его рукъ и убиваетъ хищника до смерти. Лѣтомъ случается, что лошади терпятъ отъ жаровъ. Тогда онѣ пасутся только ночью въ прохладныхъ, нѣсколько сыроватыхъ долинахъ и оврагахъ, но къ утру уже теряютъ аппетитъ и не ѣдятъ болѣе ни былинки. При наступленіи жара, онѣ выходятъ на высокую степь, которая иногда еще освѣжается вѣтеркомъ, такъ-какъ долины и овраги, бывшіе ночью прохладными погребами, днемъ раскаляются, какъ печи. Такъ-какъ въ степи тѣни вовсе нѣтъ, то лошади становятся въ кружокъ головами и доставляютъ другъ другу тѣнь, хотя, впрочемъ, весьма скудную. Въ этомъ положеніи стоятъ онѣ небольшими отдѣленіями по цѣлымъ часамъ, какъ статуи, и иногда только мотаютъ головой, навѣвая тѣмъ себѣ нѣсколько прохлады. Пастухи обыкновенно лежатъ кружками. Послѣ жажды и зноя лѣта, наступаетъ наконецъ пріятное осеннее время, когда степь вновь зеленѣетъ, вода течетъ обильнѣе, табуны отгуливаются и собираются со свѣжими силами.

Собственно въ началѣ октября всѣ стада возвращаются изъ степей, или ихъ выгоняютъ туда только днемъ. Но если стоитъ хорошее время, то оставляютъ ихъ въ степяхъ и послѣ этого срока, пока наконецъ вдругъ налетитъ вьюга, предвѣстница зимы. Тогда только и слышно, что у того

помѣщика вьюга загнала сотню лошадей въ лиманъ, озеро, образовавшееся отъ морскихъ наводненій, у другого еще болѣе погибло въ оврагѣ. Но еще хуже этихъ вьюгъ густые туманы, случающіеся осенью, такъ-что шагахъ въ десяти ничего нельзя различить. Тогда пастухи собираютъ свои табуны въ возможно-тѣсный кругъ и безпрестанно его объѣзжаютъ; иногда туманы образуются такъ скоро, что лошадей не успѣваютъ собрать: если притомъ являются еще злые люди, то гибель табуна неизбѣжна.

Табуны пригоняются на ярмарки, для продажи лошадей, въ Балту и въ Бердичевъ. На ярмаркахъ обводятъ мѣста веревками или обносятъ лѣсомъ, и туда пускаютъ табуны. Подлѣ сидитъ хозяинъ, вокругъ ходятъ охотники и покупщики и выбираютъ. Отъ продавца нельзя требовать, чтобъ онъ показалъ или подвелъ лошадь. Онъ отвѣчаетъ, что «это дикія лошади, смотрите и выбирайте: такой-то лошади столько-то лѣтъ, я стою за это, больше ни за что не ручаюсь,—она стоитъ столько-то. Но напередъ я не могу поймать лошади: это стоитъ много хлопотъ, и пожалуй при этомъ еще испортишь лошадь. Дайте табунщику столько-то на водку... Если поймаетъ хорошо и осторожно, ваша взяла!» Дѣйствительно, табунщикъ можетъ такъ туго набросить арканъ, что отъ этого лошадь пострадаетъ. Самыя большія покупки дѣлаются не на ярмаркахъ, а въ самыхъ табунахъ. Ремонтеры и вообще оптовые закупщики ѣздятъ изъ табуна въ табунъ и разспрашиваютъ, есть ли лошади стольких ъ-то лѣтъ, такого-то цвѣта, замѣчаютъ, сколько ихъ, и когда набрали достаточное число, то отправляютъ ихъ на мѣсто назначенія. При полученіи смотрятъ только лошадямъ въ зубы, чтобъ убѣдиться насчетъ лѣтъ; впрочемъ, извѣстно, что этотъ дикій товаръ приблизительно имѣетъ равную цѣну, и что только воспитаніе и обученіе лошади открываетъ ея хорошія и худыя свойства.

Мы должны сказать еще нѣсколько словъ о зимѣ. Это время года самое несчастное для бѣдныхъ животныхъ: оно исполнено лишеній, голода, холода, производитъ болѣзни и даже смерть. Загонъ, гдѣ ихъ собираютъ, представляетъ валъ, обведенный рвомъ; только по мѣстамъ находится родъ крыши для защиты отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Въ такомъ жалкомъ жильѣ бѣдныя животныя должны терпѣть ужасную стуж[у]. Въ то же время они подвергаются иногда мученіямъ голо[да]

Въ началѣ зимы, когда въ степяхъ подъ снѣгомъ еще зеленѣютъ немногія осеннія травы, табунщикъ подкладываетъ имъ иногда пуки сѣна и соломы, и такимъ образомъ онѣ перебиваются кое-какъ до января. Но тогда недостатокъ проявляется во всей силѣ; всѣ запасы истощаются, дурная погода продолжается, и бѣдному табуну подкладываютъ уже солому, назначенную было для топлива, и тростникъ; въ отчаянныхъ случаяхъ раскрываютъ соломенныя и тростниковыя крыши и кормятъ скотъ тѣмъ, что достаютъ. Всякую зиму табуны выходятъ больными и исхудалыми, будто привидѣнія. Счастіе, когда лошади еще выходятъ, потому-что случаются зимы, когда онѣ падаютъ жертвами лишеній; много лѣтъ тогда потребно для того, чтобы вновь поправить и усилить табуны. Въ такіе годы, — по словамъ автора «Обозрѣнія экономической статистики Россіи», — хозяева готовы отдать все. Они обращаются къ скрягамъ, которые, въ надеждѣ на такія времена, цѣлые годы хранили сѣнные запасы и теперь продаютъ ихъ за безмѣрную цѣну, открываютъ амбары съ хлѣбомъ, который былъ спрятанъ для «благопріятныхъ обстоятельствъ». Картофель, рѣпа, кукуруза, хлѣбъ, все дѣлится съ животными; скупость человѣка переходитъ въ жалость.

1855 г.

V.

БЮДЖЕТЪ ОДНОГО ВЗЯТОЧНИКА.

На-дняхъ судьба забросила меня, мимоѣздомъ, въ одинъ глухой степной городокъ.

Дѣло было простое: еврею, возницѣ моему, разумѣется на долгихъ, нужно было покормить лошадей. Вылѣзши изъ-подъ клеенчатой занавѣски душнаго фургона, я вошелъ въ питейный домъ, при которомъ находился и постоялый заѣзжій дворъ. Въ ожиданіи яичницы и вѣчнаго самовара, я усѣлся передъ столикомъ, въ качествѣ самаго кроткаго и долготерпѣливаго странника. Модныя журнальныя картинки тридцатыхъ годовъ висѣли между окнами въ рамкахъ. Пожаръ Московскаго театра, удостоившійся уже чести перейти на носовые платки и обои, помѣщался на двухъ полосахъ послѣднихъ, облѣпившихъ уголъ стѣны у печи. Духота была смертельная. Вдругъ я услышалъ: «Держи, держи! воръ! гвалтъ, держи!»—и въ то же время мимо окна промчались взапуски, шлепая туфлями, два незнакомыхъ еврея, въ фуфайкахъ, и мой возница, также еврей. Я выбѣжалъ на крыльцо. Оказалось, что пока извозчикъ мой и шинкарь пересказывали другъ другу новости о Харьковѣ и Кіевѣ, о Іоськахъ и Юдкахъ, смѣлая и ловкая посторонняя рука, почти въ виду евреевъ, направилась въ фургонъ, вытащила оттуда мое пальто и мѣшокъ съ поклажей и готовилась уже скрыться за уголъ. Общій гвалтъ поднялъ на ноги цѣлый кварталъ. Выскочили изъ дворовъ Хайки, Нухимы, Мошки и Берки. Воръ былъ схваченъ и съ тріумфомъ отправленъ въ полицію при несмѣтной толпѣ любопытныхъ. Онъ оказался отставнымъ уланскимъ солдатомъ Шебардинымъ. Схваченный за полу обезумѣвшимъ отъ страху и злости евреемъ, племянникомъ шинкаря, онъ озадачилъ всѣхъ вопросомъ: «Гдѣ тутъ живетъ Селивёрстовъ?»—«Кто Селивёрстовъ?»—

«А нашъ солдатикъ!»—«А на что?»—«Да я его тутъ искалъ!»—«Въ фургонѣ??? Ступай, ступай къ частному...»

Такимъ-то образомъ я и познакомился съ героемъ моего разсказа, съ частнымъ приставомъ уѣзднаго степного городка NN, городка, окруженнаго безлѣсьемъ и глушью и выстроеннаго «въ разсыпку и разметку», чисто по-украински, на невылазномъ пескѣ. Частный приставъ, назовемъ его хоть Иванъ Семенычемъ, былъ непостижимо добрымъ, толстымъ, живымъ и уморительно-подвижнымъ, пятидесяти-пятилѣтнимъ существомъ. Маленькими, нѣжными и веселыми глазками онъ такъ и смотрѣлъ въ душу. Переваливаясь то съ дивана на стулъ, то со стула опять на диванъ, онъ поминутно поджималъ подъ себя ножки, складывалъ на животѣ руки, утиралъ клѣтчатымъ платкомъ потѣющее лицо и подбородокъ и заливался самымъ добродушнымъ смѣхомъ. Послѣ кучи весело разсказанныхъ анекдотовъ, когда я былъ уже представленъ его женѣ, свояченицѣ и двумъ его дѣтямъ, Петѣ и Ѳеклушѣ, — находясь подъ вліяніемъ происшествія съ воромъ и комическихъ разсказовъ хозяина, я медленно отодвинулъ стаканъ съ чаемъ, помолчалъ и вдругъ озадачилъ частнаго пристава такимъ вопросомъ:

— «Послушайте, Иванъ Семенычъ, скажите мнѣ поправдѣ... берете вы взятки?»

Хозяинъ мой замеръ на стулѣ; улыбка его застыла на губахъ.

— Какъ-съ?—спросилъ онъ немного погодя и весь превратился въ изумленіе.

Болѣе онъ не произнесъ ни слова, и я самъ видѣлъ, какъ капля крупнаго пота собралась у него на лысинѣ, сползла на лобъ и стала скатываться на носъ...

— «Берете ли вы взятки?» — повторилъ я внятно и явственно.

— Ахъ, батюшки! да что это такое? Какіе вы вопросы задаете?—отвѣтилъ Иванъ Семенычъ, утираясь платкомъ и сѣменя ногами по полу. Животъ его такъ и ходилъ; жена усиленно сморкалась у окна; свояченица, потупя глаза, подбирала на спицы кучу спущенныхъ петель. Даже Петя и Ѳеклуша, съ разинутыми ртами, стояли у двери и казались изумленными...

— «Эхъ, Иванъ Семенычъ, Иванъ Семенычъ, что же васъ такъ смутилъ мой вопросъ. И неужели вамъ не при-

ходило въ голову, что такой же вопросъ: «А ну-ка, почтеннѣйшее чадо Іоаннъ, не бралъ ли ты взятокъ?» зададутъ вамъ на томъ свѣтѣ?

Приставъ молча и сурово всталъ со стула, бережно оправилъ жилетъ и сюртукъ съ форменными пуговицами, не глядя на меня, раза два прошелся по комнатѣ, сталъ у окна и сказалъ:

— Милостивый государь, такими вещами не шутятъ!

Я кинулся его успокоивать, хотѣлъ все обратить въ шутку, ссылался на мой откровенный, нѣсколько вѣтренный и юркій характеръ, столько вредившій мнѣ въ жизни въ былые годы. Иванъ Семенычъ, молча выслушавъ меня, сказалъ: «Жена, сестра, дѣти, маршъ! оставьте насъ!»—и когда тѣ вышли, съ увлеченіемъ сжалъ мнѣ руки и спросилъ:

— Какъ вы думаете... я подлецъ?

Я былъ въ свою очередь озадаченъ!

— «Подлецъ, подлецъ!» думаете вы!—подхватилъ съ горячностью Иванъ Семенычъ:—и всѣ вы такъ думаете! Да оно, пожалуй, что и правда!

— «О! помилуйте!—началъ я:—я не думалъ, не мыслилъ васъ обидѣть, Иванъ Семенычъ».

Онъ утерся, заперъ крѣпче дверь, сѣлъ и стиснулъ меня за руку:

— Милостивый государь! Скажу вамъ, что я васъ не боюсь! Молоды вы очень пугать насъ! Вздоръ вся ваша обличительная литература! Да и не провести вамъ насъ, старыхъ воробьевъ! Вы не служите: это видѣлъ я изъ вашего паспорта! Ну, да хоть бы вы и служили, хоть бы и разученые были всѣ ваши высшіе чины, такъ все-таки ничего они съ нами не сдѣлаютъ. Скажите вы этимъ господамъ, коли когда приведетъ васъ судьба говорить съ ними, что ничего таки, ровно ничего они не сдѣлаютъ съ нами! Такъ-таки ровно ничего! Коли насъ, мелкихъ, топить, такъ топи палаты, правленія, цѣлые уѣзды, губерніи! Всѣ нынче на насъ ѣздятъ! Вонъ начальникъ, одинъ изъ бывшихъ у насъ, не чета вашимъ обличителямъ, вздумалъ отставлять взяточниковъ. Началось дѣло съ надсмотрщиковъ гражданской палаты по крѣпостнымъ дѣламъ, вывозящихъ въ концѣ года по 20 тысячъ рублей серебромъ изъ города, и, переходя вдоль всякихъ секретарей, протоколистовъ и столоначальниковъ, покончилось становыми приставами! Что же-съ?? Вы-

шелъ такой годикъ, скажу вамъ, что пришлось хоть публиковать въ губернскихъ вѣдомостяхъ о вызовѣ лицъ, желающихъ служить, положимъ, въ губернскомъ правленіи и двухъ нашихъ палатахъ! Всѣ чиновники ушли да и не далеко, и тутъ же близко ушли, даже въ ту же губернію: поступили на службу къ другому начальству... Да-съ! Тутъ же, на рѣчкѣ Безыменкѣ, въ каменныхъ палатахъ проживалъ у насъ свой начальникъ откупщикъ, господинъ, положимъ, Чубуковъ, Климъ Григорьевичъ! Жилъ онъ на всей вольготности, ѣлъ на золотѣ, спалъ на бархатѣ, ходилъ по атласу, сидѣлъ на шелку и глядѣлъ на милліоны. Помощничекъ его, откупщикъ въ осьмнадцатомъ отъ него колѣнѣ и выжига такой же, какъ и онъ, 84-й пробы, получалъ жалованья отъ него 3,000 рублей серебромъ! Три тысячи рублей серебромъ—и получаетъ кто же? кулакъ, борода, синяя чуйка, рядецъ изъ села Трехполтинова! Да вѣдь это генеральское и чуть-чуть не сенаторское жалованье! Господи! Такъ какъ же было не бѣжать къ такому-то трехъ-бунчужному пашѣ, къ такому Сарданапалу нашимъ всѣмъ чиновникамъ? Ну, и перебѣжали! Онъ же кстати и не важничаетъ, не говоритъ вамъ *ты*, не лицепріятничаетъ, формуляровъ самовластно и по пустякамъ на вѣки не мараетъ, не гнетъ всѣхъ за грошъ въ три-погибели, денегъ даетъ вдоволь, хоть за то и требуетъ службы на чистоту, и не упрекаетъ за взятки... потому что тамъ взятокъ уже никто и не беретъ, и брать не можетъ, затѣмъ, что каждый въ жизни обезпеченъ. Сказано очень умно: работникъ дорожитъ тѣмъ мѣстомъ, которое его обезпечиваетъ. Беретъ же тотъ, кто не взять—не можетъ. Вы не вѣрите?—Слушайте: говорю вамъ по совѣсти. Взятки бываютъ трехъ родовъ: вынужденныя, добровольныя и навязчивыя. За вынужденныя—да покараетъ насъ Богъ! Навязчивыхъ уже нынѣ мало... А добровольныя—добровольныя беру-съ... и я!

У меня морозъ прошелъ по кожѣ. Иванъ Семенычъ набилъ трубку, высѣкъ огня, закурилъ и отворилъ дверь.

— Пойдемте въ садъ. Душно здѣсь. Я вамъ сообщу одну вещицу.

Мы вышли, побродили по единственной дорожкѣ, какая была въ саду, пока начало вечерѣть, сѣли на лавочкѣ, и приставъ, разговорившись о своихъ расходахъ и житьѣ-бытьѣ, спросилъ меня:

— Знаете ли, сколько я получаю жалованья?
— «Нѣтъ!»
— Двѣсти рублей ассигнаціями.
Я ничего не отвѣтилъ.
— А хотите ли знать, сколько мнѣ съ семьей, да и всякому другому нужно непремѣнно прожить въ этой трущобѣ?
— «Не знаю».
— Такъ слушайте же и, если захотите, хоть записывайте. Помните только, что жалованья я получаю двѣсти рублей ассигнаціями въ годъ.
И онъ началъ такъ:
— Домъ мой состоитъ изъ меня, жены, свояченицы, двухъ дѣтей, кухарки, дѣвчонки для прислуги, кучера, лошади и дворовой собаки. Итого: осьми человѣкъ и двухъ скотовъ. Пожалуй, вы скажете, что безъ жены, значитъ и безъ дѣтей, можно бы, для сокращенія расходовъ, и обойтись въ пользу страны? Ну, да вѣдь ими-то господа частные пристава прежде своего сана обзаводятся!.. Издержки начинаются съ обѣда. Пожалуй, вы скажете, что и обѣдъ ненуженъ. На это отвѣчу, что даже тотъ писецъ уѣзднаго суда, который получаетъ въ мѣсяцъ казеннаго жалованія 3 рубля серебромъ и нанимаетъ квартиру за городомъ въ двухъ верстахъ, и тотъ эту квартиру нанимаетъ со столомъ, съ платою по 5 р. сер., вмѣстѣ за этотъ столъ и квартиру. (Замѣчайте: 3 и 5! Онъ уже на два цѣлковыхъ долженъ взять взятку). Итакъ, я ѣмъ и пью чай. Это уже обычай самыхъ бѣдныхъ русскихъ людей... то-есть, виноватъ, взяточниковъ!—Чаю выходитъ у меня въ мѣсяцъ 1 фунтъ; чай именуется: фамильный, цѣною у насъ 1¹/₂ р. сер. Сахару выходитъ въ утро 8 кусковъ. Я пью въ накладку; остальная семья въ прикуску; свояченица же моя, ради смиренности и сиротства своего, даже въ приглядку, какъ я тому ни противился. Итого 8 кусковъ въ утро, 10 фунтовъ въ мѣсяцъ; по 30 коп. сер. фунтъ у Лебезнева: 3 р. сер. въ мѣсяцъ. Да 1¹/₂ р. сер. за чай. Въ мѣсяцъ всего 4¹/₂ р. сер.; а въ годъ чай и сахаръ 54 р. сер. Далѣе, обѣдъ нашъ и людской. Нашъ: на базарѣ берется 5 фунтовъ говядины, у того же Лебезнева-мошенника, хоть придуши его, по 3 к. сер., значитъ на 15 к. сер. Хлѣба: три булки по 12 к. сер. каждая (еще въ 1849 году я самъ тутъ засталъ булку по 5 к. сер.), всего за хлѣбъ 36 к. сер. — Зелени: капусты,

моркови на 3 к. сер. — Картофелю: кладите тоже на 3 к. сер.—Крупъ въ кашу: на 6 к. сер.—Соль берется оптомъ. Ну, кладите въ обѣдъ на все кушанье на 3 к. сер. Масла на весь обѣдъ въ кашу и на заправу блюдъ, по отсутствію кормовъ для скота, 30 к. сер. (пудъ нынѣ по 12 р. сер.). Хрѣнъ, уксусъ и горчица также запасаются оптомъ. Ну, кладите въ обѣдъ: на 4 к. сер. Да молока копеекъ на 10 сер. Считайте-ка по пальцамъ, ну-ка! три да три, три да три копейки сер. А сочтите обѣдъ. (Мы принесли счеты и стали выкладывать аккуратно). Въ итогѣ выходитъ: 1 рубль 10 к. сер. Считайте еще, что послѣдніе три года, во время войны, говядина была по 5 к. сер. за фунтъ, такъ и больше выйдетъ. Безъ рюмки водки трудно обойтись въ нашемъ ремеслѣ, послѣ всякой бѣготни: еще 3 к. сер. Итого нашъ обѣдъ въ день 1 р. 13 к. сер.—Теперь людской. Если нашъ состоитъ всего изъ борща, каши и жаркого, то людской можетъ уже смѣло состоять: изъ одного борща и каши. Кладите имъ: вмѣсто мяса, на трехъ человѣкъ, сала свиного на 3 к. сер.; зелени на 3 к. сер.; крупъ для каши на 5 к. сер.; квасу-сыровцу на 3 к. сер., соли на 3 к. сер.; хлѣба ржаного на 12 к. сер. Итого: людской обѣдъ 29 к. сер. — Съ нашимъ вмѣстѣ, общій обѣдъ въ моемъ домѣ: 1 р. 42 к. сер.

Замѣтьте, высчитавши это, я по строжайшей экономіи кладу, что ужинъ моей семьѣ и людямъ долженъ составляться, если желудокъ потребуетъ таковаго, изъ остатковъ обѣденныхъ. Изъ нихъ же должна продовольствоваться круглый годъ дворовая собака. И изъ тѣхъ же, наконецъ, экономическихъ остатковъ должны пополняться болѣе роскошными прибавками обѣдъ и ужинъ въ праздничные дни. Предоставляю вамъ судить, каковы, значитъ, у насъ эти праздничные банкеты, въ Рождество, на Новый Годъ и на Пасху, когда, по пословицѣ, «и у подпечной крысы сластей полныя мисы».

Итакъ, *ѣда* (то-есть чай, обѣдъ и ужинъ) въ моемъ домѣ обходится: обѣдъ по 1 р. 42 к. сер. въ день, въ мѣсяцъ 42 р. 60 к. сер., въ годъ 511 р. 20 к.; а включая сюда стоимость чая въ годъ, приведенную выше, 54 р. сер., получимъ всего въ итогѣ за ѣду въ годъ: 565 р. 20 к. сер.

Далѣе. Квартира здѣсь, подобная моей, стоитъ 150 р. сер. Кладите, что мнѣ сбавляютъ по отводу 70 р. сер. — Я доплачиваю отъ себя: 80 р. сер. Ихъ только и считаемъ.

Дрова. Сажень у насъ, на безлѣсьѣ, стоитъ 13 р. сер. Нужно въ обрѣзъ 6 саженъ въ годъ: итого 78 р. сер.—Да на кухню кладите не дровъ, а навознаго овечьяго кирпича, по здѣшнему кизяка, 2 сажени въ годъ, по 5 руб. сер.: итого 10 руб. сер. Выходитъ на дрова 88 р. сер.

Далѣе. Освѣщеніе. Кладите 1 фунтъ сальныхъ свѣчей на два дня, или 3 фунта въ недѣлю, въ пятьдесятъ недѣль 150 фунтовъ, по 12 к. сер. Сколько выйдетъ?—18 р. сер. въ годъ.

Переходимъ къ одеждѣ. Я дѣлаю пару платья въ годъ. Сукно по 2 р. сер. аршинъ; 5 аршинъ на пару, на сюртукъ и брюки—10 р. сер. Работа Щеголеву или Швенкелю 3 р. сер. Прикладъ 2 р. Сапогъ три пары въ годъ, по 3 р. сер.; итого 10 р. сер. (Тутъ считается починка на 1 р. сер.). Бѣлье, галстуки, жилетъ и шапка—на все кладу въ годъ 5 р. сер. Значитъ, мой костюмъ въ годъ: 35 р. сер.

Жена моя. Два платья ситцевыхъ по 2 р. сер. съ шитьемъ и одно къ празднику шелковое, канаусовое, 10 р. сер. Вы скажете, зачѣмъ шелковое? А вонъ не хотите ли посмотрѣть? Видите, вонъ идетъ мой хожалый солдатъ, изъ губернскихъ будочниковъ? У него есть жена. Какъ бы вы думали? И она носитъ шелковыя платья! Что скажетъ моя жена, коли я откажу? Итакъ, за платья 14 р. сер. Шляпка одна въ годъ: 4 р. сер. Чепчикъ: 2 р. сер. — Башмаковъ 6 паръ, по 50 к. сер.,—3 р. сер. — Платокъ большой на плечи 2 р. сер. — Мантилья 6 р. сер. Зонтикъ 2 р. сер. Всего женинъ нарядъ 33 р. сер.

Можетъ-быть, да и навѣрное, я еще многое тутъ позабылъ. Ну, да пусть уже такъ! Одежду свояченицы кладите столько же, 33 р. сер.—У другихъ нѣтъ свояченицъ—ну, тѣ и счастливцы. Моя хоть и пьетъ чай въ приглядку, за то вертитъ хвостомъ не хуже моей половины. Одежду обоихъ дѣтей: каждому кладите столько же, коли не больше; вы знаете, что такое дѣти?.. Ну, да при хлопотахъ матери, кладите обоимъ 33 р. сер. Итакъ, одежда всей семьи, со мною, выходитъ: 134 р. сер. въ годъ.

Одежда людская. Дѣвкѣ комнатной старое барынино платье. Кромѣ того, на 2 фартука, по 40 к. сер., — хотя лѣтомъ полагается ходить босикомъ, но все-таки она сноситъ въ годъ 2 пары башмаковъ, по 40 к. сер., и одни сапоги въ $1^1/_2$ р. сер.; два платка: въ 30 и 50 к. сер.—

Тулупъ на зиму: 5 р. сер. — Двѣ рубахи, по 1 р. сер. каждая,—считая холстъ по 7 к. сер. аршинъ. Итого 10 р. 90 к. с.

Кучеру: 2 пары сапогъ—3 р. сер. Тулупъ: 5 р. сер. Армякъ: 4 р. сер.—Поясъ: 50 к. сер. Шапка зимняя: 1 р. сер. Лѣтняя: 75 к. сер. Рукавицы: 50 к. сер. Двѣ китайчатыхъ рубахи: 1½ р. сер. Однѣ брюки китайчатыя, кубовыя синія: 1½ р. с.

Кухаркѣ: менѣе, чѣмъ дѣвкѣ въ платкахъ, но болѣе въ сапогахъ, по случаю ходьбы на базаръ зимой и на рѣку мыть бѣлье въ проруби. Значитъ, тоже самое: 10 р. 90 к. сер. А всего одежда дворни въ годъ: 41 р. 5 к. с.

Жалованье бабамъ (о, изумленіе!) кладите всего 10 р. сер. въ мѣсяцъ! Менѣе 1 р. сер. въ мѣсяцъ! Вѣдь это—со временъ царя Гороха и царицы Чечевицы! Жалованье кучеру не полагается: онъ изъ полицейскихъ, только армякъ носитъ.

Но вотъ что всего любопытнѣе, и этимъ я завершу свой бюджетъ. Какъ вы думаете, нужна мнѣ лошадь? Нужна или нѣтъ, отвѣчайте прямо?! Вы улыбаетесь, считаете это прихотью? Нѣтъ-съ, не прихоть это-съ. Говорятъ тебѣ: драка, воровство, офицеры буйство чинятъ, жида побили! Гдѣ, какъ? Въ Скотовиловкѣ. Ну, и бѣги въ Скотовиловку! А Скотовиловка ровно четыре версты за городомъ и въ городской чертѣ считается! И сколько такихъ селъ считается въ городской чертѣ?.. Да и городъ-то весь почти изъ селъ состроился, на пять мѣряныхъ верстъ раскинулся! На пять верстъ! Цѣпь длинная! Ну, и исходи, избѣгай ее въ день съ конца въ конецъ разъ пять—шесть! А исторіи въ родѣ вашей тутъ каждый день: изъ народонаселенія двѣ трети жидовъ; они смирны, да за то грязны. А вѣдь полиція и чистоту нравовъ, и чистоту заднихъ дворовъ наблюдай! Войска проходятъ поминутно: смотри и за ихъ выгодами! Словомъ, батюшка, безъ лошади да безъ таратаечки нашему брату не обойтись. Ну-съ, и содержимъ мы эту лошадь! Такъ какъ же бы вы думали? Сколько стоитъ содержаніе лошади въ годъ? А?.. Считая возъ сѣна, въ три-четыре копны, въ 3 р. сер., а по нынѣшнимъ цѣнамъ и того дороже, выйдетъ въ годъ: 60 р. сер. Ровно, значитъ, содержаніе моего рысистаго скота стоитъ столько, сколько я самъ получаю жалованья: двѣсти рублей ассигнаціями, съ небольшимъ! Вотъ и судите, брать ли намъ взятки или не

брать?.. Подводите итогъ, подводите... Это для меня самого любопытно...

И онъ устремилъ глаза на счеты...

Я положилъ на счетахъ всѣ вышеозначенныя цифры, взглянулъ на кости и пришелъ въ истинное изумленіе. На костяхъ стояло въ итогѣ:

Чай и сахаръ	54	р.	сер.
Пища семьи и дворни . . .	511	»	20 к. с.
Квартира.	80	»	—
Дрова.	88	»	—
Освѣщеніе	18	»	—
Платье семьи	134	»	—
Одежда дворни.	41	»	5 » »
Жалованье бабамъ	20	»	—
Прокормъ лошади.	60	»	—
Ремонтъ упряжи и дом. утвари.	10	»	—
Всего въ годъ	1016	р.	25 к. с.

Я не могъ вытерпѣть и вскочилъ...

— «Тысяча шестнадцать рублей двадцать пять копеекъ серебромъ!» — воскликнулъ я:—«да возможное ли это дѣло? Здѣсь, въ глуши!..»

— Тысяча шестнадцать рублей, точно такъ! Не менѣе, о, еще далеко не менѣе тысячи серебромъ! Вы скажете, что хоть это и въ обрѣзъ, да можетъ быть во всемъ и экономія? Не спорю... Но на эту экономію я положилъ праздники и ужинъ (я на ужинъ ни семьѣ, ни дворнѣ, ни скотамъ ничего не клалъ!). А теперь еще положите: болѣзни, непредвидѣнные случаи, посылки матери моей... Вѣдь у меня 80-ти лѣтняя старуха мать еще жива—и у брата въ Житомірѣ живетъ... Да на постъ: на говѣнье попу, на молебны; на сласти, наконецъ...

— «О, если еще сласти считать...» замѣтилъ я.

— А какъ бы вы думали: безъ трубки табаку обойдется теперь нашъ братъ?? Вѣдь я уже все принимаю въ разсчетъ... И жена нюхаетъ! Богомоловскій 3-й сортъ, да подмѣшиваетъ золы... А конфетъ дѣтишкамъ я и не кладу...

Мы помолчали и встали. Уже окончательно стемнѣло, и скоро мѣсяцъ вырѣзался изъ-за соборной церкви, построенной еще, какъ говорятъ, при запорожцахъ.

— «На комъ же вы, Иванъ Семеновичъ, добираете то, чего вамъ не даетъ казна?»—спросилъ я, ходя по саду.

Приставъ хотѣлъ отвѣтить и замолчалъ. Надъ заборомъ у воротъ показалась голова моего жида-возницы. Онъ сгоралъ нетерпѣніемъ и страхомъ при видѣ долгаго визита моего у пристава и подъѣхалъ съ фургономъ. Я ему крикнулъ, чтобъ онъ отъѣхалъ къ сторонѣ, а самъ возобновилъ вопросъ. Приставъ вздохнулъ, и на лицѣ его показалось то же строгое и печальное выраженіе, какое я еще въ домѣ разъ у него замѣтилъ.

— Съ купцовъ беремъ...—отвѣтилъ онъ со вздохомъ:—вѣдь они все сами тычутъ, добровольно тычутъ! Съ безпаспортныхъ тоже... Съ этихъ нашъ городничій, правда, лично получаетъ; ну, да знаетъ тоже честь, и съ нами дѣлится. Бѣглыхъ у насъ особенно много лѣтомъ и зимой на заработкахъ проживаетъ. Все съ сѣвера Россіи! Потомъ ярмарки... Десять тысячъ серебромъ у насъ полиціи одна весенняя ярмарка даетъ. Народъ-то тогда все голодный; ну, и украсть, и выпить, и побуйствовать любитъ! Вора поймаешь, его посадишь въ холодную, а изъ кармановъ-то его кража все въ нашъ же карманъ идетъ! Жиды тоже за явку паспортовъ даютъ... Наконецъ и откупъ... Взятка съ этой козы такая уже, что и не взять совѣстно! Не подоишь ее, такъ пожалуй, говорятъ, и заболѣетъ коза... Да и мало ли еще съ кого... Все добровольныя, а насилія нѣтъ, убей Богъ, нѣтъ... Больно все вздорожало, и все тутъ... А насилія мы, по крайней мѣрѣ я, не дѣлаемъ, убей Богъ—ни на волосъ!

— «Иванъ Семеновичъ,—сказалъ я, прощаясь съ добродушнымъ старикомъ:—вы не будете сердиться за одинъ вопросъ?»

— А что? опять спросите: взяточникъ ли я и подлецъ ли?

— «О, нѣтъ! Помилуйте, что вы говорите?»

— Такъ что же?

— «Позволите вы мнѣ напечатать то, что вы мнѣ теперь разсказали? У меня одинъ знакомый въ журналахъ пишетъ...»

— Напечатать?.. А, пожалуй! Только по имени не обзовите,—а то городничій прогонитъ... Я литературу люблю и самъ г. Щедрина и г. Громеку читалъ; а тотъ — и-и!.. не любитъ, убей Богъ, не любитъ... говоритъ, всѣхъ этихъ писателей бы въ мѣшокъ, да въ воду...

1860 г.

VI.
ШАМИЛЬ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Пока столицы еще ждали кавказскаго героя, наши степи уже встрѣчали его. 12-го сентября Шамиль проѣхалъ черезъ Изюмъ. 13-го утромъ, въ 4 часа, онъ былъ на станціи въ Чугуевѣ, въ 36 верстахъ отъ Харькова. Я проѣзжалъ въ это время черезъ Чугуевъ. Значительная толпа народа суетилась у подъѣзда станціи. Въ коридорѣ, у дверей въ комнаты налѣво, стояли молча офицеры и нѣсколько генераловъ. Всѣ говорили шепотомъ. Иные нагибались къ замочной скважинѣ и смотрѣли въ комнату.

— Шамиль напился чаю и спитъ!—сказалъ кто-то.

— Такъ онъ и чай пьетъ?—спросили изъ толпы.

Вышелъ изъ комнаты, гдѣ отдыхалъ имамъ, въ черкесскомъ нарядѣ офицеръ, говорившій по-русски.

— Что̀ Шамиль?—спросили его.

— Легъ вздремнуть.

— А Кази-Магона, его сынъ?

— Куритъ папироску.

— Мариландъ Спиглазова?—спросилъ кто-то.

Офицеръ вынулъ пачку изъ кармана и взглянулъ на сигнатурку.

— Нѣтъ, Достоевскаго! — отвѣтилъ онъ съ улыбкой: — купили въ Бахмутѣ; крѣпкія, турецкія.

Мнѣ сразу мелькнулъ въ умѣ Петербургъ и почтенный фабрикантъ, авторъ «Бѣлыхъ ночей» и очень недурныхъ папиросъ.

— Какъ его взяли?—допрашивалъ молодой офицерикъ:— говорятъ, что его жена, армянка, стрѣляла по многимъ въ послѣднія минуты, что у него два милліона денегъ серебромъ и золотомъ осталось, и что онъ просился въ Мекку?

— Многое говорятъ,—отвѣтилъ офицеръ въ черкескѣ:— Дюма̀ еще не то напишетъ! Читали мы его сказки! А Шамиль и не знаетъ про него; мы спрашивали.

Толпа у дверей засуетилась. Вышелъ сынъ Шамиля—съ бѣлымъ, нѣсколько грубымъ и загорѣлымъ лицомъ, въ свѣтломъ плащѣ верблюжьяго цвѣта и въ черной бараньей папахѣ на головѣ. Съ нимъ переводчикъ.

— Имамъ проснулся и позволяетъ войти всѣмъ!—сказалъ онъ громко и съ улыбкой, въ отвѣтъ на всякія просьбы стоявшихъ у замочной скважины.

Мы всѣ вошли. Шамиль сидѣлъ на станціонномъ диванѣ, старенькомъ, столько знакомомъ каждому изъ насъ, у ломбернаго стола. Комната, оклеенная полосатыми обоями, украшалась портретомъ Государя Императора, въ ростъ, надъ диваномъ. Шамиль сидѣлъ подъ портретомъ и, при входѣ нашемъ, повѣрялъ свои карманные часы съ большими часами, висѣвшими на стѣнѣ, при входѣ въ комнату. Мы поклонились и полукругомъ, толпой человѣкъ въ тридцать, стали близъ него, шагахъ въ двухъ. Онъ спряталъ часы въ карманъ, куда-то подъ бѣлые костяные патроны на груди черной черкески, и тихо, болѣе глазами, чѣмъ головой, отвѣтилъ на нашъ поклонъ. Всѣ молчали, только смотрѣли на него.

Вотъ его портретъ. Огромная, бѣлая, свернутая не то изъ кисеи, не то изъ тонкой шерстяной ткани, чалма на головѣ; широкая, длинная, подкрашенная коричневою краскою, борода; черные, нѣсколько блуждающіе, будто убѣгающіе отъ рѣзкаго дневного свѣта, глаза, постоянно опущенные книзу. Въ рукахъ четки. Лицо гладкое и еще довольно свѣжее. У глаза нѣсколько морщинъ. Морщина, и довольно рѣзкая, между бровей. Губы его иногда что-то шепчутъ, будто молитву. Голосъ его тихій, нѣсколько глухой. Вообще, Шамиль производитъ скорѣе впечатлѣніе духовнаго лица, нежели воинственнаго человѣка. Это скорѣе герой романовъ Морьера и лицо изъ мистическихъ и тихихъ сказокъ «Тысячи и одной ночи», чѣмъ виновникъ кровавыхъ реляцій «Инвалида», отъ намѣстничества графа Воронцова до князя Барятинскаго. Смотря на эти мягкіе, ласковые глаза, на старческое, монашеское шептаніе губъ, на четки и неподвижную, сурмленную бороду, съ важностью которой насъ познакомили съ дѣтства и похожденія Хаджи-Бабы въ Испагани, и пресловутая «Шехеразада», никакъ нельзя допустить, чтобы этотъ человѣкъ былъ виновникомъ драмъ, оглашавшихъ столько лѣтъ Кавказъ. Такія лица я видѣлъ въ

Крыму, задолго до войны, подъ вечеръ, за перилами башенокъ минарета, сзывавшихъ прохожихъ на молитвы.

Мы стояли, молчали, смотрѣли и смотрѣли. Вотъ онъ вздохнулъ, вотъ бѣлыми, небольшими руками сталъ поправлять перевязь на груди, у шашки. Оружіе ему возвращено. Сзади, за кучею стоявшихъ, шелъ разговоръ шепотомъ; говорилъ станціонный смотритель. — Это пріѣхалъ, выслалъ всѣхъ, простлалъ коврикъ, разулся, умылся и давай молиться; молился долго. Напился чаю и легъ спать. Да не спалъ, все ворочался. Потомъ сталъ говорить. Я спрашиваю переводчика, о чемъ онъ бормочетъ. Говоритъ: наскучило ѣхать въ каретѣ; просится ѣхать въ Петербургъ верхомъ.

Посѣтители еще постояли, посмотрѣли, помолчали и стали расходиться.

— Вотъ онъ какой! Тихій, да простой.

— Такъ это-то Шамиль? И стоило будить меня въ четыре часа, глазѣть на него: такъ себѣ, какой-то простякъ, родъ татарина, что съ халатами ходятъ.

На крыльцѣ стояли два русскіе офицера, изъ кавказскихъ урожденцевъ, въ черкескахъ, прикомандированные къ сосѣдней дивизіи, собранной въ Чугуевѣ.

— Эхъ, левъ, левъ, голова-то, глаза! Вотъ геній, вотъ герой царственный! — говорилъ одинъ изъ нихъ съ пылавшими глазами:—у такого великаго плѣнника и на ординарцахъ не безчестье простоять! Вотъ бы сюжетъ Лермонтову. Это не чета Печорину.

Толки шли разные. Были и такія недостойныя слова: «Звѣрь, чистый звѣрь; что на него смотрѣть! Въ крѣпость его теперь; не мало народу онъ погубилъ!»

Я опять воротился въ комнату. Шамиля окружали спутники его, въ черкескахъ. Почтительно снявши съ него чалму, въ то время, какъ онъ все еще сидѣлъ на диванѣ (причемъ я замѣтилъ его бритую, серебристую голову, прикрытую парчевою шапочкой), спутники надѣли ему черезъ плечо ятаганъ, служа ему, какъ служатъ послушники высшему духовному лицу. Шамиль спросилъ, скоро ли онъ поѣдетъ далѣе. Ему сказали, что посланный къ корпусному командиру все еще не возвращается. Прошло еще довольно времени. Посланный воротился и объявилъ, что корпусный командиръ на свиданіе не будетъ. Ему подали лошадей. Онъ всталъ, накинулъ плащъ, быстро оглянулся и быстро

прошелъ по опустѣлой комнатѣ. Тутъ только, при видѣ его исполинскаго роста и твердой, царственной поступи, мнѣ пришли на умъ Ахта и Гергебиль, Дарго и Ведены. Сѣвши въ карету (говорятъ, уступленную ему княземъ Барятинскимъ), онъ раза три нетерпѣливо оглядывался и все спрашивалъ что-то. Это онъ ждалъ замѣшкавшагося своего сына. Ямщикъ тронулъ вожжи, и Шамиль уѣхалъ, среди новой толпы, собравшейся на улицѣ уже оживленнаго города.

Подкатили дрожечки, на нихъ два юнкера.

— Эхъ, Петя, опоздали! Не догнать ли его?

— Нѣтъ, Гриша, не догонишь! Лошадь пристала!

— Такъ какъ же?

— А какъ? Въ Кочеткѣ (въ пяти верстахъ), въ вокзалѣ, сегодня Юлію Пастрану показываютъ; лучше вечеромъ поѣдемъ туда!

— Ну, хорошо...

И простодушныя дрожечки поѣхали назадъ.

День этотъ и слѣдующій прошли тихо. Только войска все передвигались. Подъ вечеръ изъ Харькова прискакалъ фельдъегерь. Объявлено, что Государь будетъ въ Чугуевъ не 16, а 15 сентября, завтра, во вторникъ, утромъ, что смотръ войскамъ назначенъ также 15, и что Шамиль 14 опять будетъ назадъ въ Чугуевъ изъ Харькова, что ему объявлено приказаніе быть на царскомъ смотру.

Въ самомъ дѣлѣ, вечеромъ 14 числа, въ понедѣльникъ, новый фельдъегерь привезъ извѣстіе, что Шамиль выѣхалъ снова изъ Харькова, въ 6 часовъ послѣ обѣда, и въ 8 будетъ въ Чугуевѣ и остановится въ домѣ начальника округа, на площади, рядомъ съ корпуснымъ штабомъ, близъ собора. Толпа дамъ, уже въ 7 часовъ, ожидала его, разряженная, въ сѣняхъ подъѣзда. Шли новые толки.

— Вы слышали, mesdames, что Шамиль въ Харьковѣ былъ въ конномъ циркѣ и такъ восхитился представленіемъ плясуновъ и — главное — плясуній, что спросилъ, нельзя ли начать представленіе снова?

— Я только-что изъ Харькова,—отозвалась одна дама:— тамъ его не увидѣла, такъ пріѣхала сюда.

— Разскажите, какъ же онъ тамъ принятъ...

— Онъ остановился на Екатеринославской улицѣ, катался на лошадяхъ, совершенно восхитился городомъ и дамами. нахлынувшими къ нему. Однѣ потчивали его ананасами,

другія конфетами, третьи улыбками. Кто-то спросилъ, нравятся ли ему наши дамы? Онъ отвѣчалъ: не всѣ—молодыя.

— А вы знаете, что̀ за судъ онъ изрекъ года за два, на Кавказѣ, надъ однимъ жидомъ?—спросилъ какой-то офицеръ:—говорятъ, одинъ черкесъ, рубя дрова, взялъ въ плѣнъ еврея, русскаго маркитанта, и посадилъ его сзади себя верхомъ на коня. Дорогою еврей, дрожа отъ ужаса, выдернулъ изъ-за его пояса топоръ, убилъ черкеса, столкнулъ его и поскакалъ, но былъ пойманъ другимъ черкесомъ, видѣвшимъ это, и приве́денъ къ Шамилю. Вотъ судъ Шамиля: семью убитаго черкеса онъ велѣлъ наградить; черкеса, поймавшаго вновь еврея, велѣлъ высѣчь, за то, что онъ на мѣстѣ не убилъ жида; а жиду объявилъ такъ: прощаю тебя за то, что въ первый разъ въ жизни вижу храбраго жида...

Вошелъ полный господинъ, съ вѣстью, что пріѣхалъ передовой Шамиля. Ворвавшійся вѣтеръ чуть не загасилъ стеариновой свѣчи на стѣнѣ сѣней.

— Ахъ, Боже мой, войдетъ Шамиль, и мы его не увидимъ впотьмахъ; нельзя ли лампу?

Но сторожъ-солдатъ былъ неумолимъ и не обращалъ вниманія на вопли дамъ, хотя, въ самомъ дѣлѣ, свѣча то и дѣло гасла. Вдругъ подъѣхалъ экипажъ, вошелъ сынъ Шамиля съ мюридомъ, и едва прошелъ по лѣстницѣ вверхъ, явился и самъ имамъ. Многіе прошли за нимъ наверхъ. Ему тотчасъ подали чай. Онъ сѣлъ на диванъ и окинулъ глазами комнату. Три картины, рисованныя масляными красками, висѣли по стѣнамъ: сцены изъ библейской исторіи и пожаръ какого-то города. На пожаръ онъ глядѣлъ долѣе. Опять вошли дамы и новые офицеры, столпились полукругомъ у стола, стояли, молчали и смотрѣли... Пронесли ему двѣ складныя кровати. Глаза у него слипались. Онъ даже зѣвнулъ; на большомъ пальцѣ правой руки, державшей черныя четки, блеснуло серебряное, грубой работы, кольцо. Посѣтители постояли, посмотрѣли и разошлись.

На утро Государь принималъ Шамиля. Имамъ, какъ я самъ видѣлъ, шелъ во временной дворецъ блѣднѣе обыкновеннаго и тревожно двигалъ руками, гладя бороду. Потомъ Шамиль былъ на смотру, верхомъ. Блистательное войско, парадные наряды и эволюціи заняли его чрезвычайно.

Но вотъ Государь въ половинѣ 3 часа пополудни 16-го сентября въѣхалъ въ Харьковъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ Ша-

миль. Въ 8 часовъ вечера зажглась по городу иллюминація. Запылала въ огняхъ громадная, исполинская колокольня собора, зажглись вензеля, тріумфальныя арки на площадяхъ, запылало электрическое солнце надъ университетомъ. Шамиля повезли по городу.

— Что это? вѣрно слова какія-нибудь? — спросилъ онъ, подъѣзжая съ Екатеринославской улицы къ университету, гдѣ надъ горой изъ огней составлена была надпись, длиною саженей въ 50, вдоль оконъ, надъ тополями.

— Да, слова,—отвѣтилъ переводчикъ.

— Что же такое, я хочу знать?

— «*Да распространяется повсюду стремленіе къ просвѣщенію!*»

— А!...

И имамъ склонилъ голову, въ знакъ удовольствія.

Но вотъ у освѣщеннаго дворянскаго собранія толпа крикнула ура. Государь пріѣхалъ на дворянскій балъ. Шамиль въ бѣломъ тюрбанѣ, бѣлой кашемировой черкескѣ, съ сыномъ и тремя мюридами, высился надъ раздушенною толпою дамъ. Войдя въ залъ, Шамиль отшатнулся отъ двери, такъ его поразило освѣщеніе, убранство громадной залы, украшенной гербами уѣздовъ и цвѣтами, блескъ свѣчей и нарядовъ. Заиграла музыка, пары двинулись въ польскомъ. Шамиль вошелъ въ толпу, изумленными глазами окидывая костюмы дамъ...

— Боже мой,—говорили въ толпѣ, разглядывая его сурмленную бороду, усы, черные, блуждающіе глаза, бѣлый огромный тюрбанъ и губы, шептавшія какія-то слова:—кто сказалъ бы еще недѣлю назадъ, что Шамиль, вооруженный Шамиль, будетъ въ Харьковѣ, на балѣ, среди дамъ, танцующихъ польскій?

Балъ развернулся во всемъ блескѣ. Толпа сдвигалась поминутно вездѣ, куда шелъ «послѣдній кавказскій левъ».

— Не усталъ ли имамъ? — спросили его черезъ переводчика: — вчера онъ былъ на смотру съ дороги, сегодня съ дороги на балу?

— Въ присутствіи Его Величества Русскаго Императора я не чувствую усталости!—отвѣтилъ Шамиль.

— А кто ему изъ дамъ болѣе нравится?

Всѣ нравятся!—отвѣтилъ Шамиль.

— А позволяетъ ли ему законъ его вѣры быть въ обществѣ женщинъ?

— Я самъ законъ моей вѣры и могу...

Въ родѣ этого давалъ отвѣты глава мюридизма на пышномъ балѣ Харькова.

Сыну его дали одинъ вопросъ:

— Видите, какъ у насъ всѣ свободны, какъ весело?

— Да, хорошо у васъ; но надо много денегъ!

Ѳдинъ молоденькій господинъ протиснулся къ Шамилю и спросилъ переводчика:

— Читалъ ли Шамиль книгу г. Вердеревскаго: «Плѣнъ у Шамиля княгинь Орбеліани и Чавчавадзе?»

— Шамиль не видѣлъ ни одной европейской книги и не знаетъ, что̀ о немъ пишутъ!

— А газеты у него получались?

— Ему дѣла не было до газетъ; а покойный его сынъ получалъ Петербургскія и Московскія Вѣдомости, но недолго!

На балѣ узнали, что Шамилю назначено жить въ Калугѣ.

— Отчего вы такъ упорно не сдавались? Видите, какъ здѣсь хорошо!

— Да, я жалѣю, что не зналъ Россіи и что ранѣе не искалъ ея дружбы! Я съ полнымъ довѣріемъ теперь ѣду въ глубь Россіи, въ Москву и въ Петербургъ...

Жены его и сынъ Магма-Шапи остались въ Шурахъ.

Еще часа два ходила толпа на балѣ за нимъ. Онъ не ужиналъ, смотрѣлся въ зеркала новой залы, нарочно выстроенной для пріѣзда Государя, еще прошелся и уѣхалъ, сказавши губернскому предводителю дворянства, когда Государь уже уѣхалъ:

— Все, что́ я здѣсь видѣлъ, меня очень заняло; но въ особенности то, какъ любитъ высокое сословіе дворянъ своего молодого Государя!

Черезъ день Шамиль уѣзжалъ въ Москву.

На крыльцѣ его спросили:

— Какъ же все это, что̀ онъ видитъ, можно сравнить съ его Кавказомъ?

Шамиль отвѣтилъ:

— Кавказъ—это жизнь, дѣйствительность; а то, что̀ теперь вижу, сказка для меня!

1859 г.

Оглавленіе

XX ТОМА.

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,
ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

УКРАИНСКАЯ СТАРИНА.

I.

ХАРЬКОВСКІЯ НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ.

(Съ 1732 по 1865 г.).

Школы временъ Петра I и Анны Іоанновны.—Завѣщаніе пращура.—Мандрованные, бродячіе дьяки.—Условіе помѣщика съ учителемъ.—Роммель.—Кантонисты.

Слободская Украйна, съ 1835 г. харьковская губернія, населилась въ XVII столѣтіи бѣглыми днѣпровскими казаками и другими жителями западной Малороссіи, въ новыхъ колоніяхъ искавшими спасенія отъ тогдашнихъ польскихъ смутъ.

Въ качествѣ казацкой колоніи, Слободская Украйна несла съ остальною Малороссіей общую судьбу и въ отношеніи первыхъ попытокъ народнаго образованія.

«За полтораста и болѣе лѣтъ назадъ,—какъ говорилъ въ XVIII вѣкѣ Шафонскій («Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества 1786 года», изд. 1851 г.),—будучи Малая Россія подъ державою польскою, завела у себя въ монастыряхъ латинскія школы. Въ сихъ училищахъ прежде, кромѣ латинскаго и польскаго языка, да нѣсколько Аристотелевой древней философіи, краснорѣчія и богословія, никакихъ наукъ не обучали. Въ позднѣйшее время стали нѣсколько греческому, еврейскому, нѣмецкому и французскому языкамъ и новѣйшей Баумейстеровой философіи учить; но все сіе ученіе весьма слабое и недостаточное. Бѣднос

содержаніе учителей, а оттого и недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ и въ книгахъ, причиною, что наука и просвѣщеніе по сіе время въ семъ краѣ весьма въ худомъ и бѣдномъ состояніи находится. Должно малороссіянамъ ту справедливость отдать, что они охотно въ науки вступаютъ, такъ что не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и казачьи дѣти съ доброй воли въ вышеписанныя училища идутъ и мірскимъ подаяніемъ ежедневной пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ и, терпя холодъ и голодъ и всю скудость и нужду, охотно и прилежно учатся, и многіе изъ нихъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ званіи, достойные выходили люди. Лѣтъ за сорокъ назадъ (именно въ 1746 г.), когда малороссіяне, кромѣ самой Малой Россіи, нигдѣ не искали службы, дворянскія и самыхъ почтеннѣйшихъ дѣти, обучась дома русской грамотѣ, вступали въ латинскія школы и, обучась тамъ лѣтъ десять и больше латинскаго языка, затруднительнаго и темнаго стихотворства, краснорѣчія и философіи, будучи уже въ возмужалыхъ лѣтахъ, вступали въ гражданскую службу канцеляристами, не поставляя то себѣ ни мало за стыдъ и подлость. Нынѣ достаточные дворяне содержатъ учителями иноземцевъ,—такъ что уже въ малороссійскихъ латинскихъ школахъ одни почти поповскія и другія церковническія дѣти учатся».

Эти-то польско-латинскія школы при монастыряхъ въ Малороссіи были разсадниками грамотности въ тѣхъ сельскихъ и приходскихъ школахъ, которыя оказываются во многихъ деревняхъ и нынѣшней харьковской губерніи, въ царствованіе Петра I и еще болѣе при Аннѣ Іоанновнѣ.

Авторъ «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи», преосвященный Филаретъ, у котораго были подъ рукой документы мѣстныхъ церковныхъ архивовъ, говоритъ (изд. 1852 г., ст. 14—15): «При обозрѣніи церквей мы видимъ, что въ Слободской Украйнѣ при многихъ церквахъ—въ 1732 году — были приходскія школы. По ставленническимъ дѣламъ видимъ, что здѣсь учились почти всѣ тѣ, которые послѣ исправляли должность причетниковъ при церквахъ, а потомъ иные поступали и въ священники. Понятно, что въ этихъ школахъ учили немногому—читать и писать. Ставленники, согласно съ духовнымъ регламентомъ, обязывались подпискою выучить катехизисъ. Но каковы были

священники въ приходахъ? Получивъ священный санъ, болѣе уже не заботились они знать догматовъ вѣры, и многіе не видали и въ рукахъ своихъ книжки послѣ священія своего.— Въ 1749 г. вмѣнено въ обязанность, дабы въ каждой протопопіи были проповѣдники для обученія народа истинамъ вѣры и благочестія, въ воскресные и праздничные дни. Но оказалось, что учительныхъ священниковъ, которые могли бы говорить проповѣди своего сочиненія, было мало; многіе изъ священниковъ были изъ неучившихся ничему, кромѣ часослова и псалтири».—Священникамъ поэтому разослали книгу о тайнахъ, съ объясненіемъ ихъ званія и обязанностей. Но въ 1752 году преосвященный Іосафъ Горленко нашелъ въ одномъ изъ уѣздовъ своей епархіи 10 такихъ священниковъ, которые «были до того грубы и нерадивы, что даже не прочли этой книжки», какъ не читали ничего на свѣтѣ...

Въ «Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи» перечисляются народно-церковныя школы начала XVIII вѣка въ слободско-украинской губерніи. — По переписи 1732 года упоминается: близъ Харькова, въ г. Куражѣ, «при соборѣ шпиталь, гдѣ призрѣваются нищіе, и двѣ школы, изъ которыхъ въ одной три наставника, а въ другой одинъ дьячокъ»; въ г. Харьковѣ, при троицкомъ храмѣ, «кромѣ богадѣльни, школа съ 7-ю наставниками-дьячками»; въ 15 верстахъ отъ Харькова, въ селѣ Деркачахъ, «школа и шпиталь, богадѣльня»; въ 30 верстахъ отъ Харькова, «въ селѣ Должикѣ школа, а въ селѣ Рогозянкѣ школа и шпиталь»; въ городѣ Валкахъ «школа и шпиталь»; въ селѣ Новой-Водолагѣ, въ томъ же 1732 г., показаны двѣ школы, на иждивеніи тамошнихъ жителей, съ 4-мя наставниками въ одной и съ однимъ въ другой; въ томъ же селѣ позднѣе заведено училище, въ которомъ «священническія дѣти обучаются латинскому языку до риторическаго класса, также ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, правописанію и катехизису, по способности». Вотъ всѣ остальныя школы того времени: въ селѣ Водолажкѣ двѣ школы; въ г. Ахтыркѣ 1 школа (она же значится и по ахтырскимъ купчимъ № 911); въ городѣ Сумахъ 5 школъ, изъ коихъ при церкви Троицкой школа съ 2 учителями и богадѣльня для мѣщанъ; въ селѣ Нижней-Сыроваткѣ 1 школа, гдѣ учителей, т. е. «школярей 7-мъ»; въ селѣ Бабрикѣ 1 школа (на 328 душъ муж. пола); въ селѣ Стецковкѣ 1 школа и «2 школяри-учителя»

(на 1124 души муж. пола); въ селѣ Хотѣнь 1 школа; въ селѣ Кровномъ 1 школа съ 4-мя дьячками; въ Бѣлопольѣ 1 школа съ двумя учителями и *братерскій* дворъ при соборѣ, а при Ильинской церкви еще 1 школа и 2 учителя; въ селѣ Ворожбѣ (Сумской) 1 школа съ 4 наставниками; въ дѣлахъ правленія 1754 г. есть просьба Даніила Чепиринцова, который пишетъ: «1741 г. имѣлъ я учительство Лебединскаго уѣзда въ селѣ Михайловкѣ, при церковной школѣ»; въ помѣщичьемъ имѣніи «подданныхъ подпрапорнаго Павла Штепенка», въ селѣ Штеповкѣ, упоминается 1 школа съ 3 наставниками; въ селѣ Балаклеѣ 1 школа и проч.

Въ 1732 году въ Слободской Украйнѣ, нынѣшней харьковской губерніи, было 45 приходскихъ школъ, гдѣ учителями были дьячки и священники. Слѣдовательно, одна школа приходилась на 3000 человѣкъ жителей.

Называя древнюю школу въ селѣ Боромлѣ, пр. Филаретъ говоритъ: при Боромлянскомъ храмѣ соборномъ, ахтырскаго уѣзда, существуетъ школа съ древнихъ временъ. Одинъ изъ уроженцевъ Боромли, сумской іеродіаконъ, Маркъ Мушенко, передъ посвященіемъ своимъ въ іеромонахи 1744 г., давалъ такое показаніе о себѣ: «по смерти отца своего остался онъ 5-ти лѣтъ и въ 1709 г. пошелъ въ училище, въ городѣ Боромлѣ, церкви Рождество Богородицы въ школу, къ бывшему въ то время дьячку Ивану Ивченку, своею волею».— Другой черкашенинъ (казакъ изъ-за Днѣпра), уроженецъ села Криничнаго, монахъ Сумскаго монастыря Дорофей, въ 1749 г. показывалъ: «отъ роду ему 30 лѣтъ; книжному чтенію и пѣнію обученъ онъ ахтырскаго (слободско-украинскаго) полку села Тростинца дьячкомъ Петромъ; а по изученіи русской грамоты *бывалъ онъ при церковныхъ школахъ дьячкомъ*». Эти два показанія очень важны, говоритъ пр. Филаретъ: они доказываютъ, что при церквахъ значительныхъ черкасскихъ (харьковскихъ) мѣстечекъ уже около 1700 года были школы и учителями школъ были дьячки. Отселѣ несомнѣнно, что выраженіе, такъ часто встрѣчающееся въ дѣлахъ о посвященіи дьяконовъ и священниковъ черкасскихъ стараго времени — «обученъ дьячкомъ», означаетъ то же, что «обученъ въ церковной школѣ». По справкѣ съ документами оказывается, что заведеніе школъ при церквахъ Слободской Украйны современно самому ея населенію,

и что это учрежденіе принесено черкассами изъ-за Днѣпра, *гдѣ унія вынудила рано приняться за книги*, чтобъ быть въ состояніи бороться съ проповѣдниками уніи—іезуитами.

Въ тѣхъ же документахъ говорится: «обученъ чтенію и пѣнію по разнымъ школамъ дьячками, а по изученіи былъ въ маетности (имѣніи) г. полковника въ селѣ Жукахъ дьячкомъ *по черкасскому обыкновенію, въ школѣ, 9 лѣтъ*.»— «Въ селѣ Капустянцѣ былъ (другой) при Воздвиженской церкви, по черкасскому обыкновенію, дьячкомъ, а онъ, Алексѣй, жительство имѣетъ въ селѣ Грункѣ (полтавской губерніи), при церкви святаго Михаила въ школѣ», — и еще выраженіе: «онъ, Іоанникій, по изученіи славянской грамоты, ходилъ по разнымъ мѣстамъ лѣтъ съ 27 въ дьячковскомъ званіи; русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ *мандрованнымъ дьякомъ*, Павломъ.» — Приводя свѣдѣніе о школѣ въ селѣ Кровномъ, пр. Филаретъ говоритъ: «Въ 1742 г. дьячокъ Иванъ Григорьевъ въ селѣ Кровномъ, поставлявшійся въ священники, на мѣсто отца своего, показывалъ: русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ, Иванъ, той же церкви дьячкомъ Василіемъ; а по изученіи русской грамоты отданъ былъ въ *харьковскія славено-латинскія школы* и трактовалъ до поэтики, подъ учителя Варлаама Тищинскаго, и изъ показанныхъ латинскихъ школъ опредѣленъ той же церкви дѣйствительнымъ дьячкомъ». — Упоминая школу въ селѣ Семеренкахъ, пр. Филаретъ говоритъ: «дьяконъ Яковъ Ивановъ, которому велѣно было непремѣнно выучить наизустъ катехизисъ и тогда черезъ годъ явиться къ посвященію въ священники, показывалъ о себѣ въ декабрѣ 1737 года: «родомъ онъ, Яковъ, малороссіянинъ; чтенію и пѣнію изученъ въ селѣ Семеренкахъ, въ школѣ, дьячкомъ: взятъ былъ по указу въ славено-латинскія школы и ученъ въ аналогіи и инфимѣ профессоромъ Петромъ Венсовичемъ, въ грамматикѣ Пелчинскимъ, въ синтаксисѣ и въ поэтикѣ Корабановичемъ, въ Харьковѣ, въ риторикѣ Тапольскимъ два года, и по окончаніи риторики данъ ему отпускной патентъ; въ ученіи былъ 7 лѣтъ».—Наконецъ, называя школу въ селѣ Балаклеѣ, зміевскаго уѣзда, пр. Филаретъ говоритъ: «послушникъ Святогорскаго монастыря, онъ Изюмскаго полка въ городѣ Балаклеѣ; отецъ его при школѣ Василій Жутовскій въ консисторіи показалъ о себѣ: родился Успенской церкви города Балаклеи, обучалъ *шко-*

ляровъ и крылосному пѣнію, и жилъ при отцѣ своемъ въ школахъ въ томъ городѣ *Балаклеѣ* до возрасту своего и училъ; а по смерти отца своего живалъ въ томъ же Изюмскомъ полку по разнымъ мѣстамъ—въ школахъ».

Такимъ образомъ, въ Слободскую Украйну наука перешла изъ-за Днѣпра, вмѣстѣ съ жителями, въ началѣ XVIII вѣка. Сперва она носила чисто латинско-польскій, схоластическій характеръ, какъ произведеніе религіозныхъ смутъ и уніи. Тогдашнія школы далеко еще не были школами для народа, т. е. для поселянъ-пахарей и мѣщанъ. Въ нихъ обучалось бѣдное и грубое сельское духовенство, изъ котораго вскорѣ вышли первые учители будущихъ народныхъ училищъ, возникшихъ при Екатеринѣ II, и даже учители помѣщичьихъ дѣтей, купцовъ и горожанъ. Украинскій дьякъ, такъ характерно обрисованный Квиткой-Основьяненкомъ въ его романѣ «Панъ - Халявскій», и бурсакъ, предокъ гоголевскаго Вія, были первыми сѣятелями науки на югѣ Россіи въ началѣ XVIII вѣка. Считаю полезнымъ, для обрисовки понятій того времени о наукѣ, привести въ точной копіи напечатанное въ газетѣ «Харьковъ» (1865 года № 1-й) *завѣщаніе моего пращура,* бывшаго Изюмскаго слободского полка андреевской сотни сотника, Данилы Данилевскаго. Это завѣщаніе писано послѣднимъ въ 1716 году, 24 декабря, засвидѣтельствовано въ бывшей тогда бѣлгородской конторѣ крѣпостныхъ дѣлъ въ 1719 г. и найдено мною, въ двухъ подлинныхъ копіяхъ, въ харьковскомъ архивѣ гражданской палаты, при одномъ тяжебномъ дѣлѣ прошлаго XVIII вѣка. Сотникъ Данило въ 1709 г. 31 іюля угощалъ у себя на хуторѣ, на Донцѣ, въ сотенной крѣпостцѣ *), царя Петра I, въ проѣздъ послѣдняго черезъ земли Изюмскаго полка къ полтавскому войску, передъ знаменитою баталіей съ Карломъ XII, а въ 1717 году былъ схваченъ, по ложному доносу Сербина-Чиркова, и увезенъ «въ-навечеріи Рождества Христова» въ Петербургъ, въ розыскную канцелярію кн. Юсупова, гдѣ и умеръ, оправданный, впрочемъ, за нѣсколько недѣль передъ своею смертью. Онъ тогда чуть не лишился всего своего громаднаго состоянія, пріобрѣтеннаго имъ по заимкѣ, по купчимъ и отъ царя Петра I въ подарокъ «за службу и за полонное его терпѣніе», — ложно обвиненный въ мнимой

*) До 1800 года Великое Село, а теперь лѣсная пустошь, купленная Д. Д. Кузнецовымъ, нынѣ принадлежащая Я. И. Гееру.

измѣнѣ.—Онъ былъ Подолянинъ, выходецъ изъ заднѣпровской Украйны, и, какъ православный, на берегахъ Донца явился въ числѣ первыхъ осадчихъ или населителей земель Слободской Украйны, вмѣстѣ съ Донцами-Захаржевскими, Квитками, Шидловскими, Савичами и другими. Объ этомъ сотникѣ Данилѣ Данилевскомъ и о его сынѣ Евстафіѣ, потомъ извѣстномъ полковникѣ Изюмскаго полка, во времена царицы Анны Іоанновны осталось въ фамильныхъ бумагахъ гг. Данилевскихъ множество сказаній и официальныхъ документовъ. Приводимое здѣсь завѣщаніе писано Данилою Данилевскимъ наскоро, передъ глазами присланнаго за нимъ грознаго «юсуповскаго посла», и обращено къ полковнику Михайлѣ Донецъ-Захаржевскому, который, какъ оказывается изъ этого завѣщанія и изъ другихъ бумагъ, теперь находящихся въ моихъ рукахъ, былъ зятемъ завѣщателя, будучи женатъ на его дочери, Варварѣ Даниловнѣ Данилевской. Данило Даниловичъ, всего за 25-ть лѣтъ передъ тѣмъ, съ своими вѣрными товарищами-казаками и подпомощниками бѣжалъ отъ «ляшской справы» изъ Подоліи, на берега новой своей родины, на Донцѣ, въ нынѣшній зміевскій уѣздъ, гдѣ его потомки до сихъ поръ владѣютъ его «купленнымъ, подареннымъ отъ царя и старозаимочнымъ, по его черкасской обыкности», наслѣдствомъ, селомъ Пришибомъ, съ хуторами, лѣсами, озерами, рыболовнями и степями. Вотъ это завѣщаніе, замѣчательное тѣмъ взглядомъ на науку, какой внесли на берега Донца тогдашніе украинскіе православные выходцы изъ Подоліи:

«Пане полковнику, милый мой зятю!

«Объявляю вашей милости, такожъ всему дому, кому о семъ надлежитъ, ѣдучи въ назначенный мой путь, въ Санктпетербургскій, жадая (1) по васъ не оставить моего куреня (2), въ случаяхъ, аки вся Богу возможно. То помнить надлежитъ всѣмъ моимъ дѣтямъ по Бозѣ и по Пресвятой Богородицѣ; и нынѣ сродниковъ и родниковъ въ упеку всѣхъ вручаю полковникови Михаилу Захаржевскому, абы, прозираючи по годности дѣтей моихъ, что-бъ кому вдѣлить, по реестру моей кровавой працы (3), что нынѣ остается, якъ въ домѣ моемъ, такожъ и въ разныхъ маетностяхъ (4) и хуторахъ, такожъ въ мельницахъ. Первое, что ни есть въ скрынѣ (5) моей въ погребѣ запечатанныхъ денегъ, то все полковникови и все въ его разсмотрѣніе, серебро, такожъ

иконы и сукманы (6). Нынѣ осталось по отъѣздѣ моемъ сто осьмдесятъ кухвъ (7) горѣлки; ту горѣлку попродавъ, роздать по монастырямъ и по церквамъ и убогихъ, за душу. Что нынѣшней зимы нароблятъ (8), то продавши, въ монастырѣ Зміевскомъ зробить каменную трапезу. Женѣ моей Аннѣ, зъ моей працы, строить обѣды, а въ домѣ моемъ жить ей до смерти и всѣмъ господарствовать, что ни есть на Андреевцѣ, мельницами, гутою (9), пасикою, винницею (10), маетностями и бидломъ (11). Что есть же на Балаклейкахъ (12) и въ Курбатовѣ, такожъ балаклейскими млинами; что надлежитъ Евстафію—по смерти моей, женѣ Аннѣ; да мельница купенская и левковская—два кола (13) Аннѣ; а въ возвратъ Евстафію купенская и левковская мельницы до смерти особо владѣть ей. А по смерти жены моей та купенская мельница внукови между Михайлови Захаржевскому (14); а левковскіе кола два Ташкѣ внуци (15). Зміевской грунтъ, если суденъ (16) будетъ Максимъ, сильно есть ему; если-жъ такъ, какъ нынѣ не вчится (17), то только едну мельницу ему, которая отъ Лиману; такожъ тогда и ольшанскій грунтъ, что есть нашева и что въ городѣ заводовъ нашихъ; а мельница полковникови Зміевская.—Печенѣжскій грунтъ Иванови, со всѣмъ бидломъ, и оба Бурлучки (18). Грицькови мужикови, простому валянцѣ (19), тысяча рублей, что въ ярми бывшаго ралечнаго (20). А что остался Прокопъ триста рублей виноватъ съ давнихъ долговъ, тими церковную работу въ Андреевцѣ сдѣлать. А что есть гдѣ долговъ въ записной книгѣ, и то доправивши чинить по разсмотрѣнію. Дѣтямъ моимъ сынамъ зъ грошей ничего не дать. За нихъ много грошей страчено, а иные и сами не стоятъ, за то, что не вчились (21). Нехай нынѣ за то страждутъ, въ юности не хотяще труждатися. А когда пожените, то въ томъ по своему разсмотрѣнію зробите, кому что дасте, памятуючи на смерть. Затѣмъ, вамъ предложивши зичливо (22) всего добра и вручая Господеви моему и Пресвятой Богородицѣ и всѣмъ святымъ, вашъ родичъ, зичливый на послушаніе — Данило Данилевскій. — Зміевскаго хутора въ навечеріи Рождества 1717 г.»

---

(1) Желая.—(2) Домъ.—(3) Трудъ.—(4) Движимое имѣніе.—(5) Сундукъ.—(6) Суконныя платья.—(7) Бочка.

(8) Сдѣлаютъ.—(9) Стекляный заводъ.—(10) Винокурня.—(11) Скотъ.—(12) Рѣки, впадающія и теперь въ Донецъ.—(13) Колеса.—(14) Сынъ

Найдя въ приведенномъ выше документѣ у пр. Филарета выраженіе «мандрованный дьякъ», я обратился въ 1865 г. къ старожилу г. Харькова, Т. И. Селиванову, съ просьбой объяснить, что это значитъ?

— Очень хорошо знаю и понимаю, что это такое было,— отвѣтилъ г. Селивановъ: — дьячки въ старину нанимались, по добровольнымъ сдѣлкамъ съ прихожанами, къ церквамъ для пѣнія, чтенія и для ученія въ церковныхъ школахъ. Учитель-дьякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дьяка, обыкновенно говорилъ ему такую поговорку: «Какъ станешь самъ учителемъ, *учи такъ, чтобъ не отбилъ школы!*» т.-е. не открывай своему ученику *всего,* чтобъ ученикъ у тебя не отбилъ въ приходѣ школы и не сѣлъ бы на твое мѣсто. Вотъ этого-то *всего,* всей сути школьнаго познанія и добивались узнать разными хитростями у своихъ учителей поступающіе въ школы дьячки... Для этого-то, между прочимъ, они переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ, «мандровали» — по-украински. Бродячій или *мандрованный дьякъ* являлся въ сельскую школу, притворялся ничего незнающимъ, узнавалъ часть нужныхъ свѣдѣній у одного учителя-дьяка, часть у другого, шелъ дальше и вскорѣ становился самъ знающимъ все, перехитривши своихъ учителей, изъ которыхъ каждый, между тѣмъ, выросъ на пресловутой поговоркѣ: учи такъ, чтобъ не отбилъ школы...

— Въ чемъ же состояло это могучее всезнаніе тогдашнихъ церковныхъ школъ?

— Я самъ учился въ семинаріи,—отвѣтилъ Т. И. Селивановъ: — лѣтъ за 60 передъ этимъ. А у насъ были свои старожилы по 60 и 80 лѣтъ. Отъ нихъ-то мы и узнали о былыхъ временахъ. Вотъ въ чемъ было знаніе мандрованныхъ дьяковъ. Первыя свѣдѣнія вездѣ въ сельскихъ школахъ, въ прошломъ вѣкѣ, состояли въ чтеніи псалтыря. Потомъ шло обученіе пѣнію 8 гласовъ: на «Господа воз-

---

того полковника Михаила, кому писано завѣщаніе.—(15) Внукѣ Татьянѣ Захаржевской.—(16) Разсудителенъ.—(17) Не учится.—(18) Два огромныхъ имѣнія, Великій и Малый Бурлукъ, принадлежавшіе въ 1716 г. Д. Д. Данилевскому, послѣ частью перешли въ руки гг. Задонскихъ.—(19) Сынъ сотника Григорій былъ, какъ видно, своему отцу непріятнѣе еще Максима; Максимъ только былъ не суденъ, а этого отецъ зоветъ и мужикомъ, и валянцей, т.-е. пьяницей; имѣніе ему не дано.—(20) Въ долгу у бывшаго «заречнаго» казначея.—(21) Не учились.—(22) Отмѣнно.

звахъ къ тебѣ!»—потомъ 8 гласовъ на «Бо Господи явися намъ»; затѣмъ на ирмосы 8 гласовъ. Но были еще на тѣ же псалмы и ирмосы пѣніе самогласное, т.-е. на свой собственный голосъ, своего сочиненія, и подобное, т.-е. двойныя слова, двойной текстъ на одинъ мотивъ или голосъ. Въ тотъ отдаленный вѣкъ только и можно было щегольнуть, что этими мудростями пѣнія. Оттого-то и были у насъ тогда мандрованные дьяки, учившіеся ирмосамъ въ Водолагѣ у одного учителя, а самогласному пѣнію въ Боромлѣ, или подобному въ Балаклеѣ. И не одни дьяки знали такія премудрости. Крестьяне тонули въ невѣжествѣ; зато нѣкоторые купцы знали всѣ эти тонкости и на домашнихъ бесѣдахъ и пирушкахъ распѣвали псалмы самогласные и подобные. Еще въ мое отрочество славились въ Харьковѣ екатерининцы-купцы такого рода: А. Д. Скрынникъ, И. Т. Ващенко и И. Г. Рѣшитько. Такъ что о такихъ людяхъ говорили въ городѣ: «они училися у мандрованныхъ дьяковъ, да и сами, кажется, изъ мандрованныхъ», т.-е. разумнѣйшихъ.

Вскорѣ ученость дьяковъ въ губерніи вошла въ извѣстность. Ихъ и семинаристовъ стали брать «*на кондиціи*», т.-е. къ дѣтямъ своимъ въ домашніе учителя, — богатые помѣщики. Гоголь въ повѣсти «Вій» приводитъ вѣрное изображеніе этихъ бурсаковъ, отправлявшихся на кондиціи изъ городовъ по деревнямъ. «Самое торжественное для семинаріи событіе было вакаціи. Тогда всю большую дорогу усѣявали грамматики, философы и богословы. Послѣдніе отправлялись на кондиціи, т.-е. брались учить или приготовлять дѣтей людей зажиточныхъ и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и сюртукъ. Каждый тащилъ съ собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучъ. Завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ дороги и, приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ, становились передъ окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ. Хозяинъ долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ: «жинко! то, что̀ поютъ школяры, должно быть, очень разумное; вынести имъ сала и чего-нибудь такого, что̀ у насъ есть!» Такъ поступали полтора вѣка назадъ безсмертные: богословъ Халява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій Горобецъ у Гоголя.

Я спросилъ Т. И. Селиванова, не помнитъ ли онъ, какъ

въ старину приглашались такіе семинаристы на кондиціи?

— Какъ не знать! Обыкновенно зажиточный какой-нибудь харьковскій помѣщикъ писалъ къ архіерею или къ ректору семинаріи такое письмо съ дворецкимъ своимъ: «ваше преосвященство, мнѣ нуженъ учитель учить дѣтей грамматикѣ, риторикѣ, поэзіи; жалованье ему десять или пятнадцать рублей въ годъ и одежда». Архіерей выберетъ семинариста и послѣдній, съ одною книгою «Письмовникомъ Курганова», этою полнѣйшею энциклопедіею того времени, ѣдетъ учить, и имъ очень довольны. Бывали съ этими бѣдняками-учителями грустныя исторіи. Такъ, помѣщикъ сумскаго уѣзда, Хрущовъ, въ концѣ прошлаго XVIII вѣка, обратился къ архіерею Аггею съ просьбой объ учителѣ, прибавляя, чтобъ выслалъ такого, «который училъ бы дѣтей говорить *по-русски*, а не по-малороссійски». «Мы, прибавилъ при этомъ Т. И. Селивановъ, застали уже въ 1807 г. въ училищахъ самого Харькова учителей, что такъ и рѣзали по-украински съ учениками; да мы, т.-е. новоприбывшіе изъ семинарій учителя, по распоряженію начальства, сломили ихъ и пріучили говорить *по-русски*». Въ статьѣ В. И. Каразина: «Взглядъ на украинскую старину» мы нашли очень характерную замѣтку, по части украинскаго языка и его судебъ въ украинскихъ школахъ прошлаго вѣка: «города наши *прежде* заселились великороссіянами, преимущественно торговыми людьми; школы *прежде* ввели русскій языкъ (Молодикъ, 1843 г.). «Вотъ и поѣхалъ къ Хрущову на кондицію, изъ духовнаго народнаго училища, семинаристъ Павловскій,—продолжалъ Селивановъ:—пріѣхалъ къ помѣщику учить его дѣтей. Дѣти выросли, оставили науку; Павловскій такъ сжился съ хозяевами, что сталъ учить его крестьянскихъ дѣтей. Пока былъ онъ учителемъ въ домѣ Хрущова, онъ съ хозяиномъ и обѣдалъ, а тутъ уже перевели его въ людскую. Прошло еще нѣсколько лѣтъ; сталъ онъ отъ скуки и конторой заниматься, а тутъ его уже почти и приказчикомъ дѣлаютъ. Потяготился онъ, сталъ проситься изъ деревни.—«Ты что?—спрашиваетъ его Хрущовъ:—не слушаться? *ты вѣдь мой!*»—Одѣли Павловскаго по-мужицки, заставляютъ уже и жениться на крестьянкѣ.—«Нѣтъ, этого не будетъ!»—«Нѣтъ, будетъ!»—«Да почему же я вашъ?»—«*А потому, что я тебя, братецъ*,—говоритъ Хрущовъ:—*записалъ въ шутку за собою по ревизіи крестьяниномъ*

своимъ крѣпостнымъ». Словомъ, свободный учитель изъ семинаристовъ, Павловскій, сталъ нежданно мужикомъ барина Хрущова. Заплакалъ онъ, сталъ тосковать; гонятъ его уже и на панщину, на работу. Искать, жаловаться? но кому? попалъ въ ревизію, и баста. Къ счастію его, явился по сосѣдству, за сборомъ, іеромонахъ изъ того же училища, гдѣ былъ когда-то и Павловскій. Разговорились. Павловскій умолилъ его навести справки, отыскали въ архивѣ семинаріи ордеръ архіерея объ отсылкѣ Павловскаго въ учителя и вызволили его, съ выговоромъ Хрущову: что-де онъ могъ записывать за собою крестьянъ переходныхъ, но не свободныхъ учителей. Этотъ Павловскій, бывшій на своемъ вѣку черезъ учительство въ крестьянахъ, жилъ 80 лѣтъ и умеръ въ 1848 году. По его словамъ, не онъ одинъ попадалъ въ крестьяне въ то время. Нѣкоторые такъ и не освободились и остались крѣпостными за помѣщиками, у которыхъ учили дѣтей или были послѣ приказчиками...

Т. И. Селивановъ передалъ мнѣ еще слѣдующій очеркъ учителя того времени.

«Былъ нѣкто дворянинъ Ѳедоръ Ивановичъ Кудрицкій. Учился онъ въ харьковскомъ коллегіумѣ и зналъ, хоть плоховато, французскій языкъ. Онъ поѣхалъ на кондиціи къ купянскому помѣщику Сошальскому. Сошальскіе тогда были «громкіе», а Кудрицкій былъ бойкій изъ бойкихъ. Бурсаки тогда еще «мірковали», т.-е. побирались подъ окнами, распѣвая канты. У Кудрицкаго всего имущества была вязаночка книгъ, да войлочекъ и подушка. Разсказываютъ, что когда онъ пріѣхалъ и легъ въ пуховую постель, приготовленную ему бѣлыми ручками изъ бѣлоснѣжныхъ простынь г-жею Сошальскою, такъ съ него снялся цѣликомъ отпечатокъ на бѣльѣ, точно чернилами... Барыня и вся семья сбѣжались въ ужасѣ, узнали, что у учителя, кромѣ халатика, нѣтъ никакого бѣлья, сшили ему рубаху, чунарку и прочее, — онъ сталъ учить хозяйскихъ дѣтей, и они, какъ передаютъ, послѣ недурно говорили по-французски».

Въ «Исторіи Руссовъ», т.-е. Малороссіи, Георгія Конискаго, приводится слѣдующая черта о школахъ, или скорѣе украинскихъ школьникахъ конца XVIII вѣка. «Царствованіе Петра III, продолжавшееся только половину года, отличалось воинскими ополченіями, экзерциціями и приготовле-

ніями къ нимъ. Столица его и окрестности ея наполнились звукомъ оружія. Въ Малороссію посланы отъ сего государя зазывы, самые лестные для молодыхъ людей, приглашающіе въ военную службу голштинскую. Юношество здѣшнее всѣхъ состояній и воспитаній, какъ бы волшебною силою, возмутилось и поднялось птичьимъ полетомъ на сѣверъ. Всѣ дороги были наполнены сими голштинцами. Одѣтые изъ нихъ въ гонкое шелковое платье, т.-е. панычи, текли вмѣстѣ съ ободранными и полунагими молодцами и равнялись съ ними гарусными галстучками, надѣтыми на подобіе обрончиковъ (ошейниковъ) на ихъ шеи. Студенты и ученики училищъ приняли на себя военные обрончики и тянулись вслѣдъ за первыми вербовщиками.—Но, какъ все скорое и порывистое имѣетъ и такой же конецъ, такъ и они, съ іюня мѣсяца 1762 года, по кончинѣ государя, бывъ уничтожены и распущены во-свояси, волоклись всѣми дорогами въ Малороссію и, подходя къ своимъ жилищамъ, прятались въ лѣсахъ и байракахъ до ночи, не показываясь отъ стыда своимъ знакомымъ». Этотъ школьный погромъ помнятъ еще многіе и въ здѣшней губерніи изъ разсказовъ старожиловъ.

Европейскія смуты въ концѣ XVIII вѣка снабдили Россію учителями изъ эмигрантовъ всѣхъ націй. Такъ и Слободская Украйна увидѣла многихъ изъ этихъ почтенныхъ лицъ, родомъ нѣмцевъ, венгровъ, чеховъ, французовъ, итальянцевъ и даже швейцарцевъ. Старожилы помнятъ южно-русскихъ учителей гг. Санбёфа, Ивана Вернета (этотъ швейцарецъ былъ потомъ любимымъ харьковскимъ журналистомъ) и многихъ изъ первыхъ харьковскихъ профессоровъ, о которыхъ, по отношенію ихъ къ тогдашнимъ народнымъ школамъ, скажется ниже. Но послѣдующіе гувернеры и сельскіе учители изъ иностранцевъ далеко не были тѣмъ, чѣмъ первые изъ иностранцевъ, явившихся въ концѣ XVIII вѣка просвѣщать южныя степи и то изъ ея сословій, которое тогда только и училось, рядомъ съ духовенствомъ, т.-е. дворянскихъ дѣтей.

Вотъ замѣчательное «*условіе помѣщика съ учителемъ*» за 63 года назадъ, которое можетъ легко обрисовать положеніе тогдашнихъ первостепенныхъ сельскихъ учителей, т.-е. иностранцевъ. Какъ же смотрѣли тогда на учителей изъ русскихъ! Выписываю это условіе, слово въ слово; оно озаглавлено въ «Молодикѣ» 1843 г. съ «черноваго, пи-

саннаго рукою г-на помѣщика»: «1806 года, октября 7 дня, я ниже подъписавшейся Прусской нацие Фридрихъ Лотъ обовязалъ ся сымъ контрактомъ отвступленія моего вдолжность жить годъ вдоме Харьковскаго уезда у г. помещика подполковника К. обучать зимніе мѣсяци дѣтей ево нѣмецкому язику граматическимъ правиламъ читать и писать и нижнихъ классовъ арифметики и за синомъ ево К. иметь неусипное смотреніе за поведеніемъ ево и доставлять всякое ему благонъравие, какъ воспитанию благородному дитяти принадлежитъ безъ малѣйшаго упущенія *весть себя всегда трезво* и добропорядочно, какъ честному человеку принадлежитъ быть для хорошово примеру, впротивномъ же случае за несмотрение мое или пянство и худыя поступки повиненъ я Лотъ отвечать по законамъ; *и по прохожденее зъмнихъ месяцей*, мне Лоту за ево синомъ уже болѣя не смотреть и дѣтей не учить, *а вступить мнъ вдолжность садовничию* и старатца здѣлать два аглицкия сада завестъ теплици цветники и парники крытия алей ранжирею и огородни порасаживать деревья и делать прививки колеровки и отводи самимъ искуснимъ образомъ по сей должности старапа не леностью делать приобретенія разныя размноженію фруктовыхъ деревьевъ, дабы неусыпнымъ рачениемъ моимъ и трудами заслужить могъ себѣ похвалу и награжденіе; мнѣ Лоту получить вгодъ отъ ево К. пшеницы пять и ржи 4, крупъ одну, пшена одну, гороху одну, овса двѣ четверти, всего четирнадцать четвертей, масла коровьево пудъ, масла постново ведро, сала свинова 2 пуда, соли 2 пуда, свѣчнова сала топленова пудъ, уксусу ведро, *наливки 2 ведра горячево вина 3 ведра*, солонины 4 пуда, вичины пудъ, свѣжаго мяса 6 пудъ и пристойное число крошева и свекли квашеной и годового жалованья 120 рублей. Буде же я хотя окажуся въ сихъ должностяхъ незнающъ и нерачителенъ, то вольно ему меня отпустить, заплатя за тотъ терменъ мнѣ жалованье, что я проживу въ ево, и всю провизію и прочее все то, что я заслужу».

Пока высшее сословіе въ губерніи, записывая въ шутку своихъ учителей въ крѣпостные, само еще не въ шутку смѣшивало званіе ихъ съ званіемъ садовника и не думало о просвѣщеніи своихъ и окрестныхъ простолюдиновъ, правительство приняло рядъ мѣръ, давшихъ образованіе пока духовенству и горожанамъ губерніи.

Въ рукописной замѣткѣ г. Кеппена, находящейся въ архивѣ харьковскаго университета, подъ названіемъ «*Училища въ Харьковѣ*», я нашелъ нѣкоторыя данныя касательно возникновенія народныхъ школъ въ краѣ. «Первоначальное заведеніе публичныхъ школъ въ Харьковѣ, кажется, говоритъ г. Кеппенъ, должно отнесть къ 1726 г., когда Епифаній, епископъ бѣлогородскій и обоянскій, перевелъ туда, основанное имъ въ 1722 г. въ Бѣлгородѣ, училище. Заведеніе сіе, обязанное существованіемъ духовному регламенту 1721 года и грамотѣ, дарованной императрицею Анною Іоанновною 16 марта 1731 года, именуется славено-греко-латинскою школою. Къ нему была приписана покровская церковь, почему и названо харьковскимъ училищемъ покровскимъ монастыремъ, съ тѣмъ, чтобы учить всякаго *народа* и *званія* дѣтей православныхъ не только піитикѣ, риторикѣ, но и философіи и богословіи, и языкамъ славено-греческому и латинскому. Князь М. М. Голицынъ, въ то время бывшій главнокомандующимъ на Украйнѣ, снабдилъ училище вотчинами (въ 50 верстахъ отъ Харькова, въ валковскомъ уѣздѣ, с. Песочки съ хуторами), а генералъ-маіоръ Шидловскій подарилъ училищу каменный домъ. Такимъ образомъ, положено было основаніе харьковскому духовному коллегіуму, въ которомъ архіепископъ Петръ Смѣличъ (съ 1736 года) ввелъ языки французскій и нѣмецкій, исторію, географію, вызвалъ изъ европейскихъ училищъ потребное число учителей. По отлученіи его отъ епархіи въ 1741 г., эти науки тамъ прекратились, но введены снова Екатериною II, по инструкціи 1765 года, данной сенатомъ слободскому губернатору. О послѣднемъ просили царицу сенаторы: Шаховской, Панинъ и Олсуфьевъ, въ докладѣ 1765 г., по комиссіи слободскихъ полковъ. Классы предоставлены вѣдѣнію губернскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы ученики коллегіума обучались въ нихъ безъ всякаго платежа. Сироты и неимущіе обучались на казенномъ содержаніи, проживая въ такъ-называемомъ сиропитательномъ домѣ (въ бурсѣ). Тутъ въ училищѣ обучались: языкамъ французскому и нѣмецкому, геометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, рисованію, музыкѣ, танцованію и пр.» Коллегіумъ, по словамъ статьи «Молодика» 1843 г., «воспиталъ многихъ государственныхъ мужей, архіереевъ, губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ,

ибо дворянство училось въ немъ совмѣстно съ духовенствомъ».

Въ *Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ»* и пр. 1788 г., приведена грамота императрицы Анны Іоанновны 1731 г. объ открытіи народной школы при харьковскомъ покровскомъ монастырѣ, гдѣ говорится: «Понеже дядя нашъ Петръ Великій особливое попеченіе имѣлъ о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ наукъ, въ 1721 году объявлено, чтобы каждый архіерей въ своихъ епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи; а нынѣ— Епифаній епископъ въ г. Харьковѣ основалъ школы каменныя и учредилъ игумена надъ школами ректоромъ, да еще префекта и учителей, а именно всѣхъ 8 человѣкъ, отчего-де не токмо священству, *но и отечеству россійскому* не малый плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны ненарушимо, дать нашу жалованную грамоту; такожде стараться, чтобъ науки вводить на собственномъ *россійскомъ языкѣ;* а неспокойныхъ и вражды творящихъ учителей и учениковъ унимать и смирять» и пр.

Въ «*Южномъ Сборникѣ*» (учено-литературный журналъ, изд. Н. Максимова, 1859 г., Одесса) напечатаны въ высшей степени любопытныя «воспоминанія профессора Роммеля о своемъ времени, Харьковѣ и харьковскомъ университетѣ» съ 1811 по 1815 г. въ переводѣ г. Я. Баляснаго съ подлинника, изданнаго въ 5-мъ томѣ извѣстнаго собранія Бюлау: «Geheime Geschichten und räthselhafte Märchen». Нельзя не пожалѣть, что наша литература представляетъ такъ мало подобныхъ мемуаровъ. Покойный Роммель († 1859 г.) приводитъ кучу анекдотовъ о профессорахъ, своихъ былыхъ товарищахъ, рисуетъ смѣло картину первыхъ насажденій науки въ краѣ. Въ Харьковѣ, между прочимъ, до того тогда грязномъ, что профессора были вынуждены учредить для студентовъ «грязныя каникулы» feriae luti — въ 1811 году, въ отношеніи къ наукѣ, былъ еще совершенный хаосъ. «Все это» (устройство школъ), говоритъ Роммель, «было въ какомъ-то хаотическомъ состояніи, напоминавшемъ времена св. Винфрида и его уче-

никовъ, Штурма и Лулля. Отдѣльнымъ учрежденіемъ былъ *училищный* комитетъ, изъ шести ординарныхъ профессоровъ, по выбору; члены его отряжались для обозрѣнія гимназій и уѣздныхъ училищъ и, на время отсутствія, замѣнялись, при чтеніи лекцій, адъюнктами». Описывая научныя командировки профессоровъ, Роммель, при очеркѣ своей поѣздки въ Славянскъ, говоритъ (стр. 49): «Постоялыхъ дворовъ не существовало; ихъ замѣняло украинское гостепріимство; издержекъ на пищу почти не было; зато всякая починка повозки или саней требовала много веревокъ; поэтому, не задумываясь, ставили на порванныя веревки страшно высокіе счеты». Уѣздныя училища тогда едва возникали, причемъ украинскіе помѣщики, финансовые основатели университета, показали много патріотизма; дворянство взяло на себя содержаніе училищныхъ зданій, а священники первое недалекое преподаваніе». Дворянская молодежь, по словамъ Роммеля, «смотрѣла на занятія, какъ на ступень къ высшимъ чинамъ по службѣ; студенты, уже не молодые, изъ окрестныхъ дворянъ, поступившіе съ тѣмъ, чтобы выдержать особенный экзаменъ для повышенія въ чинахъ, были подчинены нелѣпой, почти военной дисциплинѣ». «Въ качествѣ члена училищнаго комитета, говоритъ Роммель, я открылъ два главные недостатка: нравственную порчу учениковъ, которые были въ постоянномъ заговорѣ противъ учителей, и чрезмѣрное самоуправство директоровъ гимназій, больше выслужившихся и полуграмотныхъ офицеровъ военной и даже морской службы». Дѣлая намеки на «обкрадываніе казны» даже членами университета, Роммель съ горечью рисуетъ физіономіи профессоровъ, этихъ членовъ тогдашняго училищнаго комитета. «Успенскій былъ русскій крючокъ; по должности синдика, онъ умѣлъ толковать указы вкривь и вкось... Всѣ эти господа отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ засѣданіяхъ, хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, не всегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутою, когда кто-нибудь изъ нихъ, въ пылу спора, увлекался открытымъ выраженіемъ своего мнѣнія. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: «въ протоколъ записать!» — «*довести до свѣдѣнія начальства!*» «Всегдашнею ихъ тактикою было: представить неосторожнаго вольнодумцемъ,

врагомъ порядка и правительства. И это они называли: служить вѣрою и правдою!» Отъ этого профессоръ Шадъ однажды въ совѣщаніи до того забылся, что сказалъ: «вы всѣ холопы!» На него впослѣдствіи былъ сдѣланъ доносъ; лекціи метафизики по Шеллингу выданы за атеизмъ. Его препроводили изъ Харькова до границы и онъ кончилъ несчастную жизнь въ Іенѣ, гдѣ Гёте и Шиллеръ приняли его и поручили вниманію русскаго посланника. Въ 1817 г. у него была мысль издать записки о всѣхъ пережитыхъ имъ на Руси несправедливостяхъ и скандалахъ, но *крайняя нищета* заставила его, незадолго до смерти, продать свою тайну.

Такимъ образомъ, хотя школы въ Слободской Украйнѣ были открыты еще въ началѣ XVIII-го вѣка, усиліями мѣстнаго духовенства, но въ нихъ приготовлялись только будущіе служители клиросовъ и алтарей. Грамотность черезъ нихъ въ народъ собственно не проникала, зато, готовя пѣвчихъ, понамарей, дьячковъ и дьяконовъ, эти петровскія школы въ то время въ этихъ лицахъ готовили будущихъ учителей. Народъ тогда искалъ въ наукѣ одного: узнанія немногихъ молитвъ, догматовъ вѣры и пѣнія церковныхъ кантовъ. Послѣдніе распѣвались даже на званыхъ частныхъ пирушкахъ. Спѣть кантъ значило тогда то же, что̀ теперь сыграть польку или вальсъ. Но если въ началѣ XVIII-го вѣка въ петровскихъ греко-славянскихъ школахъ преобладала стихія церковная, внѣшне-обрядовая, вліявшая на народъ, въ концѣ XVIII-го вѣка въ полу-латинскихъ и также полу-духовныхъ народныхъ нашихъ школахъ было также народнаго одно названіе. Мало утѣшительнаго принесъ этимъ школамъ и XIX вѣкъ. Тутъ сельскія школы подавлены чиновничьимъ вліяніемъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ.

Въ 1860—61 годахъ на югѣ Россіи закрыты школы военныхъ кантонистовъ, одна память о которыхъ до сихъ поръ составляетъ пугало въ дѣлѣ развитія грамотности въ средѣ народа. Эти школы теперь уже принадлежатъ исторіи, вслѣдствіе уничтоженія самихъ военныхъ поселеній; слѣдующія данныя о нихъ извлечены мною изъ мѣстныхъ архивовъ. Въ 1835 году состоялось постановленіе, дабы солдатскіе сыновья, при родственникахъ до 20-ти лѣтъ

оставляемые, отнюдь не проживали при нихъ долѣе сего возраста, подъ опасеніемъ штрафа. Въ весеннее время солдатскія дѣти (до 20-ти лѣтъ) *высылались* въ губернскіе города тѣхъ губерній, гдѣ они проживаютъ. Тутъ они поступали въ вѣдѣніе командировъ внутреннихъ гарнизоновъ, гдѣ сперва образовались въ выправкѣ и маршировкѣ, безъ оружія. Къ кантонистамъ причислились, по Своду Военныхъ Постановленій: «всѣ сыновья, прижитые военными нижними чинами не изъ дворянъ, во время нахожденія ихъ въ службѣ военной»; «сыновья, коими матери, при вступленіи мужей ихъ въ военную службу, остались *беременными*»; всѣ дѣти мужского пола, *незаконнорожденныя* солдатками, или *рекрутскими женами* при жизни мужей, и незаконнорожденныя отъ солдатскихъ *вдовъ*, отъ солдатскихъ *дѣвокъ* до брака и отъ дочерей *сихъ дѣвокъ* до брака же»; «*подкидыши* мужескаго пола къ нижнимъ военнымъ чинамъ или *служителямъ* регулярныхъ войскъ»; «сыновья кантонистовъ, поступившихъ въ межевое вѣдомство»; «сыновья солдатскихъ сыновей», и пр. (статьи 64, 65 и 66 кн. 1 гл. 1 Свода Военныхъ Пост.).—По окончаніи срока ученія въ кантонистскихъ батальонахъ и полубатальонахъ, «кантонисты, менѣе способные къ фронту, поступали наиболѣе въ писаря, а также цейхшреберы, цейхдинеры, фельдшера, цирюльники и аптекарскіе ученики, а затѣмъ, мало-способные по понятіямъ въ наукѣ — въ вагенмейстеры, надзиратели больныхъ и служители при церквахъ военнаго вѣдомства»; «выпускаемые же на службу опредѣлялись рядовыми»; а иныхъ «черезъ три года, не ранѣе, производили при этомъ въ унтеръ-офицеры» (статьи 161—168). — Въ архивѣ с. Андреевки мы видѣли старую книжку изданія 1826 года. Въ ней означено во множествѣ табелей: число стульевъ для учителей, табуретовъ для кантонистовъ, число бутылей для квасу, на нихъ воронокъ большихъ и среднихъ, и проч.; въ числѣ безсрочныхъ вещей поставлены: ведеръ 8, квашень 8, лоханей 12 и проч. до утиральниковъ, тюфяковъ, набитыхъ соломою, поставленныхъ также въ графу безсрочныхъ; тутъ же сказано, что въ классахъ учебнаго батальона столы должны быть длиною въ 5-ть аршинъ, шириною въ 1 аршинъ, высотою въ 1 аршинъ 8 вершковъ. Всѣ столы выкрашиваются черною краскою и въ каждомъ вдѣлывается 3 чернильницы. Столы сіи должны

стоять противъ оконъ по два вмѣстѣ, чтобы между стѣною и столами осталось еще мѣста на $1^1/_2$ аршина. Во время преподаванія наукъ ученики сидятъ спиною къ свѣту; въ каждомъ классѣ имѣется по одной доскѣ на каждые два стола; длина доски два аршина, ширина $1^1/_2$ аршина; каждая изъ 3 ножекъ стойки ея имѣетъ въ длину 3 аршина; сіи доски ставятся въ 2-хъ шагахъ отъ переднихъ столовъ и пр. Учебнымъ дивизіономъ завѣдывалъ *одинъ изъ штабсъ-ротмистровъ поселеннаго полка*, по назначенію полкового командира. Обученіе кантонистовъ состояло: въ военномъ ученьи, ученьи въ классахъ и ученьи въ мастерскихъ. Въ военномъ ученьи было: пѣшее и конное ученье, верховая ѣзда, рекрутская школа, эскадронное и полковое ученье, фехтованіе и фланкированіе. Для этого содержались казною лошади (до 139) и огромная прислуга, до 68-ми унтеръ-офицеровъ и вице-унтеръ-офицеровъ при дивизіонѣ. Въ классахъ преподавались: законъ божій, россійскій языкъ, ариѳметика, геометрія, судопроизводство, бухгалтерія, чтеніе воинскаго устава, рисованіе. Между прочимъ, здѣсь преподавалось и словосочиненіе, и составленіе бумагъ, употребительныхъ по службѣ. Верховая ѣзда, между тѣмъ, производилась ежедневно. Кантонисты встаютъ по-утру въ $5^1/_2$ часовъ; умывшись, они оправляютъ свои постели, одѣваются; по воскресеньямъ содержатъ караулы въ селеніяхъ и проч. Школы кантонистовъ, изобрѣтеніе прошлой нашей бюрократической жизни, стали плохо приниматься въ губерніи: неудачи въ нихъ вызвали карательныя мѣры, мѣстныхъ начальствъ.

Строгости къ кантонистамъ были неимовѣрны. Я видѣлъ кучу «штрафныхъ журналовъ» (рукописныхъ) въ андреевскомъ архивѣ зміевскаго уѣзда, по 1-й батареѣ кантонистовъ 1-й артиллерійской дивизіи. На каждомъ шагу вы встрѣчаете отмѣтки о розгахъ. Такъ въ журналѣ, съ 6-го ноября 1836 года по 19-е іюня 1844 года, кантонисты Касьянъ Каверзневъ и Кирилло Грешечникъ, «за неопрятность въ одеждѣ и неоднократныя приказанія отдавать честь гг. штабъ- и оберъ-офицерамъ» наказаны: первый 25-тью и второй 50-тью ударами розогъ. Помѣтку скрѣпилъ поручикъ г. М—въ, котораго подпись въ такихъ случаяхъ повторяется въ тетради, имѣющей 22 страницы, 122 раза: сперва на 14 страницахъ подъ каждымъ слу-

чаемъ сѣченія, а съ 14 по 22-ю только внизу страницы, въ видѣ скрѣпы. Г. М—въ въ томъ числѣ наказалъ кантониста Андрона Пимонова (мальчика отъ 14 до 18-ти лѣтъ) «за слабое смотрѣніе ввѣреннаго ему взвода», какъ говорится въ его отмѣткѣ, «по моему приказанію, 100 ударами розогъ». Кантонистъ Тарасъ Ѳедосѣенко, «за картежную игру, мая 16 1839 года, наказанъ 100 ударами розогъ»; какой-то кантонистъ Шивцовъ — 100 ударами просто «за шалость»; Егоръ Гнучій—30 ударами «за несвоевременное прибытіе въ школу»; Степанъ Гончаровъ «за неопрятность — 100 ударами». Полкниги занимаютъ отмѣтки неизвѣстной руки, вѣроятно, одного изъ солдатъ, такого рода: «по приказанію господина поручика М—ва, наказанъ фейерверкеръ Петръ Комисаренко за непорядки палками 25 ударами, въ 5-й разъ; палками 30 ударами Егоръ Ивановъ, въ 4-й разъ».

Несмотря на помѣтки ревизоровъ для *высшаго* начальства «о хорошемъ сбереженіи кантонистовъ и о здоровомъ видѣ ихъ», на инспекторскихъ смотрахъ, въ дѣлахъ архива, мы встрѣчаемъ другого свойства донесенія *низшихъ* ревизоровъ, такъ-сказать, въ ихъ домашней перепискѣ съ ближайшимъ начальствомъ. Такъ, въ предписаніи одному штабсъ-ротмистру говорится: при *постоянномъ* посѣщеніи моемъ столовой залы кантонистскаго дивизіона, я находилъ въ оной большую нечистоту и безпорядки, а именно: на стѣнахъ во многихъ мѣстахъ цвѣль, полы въ столовой до такой степени нечисты, что грязи на нихъ на цѣлый вершокъ; почему предлагаю вашему благородію приказать столы счистить *желѣзными* лопатками и вымыть, а кантонистамъ велѣть, входя, вступать сапогами въ (приготовленный) песокъ, а потомъ уже входить въ залу».

Чтобы какъ-нибудь обратить вниманіе высшаго начальства на школы кантонистовъ и увѣрить его, что онѣ представляютъ нѣчто въ родѣ художественно-гражданскихъ школъ, мѣстные ихъ командиры пускались на тысячи хитростей. О подобныхъ продѣлкахъ кантонистскихъ командировъ, иногда разгаданныхъ, но бо̀льшею частью удававшихся въ пользу ихъ изобрѣтателей, села бывшихъ военныхъ поселеній въ губерніи полны многими легендами. Вспомнимъ, что по уставу о кантонистахъ (см. «Инвалидъ», статьи по поводу полемики о чугуевскомъ военномъ учи-

лищѣ 1863 г.), штатъ ихъ былъ на 10,000 человѣкъ въ Россіи, а въ натурѣ ихъ оказалось 40,009 чел., почему ихъ и размѣщали по деревнямъ, собирая партіями для мастерскихъ, шагистики и проч.

Что же выходило изъ этихъ кантонистскихъ школъ въ губерніи? Ими наполнялись военно-поселенскія и армейскія канцеляріи. Писаря изъ кантонистовъ донынѣ славятся отличнымъ почеркомъ и полнѣйшею безграмотностью. Попадавшихъ въ полки кантонистовъ скоро производили въ унтеръ-офицеры, фельдфебеля и вахмистры. О послѣднихъ изъ кантонистовъ и теперь вздыхаютъ многіе бойкіе эскадронные и полковые командиры.

1865 г.

II.

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА.

(1722—1794 г.).

ГЛАВА I.

Значеніе Сковороды.—Слободская Украйна до конца прошлаго вѣка.—Харьковское намѣстничество.—Видъ сёлъ.—Харьковъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.—Коллегіумъ.—Записки Тимковскаго.—Остатки вольницы.

Въ старые годы Харьковъ имѣлъ нѣсколько значительно-распространенныхъ изданій. Въ первой четверти этого столѣтія въ немъ издавались журналы: *Украинскій Вѣстникъ* (Филомаѳитскаго и Гонорскаго), *Харьковскій Демокритъ* (Масловича), *Украинскій Журналъ* (Склабовскаго) и *Харьковскія Извѣстія*, газета политическая и литературная (Вербицкаго). Одновременно съ этими журналами и послѣ нихъ здѣсь издавался цѣлый рядъ альманаховъ и ученыхъ сборниковъ: *Записки филотехническаго общества* (Каразина), *Подарокъ городскимъ и сельскимъ жителямъ* (Вербицкаго), *Утренняя звѣзда*, *Украинскій альманахъ*, *Сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета*, *Труды общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ*, *Акты филотехническаго общества*, сборникъ *Запорожская старина* (Срезневскаго), *Снипъ* (Корсуна), *Южно-русскій сборникъ* (Метлинскаго) и богатый матеріалами альманахъ *Молодикъ* (Бецкаго) — теперь справочная книга для каждаго, работающаго надъ малорусскою былою жизнью. Харьковская литература имѣла въ то время большой успѣхъ, вполнѣ заслуженный. Всѣ названныя здѣсь изданія соста-

вляютъ теперь библіографическую рѣдкость. Но если въ настоящее время большинство украинскихъ писателей перенесло свою дѣятельность въ столичные журналы, не надо забывать, что долгое время почти всѣ столичные журналы относились къ провинціальной жизни свысока и мимоходомъ, питая къ ней полное безучастіе. Эту долю въ особенности испытала наша, такъ называемая, украинская старина, которой Кіевъ посвящалъ тоже когда-то и съ такимъ успѣхомъ свои сборники (Кіевлянинъ и др.), Черниговъ свой Черниговскій листокъ, а г. Бѣлозерскій почтенную «Основу».

Изъ первыхъ, по времени, харьковскихъ писателей слѣдуетъ назвать Григорія Сковороду.

Личность Сковороды мало извѣстна въ русской литературѣ. О немъ существуютъ до сихъ поръ отдѣльныя небольшія замѣтки въ давно-забытыхъ сборникахъ и журналахъ; но никто еще не посвящалъ ему труда, гдѣ бы собраны были и провѣрены возможно-полныя свѣдѣнія о жизни этого писателя. Сковорода, какъ Квитка и другіе родственные ему украинскіе писатели, Котляревскій и Нарѣжный, имѣетъ чисто-народное, туземное значеніе.

Желая, въ возможной полнотѣ и цѣлости, представить читателю характеристику Сковороды, о которомъ донынѣ въ рѣдкомъ уголкѣ его родины не вспоминаютъ съ сочувствіемъ, мы коснемся и самихъ трудовъ его.

Сковорода былъ человѣкъ самостоятельный, вольнолюбивый, съ большою стойкостью нравственныхъ убѣжденій, смѣлый въ обличеніи тогдашнихъ мѣстныхъ злоупотребленій. Несмотря на свой мистицизмъ и семинарскій, топорный и нерѣдко неясный слогъ, Сковорода умѣлъ, на практикѣ, въ своей чисто-стоической жизни, стать совершенно-понятнымъ и вполнѣ-народнымъ человѣкомъ во всей Украйнѣ тогдашняго времени. Его хвалители тогда восхищались и его духовными умствованіями, называя его степнымъ Ломоносовымъ. Если уже гоняться за литературными кличками, то съ дѣятельностью Сковороды скорѣе можно найти сходство въ дѣятельности питомца другой мистической школы, Новикова.

Новиковъ работалъ въ типографіяхъ, въ журналахъ, на ораторскихъ каѳедрахъ литературныхъ обществъ и въ из-

бранныхъ кружкахъ Москвы, уже обвѣянной тѣмъ, что̀ тогда выработали наука и общество на западѣ Европы. У него было состояніе, много сильныхъ и самостоятельныхъ друзей. Сковорода былъ голышъ и бѣднякъ, но дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Видя все безсмысліе окружающей его среды, откуда, дѣйствительно, выходили схоластики и тупицы, онъ самовольно отказался отъ чести кончить курсъ въ кіевскомъ духовномъ коллегіумѣ, обошелъ, съ палкой и съ сумой за плечами, нѣкоторыя страны Европы и, возвратясь на тихую и пустынную родину тѣмъ же голоднымъ и бездольнымъ бѣднякомъ, сталъ дѣйствовать въ полѣ, на сходкахъ—въ деревняхъ, у куреней отдѣльныхъ пасѣкъ, въ домахъ богатыхъ предразсудками всякаго рода тогдашнихъ помѣщиковъ, на городскихъ площадяхъ и въ бѣдныхъ избахъ поселянъ. Въ Сковородѣ олицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII столѣтія. Это общество, вслѣдъ за Сковородой (увидѣвшимъ, какъ его нравственно-сатирическія пѣсни стали достояніемъ народнымъ и распѣвались бродячими лириками и кобзарями), стало выходить изъ нравственнаго усыпленія. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украйнѣ, которое вскорѣ создало рядъ прочныхъ школъ, гимназій, университетъ и, наконецъ, вызвало къ жизни украинскую литературу.

Сковорода болѣе дѣйствовалъ въ Украйнѣ восточной, Слободской. Въ 1765 году, указомъ Императрицы Екатерины II, изъ вольныхъ Слободскихъ полковъ была учреждена *Слободская Украинская губернія*; ея губернскимъ городомъ назначенъ Харьковъ. Отдѣльные полковые города переименованы въ провинціальные. Въ каждой провинціи установлено, для гражданскаго управленія, по шести комиссарствъ; казачьи полки переформированы въ гусарскіе. На войсковыхъ обывателей наложенъ *подушный окладъ;* на пользующихся правомъ винокуренія по 95 коп., а на лишенныхъ его—по 85 коп. съ казенной души. Но вотъ пришелъ 1780 годъ. Слободско-украинская губернія переименована въ *Харьковское Намѣстничество,* которое 29 сентября въ томъ году и открыто. Страна, еще недавно почти дикая и малообитаемая, населялась и принимала, наконецъ, видъ благоустроеннаго общества. Пустынныя, но плодородныя земли новаго харьковскаго намѣстничества стали при-

влекать богатыхъ переселенцевъ съ юга и съ запада Россіи. Еще въ 1654 году въ его границахъ было не болѣе 80 тысячъ жителей мужского пола; въ 1782 году, по словамъ новѣйшаго изыскателя *), въ Слободской Украйнѣ было уже до 600 церквей, при которыхъ заводились въ иныхъ мѣстахъ приходскія школы, обучавшія дѣтей поселянъ и помѣщиковъ читать и писать. И въ то время, какъ осѣдлые переселенцы съ «тогобочной» заднѣпровской Украйны, убѣгая отъ притѣсненій поляковъ, заводились здѣсь хлопотливою, домашнею жизнію, вольными грунтами и пасѣчными угодьями, лѣсами и прудами съ пышными «сѣножатями», мельницами и винокурнями,—распадающееся Запорожье не переставало ихъ тревожить набѣгами отдѣльныхъ, отважныхъ шаекъ. Въ это время уважаемый нѣкогда запорожецъ, «рыцарь прадѣдовщины» считался уже многими наравнѣ съ татарами, являвшимися изрѣдка, изъ Ногайской стороны, выжигать новоразсаженные, по берегамъ Донца и Ворсклы, ольховыя пристѣны и сосновыя пустоши. Чугуевъ, гдѣ новѣйшія изысканія указываютъ слѣды печальной судьбы Остряницы, попавшаго сюда, по ихъ указаніямъ, около 1638 года, въ половинѣ XVIII столѣтія, уже обзаводился «садомъ большимъ регулярнымъ» и другимъ, «за оградой, садомъ *виноградным*ъ».

Въ «*Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ, съ древнихъ временъ, перемѣнахъ*» (Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической, съ указнаго дозволенія, 1788 года), мы нашли много интересныхъ подробностей о частной жизни Украйны того времени, о ея нравахъ, производительности жителей и земли, и о состояніи ея высшихъ сословій. Любопытно видѣть смѣшеніе разнородныхъ началъ въ этомъ юномъ, еще неутвердившемся обществѣ. Съ одной стороны, наружное благоденствіе жителей деревень и мѣстечекъ; съ другой — извращеніе властей и всякаго рода насильства частныхъ лицъ, богачей и дерзкихъ проходимцевъ, чему мы приведемъ примѣры изъ другихъ источниковъ того времени. Названная нами топографія края, подъ 1788 годомъ, говоритъ о домашнемъ бытѣ украинцевъ той поры: «Се есть характеръ, или начертаніе, домо-

*) См. Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, преосв. Филарета.

водства Южныхъ Россіянъ, отличающій ихъ отъ Сѣверныхъ. Селеніе Украинское, при разныхъ земли выгодахъ состоящее, отмѣнной кажетъ видъ. Здѣсь между пахотнымъ полемъ видно нѣсколько запущенныхъ и долговременно неоранныхъ облоговъ; въ самомъ селеніи на гумнахъ только посредственное количество хлѣба; притомъ хворостяныя повѣти, коморы и всякая городьба; малаго иждивенія стоющія ворота—съ перваго взгляда влагаютъ намъ, великороссіянамъ, догадку о скудости селенія и о небреженіи жильцовъ. Но съ другой стороны, покрытыя сѣномъ луговыя сѣножати и облоги оправдаютъ предъ всякимъ родъ ихъ хозяйства; *обремененныя пастбища великорослымъ и играющимъ скотомъ* нарощаютъ цѣну къ имуществу жилища. Кладовыя коморы, скотинные сараи и городьба, дѣланные изъ хворосту, доказываютъ, что они строятся для защиты только отъ воздушныхъ перемѣнъ и звѣрей, а крѣпкая и дорогая городьба была бы въ семъ дѣлѣ для хозяевъ убыточна».—«Липовые покои по сту лѣтъ слишкомъ пребываютъ невредимы, чисты, свѣтлы и здоровы».—«Духъ европейской людскости, отчужденной азіатской дикости, питаетъ внутреннія чувства какимъ-то услажденіемъ: духъ любочестія, превратясь въ наслѣдное качество жителей, предупреждаетъ рабскія низриновенія и поползновенія, послушенъ гласу властей самопреклонно, безъ рабства. Духъ *общаго соревнованія* препинаетъ стези *деспотизма и монополіи*».

Въ этихъ витіеватыхъ словахъ современнаго лѣтописца много истины. Описывая забавы и увеселенія старыхъ харьковцевъ, онъ говоритъ: «Самой скудной человѣкъ безъ скриницъ свадьбы не играетъ».—«Простой народъ употребляетъ горячее вино съ малолѣтства» *).—Половину праздничнаго дня просидятъ пятеро человѣкъ, пьючи между тѣмъ полъосьмухи вина; они пьютъ *медленно и малыми мѣрами, больше разговариваютъ*». Средоточіемъ образованія того времени былъ въ Слободской Украйнѣ харьковскій духовный коллегіумъ, единственный пріютъ науки, до открытія въ 1805 году харьковскаго университета. Въ названномъ нами «Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣст-

*) Что удивило русскаго, не составляетъ ничего вопіющаго для украинца. Здѣсь причина чисто медицинская. Вино на югѣ — единственно доступное и удобное средство для избавленія дѣтей отъ золотухи, лихорадокъ и другихъ болѣзней, убивающихъ дѣтей.

ничества» сохранились и о немъ любопытныя данныя. Авторъ прежде говоритъ: «Въ Харьковѣ считается нынѣ, въ 1778 г.,—партикулярныхъ домовъ 1532; въ нихъ жителей—купцовъ, мѣщанъ, цеховыхъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ, *иностранцевъ*, войсковыхъ казенныхъ обывателей, однодворцевъ, помѣщичьихъ подданныхъ черкасъ, помѣщичьихъ крестьянъ, *цыганъ и нищихъ*, мужеска полу 5338 душъ».—Далѣе: «Послѣ состоявшагося въ 1721 году Духовнаго регламента, Бѣлгородскій епископъ Епифаній Тихорскій основалъ въ 1722 году епархіальную семинарію въ Бѣлгородѣ, откуда въ 1727 году перевелъ училище въ Харьковъ **). Къ сему главною помощію и основаніемъ было патріотическое усердіе покойнаго генералъ-фельдмаршала, князя М. М. Голицына, бывшаго тогда главнокомандующимъ на Украйнѣ. — Потомъ училищный домъ наименованъ Харьковскимъ Покровскимъ училищнымъ монастыремъ».—Императрица Анна Іоанновна, въ 1731 году, даровала жалованную грамоту, гдѣ, «ревнуя дяди Петра Великаго намѣренію и опредѣленію, указала: учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не только піитикѣ, риторикѣ, но и философіи; и богословіи, славено-греческимъ и латинскимъ языки; такожде стараться, чтобъ такія науки вводить на собственномъ россійскомъ языкѣ». Въ заключеніе грамоты сказано: «Чего ради сею жалованною грамотою тотъ монастырь, *и въ немъ школы, и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ*». Вмѣстѣ съ этимъ повелѣно всѣ книги покойнаго митрополита муромскаго и рязанскаго, Стефана Яворскаго, передать на основаніе библіотеки харьковскаго училища. «Въ ней книгъ разныхъ языковъ, въ томъ 1788 г.», говоритъ авторъ, «болѣе 2000; но рукописей достопамятныхъ не имѣется, а только хранится собственноручная лѣтопись св. Димитрія Ростовскаго. Здѣсь же хранятся фамильныя бронзовыя медали, присланныя изъ Вѣны отъ князя Д. М. Голицына, для памяти, что покойный его родитель тому училищу основатель».—«Потомъ Бѣлгородскій архіепископъ *Петръ Смѣличъ* дополнилъ Харьковское училище классами

**) Подробная статья о коллегіумѣ напечатана въ «Молодикѣ» 1843 г., стр. 7—32 неизвѣстнаго автора, подъ именемъ: «Основаніе Харьковскаго Коллегіума нынѣшней Харьковской духовной Академіи». О харьковскомъ коллегіумѣ помѣщена также статья въ «Харьков. Губ. Вѣд.» за 1855 г.

французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи, архитектуры, исторіи и географіи, на что вызвалъ изъ европейскихъ училищъ учителей, выписавъ къ тѣмъ наукамъ потребныя книги и математическіе инструменты». — «Но, замѣчаетъ авторъ, по отлученіи его, 1741 года, отъ Бѣлгородской епархіи, классы французскаго языка, исторіи и математическихъ наукъ оставлены, а отъ инструментовъ только нѣкоторые поврежденные остатки до сихъ временъ дошли».—«Сіе оскудѣніе продолжалось до временъ Великія Екатерины».—Въ 1765 году снова къ наукамъ здѣсь прибавлены французскій и нѣмецкій языки, даже инженерство, артиллерія и геодезія, каѳедры которыхъ въ 1768 году, въ февралѣ, и открыты безплатно. Бѣднымъ же дозволено обучаться и остальнымъ наукамъ даромъ.—«Въ 1773 году прибавленъ классъ вокальной и инструментальной музыки».

Другія записки о малороссійскомъ обществѣ того времени представляютъ не менѣе любопытныя черты переходнаго состоянія страны, медленно оставлявшей казачество, запорожскую воинственность и преданія гетманщины для новыхъ обычаевъ и стремленій. Эти записки принадлежатъ бывшему директору Новгородъ-Сѣверской гимназіи, *Ильѣ Ѳедоровичу Тимковскому*, и напечатаны въ отрывкѣ, въ «Москвитянинѣ» (1852 года, № 17), подъ заглавіемъ: «*Мое опредѣленіе въ службу*». Авторъ представляетъ черты воспитанія дѣтей тогдашнихъ помѣщиковъ, для которыхъ еще не существовало ни гимназій, ни лицеевъ, ни университетовъ. Онъ говоритъ: «Первому чтенію церковно-славянской грамоты заучили меня въ селѣ Деньгахъ мать и, въ родѣ моего дядьки, служившій въ порученіяхъ изъ дѣдовскихъ людей, Андрей Кулидъ. Онъ носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя въ сурму изъ толстаго бодяка, и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ. Не безъ того, что ученье мое, утомясь на складахъ и титлахъ, бывало въ бѣгахъ, и меня привязывали длиннымъ ручникомъ къ столу». «По общему совѣту семействъ, насъ четверыхъ съ весны отдали учиться, за десять верстъ, въ Золотоношскій женскій монастырь. У монахини Варсонофіи мы составили родъ пансіона. Съ нею жила другая монахиня, Ипполита, племянница ея, тоже грамотная, цвѣтная блондинка. Та ходила за нами и учила насъ». Потомъ автора, когда онъ подросъ, отдаютъ къ сельскому

дьячку, осанистому пану Василію, съ длинною косою. Въ избѣ дьячка «столы составили родъ классовъ, на букварь, часословъ и псалтирь; послѣдніе два съ письмомъ. Писали начально разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ неслоистаго дерева, съ простроченными линейками, а пріученные уже писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ, для церковнаго пѣнія, что̀ производилось раза три въ недѣлю: зимою—въ комнатѣ дьячка, а по веснѣ — подъ навѣсомъ. Шумно было въ школѣ отъ крику 30 или 40 головъ, гдѣ каждый во весь голосъ читаетъ, иной и поетъ свое. Отцы за науку платили дьяку, по условію, натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы. Онъ приносилъ въ нее большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ своимъ обрядомъ снималъ платокъ себѣ, кашу разъѣдали школьники и разбивали горшокъ палками, на пустырѣ, издалека, въ мелкіе куски. Отецъ угощалъ дьячка. Къ праздникамъ онъ давалъ ученикамъ поздравительные вирши». Но вотъ еще одна перемѣна учителя. Ученіе у дьячка, описанное еще интереснѣе въ «Панѣ Халявскомъ» Квитки, становится уже недостаточнымъ. Авторъ воспоминаній изображаетъ это очень живописно. «Раннею весною явились на дворѣ двѣ голубыя *кирèи*. Онѣ позваны въ свѣтлицы. То были переяславскіе семинаристы, отпущенные, какъ издавна велось, на испрошеніе пособій, съ именемъ эпетиціи. Такіе ходоки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пу̀стынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни; инымъ эпетентамъ счастливилось, что одно село разомъ ихъ обогащало; иные пробирались даже на Запорожье. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадь и привозили запасы себѣ и братіи, привозили умъ и журналы, что̀ видѣть, слышать и узнать досталось. Пришельцы наши,—одинъ рослый, смуглый, остриженъ въ кружокъ; другой бѣлокурый, коренастый, съ косою, — поднесли отцу на расписанномъ листѣ *орацію*. Онъ поговорилъ съ ними, посмотрѣлъ у нихъ бумаги и почерки; задалъ имъ прочитать изъ книги и пропѣть «Блаженъ мужъ»: перваго принялъ моимъ наставникомъ, второго надѣлилъ чѣмъ-то».— «Къ праздникамъ для своихъ поздравленій учитель гото-

вилъ расписные листы съ особымъ мастерствомъ. Имѣя запасъ разныхъ узоровъ, наколотыхъ иглою, онъ набивалъ сквозь нихъ узоры на подложенную бумагу толченымъ углемъ, сквозь жидкое полотно, и по чернымъ отъ того точкамъ рисовалъ рашпилемъ, а по немъ отдѣлывалъ перомъ съ оттушевкою. Въ такія рамы онъ вписывалъ подносимыя своего сочиненія *ораціи* (9—10 стр.). Ученикъ скоро уже могъ щегольнуть ученостью и, на дворовой сходкѣ, на всеобщее удивленіе, неожиданно начать «по латинской Геллертовой грамматикѣ вычитывать и пророчить бабамъ всякій вздоръ, о чемъ хотѣли».

Если наука въ новомъ обществѣ туго принималась и приносила тощіе и скудные плоды — нравы и обычаи измѣнялись еще медленнѣе. Дѣти помѣщиковъ отъ дьячковъ переходили въ монастырскія школы и обратно; окончательно доучивали ихъ бродячіе эпетенты-семинаристы. Духовные высшіе коллегіумы, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, оставались для большинства высшаго общества чужды. Туда стекались обучаться только дѣти духовенства. И напрасно въ классахъ эпетентовъ раздавались особыя одобренія числомъ похвалъ на доскѣ, «laudes», изъ которыхъ за вины положена была такса учетовъ, такъ что въ зимніе мѣсяцы ученики выслуживали до 500 похвалъ, а въ привольные весенніе съѣзжали на десятокъ и менѣе. Напрасно и на дверяхъ самихъ семинарій, по словамъ Тимковскаго, изображались символы степеней тогдашней науки: на первой двери символъ грамматиковъ — нарисованный «мудрецъ съ долотомъ и молоткомъ, обтесывающій пень въ пригожаго подпоясаннаго ученика, съ книгами подъ рукой»; на второй двери—символъ піитовъ и риторовъ—«колодецъ съ воротомъ надъ нимъ о двухъ ушатахъ, изъ которыхъ одинъ опускается порожній, а другой выходитъ такъ полонъ воды, что она струями проливается», и на третьей двери—символъ философовъ и богослововъ — «большой размахнувшійся орелъ, далеко оставившій землю и парящій прямо противъ солнца». Грамматики тогдашніе были порядочными «пнями невѣдѣнія», піиты и риторы мало почерпали знаній изъ колодца черствой риторической науки, и философы далеко не походили на орловъ. Большинство народонаселенія оставалось въ полномъ невѣжествѣ. Поселяне работали и вели мирную жизнь, обуреваемую нерѣдко попойками отъ распространяв-

шагося болѣе и болѣе свободнаго винокуренія. Г. Маркевичъ, въ своей «Исторіи Малороссіи» (1842 г., т. 2, стр. 647), подъ 1761 годомъ, говоритъ: «Вскорѣ гетманъ (послѣдній гетманъ, графъ *К. Г. Разумовскій*) обнародовалъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что малороссіяне, *пренебрегая земледѣліемъ и скотоводствомъ*, вдаются въ *непомѣрное винокуреніе*, истребляютъ лѣса для винныхъ заводовъ, а нуждаются въ отопкѣ хатъ; покупаютъ дорого хлѣбъ и не богатѣютъ, а только пьютъ; во избѣжаніе этихъ безпорядковъ, онъ запретилъ винокуреніе всѣмъ, кромѣ помѣщиковъ и казаковъ, имѣющихъ грунты и лѣса». Отъ А. М. Лазаревскаго, владѣющаго спискомъ названнаго универсала, я получилъ слѣдующую выдержку изъ этого документа:

«Его ясновельможности собственными примѣчаніями усмотрѣно, что въ народѣ малороссійскомъ винокуреніе въ такое усиліе пришло, что отъ великаго до наименьшаго хозяина всѣ, безъ разбору чина и достоинства своего природнаго, равно винокуреніе во всемъ малороссійскомъ краю производятъ, такъ что почти тотъ токмо вина не куритъ, кто мѣста на винокурню не имѣетъ: отъ чего хлѣбу въ Малой Россіи рождающемуся столь великое повсягодное истребленіе бывае, что сія страна паче другихъ областей, въ случаѣ недороду, опасности голода подвержена быть должна».—Въ универсалѣ приводится нѣсколько частныхъ примѣровъ вредныхъ послѣдствій распространенія винокуренія, изъ которыхъ я выписываю два. «Полковникъ Лубенскій, Кулябка, донесъ ясновельможности, яко многіе казаки его полку, не имѣя собственнаго своего довольнаго хлѣба, покупаютъ оный по торгамъ дорогою цѣною и вино курятъ не для какой своей корысти, но ради одного пьянства, и лѣса свои вырубкою для винокуренія пустошатъ, такъ что и для отопленія въ хатахъ едва что остается. Да и неимѣющіе собственныхъ своихъ винокурень казаки, взимая у постороннихъ куфами и ведрами вино, вышенковуютъ убыточно и пьянствомъ истощеваютъ страну».

«Хмѣловскій сотникъ, Шкляровичъ, доноситъ ясновельможности, что казаки его сотни отъ винокуренія обнищали и къ службѣ казачьей несостоятельными учинились, ибо-де кои имѣли винокурни, тѣ прежде лѣса свои на винокуреніе пожгли, а послѣ у другихъ, своей братіи, покупая, или за вино вымѣнивая, тожъ учинили, и пристрастясь къ пьян-

ству и, разлѣнясь къ работамъ и не имѣя откуда себя снабдѣть лошадьми и амуницiею къ службѣ казачьей, принуждены, у можнѣйшихъ, своей братiи, занимая деньги, давать въ закладъ свои грунта и за невыкупъ на сроки вѣчно терять ихъ должны».

Вслѣдствiе развитiя винокуренiя въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, гетманъ Разумовскiй былъ принужденъ ограничить его строгими положенiями.

Любопытны также слѣдующiя строки г. Маркевича: «Около этого времени, 1763 года, появились въ Малороссiи *пикинерiя* и *вербунки* (вербованiя). Мельгуновъ ѣздилъ по Заднѣпровью и, описывая народъ полудикимъ, подалъ мысль вербовать. Явились вербовщики. Мельгуновъ останавливался въ шинкахъ, его шайка пѣла, плясала, пила до-нельзя, поила казаковъ и народъ; потомъ пьянымъ предлагала записаться на службу въ пикинеры, прибавляя, что пикинеры даже лучше, чѣмъ казаки, потому что начальства не боятся и шапки ни передъ кѣмъ не снимаютъ. Беднѣйшiе и «великiе опiяки» записывались съ радостью. Грамотные шинкари и церковники становились ротмистрами и поручиками. Но когда начали ихъ учить строевой службѣ, они, увидя бѣду, разбѣжались по запорожскимъ куренямъ и по хуторамъ новосербскимъ». Мелкое чиновничество грабило по мелочамъ и крупно простой народъ. Чиновничество покрупнѣе брало увѣсистыя взятки натурою и деньгами съ помѣщиковъ, на деревенской скукѣ поднимавшихъ безконечныя тяжбы другъ съ другомъ. Дворянство лѣнилось и давило чернь. Опекуны грабили опекаемыхъ. «Похожденiя Столбикова», Квитки, въ этомъ отношенiи не простой вымыселъ, а истинная лѣтопись, подтвержденiя которой разсыпаны во всѣхъ тогдашнихъ дѣлахъ. Кто изъ высшаго ошляхетченнаго чиновнаго и помѣщичьяго люда тогда не тягался съ сосѣдомъ, или не тянулъ дома горькой чаши,— представлялъ образецъ Ивана Никифоровича, проводившаго время съ утра до вечера на коврѣ, въ натурѣ, утучняемаго снадобьями домашней кухни и мучимаго однимъ только горемъ житейскимъ, изрѣдка икотою, или нежданно завистливымъ помысломъ о какомъ-нибудь дрянномъ ружьѣ или бекешѣ своего сосѣда, Ивана Ивановича. Напрасно и Екатерина II вводила новые мѣры и законы: въ краѣ наставленiя ея принимались медленно. Дворянству указано служить

въ войскѣ и въ мѣстахъ правосудія. Въ 1782 году, послѣ ревизской переписи 1764 года, произведена новая народная перепись; тогда же учреждены малороссійскія губерніи. Изъ полковъ, назначенныхъ въ составъ губерній, войсковые чины бывшихъ правленій созваны въ губернскіе города. Самыхъ дѣловыхъ и достаточныхъ изъ нихъ положено тотчасъ опредѣлить на мѣста. Любопытно разсказываетъ объ этомъ роковомъ времени Тимковскій (13 стр.): «Переяславскій вельможный полковникъ, Иваненко, поступилъ предсѣдателемъ палаты. Оболенскій, владѣлецъ семи тысячъ душъ, сталъ совѣстнымъ судьею. Замѣтимъ, что онъ боялся льдовъ на рѣкахъ, и зимою, подъѣхавъ къ Днѣпру, выходилъ изъ кареты и переѣзжалъ длиннымъ цугомъ по льду, *въ лодкѣ*». Въ разсказѣ Тимковскаго появляется и образъ его отца— олицетвореніе тогдашняго времени: «Малороссіи, скидающей кунтушъ и красные сапоги, для вицмундира и канцелярскаго зеленаго стола». — «Тогда и отецъ мой, — говоритъ онъ,—отправясь въ Кіевъ, возвратился избранный засѣдателемъ уѣзднаго суда, въ Золотоношу. Онъ явился въ другой перемѣнѣ. Поѣхалъ въ черкескѣ, съ подбритымъ чубомъ, шапкою и саблею; пріѣхалъ въ сюртукѣ и въ камзолѣ, съ запущенною косою, мундиромъ, шляпою и шпагой.— «То-таки бувало выйде», говорили межъ собой люди: «або на коня сяде, уже панъ, якъ панъ; а теперь—*або-що: німецъ не німецъ, а такъ собі підщипанный!*»—И я помню, помню эту крѣпкую, вольную героическую фигуру, въ черкескѣ, съ турецкой саблей по персидскому поясу, на зломъ конѣ, какихъ онъ до страсти любилъ... — Было слово и о моемъ благородствѣ: не переодѣть ли и меня? Отецъ разсудилъ оставить года на два въ черкескѣ, стриженнымъ въ кружокъ». Новые носители камзоловъ и косъ служили плохо. Богатые только числились на службѣ и сидѣли по деревнямъ. Бѣдняки лѣзли плечомъ впередъ, протирая на засаленныхъ столахъ локти и совѣсть, ябедничали, кривили душой и грабили. Имя комиссара равнялось имени разбойника. Благотворный свѣтъ просвѣщенія и правосудія едва проникалъ въ далекій, глухой, непочатый край. Судъ и расправа были оцѣнены и продавались всякимъ щедрымъ даятелямъ. Этимъ пользовались охотники до всякой сумятицы и своеволія. Паденіе Запорожья напустило на Украйну цѣлую толпу разобиженныхъ выходцевъ, которые овладѣ-

вали мелкими и большими дорогами, держали откупъ на проѣздъ по лѣсамъ и оврагамъ и всячески своевольничали. Но общество нуждалось въ болѣе честныхъ охранителяхъ правосудія. Послѣдніе, за извращеніемъ настоящихъ правителей и судей, являлись въ средѣ самихъ разбойниковъ. Преданія того времени представляютъ любопытный образецъ одного изъ подобныхъ «кулачныхъ судій» на Украйнѣ. Я говорю объ извѣстномъ разбойникѣ *Гаркушѣ*, похожденія котораго составляютъ въ высшей степени интересныя и живописныя черты жизни того времени.

О немъ читатель найдетъ любопытныя подробности въ повѣсти А. П. Стороженка «Братья-близнецы», въ статьѣ г. Маркевича, опубликовавшаго полное судебное дѣло о Гаркушѣ, а также въ моей статьѣ «Одесскаго Вѣстника», 1859 года №№ 21 и 22: «Романтическіе типы старосвѣтской Украйны. 1. Разбойникъ Гаркуша».

Въ такой-то разладъ и сумятицу украинскаго общества явился писатель, практическій философъ и поэтъ, Сковорода. Его сочиненія, встрѣченныя съ сочувствіемъ, были большею частью писаны подъ вліяніемъ школы мистиковъ. Для нашего времени они имѣютъ значеніе лишь со стороны его отношеній къ народу и обществу, на которое онъ дѣйствовалъ примѣромъ своей жизни, своими рѣчами и убѣжденіями.

ГЛАВА II.

Неизданныя записки Ковалѣнскаго. — Дѣтство Сковороды.—Опредѣленіе въ придворную капеллу. — Въѣздъ Имп. Елисаветы въ Кіевъ. — Сковорода ускользаетъ за границу. — Его путешествіе и возвращеніе въ Малороссію. — Уроки у помѣщика Тамары.—Москва и «Титъ Ливій». — Жизнь у Ковалѣнскихъ, Сошальскихъ и Захаржевскихъ. — Странствованіе и первыя сочиненія. — Предложеніе Екатерины II.— Анекдоты о Сковородѣ.—Начало извѣстности.

Сообщаю жизнеописаніе Сковороды по *неизданнымъ* до сихъ поръ *запискамъ* Ковалѣнскаго, въ спискѣ, полученномъ мною отъ М. И. Алякринскаго, изъ Владиміра на Клязьмѣ. Подлинная рукопись Ковалѣнскаго изъ Кіева была передана М. П. Погодину.

Г. Ковалѣнскій говоритъ:

«Григорій Савvичъ Сковорода родился въ Малороссіи, Кіевскаго Намѣстничества, Лубенскаго округа, въ селѣ

Чернухахъ, въ 1722 г. *). Родители его были простолюдины: отецъ — казакъ, мать—казачка. Мѣщане по состоянію, они были недостаточны; но ихъ честность, гостепріимство и миролюбіе были извѣстны въ околоткѣ.

«Григорій Сковорода, уже по седьмому году, получилъ наклонность къ музыкѣ и наукамъ. Въ церковь онъ ходилъ охотно, становился на клиросъ и отличался пѣніемъ. Любимою пѣснію его былъ стихъ Іоанна Дамаскина: «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы небрегоша безбожнаго велѣнія» **).

«По охотѣ сына къ ученію, отецъ отдалъ его въ кіевскую академію, славившуюся тогда науками. Мальчикъ скоро превзошелъ своихъ товарищей сверстниковъ. Митрополитъ кіевскій, Самуилъ Миславскій, человѣкъ остраго ума и рѣдкихъ способностей, былъ тогда соученикомъ его и во всемъ оставался ниже его.

«Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Способность къ музыкѣ и пріятный голосъ дали поводъ избрать Сковороду въ придворную пѣвческую капеллу, куда онъ и былъ отправленъ при вступленіи императрицы на престолъ». Г. Аскоченскій, пересказывая жизнь Сковороды по рукописи Ковалѣнскаго, прибавляетъ еще отъ себя (Кіев. Губ. Вѣд. 1852 г. № 42): «Въ Кіевской Академіи юный пришелецъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе *дерижера пѣвческой капеллы* и немедленно поступилъ въ хоръ; а отличными успѣхами въ наукахъ заслужилъ себѣ похвалу отъ всѣхъ наставниковъ. При восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ Малороссіи набирали мальчиковъ для придворной капелліи. Сковорода попалъ туда изъ первыхъ».

---

*) *Гессъ-де-Кальве* («Украинскій Вѣстникъ» 1817 г.) невѣрно сообщаетъ, что Сковорода родился въ харьковской губерніи, и что его отецъ былъ бѣдный священникъ. Ковалынскій зналъ Сковороду короче и потому нельзя не отдать ему въ этомъ случаѣ предпочтенія передъ другими біографіями. Такъ и И. И. Срезневскій неточно сказалъ («Утренняя Звѣзда» 1834 г.), что Сковорода родился въ 1726 году.

**) *Г. Снѣгиревъ* («Отечественныя Записки» 1823 г.), почерпавшій свѣдѣнія о Сковородѣ изъ рукописи Ковалѣнскаго и еще «отъ двухъ почтенныхъ мужей, знавшихъ его лично», прибавляетъ: «Сперва игралъ онъ на дудочкѣ, а потомъ на флейтѣ; одинъ ходилъ по рощамъ и лѣсамъ или, пріютившись дома, сидѣлъ въ уголкѣ и на память повторялъ читанное имъ или слышанное».

В. В. Стасовъ доставилъ мнѣ любопытную выписку изъ дѣлъ архива придворной конторы, которую онъ сдѣлалъ для составляемой имъ *«Исторіи Церковнаго пѣнія въ Россіи»*. Извѣстно, что придворная капелла, еще со временъ царя Алексѣя Михаиловича, постоянно пополнялась голосами изъ Малороссіи. Въ дѣлахъ придворной конторы постоянно встрѣчаются слова: «вновь привезеннымъ ко двору *изъ Малороссіи* пѣвчимъ выдавать жалованье». Императрица Елисавета, по извѣстной своей набожности и по любви къ духовному пѣнію, еще до восшествія на престолъ, имѣла своихъ пѣвчихъ. Имена: Иванъ Доля, Григорій Берло, Максимъ Бокушъ, Панокъ Григорій, Гаврило Головня и другіе, ясно говорятъ объ ихъ происхожденіи. Мѣста, откуда изъ Украйны брались пѣвчіе, слѣдующія. Въ указѣ *1784 года, октября 16-го*, сказано: *Дисканты:* города Лохвицы, войскового товарища, Максима Афонасьева, сынъ, 6 лѣтъ, г. Кролевца, войскового товарища, Дойголевскаго, сынъ, 8 лѣтъ; г. Ромны, священника Клименка, сынъ, 6 лѣтъ; Стародубскаго словеснаго судьи сынъ; Роменскаго казака, Обухова, сынъ, 7 лѣтъ; Стародубскаго мѣщанина, Бокурина, сынъ, 6 лѣтъ; Новгорода-Сѣверскаго, мѣщанина Кушнерева, сынъ; Роменскаго уѣзда, села Галки, казака Галайницкаго сынъ, 8 лѣтъ. *Альты:* Прилуцкаго уѣзда, села Дѣдовѣцъ, священника Тройницкаго, сынъ, 7 лѣтъ; Знобовскаго жителя, Стожка, сынъ, 6 лѣтъ; Стародубскаго значкова товарища, Горлича, племянникъ, 8 лѣтъ. *Подписано*: Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества верхней расправы предсѣдатель, бунчуковый товарищъ Рачинскій».

При отставкѣ за потерю голоса, они обыкновенно снова возвращались на родину. Такъ, *подъ 1734 годомъ*, читаемъ: «Пять человѣкъ, которые спали съ голоса, отъ двора уволить въ ихъ отечество, въ малую Россію, и дать имъ абшиты, а для пропитанія ихъ въ пути дать имъ за службу по 25 рублей, отъ камеръ-цалмейстера Кайсарова». При капеллѣ они получали столько же: «а жалованья давать въ годъ по 25 р., вычтя на госпиталь». Иногда давалась и особая винная порція: «Пѣвчему Кириллѣ Степанову выдать вина простого пять ведеръ» (1731 года, собственная подпись: *Елисавета*). Пѣвчіе набирались изъ Украйны, изъ дворянъ и простого званія. Подъ *1746 годомъ* стоитъ: «Указали мы двора нашего пѣвчимъ, *дворянамъ и прочимъ*, жа-

лованье и за порціи деньгами и хлѣбомъ производить».—
Нарядъ носили такой: «1741 г., декабря 15-го. Императрица изволила указать двора своего пѣвчимъ, уставщику Ивану Петрову съ товарищи, сдѣлать вновь: мундиръ изъ зеленыхъ суконъ, а именно, нѣмецкое: кафтаны, камзолы и штаны, и на кафтанахъ обшлага изъ зеленаго сукна; малымъ черкасское, долгое платье, кафтаны и штаны изъ зеленаго сукна, полукафтаны и штаны изъ шелковой матеріи, пунсовыя или алыя».—Подъ *1745 г., февраля 14*, читаемъ: «Новопривезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ, всего 34 человѣкамъ, по новости ихъ, до учиненія имъ жалованья, сдѣлать на каждаго рубахъ и порты по пяти паръ, полотенцевъ по три, изъ средняго полотна, сапоговъ, и башмаковъ, и чулковъ по двѣ пары, хапокъ по одной, рукавицъ по одной парѣ, и раздать имъ съ роспискою».—Подъ *1747 г.*, февраля 18-го, стоитъ: «Изустный указъ. Тенористу Ивану Иванову сдѣлать платье нѣмецкимъ манеромъ, суконное, кофейнаго цвѣта, подбить стамедомъ, или камлотомъ, и пугвицы гарусныя». Заботливость императрицы Елисаветы простиралась до того, что на росписи *1784 г., марта 26*, она собственною рукою приписала: «Четыремъ на верхніе кафтаны широкаго позументу положить и взять у Дмитрея Александровича». (Вотъ любопытный указъ о благочиніи во время службы и церковнаго пѣнія: 1649 года, января 5-го повелѣно: «Во время службы, ежели кто какого бы чина и достоинства ни былъ, будетъ съ кѣмъ разговаривать, на тѣхъ надѣвать цѣпи съ ящикомъ, какія обыкновенно бываютъ въ приходскихъ церквахъ, которыя для того нарочно заказать сдѣлать вновь, для знатныхъ чиновъ мѣдныя вызолоченныя, для посредственныхъ бѣлыя луженыя, а для прочихъ простыя желѣзныя»). Съ 1751 года, для обученія пѣвчихъ, былъ принятъ «французской націи учитель Пажъ Ришардъ». Что касается до Сковороды, то его прозвища мы нигдѣ въ бумагахъ конторы не нашли. Это, быть можетъ, оттого, что пѣвчихъ знали только по имени, обращая отчества въ фамиліи. Въ указѣ *1740 г., января 8-го*, при выдачѣ наградъ «за славленіе и поздравленіе въ Рождество», въ числѣ другихъ стоитъ «робятамъ» такимъ-то: «Каленику, Екиму, Павлу и *Григорью* по 6 рублей каждому». Въ числѣ старшихъ, получившихъ по 10 рублей, тутъ же названъ еще «*Григорій Сыновоснячь*» (не Сав-

вичъ ли?). Въ указѣ же *1741 г., декабря 21-го*, стоитъ: *«Вновь привезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ сдѣлать мундиръ. А каковы имена большихъ и малыхъ пѣвчихъ, о томъ взять за рукою уставщика, іеромонаха Илларіона, реестръ»*. Можно съ большимъ вѣроятіемъ полагать, что въ числѣ послѣднихъ былъ именно и Григорій Сковорода, потому что въ этомъ случаѣ слова указа, по времени, совпадаютъ съ разсказомъ Ковалѣнскаго, переданнаго имъ со словъ самого Сковороды.

Въ «Отрывкахъ изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ» И. И. Срезневскаго («Утренняя Звѣзда» 1834 г.) читаемъ дополненіе къ разсказу Ковалѣнскаго: «Находясь тамъ около двухъ лѣтъ, онъ сложилъ голосъ духовной пѣсни *Иже херувимы*, который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквахъ на Украйнѣ». Къ этимъ словамъ г. Срезневскаго тутъ же сдѣлано примѣчаніе Г. Ѳ. Квитки: «Напѣвъ сей духовной пѣсни, подъ именемъ *придворнаго*, помѣщенъ въ обѣднѣ, по высочайшему повелѣнію напечатанной и разосланной по всѣмъ церквамъ, для единообразія въ церковномъ пѣніи. Кромѣ сего, Сковорода сложилъ веселый и торжественный напѣвъ: «Христосъ воскресе» и канонъ Пасхи: «Воскресенія день», нынѣ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго унылаго, ирмолойнаго напѣва, и вездѣ именуемый: «*Сковородинъ*». Квитка зналъ Сковороду лично и былъ самъ нѣсколько лѣтъ монахомъ. Его слова должны быть здѣсь авторитетомъ. Но, къ сожалѣнію, тутъ есть неточности. Изысканія г. Стасова въ архивѣ придворной конторы, равно какъ и справки инспектора придворной пѣвческой капеллы, П. Е. Бѣликова, которые благосклонно отвѣчали на мои сомнѣнія, не могли вполнѣ подтвердить словъ Квитки и И. И. Срезневскаго. Сковорода не сочинялъ, въ бытность въ Петербургѣ, духовной пѣсни «Иже Херувимы», которая введена въ Россіи, и подобный напѣвъ, подъ именемъ придворнаго, напечатанный въ обѣднѣ, изданной подъ руководствомъ Бортнянскаго въ 1804 году, не принадлежитъ Сковородѣ. Если же Квитка приписываетъ ему, по памяти, нѣкоторые, принятые въ церквахъ, духовные напѣвы, изъ которыхъ одинъ именовали даже прямо «Сковородиннымъ», то это могло легко случиться, потому что даровитый мальчикъ Сковорода, возвратясь изъ Петербурга, училъ желающихъ придворнымъ

напѣвамъ тогдашнихъ знаменитостей, въ родѣ его земляка Головни, и эти пѣсни сохранились въ памяти потомства вмѣстѣ съ его именемъ.

Впрочемъ, Сковорода сочинялъ духовные канты. Профессоръ петербургской духовной академіи, В. Н. Карповъ, къ которому я также обращался съ вопросомъ по этому случаю, отвѣчалъ мнѣ письменно: «живя въ Кіевѣ, я имѣлъ случай слышать напѣвы, приписываемые Сковородѣ. Но эти напѣвы не введены въ церковное употребленіе, а употребляются келейно, въ частныхъ, обычныхъ собраніяхъ кіевскаго духовенства, любящаго завѣтную старину».

Въ бытность Сковороды въ Петербургѣ, придворнымъ пѣвчимъ было неслыханно-привольное житье. Въ то время были въ зенитѣ славы Разумовскіе, украинцы по происхожденію и по душѣ. Мальчиковъ, взятыхъ ко Двору за голосà, лелѣяли, ласкали. Въ числѣ пѣвчихъ были дѣти и значительныхъ малороссійскихъ пановъ, каковы Стоцкіе, Головачевскіе. Старѣя, если ихъ не возвращали на родину, они сохраняли важный, сановитый видъ, и гордились, нося названіе пѣвчихъ Двора любимой императрицы. Но Сковорода оставался при Дворѣ недолго,—около двухъ лѣтъ.

«Императрица,—продолжаетъ Ковалѣнскій,—скоро предприняла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда вмѣстѣ съ другими пѣвчими».

Это было въ августѣ 1744 года.

Въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1846 года *) (августа 23, въ неофиціальной части, стр. 327—328) мы нашли статью: «*О посѣщеніи Императрицею Елисаветою Петровною Кіева*», гдѣ говорится слѣдующее объ этомъ любопытномъ событіи: «Елисавета здѣсь прожила нѣсколько недѣль; пѣшкомъ посѣщала пещеры и храмы, раздавала дары священству и неимущимъ. Ее встрѣчали и конвоировали войска малороссійскія **). Войска были одѣты на-ново,

---

*) Подробности о путешествіи императрицы Елисаветы по Малороссіи помѣщены въ «Черниговскихъ Губерн. Вѣдом.» 1852 г. №№ 29 и 45 (Разсказъ современника, изъ дневника подскарбія, Андрея Марковича).

**) Въ «*Запискахъ о слободскихъ полкахъ*» съ начала ихъ поселенія до 1766 года (Харьковъ, 1812 г.), при описаніи встрѣчи императрицы у города Сѣвска, говорится: «При этомъ бригадиръ Лесевицкій, по старости и слабости, а харьковскій полковникъ Тевяшевъ, по неизвѣстной причинѣ, отказались быть при отряженныхъ командахъ, и полку харьковскаго отрядомъ командовалъ полковой обозный Ив. Вас.

въ синихъ черкескахъ, съ вылетами, и въ широкихъ шальварахъ, съ разноцвѣтными по полкамъ шапками. Изъ кіевской академіи были выписаны вертепы: пѣвчіе пѣли, семинаристы представляли зрѣлища божественныя въ лицахъ и пѣли канты поздравительные. А въ Кіевѣ молодой студентъ, въ коронѣ и съ жезломъ, въ видѣ древняго старца, выѣхалъ за городъ въ колесницѣ, названной «фаэтонъ божественный», на двухъ коняхъ крылатыхъ, которыхъ студенты назвали пегасами и которые были ни что иное, какъ пара студентовъ. Этотъ странникъ представлялъ кіевскаго князя Владиміра Великаго, на концѣ моста встрѣтилъ онъ государыню и произнесъ длинную рѣчь, въ которой называлъ себя княземъ кіевскимъ, ее — своею наслѣдницею, приглашалъ ее въ городъ и поручалъ весь русскій народъ во власть ея и въ милостивое покровительство».

«При возвратномъ отбытіи Двора въ Петербургъ, продолжаетъ Ковалѣнскій, Сковорода получилъ увольненіе, съ чиномъ придворнаго уставщика, и остался въ Кіевѣ продолжать ученіе» ***).

Гессъ-де-Кальве прибавляетъ: «Тамъ молодой Сковорода занялся ревностно еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, упражняясь притомъ въ краснорѣчіи, философіи, метафизикѣ, математикѣ, естественной исторіи и богословіи. Но онъ совершенно не имѣлъ расположенія къ духовному званію, для котораго, впрочемъ, преимущественно отецъ назначалъ его. И его нерасположенность возросла до такой степени, что онъ, замѣчая желаніе кіевскаго архіерея посвятить его въ священники, прибѣгнулъ къ хитрости и притворился сумасброднымъ, перемѣнилъ голосъ, сталъ заикаться. Почему обманутый архіерей выключилъ его изъ бурсы, какъ непонятнаго, и, признавъ неспособнымъ къ духовному званію, позволилъ ему жить гдѣ угодно. Этого-то и хотѣлъ Сковорода; будучи на свободѣ, онъ почиталъ себя уже довольно награжденнымъ за несносныя для него шесть лѣтъ, которыя, впрочемъ, онъ совсѣмъ иначе употребилъ,

Ковалевскій». Оба послѣднія лица впослѣдствіи играли роль въ жизни Сковороды.

***) Этотъ чинъ давался обыкновенно всѣмъ лучшимъ придворнымъ пѣвчимъ, при оставленіи ими капеллы, и означалъ запѣвалу въ хорѣ, смѣлаго и одареннаго острымъ слухомъ. Уставщикъ же при Дворѣ носилъ особое платье и въ хорѣ былъ съ булавой (Со словъ П. Е. Бѣликова).

нежели какъ думали всѣ его окружавшіе. Онъ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія въ разныхъ наукахъ» («Украинскій Вѣстникъ» 1817 г.).

«Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, продолжаетъ Ковалѣнскій, показался ему недостаточнымъ. Сковорода пожелалъ видѣть чужіе края. Скоро представился къ этому поводъ, и онъ имъ воспользовался охотно.

«Отъ Двора былъ отправленъ въ Венгрію, къ Токайскимъ садамъ, генералъ-маіоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ греко-россійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію. Сковорода, извѣстный уже знаніемъ музыки, голосомъ и желаніемъ своимъ быть въ чужихъ краяхъ, также знаніемъ нѣкоторыхъ языковъ, былъ представленъ Вишневскому и взятъ имъ подъ покровительство. Путешествуя съ генераломъ Вишневскимъ, онъ получилъ его позволеніе и помощь къ обозрѣнію Венгріи, Вѣны, Офена, Пресбурга и другихъ мѣстъ Австріи, гдѣ изъ любопытства старался знакомиться болѣе съ людьми учеными. Онъ говорилъ чисто и хорошо по-латыни и по-нѣмецки и порядочно понималъ греческій языкъ, почему легко могъ пріобрѣтать знакомство и расположеніе ученыхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыя познанія, какихъ не имѣлъ и не могъ имѣть на родинѣ».

Гессъ-де-Кальве, также коротко знавшій Сковороду, сообщаетъ объ этомъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей: «Онъ взялъ посохъ въ руку и отправился истинно-философски, т.-е. пѣщимъ и съ крайне тощимъ кошелькомъ. Онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи, куда сопровождала его нужда и отреченіе отъ всякихъ выгодъ. Римъ любопытству его открылъ обширное поле. Съ благоговѣніемъ шествовалъ онъ по сей классической землѣ, которая нѣкогда носила на себѣ Цицерона, Сенеку и Катона. Тріумфальныя врата Траяна, обелиски на площади св. Петра, развалины Каракальскихъ бань, словомъ — всѣ остатки сего владыки свѣта, столь противоположные нынѣшнимъ постройкамъ тамошнихъ монаховъ, шутовъ, шарлатановъ, макаронныхъ и сырныхъ фабрикантовъ, произвели въ нашемъ циникѣ сильное впечатлѣніе. Онъ замѣтилъ, что не у насъ только, но и вездѣ, богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ; видѣлъ, какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается по-

даяніемъ; какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ». Гессъ-де-Кальве здѣсь нѣсколько фантазируетъ, но легко могло быть, что это отступленіе отъ рѣчи строгаго историка навѣяно ему разсказами самого Сковороды. Далѣе онъ говоритъ: «Наконецъ, обогатившись нужными познаніями, Сковорода желалъ непремѣнно возвратиться въ свое отечество. Надѣясь всегда на проворство ногъ, онъ пустился назадъ. Какъ забилось сердце его, когда онъ издали увидѣлъ деревянную колокольню родимой своей деревушки! Вербы, посаженныя въ отеческомъ дворѣ тогда, какъ онъ былъ еще дитятею, распростирали свои вѣтви по крышѣ хижины. Онъ шелъ мимо кладбища; тутъ большое число новыхъ крестовъ бросало длинныя тѣни. «Можетъ быть, многихъ, думалъ онъ, теперь заключаетъ въ себѣ мракъ могилы!» Онъ перескочилъ черезъ ограду, переходилъ съ могилы на могилу, пока, наконецъ, поставленный въ углу камень показалъ ему, что уже нѣтъ у него отца.—Онъ узналъ, что всѣ его родные переселились въ царство мертвыхъ, кромѣ одного брата, коего пребываніе было ему неизвѣстно. Побывавши въ родимой деревушкѣ, онъ взялъ опять свой странническій посохъ и, многими обходами, пошелъ въ Харьковъ» (110—112 стр.) *).

Но еще до посѣщенія Харькова, Сковорода испыталъ одну любопытную превратность судьбы. Объ этомъ говоритъ Ковалѣнскій.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, полный учености, но съ весьма скуднымъ состояніемъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Состояніе послѣднихъ было также невелико; потому они изыскивали случай, какъ бы употребить его труды съ пользою для него и для общества. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился, по приглашенію тамошняго епископа, Никодима Сребницкаго **).

---

*) О мѣстѣ родины Сковороды, селѣ *Чернухахъ*, я нашелъ въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1853 г. № 4, свѣдѣніе, что это село издавна представляетъ людное и торговоэ мѣсто. Въ этой статьѣ о старинѣ села Чернухъ сказано: «Въ Чернухахъ, Лубенскаго полка, бываетъ въ годъ четыре ярмарки. Изъ Кіева, Лубенъ, Прилукъ и Лохвицы сюда пріѣзжаютъ торговцы съ сукнами, кожами и мелочными товарами,—а изъ околицъ—хлѣбомъ, лошадьми и питейными товарами».

**) По словамъ О. М. Бодянскаго, въ Переяславлѣ существуетъ пре-

Сковорода, имѣя уже обширныя, по тогдашнему времени, познанія, написалъ для училища «Руководство о поэзіи», въ такомъ новомъ видѣ, что епископъ счелъ нужнымъ приказать ему измѣнить его и преподавать предметъ по старинѣ, предпочитавшей силлабическіе стихи Полоцкаго ямбамъ Ломоносова. Сковорода не согласился. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта, черезъ консисторію, какъ онъ смѣлъ ослушаться его предписанія. Сковорода отвѣчалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ, и прибавилъ, къ объясненію своему, латинскую пословицу: «Alia res sceptrum, alia plectrum» (Иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное дѣло — пастушья свирѣль). Епископъ, на докладѣ консисторіи, сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: «Не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню». Вслѣдъ затѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславскаго училища.

Бѣдность крайне его стѣсняла, но нелюбостяжательный нравъ поддерживалъ въ немъ веселость и бодрость духа.

Онъ перешелъ жить къ своему пріятелю, который зналъ цѣну его достоинствъ, но не зналъ его бѣдности. Сковорода не смѣлъ просить помощи и жилъ молчаливо и терпѣливо, имѣя только двѣ худыя рубашки, камлотный кафтанъ, одни башмаки и черные гарусные чулки. Нужда сѣяла въ сердцѣ его, по словамъ Ковалѣнскаго, сѣмена, которыхъ плодами обильно украсилась впослѣдствіи его жизнь. Невдалекѣ жилъ малороссійскій помѣщикъ, Степанъ Тамара, которому нуженъ былъ учитель для сына. Сковороду представили ему знакомые, и онъ принялъ его въ село Каврай.

Здѣсь Ковалѣнскій останавливается со Сковородою нѣсколько долѣе. Старикъ Тамара отъ природы былъ большого ума, а на службѣ пріобрѣлъ хорошія познанія отъ иностранцевъ; но придерживался застарѣлыхъ предразсудковъ и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на все, что̀ не одѣто въ гербы и не украшено родословными. Сковорода принялся воздѣлывать сердце молодого человѣка, не обременяя его излишними свѣдѣніями. Воспитанникъ привязался къ нему. Цѣлый годъ шло ученіе, но отецъ не удостоивалъ учителя взглядомъ, хотя онъ всякій день сидѣлъ у него за столомъ съ

даніе, что въ ту пору сотоварищами по переяславской семинаріи у Сковороды были двѣ другія знаменитости: протоіерей Гречка и извѣстный впослѣдствіи проповѣдникъ Леванда, — оба не менѣе Сковороды богатые разнообразными приключеніями.

своимъ воспитанникомъ. Тяжело было такое униженіе; но Сковорода желалъ выдержать условіе: договоръ былъ сдѣланъ на годъ. Тутъ случилась одна непріятность. Какъ-то разговаривалъ онъ съ своимъ ученикомъ и за-просто спросилъ его, какъ онъ думаетъ о томъ, что̀ говорили? Ученикъ отвѣтилъ неприлично. Сковорода возразилъ, что, значитъ, онъ мыслитъ, «какъ свиная голова!» Слуги подхватили слово, передали его барынѣ, барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все-таки учителя, но уступая женѣ, которая требовала мести «за родовитаго шляхетскаго сына», названнаго свиною головою, отказалъ Сковородѣ отъ дому и отъ должности. При прощаньѣ, однако, онъ съ нимъ впервые заговорилъ и прибавилъ: «Прости, государь мой: мнѣ жаль тебя!»

И вотъ, за «свиную голову» Сковорода опять остался безъ мѣста, безъ пищи, безъ одежды, но не безъ надежды,— заключаетъ Ковалѣнскій.

Въ крайней нуждѣ зашелъ онъ къ своему пріятелю, переяславскому сотнику. Тутъ ему представился случай ѣхать въ Москву, съ каллиграфомъ, получившимъ мѣсто проповѣдника въ московской академіи. Съ нимъ и поѣхалъ. Изъ Москвы они проѣхали въ Троицко-Сергіевскую Лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ Кириллъ Флоринскій, большихъ познаній человѣкъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ черниговскимъ. Кириллъ сталъ уговаривать Сковороду, уже знакомаго ему по слухамъ, остаться въ Лаврѣ для пользы училища; но любовь къ родинѣ влекла его въ Малороссію. Сковорода возвратился снова въ Переяславль, «оставя по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла» *). Сковорода уже отдалялся отъ всякихъ привязанностей и становился странникомъ, безъ родства, стяжаній и домашняго угла.

---

*) Вѣроятно къ этому времени относится черта, сохраненная въ статьѣ г. Снѣгирева: «*О старинномъ русскомъ переводѣ Тита Ливія*» (Ученыя записки Импер. Моск. Университета 1833 г., ч. 1, стр. 694—695). Вотъ слова г. Снѣгирева: «Переводъ Тита Ливія хранится въ патріаршей библіотекѣ, подъ № 292, въ четырехъ большихъ томахъ, писанъ скорописью; на заглавіи IV-го тома надписано: Переведена з латинскаго діалекта на славенскій трудами учителя Коллегіума Чернѣговскаго, року 1716».—На бумажной закладкѣ, вложенной въ одинъ томъ, подписано *рукою Григорія Сковороды*, извѣстнаго подъ именемъ украинскаго философа «*196 году, мѣсяца Маи, въ 29 день, купилъ Сковорода, далъ восемь алтынъ*».

Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Переяславль, какъ Тамара поручилъ знакомымъ отыскивать его и просить снова къ себѣ. Сковорода отказался. Тогда одинъ знакомый обманомъ привезъ его, соннаго, въ домъ Тамары ночью, гдѣ его и успѣли уговорить остаться. Онъ остался безъ срока и безъ условій.

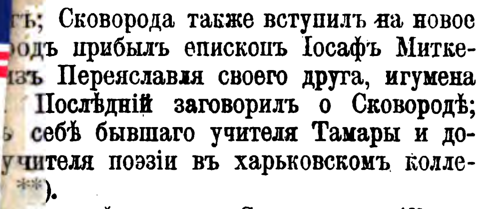
Поселясь въ деревнѣ и обезпеча свои первыя нужды, онъ сталъ предаваться уединенію и размышленіямъ, удаляясь въ поля, рощи и аллеи сада. «Рано утромъ заря была ему спутницею, а дубравы собесѣдниками». Это не осталось безъ послѣдствій. Ковалѣнскій сохраняетъ въ своемъ разсказѣ выдержку изъ оставшихся у него «Записокъ» Сковороды. Изъ этой выдержки видно, что Сковорода жилъ у Тамары въ 1758 году. Значитъ, со времени его петербургской жизни уже прошло четырнадцать лѣтъ, и онъ поступалъ въ тридцать-шестой годъ жизни. Учителю Тамары стали видѣться чудные, знаменательные сны.

«Въ полночь, ноября 24 числа, 1758 года, въ селѣ Кавраѣ, говоритъ Сковорода, казалось во снѣ, будто разсматриваю различныя охоты житія человѣческаго, по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ царскіе чертоги, наряды, музыка, плясанія; гдѣ любящіяся то пѣли, то въ зеркала смотрѣлись, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатыя постели. Оттуда повела меня сила къ простому народу. Люди шли по улицамъ, съ скляницами въ рукахъ, шумя, веселясь, шатаясь, также и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ». Сонъ заключается картиною сребролюбія, которое въ «кошелькомъ таскается» всюду, и видомъ сластолюбія, попирающаго смиренную бѣдность, «имѣющую голыя колѣна и убогія сандаліи». Сковорода кончаетъ словами: «Я, не стерпя свирѣпства, отвратилъ очи и вышелъ».

Болѣе и болѣе влюблялся онъ въ свободу и уединеніе. Мысли просились къ перу. Онъ писалъ стихи. Прочтя одно изъ нихъ, старый Тамара сказалъ: «Другъ мой! Богъ благословилъ тебя даромъ духа и слова!» *).

Сковорода продолжалъ учить сына Тамары языкамъ и первымъ свѣдѣніямъ. Вскорѣ ученику выпало на долю пе-

*) Эти стихи написаны на тему: «Ходя по землѣ, обращайся на небесахъ», и помѣщены въ рукописномъ сборникѣ «Садъ пѣсней», подъ № 2.

...ъ; Сковорода также вступилъ на новое ...одъ прибылъ епископъ Іосафъ Митке... ...изъ Переяславля своего друга, игумена ... Послѣдній заговорилъ о Сковородѣ; ... себѣ бывшаго учителя Тамары и до... ...учителя поэзіи въ харьковскомъ колле... **).

...ться здѣсь надъ Сковородою. Жизнь ...нулась. Онъ явился уже въ простомъ, ...дѣ. Чудакъ начинаетъ въ немъ проби... ...пищи, которую онъ принималъ только ...еніи солнца, и ѣлъ только овощи, плоды ...не употребляя ни мяса, ни рыбы. Спитъ ...ыре часа. Встаетъ до зари и пѣшкомъ ...одъ гулять; какъ замѣчаетъ Ковалѣнскій, предъ всѣми «веселъ, бодръ, подвиженъ, воздерженъ, благодушенствующъ, словоохотенъ, изъ всего выводящій нравоученіе и почтителенъ». Годъ прошелъ и онъ, оконча срочное время, пріѣхалъ въ Бѣлгородъ къ Іосафу отдохнуть отъ трудовъ. Епископъ, желая удержать его долѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію уговаривать его, какъ пріятеля, вступить въ монашеское званіе, обѣщая при этомъ скоро довести его до высокаго сана. Сковорода отказался. Гервасій сталъ съ нимъ холоденъ. Тогда Сковорода, на третій же день по прибытіи въ Бѣлгородъ, дождавшись въ передней выхода Гервасія, подошелъ къ нему и попросилъ себѣ «напутственнаго благословенія». Гервасій понялъ его намѣреніе и благословилъ его, скрѣпя сердце. Сковорода отправился къ новому своему пріятелю, въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода. Это было хорошенькое мѣсто, богатое лѣсами, водоточинами и уютными «удольями», по словамъ Ковалѣнскаго, «благопріятствующими глубокому уединенію». Здѣсь Сковорода принялся изучать себя и на эту тему написалъ нѣсколько сочиненій. Гервасій донесъ епископу о поступкѣ Сковороды. Іосафъ не досадовалъ, а только пожалѣлъ о немъ. Пустынножительство Сковороды продолжалось въ Старицѣ. Сосѣди, заслышавъ о его нравѣ, съѣзжались

**) Въ это время ректоромъ коллегіума былъ архимандритъ *Константинъ Бродскій*, изъ префектовъ московской академіи, а префектомъ — Лаврентій Кордетъ, игуменъ (См. статью о коллегіумѣ въ «Молодикѣ» 1843 г., стр. 30).

съ нимъ познакомиться. Онъ также посѣщалъ нѣкоторыхъ по деревнямъ, и, между прочимъ, вздумалъ снова посѣтить Харьковъ. «Нѣкто, говоритъ Ковалѣнскій, изъ познакомившихся съ нимъ, сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, чтобъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ». Здѣсь Ковалѣнскій, подъ именемъ племянника, говоритъ о себѣ самомъ. Съ этой поры онъ познакомился съ Сковородою, и ему мы обязаны достовѣрнымъ жизнеописаніемъ Сковороды. Встрѣтившись съ нимъ въ Харьковѣ, Сковорода, смотря на него, полюбилъ его, и полюбилъ до самой смерти.

Іосафъ, между тѣмъ, не теряя Сковороды изъ виду и желая привлечь его снова въ харьковское училище, предложилъ ему должность учителя, какую онъ захочетъ. Полюбивъ новаго своего знакомаго, Сковорода принялъ предложеніе епископа и остался въ Харьковѣ преподавать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ.

Покинувъ Бѣлгородъ для Харькова, Сковорода, кромѣ коллегіума, занялся съ новымъ своимъ другомъ, М. И. Ковалѣнскимъ. Онъ сталъ чаще и чаще навѣщать его, занималъ его музыкою, чтеніемъ книгъ,—словомъ, невольно сталъ его руководителемъ. Молодой человѣкъ, воспитываемый до той поры полуучеными школьными риторами и частью монахами, съ жадностью сталъ вслушиваться въ слова новаго учителя. Одни говорили ему, что счастіе состоитъ въ довольствѣ, нарядахъ и въ праздномъ веселіи. Сковорода говорилъ, что счастіе—ограниченіе желаній, обузданіе воли и трудолюбивое исполненіе долга. Вдобавокъ къ этому, словамъ Сковороды отвѣчала и жизнь его, и его дѣла. Ученикъ проходилъ съ нимъ любимыхъ древнихъ авторовъ: Плутарха, Филона, Цицерона, Горація, Лукіяна, Климента, Оригена, Діонисія Ареопагита, Нила и Максима-Исповѣдника. Новые писатели шли съ ними рядомъ. Предпринявъ перевоспитать своего ученика совершенно, Сковорода почти ежедневно писалъ къ нему письма, чтобы отвѣтами на нихъ вкратцѣ пріучить его мыслить писать. Вскорѣ, именно въ *1763 году*, какъ самъ Ковалѣнскій приводитъ въ выдержкѣ изъ своихъ тогдашнихъ «Поденныхъ Записокъ», онъ увидѣлъ сонъ, въ которомъ на ясномъ небѣ представились ему золотыя очертанія именъ трехъ отроковъ, вверженныхъ въ печь огненную:

Ananія, Азарія и Мисаила. Отъ этихъ трехъ словъ на Сковороду сыпались искры, а нѣкоторыя попадали и на Ковалѣнскаго, производя въ немъ легкость, спокойствіе и довольство духа. «Поутру,—говоритъ онъ,—вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе старику, троицкому священнику, Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ сказалъ: молодой человѣкъ! слушайтесь вы сего мужа; онъ поставленъ вамъ отъ Бога руководителемъ и наставникомъ. Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія Сковороды». Три отрока, говорилъ ему Сковорода,—это три способности человѣка: умъ, воля и дѣяніе, непокоряющіяся злому духу міра, несгорающія отъ огня любострастія. Это объяснилъ ему Сковорода уже черезъ тридцать лѣтъ самой тѣсной дружбы съ своимъ ученикомъ, за два мѣсяца до своей кончины, потому что послѣдній не рѣшался ему разсказать прежде своего сна.

Въ бесѣдахъ съ своимъ ученикомъ, раздѣляя человѣка надвое, на внутренняго и внѣшняго, Сковорода этого внутренняго человѣка называлъ Минервою, по сказкѣ о происхожденіи Минервы изъ головы Юпитера. «Такимъ образомъ, часто,—говоритъ ученикъ,—видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна ритора, роскошнаго монаха, онъ съ досадою замѣчалъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе Екатерины II, бывшее въ гостиной у друга его, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!»

Въ своихъ бесѣдахъ онъ приглашалъ ученика въ поздніе лѣтніе вечера за городъ и незамѣтно доводилъ его до кладбища. Тутъ онъ, при видѣ песчаныхъ могилъ, разрытыхъ вѣтромъ, толковалъ о безумной боязливости людской при видѣ мертвыхъ. «Иногда же, замѣчаетъ Ковалѣнскій, онъ пѣлъ тамъ что-либо, приличное благодушеству; иногда же, удаляясь въ близъ-лежащую рощу, игралъ на флейттраверсѣ, оставя ученика своего между могилъ одного, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку». Такъ онъ укрѣплялъ бодрость мысли и чувствъ своего ученика.

Въ 1764 году Ковалѣнскій поѣхалъ въ Кіевъ изъ любопытства. Сковорода рѣшился ѣхать съ нимъ, и они отправились въ августѣ. Тамъ они осматривали древности, а Сковорода былъ ихъ истолкователемъ. «Многіе изъ соучениковъ его и родственниковъ,—замѣчаетъ Ковалѣнскій,—

будучи тогда монахами въ Печерской Лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: «полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани! намъ извѣстны твои таланты! ты будешь столпъ и украшеніе обители!»—«Ахъ,—возразилъ въ горячности Сковорода:—довольно и васъ, столбовъ неотесанныхъ!» Черезъ нѣсколько дней Ковалѣнскій возвратился домой, а Сковорода остался погостить у своего родственника, печерскаго типографа, Іустина. Спустя два мѣсяца, онъ снова пріѣхалъ изъ Кіева въ Харьковъ. Украйну онъ предпочиталъ Малороссіи за воздухъ и воды. «Онъ обыкновенно,—замѣчаетъ его ученикъ,—называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Украйну теткою, по жительству въ ней и по любви къ ней».

Въ Харьковѣ былъ тогда губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ стараго вѣка, но поклонникъ искусствъ и наукъ, а въ особенности музыки, въ которой и самъ былъ искусенъ. Онъ много наслышался о Сковородѣ. Одинъ старожилъ передалъ мнѣ о первой встрѣчѣ его съ Сковородою. Щербининъ ѣхалъ по улицѣ, въ пышномъ рыдванѣ и съ гайдуками, и увидѣлъ Сковороду, сидѣвшаго у гостинаго двора, на тротуарѣ. Губернаторъ послалъ къ нему адъютанта.—«Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство!»—«Какое превосходительство?»—«Господинъ губернаторъ!»—«Скажите ему, что мы незнакомы!»—Адъютантъ, заикаясь, передалъ отвѣтъ Сковороды. Губернаторъ послалъ вторично. «Васъ *проситъ* къ себѣ *Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ!*» — «А! — отвѣтилъ Сковорода: — объ этомъ слыхалъ; говорятъ, добрый человѣкъ и музыкантъ!» И, снявши шапку, подошелъ къ рыдвану. Съ той минуты они сошлись. Ковалѣнскій сохраняетъ черты ихъ дальнѣйшихъ отношеній. «Честный человѣкъ, для чего не возьмешь ты себѣ извѣстнаго состоянія?»—спросилъ его Щербининъ въ первые дни знакомства.—«Милостивый государь, отвѣчалъ Сковорода:—свѣтъ подобенъ театру. Чтобъ представить на немъ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо не по знатности роли, но за удачность игры похваляется. Я увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простого, безпечнаго и уединительнаго; я сію роль выбралъ, и доволенъ».—«Но, другъ мой!—продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга:—можетъ-быть, ты

имѣешь способности къ другимъ состояніямъ, да привычка, мнѣнія, предубѣжденіе»... («мѣшаютъ»—хотѣлъ онъ сказать). «Если бы я почувствовалъ,—перебилъ Сковорода:— сегодня же, что могу рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. А ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, потому что не имѣютъ природы къ тому!..»

Любимымъ занятіемъ Сковороды въ это время была музыка. Онъ сочинялъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, также и стихиры, пѣваемые на литургіи. Эти вещи были, по словамъ Ковалѣнскаго, исполнены гармоніи, простой, но важной и проникающей душу. Особую склонность питалъ онъ къ ахроматическому роду музыки. Сверхъ того, онъ игралъ на скрипкѣ, флейттраверсѣ, бандурѣ и гусляхъ. По словамъ г. Срезневскаго («Утренняя Звѣзда», 1834 г., к. 1), «онъ началъ музыкальное поприще въ домѣ своего отца—*сопилкою*, свирѣлью. Тамъ, одѣвшись въ юфтовое платье, онъ отправлялся отъ ранняго утра въ рощу и наигрывалъ на сопилкѣ священные гимны. Мало-по-малу онъ усовершенствовалъ свой инструментъ до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса птицъ пѣвчихъ. Съ тѣхъ поръ музыка и пѣніе сдѣлались постояннымъ занятіемъ Сковороды. Онъ не оставлялъ ихъ въ старости. За нѣсколько лѣтъ до смерти, живя въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного старичка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, подобныхъ хозяину, стариковъ. Бывали вечера и музыкальные, и Сковорода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣлъ primo и за слабостью голоса вытягивалъ трудныя solo на своей флейтѣ, какъ называлъ онъ свою сопилку, имъ усовершенствованную. Впрочемъ, онъ игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая важность, задумчивость и суровость. Флейта была неразлучною его спутницей; переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ, или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальныя фантазіи и симфоніи».

Въ 1766 г., по повелѣнію Екатерины II харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки подъ именемъ «прибавочныхъ классовъ». Между прочимъ, благородному юношеству было назначено преподавать правила благонравія. Начальство для этого

избрало Сковороду, которому было уже сорокъ-четыре года, и онъ принялъ вызовъ охотно, даже безъ опредѣленнаго оклада жалованья, ссылаясь, что это доставитъ ему одно удовольствіе. Въ руководство ученикамъ написалъ онъ тогда извѣстное свое сочиненіе: «*Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи*» *). Всѣ просвѣщенные люди, замѣчаетъ при этомъ Ковалѣнскій, отдали Сковородѣ полную справедливость. Но нашлись при этомъ завистники и гонители. Г. Срезневскій, въ своей статьѣ: «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ» («Утренняя Звѣзда», кн. I), сохранилъ объ этомъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Воротившись изъ-за границы, Сковорода былъ полонъ новаго ученія, новыхъ животворныхъ истинъ, добытыхъ на пользу человѣчества, любящій все доброе и честное и ненавидящій ложь и невѣжество. «Бѣдный странникъ,—говоритъ г. Срезневскій:—въ рубищѣ явился онъ въ Харьковъ. Скоро распространилась молва о его учености и краснорѣчіи». Въ предварительной лекціи, по полученіи каѳедры правилъ благонравія въ училищѣ, онъ высказалъ нѣкоторыя свои мысли и напугалъ непросвѣщенныхъ своихъ товарищей. И въ самомъ дѣлѣ, могли ли они не быть поражены такимъ громкимъ вступленіемъ! Выписываю оное слово въ слово: «Весь міръ спитъ! Да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадетъ, не разбіется; спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибенъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее... чего опасаться!» Волненіе было готово. Но это только начало, и скоро все затихло. Сковорода началъ свои уроки, написалъ вышеупомянутое сочиненіе, какъ сокращеніе оныхъ, отдалъ рукопись, и тогда-то буря возстала на него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ. Съ жадностью читали ее. Но какъ нѣкоторыя мѣста въ ней найдены сомнительными, то Сковороду осудили на отрѣшеніе отъ должности. Конечно, тутъ дѣйствовала болѣе зависть; но невѣжество было для нея достаточною подпорою, и оно-то всего болѣе оскорбило

---

*) Напечатана вполнѣ въ «*Сіонскомъ Вѣстникѣ*» Ѳеопемпата Мисаилова, 1806 г., ч. III, и въ «*Утренней Звѣздѣ*», 1834 г., кн. I, въ отрывкахъ, въ статьѣ И. И. Срезневскаго. Начало этого сочиненія, подъ именемъ *Преддверія Сковороды*». напечатано еще въ «*Москвитянинѣ*», 1842 г., ч. I, съ замѣткою: доставлено г. Срезневскимъ.

Сковороду. Назначены были диспуты. Сочиненіе разобрано на нихъ съ самой дурной стороны, все истолковано въ превратномъ смыслѣ. Сковороду обвинили въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣть не могъ. Сковорода опровергалъ противниковъ умно; но рѣшеніе осталось прежнее, Сковорода былъ принужденъ удалиться изъ Харькова».

Ковалѣнскій продолжаетъ разсказъ. Близъ Харькова есть мѣсто, называемое *Гужвинское*. Это — помѣстье Земборгскихъ, покрытое угрюмымъ лѣсомъ, въ глуши котораго была устроена тогда пасѣка, съ хижиною пчельника. На этой пасѣкѣ, у любимыхъ имъ помѣщиковъ, поселился Сковорода, укрываясь отъ молвы и враговъ. Здѣсь написалъ онъ сочиненіе *«Наркизъ, познай себя»*; вслѣдъ за тѣмъ, тутъ же онъ написалъ разсужденіе: *«Книга Асхань, о познаніи себя»* *). Это были первыя полныя сочиненія Сковороды; прежде, говоритъ Ковалѣнскій, онъ написалъ только «малыя отрывочныя сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ». «Лжемудрое высокоуміе, не въ силахъ будучи уже вредить ему, употребило другое орудіе—клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода возстаетъ противъ употребленія мяса и вина, противъ золота и цѣнныхъ вещей, и что, удаляясь въ лѣса, не имѣетъ любви къ ближнему, а потому называли его манихейцемъ, мизантропомъ, человѣконенавистникомъ». Сковорода, узнавши объ этомъ, явился въ городъ и въ первомъ же обществѣ нашелъ случай разгромить очень діалектически своихъ враговъ. «Было время, — говорилъ онъ, по словамъ Ковалѣнскаго,—когда онъ воздерживался, для внутренней экономіи своей, отъ мяса и вина. Не потому ли и лѣкарь охуждаетъ, напримѣръ, чеснокъ тому, къ которому вредный жаръ вступилъ въ глаза?» И стрѣлы его противъ «оглагольниковъ его» сыпались безъ числа. Слушавшіе его только робко переглядывались и не возражали. Онъ раскланялся и вышелъ. Новое уединеніе влекло его къ себѣ.

Въ изюмскомъ округѣ, харьковской губерніи, продолжаетъ Ковалѣнскій, жили тогда дворяне *Сошальскіе*, младшій братъ

---

*) Первая не напечатана. Второй также я нигдѣ не нашелъ въ печати. Но въ спискѣ сочиненій Сковороды, переданномъ мнѣ отъ преосвященнаго Иннокентія, сказано: «Асхань, о познаніи себя» напечатана въ Петербургѣ, въ 1798 году. Это, вѣроятно, книга подъ другимъ именемъ: *«Библіотека духовная, дружеская бесѣда о познаніи себя»*, о которой я скажу ниже, въ перечнѣ сочиненій Сковороды.

которыхъ приглашалъ Сковороду раздѣлить его жилище и дружбу. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его, Гусинку, полюбилъ снова и мѣсто, и хозяевъ, и поселился у нихъ, по обычаю своему, на пасѣкѣ. Тишина, безмятежность и свобода снова возбудили въ немъ чувство несказаннаго удовольствія. «Многіе говорятъ,—писалъ онъ при этомъ къ Ковалѣнскому: — что̀ дѣлаетъ въ жизни Сковорода, чѣмъ забавляется? — Я радуюсь, а радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни!» Въ это время бывшій ученикъ его поѣхалъ на службу въ Петербургъ. Это было въ ноябрѣ 1769 года. Тамъ прожилъ онъ три года, превознося своего учителя. Сковорода, между тѣмъ, въ 1770 году съ Сошальскими уѣхалъ въ Кіевъ. Тамъ поселился онъ у своего родственника Іустина въ Китаевской пустыни, близъ Кіева, и прожилъ тутъ три мѣсяца. «Но вдругъ», по словамъ Ковалѣнскаго, «примѣтилъ онъ однажды въ себѣ внутреннее движеніе духа, побуждавшее его ѣхать изъ Кіева. Онъ сталъ просить Іустина отпустить его въ Харьковъ. Родственникъ началъ его уговаривать остаться. Сковорода обратился къ другимъ пріятелямъ, съ просьбою отправить его на Украйну. Между тѣмъ, пошелъ онъ на Подолъ—нижній Кіевъ. Сходя туда по горѣ, онъ, по словамъ его, вдругъ остановился, почувствовавши сильный запахъ труповъ. На другой же день онъ уѣхалъ изъ Кіева. Пріѣхавши черезъ двѣ недѣли въ Ахтырку, онъ остановился въ монастырѣ, у своего пріятеля, архимандрита Венедикта, и успокоился. Неожиданно получается извѣстіе, что въ Кіевѣ чума и городъ уже запертъ». Поживя нѣсколько у Венедикта, онъ обратно отправился въ Гусинку, къ Сошальскимъ, гдѣ и обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ. Здѣсь Ковалѣнскій дѣлаетъ маленькое отступленіе, въ объясненіе того, почему Сковорода при жизни подписывался, въ письмахъ и сочиненіяхъ, еще иногда такъ: *Григорій Варсава Сковорода,* а иногда *Даніилъ Мейнгардъ.*

Въ 1772 году, въ февралѣ, Ковалѣнскій поѣхалъ за границу и, объѣхавши Францію, въ 1773 году прибылъ въ швейцарскій городъ Лозанну. Между многими учеными въ Лозаннѣ сошелся онъ съ Даніиломъ Мейнгардомъ. Этотъ Мейнгардъ былъ до того похожъ на Сковороду — образомъ мыслей, даромъ слова и чертами лица, что его можно было признать ближайшимъ родственникомъ его. Ковалѣнскому

Мейнгардъ пришелся поэтому еще болѣе по-сердцу, и они такъ сблизились, что швейцарецъ предложилъ русскому страннику свой загородный домъ подъ Лозанною, съ садомъ и обширною библiотекой, чѣмъ тотъ и пользовался въ свое пребыванiе въ Швейцарiи. Возвратясь, въ 1775 году, изъ-за границы, Ковалѣнскiй передалъ о своей встрѣчѣ Сковородѣ. И послѣднiй до того полюбилъ заочно своего двойника, что съ той поры сталъ подписываться въ письмахъ и въ своихъ сочиненiяхъ: *Григорiй Варсава* (по еврейски: варъ — сынъ Савы) и *Данiилъ Мейнгардъ*. Это были его псевдонимы.

Въ 1775 году Сковородѣ было уже пятьдесятъ-три года, а онъ попрежнему былъ такой же безпечный, старый ребенокъ, такой же чудакъ и охотникъ до уединенiя, такой же мыслитель и непосѣда. Съ этого времени его жизнь уже принимаетъ видъ постоянныхъ переходовъ, странствованiй пѣшкомъ за сотни верстъ и краткихъ отдыховъ у немногихъ, которыхъ онъ любилъ и которые гордились его посѣщенiями.

Здѣсь разсказъ Ковалѣнскаго я прерву воспоминанiями другихъ лицъ, писавшихъ о Сковородѣ. Ковалѣнскiй говоритъ: «И добрая, и худая слава распространилась о немъ по всей Украйнѣ. Многiе хулили его, нѣкоторые хвалили, и всѣ хотѣли видѣть его. Онъ живалъ у многихъ. Иногда мѣстоположенiе—по вкусу его, иногда же люди привлекали его. Непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ. Болѣе другихъ онъ въ это время любилъ дворянъ Сошальскихъ и ихъ деревню Гусинку» *).

---

*) Въ объясненiе словъ Ковалѣнскаго, Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернета, потомокъ этихъ Сошальскихъ, *Е. Е. Сошальскiй*, доставилъ мнѣ, отъ 15 января 1856 г., слѣдующiя замѣтки своего отца: «Другъ Сковороды, Алексѣй Юрьевичъ Сошальскiй жилъ въ *Гусинкѣ*, возлѣ церкви, гдѣ теперь живетъ В. Ѳ. Земборгскiй. Онъ былъ старый холостякъ, оригиналъ, упрямаго характера и, будучи бездѣтенъ, все имѣнiе хотѣлъ передать своему племяннику, моему отцу. Но разсердился на него за то, что тотъ приказалъ выбросить изъ пруда конопли, которыя онъ велѣлъ мочить, и конопли были причиною того, что имѣнiе перешло въ разныя руки. Отецъ мой послѣ выкупилъ небольшую часть. Это—то мѣсто, гдѣ теперь я живу, т.-е. хуторъ Селище, близъ лѣса, называемаго Васильковъ. Я помню и самого Алексѣя Юрьевича, и домъ его, особой архитектуры. Это было очень высокое зданiе въ три этажа. Верхнiй, по имени лѣтникъ, былъ безъ печей. Тутъ съ весны проживалъ хозяинъ, другъ Сковороды. У него были еще два брата, Осипъ и Георгiй — мой дѣдъ. Первый жилъ также въ Гусинкѣ, а второй въ *Маначиновкѣ*.

Гессъ-де-Кальве говоритъ объ этой порѣ («Украинскій Вѣстникъ» 1817 г., IV кн.): «Въ крайней бѣдности переходилъ Сковорода по Украйнѣ изъ одного дома въ другой, училъ дѣтей примѣромъ непорочной жизни и зрѣлымъ наставленіемъ. Одежду его составляла сѣрая свита, пищу—самое грубое кушанье. Къ женскому полу не имѣлъ склонности; всякую непріятность сносилъ съ великимъ равнодушіемъ. — Проживши нѣсколько времени въ одномъ домѣ, гдѣ всегда ночевалъ — лѣтомъ въ саду подъ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ,—бралъ онъ свою еврейскую Библію, въ карманъ флейту и пускался далѣе, пока попадалъ на другой предметъ. Никто, во всякое время года, не видалъ его иначе, какъ пѣшимъ; также малѣйшій видъ награжденія огорчалъ его душу. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по большей части, жилъ онъ въ Купянскомъ уѣздѣ, въ большомъ лѣсу, принадлежавшемъ дворянину О. Ю. Шекому (Ос. Юр. Сошальскому). Онъ обыкновенно приставалъ въ убогой хижинѣ пасѣчника. Нѣсколько книгъ составляли все его имущество. Онъ любилъ быть также у помѣщика И. И. Меч—кова (И. И. Мечникова). Простой и благородный образъ жизни въ сихъ домахъ ему нравился. Тамъ онъ воспитывалъ дѣтей и развеселялъ разговорами сихъ честныхъ стариковъ».

Г. Срезневскій говоритъ о его характерѣ («Утренняя Звѣзда», 1834 г., кн. I): «Уваженіе къ Сковородѣ простиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселился онъ хоть на нѣсколько дней. Онъ могъ бы составить себѣ подарками порядочное состояніе. Но, что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: «дайте неимущему!» и самъ довольствовался только сѣрой свитой. Эта сѣрая свита, чоботы про запасъ и нѣсколько свитковъ со-

---

Недалеко отъ Гусинки есть лѣсъ. Тамъ въ то время была хижина и пасѣка, гдѣ Сковорода проживалъ иногда вмѣстѣ съ Алексѣемъ Юрьевичемъ. Мѣсто называлось Скрынники и получило имя «Скрынницкой пустыни». Друзья ходили оттуда въ церковь въ Гусинку, гдѣ и теперь въ алтарѣ хранится зеркало Сковороды, взятое по смерти его изъ домика Скрынницкой пустыни. Еще слово. Въ родѣ Сошальскихъ было также монашеское званіе. Одинъ изъ предковъ нашихъ потерялъ жену отъ чумы, занесенной въ Украйну. Возлѣ матери найденъ былъ живымъ ребенкомъ сынъ ея. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ часть имѣнія, именно хуторъ Чернячій, впослѣдствіи взятый въ казну, пожертвовалъ на Куряжскій монастырь, близъ Харькова, и самъ пошелъ въ монахи».

чиненій,—вотъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши странствовать или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу и, перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя неразлучными: *палкой-журавлемъ и флейтой* *). И то, и другое было собственнаго его рукодѣлья». — Въ тѣхъ же «запискахъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ» г. Срезневскій говоритъ (стр. 68—71): «Сковорода отъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное. Но, росшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по-неволѣ къ состоянію одиночества, и сердце его должно было подпасть подъ иго меланхоліи и загрубѣть, и судьба наконецъ взяла свое: съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство отчужденія отъ людей и свѣта. Умъ Сковороды шелъ тою же дорогой: сначала добрый, игривый, онъ мало-по-малу тяжелѣлъ, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе и, наконецъ, погрузился въ бездну мистицизма. Притомъ вспомнимъ время, когда жилъ Сковорода: мистики или квіетисты разыгрывались тогда повсюду въ Германіи. Сковорода побывалъ въ этой странѣ и навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней передъ всѣми прочими, исключая родины своей. Легко понять, отчего Сковорода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не юродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ мистицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, себялюбивый, гордый, въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, съ причудами,—Сковорода могъ по справедливости заслужить это названіе. Сковорода жилъ самъ собою, удаляясь отъ людей и изучая ихъ, какъ изучаетъ естествоиспытатель хищныхъ звѣрей. Этотъ духъ сатиризма—самая разительная черта его характера.—Вотъ что говоритъ Сковорода самъ о своей жизни: «что жизнь? *То сонъ Турка, упоенная опіумомъ,—сонъ страшный:* и голова болитъ отъ него, сердце стынетъ. *Что жизнь? То странствіе.* Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда идти, зачѣмъ идти. И всегда блуждаю между несчастными степями, колючими кустарниками, горными утесами, — а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но — бодрствуй!»... — Впрочемъ, Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Онъ жилъ

*) По словамъ Хиждеу, въ статьѣ «*Три пѣсни Сковороды*»,—пѣсни Сковороды малороссійскіе слѣпцы поютъ подъ именемъ «*Сковородинскихъ весняновъ*».

самъ собою. Онъ не могъ равнодушно сносить, чтобъ уни жали его мысли. Любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ. Кромѣ славянскаго церковнаго, русскаго и украинскаго, онъ зналъ нѣмецкій, греческій и латинскій и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ. Сказавъ, что Сковорода вообще отличался особенною умѣренностью, какъ въ пищѣ, такъ и въ питіи, что онъ былъ настоящій постникъ, и «по сказанію всѣхъ, знавшихъ лично его, почти вовсе не употреблялъ горячихъ напитковъ» — г. Срезневскій старается защитить Сковороду противъ замѣчаній къ статьѣ Гессъ-де-Кальве издателей «Украинскаго Вѣстника», гдѣ указывается на письмо Сковороды, приложенное къ статьѣ «Вѣстника». Письмо писано къ харьковскому купцу Урюпину, изъ Бурлука, отъ 1790 года, 2 іюля; въ концѣ посланія «старецъ Григорій Варсава Сковорода» выражается такъ: «Пришлите мнѣ ножикъ съ печаткою. Великою печатью не кстати и не люблю моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. Уворовано моего еленя тогда, *когда я у васъ въ Харьковѣ пировалъ и буянилъ*. Достойно! — *Боченочки оба отсылаются*, вашъ и Дубровина; и сей двоицѣ отдайте отъ меня низенькій поклонъ и господину Прокопію Семеновичу». Къ словамъ г. Срезневскаго, въ статьѣ «Утренней Звѣзды», сдѣлалъ примѣчаніе Квитка-Основьяненко, подписавшись буквами: *Г. Ѳ. К—а.* Онъ рѣшаетъ вопросъ такъ: «хотя Сковорода и не былъ пьяница, но не былъ и врагъ существовавшему въ его время здѣсь обыкновенію, въ дружескихъ и пріятельскихъ собраніяхъ поддерживать и одушевлять бесѣды употребленіемъ не вина, котораго въ то время здѣсь, кромѣ крымскихъ и волошскихъ, и слыхомъ не было слышно, а разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятельскихъ».

Г. Срезневскій сохраняетъ еще одну черту изъ жизни и нрава Сковороды, которую должно упомянуть прежде, нежели я перейду къ дальнѣйшему развитію разсказа Ковалѣнскаго.

Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 г., ч. VI, г. Срезневскій помѣстилъ повѣсть *«Майоръ-майоръ»*, гдѣ разсказываетъ, какъ судьба испытала-было Сковороду въ сердечныхъ стремленіяхъ его, какъ онъ чуть было не женился, и остался все-таки холостякомъ. Среди вымысла разговоровъ и обыкновенныхъ повѣствовательныхъ отступленій,

авторъ сберегаетъ любопытныя черты, взятыя имъ изъ преданій старожиловъ, знавшихъ Сковороду. Послѣ того, какъ Сковорода «съ восторгомъ надѣлъ стихарь дьячка грекороссійской церкви въ Офенѣ, только для того, чтобъ убѣжать изъ Офена и, пространствовавъ на свободѣ по Европѣ», бѣглымъ дьячкомъ исходилъ онъ Венгрію, Австрію, сѣверную Италію и Грецію; странствовалъ потомъ по Украйнѣ и «*въ 1765 г. зашелъ въ наши Валковскіе хутора*». Значитъ, ему было тогда уже сорокъ три года. Свернувъ съ какой-то тропинки на проселокъ, а изъ проселка на огороды, онъ наткнулся на садикъ, близъ пасѣки, гдѣ видитъ дѣвушку, распѣвавшую пѣсни. Онъ знакомится съ отцомъ ея, оригинальнымъ хуторяниномъ, носившимъ прозвище «Майоръ», часто бесѣдуетъ съ нимъ, учитъ его дочку; дочка заболѣваетъ горячкой, онъ ее лѣчитъ. Тутъ дочка Майора и Сковорода влюбляются другъ въ друга. Сковорода, по словамъ біографовъ, «вовсе несклонный къ женскому полу», увлекается сильнѣе; его помолвили, ставятъ подъ вѣнецъ. Но тутъ преданіе, въ разсказѣ г. Срезневскаго, сберегаетъ любопытную черту. Природа чудака беретъ верхъ—и онъ убѣгаетъ изъ церкви изъ-подъ вѣнца... Или Сковорода объ этомъ не разсказывалъ своему другу, Коваленскому, или Ковалѣнскій умолчалъ объ этомъ изъ деликатности: только въ его разсказѣ этого эпизода не находится.

Продолжаю записки Ковалѣнскаго.

Полюбя *Тевяшева*, воронежскаго помѣщика, Сковорода жилъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе: «Икона Алкивіадская» *). Потомъ онъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ, у *Захаржевскаго*, гдѣ помѣстье отличалось красивымъ видомъ. Жилъ также у *Щербинина*, въ селѣ Бабаяхъ, въ монастыряхъ Старо-Харьковскомъ, Харьковскомъ учи-

*) По случаю жизни Сковороды въ воронежской губерніи удѣлено нѣсколько строкъ въ «*Москвитянинѣ*», 1849 г., XXIV ч., подъ именемъ «*Анекдотъ о Г. С. Сковородѣ. Свиданіе Сковороды съ епископомъ Тихономъ III въ Острогожскѣ*». Подпись: «Сообщено Н. Б. Баталинымъ изъ Воронежа». Это извѣстіе начинается словами: «Нѣкогда Г. С. Сковорода жилъ въ Острогожскѣ». Въ это время епископу разсказывали о немъ, какъ о дивѣ. Епископъ, между прочимъ, въ разговорѣ съ нимъ, спросилъ: «Почему не ходите никогда въ церковь?»—«Если вамъ угодно, я завтра же пойду».—И онъ кротко повиновался желанію епископа.

лищномъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ, Святогорскомъ, Сеннянскомъ, у своего друга, Ковалѣнскаго, въ селѣ Хатетовѣ, близъ Орла, и въ селѣ Ивановкѣ, у *Ковалѣнскаго*, гдѣ потомъ и скончался. «Иногда жилъ онъ у кого-либо», замѣчаетъ Ковалѣнскій, «совершенно не любя пороковъ своихъ хозяевъ, но для того только, дабы черезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, нечувствительно привлечь ихъ *въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ и въ отвращеніе отъ зла*».—«Впрочемъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, онъ избиралъ всегда уединенный уголъ, жилъ просто, одинъ, безъ услуги.—Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его. Новый начальникъ тамошній, услыша о немъ, желалъ видѣть его». Губернаторъ съ перваго же знакомства спросилъ, о чемъ учитъ его любимая книга, «книга изъ книгъ», священная Библія? Сковорода отвѣтилъ: «Поваренныя книги ваши учатъ, какъ удовольствовать желудокъ; псовыя — какъ звѣрей ловить; модныя — какъ наряжаться; а она учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце». Тутъ онъ толковалъ и спорилъ съ учеными, говорилъ о философіи. И во всѣхъ его рѣчахъ была одна завѣтная цѣль: побужденіе людей къ жизни духа, къ благородству сердца и «къ свѣтлости мыслей, яко главѣ всего». Изъ Харькова онъ надолго отправился въ Гусинку, къ Сошальскимъ, въ «любимое свое пустынножительство». Онъ былъ счастливъ по-своему и повторялъ завѣтную свою поговорку: «*благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!*» — Усталый, говоритъ Ковалѣнскій, приходилъ онъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жившему на пасѣкѣ, «бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли они между собою свечерю». «Можно жизнь его было назвать жизнью; не таково было тогда состояніе друга его!»—заключаетъ Ковалѣнскій и переходитъ къ описанію собственнаго положенія, когда онъ почти на двадцать лѣтъ разстался съ Сковородою и, увлеченный вихремъ свѣта и столичной жизни, свидѣлся съ нимъ опять уже въ годъ смерти бывшаго своего учителя. Здѣсь и я на время разстанусь съ разсказомъ Ковалѣнскаго и пополню его слова изъ другихъ источниковъ о Сковородѣ, а именно нѣсколькими анекдотами о странствующемъ философѣ, записанными харьковскими старожилами, безъ означенія времени.

По словамъ Ѳ. Н. Глинки, Екатерина II знала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды, чрезъ Потемкина, послала ему приглашеніе изъ Украйны переселиться въ столицу. Посланный гонецъ отъ Потемкина, съ юга Малороссіи, засталъ Сковороду съ флейтою, на закраинѣ дороги, близъ которой ходила овца хозяина, пріютившаго на время философа. Сковорода, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: «скажите матушкѣ-царицѣ, что я не покину родины...

Мнѣ моя свирѣль и овца
Дороже царскаго вѣнца!»

Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» (1817 г., кн. IV) сохранили о Сковородѣ нѣсколько любопытныхъ чертъ Гессъ-де-Кальве и Иванъ Вернетъ.

Гессъ-де-Кальве говоритъ: «Чтобы дать понятіе объ остроуміи и скромности Сковороды, приведу два случая.— При странномъ поведеніи его, неудивительно, что нѣкоторые забавники шутили надъ нимъ. Г***, умный и ученый человѣкъ, но атеистъ и сатирикъ (онъ былъ воспитанъ по-французски), хотѣлъ однажды осмѣять его. «Жаль, — говорилъ онъ,—что ты, обучившись такъ хорошо, живешь какъ сумасшедшій, безъ цѣли и пользы для отечества!»—«Ваша правда,—отвѣчалъ философъ:—я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ пользы; но надобно сказать — и никакого вреда! Но вы, сударь, безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла. Человѣкъ безъ вѣры есть ядовитое насѣкомое въ природѣ. Но байбакъ (сусликъ), живя уединенно подъ землею, временемъ, съ своего бугорка, смотря на прекрасную натуру, отъ радости свищетъ и притомъ никого не колетъ!» Г*** проглотилъ пилюлю; однако, она не подѣйствовала: онъ остался, какъ и былъ, безбожникомъ до послѣдняго издыханія».— «Другой анекдотъ, — говоритъ Гессъ-де-Кальве: — показываетъ скромность Сковороды.—Многіе желали познакомиться съ нимъ. Иные, будучи водимы благороднымъ чувствомъ, а другіе, чтобы надъ нимъ почудиться, какъ надъ рѣдкимъ человѣкомъ, полагая, что философъ есть родъ орангутанговъ, которыхъ показываютъ за деньги. — Въ Таганрогѣ жилъ Г. И. Ковалѣнскій, воспитанникъ Сковороды (это, вѣроятно, братъ Ковалѣнскаго, автора записокъ о Сковородѣ). Чтобы навѣстить его, пустился нашъ мудрецъ въ дорогу, на которой, какъ онъ самъ говорилъ, помѣшкалъ болѣе года.

Когда же онъ прибылъ въ Таганрогъ, то ученикъ его созвалъ множество гостей, между которыми были весьма знатные люди, хотѣвшіе познакомиться съ Сковородою. Но сей, будучи врагъ пышности и многолюдства, лишь только примѣтилъ, что такая толпа милостивцевъ собралась единственно по случаю его прибытія туда, тотчасъ ушелъ изъ комнаты, и, къ общей досадѣ, никто не могъ его найти. Онъ спрятался въ сарай, гдѣ до тѣхъ поръ лежалъ въ закрытой кибиткѣ, пока въ домѣ стало тихо». Гессъ-де-Кальве заключаетъ свои воспоминанія словами: «Вотъ нѣсколько довольно странныхъ его изреченій: «Старайся манить собаку, но палки изъ рукъ не выпускай». — «Курица кудахчетъ на одномъ мѣстѣ, а яйца кладетъ на другомъ».—«Рыба начинаетъ отъ головы портиться».

Вотъ нѣсколько чертъ, переданныхъ во всей наивности Иваномъ Вернетомъ, еще любопытнѣе.—«Подлѣ Лопанскаго моста, въ Харьковѣ, въ домѣ почтеннаго моего пріятеля, *П. Ѳ. Пискуновскаго*, досталось мнѣ видѣть въ послѣдній разъ Григорія Саввича Сковороду. Онъ былъ мужъ умный и ученый. Но своенравіе, излишнее самолюбіе, нетерпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его—magister dixit—затмевали сіяніе дарованія его и уменьшали пользу, которую общество могло ожидать отъ его способностей. Ему надлежало бы, по совѣту Платона, который относилъ слова свои къ Ксенократу, *почаще приносить жертву граціямъ. Истина въ устахъ его, не будучи прикрыта пріятною завѣсою скромности и ласковости, оскорбляла исправляемаго.* Всѣхъ болѣе удивлялись ему достопочтенные Я. М. Донецъ-Захаржевскій и А. Ю. Сошальскій. Сковорода преимущественно любилъ малороссіянъ и нѣмцевъ. Сія исключительная любовь была причиною моего съ нимъ пренія и несогласія при первомъ свиданіи. Сковорода былъ музыкантомъ. Его духовные канты мнѣ нравятся. Но стихи его вообще противны моему слуху, можетъ быть, отъ того, что я худой знатокъ и цѣнитель красотъ русской поэзіи. При всемъ томъ, я чувствую въ себѣ склонность подражать ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. И вмѣсто того, чтобы чувствительно оскорбиться тѣмъ, *что онъ меня назвалъ мужчиною съ бабьимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ*, я еще былъ ему весьма обязанъ за сіи титла. Это было въ тѣ счастливыя лѣта, когда человѣкъ, у *коего*

не тыква на мѣстѣ головы и не кусокъ дерева вмѣсто сердца, поставляетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобы любить и быть любиму; когда чувствительное сердце ищетъ себѣ подобнаго, и когда милая улыбка любимаго предмета такъ восхищаетъ сердце и душу, какъ послѣ суровой зимы солнечная теплота, пѣніе птицъ и природа во всемъ ея убранствѣ» («Украин. Вѣстн.», 1817 г. кн. IV). Модное нѣкогда, какъ впослѣдствіи — разочарованность, «чувствительное сердце» Ивана Вернета заставило его сказать въ концѣ отъ души: «я нарочно ѣздилъ изъ Мерчика (имѣніе Шидловскихъ) въ деревню Ивановку, богодуховскаго уѣзда, для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бренные останки незабвеннаго Сковороды. И. Вернетъ. *Софійское, валковскаго уѣзда. Въ мартѣ 1817 года»*.

Г. Срезневскій сообщаетъ также любопытный анекдотъ о Сковородѣ («Утренняя Звѣзда», 1834 г. кн. I): «Рѣдко, очень рѣдко Сковорода измѣнялъ своей важности, а если и измѣнялъ, то въ такихъ только случаяхъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый старецъ, онъ былъ, однако, застѣнчивъ и не могъ терпѣть, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ становился самъ не свой, онъ терялся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто-нибудь изъ давно желавшихъ видѣть его и разливался въ привѣтствіяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ *Пискуновскаго*, старика, любимаго Сковородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной стариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали старики разсказы и нравоученія старца, который, выпивши на этотъ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хотя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Прошелъ часъ и другой, и ничто не мѣшало восторгу разсказчика и слушателей. Сковорода началъ говорить о своемъ сочиненіи: «Лотова жена», сочиненіи, въ коемъ положилъ онъ главныя основанія своей мистической философіи. Сковорода разсказалъ уже очеркъ. Начинаются подробности. Вдругъ дверь съ шумомъ растворяется, половинки хлопаютъ, и молодой Х—ъ, франтъ, недавно изъ столицы, вбѣгаетъ въ комнату. Сковорода, при появленіи незнакомаго, умолкъ внезапно.—«Итакъ,—восклицаетъ Х—ъ,—я, наконецъ, достигъ того счастія, котораго столь долго и напрасно жаждалъ. Я вижу, наконецъ, вели-

каго соотечественника моего, Григорія Саввича Сковороду! Позвольте»... и подходитъ къ Сковородѣ. Старецъ вскакиваетъ; сами собою складываются крестомъ на груди его костлявыя руки; горькой улыбкой искривляется тощее лицо его, черные впалые глаза скрываются за сѣдыми нависшими бровями, самъ онъ невольно изгибается, будто желая поклониться, и вдругъ прыжокъ, и трепетнымъ голосомъ: «*позвольте! тоже позвольте!*»—и исчезъ изъ комнаты. Хозяинъ за нимъ; проситъ, умоляетъ — нѣтъ. «Съ меня смѣяться!» говоритъ Сковорода и убѣжалъ. И съ тѣхъ поръ не хотѣлъ видѣть Х—а».

Выписываемъ еще нѣсколько строкъ изъ повѣсти г. Срезневскаго «*Майоръ-майоръ*» («Московскій Наблюдатель», 1836 г. IV ч.), гдѣ онъ сохранилъ, по разсказамъ старожиловъ, портретъ Сковороды, относящійся къ его поздней жизни въ Харьковѣ и окрестностяхъ. «Сухой, блѣдный, длинный», говорилъ онъ, «губы изжелкли, будто истерлись; глаза блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная». Въ это время слава Сковороды шла уже далеко, и украинскіе бродячіе пѣвцы, называемые «бандуристами» и «слѣпцами», подхватывали его стихи и духовные канты и распѣвали ихъ на большихъ дорогахъ, именуя ихъ «псалмами«.

ГЛАВА III.

Переписка Сковороды.—Письма Ковалѣнскаго.—Свиданіе съ другомъ черезъ двадцать лѣтъ разлуки.—Болѣзнь, старческая суровость и смерть.—Надгробная и вызовъ черезъ «Московскія Вѣдомости» читать его сочиненія. Письмо Н. С. Мягкаго.—Заключеніе.

Начиная съ 1775 года, когда Сковородѣ исполнилось уже за пятьдесятъ лѣтъ, его біографы оставляютъ въ его жизни пробѣлъ, вплоть до самой его смерти. Ковалѣнскій, выразившись, что около 1775 года разстался съ нимъ, «увлеченный великимъ свѣтомъ, возбудившимъ въ немъ разумъ внѣшній», на двадцать лѣтъ, — прямо уже переходитъ къ разсказу о Сковородѣ въ 1794 году, когда снова столкнулся съ нимъ и навѣки оплакалъ своего друга. Г. Срезневскій, послѣ всего взятаго мною изъ его «Записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ», также кончаетъ свою статью коротенькимъ описаніемъ его смерти. Этотъ пробѣлъ почти

въ двадцать лѣтъ, кромѣ приведенныхъ мною анекдотовъ, хотя нѣсколько могутъ освѣтить выдержки изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ писемъ Сковороды. Эти письма приложены частію къ нѣсколькимъ изданнымъ его сочиненіямъ, частію же сопровождаютъ его рукописныя сочиненія, съ которыми постоянно и списываются, какъ необходимое предисловіе къ его разсужденіямъ, обращавшимся постоянно къ тѣмъ, къ кому онъ писалъ письма. Кромѣ того, два письма Сковороды помѣщены отдѣльно въ «*Украинскомъ Вѣстникѣ*», при статьѣ Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернета, и нѣсколько отрывковъ ихъ напечатано въ статьѣ В. Н. Каразина и И. И. Срезневскаго въ «*Молодикѣ*», 1843 года. Нельзя не упомянуть при этомъ и нѣсколькихъ намековъ на письма, именно на подписи ихъ года и числа и мѣста жительства Сковороды, въ подстрочныхъ выноскахъ при статьѣ Хиждеу, въ «*Телескопѣ*» 1835 года. Въ тѣхъ письмахъ сохранена исторія появленія сочиненій Сковороды, изрѣдка прерываясь краткими и скупыми намеками на собственную жизнь автора. Пособіемъ въ сведеніи этой переписки послужилъ мнѣ присланный отъ преосвященнаго *Иннокентія*, изъ Одессы, и неизданный еще нигдѣ списокъ нѣсколькихъ писемъ Ковалѣнскаго къ Сковородѣ, отъ 1779 до 1788 года, сдѣланный вскорѣ послѣ смерти Сковороды, въ концѣ прошлаго вѣка.

«Самое старое изъ писемъ Сковороды, говоритъ г. Срезневскій въ отдѣльной своей статьѣ «Выписки изъ писемъ Г. С. Сковороды». («Молодикъ», 1843 г.) есть то, которое помѣщено передъ его книжкой (неизданной) «О древнемъ зміѣ или Библіи». Оно писано къ какому-то высокородію, и во всякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано С. Ѳ. Залѣсскимъ».

Вотъ отрывокъ этого письма: «Училъ своихъ друзей Епикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть животъ человѣку. Силу слова сего люди не раскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, обезславили Епикура за сладость и почти самого его величали пастыремъ стада свиного, а каждаго изъ друзей его величали Epicuri de grege porcus. *Всякая мысль подло, какъ змія, по земли ползетъ; но есть въ ней око голубицы, взирающее выше потопныхъ водъ на прекрасную ипостась истины*» («Молодикъ», 1743 г., стр. 241—242).

При изданной книгѣ Сковороды «*Басни Харьковскія*»

(Москва, 1837 года), въ видѣ предисловія, напечатано, съ помѣткою: *«1774 года, въ селѣ Вабаяхъ; наканунѣ пятидесятницы»*, слѣдующее письмо Сковороды. Вотъ это письмо:

«Любезному другу, Аѳанасію Кондратовичу Панкову.

«Любезный пріятель! Въ седьмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка, отставъ отъ учительской должности и уединяясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селахъ, деревняхъ и пчельникахъ, обучалъ я себя добродѣтели и поучался въ Библіи; притомъ, благопристойными игрушками забавляясь, написалъ полтора десятка басенъ, не имѣя съ тобою знаемости. А сего года, въ селѣ *Вабаяхъ*, умножилъ оныя до половины. Между тѣмъ, какъ писалъ прибавочныя, казалось, будто ты всегда притомъ присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о нихъ со мною причащаясь. Дарую же тебѣ три десятка басенъ: тебѣ и подобнымъ тебѣ!

«Отческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость, а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу.

«Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпровожаютъ по смѣху, а разумную шутку важный печатлѣетъ конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ, и нѣтъ веселѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дѣльностію; вспомните пословицу: *красна хата не углами, но пирогами*. Я и самъ не люблю поддѣльной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *стучитъ, шумитъ, гремитъ. А что тамъ? Кобылья мертва голова бѣжитъ*. Говорятъ и великороссійцы: *летала высоко, а сѣла недалеко*, о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечего слушать. Не люба мнѣ сія пустая надменность и пышная пустошь; а люблю тое, что сверху ничто, но въ середкѣ чтось: снаружи ложь, но внутрь истина. Картинка сверху смѣшна, но внутрь боголѣпна. Другъ мой! Не презирай баснословія. Басня и притча есть тоже. «Не по кошельку суди сокровище». Праведенъ судъ судитъ! Басня тогда бываетъ скверная и бабія, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины: похожа на орѣхъ свищъ. Отъ такихъ-то басенъ отводитъ Павелъ своего Тимоѳея; и Петръ не просто отвергаетъ басни, но басни ухищренныя, кромѣ украшенной наружности, силы Христовой неимущія. Иногда во вретищѣ

дражайшій кроется камень. Какъ обрядъ есть, безъ силы Божіей, пустошь, такъ и басня безъ истины. Если-жъ съ истиною: кто дерзнетъ назвать лживою?

«*Все, убо, чисто чистымъ, оскверненнымъ же и не вѣрнымъ ничтоже чисто, но осквернися ихъ умъ и совѣсть.*

«Симъ больнымъ, лишеннымъ страха Божія, а съ нимъ и добраго вкуса, всякая пища кажется гнусною. Не пища гнусна, «*но осквернился ихъ умъ и совѣсть*».

«Сей забавный и фигурный родъ писаній былъ домашній самымъ лучшимъ древнимъ любомудрцамъ. Лавръ и зимою зеленъ. Такъ мудрые и въ игрушкахъ умны, и во лжѣ истинны. Истинна острому взору ихъ не издали мелькала, такъ, какъ низкимъ умамъ, но ясно, какъ въ зеркалѣ, представлялась; а они, увидѣвъ живо живый ея образъ, уподобили оную различнымъ тлѣннымъ фигурамъ.

«Ни однѣ краски не изъясняютъ розу, лилію, нарцисса столько живо, сколько благолѣпно у нихъ образуетъ невидимою Божію истину тѣнь небесныхъ и земныхъ образовъ. Отсюду родились символы, притчи, басни, подобія, пословицы...

«И не дивно, что Сократъ, когда ему внутренній геній, предводитель во всѣхъ его дѣлахъ, велѣлъ писать ему стихи, тогда избралъ Езоповы басни. И какъ самая хитрѣйшая картина неученымъ очамъ кажется враками, такъ и здѣсь дѣлается.

«Пріими-жъ, любезный пріятель, дружескимъ сердцемъ сію не безвкусную отъ твоего друга мыслей воду. Не мои сіи мысли, и не я оныя вымыслилъ; истина есть безначальна! Но люблю!.. Тѣшь мои *люби*—и будутъ твои. Знаю, что твой тѣлесный болванъ далеко разнится отъ моего чучела, но два разноличные сосуды однимъ да наполнятся елеемъ; да будетъ едина душа и едино сердце! Сія-то есть истинная дружба—мыслей единство. Все не наше, все погибнетъ. И самые болваны наши. Однѣ только мысли наши всегда съ нами; одна только истина вѣчна! А мы въ ней, какъ яблокъ въ своемъ зернѣ, сокрыемся.

«Питаймо-жъ дружбу! Пріими и кушай съ Петромъ четвероногая, звѣри, гади и птицы. Богъ тебя да благословляетъ! Съ нимъ не вредитъ и самый ядъ языческій. Они ничто суть, какъ образы, прикрывающіе какъ полотномъ истину. Кушай, поколь вкусишь съ Богомъ лучшее! Любез-

ный пріятель, твой вѣрный слуга, любитель Священныя Библіи, Григорій Сковорода».

Вслѣдъ за этимъ идутъ письма Ковалѣнскаго къ Сковородѣ, по рукописи преосвященнаго Иннокентія. Ничего наивнѣе и трогательнѣе этихъ писемъ нельзя себѣ представить. Въ нихъ сохранились любопытныя черты, дорисовывающія окончательно образъ Сковороды и показывающія всю степень любви, которую питали къ нему современники и друзья его.

Привожу слѣдующее, помѣченное 1779 г., нигдѣ неизданное, замѣчательное письмо Сковороды къ лицу неизвѣстной фамиліи, найденное мною въ рукописяхъ библіотеки харьковскаго университета въ 1865 году, въ сборникѣ рукописей Сковороды, подаренныхъ университету И. Т. Лисенковымъ въ 1861 году.

Вотъ оно:

Изъ Гусинской пустыни, 1779 г., февраля 19.

«Любезный государь, Артемъ Дорофеевичъ, радуйтесь и веселитесь! Ангелъ мой хранитель нынѣ со мною веселится пустынею. Я къ ней рожденъ. Старость, нищета, смиреніе, безпечность, незлобіе суть мои въ ней сожительницы. Я ихъ люблю и онѣ мене. А что ли дѣлаю въ пустынѣ? Не спрашивайте. Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ: скажите мнѣ, что̀ онъ тамъ дѣлаетъ? Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣрь, тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я празденъ, и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка: продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣрь? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина: что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себе, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы себе за неключимымъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущесь. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ, не о погѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Коликая-жъ намъ отсюду тщета

и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны? Точно, всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ колесъ—одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такова, каковыя у шкорбутика или подагрика ноги, или матрозскій алтына не стоящій козырекъ. Она въ насъ разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ не довольна, сама на себя гнѣвна, тощая, блѣдна, точно такая, какъ паціентъ изъ лазарета, каковыхъ часто живыхъ погребаютъ по указу. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей? Если весь міръ ее превозноситъ портретами и пѣсньми, сирѣчь одами величаетъ, не жалобныя ли для нея оныя пророческія сонаты:

«Въ тайнѣ восплачется душа моя (Іеремія)
«Взволнуются... и почти не возмогутъ! (Исаія)

«Если самая тайна, сирѣчь самый центръ души изнываетъ и болитъ, кто или чтò увеселитъ ее? Ахъ, государь мой и любезный пріятель! плывите по морю и возводьте очи къ гавани. Не забудьте себе среди изобилій вашихъ. Одинъ у васъ хлѣбъ уже довольный есть, а втораго много-ль? Рабъ вашъ сытъ, а Ревекка довольна-ль? Сіе-то есть?

«Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ!»

«О семъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и ночь печется Сковорода. Онъ любитъ сей родъ блиновъ паче всего. Далъ бы по одному блину и всему Израилю, еслибъ былъ Давыдомъ. Какъ пишется въ книгахъ Царствъ: но и для себе скудно. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ пустынѣ, пребывая, любезный государь, вамъ всегда покорнѣйшимъ слугою—и любезному нашему Степану Никитичу г-ну Курдюмову, отцу и его сынови поклонъ, если можно, и Ивану Акимовичу». На письмѣ адресъ: «М. гос. г-ну Артему Дорофеевичу—въ Харьковѣ».

Въ рукописяхъ преосвященнаго Иннокентія найдено мною слѣдующее письмо отъ М. Ковалѣнскаго къ Сковородѣ: «1788 г., февраля 13, Сант-Петербургъ. — Возлюбленный мой Мейнгардъ! Такъ ты уже и не пишешь ко мнѣ оригинально, а только черезъ копію говоришь со мною? Вчера я получилъ отъ Якова Михайловича Захаржевскаго письмо, въ которомъ ты препоручаешь ему цѣловать меня. За дру-

жеское сіе цѣлованіе душевно благодарю тебя, другъ мой; но желалъ бы я имѣть цѣлованіе твоею рукою Мейнгардовою! Видъ начертанныхъ твоихъ писемъ возбуждаетъ во мнѣ огнь, пепломъ покрываемый, не получая ни движенія, ни вѣтра; ибо я живу въ такой странѣ, гдѣ хотя водъ и непогодъ весьма много, но движенія и вѣтровъ весьма мало,—а безъ сихъ огонь совершенно потухаетъ. Ты говоришь въ письмѣ, что все мое получилъ, но меня самого не получаешь. Сего-то и я сердечно желаю. Давно уже направляю я ладію мою къ пристани тихаго уединенія! — Тогда-то я бы утѣшился тобою, другомъ моимъ, услаждая жизнь собесѣдованіемъ твоимъ! — Прости! Не знаю, что послать тебѣ. *Да ты ни въ чемъ не имѣешь надобности, что прислать можно: все въ тебѣ и съ тобою!* Я слышалъ о твоихъ писаніяхъ. По любви твоей ко мнѣ, пришли мнѣ оныя. Я привыкъ любить мысли твои. Ты много оживотворишь меня бесѣдою твоею. Впрочемъ, не безпокойся, чтобы я оныя сообщилъ кому другому. Можетъ быть, Богъ велитъ мнѣ увидѣть тебя скоро. Я покупаю у Шидловскаго, Николая Романовича, село *Кунее*, въ Изюмской округѣ. Сказуютъ, что мѣста хорошія тамъ; а ты бы еще собою мнѣ сдѣлалъ оныя прекрасными. Другъ твой и слуга вѣрный, Михайло Ковалѣнской. Надежда моя посылаетъ тебѣ *пармазану*, съ дѣтьми Якова Михайловича, *и шесть платочковъ*. Прійми ихъ отъ дружбы».

Тамъ же найдено мною письмо отъ 1788 г. 6 марта за подписью: «*Василій Тамара*». «Любезный мой учитель Григорій Савичъ! Письмо ваше черезъ корнета *Кислаго* получилъ я, съ равною любви и сердца привязанностію моею къ вамъ. Вспомнишь ты, почтенный другъ мой, твоего Василія, по наружности, можетъ быть, и не-несчастнаго, но внутренно болѣе имѣющаго нужду въ совѣтѣ, нежели когда былъ съ тобою. О, если-бы внушилъ тебѣ Господь пожить со мною! Если бы ты меня одинъ разъ выслушалъ, узналъ, то-бъ не порадовался своимъ воспитанникомъ. Напрасно ли я тебя желалъ? Если нѣтъ, то одолжи и отпиши ко мнѣ, какимъ образомъ могъ бы я тебя увидѣть, страстно любимый мой Сковорода? Прощай и не пожалѣй еще одинъ разъ въ жизни удѣлить частицу твоего времени и покоя старому ученику твоему — Василію Тамарѣ».

Во всѣхъ этихъ письмахъ, сильнѣе всякой біографической похвалы, говоритъ за Сковороду страстная любовь, которою его встрѣчали и провожали всѣ знавшіе его. За отсутствіемъ другого, высшаго нравственнаго интереса въ украинскомъ обществѣ того времени, за отсутствіемъ литературы и науки въ главномъ городѣ Слободскаго намѣстничества, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его; хвалили и злословили на него. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать странствующимъ университетомъ и академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока, наконецъ, чрезъ десять лѣтъ послѣ смерти Сковороды, Василій Каразинъ послужилъ къ открытію въ Харьковѣ университета.

Рукопись неизданнаго сочиненія Сковороды «Книжечка, называемая Silenus Alcibiadis» (1777 года, марта 28), сопровождается неизданнымъ письмомъ Сковороды къ «Высокомилостивому Государю, Степану Ивановичу, Господину Полковнику, *Тевяшову*». Письмо кончается слѣдующими словами:

«Я въ сей книжечкѣ представляю опыты, коимъ образомъ входить можно въ точный сихъ книгъ разумъ. Писалъ я ее, забавляя праздность и прогоняя скуку; а вашему высокородію подношу, не столько для любопытства, сколько ради засвидѣтельствованія благодарнаго моего сердца за многія милости ваши, на подобіе частыхъ древесныхъ вѣтвей, прохладною тѣнію праздность мою успокоивающія. Такъ что и мнѣ можно сказать съ Мароновымъ пастухомъ: Deus nobis haec otia fecit!—Вашего высокородія всепокорнѣйшій и многодолженъ слуга, *студентъ, Григорій Сковорода*».

Въ письмѣ къ бабаевскому священнику, Іакову Правицкому, отъ *1785 г. окт. 3*, Сковорода, пересылая ему новое свое сочиненіе «*Марко препростый*», изъ села Маначиновки, изъясняется по-латыни. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, приведенный И. И. Срезневскимъ:

«*1785, окт. 3*. Изъ Маначиновки. Въ «Postscriptum»: Si decsripsisti novos meos jam libellos: remitte ad me Archetypa. Etiam illum meum Dialogum, quem per alios laudare soles: simul cum Archetipis mitte. Descriptus, ad

te remittet iter Deo volente. Dicat ille Dialogus: «*Марко препростый*».

Тутъ же образецъ его латинскихъ стиховъ:

«Omnia praetereunt: sed Amor post omnia durat.
Omnia praetereunt: haud Deus haud et Amor.
Omnia sunt aqua; cur in aqua speratis, Amici?
Omnia sunt aqua; sed Portus Amicus erit.
Hac Kephâ tota est fundata Ecclesia Christi.
Istbace et nobis Kepha sit atque Petra», etc.

1787 годъ былъ годомъ проѣзда императрицы Екатерины II чрезъ Харьковъ, въ ея полное дивъ странствованіе по Югу. Сковорода все это время, какъ видно изъ его писемъ, прожилъ въ деревнѣ Гусинкѣ у Сошальскихъ и ничѣмъ не откликнулся царственной гостьѣ.

Впрочемъ, я получилъ, изъ Константинограда, отъ г. Неговскаго письмо, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: Императрица Екатерина, проѣздомъ чрезъ Украйну, наслышавшись о Сковородѣ, увидала его и спросила: «Отчего ты такой черный?»—«Э! вельможная мати,—отвѣтилъ Сковорода:—развѣ же ты гдѣ видѣла, чтобъ сковорода была бѣлая, коли на ней пекутъ да жарятъ, и она все въ огнѣ?»

Изданная въ 1837 г., въ Москвѣ, книжка Сковороды «Убогій жаворонокъ» сопровождается, въ видѣ предисловія, письмомъ автора къ Ѳ. И. Дискому отъ 1787 года. Ѳ. И. Дискій — одинъ изъ бывшихъ друзей Сковороды. Отъ него досталъ М. И. Алякринскій присланную мнѣ рукопись Ковалѣнскаго «Житіе Сковороды». Полагаю, что читателю любопытно будетъ узнать объ этомъ Дискомъ подробнѣе, и потому сообщаю о немъ письмо г. Алякринскаго: «О Ѳ. И. Дискомъ извѣстно мнѣ, что онъ былъ изъ малороссійскихъ дворянъ, проживалъ въ Москвѣ, имѣлъ небольшой домикъ на Дѣвичьемъ Полѣ, недалеко отъ Дѣвичьяго монастыря. По ограниченному ли состоянію, или по усвоенному имъ ученію Сковороды, образъ жизни велъ очень простой и скромный. Несмотря на то, пользовался пріязнію людей весьма почтенныхъ; изъ нихъ памятны мнѣ: профессоръ московскаго университета Мудровъ и директоръ коммерческаго училища Калайдовичъ. — Ѳ. И. Дискій къ памяти Сковороды имѣлъ какое-то благоговѣйное почтеніе, а сочиненія Сковороды были самымъ любимымъ его чтеніемъ. Мое знакомство продолжалось съ нимъ отъ 1826 по 1828.

Впослѣдствіи я узналъ о несчастной смерти Дискаго: 3-го іюля 1833 года работавшій въ его домѣ плотникъ разрубилъ ему топоромъ голову; вмѣстѣ съ нимъ убита еще бывшая у него въ услуженіи женщина».

Вотъ письмо къ Дискому: «Григорій Варсава Сковорода любезному другу, *Ѳеодору Ивановичу Дискому*, желаетъ истиннаго мира. Жизнь наша есть вѣдь путь непрерывный. Міръ сей есть великое море всѣмъ намъ пловущимъ. Онъ есть Океанъ. О! вельми немногими щастливцами безбѣдно преплываемый! На пути семъ встрѣчаютъ каменныя скалы и скалки. На островахъ сирены; во глубинахъ киты; по воздуху вѣтры; волненія повсюду; отъ камней претыканіе; отъ сиренъ прельщеніе; отъ китовъ поглощеніе; отъ вѣтровъ противленіе; отъ волнъ погруженіе. Каменные, вѣдь, соблазны суть неудачи. Сирены суть то льстивые други, киты суть то запазушные страстей нашихъ зміи. Вѣтры разумѣй напасти. Волненіе—мода и суета житейская. Непремѣнно поглотила бы рыба младшаго Товію, если бы въ пути его не былъ наставникомъ Рафаилъ! (Рафа — по-еврейски значитъ медицину; Илъ или Элъ—значитъ Богъ). Сего путеводника промыслилъ ему отецъ его. А сынъ нашелъ въ немъ Божію медицину, врачующую не тѣло, но сердце. По сердцу же и тѣло, Іоаннъ, отецъ твой, въ седьмомъ десяткѣ вѣка сего (*въ 62 году*), въ городѣ *Купянскѣ*, первый разъ взглянувъ на меня, возлюбилъ меня. *Услышавъ же имя, выскочилъ и, достигши на улицѣ, молча въ лицо смотрѣлъ на мене* и проникалъ, будто познавая мене, толь милымъ взоромъ, яко до днесь, въ зеркалѣ моей памяти, живо мнѣ онъ зрится. Воистину прозрѣлъ духъ его, прежде рожденія твоего, что я тебѣ, друже, буду полезнымъ. Видишь, *коль далече прозираетъ симпатія!* Пріими, друже, отъ меня маленькое сіе наставленіе. Дарую тебѣ «*Убогого моего Жайворонка*». Онъ тебѣ заспѣваетъ и зимою, не въ клѣткѣ, но въ сердцѣ твоемъ, и нѣсколько поможетъ спасатися *отъ ловца и хитреца отъ лукаваго міра сего*. О, Боже! Коликое число сей волкъ, день и нощь, незлобныхъ жретъ агнцовъ! Ахъ! Блюди, друже, да опасно ходиши! Не спитъ ловецъ! Бодрствуй и ты. Оплошность есть мать несчастія! Впрочемъ, да не соблазнитъ тебѣ, друже, то, что тетервакъ (тетеревъ) названъ *Фридрикомъ*. Если же досадно, вспомни, что мы всѣ таковы. *Всю вѣдь Малороссію Великороссія нарицаетъ тетерваками*. Чего

же стыдиться? Тетервакъ вѣдь есть птица глупа, но незлоблива! *Не тотъ есть глупъ, кто не знаетъ* (еще все перезнавшій не родился), *но тотъ, кто знать не хочетъ!* Возненавидь глупость: тогда хоть глупъ, обаче будеши въ числѣ блаженныхъ оныхъ тетерваковъ! обличай премудраго и возлюбитъ тя. Яко глупъ есть, какъ же онъ есть премудръ? яко не любитъ глупости! Почему? Потому что пріемлетъ и любитъ обличеніе отъ друговъ своихъ. О! да сохранитъ юность твою Христосъ отъ умащающихъ елеемъ главу твою, отъ домашнихъ сихъ тигровъ и сиренъ! Аминь. 1787-го лѣта; въ полнолуніе послѣднія луны осеннія».

Въ «Молодикѣ» (1843 г.), при «Письмѣ къ издателю» Василія Каразина, приложено письмо Сковороды къ Ковалѣнскому отъ 1790 года. Каразинъ пишетъ: «Посылаю къ вамъ то самое письмо украинскаго нашего философа, которое вы имѣть желали. Только оно не подлинное, а писанное мною съ подлинника, предъ самымъ его отправленіемъ на почту въ Орелъ, къ тайному совѣтнику Михайлу Ивановичу Ковалѣнскому. Я тогда, т. е. за полстолѣтія слишкомъ, сохранилъ не только правописаніе почтеннаго Сковороды, но, сколько могъ, даже и почеркъ его. Вотъ почему нѣкоторые ошибались, почитая этотъ списокъ за подлинникъ. Такъ я о немъ и слышалъ, потерявъ, за давностію времени, изъ виду и памяти все это обстоятельство. Почему вы вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ мой списокъ въ рукахъ нашего архипастыря пр. Иннокентія, который столь благосклонно предложилъ его для насъ. Сковорода жилъ тогда въ деревнѣ давно-умершаго моего отчима, кол. совѣтн. *Андрея Ив. Ковалевскаго*, въ Ивановкѣ, которая теперь принадлежитъ г. Кузину. Тамъ его и могила. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ. Тогда, можетъ быть, напишу я біографію нашего мудреца. Мы подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пиѳагора, Оригена, Лейбница. Подобно, какъ Москва, за полтораста лѣтъ, въ *Посошковѣ*, своего Филанджери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоуста».

Вотъ отрывокъ изъ письма Сковороды, отъ 1790 г., къ Ковалѣнскому: «До «Дщери» случайно привязалася «*Ода Сидронія—Езуиты*». Благо же! На ловца звѣрь, по пословицѣ. Послѣ годовой болѣзни, перевелъ я ее въ Харьковѣ, отлетая къ матери моей, пустынѣ. Люблю сію Дѣвочку. Ей

достойно быть въ числѣ согрѣвающихъ блаженну Давидову и Лотову старость оныхъ. — Прилагаю тутъ же, какъ хвостикъ, и *закоснѣвшее мое къ вамъ письмишко Гусинковское.* Нынѣ скитаюся у моего Андрея Ивановича Ковалевскаго. Имамъ моему монашеству полное упокоеніе, лучше *Бурлуки.* Земелька его есть нагорная. Лѣсами, садами, холмами, источниками распещрена. На томъ мѣстѣ я родился *возлѣ Лубенъ.* Но ничто мнѣ не нужно, какъ спокойна келія; да наслаждаюся моею невѣстою оною: сію возлюбихъ отъ юности моея... О, сладчайшій органе! Едина голубице моя, Библія! О, дабы собылося на мнѣ оное! Давидъ мелодивно выграваетъ дивно. На всѣ струны ударяетъ! Бога выхваляетъ! *На сіе я родился.* Для сего ѣмъ и пію; да съ нею поживу и умру съ нею! Аминь! Твой другъ и братъ, слуга и рабъ, *Григорій Варсава Сковорода, Даніилъ Меінгардъ*».

Въ публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ, находится рукопись Сковороды: «*Книжечка Плутархова о спокойствіи души*». Здѣсь приложено письмо Сковороды: «Высокомилостивому Государю, Якову Михаиловичу Донцу - Захаржевскому», отъ 1790 года, апрѣля 13. Въ началѣ онъ говоритъ: «Пріимите милостиво отъ человѣка, осыпаннаго вашими милостями и ласками, маленькій сей, аки лепту, дарикъ; уклонившись къ Плутарху, перевелъ я книжчонку его».

Г. Ковалѣнскій такъ описываетъ свое послѣднее свиданіе со Сковородой.

«Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился я въ себя самого, собралъ я разсѣянныя по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ *деревню*, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію. Хотя свѣтъ и тамъ исказилъ все и я въ глубокомъ уединеніи остался одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ печаляхъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи и соболѣзнованія, — но былъ, наконецъ, утѣшенъ. Сковорода, семидесяти-трехъ-лѣтній, по девятнадцати-лѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, несмотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую погоду и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село *Хотетово*, въ двадцатипяти верстахъ отъ Орла, раздѣлить съ нимъ ничтожество его». Это было, значитъ, въ годъ смерти Сковороды, въ

1794 году. — «Сковорода привезъ къ нему свои сочиненія, изъ которыхъ многія приписалъ (посвятилъ) ему. Читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и, между чтеніемъ, занималъ его разсужденіями и правилами, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь не умствованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея». Они толковали о сектахъ. «Я не знаю мартинистовъ», говоритъ Сковорода. «Но всякая секта пахнетъ собственностію! А гдѣ собственность, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости». Доходя до толковъ о «философскомъ камнѣ» и о «содѣланіи состава для продленія человѣческой жизни до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ», Сковорода говорилъ: «Это остатки Египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, нашло способъ продолжать существованіе труповъ, мумій. Сія секта, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, несообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: «*поживъ въ малѣ, исполнь лѣта долги*».

Иногда, говоритъ Ковалѣнскій, разговоръ Сковороды касался смерти. «Страхъ смерти», замѣчалъ онъ: «нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего не умствованіями, но мирнымъ расположеніемъ воли своей. Такой душевный миръ пріуготовляется издали, тихо, въ тайнѣ сердца ростетъ и усиливается чувствомъ сдѣланнаго добра. Это чувство вѣнецъ жизни». И, наконецъ, говорилъ: «Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро!»

Услыша въ окружности о прибытіи Сковороды къ другу своему, «многіе желали видѣть его, и для того нѣкоторые пріѣхали туда. Изъ начальства правленія окружнаго, *губернскій прокуроръ*, молодой человѣкъ, подошелъ къ нему и привѣтственно сказалъ: — Григорій Саввичъ! прошу любить меня! — «Могу ли любить васъ, отвѣчалъ Сковорода: я еще не знаю васъ!» — Другой изъ числа таковыхъ же, *директоръ экономіи*, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ: какъ зовутъ васъ? — Я называюсь такъ-то! — Сковорода, остановясь и подумавъ, отвѣтилъ: «имя ваше не скоро ложится на мое сердце!»

Простота жизни, замѣчаетъ Ковалѣнскій, высокость познаній и долголѣтній подвигъ Сковороды «въ любомудріи опытномъ» раздиралъ ризу «высокомудрствующихъ». Они отъ зависти говорили: «Жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ея!» Въ это же время онъ «увѣнчеваемъ былъ уже знаменами истины».

Вотъ послѣднія строки Ковалѣнскаго.

«Старость, осеннее время, безпрерывно мокрая погода умножали разстройку въ здоровьѣ его, усилили кашель и разслабленіе. Онъ, проживая у друга своего *около трехъ недѣль*, проситъ отпустить его въ любимую имъ Украйну, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось. Другъ упрашивалъ его остаться у него зиму провести и вѣкъ свой скончать, современемъ, у него въ домѣ. Сковорода отвѣтилъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно. — Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ и куда, съ кѣмъ и въ чемъ хочетъ онъ ѣхать, предоставилъ ему для дороги нужный запасъ, говоря: возьмите сіе; можетъ быть, въ пути болѣзнь усилится и заставитъ остановиться, то нужно будетъ заплатить! — Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу; Промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное за благовременность!—Другъ его не безпокоилъ уже съ своимъ приношеніемъ.—1794 года, августа 26, отправился онъ въ путь изъ Хотетова въ Украйну. При разставаніи, обнимая друга, Сковорода сказалъ: «можетъ быть, больше уже не увижу тебя! Прости! помни всегда, во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили:—свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время»... Пріѣхавши въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживая нѣсколько тутъ, ради безпрерывныхъ дождей, и улуча вёдро, отправился онъ далѣе, но не туда, куда намѣревался. Въ концѣ пути, онъ почувствовалъ побужденіе ѣхать въ то мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не былъ расположенъ. Это была слобода *Ивановка*, помѣщика Ковалевскаго. Болѣзни, — старостью, погодою, усталостью отъ пути,—приближали его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говорилъ онъ съ благодушіемъ: «духъ бодръ, но тѣло немощно». Далѣе

Ковалѣнскій замѣчаетъ, что предъ смертію онъ было отказался совершать нѣкоторые обряды, положенные церковью, но потомъ, «представляя себѣ совѣсть слабыхъ», исполнилъ все по уставу и скончался *октября 29, по утру на разсвѣтѣ. 1794 года.*

Подобное же рѣзкое уклоненіе отъ общепринятыхъ обрядовъ, при всемъ своемъ благочестіи, Сковорода оказывалъ и въ другихъ случаяхъ. *К. С. Аксаковъ* передалъ мнѣ слѣдующее преданіе о Сковородѣ. Однажды, въ церкви, въ ту минуту, какъ священникъ, выйдя изъ алтаря съ дарами, произнесъ: «Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите»,— Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, зная причудливый нравъ Сковороды и боясь пріобщить нераскаявшагося, спросилъ его: «Знаешь ли ты, какой великій грѣхъ ты можешь совершить, не приготовившись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству?» — «Знаю и готовъ!» — отвѣчалъ суровый отшельникъ, и духовникъ, вѣря его непреложнымъ словамъ, пріобщилъ его охотно.

Здѣсь я пополню очеркъ послѣднихъ минутъ Сковороды слѣдующими любопытными строками изъ статьи г. Срезневскаго: «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ» («Утрен. Звѣзда» 1833 г.): «Въ деревнѣ у помѣщика К—го» (Ковалевскаго), небольшая «кимнатка», окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную и бродячую.—Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду было также въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались

сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ, рылъ яму—узкую длинную могилу. — «Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?» сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу.—«Пора, другъ, кончить странствіе!»—отвѣтилъ Сковорода:—«и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! пора успокоиться!» — «И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!» — «Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила»... И пошли въ домъ. Сковорода не долго въ немъ остался. Онъ пошелъ въ «кимнатку», перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, подложивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую «свитку», — легъ, сложивши на-крестъ руки. Долго его ждали къ ужину. Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его; но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый».

Ковалѣнскій замѣчаетъ: «Предъ кончиною завѣщалъ онъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близъ рощи и гумна, и слѣдующую, сдѣланную имъ себѣ, надпись написать:

«Міръ ловилъ меня, но не поймалъ».

Ковалѣнскій кончаетъ свое «Житіе Сковороды Григорія Саввича, описанное другомъ его», словами: «Другъ написалъ сіе въ память добродѣтелей его, благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога».

1795 года, февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ. Надгробная надпись Григорію Саввичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся, 1794 года, октября 29 дня.

«Ревнитель истины, духовный Богочтецъ,
«И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ.
«Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
«Безъ лести, другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,—
«Достигъ на верхъ наукъ познаній духъ природы,
«Достойный для сердецъ примѣръ *Сковорода*».

«Сочиненіе друга его М. К.»—

Это стихотвореніе помѣщено подъ единственнымъ, повтореннымъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, портретомъ Сковороды, по словамъ Снѣгирева (Отеч. Зап. 1823 г., ч. XIV, стр. 263), «*гравированнымъ П. Мещеряковымъ*». Послѣ отдѣльнаго

изданія, этотъ портретъ перепечатанъ въ «*Утренней Звѣздѣ*» 1834 г., при статьѣ Срезневскаго, безъ стиховъ; въ «*Картинахъ Свѣта*» Вельтмана 1836 г. при статьѣ о Сковородѣ, со стихами,—и безъ стиховъ, при статьѣ о Сковородѣ, въ дурной копіи, въ «*Иллюстраціи*» 1847 г.

Замѣчу кстати, что рукописныя сочиненія и переписка Сковороды, оставшіяся послѣ его смерти, находились долгое время въ рукахъ П. А. Ковалевскаго, отъ него переданы преосвященному Иннокентію, и благосклонностью послѣдняго были сообщены для этой статьи мнѣ, изъ Одессы, куда я въ свое время ихъ возвратилъ.

Пересказавши въ отрывкахъ рукопись Ковалѣнскаго, Снѣгиревъ дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе съ своей стороны: «*Одинъ его почитатель вызывалъ къ себѣ чрезъ Московскія Вѣдомости желающихъ читать сочиненія Украинскаго мудреца*».

Такова была, въ свое время, дань любви къ Сковородѣ и громадная извѣстность этого «Украинскаго мудреца».

Хиждеу, въ примѣчаніяхъ къ своей статьѣ, въ «Телескопѣ», 1835 г. (XXVI ч.), говоритъ: «Магистръ кіевской духовной академіи, Симеонъ Рудзинскій, сообщалъ мнѣ описаніе и рисунокъ *Сковородиной сумы*, оставленной у его отца; но она не принадлежитъ къ роду «бесагъ» (двойная сума, раздѣленная на двѣ ноши, соединенная вмѣстѣ швомъ). Это просто «торба» или обыкновенная «котомка». Эта также показываетъ всю силу уваженія, какимъ пользовался нѣкогда Сковорода на родинѣ...

Собирая свѣдѣнія о Сковородѣ, я снесся съ помѣщикомъ харьковской губерніи, *Н. С. Мягкимъ*, живущимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Ивановкою, гдѣ послѣдніе дни жилъ и умеръ Сковорода. Вотъ письмо, которое я получилъ отъ *Н. С. Мягкаго*, отъ 10 января 1856 года:

«Г. С. Сковорода жилъ послѣднее время у моего тестя, коллежскаго совѣтника Андрея Ивановича Ковалевскаго, въ селѣ Ивановкѣ, въ сорока верстахъ отъ Харькова. Онъ имѣлъ большое вліяніе на хозяина, укрощая его крайне вспыльчивый нравъ, разражавшійся грозою надъ домашними и дворнею, и уважая отъ души его жену, умную и благочестивую женщину. Отъ прочихъ же женщинъ Сковорода удалялся. Похороненъ онъ былъ въ Ивановкѣ на возвы-

шенномъ берегу пруда, близъ рощи, на любимомъ своемъ мѣстѣ, гдѣ по зарямъ игрывалъ онъ на своемъ завѣтномъ флейттраверсѣ псалмы. Чрезъ двадцать лѣтъ тѣло его было перенесено оттуда и похоронено въ саду священника, близъ памятника владѣльцевъ, по старанію одного изъ его учениковъ, который прибылъ, послѣ смерти его, изъ Петербурга и издалъ впослѣдствіи его портретъ. — Отъ тестя моего имѣніе перешло къ его сыну, коллежскому совѣтнику Петру Андреевичу Ковалевскому, отъ него къ Александру Кузьмичу Кузину, и теперь принадлежитъ малолѣтней дочери послѣдняго. — По времени, имя Сковороды въ Ивановкѣ было почти совсѣмъ забыто, и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Отъ этого, по мнѣнію тамошнихъ жителей, происходили нерѣдко странныя событія и, большею частію, съ семействами тѣхъ, къ кому переходилъ садикъ съ могилою «философа»: или умирали неожиданно сами владѣльцы этого мѣста, или лишались своихъ женъ. Чаще же этого, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, кончалось тѣмъ, что или владѣльцы, или ихъ жены спивались съ кругу. Въ былые годы этотъ порокъ не былъ диковинкой. Предпослѣдній владѣлецъ сада и хижины обратилъ особое вниманіе на мѣсто покоя Сковороды, и дожилъ дни спокойно. Нынѣшній же даже обложилъ могилу дерномъ, а вблизи устроилъ свою пасѣку — мѣсто, свято чтимое у насъ искони. Еще любопытная черта дѣйствій памяти о сковородѣ на впечатлѣніе потомковъ. По другую сторону рва, гдѣ была хижина Сковороды, садовникъ построилъ себѣ избу и мнѣ разсказывалъ о странномъ событіи, бывшемъ съ нимъ. Однажды, вслѣдъ за его переселеніемъ откуда ни взялся вихрь, влетѣлъ съ визгомъ и громомъ въ окно, растворилъ настежъ двери, чуть не сорвалъ крыши и перепугалъ досмерти его жену. Бѣдный садовникъ не зналъ, что на томъ мѣстѣ жилъ необыкновенный старикъ, Сковорода. — Наконецъ, когда Ивановка принадлежала П. А. Ковалевскому, женѣ послѣдняго одна юродивая сказала: «У тебя, матушка, въ имѣніи есть кладъ!»—Увы, эти слова были приняты за чистую монету; но клада не нашли, какъ ни старались».

Заключу описаніе жизни Григорія Саввича Сковороды сожалѣніемъ, что слова В. Н. Каразина, въ письмѣ его къ издателю «Молодика» (1843 г.) о Сковородѣ — не сбылись. Каразинъ писалъ: «Ивановка принадлежитъ теперь

господину Кузину. Тамъ могила Сковороды. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ, этотъ рѣдкій гражданинъ и чрезвычайный человѣкъ добра общественнаго». Теперь село Ивановка или «Панъ-Ивановка» (на Украйнѣ села часто называются именами владѣтелей — «Панъ-Васильевка» — «Панъ-Лукьяновка») — принадлежитъ сыну Козьмы, Павлу Кузьмичу Кузину. Никакого памятника на могилѣ Сковороды не существуетъ.

ГЛАВА IV.

Извѣстность Сковороды.—Характеръ и особенности его философскаго ученія. — Отрывки его «басенъ» и «стихотвореній». — I. Перечень печатныхъ сочиненій Сковороды. — II. Перечень неизданныхъ сочиненій Сковороды. — III. Перечень печатныхъ статей о Сковородѣ, съ 1806 по 1862 годъ.

Увлеченіе личностью Сковороды у его современниковъ было такъ сильно, что даже позднѣйшія статьи о немъ называли его украинскимъ Сократомъ, сравнивали его съ великими иностранцами и съ Ломоносовымъ, отъ чего, впрочемъ, самъ Сковорода благоразумно отрекался, и наконецъ, какъ Хиждеу въ «Телескопѣ», подступали къ разбору его философскихъ началъ, какъ современная наука подступаетъ къ Гегелю или къ Канту.

И вотъ что̀ замѣчательно: *Сковорода при жизни не печаталъ ничего*. По моимъ усиленнымъ розысканіямъ оказалось, что только черезъ два года послѣ его смерти, въ Петербургѣ, безъ его имени, издана какимъ-то М. Антоновскимъ крошечная его книжечка: *«Бесѣда о познаніи себя»*. Потомъ, въ 1806 г., въ мистическомъ *«Сіонскомъ Вѣстникѣ»* помѣщено нѣсколько страничекъ изъ его «Преддверія». Наконецъ, уже только въ 1837 г., заботами Московскаго Человѣколюбиваго Общества, издано нѣсколько его брошюръ, о которыхъ теперь знаетъ рѣдко кто даже изъ библіографовъ. Для печатнаго міра и публики, читающей книги, Сковорода съ своими произведеніями, можно сказать, вовсе не существовалъ и не существуетъ.

Но, быть-можетъ, его произведенія нашли къ публикѣ доступъ другою дорогою, въ области, такъ-называемой, нашей *письменной литературы?* Быть - можетъ, они удостоились, въ свое время, судьбы такихъ сочиненій, каковы: «Ябеда» Капниста, «Горе отъ ума» Грибоѣдова и второй томъ

«Мертвыхъ душъ» Гоголя, которыя задолго до печати ходили по рукамъ въ сотняхъ и тысячахъ списковъ?—Вопросъ рѣшается иначе, нежели можно было бы ожидать. Сковорода писалъ для тѣхъ горячихъ и безкорыстныхъ поклонниковъ всего, что живо говоритъ сердцу и мысли, которые умѣютъ служить любимому писателю и составляютъ его громкую славу помимо печатнаго міра и типографій. Сковорода дѣйствительно имѣлъ такихъ безвѣстныхъ, услужливыхъ поклонниковъ; это были люди серьёзные и не легко увлекающіеся. Да и было это въ тѣ времена, когда наука у насъ шла черепашьими шагами, а литература не расплодила еще переписчиковъ, не имѣвши еще ни автора «Кавказскаго плѣнника», ни авторовъ «Демона» и «Горе отъ ума». Сковорода писалъ тяжело, темнымъ и страннымъ языкомъ, о предметахъ отвлеченныхъ, туманныхъ, способныхъ заинтересовать кругъ слишкомъ ограниченный, почти незамѣтный. Значитъ, его сочиненія списывали только люди одного съ нимъ направленія и жизни, профессоры и ученики духовныхъ академій, старики-помѣщики и тѣ немногіе досужіе люди, которые списывали произведенія Сковороды, иногда сами ихъ не вполнѣ понимая, въ чемъ я убѣдился, сличая нѣкоторые списки прошлаго вѣка, — списывали и держали ихъ просто, какъ произведенія человѣка страннаго, причудливаго, непонятнаго, о которомъ ходило столько споровъ и толковъ и котораго, со всѣми его странностями, имъ удавалось видѣть лично.

Нѣсколько полудуховныхъ, полусатирическихъ стихотвореній Сковороды, какъ, напримѣръ, извѣстное стихотвореніе: *«Всякому городу нравъ и права»*, тогда же были переложены на музыку и распѣвались бродячими слѣпцами-бандуристами на торгахъ и перекресткахъ дорогъ. Нѣкоторыя пѣсни, какъ и вышеназванныя, даже попали въ кругъ любимѣйшихъ простонародныхъ произведеній, то-есть въ кругъ такихъ, которыя народъ считаетъ своею собственностію, дополняетъ ихъ, передѣлываетъ и сокращаетъ, по собственному своему произволу, по врожденному поэтическому чутью и вкусу. Образчикъ этого г. Срезневскій привелъ въ своей статьѣ, въ «Утренней Звѣздѣ» 1834 года, напечатавъ пѣсню Сковороды «Всякому городу» и ея варіантъ — произведеніе уже народное. Подобной участи достигли въ наше время нѣкоторыя стихотворенія Пушкина

и Кольцова и извѣстная пѣсня Ѳ. Н. Глинки: *«Вотъ мчится тройка удалая»*, — авторъ которой до сихъ поръ многими считается за лицо спорное, неизвѣстное, причемъ существуетъ множество варіантовъ этой пѣсни.

Собирая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свѣдѣнія о жизни Сковороды, я, по непреложному опыту, пришелъ къ тому убѣжденію, что списковъ даже самыхъ любимыхъ сочиненій Сковороды могло существовать при его жизни много-много два-три десятка. И у кого же встрѣчаются эти списки? Или у помѣщиковъ, почти безвыѣздно жившихъ въ своихъ деревняхъ, людей несообщительныхъ по характеру и полныхъ мистическаго, суроваго настроенія, или въ тишинѣ ученыхъ, строгихъ кабинетовъ нашего академическаго духовенства. Самые, наконецъ, любимые стихотворные канты Сковороды проникали въ читающій, печатный и письменный міръ украинской и русской очень недалеко. Между списками прозаическихъ сочиненій Сковороды, стихотворныхъ я почти нигдѣ не встрѣчалъ, за исключеніемъ одного. Въ печати же только появились, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, три стихотворныя пѣсни его въ «Телескопѣ» и въ «Утренней Звѣздѣ».

Значитъ, безошибочно можно сказать, что печатною славою сочиненія Сковороды на Украйнѣ вовсе не пользовались. Письменную ихъ извѣстность на родинѣ Сковороды и внѣ ея поддерживалъ ограниченный кружокъ людей несообщительныхъ, полузатворниковъ, несоставлявшихъ живой и особенно - плодотворной стихіи современнаго ему общества. А распѣваемые его сатирическіе канты слушались не высшимъ обществомъ; имъ внимали на торгахъ и перекресткахъ простой народъ, жители украинскихъ селъ и мѣстечекъ, поселяне и казачество, чумаки, бурлаки и далеко неграмотные еще тогда мѣщане, среди которыхъ Сковорода жилъ и, сильнѣе всякихъ прозаическихъ и риѳмованныхъ своихъ произведеній, дѣйствовалъ на народъ собственною личностію. Съ этой точки зрѣнія на него должно смотрѣть. Съ этой точки зрѣнія и вытекаетъ тотъ несомнѣнный, по моему мнѣнію, выводъ, что если сочиненія Сковороды и удостоились вращаться вмѣстѣ съ его именемъ въ устахъ его современниковъ, то эти современники, бо̀льшею частію, говорили объ этихъ сочиненіяхъ со словъ другихъ, безкорыстно смѣшивая ихъ значеніе съ значеніемъ и личнымъ характе-

ромъ самого Сковороды. Дѣйствительно, если прослѣдить бо́льшую часть его разсужденій, что, впрочемъ, теперь, по странному, тяжелому и вычурному ихъ языку, добровольно сдѣлаетъ развѣ записной библіоманъ,—окажется, что, пожалуй, Сковорода былъ и замѣчательно начитанъ по своему, и отлично зналъ греческихъ и римскихъ авторовъ, прочитавъ ихъ въ подлинникѣ, и вообще былъ цѣлою головою выше своихъ сверстниковъ по воспитанію и украинскихъ ученыхъ по наукѣ. Историкъ духовно-философскаго ученія въ Россіи отведетъ ему почетныя страницы въ своемъ трудѣ и скажетъ, быть-можетъ, много похвалъ Сковородѣ, какъ благородному, честному и горячему поборнику науки, которая до него шла путемъ ребяческихъ, школьныхъ, никому ненужныхъ риторическихъ умствованій и отъ которой онъ такъ смѣло сталъ требовать смысла и силы, самоотверженія и службы общественнымъ пользамъ и нуждамъ. Авторъ статьи о Сковородѣ, А. К., въ «Воронежскомъ Сборникѣ» 1861 года, говоритъ, что Сковорода имѣлъ ясныя понятія о значеніи народа и о народномъ воспитаніи. Вотъ, между прочимъ, собственныя слова Сковороды: «*Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое, родное.* Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь».

Итакъ, еще разъ скажу, я смотрю на Сковороду—преимущественно какъ на «человѣка общественнаго», дѣльца и бойца своего вѣка, который бесѣдами и примѣромъ своей жизни, горячею, почти суевѣрною любовью къ наукѣ и какимъ-то вдохновеннымъ, отшельническимъ убійствомъ своей плоти во имя духа и мысли, во имя божественныхъ цѣлей высшей правды и разума, добра и свободы, пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ, зажигалъ ихъ на добрыя дѣла и чего ни касался, все просвѣтлялъ какимъ-то новымъ, яснымъ свѣтомъ. Не тетрадки его сочиненій, пересылавшихся отъ автора къ мирнымъ, приходскимъ духовникамъ и его друзьямъ, помѣщикамъ, а жизнь и устное слово Сковороды сильно дѣйствовали. Помимо украинскихъ коллегіумовъ, въ Харьковѣ и Кіевѣ, онъ былъ любимѣйшій, ходячій коллегіумъ. То, что теперь молодежь выноситъ изъ университетовъ, жажду познаній и жажду добра

и дѣлъ, пользы и чести, все это выносилось тогда изъ бесѣдъ странника и чудака, украинскаго философа Сковороды. Примѣры этому я представилъ въ его жизнеописаніи. Но лучшее доказательство общественнаго значенія Сковороды то, что безъ него, въ извѣстной степени, не было бы долго основано перваго университета на Украйнѣ. Дѣло Каразина, открытіе харьковскаго университета, кончилось такъ легко потому, что въ 1803 году первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму въ *618 тысячъ руб. сер.*, для основанія этого университета, были, большею частію, все или *ученики*, или *короткіе знакомые* и друзья Сковороды.

Вотъ почему Сковорода долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи украинскаго общества, рядомъ съ *Каразинымъ*, *Квиткою-Основьяненкомъ* и *Котляревскимъ*, первыми, настоящими умственными двигателями малороссійскаго общества. Сковорода составляетъ переходъ отъ міра былой казацкой вольницы, на его глазахъ уничтоженной однимъ взмахомъ пера Екатерины II, къ міру государственному, къ міру науки, литературы и искусствъ. Сынъ приходскаго священника, онъ бросаетъ схоластическую академію для странствованія за границей, Голышъ и бѣднякъ, бросаетъ онъ потомъ въ Переяславлѣ, въ Харьковѣ и въ Москвѣ удобства профессорства, для свободной и бродячей жизни независимаго мыслителя. Съ этой точки зрѣнія, онъ, современникъ Сѣчи и хаоса новаго степного общества, современникъ Гаркуши и былой неурядицы на Украйнѣ, достоинъ полной признательности.

Опредѣленіе философскаго ученія Сковороды изложено въ «*Исторіи философіи въ Россіи*» (1840 г., ч. IV) *А. Гавріила*. Разбирая исторію русской философской мысли отъ временъ древнихъ, онъ вслѣдъ за первыми ея представителями: *Никифоромъ, кіевскимъ митрополитомъ, Владиміромъ Мономахомъ, Даніиломъ Заточникомъ, Ниломъ Сорскимъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и Георгіемъ Конисскимъ*, разбираетъ и сочиненія Сковороды. Въ простонародной свиткѣ, съ «видлогою» и «торбою» за плечами, съ дудкою за поясомъ и съ палицею въ рукахъ, говоритъ Гавріилъ, Сковорода ходилъ по селеніямъ, просвѣщалъ народъ стариннымъ малороссійскимъ слогомъ, не льстилъ временщикамъ, и при богатствѣ внутренняго самодовольствія, почи-

тая всякую почесть мышеловкою для души своей, часто говаривалъ: «я все пока ничто; какъ стану что̀, то съ меня ничто. Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ и людей, а воду даетъ ему земля безъ платы; лишнее не нужно. Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ, замѣчалъ Сковорода: какъ будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою такъ же всякаго должно мѣрить, какъ портной однимъ аршиномъ мѣритъ и парчу, и шелковую матерію, и ряднину. Прошу господъ не заказывать мнѣ своихъ вощяныхъ чучелъ, я ваяю не изъ воску, а изъ мѣди и камня. Мнѣ не нужны подорожныя: я отважно вступаю въ море не для прогулки, чтобы вилять изъ губы въ губу, но чтобы объѣхать землю, и для открытія новаго свѣта. Какъ Сократъ, не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ училъ на распутіяхъ, на торжищахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда по его острому словцу, скачетъ пьяная воля и во дни страды, когда въ бездождіи потъ поливаетъ землю. «Какъ мы слѣпы въ томъ, что̀ нужно намъ есть... На Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что академія, лицей и портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка вывертывается цыпленокъ. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолѣ не быть ни своему Платону, ни другому философу...» Энтузіазмъ Сковороды часто простирался до такой степени, что по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни можно бы почесть его за теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія.

«Сковородѣ, въ энтузіазмѣ, казалось, что его духъ, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осязаетъ вселенную въ ея безконечности», какъ говоритъ А. Гавріилъ, «видитъ въ соединеніи обѣихъ: но вселенною для него была Русь, человѣчествомъ—народъ Русскій. Энтузіазмъ Сковороды преимущественно отразился въ его драмахъ или, по его надписанію, видѣніяхъ, въ коихъ онъ представилъ борьбу стараго и новаго образованія, какъ про благихъ и злыхъ духовъ, о человѣчествѣ и народности. Видѣнія эти можно называть тьмосвѣтомъ неподдѣльнаго русскаго патоса, и они достойны особаго историко-критическаго изученія, въ сравненіи съ Прометеемъ Эсхила, съ Аяксомъ Софокла, съ Бакхами Эврипида, кои всѣ были извѣстны Сковородѣ въ подлинникѣ, и

съ чуждыми для него: съ Благоговѣніемъ ко кресту, и съ чудодѣйнымъ Магомъ, Кальдерона, съ Фаустомъ, Клингера и Гёте, съ Каиномъ и Манфредомъ, Байрона. Иронія Сковороды была, бо̀льшею частію, прикрытіемъ его энтузіазма; ея игривая молнія всего чаще тогда отражалась, когда преломляла высшую степень восторга. Иронія Сковороды до того роскошествовала, что онъ обращалъ даже въ шутку свое собственное имя, называя мысли свои блиномъ бѣлымъ, спеченымъ на черной сковородѣ. О самопознаніи, какъ объ основномъ началѣ своего ученія, Сковорода, кромѣ Наркиза и Асканія, написалъ 6 разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ, съ коими соединена Симфонія о природѣ. Съ раскрытіемъ въ Сковородѣ внутренняго побужденія, какъ народнаго мыслителя и наставника, раскрылась вмѣстѣ и потребность пріобрѣсть сознаніе простонародности. Потому Сковорода, оставивъ учительство въ школѣ, проводилъ жизнь, какъ старецъ, преимущественно въ селеніяхъ, кои онъ называлъ пустынями, въ тихой и смиренной долѣ и, обращаясь въ кругу простого народа, старался изучить его природу, его волю, его языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, учитель — не учитель, а только служитель природы. Мысль эту относилъ Сковорода и къ званію законодателя, и она прекрасно развита имъ чрезъ уподобленія. Таково было педагогическое искусство Сковороды въ образованіи простого народа, и оттого жизнь и всѣ созданія Сковороды цѣломудренны и свободны, какъ Библія и наши предки. Сковорода самъ называлъ ученіе своею тканкою и плеткою простонародною, а себя называлъ другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, кои такъ горды, что не хотятъ и говорить съ поселяниномъ, и онъ гордился именемъ народоучителя, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. «Надо мною позоруются,—говорилъ онъ:—пускай позоруются; о мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа: пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу: пускай острятъ, они знаютъ свое, я знаю мое, и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя тяга мнѣ упокоеніе». «Барская умность, пишетъ Сковорода:—будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чер-

наго народа вылупились бѣлые господа? Смѣхотворно и мудрованіе, якобы сонъ есть остановка и перерывъ жизни человѣка: я право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что̀ такое живая смерть и мертвая жизнь? О, докторы и философы! Сонъ есть часть жизни, т. е. живая смѣна въ явленіи жизни, въ которой замыкаются прелести внѣшняго міра и отворачиваются духовныя мечты, чтобы свергнуть познаніе свыше, изъ внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спитъ, — пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, такъ очутится, и забодрствуетъ». Такое сознаніе было первое, новое, образцовое на Руси; оно не было ни подражаніе инородному, ни продолженіе своему прежде данному, и потому Сковорода называлъ свое ученіе, изъ его самороднаго сознанія построившееся, новою славою. Въ одномъ видѣніи, въ коемъ его душа извергалась кипучею лавою энтузіазма и ироніи, онъ представилъ свое состязаніе съ бѣсомъ, враждовавшимъ его новой славѣ. «Даймонъ: Слышь, Варсава!—Младенькій умъ, сердце безобразное, душа, исполненная паучины, не поучающая, но научающая! Ты ли творецъ новыя славы?—Варсава: Мы то, Божіею милостію, рабы Господни, и дерзаемъ благовѣстить новую славу.—Даймонъ: О, странность въ словѣ, строполтность въ пути, трудность въ дѣлѣ: вотъ троеродный и источникъ пустыни новыя. — Варсава: И лжешь и темнорѣчишь! Кто можетъ поднять на пути злато или бисеръ, мнящій быти нѣчто безполезное? Не виню міра, не вини и славы новыя!.. Кто же виненъ? Ты, враже! ты, украшенная гробница!»

Здѣсь приводятся отрывки изъ лучшихъ произведеній Сковороды, по слогу, болѣе доступные для современнаго читателя. Его богословскихъ сочиненій, очерченныхъ Гавріиломъ, я не касаюсь. Изъ этихъ выдержекъ легко видѣть, чѣмъ питалась въ то время украинская муза, вскорѣ нашедшая художественное развитіе въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Квитки-Основьяненко и Гулака-Артемовскаго.

Лучшимъ, для нашего времени, произведеніемъ Сковороды въ этомъ родѣ можно считать его «*Басни Харьковскія*», изданныя въ 1837 году, въ Москвѣ.

Вотъ ихъ образчики:

«*Чижъ и Щеголь*». Чижъ, вылетѣвъ на волю, слетѣлся съ давнимъ своимъ товарищемъ-Щегломъ, который его спросилъ: «какъ ты, другъ мой, освободился?.. Разскажи мнѣ».— «Чуднымъ случаемъ», — отвѣчалъ плѣнникъ. — «Богатый турка пріѣхалъ съ посланникомъ въ нашъ городъ и, прохаживаясь, для любопытства, по рынку, зашелъ въ нашъ птичій рядъ, въ которомъ насъ около четырехъ - сотъ у одного хозяина висѣло въ клѣткахъ. Турка долго на насъ, какъ мы одинъ передъ другимъ воспѣвали, смотрѣлъ съ сожалѣніемъ; наконецъ молвилъ: «а сколько просишь денегъ за всѣхъ?»—«25 рублевъ»,—отвѣчалъ хозяинъ. Турка, не говоря ни слова, выкинулъ деньги, и велѣлъ себѣ подавать по одной клѣткѣ, съ которыхъ каждаго съ насъ выпущая на волю въ разныя стороны, утѣшался, смотря куда мы разлетались». — «А что-жъ тебя, спросилъ товарищъ, заманило въ неволю?» — «Сладкая пища, да красная клѣтка»,—отвѣчалъ счастливецъ.—«А теперь поколь умру, буду благодарить Бога этою пѣсенькою!

«Лучше мнѣ сухарь съ водою,
Нежели сахаръ съ бѣдою!»

Сила: Кто не любитъ хлопотъ, долженъ научиться просто и убого жить.

«*Старуха и Горшечникъ*». Старуха покупала горшки. Амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отрыгалися. — «А что за сей хорошенькій...?»—«За того возьму хоть три полушки», — отвѣчалъ горшечникъ. — «А за того гнуснаго (вотъ онъ), конечно, полушка?» — За того ниже двухъ копеекъ не возьму...—«Что за чудо?»—«У насъ, бабка, сказалъ мастеръ, — не глазами выбираютъ: мы испытуемъ, чисто ли звонитъ?» — Баба, хотя была не подлаго вкуса, однако, не могла больше говорить, а только сказала, что и сама она давно сіе знала, да вздумать не могла.

Изрядная великороссійская пословица сія: *не красна хата углами, красна пирогами!* Довелось мнѣ въ Харьковѣ, между премудрыми эмблемтами, на стѣнѣ залы видѣть слѣдующій написанъ, схожій на черепаху, гадъ съ долговатымъ хвостомъ: средѣ черепа сіяетъ большая золотая звѣзда, украшая оной. Но подъ нимъ толкъ подписанъ слѣдующій: «подъ сіяніемъ язва!» Сюда принадлежитъ пословица, находящаяся въ Евангеліи: «гробы повапленные».

Въ книгѣ Сковороды «*Дружескій разговоръ*» приводится басня объ Индіи:

«Я мальчикомъ слыхалъ, отъ знакомаго персіянина, слѣдующую *басеньку*: Нѣсколько чужестранцевъ путешествовали въ Индіи. Рано вставши, спрашивали хозяина о дорогѣ.—«Двѣ дороги,—говорилъ имъ человѣколюбивый старикъ:—вотъ вамъ двѣ дороги, служащія вашему намѣренію! Одна напрямикъ, а другая съ обинякомъ, совѣтую держаться обиняка. Не спѣшите, и далѣе пройдете. Будьте осторожны. Помните, что вы въ Индіи». — «Батюшка! мы не трусы, вскричалъ одинъ вострякъ, мы европейцы! Мы ѣздимъ по всѣмъ морямъ, а земля намъ не страшна вооруженнымъ».—И, шовъ нѣсколько часовъ, нашли кожаной мѣхъ съ хлѣбомъ, и такое же судно съ виномъ. Наѣлись и напились довольно. Отдыхая подъ камнемъ, сказалъ одинъ: «не дастъ ли намъ Богъ другой находки? Кажется, нѣчтось вижу впередѣ по дорогѣ. Взгляньте, по ту сторону бездны чернѣетъ что - то»... Одинъ говорилъ: кожаной мѣшище. Другой угадалъ, что огорѣлый пнище. Иному казался камень, иному — городъ, иному — село. — Послѣдній угадалъ точно. Они всѣ тамъ посѣли: нашедши на индійскаго дракона, всѣ погибли. Спасся одинъ, находясь глупѣе, но осторожнѣе. Сей, по нѣкіимъ примѣчаніямъ и по внутреннему предвѣщающему ужасу, притворился остаться за нуждою на сей сторонѣ глубочайшей яруги и, услышавъ страшной умерщвляемыхъ вой, спѣшно воротился къ старику, одобривъ старинныхъ вѣковъ пословицу: «боязливаго сына матери плакать нечево».

Изъ стихотвореній Сковороды болѣе извѣстна его пѣсня: «*Всякому городу нравъ и права*». Привожу ее въ заключеніе моей статьи изъ сборника Сковороды: «*Садъ божественныхъ пѣсней*», присланнаго мнѣ Е. Д. Розальонъ-Сошальскимъ. Списокъ сдѣланъ въ 1792 году сосѣдомъ г. Сошальскаго, Дятловымъ. Вотъ она:

Пѣснь X-я. «Всякому Городу».

Всякому городу нравъ и права,
Всяка имѣетъ свой умъ голова.
    Всякому сердцу своя есть любовь,
    Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.

А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума̀,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума.

* *
*

Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
Ѳедька купецъ при аршинѣ все лжетъ
Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ,
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй, повѣрь!
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума̀,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
*

Тотъ непрестанно стягаетъ грунта̀,
Сей иностранны заводитъ скота̀.
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума̀,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
*

Строитъ на свой тонъ юриста права̀.
Съ диспутъ студенту трещитъ голова.
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ амуръ,
Всякому голову мучитъ свой дуръ,
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума̀,
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

* *
*

Смерте страшна, замашная косо̀!
Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь!
Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ?
Кто-жъ на ея плюетъ острую сталь?..
Тотъ, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь!

III.

ВАСИЛІЙ НАЗАРЬЕВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

(1773—1842 г.).

I.

Предки.—Дѣтство В. Н. Каразина.—Отъѣздъ въ Петербургъ и бѣгство за границу.—Резолюція императора Павла.—Записка, поданная императору Александру I-му.—Близость ко Двору.—Отрывки изъ формуляра В. Н. Каразина.—Его характеръ.—Статья В. Апастасевича.

Василій Назарьевичъ Каразинъ, основатель харьковскаго университета, первый эманципаторъ изъ украинскихъ помѣщиковъ и долгіе годы неутомимый, рѣдкій дѣятель въ молодомъ еще тогда, слободско-украинскомъ обществѣ, до сихъ поръ не имѣлъ у насъ біографіи. Въ нашей литературѣ вы тщетно стали бы искать даже списка его сочиненій, или хотя двадцати строкъ послѣдовательнаго, въ общепринятыхъ словахъ, перечня годовъ его жизни и служебнаго формуляра. Съ большимъ трудомъ, при помощи его семейныхъ бумагъ, благосклонно ввѣренныхъ мнѣ сыномъ его, Ф. В. Каразинымъ, и при нѣкоторыхъ любопытныхъ библіографическихъ указаніяхъ Г. Н. Геннади, мнѣ удалось, наконецъ, открыть цѣлый рядъ неизвѣстныхъ и разбросанныхъ въ кучѣ нашихъ журналовъ (съ 1807 по 1842 годъ) сочиненій В. Н. Каразина. Одна забытая статья покойнаго вызывала находку другой и такимъ образомъ, впервые, составился у меня, по годамъ, списокъ сочиненій В. Н. Каразина, съ подробнымъ указаніемъ ихъ появленія и, гдѣ нужно, краткаго ихъ содержанія, прилагаемый здѣсь въ концѣ статьи. По нимъ лучше всего опредѣляются черты

этой замѣчательной личности. Затѣмъ, прося знающихъ дополнить то, что̀ здѣсь могло быть пропущено, спѣшу оговорить, что въ разсказѣ о жизни В. Н. Каразина я ограничивался, для первой попытки, подлинными выписками, собранными изъ разныхъ мѣстъ его печатныхъ статей, приводя вездѣ ссылки на страницы ихъ (по подробному списку этихъ статей въ концѣ моего очерка), прибавилъ къ этимъ выпискамъ отрывки изъ неизданнаго, письменнаго, подлиннаго разсказа о жизни отца, составленнаго для адмирала Лазарева сыномъ В. Н. Каразина, Ф. В. Каразинымъ, отрывки изъ сохраненнаго, въ семействѣ покойнаго, его послужного списка, и только въ нѣсколькихъ мѣстахъ, для соединенія разрозненныхъ чертъ, я позволилъ себѣ привести отзывы о немъ постороннихъ лицъ, съ ссылкою на послѣднихъ. Отъ души желаю, чтобы мой очеркъ вызвалъ, наконецъ, полные разсказы другихъ, особенно петербургскихъ современниковъ покойнаго, и съ радостью спѣшу прибавить, что вскорѣ можетъ осуществиться предпріятіе изданія подлинныхъ «*Записокъ и писемъ В. Н. Каразина*», хранимыхъ въ его семьѣ. Повторяю: мой очеркъ есть сводъ указаній, основанныхъ на несомнѣнныхъ данныхъ для полной біографіи В. Н. Каразина, о которомъ въ наше время носится еще столько разнорѣчивыхъ толковъ.

Василій Назарьевичъ Каразинъ родился 30-го января 1773 года *). Отецъ его былъ происхожденіемъ грекъ, изъ дворянскаго семейства *Караджи*. Въ собственноручныхъ замѣткахъ «Дневника» В. Н. Каразина, сохраненнаго въ его бумагахъ, находится такое извѣстіе: «Я родился 1773 г., на разсвѣтѣ января 30-го, въ селѣ Кручикѣ, слободско-украинской губерніи, краснокутскаго коммиссаріатства, впослѣдствіи богодуховскаго уѣзда, въ простой хатѣ крестьянина нашего, Минченка, по случаю того, что домъ отца моего еще не былъ конченъ, родился замертво и былъ названъ Богданомъ, а при крещеніи это имя замѣнено Василіемъ».

Отецъ его матери, Як. Ив. Ковалевскій, былъ сотникъ харьковскаго полка, женатый на М. В. Магденко, по первому мужу своему бывшей Логачевой.

*) Весь этотъ начальный разсказъ заимствую изъ «*Записки о жизни отца*», составленной Ф. В. Каразинымъ, кромѣ указаній, найденныхъ мною самимъ въ другихъ мѣстахъ.

Родоначальникъ семейства Караджи, переселившагося въ Россію при Петрѣ I, Григорій Караджи былъ софійскимъ архіепископомъ въ Болгаріи. Сынъ его, Александръ, былъ уже капитаномъ русской гвардіи и умеръ въ 1753 г., въ селѣ Рублевкѣ, близъ украинскаго мѣстечка Мурафы. Сынъ Александра и отецъ виновника этой статьи, Назаръ, былъ уже, однако, извѣстнымъ человѣкомъ. Говоря по-гречески и по-турецки, онъ получилъ отъ императрицы Екатерины II-й порученіе отправиться секретно въ Турцію для осмотра и снятія плановъ крѣпостей. Это было передъ началомъ нашей войны съ Турціею. Назаръ Каразинъ былъ представленъ императрицѣ, какъ хорошій инженерный офицеръ. Переодѣтый монахомъ, съ отрощенною бородой, съ просительною книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ было четыре дна, между средними были спрятаны бумаги и чертежные инструменты), онъ отправился въ путь пѣшкомъ, проникъ въ глубь Турціи, все осмотрѣлъ, вывѣдалъ и снялъ на бумагѣ. Въ Адріанополѣ его схватили, на разсвѣтѣ утра, за работою надъ съемкою какого-то бастіона. Онъ успѣлъ бросить боченокъ въ кусты. Но его чуть, по приказанію паши, не посадили на колъ. Онъ убѣжалъ изъ заключенія, доставилъ въ Россію свои замѣтки и планы и привелъ еще съ собою 3,000 арнаутовъ, вслѣдъ за нимъ бросившихъ Турцію. Его сдѣлали ихъ начальникомъ, и съ этимъ отрядомъ онъ пошелъ передъ нашей арміей, открывшей войну съ невѣрными.— В. Н. Каразинъ, въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ печатныхъ статей, говоритъ: «Маіоръ, а впослѣдствіи полковникъ Назаръ Каразинъ, былъ употребленъ, въ 1768 и слѣдующихъ годахъ, до открытія турецкой войны, въ секретныя посылки и негоціаціи въ Молдавію, Валахію и Морею. Великій графъ Румянцевъ-Задунайскій жаловалъ его лично, удостаивалъ своими письмами даже послѣ его отставки, а Екатерина II-я наградила недвижимымъ имѣніемъ» («Рѣчь о люб. къ от.»). Въ печатныхъ *«реляціяхъ»* о Екатерининскихъ войнахъ, объ этомъ человѣкѣ сохранено нѣсколько извѣстій. Такъ, подъ 1770 годомъ, говорится: «7,000 турокъ напали на полковника Каразина, бывшаго въ монастырѣ Комитѣ, въ тридцати верстахъ отъ Букареста. Всѣ почти, предводимые Каразинымъ, пали»... Спасся самъ предводитель, съ немногими арнаутами. Зато, по сло-

вамъ реляціи 1768 года: «Подполковникъ Каразинъ, со ввѣренными ему арнаутами, приблизясь къ Букаресту, столицѣ Княжества Валахскаго, выгналъ изъ него турецкое войско и взялъ въ полонъ валахскаго господаря, Григорія Гику, съ братомъ его, сыномъ и всѣми придворными, коихъ и привелъ въ городъ Яссы».—Въ отставкѣ онъ подвергался зависти и интригамъ, но императрица Екатерина II-я наградила его помѣстьемъ *) въ 500 душъ крестьянъ, въ шестидесяти верстахъ отъ Харькова. О немъ также есть свѣдѣнія въ «Русской Исторіи» Глинки (т. IX). Этимъ ограничиваются мои источники о родѣ Каразиныхъ.

В. Н. Каразинъ, по словамъ его сына, Ф. В. Каразина («Записка о жизни отца»), начальное свое воспитаніе получилъ сперва въ кременчугскомъ, а потомъ въ харьковскомъ частныхъ пансіонахъ. Далѣе, въ отрывкахъ изъ статей В. Н. Каразина («Рѣчь о любви къ от.»), я привожу найденный мною отзывъ его о содержателяхъ этихъ пансіоновъ. Теперь скажу, что имена этихъ замѣчательныхъ людей были: Хр. Ив. Фирлингъ и Ив. Пет. Шульцъ. «Записка» его сына говоритъ, что на одиннадцатомъ году В. Н. Каразинъ самъ лично, придя изъ пансіона, подалъ прошеніе графу Румянцеву-Задунайскому, проѣзжавшему тогда черезъ Харьковъ, о желаніи своемъ поступить въ военную службу. Я уже сказалъ, что графъ жаловалъ его отца, умершаго между тѣмъ въ томъ самомъ 1783 году.

Я упомянулъ уже, что въ числѣ моихъ источниковъ находится *«Формулярный списокъ о службѣ Василія Назарьевича Каразина отъ 1830 года»* (когда онъ уже былъ пятидесяти лѣтъ отъ роду и въ чинѣ статскаго совѣтника), выданный ему, за подписью «губернскаго предводителя дворянства Слободско-Украинской губерніи, статскаго совѣтника Времева». Здѣсь говорится: «Бывъ записанъ, на одиннадцатомъ году, по собственному прошенію въ кирасирскій орденскій полкъ (шефомъ онаго, фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ) въ 1783 году, на дѣйствительную службу вступилъ лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ сержантомъ, 1791 г. января 22-го», на осьмнадцатомъ году.

«Записка» его сына говоритъ: «Но между тѣмъ онъ про-

*) Формуляръ В. Н. Каразина отъ 1830 года говоритъ: «Имѣніе богодуховскаго уѣзда, село Кручикъ, 340 душъ крестьянъ мужеска пола, на 2,660 десятинахъ земли».

должалъ учиться. Служба не помѣшала ему предаваться любимымъ его занятіямъ: теоретическому и практическому изученію человѣка и природы. Горный корпусъ, лучшее изъ тогдашнихъ казенныхъ заведеній, былъ посѣщаемъ имъ постоянно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и тутъ-то пріобрѣлъ онъ тѣ познанія въ точныхъ наукахъ, которыми впослѣдствіи изумлялъ гораздо уже образованнѣйшее поколѣніе. Между прочимъ, проф. Кнорре не хотѣлъ вѣрить, чтобы астрономія не была исключительнымъ предметомъ его занятій. Съ математикою, химіею, физикою, ботаникою, медициною и вообще естествословіемъ ознакомился онъ такъ, что могъ бы съ честію занять каѳедру каждой изъ сихъ наукъ въ любомъ заграничномъ университетѣ. Французскій, нѣмецкій и латинскій языки были имъ также изучены въ совершенствѣ. Съ этимъ-то запасомъ свѣдѣній онъ, по внушенію своего сердца, началъ дѣйствовать на пользу отечества. Прежде всего онъ захотѣлъ ознакомиться въ подробности съ нуждами обширной Россіи. Для этого онъ, пользуясь свободою, которая предоставлялась тогда молодымъ гвардейцамъ отлучаться изъ столицы, объѣздилъ многія губерніи. Военное поприще представляло ему мало пищи. Онъ рѣшился перейти къ дѣламъ гражданскимъ; но чуть было не испортилъ навсегда всей своей дороги. Какъ пылкій энтузіастъ, у котораго еще мало было почвы подъ ногами, онъ рѣшился прежде всего бѣжать изъ Россіи, чтобы воспитаться за границею. При трудности тогдашнихъ отлучекъ въ чужіе края, онъ ушелъ тайно безъ паспорта, но былъ задержанъ объѣздомъ екатеринославскихъ гренадеръ въ Ковнѣ, ночью, 3-го августа 1798 г., при переправѣ чрезъ Нѣманъ»... Я видѣлъ въ бумагахъ В. Н. Каразина собственноручное ветхое письмо его къ императору Павлу, набросанное имъ впослѣдствіи по памяти. Будучи арестованъ и видя свою гибель, этотъ бѣглецъ въ жертву науки, этотъ восторженный молодой человѣкъ рѣшился все чистосердечно передать великодушію императора и послалъ изъ Ковно на имя его эстафету, чтобы предупредить донесеніе о немъ мѣстнаго, озадаченнаго начальства. Вотъ что онъ писалъ тогда (1798 г., 14-го августа): «Великій монархъ! Я не имѣлъ нужды спасаться бѣгствомъ; оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей. Я бѣжалъ учиться!..» Прочтя простосердечное покаяніе молодого бѣглеца, императоръ Па-

велъ, какъ приписываетъ въ концѣ этой копіи В. Н. Каразинъ, простилъ его.—«Слѣдствіемъ онаго была немедленная посылка за мною курьера, съ весьма милостивымъ принятіемъ на службу. Я былъ рекомендованъ, отъ имени Его Величества, начальнику, котораго позволено было мнѣ самому выбрать». Записка его сына прибавляетъ: «Вмѣсто того, чтобы строго наказать дерзкаго подданнаго, который признавался ему прямо, что намѣренъ былъ бѣжать изъ его имперіи, Императоръ сказалъ ему, при личномъ представленіи моего отца: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься! Скажи, при комъ ты хочешь находиться?» Смущенный мой отецъ назвалъ на-угадъ одно изъ правительственныхъ лицъ, къ которому и былъ немедленно опредѣленъ секретаремъ». Формуляръ его говоритъ: «Произведенъ при опредѣленіи, по Высочайшему повелѣнію, къ статскимъ дѣламъ, въ канцелярію государственнаго казначейства и главнаго медицинской коллегіи директора (барона Васильева), коллежскимъ переводчикомъ 1800 г. февраля 3-го». Въ слѣдующемъ, 1801 году, января 22-го, по словамъ «Формула», онъ: «За собраніе матеріаловъ къ исторіи медицины въ Россіи, также и къ исторіи финансовъ, награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора».

Но вотъ взошелъ на престолъ императоръ Александръ I. Это было 1801 года, 12-го марта. Черезъ десять дней, именно 22-го марта, того же 1801 года, В. Н. Каразинъ уже сталъ извѣстенъ молодому императору и заставилъ говорить о себѣ цѣлый Петербургъ. О любопытномъ поступкѣ его знаютъ теперь многіе; всѣ собственные устные разсказы В. Н. Каразина при его жизни были полны этимъ событіемъ, положившимъ яркій слѣдъ во всей его остальной жизни. Такъ объ этомъ замѣчательномъ случаѣ передаетъ записка его сына: «Воспользовавшись однимъ изъ дворцовыхъ церемоніаловъ, онъ нашелъ случай пробраться въ царскіе покои, и тамъ оставилъ на столѣ запечатанный пакетъ, съ надписью на имя Императора. Въ пакетѣ томъ заключалась, безъ подписи автора, бумага, въ которой изложены были надежды русскаго на юнаго своего царя. Императоръ Александръ, прочтя эту бумагу, велѣлъ непремѣнно отыскать сочинителя. Это нетрудно было исполнить: приказаніе отдано было случайно тому самому вельможѣ, при которомъ отецъ мой тогда служилъ, и которому слогъ и

почеркъ его очень были знакомы. На другой же день отецъ мой былъ представленъ императору. — «Ты написалъ эту бумагу?»—«Я, Государь!»—«Дай обнять тебя и благодарить за благія твои пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества! Продолжай всегда такъ чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду! Я желалъ бы имѣть побольше такихъ подданныхъ!» — Внѣ себя отъ восторга, В. Н. Каразинъ бросился къ ногамъ Императора и, заливаясь слезами, долго не могъ вымолвить ни слова... Наконецъ, вырвалась изъ стѣсненной груди его клятва—исполнять волю Монарха»...

Эта любопытная бумага, отрывокъ изъ которой напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1843 г. (№ 1-й), съ помѣткою: Мѣсто, взятое изъ бумаги автора, въ концѣ марта 1801 года, препровожденной къ одной великой особѣ, содержитъ собственно похвальное, горячее и полное страстной любви слово о Россіи, съ указаніями, что можетъ сдѣлать съ нею «юный монархъ, отдающій всего себя въ жертву за ея благоденствіе». Эта записка входитъ въ «Собраніе писемъ и записокъ В. Н. Каразина», предпринятое къ изданію, и потому я не имѣю права помѣстить ее здѣсь цѣликомъ. Авторъ говоритъ въ ней, между прочимъ: «Время теперь возвести Россію на верхъ славы, по обѣту Твоему! Ночью, проходя мимо чертоговъ Твоихъ, я размышлялъ, представлялъ себѣ картину благословеннаго Твоего политическаго положенія, каковы будутъ пути Твои!—Я думалъ,—говоритъ авторъ: — Онъ доставитъ намъ непреложные законы! Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ Онъ утвердитъ ихъ въ роды родовъ! Въ семъ будетъ Онъ дѣйствовать медленно, какъ дѣйствуетъ природа въ таинственныхъ путяхъ, ей уготованныхъ. Съ довѣренностью къ правительству, на одной степени поставитъ Онъ вѣру къ правосудію! Онъ презритъ новыхъ лже-политиковъ, утверждающихъ, будто для государства все равно, какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ въ руки! Онъ предоставитъ весь судъ избраннымъ отъ народа; удалитъ ихъ отъ соблазна не законами, безгласными по необходимости, а доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія,—напримѣръ, сборомъ съ отыскиваемыхъ дѣлъ въ одну кассу со всѣхъ губерній! На сей конецъ, подниметъ Онъ судій общественнымъ мнѣніемъ! Судъ при дверяхъ открытыхъ; право тяжущимся публико-

вать опредѣленія! Онъ обезпечитъ право человѣчества помѣщичьимъ крестьянамъ; онъ введетъ у нихъ собственность; поставитъ предѣлы ихъ зависимости—постепенностью обычая, который бы укрѣпилъ болѣе общественныя связи сословій!» (Въ примѣчаніи, подъ строкой: «Это для опыта ввелъ я въ имѣніи моемъ съ давняго времени, и, какъ хозяинъ, не имѣю причины раскаиваться!»). — Въ концѣ записки онъ указываетъ молодому, его выслушавшему монарху: «Просвѣщеніе, заботы о мануфактурахъ, свободу торговли, миръ съ державами и улучшеніе путей сообщенія!» Онъ кончаетъ словами: «Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ принимаетъ затверженныя восклицанія поэзіи, которая безстыдно приноровляла ихъ ко всѣмъ царствованіямъ, увѣряя каждое, что оно лучше своихъ предшественниковъ! Я смѣлъ начертать сіи мысли: о, Ты, котораго обожаетъ мое сердце, не отвергни сію дань его!»

Въ отысканіи автора и въ представленіи его императору помогли гр. Паленъ и Дм. Прок. Трощинскій («Записка» сына).

Нашъ исторіографъ, носившій созвучное имя съ В. Н. Каразинымъ, въ 1808 году вновь вспоминая съ императоромъ объ этой запискѣ, назвалъ ее въ разговорѣ «pia desideria».

Кстати: В. Н. Каразинъ былъ въ перепискѣ съ Н. М. Карамзинымъ (я видѣлъ письма послѣдняго въ семействѣ В. Н. Каразина), любилъ его, и въ шутку иногда, отдавая должную честь стойкости и благоразумію своего великаго сверстника, говаривалъ при случаѣ: «Э! господа, вы, кажется, смѣшиваете меня съ Карамзинымъ?! Между нами одна маленькая разница въ буквѣ *мыслете!*»

«Записка» его сына продолжаетъ: «Сдѣлавшись такимъ образомъ извѣстенъ Императору Александру, отецъ мой нѣкоторое время продолжалъ быть въ необыкновенныхъ для подданнаго сношеніяхъ съ Царемъ. Нерѣдко удостоивался частной съ Нимъ бесѣды въ Его кабинетѣ и собственноручныхъ Его, совершенно приватныхъ писемъ. Бесѣды эти имѣли всегда цѣлію какое-нибудь новое, ко благу Россіи, учрежденіе. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе Императора на необходимость образованія народнаго. Онъ предлагалъ для этого: искоренить рабство, исподволь, давая крестьянамъ голосъ въ ихъ дѣлахъ, право выбора представителей въ сельскую думу: подать въ пользу помѣщика онъ

полагалъ только за землю послѣдняго, по ежегодно собираемымъ справочнымъ цѣнамъ, гдѣ бы шелъ процентъ и на священника. И это не одна его идея. О необходимости присоединенія уніатовъ къ православной церкви хлопоталъ онъ съ 1804 по 1806 годъ, возбудивши на себя гоненія, какъ, напримѣръ, отъ князя Чарторишскаго, — что̀ и состоялось тридцать восемь лѣтъ спустя. Онъ предполагалъ— умножить приходскія училища, основанныя Екатериною II, примѣнивъ ихъ къ потребностямъ поселянъ, и написалъ для этого катехизисы—религіозный и гражданскій *). Считалъ нужнымъ составить особое министерство народнаго просвѣщенія, обработавши для этого и самый проектъ. — Министерство состоялось.—Положивши основаніе ему, онъ сталъ хлопотать о распространеніи учебныхъ заведеній въ Россіи. Любимая его Малороссія пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища. Онъ отпросился въ отпускъ, и плодомъ этого отпуска былъ сборъ громадной суммы 618,000 руб. сер., которую онъ и представилъ Государю отъ дворянъ и купцовъ харьковскихъ, прося Его о дозволеніи открыть въ Харьковѣ университетъ»...

На этомъ я остановлюсь. Слова «Записки» его сына подтверждаются слѣдующими мѣстами формуляра В. Н. Каразина:

«За труды, кои были лично извѣстны блаженной памяти Государю Императору Александру Благословенному, пожалованъ (*черезъ чинъ*) въ коллежскіе совѣтники, 1801 года апрѣля 11-го».—«И въ тотъ же день награжденъ богатымъ перстнемъ».—«За продолженіе оныхъ удостоенъ въ разное время нѣсколькихъ весьма милостивыхъ собственноручныхъ рескриптовъ Его Величества». — «Избранъ отъ слободско-украинскаго дворянства депутатомъ для испрошенія у престола подтвержденія привилегій сей губерніи 1801 года 7 мая». — «При образованіи министерства народнаго просвѣщенія Высочайше опредѣленъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ, 1802 года сентября 8-го».—«Въ обоихъ сихъ званіяхъ подалъ мысль слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета (который Высочайше и утвержденъ въ 1803 году), *послужилъ орудіемъ къ пожертвованію на оный изъ двухъ губерній*

*) Они, къ сожалѣнію, утрачены.

618,000 руб. сер.—Уклонился отъ Всемилостивѣйшей награды за оный подвигъ. — Но между тѣмъ, за особливые труды по *«комитету составленія ученымъ въ Россійской Имперіи заведеніямъ новыхъ уставовъ»* награжденъ орденомъ св. Владиміра четвертой степени, 1802 года сентября 22-го»—«Продолжая дѣятельно участвовать въ устроеніи всего, принадлежащаго къ упомянутому университету, по необходимости въ художникахъ въ г. Харьковѣ, доставилъ туда *тридцать-два семейства иностранныхъ мастеровъ на собственномъ иждивеніи*, хотя впослѣдствіи, по особенной Высочайшей милости, употребленная имъ на то сумма 12,200 рублей, была ему возвращена въ 1803 году».

Такъ какъ весь въ точности приведенный мною любопытный формуляръ В. Н. Каразина оканчивается еще немногими только строками, то привожу и ихъ здѣсь цѣликомъ, для дальнѣйшаго разсказа о его жизни. Формуляръ говоритъ:

«Въ 1814 году былъ учредителемъ Высочайше потомъ одобреннаго филотехническаго общества».—«Получилъ въ благодарность изъявляющіе отзывы министровъ: *внутреннихъ дѣлъ*—за учрежденіе и успѣшный ходъ филотехническаго общества, 1815 года, апрѣля 15-го; *военныхъ силъ*—за представленіе объ облегченіи заграничнаго продовольствія войскъ и флота, которое одобрено учрежденнымъ нарочно для разсмотрѣнія сего комитетомъ, и о умноженіи въ государствѣ селитры, 1815 года, августа 20-го; *полиціи* — за представленіе особливой идеи о хлѣбныхъ магазинахъ, 1818 года, октября 3-го».—«Вторично былъ избранъ депутатомъ слободско-украинскаго дворянства, для всеподданнѣйшаго ходатайства о ненарушимости привилегій губерній, 1819 года въ февралѣ». — «Пользовался Высочайше дарованнымъ ему въ 1801 году правомъ безпосредственной переписки съ Государемъ». — «Отставленъ, съ награжденіемъ чина статскаго совѣтника, 27-го августа 1804 года».—«Имѣетъ дѣтей: дочь Пелагею и шестерыхъ сыновей: Василія, Егора, Фильдельфа, Александра, Николая и Валеріана».—«Подъ судомъ никогда не былъ».

Довольно любопытный очеркъ этого характера я нашелъ въ двухъ слѣдующихъ изданіяхъ.

Неизвѣстный авторъ статьи «Иванъ Филипповичъ Вер-

нетъ» въ «Современникѣ» 1847 года за подписью Л. *), говоритъ о В. Н. Каразинѣ слѣдующее: «Помню еще другую лѣтнюю поѣздку въ Богодуховскій уѣздъ, къ человѣку, во многихъ отношеніяхъ замѣчательному. В. Н. Каразинъ былъ происхожденія греческаго. Жизнь его была исполнена самыхъ разительныхъ превратностей; и что̀ бы о немъ ни говорили, съ какой бы точки ни разсматривали его общественный характеръ, но одно не подлежитъ сомнѣнію, рано или поздно Харьковъ, да и вся Украйна, отдадутъ ему должное и открыто признаютъ въ немъ одного изъ своихъ благотворителей. Его когда-то сильному вліянію Харьковъ обязанъ своимъ университетомъ. Имъ было созвано въ этотъ городъ множество иностранныхъ ремесленниковъ. Черезъ его посредство призваны туда и нѣкоторые отличные европейскіе ученые. Каразинъ былъ человѣкомъ всемірнымъ: ни одна отрасль наукъ или искусствъ не ускользала отъ его прозорливаго вниманія. Отъ плуга и химической лабораторіи до самыхъ коренныхъ вопросовъ науки или общественной жизни,—онъ вездѣ былъ дома, по крайней мѣрѣ, теоретически. Его *библіотека* обнимала, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли человѣческихъ знаній. Это былъ умъ, жадный къ познаніямъ, душа пылкая, сжигаемая жаждой дѣятельности. Живя поочередно, то въ деревнѣ, то въ городѣ, онъ, несмотря на ихъ отдаленность отъ центровъ просвѣщенія, слѣдилъ за всѣми движеніями вѣка, получалъ множество журналовъ и книгъ и, дѣятельно занимаясь самъ всѣмъ понемногу, поощрялъ и другихъ къ самобытнымъ занятіямъ, къ живому труду. Къ сожалѣнію, самъ онъ не всегда обнаруживалъ тотъ практическій смыслъ, какого требовалъ отъ другихъ. Его попытки, дорого ему стоившія, ввести въ свою деревню особенное, черезчуръ искусственное устройство, сельскую думу, судъ и расправу,—а вмѣстѣ съ тѣмъ сложную отчетность, иностранное земледѣліе и различныя ремесла,—не могли уже и потому увѣнчаться успѣхомъ, что они не сопровождались достаточнымъ практическимъ знаніемъ и слишкомъ отражали на себѣ характеръ самого владѣльца... *Нетерпѣливый и отвлеченно-теоретическій, Василій Назарычъ оставался теоретикомъ и въ практикѣ. Страсть къ проектамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и граж-*

*) По мнѣнію С. И. കованько, подпись Л. означаетъ Лесли, итальянскаго выходца, знавшаго хорошо Вернета и Каразина.

данскаго устройства, безпокойное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода — дѣлали его неспособнымъ къ холодному, настойчивому исполненію предначертаннаго. Онъ весь, и самыми недостатками, принадлежитъ къ исторіи русской общественной жизни... Кто его зналъ, кто зналъ пламенную любовь къ успѣхамъ отечества, одушевлявшую его во всю жизнь съ неизмѣннымъ жаромъ и ревностью, тотъ согласится, что Каразинъ принадлежитъ къ знаменательнымъ, поучительнымъ явленіямъ нашего современнаго общества, и не откажетъ ему въ уваженіи и признательности».

Мнѣ попалось также любопытное письмо извѣстнаго въ Украйнѣ *А. А. Палицина* къ В. Н. Каразину, отъ 1799 года 4-го іюля, изъ с. Поповки («Молодикъ на 1844 г.»), гдѣ говорится о юности В. Н. Каразина: «Прелюбезный другъ мой, Василій Назарьевичъ. Слѣдуйте всегда *вашимъ здравымъ правиламъ:* избирайте и любите людей по себѣ; знакомьте ихъ, сближайте тѣмъ, чтобъ сказать вашимъ словомъ все доброе, но притомъ терпите и прощайте прочихъ, не требуйте никогда великодушія отъ душъ малыхъ, ума отъ дураковъ, терпимости отъ фанатиковъ, безкорыстія отъ алтынниковъ; вы вѣрно также предохраните себя отъ ненависти къ людямъ, какія бы несправедливости отъ нихъ ни испытали!» Въ этихъ словахъ къ будущему учредителю харьковскаго университета я вижу затаенную иронію холоднаго практическаго старика. В. Н. Каразинъ самъ испортилъ свою блистательную небывалую дорогу. Онъ сталъ вскорѣ за первыми успѣхами такъ заносчивъ, такъ далекъ отъ почвы, на которой стоялъ, что самой небольшой интриги его враговъ было достаточно, чтобы смять его и выставить, передъ довѣрчивымъ къ нему государемъ, въ самомъ черномъ видѣ. Я не берусь ни защищать, ни строго судить В. Н. Каразина. У меня нѣтъ на это права потому, что нѣтъ для этого достаточнаго числа источниковъ. Другимъ остается пополнить этотъ пробѣлъ. Я скажу одно, что подъ конецъ и самъ В. Н. Каразинъ смирился и, вполнѣ сознавши свое положеніе, съ грустною улыбкою, подъ старость говаривалъ: «Да! я былъ неопытно-самонадѣянъ. Я былъ бабочкой, опалившей себѣ крылья и зрѣніе въ сферѣ, куда мнѣ, скромному труженику науки, не слѣдовало залетать!»

За приведеніе этой фразы на меня заявилъ претензію его сынъ, Фил. Вас. Каразинъ, но эту же фразу читатель найдетъ въ статьѣ В. Анастасевича.

Въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей рос. при московск. университетѣ» 1861 г. напечатана въ высшей степени любопытная «Записка о В. Н. Каразинѣ» В. Анастасевича. Вотъ она цѣликомъ; привожу ее въ надеждѣ, что живутъ еще на свѣтѣ люди, знавшіе В. Н. Каразина, которые, быть-можетъ, снабдятъ ее нужными разъясненіями. Въ нѣкоторыхъ данныхъ она расходится съ другими приводимыми мною матеріалами, а нѣкоторые дополняетъ и подтверждаетъ.

«Каразинъ, Василій Назарьевичъ, отставной статскій совѣтникъ, помѣщикъ Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, села Кручика, умеръ въ г. Николаевѣ, 4 го ноября 1842 года. Первое мое личное съ нимъ знакомство началось въ концѣ января 1802 года, черезъ покойнаго родственника моего (стат. сов., умершаго въ г. Кременчугѣ), Николая Николаевича Новицкаго, служившаго тогда въ канцеляріи Д. П. Трощинскаго, знакомаго съ Каразинымъ до того за нѣсколько времени и имѣвшаго съ нимъ дружескія сношенія въ бытность свою при флигель-адъютантѣ графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ, въ Москвѣ. Василій Назарьевичъ, будучи тогда знакомъ съ княземъ А. А. Чарторыжскимъ, искалъ чиновника, могущаго занять мѣсто старшаго письмоводителя при семъ князѣ, какъ попечителѣ виленскаго университета, и я, по Высочайшему повелѣнію, на докладъ министра народнаго просвѣщенія, графа Петра Васильевича Заводовскаго, изъ бывшей военной коллегіи былъ опредѣленъ 14-го февраля 1803 года, занимавшись уже до того нѣсколько времени вмѣстѣ съ Василіемъ Назарьевичемъ и съ вывезеннымъ имъ тогда съ собою изъ харьковскаго коллегіума студентомъ Александромъ Степановичемъ Бируковымъ, поступившимъ потомъ въ штатъ министерства народнаго просвѣщенія (о семъ указѣ было особое дѣло, конченное сенатскимъ указомъ). Занятія мои тогда съ Василіемъ Назарьевичемъ особенно состояли въ начертаніи предварительныхъ правилъ министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвержденныхъ 24 января того же года, въ нѣкоторыхъ проектахъ для образованія харьковскаго университета и, въ особенности, по канцеляріи князя

Чарторыскаго, также въ приготовленіи диплома и общихъ уставовъ для преобразованія виленскаго университета и его округа, по прежнимъ уставамъ бывшей училищной (едукаціонной) коллегіи, существовавшей въ послѣдніе годы (до 1794 г.) прежняго польскаго правительства, съ примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени, и когда образовалась сія часть виленскаго округа, то мои служебныя сношенія съ Василіемъ Назарьевичемъ продолжались, какъ съ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ, и по случаю основаннаго имъ изданія отъ того же правленія: «Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія», также во все время, пока В. Н. оставилъ сіе мѣсто и уволенъ вовсе отъ службы. Съ тѣхъ поръ началось уже частное мое съ нимъ дружеское сношеніе, когда онъ, послѣ неудачи въ женитьбѣ на Надаржинской, женился на Александрѣ Васильевнѣ Мухиной (падчерицѣ Г. М. Бланкеннагеля) и пріѣзжалъ сюда по временамъ, а послѣ отъѣздовъ его велъ я съ нимъ довольно частую переписку. Послѣднее мое личное съ нимъ свиданіе было въ тотъ день, когда онъ изъ квартиры въ домѣ N, угольномъ отъ Литейной въ Бассейную, потребованъ къ военному генералъ-губернатору, графу М. А. Милорадовичу, и отъ него отправленъ въ Шлиссельбургъ, о чемъ на другой день увѣдомила меня жена его и просила сперва узнать, гдѣ ея мужъ, а потомъ найти средство доставить ея письмо Государю, бывшему тогда за границею, съ прошеніемъ о помилованіи, въ чемъ я и успѣлъ, чрезъ общаго нашего знакомаго въ главномъ штабѣ, покойнаго генерала Павла Осиповича Дейріарда, вслѣдствіе чего позволено было ему, по освобожденію изъ Шлиссельбурга, жить въ его селѣ, Кручикѣ. О причинѣ прежней къ нему милости, а потомъ немилости Государя Александра I разсказывали мнѣ различно разныя лица, знавшія его, а отчасти я слышалъ отъ него самого, но всегда сбивчиво. В. И. Языковъ говорилъ, что В. Н. въ Спб. Петропавловской крѣпости находился до вступленія на престолъ Государя Александра I-го, который, будучи великимъ княземъ и наслѣдникомъ, и въ званіи генералъ - губернатора столицы, часто посѣщая Петропавловскую крѣпость, замѣтилъ въ числѣ узниковъ В. Н. и, послѣ бесѣды съ нимъ, полюбилъ его, оказывалъ ему возможныя, по тогдашнему времени, благоволеніе и пособіе. Согласно съ симъ окончаніемъ слышалъ

я и отъ Д. Н. Б.-Каменскаго, но иначе разсказывалъ мнѣ самъ В. Н., въ началѣ моего съ нимъ знакомства, а именно: что отецъ его, у коего былъ еще и другой сынъ, Иванъ (неизвѣстно мнѣ, были ли у нихъ двухъ и другіе братья и сестры), въ одну турецкую войну, будучи изъ сербовъ, или болгаръ, оказалъ Россіи важныя услуги и, переселясь въ Россію, получилъ отъ Императрицы Екатерины II, въ Харьковской губерніи, 2 тысячи душъ крестьянъ, которые по смерти его и достались пополамъ симъ двумъ его сыновьямъ. Иванъ, получа увольненіе отъ военной службы, съ чиномъ поручика, занялся сельскимъ хозяйствомъ и долго велъ мирную жизнь, потомъ былъ училищнымъ смотрителемъ, имѣлъ непріятности по сей части отъ письмоводителя при попечителѣ харьковскаго университета, Корниловѣ, о чемъ В. Н., будучи въ С.-Петербургѣ, незадолго передъ отосланіемъ его въ Шлиссельбургъ, жаловался тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, но въ такихъ выраженіяхъ, что болѣе его разсердилъ, чѣмъ доставилъ справедливость обиженному своему брату, потомъ женившемуся несчастно, и, послѣ разныхъ семейныхъ раздоровъ, умершему въ чаду (о чемъ мнѣ разсказывалъ Н. К. Мавроди, женившійся на воспитанницѣ Василья Назарьевича и, помнится, служившій въ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ по медицинской части). Василій Назарьевичъ, заложивъ свое имѣніе, намѣренъ былъ тайно уѣхать въ чужіе края, но схваченъ на границѣ нашей и, по повелѣнію Павла I, посаженный въ крѣпость, содержался во все время царствованія сего Государя. Александръ I, узнавъ его тамъ, какъ выше сказано, по вступленіи своемъ на престолъ, тотчасъ освободилъ его, приблизилъ къ себѣ такъ, что онъ могъ запросто входить въ кабинетъ Государя, безъ доклада, какъ самъ В. Н. мнѣ сказывалъ, получалъ часто отъ Государя своеручныя самыя дружескія записки: «Mon cher Kar...» etc. Такое благоволеніе къ нему Государя особенно обнаружилось въ бытность Александра I-го въ Москвѣ, для коронаціи, о чемъ также разсказывали разнообразно. Д. Н. Бантышъ-Каменскій:—что Василій Назарьевичъ незванный явился на балъ къ главнокомандующему, графу И. П. Салтыкову, когда ожидали Государя; хозяинъ, замѣтивъ его и по особенно рѣзкимъ чертамъ лица, и по поступи, не весьма свѣтской и ловкой въ такомъ блистатель-

номъ собраніи, послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ спросить, кто онъ и зачѣмъ? В. Н. отвѣчалъ, что онъ самъ доложитъ его сіятельству и, подойдя, подалъ ему письмо: оно было отъ Государя, съ выраженіемъ принять его благосклонно. Едва лишь публика имѣла время изъявить удивленіе свое внезапно оказанному отъ графа сему гостю отличному пріему, какъ объявлено о прибытіи Государя. Всѣ бросились на-встрѣчу. Государь, вошедши, замѣтилъ Василія Назарьевича, изъявилъ ему рукою знакъ благосклонности и тотчасъ самъ рекомендовалъ его графу; этимъ еще болѣе увеличилось удивленіе собранія. Но Д. И. Языковъ слышалъ отъ бывшаго тогда въ Москвѣ оберъ-полиціймейстера Каверина такъ: Императоръ Александръ I-й предварилъ графа И. П. Салтыкова, что будетъ къ нему на вечеръ, но чтобы не было постороннихъ, кромѣ близкихъ и родныхъ графу. Не успѣлъ графъ спросить Василія Назарьевича, какъ онъ тутъ явился къ нему, въ то самое время, когда сказано, что Государь прибылъ, и хозяинъ съ гостями своими поспѣшилъ на-встрѣчу высокому гостю, который, вошедши и увидѣвъ здѣсь Василія Назарьевича, сказалъ графу, чтобы онъ извинилъ его за непредвареніе о семъ гостѣ, коего ему рекомендуетъ, и всѣ не могли понять тогда сего отличія. Василій Назарьевичъ, пользуясь тогда такою милостью Государя, нашелъ случай сказать ему, что онъ намѣренъ жениться на Надаржинской (немогшей получить значительнаго наслѣдства по причинѣ иска). Приготовя о семъ записку чрезъ оберъ-прокурора синодскаго, Пукалова, своего друга, онъ, единственно по сему уваженію, получилъ отъ Государя утвержденіе правъ законной наслѣдницы и, какъ невѣстѣ своей, богатыя серьги, или фермуаръ, а для протопопа харьковскаго, Прокоповича, орденъ св. Анны. В. Н., прибылъ въ Харьковъ, публично самъ возложилъ этотъ орденъ на сего протопопа, для показанія, что онъ значитъ у Государя. Притомъ же, чтобъ еще болѣе угодить мнимой невѣстѣ своей, о коей не могъ и подумать, чтобъ она не оцѣнила по достоинству такихъ для нея благодѣяній, привезъ ей ея родственника изъ пажескаго кадетскаго корпуса (не спрося дозволенія начальства). По прибытіи къ Надаржинской съ царскимъ подаркомъ и имѣя уже готоваго, преданнаго себѣ Прокоповича, лишь только попросилъ руки ея, какъ она наотрѣзъ ему отказала, сказавъ, что уже отдала

свое сердце другому (за котораго тогда же и вышла, т.-е. Корсакову), а его вѣчно будетъ считать своимъ другомъ и благодѣтелемъ. Говорятъ, что она тутъ же подала 50 тысячъ руб., или выкупленные ею векселя его на эту сумму, но онъ ихъ бросилъ ей и пѣшкомъ, не опомнясь, вышелъ изъ ея дома. Иные же говорятъ, что онъ принялъ тѣ деньги, и Государь, узнавъ о томъ, положилъ на него свой гнѣвъ. Но вѣроятнѣе, что Государь, получа отъ начальства рапортъ объ увозѣ самоправно кадета, или пажа, прогнѣвался и въ слѣдъ послалъ повелѣніе: лишь прибудетъ Василій Назарьевичъ въ Харьковъ, посадить его на гауптвахту, а кадета прислать въ корпусъ. Какъ бы то ни было, но такъ рушилось намѣреніе В. Н. жениться на богатой невѣстѣ, воспользовавшейся опрометчивостью, свойственною ему и въ разныхъ другихъ случаяхъ его жизни обнаруженною, а враги В. Н. могли внушить Государю, что, въ самомъ дѣлѣ, какъ казалось, повидимому, цѣль его была корысть, а не страсть душевная къ сей, чрезъ него выигравшей свое дѣло, дѣвицѣ. Къ причинамъ гнѣва на В. Н. отъ Государя относятъ и то, что онъ выражался о своемъ министрѣ, графѣ Заводовскомъ, обидными словами, что онъ лишь возитъ Государю портфель, наполненный бумагами, обработанными имъ, В. Н.

Рѣчи сіи или подобныя могли быть съ прибавленіемъ переданы графу Заводовскому бывшимъ сперва домашнимъ учителемъ дѣтей у Заводовскаго, а тогда директоромъ его канцеляріи, Ив. Ив. Мартыновымъ, жалкимъ педантомъ, желавшимъ къ своему жалованью, 2,500 р. (по сему званію), присоединить такую же сумму, какую получалъ тогда В. Н. по званію правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно и чрезъ то избавился даже зависимости своей отъ сего, далеко превосходившаго его, сверстника. Къ сему должно присовокупить еще одно обстоятельство. По новомъ образованіи, вмѣсто бывшей комиссіи народныхъ училищъ, главнаго правленія училищъ, коего, какъ мѣста, сохранившаго еще прежній коллегіальный видъ, всѣ попечители учебныхъ округовъ были членами и собирались подъ предсѣдательствомъ своего министра народнаго просвѣщенія (Заводовскаго), какъ президента, В. Н. все сохранялъ къ себѣ благорасположеніе, въ особенности князя Чарторыжскаго и его друга, графа Северина Осиповича Потоцкаго, назначеннаго попечителемъ новоучрежден-

наго тогда харьковскаго университета, который обязянъ своимъ существованіемъ Василію Назарьевичу, склонившему дворянъ къ знатнымъ пожертвованіямъ для сего высшаго въ томъ краѣ училища. Но когда графъ С. О. Потоцкій, получа отпускъ за границу, оставилъ В. Н-чу нѣкоторыя суммы въ распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы объ ихъ употребленіи, относился онъ къ нему, графу Потоцкому, то В. Н. нѣкоторыми распорядился самъ, на выдачу нѣкоторымъ профессорамъ и т. п. издержки, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе отъ графа Потоцкаго, и тѣмъ болѣе уже неблаговолившаго къ нему по вышеупомянутымъ наговорамъ, министра графа Заводовскаго, а потому дѣло Надаржинской и увозъ ея родственника, кадета, могло быть представлено Государю въ гораздо худшемъ видѣ, нежели какъ оно было въ самой сущности. Здѣсь сбылась пословица: «на бѣдняго Макара и шишки валятся», или: «гдѣ тонко, тутъ и рвется». Женитьба его на А. В. Мухиной *) не только не вознаграждала ему потери Надаржинской, но вслѣдъ затѣмъ начинается длинная цѣпь его горестей. Финансы его были довольно разстроены прежними неудачами. Въ селѣ своемъ, Кручикѣ, бросался онъ на разные опыты хозяйственные, по своимъ новымъ теоріямъ, коихъ впредь ему не было довольно времени и терпѣливости повѣрить съ должностнымъ вниманіемъ на самомъ дѣлѣ; издержки давно уже превосходили его состояніе. Требованія семейства возрастали, и нужно было удобство жизни, къ коей изъ дѣтства привыкла жена его. Учрежденіе филотехническаго общества, кажется мнѣ, было мѣрою отчаянною, которая, судя по степени средствъ и понятій членовъ, вошедшихъ въ составъ онаго, едва ли могла быть удачною и при лучшихъ обстоятельствахъ, вещественныхъ и невещественныхъ, самого учредителя. Возгласы его въ собраніяхъ были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а слободско-украинскія степи дѣйствительно были слишкомъ обширны для сего полезнаго, даже самаго благонамѣреннаго, дѣла. Кому неизвѣстно, что если нелюбъ дѣлатель, нелюбо и дѣло его? Выданныя имъ акціи, съ тайнымъ знакомъ въ одной изъ клѣтокъ, написанныя химическимъ составомъ, съ условіемъ, что акція теряетъ свою данность, если сей знакъ обнаружится (ко-

*) Скончавшейся только 24-го мая 1861 г., на 79-мъ году, и погребенной въ подмосковной. См. «Моск. Вѣдом.» № 114, стр. 914. О. Б.

торый въ самомъ дѣлѣ самъ собою обнаружился зеленаго цвѣта отъ теплоты записной карманной книжки), еще болѣе умножили колебавшуюся къ нему довѣренность. Имѣніе его, коимъ онъ обезпечилъ акціи, подверглось тяжбѣ съ подписчиками, вѣрителями и прочими. Жалобы самого зятя его, Н. К. Мавроди, долго неудовлетворяемаго по векселямъ (даннымъ ему по случаю женитьбы на дочери В. Н-ча), опала отъ Двора, назначеніе за нимъ присмотра, запрещеніе переписки, литературныя его ссоры съ Карамзинымъ и съ нѣкоторыми другими, раздраженіе кн. А. Н. Голицына, сомнительное покровительство графа В. П. Кочубея, въ кабинетѣ коего онъ писалъ разныя смѣлыя бумаги, передаваемыя, безъ его вѣдома, Государю, потомъ, тяжебныя дѣла по имѣнію, умножившія число недруговъ, несчастіе, постигшее сына его Василія въ школѣ подпрапорщиковъ, откуда онъ пошелъ въ Свеаборгъ, вооруженіе противъ себя Общества соревнователей (рушившагося 14 декабря 1825 года), въ которомъ былъ почти общій на него заговоръ за статью объ ученыхъ обществахъ (самой непріятной сцены я самъ былъ свидѣтелемъ въ бурномъ онаго же общества засѣданіи, изъ коего и я тогда вышелъ съ Василіемъ Назарьевичемъ, давно замѣтивъ, что тамъ многіе члены таились отъ непричастныхъ съ чѣмъ-то недобрымъ): всѣ сіи обстоятельства и случаи, и, вѣроятно, многіе мнѣ неизвѣстные или неприходящіе теперь на память, при бѣгломъ семъ воспоминаніи столь давнихъ событій, все это могло сильно потрясти пылкій духъ, горячую голову и раздражительное сердце Василія Назарьевича, какъ бы обреченнаго на борьбу съ самою непріязненною ему судьбою, сперва такъ злобно, такъ предательски ласкавшею и возводившею его выше и выше, чтобъ потомъ сдѣлать ему чувствительнѣе паденіе. Во всѣхъ отношеніяхъ, во всякихъ случаяхъ и обстоятельствахъ, есть, конечно, Наполеоны, шагающіе, какъ бы однимъ скачкомъ, изъ Бріеннской школы, чрезъ престолъ имперіи, за экваторъ, на островъ св. Елены! И нашъ добрый, умный и даже глубокомысленный Василій Назарьевичъ, если бы ограничилъ себя или на литературномъ, или на ученомъ, или даже на хозяйственномъ полѣ, могъ бы благополучно воздѣлать оное, пожать обильные плоды и подѣлиться ими съ своими соотчичами и съ потомствомъ; но онъ, какъ бабочка, слишкомъ приблизился

къ пламени... и опалилъ себѣ крылья, слишкомъ довѣрилъ Двору и забылъ, что тамъ не все говорится, что на душѣ. Когда Александръ, воспитанный Лагарпомъ, въ началѣ царствованія своего, задолго до событій 1812 и 1814 гг., въ юной душѣ своей еще упивался идеями конца XVIII вѣка, Василій Назарьевичъ, самъ не будучи главнымъ, примѣрнымъ помѣщикомъ, вооружился противъ эманципаціи крестьянства и дразнилъ молодое поколѣніе, обожавшее въ своемъ Государѣ сочувствіе съ своими идеями, дразнилъ даже финансовую систему, которая возвращеніе въ казну дворянскихъ имѣній, за каждымъ послѣднимъ стукомъ молотка, неуслышаннымъ помѣщиками, можетъ быть, считала своимъ барышемъ. Говорятъ, что В. Н., будучи сначала близкимъ Государю, огорчилъ его своею альфою и омегою (родъ наставленія, какъ царствовать), вѣроятно, въ тѣхъ же правилахъ, какія В. Н. писалъ для себя и для своего села Анашкина (если не ошибаюсь). Не хотѣлось бы мнѣ такъ заключать, но я зналъ въ Вас. Наз. много подобныхъ симъ аберрацій *). Говорятъ, что Василій Назарьевичъ также что-то непріятное писалъ Государю за границу, по случаю безпокойствъ, вспыхнувшихъ и тотчасъ потухшихъ, въ казармахъ гвардейскаго Семеновскаго полка, за полковника Шварца. Въ этомъ онъ мнѣ никогда не признавался, хотя часто любилъ спорить со мною, если я его хладнокровно убѣждалъ, и иногда заставлялъ соглашаться со мною въ такихъ предметахъ, которые непремѣнно требуютъ долговременной опытности, наипаче въ государственной администраціи, и которыхъ никакъ нельзя рѣшительно судить по одной теоріи, можетъ быть, не у насъ однихъ еще долго немогущей явно развиться, когда вся админи-

*) Д. И. Языковъ разсказывалъ мнѣ еще одну прежнюю нескромность В. Н., бывшую также одною изъ главныхъ причинъ, навлекшихъ на него неблагосклонность Государя. Императоръ Александръ поручилъ ему написать статью по части законодательства, съ тѣмъ, чтобъ до времени не говорилъ объ оной; но В. Н. не утерпѣлъ, прочелъ ее бывшему министру юстиціи, Г. Р. Державину, не предваривъ его, однако, о запрещеніи отъ Государя открыть ее. Державинъ былъ потомъ съ докладомъ у Государя, который завелъ рѣчь о семъ предметѣ и показалъ ему ту статью. Державинъ лишь взглянулъ, то сказалъ, что онъ ее уже читалъ. Удивленный Государь спросилъ, когда и у кого? Державинъ отвѣчалъ: «Каразинъ мнѣ прочелъ се». Нѣсколько примѣровъ мнѣ извѣстно, какъ строгъ былъ Государь сей за подобную нескромность.

стративная практика, не говоря о правительственной, заключена въ кабинетахъ, не только министровъ, но даже въ ихъ департаментахъ. Моя переписка съ Василіемъ Назарьевичемъ, по мѣрѣ сжатія круга отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, также болѣе и болѣе сжималась и рѣдѣла. Сперва она вознаграждалась частыми нашими бесѣдами при свиданіяхъ, когда онъ, послѣ оставленной имъ службы, раза два пріѣзжалъ сюда, до послѣдняго отъѣзда въ Шлиссельбургъ и потомъ въ Кручикъ. При посѣщеніи имъ Москвы, было еще нѣсколько его отзывовъ; но это уже не въ томъ духѣ и не съ прежними сердечными изліяніями. Сердце его могло, конечно, черствѣть и отъ того въ отношеніи ко мнѣ, что нечѣмъ было болѣе отогрѣвать оное; я также, оставивъ службу, отставалъ даже отъ здѣшнихъ многихъ прежнихъ сверстниковъ и знакомыхъ, оставшихся въ службѣ и далеко меня опередившихъ».

II.

Отрывокъ изъ записокъ Державина.—Открытіе университета въ Харьковѣ.—Попытки эмансипаціи собственныхъ крестьянъ.—Филотехническое общество въ Харьковѣ.

Пѣвецъ Фелицы оставилъ любопытныя сужденія и извѣстія о В. Н. Каразинѣ, въ изданныхъ въ минувшемъ 1859 году въ «Русской Бесѣдѣ» (ч. V), собственноручныхъ «Запискахъ Державина». Подъ отдѣленіемъ VII, «Царствованіе Императора Александра», Державинъ говоритъ, вездѣ называя себя въ третьемъ лицѣ. «Едва же пріѣхавъ изъ Москвы, а именно 23-го ноября (1801 г.) ввечеру, Державинъ былъ позванъ чрезъ ѣздового къ Государю. Онъ предложилъ ему множество извѣтовъ, отъ разныхъ людей къ нему дошедшихъ, о безпорядкахъ, происходящихъ въ Калужской губерніи, чинимыхъ губернаторомъ Лопухинымъ, приказывая, чтобъ ѣхалъ въ Калугу и открылъ злоупотребленія сіи формально, какъ сенаторъ, сказывая, что нарочно посланными отъ него подъ рукою уже ощупаны всѣ слѣды. Державинъ, прочетши сіи бумаги и увидѣвъ въ нихъ знатныхъ особъ замѣшанными, просилъ Императора, чтобъ онъ избавилъ его отъ сей комиссіи, что изъ слѣдствія его ничего не выйдетъ и онъ только вновь прибавитъ враговъ. Императоръ съ неудовольствіемъ возразилъ: «Какъ, развѣ ты мнѣ повиноваться не хочешь?»—«Нѣтъ,

Ваше Величество, хотя бы мнѣ жизни стоило, правда передъ вами на столѣ семъ будетъ! Только благоволите умѣть ее защищать!»—«Я тебѣ клянусь поступать какъ должно!»—Тогда отдалъ онъ ему извѣты и промолвилъ: *«Еще получишь въ Москвѣ отъ коллежскаго совѣтника Каразина.* А между тѣмъ, заготовь и принеси ко мнѣ завтра указъ къ себѣ и къ кому должно»...—Державинъ безъ огласки сіе на другой день исполнилъ. 5-го января 1802 г. отправился онъ безъ огласки въ Калугу. Прибылъ въ Москву, гдѣ получилъ отъ упомянутаго Каразина нарочито важныя бумаги, между прочимъ, и подписку, секретно именемъ Государя истребованную отъ калужскаго помѣщика и фабриканта Гончарова, въ томъ, что губернаторъ Лопухинъ у него, Гончарова, выпросилъ сперва заимообразно 30,000 рублей на годъ, далъ ему вексель и послѣ, поѣхавъ будто осматривать губернію, заѣхавъ къ нему въ деревню и придравшись къ слухамъ, что будто у него въ домѣ происходитъ запрещенная карточная игра, грозилъ ему ссылкою въ Сибирь, велѣлъ для допросовъ явиться къ себѣ въ Мосальскъ, а между тѣмъ, черезъ приверженнаго къ себѣ секретаря Гужова, велѣлъ ему сказать, что ежели онъ упомянутый вексель уничтожитъ, онъ слѣдствія производить не прикажетъ. Бѣдный Гончаровъ согласился и отослалъ вексель съ приказчикомъ своимъ въ Калугу. Гончаровъ все сіе, въ помянутой секретной подпискѣ, писанной его собственною рукою, подъ присягой объявилъ Каразину; а сей отдалъ оную въ Москвѣ Державину, какъ равно и другія бумаги, доказывающія преступленія губернатора. Снабженный таковыми отъ Императора и Каразина, пріѣхавъ въ Калугу, остановился въ квартирѣ, Каразинымъ пріисканной, въ домѣ у купца Бородина, градскаго головы».—Началось сперва развѣдываніе городскихъ слуховъ, потомъ слѣдствіе. Открыто тридцать-четыре важныхъ и двѣнадцать неважныхъ дѣлъ. Державинъ послалъ курьера къ Императору, губернаторъ — къ друзьямъ-вельможамъ, жалуясь на Державина, будто онъ завелъ у себя тайную канцелярію и въ ней мучитъ людей, въ томъ числѣ самого Гончарова, который въ самомъ дѣлѣ, по непонятному случаю, скоропостижно, отъ апоплексическаго удара, въ кабинетѣ Державина заболѣлъ и, едва вышелъ въ сѣни, умеръ. Онъ испугался, когда Державинъ, показавши ему «секретную

его подписку, взятую отъ него Каразинымъ», объявилъ, что желательно было бы, «чтобъ подалъ ему формальное прошеніе съ доказательствами» — «ибо подписка взята у него по секрету, то и непріятно ему такимъ инквизиціоннымъ средствомъ безславить кроткое царствованіе владѣющаго Государя».—Послѣ разныхъ столкновеній, черезъ 6 недѣль Державинъ оставилъ Калугу; пробылъ въ Москвѣ двѣ или три недѣли, и, оставя тамъ доклады Государю, поѣхалъ въ Петербургъ.—Новыя огорченія встрѣтили его тамъ. Но, наконецъ, составленъ независимый комитетъ, и Лопухинъ, преданный суду, обвиненъ во всемъ»...

Оставя извѣстіе о такой близости Каразина къ Императору, Державинъ, коснувшись еще разъ этого человѣка, набрасываетъ на него тѣнь значительно-темную. По принятому мною способу передачи извѣстій о Каразинѣ, заношу въ точности и этотъ разсказъ Державина, не имѣя возможности ни подтвердить его, ни опровергнуть. Предоставляю это другимъ. Суровый царедворецъ трехъ царствованій, жесткимъ и шероховатымъ своимъ слогомъ безпрестанно жалуясь въ «Запискахъ» на своихъ враговъ и соперниковъ по службѣ, говоритъ: «Державинъ получилъ довольно небезважное порученіе отъ Императора. Вышеупомянутый Каразинъ, будучи человѣкъ умный и расторопный, хотя, впрочемъ, не весьма завидной честности *), имѣлъ доступъ къ Государю. Онъ показывалъ, въ Москвѣ, къ нему писанные такіе благосклонные или, лучше сказать, дружескіе рескрипты, что могли привести всякаго въ удивленіе довѣренностью къ нему Монарха. Пріобрѣлъ онъ сіе, живучи въ Москвѣ, увѣдомляя его о московскихъ всякаго рода происшествіяхъ, какъ выше явствуетъ, по извѣту безъименныхъ лицъ, къ свѣдѣнію Императора дошедшихъ. Между тѣмъ, какъ производилъ Державинъ, по его развѣдываніямъ, въ Калугѣ слѣдствіе, успѣлъ онъ изъ Москвы, прежде его, пріѣхать въ Петербургъ и тутъ узнать о тяжебномъ важномъ дѣлѣ, находящемся уже въ государственномъ совѣтѣ, между нѣкоторою госпожею *Надаржинскою и Кондратьевымъ*. Сей послѣдній опровергалъ ея бракъ и дочь, внѣ брака зачатую, чѣмъ онъ пріобрѣталъ, послѣ ея мужа, а

*) Слухъ, по которому Державинъ такъ рѣзко выразился о Каразинѣ, «Русская Бесѣда» назвала «неосновательнымъ». Этотъ упрекъ и мнѣ непонятенъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ дѣлахъ Державинъ самъ подалъ голосъ за Каразина.

своего дяди, великое недвижимое и движимое имѣніе, въ Малороссіи находящееся. Разныя были мнѣнія на той и на другой сторонѣ, а сильнѣйшая партія тогдашняго времени, то-есть г. Зубова, была на сторонѣ Кондратьева. Каразинъ, свѣдавъ о семъ дѣлѣ, и хотя онъ прежде былъ на сторонѣ *племянника*, но узнавъ, что вдова имѣетъ дочь, лѣтъ тринадцати, которая, по утвержденіи законности ея рожденія, могла быть богатая невѣста, имѣющая въ приданое болѣе 5,000 душъ, то и вознамѣрился ходатайствовать за нее, съ тѣмъ, чтобы получить ее себѣ въ замужество *). Онъ подольстился къ матери, и хотя чрезъ переписку, весьма ласкательную, не получилъ точнаго обѣщанія о полученіи руки ея, но весьма великую надежду, съ тѣмъ, что ежели онъ дѣло ея исходатайствуетъ, — пріобрѣтетъ ея склонность. Въ такомъ намѣреніи успѣлъ онъ внушить Государю, чтобы, ежели дѣло Надаржинской, въ которой онъ, какъ въ своей сговоренной невѣстѣ, беретъ участіе, по запутанности и пристрастію членовъ совѣта, поручить разсмотрѣнію *г. Лагарта*, учителя Государя, который былъ тогда въ Петербургѣ, и Державина, какъ людей совѣстныхъ и знающихъ юриспруденцію, то они ему удобнѣе представятъ наилучшее мнѣніе. Императоръ на сіе соизволилъ, и гр. В. А. Зубовъ привезъ Державину, когда онъ совсѣмъ не ожидалъ, сіе дѣло, при запискѣ Каразина, съ Высочайшимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ представилъ свое мнѣніе хотя одинъ, для того, что Лагарпъ уже уѣхалъ во Францію. Державинъ далъ свое мнѣніе въ пользу сей несчастной сироты. Гр. В. А. Зубовъ, котораго Государь очень любилъ и уважалъ, принесъ-было къ нему заготовленный уже указъ въ пользу Кондратьева, что и хотѣлъ Государь подписать и взялъ уже перо; но сей молодой вельможа, хотя интересовался за Кондратьева, но столько былъ благороденъ и *честенъ* **), что, остановя руку его, совѣтовалъ ему потребовать прежде отъ Державина письменнаго заключенія. По поднесеніи Державинымъ подробныхъ объясненій и доказательствъ правости дѣвицы, состоялся указъ въ ея пользу»...

---

*) «Русская Бесѣда» къ этому мѣсту дѣлаетъ примѣчаніе: «Это предположеніе Державина не исполнилось, да и врядъ ли было основательно. Василій Назарьевичъ Каразинъ женатъ былъ на дѣвицѣ Бланкеннагель, родной внукѣ Голикова, собирателя извѣстій о Петрѣ Великомъ».

**) Явное противорѣчіе Державина своему мнѣнію о Каразинѣ.

«Записка» сына Каразина прибавляетъ, въ поясненіе важныхъ порученій, возлагавшихся въ первые годы царствованія императора Александра на В. Н. Каразина: «Разскажу одинъ примѣръ изъ множества слышанныхъ мною. Представлено было однажды на высочайшую конфирмацію одно уголовное дѣло. Братъ убилъ брата, оба были богатые владѣльцы; слѣдствіе длилось очень долго, наконецъ прошло всѣ инстанціи, и результатъ былъ тотъ, что братоубійцу оправдали. Государь, читавшій всегда со вниманіемъ подобнаго рода дѣла, замѣтилъ какое-то обстоятельство, которое показалось ему сомнительнымъ. Онъ призываетъ моего отца и говоритъ: «Поѣзжай на мѣсто и развѣдай все обстоятельно!» — Отецъ мой ѣдетъ и черезъ короткое время привозитъ неоспоримыя доказательства, что преступленіе было вопіющее и покрыто кучею денегъ. Между прочимъ, губернатору дано было 100,000 рублей... Провѣрили факты, и все открылось ясно, какъ день»...

Державинъ почти вполнѣ подтверждаетъ это извѣстіе, слышанное Ф. В. Каразинымъ отъ своего отца. Онъ прямо относитъ его къ событіямъ калужской поѣздки и говоритъ: «Открылись злоупотребленія губернатора въ покровительствѣ смертоубійства, за взятки, помѣщикомъ Хитровымъ брата своего роднаго, за что онъ въ подарокъ давалъ губернатору на 75,000 ломбардныхъ билетовъ». — Губернаторъ Лопухинъ, какъ сказано выше, за все это осужденъ и наказанъ.

Заслуги Каразина на пользу Украйны останутся навсегда памятными. И если онъ послѣ навлекъ на себя опрометчивыми письмами и представленіями гнѣвъ правительства, это самое правительство всегда чтило его достойные труды.

Возвращаюсь къ блистательной порѣ, когда тридцатилѣтній пылкій молодой человѣкъ, В. Н. Каразинъ, взялся за основаніе университета въ Харьковѣ.

«Записка» его сына говоритъ: «Чего стоило ему собрать деньги отъ людей, большая часть которыхъ коснѣла еще въ невѣжествѣ и бѣгала отъ одного имени просвѣщенія! За-то надобно было видѣть, какъ онъ принялся за это дѣло, какъ воспользовался даромъ своимъ говорить и убѣждать людей! Надобно было слышать произнесенную имъ рѣчь въ дворянскомъ собраніи! 25 лѣтъ спустя, одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ какъ-то объ этой рѣчи

при мнѣ и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ юнымъ ораторомъ... Просьбы на колѣняхъ, мольбы со слезами, обѣщанія разныхъ наградъ у правительства, — все было имъ употреблено! Другой, на мѣстѣ его, поѣхалъ бы послѣ этого съ торжествомъ въ столицу, выставилъ бы себя, прокричалъ бы о подвигѣ своемъ во всѣхъ концахъ вселенной, и на него посыпались бы почести, награды! Но онъ скрылъ себя совершенно, выставилъ только другихъ... А участія съ его стороны было столько, что оно положило начало разоренію его имѣнія, которое теперь почти все распродано по частямъ за долги!..»

Наша литература сохранила вѣрныя данныя объ этомъ подвигѣ В. Н. Каразина.

Вотъ они:

Въ напечатанной въ «Молодикѣ на 1844 г.» любопытной «Копіи съ протоколовъ дворянства и купечества, предъ основаніемъ Имп. харьковскаго университета, 1802 г., сентября 1-го», за подписью губернскаго предводителя дворянства, слободскихъ-украинскихъ дворянъ и харьковскихъ купцовъ и гражданъ, говорится: «Дворянство, обративъ вниманіе на положеніе своего края, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить въ губернскомъ городѣ своемъ университетъ. Онъ долженъ имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ двѣ школы для людей низшихъ состояній: школу сельскаго домоводства и ремеслъ, и рукодѣлій. Для положенія основанія сему университету, *слободское украинское дворянство* полагаетъ взнести *отъ дворянскихъ имѣній* сей губерніи *400,000 рублей*. Упомянутою суммою признаютъ украинскіе дворяне себя должными государству отъ сего дня, но тѣмъ не ограничатъ ревность свою. Слободское дворянство полагаетъ пригласить къ усугубленію капитала губерніи: Курскую, Орловскую, Воронежскую, Новороссійскую, Полтавскую и Черниговскую, и къ сему же гражданъ другихъ состояній въ Слободской Украйнѣ, испросивъ на все сіе позволеніе Всемилостивѣйшаго Государя Императора. *На сей конецъ* поручаетъ оно депутату своему, коллежскому совѣтнику Василію Назарьевичу Каразину, въ сходство настоящаго положенія, отъ имени дворянъ, сдѣлать всеподданнѣйшее представленіе». — Въ отдѣльномъ протоколѣ отъ харьковскаго купечества, того же 1802 г., 1-го сентября, говорится: «Видя въ учрежденіи семъ явное благо-

твореніе городу, яко то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ, гражданство полагаетъ и съ своей стороны: 1) взносить въ пользу университета, въ теченіе десяти лѣтъ, съ капиталомъ по $1^1/_4{}^0/_0$ ежегодно; 2) достаточнѣйшіе отъ купцовъ готовы на частные взносы; 3) просить Его Величество о соизволеніи, чтобъ половина откупной суммы на все послѣдующее время (пожалованная 1783 г. въ пользу горожанъ) предоставлена была въ пользу университета; для того и уполномочиваетъ г. коллежскаго совѣтника Василія Назарьевича Каразина» и т. д. Всего же собрано 618,000 руб. сер.

Эти оба протокола были вызваны пылкою рѣчью В. Н. Каразина, отъ 11-го августа, того же 1802 г., въ собраніи харьковскаго дворянства (тамъ же, стр. 245—250), которую Каразинъ начинаетъ словами: «Благодарность! Она будетъ предметомъ, которымъ я васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе! Она наполняетъ мое сердце!—Таковы мои чувствованія бываютъ каждый разъ, когда удается мнѣ навѣщать благословенные небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены они обстоятельствами нашего времени! Я имѣю счастіе быть возвѣстителемъ воли благодѣтельнѣйшаго изъ Монарховъ... *Мнѣ позволено сказать Его устами, что подвигъ, предпринимаемый нашимъ обществомъ, пріятенъ Ему!* Что Онъ ожидаетъ исполненія нашихъ, донесенныхъ Ему обѣтовъ... Сіе чувствованіе радости и надежды, упоявшее меня уже при посѣщеніи края моего рожденія, угодно было вамъ усугубить благосклоннѣйшимъ пріемомъ, въ первое собраніе, когда представилъ я вамъ *предначертаніе того учрежденія,* коимъ вы хотите украсить свою страну, отличить ее въ пространной Россіи... Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ! Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенности—краю, который былъ отечествомъ для понятія моей юности! Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность дѣлать малѣйшее добро любезной моей Украйнѣ. Такъ я смѣю думать, что губернія наша предназначена разлить вокругъ себя чувство изящности и просвѣщенія. Она можетъ быть для Россіи то, что древнія Аѳины для Греціи. Благотворенъ нашъ воздухъ; удобенъ прельстить иностранцевъ, которыхъ мы

пригласимъ къ себѣ... Я полагалъ, что мы посадимъ мудрость въ судахъ, что купцы прійдутъ почерпать у насъ познанія; что отъ насъ изыдутъ витіи, стихотворцы; что мы умножимъ число врачей... Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное стеченіе украситъ, распространитъ сей городъ... Простите дерзновеніе мое! Самыя сіи мысли обнаружилъ я и предъ августѣйшимъ Монархомъ! Исполнители его велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украйну средоточіемъ просвѣщенія... Высокопочтенное собраніе! Неужели обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моей питалъ я о странѣ нашей?.. Представлю ли вамъ, что не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ, при вступленіи моемъ въ общество?.. Отъ васъ зависитъ теперь — оправдать меня, или предать стыду и отчаянію! Здѣсь предстою предъ вами, въ лицѣ вашего друга или преступника!»

«Записка» сына В. Н. Каразина говоритъ: «Дворянство и купечество поддержали отца моего. Дѣло было сдѣлано по его мыслямъ и мольбамъ. Щедро наградивши дворянъ и купцовъ, Государь захотѣлъ наградить и главнаго виновника всего дѣла. Находился тогда отецъ мой въ Харьковѣ, въ отпуску. Вдругъ его призываетъ губернаторъ и спрашиваетъ: «Какой награды онъ желаетъ?» «Позвольте подумать!»—отвѣчалъ мой отецъ—и вслѣдъ затѣмъ беретъ тройку, скачетъ въ Петербургъ, тамъ бросается къ ногамъ Государя и умоляетъ не давать ему никакой награды: «да не будетъ сказано, что я дѣлалъ все изъ желанія получить награду!» Государь его обнялъ...» Ф. В. Каразинъ заключаетъ: «Подробности эти отецъ мнѣ передавалъ однажды самъ, тридцать пять лѣтъ спустя, въ минуту особенной откровенности... Лгать ему было не для чего, особенно передъ сыномъ и въ то время!»

В. Н. Каразинъ всегда стремился привить прочное, здравое и практическое воспитаніе къ обществу своей родины.

Я нашелъ слѣдующую любопытную, позднѣйшую его замѣтку о воспитаніи.

Насмѣхаясь надъ французскими гувернерами и домашними учителями своего времени («*Чистая правда*», стр.

286—288). В. Н. Каразинъ говоритъ, 24-го сентября 1819 года: «Продолжая и здѣсь, въ С.-Петербургѣ, спорить съ женою о преимуществахъ общественнаго воспитанія надъ домашнимъ, я такъ же, какъ и въ деревнѣ, принужденъ сдаться. Скрѣпя сердце, пріискалъ я дѣтямъ учителя француза изъ *лучшихъ*, по часамъ. Является m-r Chevalier de **, и приноситъ son cahier d'Histoire. Вотъ ея начало: «L'Histoire est le récit des évènements, qui se sont passés dans le monde» (Парижанинъ живъ не хочетъ быть безъ происшествія!) Бѣдный мой Вася, который уже проходилъ г. Кайданова, долженъ былъ его оставить. Со вздохомъ и глубокимъ поклономъ заплатилъ я десять рублей за часъ и отпустилъ m-r Chevalier»...

Представивши, въ 1806 году, въ совѣтъ московскаго университета мысли о новомъ способѣ винокуренія, при которомъ болѣе «сберегалось дровъ» («Описаніе снаряда для гонки вина», стр. 73—74), В. Н. Каразинъ говоритъ: «Съ прошедшаго, 1805 года, основавъ постоянное мое жилище въ краю моего рожденія, Слободско-Украинской губерніи, должно мнѣ было начать съ того, чтобы *пріобрѣсть о ней познанія сколько-нибудь полнѣе тѣхъ, которыя могли мнѣ доставить одни первые годы мои, въ ней проведенные*. При начальномъ взглядѣ на недвижимыя тамошнія имѣнія, мое собственное и другихъ помѣщиковъ, нельзя было не поразиться опустошеніемъ лѣсовъ. Изъ вычисленія оказывается, что болѣе 200 квадратныхъ верстъ лѣса истребляется въ Россіи ежегодно на одно винокуреніе. Эта мысль, съ желаніемъ сберечь мою собственность, заставила меня вникнуть въ сей предметъ»...

Извѣстный украинскій писатель Основьяненко, сверстникъ В. Н. Каразина, также свидѣтельствуетъ о его подвигѣ въ основаніи университета.

Въ статьѣ «*Городъ Харьковъ*», безъ подписи автора, въ «Современникѣ» 1840 г. (т. XX), говорится (эта статья напечатана также въ сокращеніи въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1838 года, съ подписью *Квитки*).

«Въ 1802 году, при общемъ собраніи всего дворянства Слободско-Украинской губерніи, по случаю принятія Высочайшей грамоты, пожалованной въ подтвержденіе правъ и привилегій сей губерніи, когда нельзя было не чувствовать общей готовности во всемъ сословіи на патріотическое

пожертвованіе, бывшій въ собраніи статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Назаровичъ Каразинъ, помѣщикъ сей губерніи, предложилъ на разсужденіе дворянства *мысль объ учрежденіи университета*. Мысль сія была всѣмъ собраніемъ единодушно принята, и по соображеніи способовъ и надобностей при такомъ учрежденіи, положено: отъ имѣній каждаго помѣщика внести назначаемую часть въ опредѣленный срокъ, что составляло всей суммы «четыреста тысячъ рублей». Дворянство уполномочило Каразина повергнуть къ подножію престола назначеніе свое и испросить утвержденіе на учрежденіе въ Харьковѣ сего высшаго училища. Императоръ Александръ I, «въ уваженіе патріотическаго приношенія слободско-украинскаго дворянства», повелѣлъ учредить въ Харьковѣ университетъ, который и открытъ 17-го января 1805 года. В. Н. Каразинъ изъ первыхъ признанъ почетнымъ членомъ университета».

А между тѣмъ, какое общество на своей родинѣ засталъ тогда В. Н. Каразинъ? Я опять могу привести по этому соображенію любопытную замѣтку его самого.

Въ своей статьѣ «*Взглядъ на украинскую старину*» («Молодикъ на 1844 г.») В. Н. Каразинъ говоритъ: «Между учителями коллегіума замѣтимъ *Сковороду* и протоіерея *Шванскаго*. Я имѣлъ честь въ моей молодости видѣть сихъ почтенныхъ мужей, которые въ свое время могли бы занять мѣсто между германскими учеными, наиболѣе уважаемыми. *Палицынъ* имѣлъ вкусъ къ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ и множество селъ зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ. Ему обязаны мы бо̀льшею частью началами европейскаго быта на Украйнѣ. Я помню еще, что дома помѣщиковъ, имѣвшихъ отъ 500 до 1,000 душъ, были покрыты тростникомъ; что въ гостиныхъ стояли лавки, покрытыя коврами; что за столомъ служили дѣвки, въ бѣлыхъ сорочкахъ, пестрыхъ исподницахъ и червонныхъ черевичкахъ; что главные паны въ губернскомъ городѣ хаживали по улицамъ, съ музыкой, надвесель... До открытія университета, кто бы подумалъ, что въ Харьковѣ будетъ каменный, весьма благообразный театръ, пять аптекъ, четыре литографіи, двѣ типографіи,

могли бы существовать еще двѣ»... Говоря здѣсь, какъ въ старые годы было на Украйнѣ изобиліе во всемъ, онъ прибавляетъ: «Но одинъ подобный примѣръ цитировалъ мнѣ, еще юношѣ, стодвадцатилѣтній однодворецъ *Масалитиновъ*».

Великая была радость В. Н. Каразина, когда, въ 1838 г. (см. его статью: «О цѣлебной водѣ надъ Орелью»), онъ привѣтствовалъ практическіе труды университета, по изученію окрестнаго края. Онъ говоритъ такъ: «Grâce à l'Université, рано или поздно мы познакомимся со всѣми природными дарами нашей Украйны, будемъ имѣть и Фавну, и Флору, и полное описаніе минераловъ и водъ полуденныхъ губерній. Я долгомъ почитаю указать гг. ученымъ цѣлебную воду въ имѣніи Константина Константиновича Ковалевскаго. Какъ благодаренъ я приглашенію А. С. Лашкарева, сосѣда этой дачи, осмотрѣть вмѣстѣ любопытныя воды — 8-го сентября 1838 года».

Въ самой мысли объ университетѣ онъ шелъ не вровень съ другими. По словамъ «Записки» его сына, сохранившаго всѣ его устные разсказы, «университетъ его былъ не школа, по нѣмецкому образцу устроенная, а всеобъемлющее училище. Съ нимъ соединена была его давнишняя, любимая мечта освобожденія Греціи; сюда послѣдняя, по его мнѣнію, должна была прислать своихъ сыновъ въ науку. И такимъ образомъ Россія воздала бы наконецъ Греціи за то, что получила отъ нея, за 1,000 лѣтъ назадъ, свѣтъ христіанства и наукъ!». Заношу этотъ отрывокъ изъ разсказа сына, какъ намекъ на юношескія мысли по этому поводу самого В. Н. Каразина.

Вслѣдъ за основаніемъ университета въ родномъ городѣ, куда онъ тутъ же вызвалъ 23 семейства лучшихъ иностранныхъ мастеровъ, типографщиковъ, переплетчиковъ, часовщиковъ, столяровъ, рѣзчиковъ, слесарей, каретниковъ, кузнецовъ и проч. («Записка» сына), В. Н. Каразинъ увлекся другою блистательною мыслію. Онъ составилъ планъ постепеннаго освобожденія двухъ своихъ имѣній: *села Кручика*, харьковской, и *села Анашкина*, московской губерніи, написалъ уставы эмансипаціи обоихъ имѣній, подписалъ ихъ и ввелъ тутъ же лично въ дѣйствіе на мѣстѣ. Устава перваго имѣнія я нигдѣ не могъ найти, уставъ же второго я нашелъ въ печати; привожу его здѣсь.

Издавая *временный уставъ сельца Анашкина*, съ деревнями («Опытъ сельскаго устава», стр. 1 и 16), В. Н. Каразинъ говоритъ: «Беру смѣлость издать подобный опытъ; поелику я увѣренъ, что взаимное и публичное сообщеніе другъ другу, моей собратіи помѣщиковъ, таковыхъ идей— можетъ наилучшимъ образомъ содѣйствовать къ усугубленію благосостоянія поселянъ, слѣдовательно — и помѣщиковъ самихъ. Сіе маленькое постановленіе исполняется, на самомъ дѣлѣ, Московской губерніи, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, гдѣ оно введено для испытанія прежде, нежели можетъ быть данъ поселянамъ уставъ постоянный и подробный, *существующій* съ пользою четырнадцать лѣтъ (отъ 1805 года), въ другомъ моемъ имѣніи, которое находится въ Слободско-Украинской губерніи. Издаваемый теперь опытъ есть какъ бы первый шагъ, или вступленіе къ слободско-украинскому уставу, содержащему вполнѣ мои начала. На изданіе сего послѣдняго испрашиваю я особое позволеніе и не умедлю представить его просвѣщенной публикѣ, когда сіи первоначальныя черты вниманія ея удостоены будутъ».

Вотъ главныя черты этого оригинальнаго *устава сельца Анашкина:* Статья I: «Съ поселянъ прежде всего взыскивается, чтобъ они были христіане и вѣрные подданные Царя своего, не по имени только, но самымъ дѣломъ, т.-е. исполняли бы законы Божій и Царскій, любили бы ближнихъ, почитали бы всякое установленное начальство и вносили исправно подати». Ст. 2: «По жительству господъ въ другой губерніи учреждается въ селѣ Анашкинѣ начальникомъ сельскій *староста*. Для совѣта ему назначаются два *выборные*. Послѣдній будетъ завѣдывать все, что принадлежитъ до сельской полиціи, и по сей причинѣ назовется *полицейокимъ*. Всѣ трое вмѣстѣ составляютъ *сельскую думу*». Эти лица, какъ и видно, назначались самимъ владѣльцемъ. Въ примѣчаніи къ ст. 6 устава говорится: «Предполагается, что современемъ *выборъ* членовъ думы предоставится *самимъ поселянамъ*, отцамъ семействъ». Ст. 3: «На каждаго изъ выборныхъ поселяне могутъ жаловаться въ думѣ; но на старосту или на рѣшенія думы господамъ». Ст. 4: «Сельская анашкинская дума собирается каждую субботу, послѣ обѣда, для учрежденія общественныхъ дѣлъ; можетъ собирать мірскую сходку, подъ предсѣданіемъ при-

ходскаго священника». Ст. 5: «Мірская сходка, безъ повѣщенія думы не можетъ собираться. Она составляется изъ отцовъ семействъ, не обезславленныхъ явно». Ст. 6: «Сельская дума вѣдаетъ всѣ общественныя дѣла, ведетъ о нихъ самую краткую записку и посылаетъ донесеніе (ежемѣсячное) господамъ, кои священникъ мѣтитъ словомъ: вѣрно». Ст. 8: «Дума въ сборахъ дѣлаетъ раскладки». Ст. 9: «На содержаніе думы положено 800 руб.» Ст. 11: «Дума должна заниматься исправленіемъ нравовъ поселянъ, т.-е. чтобъ они были благочестивые и честные люди. Для чего она имѣетъ право наказывать, обращая къ исправленію: пьяницъ, непочтительныхъ къ родителямъ, нерадивыхъ о своемъ хозяйствѣ. Наказанія могутъ быть: денежныя пени, работа на общество и тѣлесныя». Ст. 12: «*Тѣлесныя наказанія имѣютъ производиться лозою, а не палкою.* Они даются только за непокорство и лживый поступокъ предъ начальствомъ, отъ одного и до сорока ударовъ, разумѣется, что послѣднее можетъ имѣть мѣсто въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. На десять ударовъ дѣлается приговоръ думы». Примѣчаніе: «Простой народъ — вездѣ народъ, и воображать руководить его чувствомъ одной чести или страхомъ наказаній, единственно на ней основанныхъ, есть жестоко заблуждаться. А въ тѣхъ земляхъ, гдѣ испытали отмѣнить отеческое наказаніе лозою, видятъ себя принужденными гораздо чаще наказывать лишеніемъ жизни, или продолжительнымъ заключеніемъ въ темницы и желѣзы». Ст. 13: «Кража наказывается взысканіемъ цѣны украденной вещи вдесятеро. Пять долей изъ сего поступаютъ въ общественную сумму, три хозяину, а двѣ доносителю или открывшему кражу». Ст. 15: «Староста есть начальникъ, представляющій господъ». Ст. 18: «На мірской сходкѣ собираются голоса положеніемъ въ двѣ шапки маленькихъ жеребейковъ изъ бѣлыхъ и черныхъ прутиковъ». Ст. 19: «Со стороны господъ отпускается ежегодно въ общественную сумму 500 руб., обязывая думу: учредить *оспопрививаніе* и содержать *надзирателя за больными,* также *училище для малолѣтнихъ поселянъ,* по данному ей наставленію». Ст. 20: «Остатки отъ общественной суммы поручается сельской думѣ раздавать въ заемъ поселянамъ, на годъ, два, четыре и восемь лѣтъ, съ надежными поруками и со взысканіемъ ежегодныхъ процентовъ въ пользу сей суммы. Сиротскія деньги

въ ней же должны быть хранимы и раздачею въ заемъ умножаемы». Ст. 21: «*поселянамъ сельца Анашкина съ деревнями даётся слово на всегдашнія времена*: I. Предоставить во владѣніе ихъ всѣ угодья, каковыя въ семъ имѣніи числятся по документамъ, исключая только господскую усадьбу и заповѣдные лѣса. II. За владѣніе сими угодьями взимать съ нихъ оброкъ не выше шести процентовъ съ истинной цѣны имѣнія ежегодно. III. Не продавать изъ нихъ, не отдавать въ рекруты и не брать въ дворовое услуженіе ни одного лица мужескаго или женскаго пола, также не смѣнять членовъ сельской думы, безъ особеннаго на то или другое приговора мірской сходки. IV. Почитать и заставлять почитать собственность всякаго поселянина неприкосновенною. V. Всякій поселянинъ мужескаго пола, желающій быть отъ господъ уволенъ въ казенное званіе, получаетъ отпускную немедленно, когда онъ взнесетъ за себя и за движимую свою собственность цѣну 2,000 дней земледѣльческой работы. А сіи деньги, равно какъ получаемыя при продажѣ, по приговору мірской сходки, и плата за выводъ невѣстъ, поступаютъ не въ число господскихъ доходовъ, но въ общественную сумму сельца Анашкина съ деревнями». Примѣчаніе: «Подлинный подписали помѣщикъ и помѣщица—за себя и за малолѣтнихъ ихъ дѣтей». Еще примѣчаніе, подъ строкой: «Различеніе *собственности* помѣщика отъ *полицейской его власти*, безъ всякаго ослабленія сей послѣдней и именно: въ намѣреніи охранить моральную ея чистоту, составляетъ главнѣйшее въ обоихъ моихъ уставахъ». (*В. Каразинъ*).

Современные практики не разъ улыбнутся, читая эти строки. Но вспомните, господа, что это писалъ человѣкъ молодой, безъ образцовъ и товарищей, по убѣжденію одной своей пылкой головы и любящаго сердца.

Не будучи никогда особенно склоненъ къ изящнымъ искусствамъ, В. Н. Каразинъ, съ 1805 г. сталъ болѣе и болѣе склоняться къ примѣненію естественныхъ наукъ и въ 1811 году приступилъ къ основанію *филотехническаго общества домоводства* въ Харьковѣ.

«Сколько россійскихъ милліоновъ разсыпано, въ суетномъ намѣреніи удивить Парижъ или Лондонъ! Сколько употреблено ихъ на вывозъ изъ Италіи такъ называемыхъ антиковъ или другихъ художественныхъ произведеній!» (Рѣчь

въ Обществѣ «Испытателей природы» 1807 г.)—такъ онъ выражался, тоскуя о малопрактичности своихъ сосѣдей и сверстниковъ.

«Помѣщика я разумѣю, говорилъ онъ, наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому, или предкамъ его, верховная власть, давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила попеченіе о людяхъ-поселянахъ. Онъ есть природный покровитель, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, наставникъ во всемъ.

Однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству, онъ есть ихъ *генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ»* («О необходимости усилить домоводство», 1813 г.).

III.

Заботы о домоводствѣ и хозяйствѣ Украйны. — Остальная жизнь въ деревнѣ.—Пожаръ дома и библіотеки.—Признательность общества въ 1833 году.—Участіе въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. — Отъѣздъ въ Крымъ и смерть.

В. Н. Каразинъ продолжалъ свои сношенія съ дѣльными практиками всякаго рода.

«Авторъ съ удовольствіемъ признается, говорилъ онъ, что онъ бо̀льшую часть познанія о мѣстныхъ обстоятельствахъ россійской торговли и промышленности почерпнулъ изъ прилежныхъ бесѣдъ съ умными доброжелателями своему отечеству. Особливо долгомъ поставляетъ упомянуть имя калужскаго гражданина, *Дм. Ив. Подкованцева»* («О необходимости усилить домоводство»).

Въ деревнѣ онъ не оставлялъ своихъ опытовъ.

«Продолжая, въ 1809 году и далѣе, говоритъ онъ, мои испытанія средствъ облегчить произведеніе селитры, которой умноженіе въ государствѣ было тогда не послѣднимъ предметомъ, я уклонился отъ составленія селитряныхъ буртъ или стѣнъ, вздумалъ употребить пары отъ гнилой винокуренной барды, кои, отъ пропущенія электрическихъ искръ, обращались въ селитряную кислоту.—Я непосредственно за тѣмъ началъ метеорологическія наблюденія, по ночамъ, одинъ, въ моей деревнѣ» («Выписка изъ письма къ В. Г. Муратову»). — Эту страсть къ пользамъ отчизны онъ поясняетъ въ другомъ мѣстѣ: «Да будетъ мнѣ позволено въ благодарномъ сердца изліяніи помѣстить имена Ивана Петровича Шульца и Христіана Ивановича Фирлинга, одного

германца, другого родомъ изъ Страсбурга, но прямого римлянина по чувствамъ, которые оба, не родившись въ Россіи, любили ее чистосердечно, и меня научили *прежде всего* любить ее. Ихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ!.. Они были содержателями пансіоновъ: первый въ Харьковѣ, другой въ Кременчугѣ между 1780 — 1790 годами» («Рѣчь о любви къ отечеству»).—Враги, между прочимъ, не покидали его и въ деревнѣ.

«Легко доказать», говоритъ В. Н. Каразинъ, при одномъ случаѣ, въ оправданіе себя отъ упрековъ, что въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ и онъ, по духу времени, употребляетъ тексты св. писанія, «что въ 1801, 1802 и 1811 годахъ я употреблялъ тексты, гораздо прежде многихъ, ибо я люблю прекрасный славянскій языкъ, и какъ литераторъ, и какъ добрый христіанинъ» («Рѣчь о любви къ отечеству»).

Привожу письмо Каразина, писанное 1802 года, мая 2-го, въ Харьковѣ къ одному духовному лицу *). Оно въ высшей степени интересно, какъ отголосокъ той минуты, когда въ умахъ здѣшняго общества зарождалась первая мысль о созданіи того университета, которымъ харьковская губернія и ея общество теперь такъ сознательно гордятся:

Мая 2 д. 1802 г. «Здравствуйте душевно-чтимый, любезнѣйшій отецъ Василій!

«Совѣщуся, что не бесѣдовалъ съ вами такъ давно; въ полной мѣрѣ чувствую мою вину, но въ то же время я за нее и наказанъ вашимъ безмолвіемъ.

«Прекращая оное съ моей стороны, при случаѣ представленія вамъ искренняго пріятеля моего, Моисея Григорьевича Ушинскаго, скажу вамъ, моему почтенному другу, что я ему далъ важное порученіе. Будьте ему подпорою и совѣтомъ; вы, по самымъ свойствамъ вашимъ, которыя напослѣдокъ имѣютъ должную цѣну свою, можете много. Признаюсь охотно, что на васъ у меня величайшая надежда. Не представляю вамъ далѣе никакихъ побужденій, вы другъ добра и о добрѣ идетъ дѣло.

«Не знаю, въ какомъ положеніи у васъ теперь важный предметъ общественнаго воспитанія. Что̀ значатъ, напримѣръ, по существу своему казенныя училища и народное?

*) По мнѣнію В. М. Черняева — извѣстный по одной исторіи священникъ Ѳотіевъ. Это письмо передано въ харьковскую университетскую библіотеку профессоромъ И. Ф. Ловаковскимъ.

соединены ли они съ первымъ и на какомъ основаніи хотятъ располагать кадетскій предварительный корпусъ? Сдѣлано ли уже съ сей стороны представленіе, куда слѣдуетъ, что получено въ отвѣтъ, какой составленъ планъ, какая предположена собраться сумма, и сколько ея собрано?— все это мнѣ несовершенно извѣстно. Но, бывъ удостоенъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, бесѣды добраго Государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволѣніемъ, и я принялся уже было за начертанія плана къ нему, въ которомъ величайшее пособіе могу я здѣсь заимствовать отъ нѣсколькихъ любящихъ меня добрыхъ людей, какъ другія упражненія отвлекли меня. Я сто разъ собирался писать къ вамъ, но ожидалъ свѣдѣній о новыхъ кадетскихъ корпусахъ, которыя мнѣ обѣщали доставить, ожидалъ также и рѣшительнаго случая, который я предвидѣлъ.

«Теперь настигъ сей случай, занимающій меня самымъ пріятнымъ образомъ, именно: угодно было Всемилостивѣйшему Государю учредить особый комитетъ для разсмотрѣнія уставовъ двухъ академій и московскаго университета; въ семъ комитетѣ съ членами, тайными совѣтниками Муравьевымъ и графомъ Потоцкимъ, и. академикомъ Фусомъ, разсудилъ Его И—е Величество поручить мнѣ письмоводство. Къ намъ вступило множество бумагъ, содержащихъ планы и соображенія разнаго рода по симъ заведеніямъ. Между прочимъ, нашли мы, что еще въ 1786 году покойная Государыня Императрица имѣла намѣреніе учредить въ Россіи на первый случай три университета, и на сей конецъ поднесенъ ей былъ превосходный и сообразный мѣстнымъ свѣдѣніямъ государства и народному характеру прожектъ. Можно воспользоваться имъ и еще усовершить со стороны, о которой тогдашнія обстоятельства думать не позволяли. Сія мысль заняла всю мою душу, и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобъ дѣйствовать. Не для чего распространяться описывать пользу сего учрежденія и славу, которая отъ сего для нашей отчизны Украйны проистекти имѣетъ. Вы далѣе моего все сіе видите, и можете другимъ представить съ тою убѣдительностію, которая вамъ свойственна. Скажу только, что издержекъ — была-бъ на самое

дѣло благая воля—бояться нечего. Онѣ будутъ весьма непримѣтны. Ежели дворянство, положивъ собрать 200 тысячъ рублей, то-есть по одному рублю съ души помѣщичьей, пригласитъ къ тому городскихъ жителей разныхъ состояній, хотя по малому количеству, или если часть винныхъ городскихъ доходовъ и другихъ общественныхъ суммъ на сіе обратится, то составится съ избыткомъ сумма на ежегодное содержаніе университета процентами. Я говорю *положивъ* собрать, ибо скапливать вдругъ никакой суммы не надобно. Довольно, если каждый обяжется пристойнымъ залогомъ вносить ежегодные проценты съ причитающейся ему на часть суммы. Сіе будетъ весьма легко. На предварительныя-жъ издержки и заведеніе обязываюсь я испросить должныя дворянству казною 70 тысячъ рублей, а можетъ быть, и сверхъ того, какъ удостовѣренъ я въ участіи, какое Геній Россіи беретъ во всемъ, что до блага его подданныхъ касается. При университетѣ можно учредить и богословскій факультетъ по примѣру иностранныхъ, котораго вамъ первымъ богословомъ быть прилично. Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ,—моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастіе и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ.

«Прежде нежели доставлю вамъ подробный планъ, скажу вамъ нѣкоторыя черты онаго, сколько позволяетъ короткое время и мои нынѣшнія занятія, сверхъ чаянія собственными дѣлами умножившіяся на сихъ дняхъ.

«1) Народное училище полагаю я оставить совершенно на томъ основаніи, какое въ уставѣ 1786 года положено, прибавивъ только классъ латинскаго языка для тѣхъ, которые готовить себя будутъ въ университетъ изъ дворянъ и разночинцевъ. Другой не надобно гимназіи.

«2) Въ университетѣ должны быть четыре факультета: философскій, юридическій, медицинскій и богословскій.

«3) Потребные профессора должны быть выписаны, не жалѣя издержекъ, изъ лучшихъ краевъ, чрезъ посредство одного извѣстнаго мнѣ профессора здѣшняго, который возьметъ на себя поѣздку въ Германію.

«4) Полное число студентовъ будемъ мы всегда имѣть изъ нашей и другихъ сосѣдственныхъ губернскихъ семинарій. Латинскій языкъ послужитъ способомъ преподаванія, и онъ самъ собою усовершится отъ частаго употребленія и возвышенной словесности, которой классъ ввести надобно.

«5) Въ новыхъ и обширныхъ зданіяхъ ни малѣйшей нѣтъ нужды. Можно изобрѣсть средства размѣстить университетъ со всѣми къ нему принадлежащими людьми за двадцать или тридцать тысячъ рублей.

«6) Иностранцевъ, полагаю я, приманитъ къ намъ сколько климатъ и изобиліе, подобіе представляющее ихъ отечества, столько жизненныя выгоды и обезпечиваніе ихъ состоянія, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ и ихъ семействъ, по смерти ихъ посвятившихъ себя сему званію. Уваженіе доставитъ имъ чины, которые по новому уставу присвояются каждому члену университета и прочихъ училищъ, безъ всякаго посторонняго представленія.

«7) Въ семъ учрежденіи не будетъ никакихъ раздѣленій, отъ состояній или богатства зависящихъ. Каждый студентъ будетъ равенъ другому, кто бы ни былъ его отецъ. Одни таланты и прилежаніе доставятъ преимущество; сіи только свойства, при выпускѣ въ аттестатахъ обнаруженныя, доставятъ чинъ, по мѣрѣ достоинства, но не менѣе 14 класса и до 12-го. Сіе равенство родитъ соревнованіе и произведетъ рано или поздно въ общемъ понятіи равенство состоянія, недостатокъ котораго есть причиною, что духовенство ни мало неуважено (какъ вы въ прекрасныхъ своихъ бумагахъ примѣтили). Однако, вы сами видите необходимость сохранить сіе въ тайнѣ до произведенія въ дѣйство, Такимъ образомъ, видя одинакое уваженіе, присвоенное тому или другому классу людей, одинакія выгоды по мѣрѣ лишь услугъ, оказанныхъ обществу, дворяне безъ разбору будутъ поступать въ духовенство и бѣдные изъ нихъ не возгнушаются принять на себя почтеннаго званія наставника, или прославлять край рожденія своего изящными художествами.

«Вотъ главныя черты сего плана, который я готовлю, и если увижу, что дворянство уполномочитъ меня сдѣлать формальное представленіе Монарху, постараюсь, чтобы онъ былъ Высочайше конфирмованъ, и пріѣду для личныхъ и мѣстныхъ распоряженій въ теченіе настоящаго же лѣта.

«Обнимите патріотическимъ вашимъ духомъ все, что я пропустилъ въ семъ бѣгломъ начертаніи, и согрѣйте мои идеи жаромъ вашего сердца. Вы можете прежде всего побесѣдовать съ Василіемъ Михайловичемъ и Григоріемъ Романовичемъ *). Я буду писать къ нимъ съ первою почтою, а можетъ быть, еще и теперь успѣю.

«Ваши мысли сообщены моему Благотворителю, который будетъ (Богъ свидѣтель глубокой моей въ томъ увѣренности!) Благотворителемъ своего отечества; вы, кажется мнѣ, получите Его собственный отзывъ.

«Продолжайте мыслить такъ ангельски, какъ вы мыслите, и будьте дѣятельны и тверды, лучшіе люди въ государствѣ почтутъ за честь быть съ вами въ связи: камергеръ Витовтовъ получилъ-было порученіе отъ Г. **) вызвать васъ для своей части, которая, чаю по газетамъ, вамъ извѣстна, но я удержалъ это до свиданія нашего.

«Простите! съ живѣйшими чувствованіями преданности и почитанія обнимаетъ васъ вѣрно-усердный слуга, В. Каразинъ». — Описаніе открытія харьковскаго университета найдено мною въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ особомъ Прибавленіи, № 13, 1805 года, во вторникъ, въ статьѣ: «Порядокъ, какимъ образомъ происходило открытіе Имп. харьковскаго университета, послѣдовавшее сего 1805 г. генваря 17 дня», стр. 128—130, 8 столбцовъ. Открытіе произошло при губернаторѣ Ив. Ив. Бахтинѣ; преосвященный Христофоръ Сулима говорилъ слово, равно какъ и соборный протоіерей Андрей Прокоповичъ. Ихъ рѣчи и рѣчь и латинская попечителя С. О. Потоцкаго приложены къ этой статьѣ 1805 г. Объ открытіи университета важнѣйшихъ особъ въ городѣ повѣщали церемонійместеры изъ адъюнктовъ, а разныя части города — особый чиновникъ отъ городской полиціи, съ пристойнымъ сопровожденіемъ.

Сѣтуя впослѣдствіи на М. П. Погодина за непомѣщеніе одной статьи его объ углѣ, до того времени помѣщенной уже въ другомъ мѣстѣ, В. Н. Каразинъ, 24-го мая, 1842 г., писалъ къ нему: «Кто знаетъ, напримѣръ, скажу вамъ, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядывающій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги,

*) Г. Р. Шидловскій.
**) Т.-е. Государя Александра I.

своею рукою *объ отдѣльномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія*, которое нигдѣ въ Европѣ не существовало? Насилу проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ-де подалъ мысль къ основанію такого-то университета. И только-то! Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился, какъ рыба объ ледъ, домогаясь возсоединеніи уніатовъ, которое совершилось, спустя больше тридцати лѣтъ?—Кто знаетъ, что онъ же, въ 1805 году еще, учредилъ у себя постановленіе, точь-въ-точь такое, на каковое вызываетъ теперь указъ 1842 года 2-го апрѣля? Что онъ изобрѣлъ давно и въ началѣ 1838 года напечаталъ о карболеинѣ, присвоенномъ другимъ въ 1839 или 40 годахъ? Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или, справедливѣе сказать, нагрѣваніе водяными парами, заключенными въ трубкахъ, которое теперь произведено въ Берлинѣ, въ тамошней библіотекѣ?.. Право, скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ! Да и листокъ къ концу. Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? Такъ хоть для потомства? Прощайте!»—Къ этому письму, посмертному, М. П. Погодинъ сдѣлалъ примѣчаніе: «Думалъ ли Каразинъ, что это письмо такъ скоро сдѣлается матеріаломъ для его біографіи?» — («Москвитянинъ», 1843 г. № 2-й).—Съ 1811 года, какъ я сказалъ, онъ занялся новымъ дѣломъ.

Издавая «*Предначертаніе правилъ филотехническаго общества*», В. Н. Каразинъ говоритъ о бѣдности домоводства и хозяйства нашихъ южныхъ губерній, гдѣ — «поля обрабатываются скудно, хижины напоминаютъ времена первобытныя, куда съ сѣвера выписываются прививки и садовники, гдѣ грязныя винокурни, дымомъ ослѣпляющія глаза работниковъ и пожравшія немилостиво большую часть прекрасныхъ лѣсовъ нашихъ, подобныя же имъ селитроварни суть единственныя наши фабрики»—и прибавляетъ: *Пора нарушить нашу сладкую дремоту!! Очевидно уже становится, что доходы, основанные на хозяйствѣ нашихъ предковъ, недостаточны для удовлетворенія день ото дня возрастающихъ нашихъ издержекъ!»* И далѣе: «Уже о-сю пору есть селенія (въ Украйнѣ), имѣющія не болѣе двухъ десятинъ пахати на каждую душу мужескаго пола». Онъ заключаетъ: «Почтите меня вниманіемъ такъ, какъ вѣрнаго сочлена, который *въ свое время*, ознаменовалъ себя приверженностью къ вашей славѣ и вашимъ

пользамъ, не взирая на то, что самое событіе не во всѣхъ частяхъ согласовалось съ его предположеніями». — Самый уставъ новаго общества говоритъ такъ: Въ § 1: «Филотехническое общество будетъ имѣть предметомъ — распространять и усовершать всѣ вѣтви досужества и домоводства въ полуденномъ краѣ Россійской Имперіи. Кругъ дѣйствія его составятъ губерніи: Екатеринославская, Харьковская, Таврическая, Полтавская, Черниговская, Слободско-украинская и Воронежская. А средоточіе и мѣсто собраній общества — городъ Харьковъ». § 2: «Для вступленія въ (неопредѣленное) число членовъ не требуется ничего болѣе, какъ помѣстье въ показанной выше окружности и отзывъ о желаніи». § 3: «Предметомъ его будутъ не умозрѣнія и разсужденія, *но дѣйствіе:* то оно можетъ обойтись безъ президента. Никто не будетъ носить сего имени. Однако, во время съѣзда членовъ, они изберутъ предсѣдающаго на то время». § 4: «Съѣздовъ можетъ быть два каждый годъ, именно — въ крещенскую и успенскую ярмарки». § 5: «Общество будетъ стараться имѣть образцовыя заведенія». § 6: «Заведенія должны приносить очевидный доходъ». § 9: «Членъ, распоряжающійся образцовыми заведеніями, имѣетъ называться *правителемъ дѣлъ филотехническаго общества*». § 12: Всякій изъ членовъ, прибывъ въ помѣстье правителя дѣлъ, имѣетъ право требовать отъ него сообщенія книгъ (для исторической записки происходящаго въ образцовыхъ заведеніяхъ и для веденія счетовъ, составленныхъ имъ)». § 14: «Общество, въ первые годы, не издаетъ никакихъ журналовъ, такъ какъ цѣль его — не умствованіе о сихъ заведеніяхъ, но усовершеніе ихъ». § 15: «Сумма для заведеній составится отъ взносовъ членовъ. Сей взносъ, при вступленіи, не можетъ быть менѣе ста рублей ассигнаціями. Правитель дѣлъ, при полученіи ихъ, за своимъ подписаніемъ выдастъ роспиcку въ видѣ акціи». § 16: «Каждая акція филотехническаго общества приноситъ въ годъ шесть процентовъ *по крайней мѣрѣ*, которые и выдаются въ Харьковѣ, въ теченіе успенской ярмарки». § 19: «Въ обезпеченіе всей вступающей отъ членовъ суммы и платежа съ оной процентовъ, правитель дѣлъ общества обязанъ ему представить изъ имѣнія своего достаточный залогъ, на первый случай не менѣе 10,000 руб. асс. Залогъ сдѣлается офи-

ціальною выдачею закладной въ слободско-украинской палатѣ гражданскихъ дѣлъ на имя трехъ членовъ, по выбору первоначальныхъ членовъ». § 21: «Всякій членъ имѣетъ право избирать изъ заведеній то, которое наиболѣе прилично его мнѣнію и ему угодно. Правитель дѣлъ обязанъ пещись, чтобы таковое заведеніе было устроено въ помѣстьѣ того члена». § 23: «Въ случаѣ смерти правителя дѣлъ, наслѣдники его обязаны выплатить обществу всѣ акціи, съ приходящими на нихъ процентами». («Мысли объ учрежденіи филотехническаго общества», стр. 3—25).

Въ письмѣ Григор. Ром. Шидловскаго къ А. Ѳ. Квиткѣ, отъ 27-го ноября 1810 г., напечатанномъ при брошюрѣ В. Н. Каразина, «Мысли о учрежд. филот. общества» сказано: «Василій Назарьевичъ Каразинъ, конечно, говорилъ съ вами о намѣреніи своемъ — сообщить селитрянымъ заводчикамъ изъ слободско-украинскаго дворянства новый способъ готовить селитру. Желая въ семъ удостовѣриться, его превосходительство Осипъ Ив. Хорватъ и я просили Василія Назарьевича сдѣлать хотя маленькій опытъ въ нашихъ глазахъ, напримѣръ, у меня, *въ селѣ Мерчикѣ*, какъ въ мѣстѣ, сосѣдственномъ съ его жилищемъ. Г. изобрѣтатель сначала находилъ свои затрудненія, говоря, что опытъ таковой немедленно откроетъ всю его тайну, съ которою сопряжены его выгоды, *но напослѣдокъ рѣшился, оставя въ сторонѣ предполагаемое имъ производство селитры*... Сего 1810 года, іюля 28-го дня, при селитряныхъ моихъ буртахъ въ Мерчикѣ, въ присутствіи моемъ были сдѣланы опыты. Въ первыхъ числахъ сего ноября выщелочена вторая пробная куча. «Лугъ» (щелочь селитряная) всего двѣнадцать ушатовъ, въ запечатанной бочкѣ, при нарочно отряженномъ отъ меня человѣкѣ, отправленъ въ село Кручикъ (Каразина), дабы оный тамъ выварить въ лабораторіи Василія Назарьевича, на его снарядѣ». — Письмо кончается полнымъ торжествомъ для изобрѣтателя. Г. Шидловскій вполнѣ подтверждаетъ истину и пользу его изобрѣтенія (стр. 26—32).

Въ 1811 году, какъ видно изъ «Извѣстія о фил. общ.» отъ 16-го августа 1811 г., В. Н. Каразинъ продолжалъ заниматься улучшеніемъ и упрощеніемъ селитроваренія, винокуренія, кожевеннаго производства, сушенія плодовъ по новому имъ придуманному способу «теплотою водяныхъ

паровъ», сушенія «червца», т.-е. кошенили, приготовленія плодовыхъ наливокъ и водянокъ, вишневаго спирта (киршвассеръ), опытами надъ красильными травами («матерника») и минералами.

Въ 1818 году, В. Н. Каразинъ, какъ говоритъ его «Отчетъ фил. общества за 1818 годъ» — занимался: выращиваніемъ у себя иностранныхъ «житъ» — «китайской пшеницы» — «испанскаго ячменя», — опытами унавоженія своихъ полей (небывалаго въ степяхъ), причемъ за свидѣтельствомъ богодуховскаго исправника, г. Ковальчинскаго, представилъ доказательства, что унавоженныя полосы степной земли дали пшеницы *двумя третями* болѣе противъ неунавоженныхъ. Также занимался проектами новыхъ «хлѣбныхъ хранилищъ», «новаго изобрѣтеннаго имъ *украинскаго овина*, для сушки сноповъ», «клуни къ овину», «усовершеннаго имъ китайскаго молотильнаго катка» и опытомъ, въ собраніи общества, надъ приготовленными въ Англіи, обошедшими вкругъ свѣта и сваренными въ Харьковѣ «*мясными консервами*». В. Н. Каразинъ тогда же горячо взялся за дѣло, которому въ 1857 году было суждено осуществиться въ обществѣ «*Сельскій хозяинъ*» въ Ростовѣ и Таганрогѣ. Вотъ любопытный отчетъ Каразина объ этомъ опытѣ, помѣщенный подъ строкой, въ примѣчаніи, къ «Отчету фил. общ. за 1818 годъ» на стр. 18—20-й: — «Оба ящика были открыты передъ собраніемъ, которое прежде ихъ осмотрѣло по наружности. Оба они сдѣланы изъ англійской жести, на подобіе прежнихъ пудряныхъ жестянокъ, и не только совершеннѣйше запаяны, но, сверхъ того, покрыты лакомъ. На меньшемъ была наклеена надпись по-англійски: 14. Febr. 1815. Boiled Beef, from Messer Donkin Hall et Cambeefort 'Place, Bermondsey lane № 30 Lombard-Street. London. — Бо́льшій ящикъ, съ телятиною, чрезвычайно пострадалъ на почтѣ; но, къ счастію, и въ измятыхъ мѣстахъ не оказалось никакихъ скважинъ: рѣшительный опытъ и торжество англійскаго мастерства надъ небрежностью русскихъ почталіоновъ! Признаюсь, что я ему еще болѣе удивлялся, нежели самому сохраненію мяса. Когда присутствующіе увѣрились, что ящики не въ Харьковѣ приготовлены, — жестяникъ Торшинскій (единственный въ здѣшнемъ краѣ) вскрылъ ящикъ съ говядиною. Она была выложена на блюдо, и, къ общему удивле-

нію, найдена совершенно свѣжею, вареною, сытною, жирною и вкусною, частью мяса, которому подобное рѣдко встрѣчается на столахъ, снабжаемыхъ отъ нашихъ мясниковъ. Всѣ, въ томъ числѣ дамы весьма разборчиваго вкуса, кушали сію *четырехгодовалую говядину* съ удовольствіемъ.— И въ самомъ дѣлѣ, куски говядины этой совершили два пути вокругъ земного шара, т.-е. изъ Кронштадскаго въ Камчатскій Петропавловскій портъ и обратно; два раза пересѣкли экваторъ, прошли почти всѣ климаты и, побывавъ близъ острововъ Канарскихъ, на берегахъ Бразиліи, въ моряхъ Китая, Японіи и Камчатки, между Азіею и Америкою, возвратились въ Европу; наконецъ, изъ С.-Петербурга, на перекладныхъ телѣгахъ, достигли Харькова и села Кручика». — Его мысли находили отголосокъ въ другихъ, и осуществлялись. Онъ считалъ себя ограбленнымъ и негодовалъ...

Говоря, что англичане въ 1842 г. 9-го апрѣля объявили, какъ о новомъ изобрѣтеніи, о движеніи, непосредственно, нарами судна, безъ машинъ, и что онъ это зналъ уже въ 1809 г., В. Н. Каразинъ, между прочимъ, прибавляетъ («О новомъ открытіи въ Англіи»): — «Когда въ первые годы моей сельской жизни, ***начиная съ 1805 года***, я занялся опытами парового винокуренія, — какъ первый воспитанникъ химіи и естественныхъ наукъ, попавшихъ въ нашу Украйну, по страсти къ нимъ изъ дѣтства, я былъ и остался весьма плохимъ хозяиномъ. Переходя отъ одного предмета къ другому, я любилъ изслѣдовать причины явленій, дѣлать опыты, не имѣя въ виду экономическихъ результатовъ: они бы отвлекли меня отъ науки. Мысль, что пары, при внезапномъ охлажденіи, могутъ служить движущею силою, занимала меня долго. Я велѣлъ строить лодку. Лодка не была еще кончена, какъ я, по обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить сельскія занятія, ѣхать въ Москву и въ Петербургъ. Мысль моя затмилась тысячею другихъ и, наконецъ, изгладилась изъ памяти.—Я же столько лѣтъ указываю на воздушное электричество. Это было изложено въ 1817 г. въ «Сынѣ Отечества», и предложено въ 1818 г. одному знаменитому ученому обществу. Оно осталось до сихъ поръ безъ всякаго отзыва».

Домоводство и сельское хозяйство, въ обширномъ смыслѣ, не оставляли его силъ и стремленій ни на минуту.

Говоря о необходимости лѣсоразведенія въ Украйнѣ, В. Н. Каразинъ упоминаетъ («О лѣсоводствѣ»), что это нетрудно: «Умершій зміевскій помѣщикъ, Иванъ Яковлевичъ Данилевскій, оставилъ своимъ дѣтямъ до семи сотъ десятинъ бора, которымъ онъ покрылъ сыпучіе нѣкогда пески, и многія изъ сосенъ уже строевыя деревья є сю пору. Данилевскій, по ходатайству гражданскаго губернатора Бахтина, былъ награжденъ за это орденомъ св. Владиміра». Говоря объ англійской конторѣ Буза, изъ которой можно было выписывать всякія сѣмена черезъ харьковскую контору, онъ прибавляетъ: «Я лично берусь за труды выписки, если угодно, равно какъ и за доставку прутьевъ канадской тополи...».

Снова затѣявши мысль о торгѣ съ чужими краями нашимъ спиртомъ, В. Н. Каразинъ объявляетъ («О торгѣ спиртомъ»): «Большой тутъ премудрости не надо! скажу я съ Дмитріевымъ. Слишкомъ за годъ началась уже переписка съ чужестранными негоціантами по сему предмету. Заводъ почти готовъ. Составимъ общество для опыта, назначивъ акцію во сто рублей асс. — Есть на-лицо четыре члена, которые будутъ ожидать извѣщенія отъ желающихъ въ харьковскую справочную контору».

До послѣднихъ дней жизни онъ былъ вѣренъ своимъ мыслямъ первой молодости. Въ 1840 г. В. Н. Каразинъ предлагалъ устроить общество на двадцати акціяхъ, по 25 р. асс. каждая, для опытовъ въ харьковскихъ лабораторіяхъ надъ «превращеніями древесныхъ веществъ въ питательныя».

Тогда же, въ 1840 г., въ статьѣ «О значеніи Харькова для полуденной Россіи» онъ предлагалъ «возстановить филотехническое общество», закрывшееся съ 1818 г., и говорилъ: «Тогда пойдутъ изъ южныхъ губерній въ чужіе края: крупичатая мука, крахмалъ, солодило или діастазъ, алкоголь-спиртъ, сухіе бульоны, макароны, коровье масло, масло постное, свѣчи, эссенціи травъ, ягодъ, лѣкарственныхъ растеній, масло шпанскихъ мухъ, мыла, кожи, красильныя вещества, цикорный кофе, нашатырь, сода, деготь, скипидаръ и прочее», «все въ концентратахъ».

Говоря о бальзамированіи «пирогономъ» животныхъ тѣлъ, В. Н. Каразинъ (въ статьѣ «О жженіи угля») въ 1841 г. говоритъ: «Я подарилъ знаменитому г. Гумбольдту, въ его проѣздъ чрезъ Москву, огромную жабу, приготовленную

симъ образомъ, которую съ перваго взгляда можно было почесть за живую». И прибавляетъ: «Случилось мнѣ добыть вещество въ кристаллахъ, которое профессоръ Сухомлиновъ почелъ подходящимъ еще ближе къ алмазу. Я имѣю о семъ его собственноручную записку, представленную имъ г. попечителю Е. В. К. Это было въ январѣ или февралѣ 1823 г., слѣдовательно, нѣсколькими годами ранѣе опытовъ алмазотворенія гг. Каніаръ-Латура и Ганналя («1829 г.»). Надобно кончить благодарностью г. верховажскому купцу Александру Ивановичу Персикову, котораго любопытству и вызову «Коммерческой Газеты» я обязанъ за поводъ написать эту статью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я публично принесу ему и просьбу о сдѣланіи хотя небольшого опыта *дегтярнаго заведенія*».

Каждая бойкая мысль о приложеніи научныхъ открытій къ дѣлу тотчасъ у В. Н. Каразина находила самое исполненіе. Онъ ни на минуту не задумывался, хлопоталъ, суетился, предлагалъ затѣянное дѣло обществу, тратилъ на него, между тѣмъ, собственныя деньги, не видѣлъ этому сочувствія, огорчался и хандрилъ...

Очень часто В. Н. Каразинъ, какъ я уже и выше говорилъ, въ самые первые годы своей дѣятельности, терпѣлъ замѣчательныя неудачи и, со всею простотою труженика, объявлялъ о нихъ печатно. Такъ, въ «Отчетѣ» за 1813 г. филотехническаго общества онъ говоритъ: «Я въ январѣ, вслѣдствіе отчета моего за 1812 г., избравъ коммиссіонеромъ общества помѣщика Полтавской губерніи, Зѣньковскаго повѣта, г. воинскаго товарища *Жадька*, отправилъ съ нимъ въ армію образцы питательной вытяжки (родъ сухого бульона), алькоголя (наикрѣпчайшій очищенный спиртъ) и другихъ подобныхъ припасовъ, которые бы могли съ выгодою быть доставляемы на самыя отдаленныя разстоянія. Сколько поставки *въ натурѣ* затруднительны, доказываетъ, что четверть сухарей въ декабрѣ 1812 г. изъ нѣкоторыхъ губерній до Вильны обошлась въ 200 р. Сей коммиссіонеръ былъ адресованъ къ его свѣтлости князю М. Л. Кутузову-Смоленскому. Безчисленныя затрудненія, встрѣченныя имъ на пути, и между тѣмъ побѣдоносное движеніе россійскихъ войскъ во внутренности Германіи сдѣлали то, что онъ могъ представиться полководцу лишь въ первыхъ числахъ апрѣля. 16-го числа трудная болѣзнь

пресѣкла его жизнь. Но и въ разслабленіи, сей истинный сынъ отечества обратилъ вниманіе на нашу посылку, удостоилъ нашего коммиссіонера приглашеніемъ къ столу штата своего, на все то время, которое нужно-бъ было прожить ему до полученія рѣшительнаго отвѣта, и наконецъ, примѣтя, что силы его вмѣстѣ съ жизнію погасаютъ, препроводилъ г. Жадька къ начальнику генеральнаго штаба арміи, *кн. П. М. Волконскому*, при своемъ отношеніи. Между тѣмъ, достопочтенный нашъ сочленъ, графъ А. А. Аракчеевъ и П. П. Коновницынъ сдѣлали все возможное для успѣха его порученія, послѣдній—даже не взирая на мучительную рану, которая удерживала его въ постели неподвижно... *Но... по необъяснимому стеченію обстоятельствъ, которое я долженъ приписать единственно несчастію г. Жадька, онъ, въ продолженіи шестинедѣльнаго труднаго слѣдованія за арміею, по Саксоніи, не получилъ отъ начальника генеральнаго штаба никакого отвѣта.* И напослѣдокъ, единственно щедротами вышепоименованнаго нашего сочлена, одолженный способами къ возвращенію изъ столь дальняго пути, привезъ мнѣ *обратно...* записки о предметѣ его посылки.—Въ сей запискѣ было представлено пособіе къ продовольствію войскъ за границею доставленіемъ имъ изъ Россіи, въ видѣ вытяжекъ, сухихъ экстрактовъ, не только хлѣба, мяса, вина, но даже и отечественныхъ *щей*, всего за такія цѣны, за которыя ихъ въ Германіи отнюдь не можно имѣть! Это былъ не проектъ, но рѣшительное предложеніе... Мы увѣрены, что всякое сердце, любящее русскаго солдата, раздѣлитъ съ нимъ безмолвныя чувствованія о худомъ нашемъ успѣхѣ!» (Это онъ издалъ, бывши, по его словамъ, «довольно времени въ Москвѣ» по дѣламъ своего семейства).

Почти безвыѣздно живя въ деревнѣ, с. Кручикѣ, близъ Богодухова, В. Н. Каразинъ продолжалъ заниматься химіею и опытами всякаго рода; много читалъ, выписывалъ кучу журналовъ и слѣдилъ за погодой, стараясь найти законы метеорологіи.

Онъ въ это время развелъ обширный садъ; пересадилъ въ свои поля, для тѣни на межахъ, множество дикихъ деревъ изъ лѣса и продолжалъ улучшать свое хозяйство, которое, впрочемъ, отъ большихъ затратъ на опыты всякаго рода не давало достаточныхъ доходовъ для его жизни...

Между прочимъ, онъ усердно занимался личнымъ наблюденіемъ за воспитаніемъ собственныхъ дѣтей и самъ ихъ училъ. *Въ 1824 году* онъ былъ избранъ заочно въ совѣстные судьи въ Харьковъ, но не былъ утвержденъ въ этомъ званіи, такъ же какъ въ *1828 г. 27-го сентября*—въ предсѣдатели палаты уголовнаго суда, въ полномъ собраніи дворянства губерніи.

По словамъ «Записки» сына, В. Н. Каразинъ удостоился счастія составлять и особаго рода *журналъ* для императрицы Маріи Ѳеодоровны, писанный весь его рукою и небывшій въ печати, «въ которомъ помѣщались, въ видѣ разныхъ аллегорическихъ разсказовъ, мысли его о воспитаніи дѣтей».

Думая о воспитаніи другихъ, онъ заботился о воспитаніи собственнаго своего семейства. Г. Н. Геннади передалъ мнѣ неизданное слѣдующее письмо его отъ *1825 года 18-го мая*, изъ села Кручика, къ неизвѣстному журналисту.

«Милостивый государь мой! Простительно отцу ходатайствовать въ пользу сына, даже и въ такомъ случаѣ и отношеніи, когда о самомъ себѣ ходатайство было неприлично. Любители просвѣщенія, кто бы они ни были, какъ бы ни раздѣляли ихъ мѣстное разстояніе и другія земныя обстоятельства, хотя бы они другъ другу совсѣмъ незнакомы были, должны быть готовы на взаимныя услуги. Имѣя одну цѣль и бывъ великой монархіи свѣта и истины сограждане, житель Новой Голландіи можетъ относиться о содѣйствіи смѣло въ Москву или въ Парижъ... На сихъ основаніяхъ прошу я васъ, въ журналѣ вашемъ, обратить вниманіе публики на издаваемый теперь трудъ моего старшаго и любезнѣйшаго сына, который слушаетъ лекціи въ харьковскомъ университетѣ. Дабы вы могли надлежащимъ образомъ судить о семъ сочиненіи, беру я смѣлость приложить первые отпечатанные уже листы и корректурный листъ таблицъ, за неимѣненіемъ другаго здѣсь въ деревнѣ. Вы можете сказать свои о «*Иліодометрѣ*» мысли. Пишущій къ вамъ любилъ всегда святую истину, и за все никогда не сердился. «Иліодометръ» составитъ книжку въ 300—350 стр. Иные думали, что это кіевскій календарчикъ...»

Здѣсь идетъ дѣло о книгѣ его сына, Василія, подъименемъ: «*Иліодометръ, для повѣрки часовъ, или показатель времени восхожденія и захожденія солнца во всѣ дни года*, подъ 48 параллелями, отъ 40 до 69 степени сѣверной

широты. *Издалъ Василій Каразинъ.* 2 части. Харьковъ, въ унив. типогр. 1825 г. въ 8 д. л.». — Въ смирдинскомъ каталогѣ подъ № 4095 эта книга ошибочно приписана В. Н. Каразину. Этого же его сына въ *«Украинскомъ журналѣ»* 1824 г., №№ 23 и 24, стр. 238—253, помѣщена статья *«О лунѣ»*. Въ примѣчаніи къ ней сказано: «Изъ Astronomie de l'amateur, par G. Hirzel, 1820 г. Переводъ студента физико-математическаго отдѣленія, Василія Каразина».

Въ 1836 г. В. Н. Каразинъ зимовалъ въ Харьковѣ. Его зять, докторъ И. Севцилло, поѣхалъ изъ города къ нему въ деревню, нашелъ деревенскій домъ нетопленнымъ и велѣлъ его протопить. Неловкіе слуги, по словамъ Ф. В. Каразина, затопили разомъ во всѣхъ печахъ. Зять хозяина деревни пошелъ по хозяйству, воротился, увидѣлъ домъ, объятый пламенемъ, и такъ потерялся, что вмѣсто того, чтобы спасать его, велѣлъ запрягать лошадей, сѣлъ и уѣхалъ...» *).

Въ этомъ роковомъ пожарѣ сгорѣла вся замѣчательная библіотека В. Н. Каразина, всѣ автографы и рѣдкія рукописи, и до 5,000 томовъ книгъ разнаго названія. Потеря замѣчательная, которую онъ тщетно оплакивалъ остальную свою жизнь **).

Отъ пожара библіотеки и дома уцѣлѣли, однако, семь томовъ собственноручныхъ записокъ и копій съ *«Писемъ В. Н. Каразина—съ 1821 по 1842 годъ.* Это число показываетъ, какъ обширны были мемуары за остальные годы жизни В. Н. Каразина!

Живя въ деревнѣ, онъ велъ громадную переписку, писалъ въ годъ до 1,200 писемъ. У него остались письма С. О. Потоцкаго, М. М. Сперанскаго, В. П. Кочубея и др., съ 1802 по 1825 г. И что замѣчательно, въ то время, какъ онъ писалъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ его грамотный слуга и тутъ же копировалъ его письма. Одно время списывалъ

---

*) Село Кручикъ досталось теперь по покупкѣ отца, по наслѣдству, двумъ дочерямъ этого зятя В. Н. Каразина, Ол. Ив., П. Ив. Севцило, въ замужествѣ г-жѣ Мягкиной и г-жѣ Зимборской. — Село Анашкино, близъ Москвы, досталось сыну владѣльца Ник. В. Каразину, дочь котораго, внука В. Н. Каразина, Нат. Николаевна, была въ замужествѣ за княземъ Назаровымъ, нынѣ за г. Гундіусъ.

**) Въ это время мнѣ было шесть лѣтъ, и я помню, въ зимній бурный вечеръ, худого сѣдого старичка, который заѣхалъ на хуторъ моего отца и плакалъ, разсказывая о пожарѣ... Это былъ В. Н. Каразинъ.

слуга его Яковъ Котенко. Послѣднимъ списывателемъ его писемъ былъ его крѣпостной человѣкъ *Ѳедоръ Минжеренко*, послѣ приказчикъ с. Кручика (со словъ Ф. В. Каразина).

Хозяйственныя дѣла В. Н. Каразина шли, между тѣмъ, хуже и хуже. Я досталъ любопытныя копіи съ офиціальныхъ писемъ университетскаго и городского харьковскихъ обществъ, по случаю помощи, оказанной ими въ 1833 г. В. Н. Каразину, когда послѣдняго готовили объявить несостоятельнымъ. Вотъ онѣ:

1) Письмо *Вл. Филатьева*, попечителя харьковскаго учебнаго округа, къ предсѣдателю гражданской палаты, *Я. И. Кашинцеву, отъ 1833 г., 12-го января.*

«Милостивый государь, Яковъ Ивановичъ! Господа профессоры и преподаватели въ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ, узнавъ, что Василію Назарьевичу Каразину слѣдуетъ внести въ харьковскую гражданскую палату, въ возвратъ графу Подгоричани, пошлинныхъ 2,384 рубля, коихъ онъ, по стѣсненному своему положенію, въ назначенный срокъ представить не можетъ,—не могли остаться въ равнодушномъ бездѣйствіи при семъ столь близкомъ для насъ обстоятельствѣ; но, движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому, единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству, просятъ меня взнесть въ помощь г. Каразину собранную ими сумму.

«Съ полнымъ чувствомъ сердечнаго удовольствія раздѣляя стремленіе душевной признательности гг. членовъ университета къ г. Каразину, я честь имѣю препроводить при семъ, чрезъ г. проректора Кронеберга, 1,280 р. къ вамъ, какъ къ предсѣдателю палаты, для взнесенія оной куда слѣдуетъ.—*Вл. Филатьевъ*».

2) Письмо харьковскаго городского головы *Антона Матузка, отъ 1833 года, 17-го января*, къ тому же лицу:

«М. г. Яковъ Ивановичъ! Увѣдомился я, — статскій совѣтникъ Василій Назарьевичъ Каразинъ имѣетъ въ слободско-украинской гражданской палатѣ дѣло; по окончанію онаго потребна сумма 1,200 руб. Желая предупредить его

въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и граждан, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства г. В. Н. Каразина предъ престоломъ блаженной и вѣчнодостойной памяти покойнаго всеавгустѣйшаго Монарха Александра I, объ учрежденіи въ г. Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли; чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе; сей малый знакъ истинной признательности покорнѣйше васъ, м. г., прошу оную сумму 1,200 р. асс. принять и употребить по дѣлу вышеприписанному.—*Антонъ Матузокъ*».

Съ 1838 г. основались въ Харьковѣ «Губернскія Вѣдомости». В. Н. Каразинъ принялъ въ нихъ участіе и, съ 1838 по 1842 годъ, помѣстилъ въ нихъ рядъ статей о нуждахъ края и о своихъ любимыхъ занятіяхъ.

Въ 1842 году В. Н. Каразинъ уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ задумалъ указать нѣсколько улучшеній въ принятомъ тамъ, довольно грубомъ, способѣ винодѣлія. Онъ ѣздилъ тамъ на перекладной, простудился въ туманную, дождливую погоду и, пробывши на заводахъ въ Никитскомъ саду, близъ Ялты, съ сентября по октябрь, прибылъ уже больной въ Николаевъ, гдѣ служилъ при знаменитомъ Лазаревѣ сынъ его, Ф. В. Каразинъ.

Въ концѣ ноября въ Одессѣ получено было печальное извѣстіе изъ *Николаева*, что тамъ, 4-го ноября 1842 г., въ восемь часовъ пополудни, въ домѣ генерала Кумани, отъ горячки, скончался *Василій Назарьевичъ Каразинъ*...

17-го января 1865 г. исполнилось 60-ти-лѣтіе со времени открытія харьковскаго университета. На обѣдѣ у ректора университета, В. А. Кочетова, между присутствовавшими возникла рѣчь о постановкѣ памятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ, на площадкѣ университетской горки, на подобіе того, какъ Одесса имѣетъ у себя памятникъ Дюку де-Ришельё, основателю ея лицея, и объ объявленіи преміи за біографію В. Н. Каразина, со стороны харьковскаго университета. Въ 1873 году въ Харьковѣ праздновалось столѣтіе дня рожденія В. Н. Каразина и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на общую подписку для постановки ему въ Харьковѣ памятника.

1860 г,

IV.

ГРИГОРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ КВИТКА ОСНОВЬЯНЕНКО.

(1778—1843 г.).

Родословная Г. Ѳ. Квитки. — Его дѣтство. — Служба военная и гражданская.—Поступленіе въ монастырь.—Возвращеніе къ свѣтской жизни. — Литературные труды. — Музыкальныя и театральныя занятія.— Милиція. — Танцовальный клубъ.—Харьковскій театръ.—М. С. Щепкинъ.—Женитьба и семейная жизнь.—Харьковскіе журналы.—Участіе въ «Вѣстникѣ Европы».—Литературная извѣстность.—Успѣхъ «Малороссійскихъ повѣстей». — Участіе въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ»—Знакомство съ Жуковскимъ и Гребенкой.—Болѣзнь и смерть Основьяненка.

I.

Григорій Федоровичъ Квитка родился въ 1778 году, 18-го ноября.

Мѣсторожденіе его—подгородное харьковское село *Основа*, принадлежавшее издавна фамиліи Донецъ-Захаржевскихъ, а потомъ перешедшее во владѣніе фамиліи Квитокъ. Отъ имени этого села, о которомъ я скажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, произошелъ (въ 1834 году, впервые) псевдонимъ *Основьяненко*.

Родъ Квитокъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи Слободской Украйны. Основьяненко, въ своей статьѣ о Харьковѣ и его исторіи, выводитъ его нѣсколько романтически изъ Приднѣпровской Украйны, заставляя маленькаго героя-сироту, красиваго, какъ цвѣточекъ, по-малороссійски *квитка*, послѣ долгихъ похожденій, попасть на берега трехъ степныхъ рѣчекъ, гдѣ въ то время возникалъ городокъ Харьковъ.

Въ лѣтописяхъ слободскихъ полковъ имя Квитокъ встрѣчается впервые около 1666 года. Въ 1703 году полковникомъ Харьковскаго полка былъ *Григорій Семеновичъ Квитка*, прадѣдъ нашего писателя, который неусыпно заботился объ укрѣпленіи Харькова отъ набѣговъ татаръ, строилъ въ немъ новыя зданія, помѣщалъ толпы переселенцевъ, которые тогда стекались подъ знамена слободскихъ полковъ.

Сынъ этого харьковскаго полковника, *Иванъ Григорьевичъ Квитка*, дѣдъ писателя, въ 1743 году, 22-го ноября, грамотою Императрицы Елисаветы Петровны, посланною на его имя въ Изюмскій Слободскій полкъ, пожалованъ въ званіе полковника этого полка.

Изюмскій полковникъ Иванъ Григорьевичъ Квитка скончался въ 1751 году, 14-го февраля. Сынъ его *Ѳедоръ Ивановичъ Квитка*, былъ отцомъ Григорія Ѳедоровича Квитки-Основьяненко.

У Ѳедора Ивановича Квитки и жены его, Марьи Васильевны Шидловской, очень образованной, но гордой, самолюбивой и суровой женщины, были еще другія дѣти. Старшій сынъ, *Андрей Ѳедоровичъ*, былъ до конца жизни, въ теченіе двухъ царствованій, Александра I и Николая, въ числѣ первыхъ харьковскихъ общественныхъ дѣятелей, такъ какъ около двадцати пяти лѣтъ сряду онъ былъ по выбору губернскимъ предводителемъ харьковскаго дворянства. Въ окрестностяхъ и въ городѣ иначе его не называли, какъ «Андрей Ѳедоровичъ», и всякъ уже зналъ при этомъ имени, о комъ идетъ рѣчь. Онъ принималъ въ Основѣ Императора Александра; смоляныя бочки горѣли на всемъ разстояніи дороги отъ Харькова до Основы. Императоръ, войдя въ великолѣпный домъ Основы, съ оранжереями, богатою мебелью, огромными зеркалами и мраморными статуями, спросилъ съ улыбкой: *Не во дворцѣ ли я?* Три сестры Квитки, по замужествѣ, были: *Марья Ѳедоровна Зарудная*, въ домѣ которой, на Екатеринославской улицѣ, противъ Дмитріевской церкви, невдалекѣ отъ нынѣшней станціи Азовской, Полтавской и Курской желѣзныхъ дорогъ, впослѣдствіи жилъ Квитка-Основьяненко, *Елисавета Ѳедоровна Смирницкая* и *Прасковья Ѳедоровна Булавинская*. Отецъ Основьяненка скоро умеръ; мать еще жила въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Братъ его, Андрей Ѳедоровичъ, скончался вскорѣ по смерти Григорія Ѳедоровича (1843

года). Послѣдній съ первыхъ дней жизни оказался ребенкомъ тощимъ и слабымъ. Скоро показались въ немъ признаки сильной золотухи. Эта болѣзнь такъ развилась въ малюткѣ, что онъ потерялъ зрѣніе и до пятилѣтняго возраста оставался слѣпымъ. Исцѣленіе его произошло во время поѣздки его съ матерью въ сосѣдній Озерянскій монастырь на богомолье. Этотъ случай оставилъ глубокіе слѣды въ душѣ ребенка и впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другими событіями, въ особенности же вслѣдствіе семейныхъ примѣровъ, вызвалъ довольно замѣчательное событіе въ жизни Основьяненка, именно, поступленіе его, на двадцать третьемъ году, въ монастырь.

Харьковъ, обстроенный при Императрицѣ Екатеринѣ II, представлялъ общество совершенно патріархальное, въ духѣ старосвѣтскихъ украинскихъ преданій. Университетъ еще не былъ открытъ. О литературѣ не было и помину. Помѣщики сосѣднихъ и дальнихъ деревень пріѣзжали въ губернскій городъ на торги и на ярмарки запасаться привозными съ сѣвера и юга товарами; другіе ѣздили по дѣламъ службы, или по тяжебнымъ дѣламъ, которыхъ было въ то время, по словамъ Нарѣжнаго, *безъ числа*. Высшее ученое мѣсто въ Харьковѣ былъ «Духовный Коллегіумъ», имѣвшій очень ограниченный кругъ дѣйствія. Въ Харьковѣ и окрестныхъ уѣздахъ, незадолго до рожденія Г. Ѳ. Квитки, появилось лицо, которому было суждено оставить глубокій слѣдъ въ умахъ современниковъ. Это былъ оригинальный и причудливый философъ, которому я посвятилъ отдѣльную статью. По его духовнымъ наставленіямъ, многіе возлагали на себя монастырскій обѣтъ!

Сковорода появлялся во многихъ домахъ въ Харьковѣ. Онъ бывалъ, между прочимъ, и въ домѣ *Квитокъ*. Молва о Сковородѣ затронула мысли ребенка. Двѣнадцати лѣтъ уже онъ открыто пожелалъ оставить свѣтъ для монастырскихъ стѣнъ. Въ семейной жизни Квитокъ были также преданія, способствовавшія этому направленію. Въ книгѣ: *Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1852 года* (на стр. 11-й), сдѣлана выписка изъ «Фамильной лѣтописи Квитокъ», гдѣ говорится, что сестра извѣстнаго *Іосафа Горленкова*, бѣлгородскаго епископа, въ прошломъ вѣкѣ, была замужемъ за дѣдомъ Основьяненка, изюмскимъ полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткою. Изъ этой

же выписки, между прочимъ, видно, какъ горячо любилъ своихъ родственниковъ этотъ высоко-чтимый окрестными жителями епископъ. Здѣсь упоминается, что онъ *стоялъ на Основѣ*, съ іюня по августъ 1851 года. На Основьяненко имѣлъ сильное вліяніе еще другой примѣръ: посвященіе въ монашескій санъ друга его отца, артиллеріи поручика *Бѣлевцова*, бывшаго, подъ именемъ Палладія, настоятелемъ Курскаго монастыря. Но главный примѣръ былъ пребываніе въ монастырѣ родного его дяди, іеродіакона Наркиза, бывшаго потомъ настоятелемъ Куряжскаго монастыря, куда поступилъ и Основьяненко.

Такіе преданія и примѣры наполняли жизнь тихой семьи въ Основѣ, когда ребенокъ, исцѣленный отъ разстройства зрѣнія, на пятилѣтнемъ возрастѣ сталъ присматриваться и прислушиваться къ окружающему. Жизнь его текла невесело. Учился онъ кое-какъ, или почти совсѣмъ не учился. Объ этомъ онъ говоритъ въ любопытномъ, неизданномъ письмѣ къ П. А Плетневу, отъ 15-го марта 1839 года, изъ Основы, слѣдующее: «Я и родился въ то время, когда образованіе не шло далеко, да и мѣсто не доставляло къ тому удобствъ; притомъ же, болѣзни съ дѣтства, желаніе не быть въ свѣтѣ, а быть можетъ, и безпечность, и лѣность, свойственныя тогдашнему возрасту,—все это было причиною, что я не радѣлъ о будущемъ и уклонился даже отъ того, что было подъ рукою и чему могъ бы научиться. Выучась ставить каракульки, я положилъ, что умѣя и такъ писать, для меня довольно; въ дальнѣйшія премудрости не пускался и о именительныхъ, родительныхъ и прочихъ, какъ-то: о глаголахъ, междометіяхъ,—не могъ слышать терпѣливо! Съ таковыми познаніями писателй «не бываютъ». Молодость, страсти, обстоятельства, служба заставляли писать; но какъ? Я въ это не входилъ. *Еже писахъ, писахъ!..*»

Склонный къ молитвѣ и уединенію, Основьяненко на двѣнадцатомъ году изъявилъ непремѣнное желаніе поступить въ монастырь. Однакожъ, до четырнадцатилѣтняго возраста, по неотступной просьбѣ отца и матери, оставался въ домѣ родителей, въ Основѣ. По совѣту врачей, для укрѣпленія здоровья и разсѣянія, онъ былъ опредѣленъ, въ 1794 году, 11-го декабря, вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, но уже черезъ годъ, 1795 года, по слабости здоровья (а можетъ быть, и по особымъ соображеніямъ род-

ныхъ малороссійскаго барченка, выросшаго подъ теплымъ родительскимъ кровомъ), онъ перечислился въ гражданскую службу, гдѣ и состоялъ, по 13 октября 1796 года, *не у дѣлъ*, при департаментѣ герольдіи. Надъ этимъ онъ впослѣдствіи самъ трунилъ, придумавъ для одного изъ своихъ псевдонимовъ подпись: *Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ.* Шестнадцати лѣтъ онъ снова перешелъ въ военную службу и опредѣлился ротмистромъ въ сѣверскій карабинерный полкъ. Указомъ императора Павла I, отъ 5-го января 1795 года, онъ опредѣленъ въ харьковскій кирасирскій полкъ, уже въ чинѣ ротмистра, причемъ также велѣно ему явиться въ этотъ полкъ къ сроку. Это было въ 1797 году. Жизнь дома, среди воспоминаній печальнаго и болѣзненнаго дѣтства, опять возъимѣла на него сильное вліяніе. Примѣры семейства и тогдашняго времени увлекли его душу, и безъ того настроенную къ уединенію. Онъ достигъ желанной цѣли и на двадцать третьемъ году, послѣ женитьбы старшаго брата, поступилъ въ *Куряжскій монастырь* послушникомъ, гдѣ и оставался, съ промежутками (когда переселялся гостить въ Основу), около четырехъ лѣтъ.

Старожилы харьковскіе до сихъ поръ помнятъ, какъ Основьяненко, въ черномъ, смиренномъ нарядѣ, ѣздилъ, стоя на запяткахъ, за каретою преосвященнаго. Срокъ испытанія прошелъ; но какъ ни желалъ молодой послушникъ остаться въ монастырѣ, какъ онъ ни боролся съ просьбами отца и матери, здоровье не позволяло ему принять постриженіе, и онъ возвратился въ домъ родителей. Основьяненко, стянувшій грудь свою ремнемъ послушника и отростившій бороду, въ самомъ разгарѣ юности и страстей, не могъ долго противиться просьбамъ отца. Отецъ его началъ видимо ослабѣвать и близиться къ гробу. Основьяненко, слѣдуя его убѣжденіямъ, снова отдалъ свои силы свѣту, трудамъ и заботамъ на пользу ближнихъ, на пользу родины и родной литературы. Подъ конецъ своего пребыванія въ монастырѣ, онъ бралъ на себя самыя трудныя работы: ходилъ, между прочимъ, за монастырскими лошадьми, а лошадей онъ боялся всю жизнь. Силы постоянно измѣняли ему. Однажды онъ повезъ на парѣ воловъ продавать въ Харьковъ сдѣланныя на монастырскомъ рабочемъ дворѣ

бочки. Была осень, и страшная грязь наполняла харьковскія улицы. На рыночной площади возъ покачнулся и засѣлъ по оси въ грязь. Напрасно Основьяненко хлопоталъ надъ нимъ; мальчишки сбѣжались кругомъ, узнали молодого человѣка и стали кричать: «Квитка, Квитка!..» Онъ махнулъ рукою, бросилъ возъ на улицѣ, и возвратился на Основу. Съ той поры онъ уже не думалъ объ удаленіи отъ свѣта. Но впечатлѣнія долгой жизни въ монастырѣ, въ прекрасной, живописной мѣстности, въ уединеніи и молитвѣ, остались надолго въ душѣ Основьяненка и всю жизнь отзывались въ лучшихъ его сочиненіяхъ. Сюда относятся большая часть элегическихъ повѣстей Основьяненка, гдѣ добрыя, свѣжія, полныя любви личности его простонародныхъ героевъ и героинь согрѣты этою простодушною, прямою религіозностью,—каковы его знаменитыя повѣсти: *Маруся, Божія дѣти; Сердечная Оксана и Ганнуся.* Кромѣ отдѣльныхъ мѣстъ въ повѣстяхъ, у него есть и статьи чисто церковно-историческаго содержанія, каковы: *Краткое содержаніе жизни преосвященнаго Іосафа Бѣлгородскаго*, и разсказъ: *О святой мученицѣ Александрѣ-царицѣ.*

По выходѣ изъ монастыря, Основьяненко мало-по-малу опять приглядѣлся къ свѣту. Сперва, впрочемъ, онъ собою во многомъ напоминалъ отшельника: ходилъ въ Основѣ съ церковными ключами, благовѣстилъ къ обѣднѣ по праздникамъ и большую часть времени проводилъ въ молитвѣ. До конца жизни въ его комнатѣ стоялъ аналой съ молитвенникомъ и постоянно теплилась лампадка. Здоровье его совершенно поправилось. Онъ окрѣпъ и,—хотя вскорѣ, приготовляя домашній фейерверкъ, отъ взрыва пороха, опалилъ себѣ лицо и глаза, отчего остался на всю жизнь съ синеватыми пятнами на лбу и потерялъ лѣвый глазъ,—началъ появляться въ обществѣ, котораго въ началѣ, по возвращеніи въ свѣтъ, дичился. Играя на флейтѣ, онъ просиживалъ тогда по цѣлымъ ночамъ въ тѣни сада, въ Основѣ.

Наконецъ молодость взяла свое. Врожденная его землякамъ веселость явилась и въ немъ. Это двойственное направленіе образовало въ немъ смѣсь наивнаго и веселаго комизма съ строгою, высоко-религіозною нравственностью. Онъ недолго оставался празднымъ. Въ промежуткахъ 1804 и 1806 года, онъ занимался музыкою и игралъ у себя на домашнемъ театрѣ, причемъ обыкновенно выбиралъ себѣ

роли самыя веселыя и трудныя. Раздавшаяся вѣсть о народномъ ополченіи окончательно вызвала его изъ бездѣйствія; онъ тогда уже подвергся сатирѣ одного бойкаго пересмѣшника, кольнувшаго его за непостоянство характера довольно злою эпиграммою. Въ 1806 году онъ снова, и уже въ послѣдній разъ, опредѣлился на военную службу, по провіантской комиссіи, въ милицію харьковской губерніи, и оставался здѣсь годъ. Въ 1807 году онъ вышелъ въ отставку.

II.

Харьковъ въ это время совершенно преобразился. Причиною тому было основаніе высшаго учебнаго заведенія, которое оживило и освѣтило цѣлый край. Въ 1805 году, 18-го января, въ Харьковѣ открытъ университетъ. Были въ Харьковѣ еще частные пансіоны. Всѣ они были заведены прусскими или французскими эмигрантами и только доставляли способъ наживаться учредителямъ. А теперь сыновья помѣщиковъ, послѣ долгихъ домашнихъ проводовъ и домашнихъ слезъ, стали снаряжаться въ дорогу и наполнили мало-по-малу харьковскія аудиторіи. Какъ студенты, такъ и профессора надѣвали мундиры только въ большіе праздники. На лекціи являлись въ чемъ попало. Желтые фраки и синія брюки, голубые сюртуки и чудовищные жилеты, фуражки необыкновенныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, палки и трубки въ карманахъ,—все это являлось въ аудиторіи.

Съ первыхъ же годовъ университетъ обогатился замѣчательными профессорами, которые положили основаніе литературной дѣятельности въ Харьковѣ изданіемъ разомъ нѣсколькихъ журналовъ и газеты, при университетской типографіи, заведенной Каразинымъ, гдѣ потомъ печатались почти всѣ малороссійскія книги. Въ этихъ журналахъ участвовали всѣ писавшіе тогда профессора. Тутъ же явился впервые и Основьяненко, подъ собственнымъ именемъ Квитки.

Харьковское начальство старалось исподволь доставить городу развлеченія. Былъ заведенъ «дворянскій клубъ» въ домѣ Черкесова, потомъ въ домѣ Заруднаго. Его содержатель, бывшій фехтовальный учитель при университетѣ, Ле-Дюкъ, одинъ изъ наполеоновскихъ гвардейцевъ 1812 г., бился изъ всѣхъ силъ о поддержаніи веселостей этого со-

бранія. Танцовали тутъ до упаду, и главную роль въ экоссезахъ, полонезахъ и à la grecque играла студенческая молодежь. Здѣсь же началъ появляться, уже какъ свѣтскій человѣкъ, и Основьяненко. Сперва онъ былъ простымъ гостемъ, потомъ однимъ изъ членовъ-распорядителей и, наконецъ, *директоромъ танцовальнаго клуба.* Вообще, гдѣ возникало что-нибудь новое и нужно было дать толчокъ, являлся Основьяненко. Такъ, вскорѣ онъ далъ прочное значеніе харьковскому театру, позднѣе основалъ *институтъ для дѣвицъ*, а въ промежуткахъ своихъ хлопотъ о театрѣ и объ институтѣ сталъ издавать первый харьковскій журналъ.

Выйдя въ отставку, въ 1807 г., онъ оставался въ бездѣйствіи до 1812 г., когда въ Харьковѣ возникъ правильный и постоянный городской театръ. Онъ помѣщался тогда на площади, противъ нынѣшняго дворянскаго собранія; директоромъ театра вскорѣ явился Основьяненко. Имѣя обыкновеніе горячо и страстно браться за всякое дѣло, онъ до того увлекся театромъ, что чуть даже не женился на одной изъ его актрисъ, извѣстной тогдашней красавицѣ и львицѣ Преженковской, но былъ остановленъ своею матерью. Въ 1841 г. онъ напечаталъ любопытную «Исторію харьковскаго театра отъ старинныхъ временъ». Еще въ 1780 г. въ Харьковѣ давались представленія, нѣчто въ родѣ балетовъ, отставнымъ петербургскаго театра дансёромъ Иваницкимъ. Потомъ, на временныхъ подмосткахъ, красовалась какая-то «маляривна» и «Лизка». Здѣсь, у антрепренёра Штейна, явился впервые робкій, застѣнчивый дебютантъ изъ Курской губерніи, игравшій до того времени въ Полтавѣ, имя котораго было Щепкинъ... Онъ появлялся въ драмахъ и трагедіяхъ, гдѣ игралъ роли принцевъ и графовъ. Основьяненко однажды за кулисами поймалъ его и сказалъ ему: «Эхъ, братъ, Щепкинъ! играй въ комедіяхъ: изъ твоихъ фижмъ и министерства постоянно выглядываютъ мольеровскіе Жокрисы!» Эти слова были многозначительны для будущности великаго комика. М. С. Щепкинъ мнѣ говорилъ, между прочимъ, что въ драмѣ «Желѣзная маска», онъ исподволь въ Харьковѣ сыгралъ всѣ роли, отъ часового, лакея, офицера и до герцоговъ. По словамъ знаменитаго артиста, Квитка способствовалъ тому, что опера Котляревскаго «Наталка-Полтавка» поставлена впервые въ Харьковѣ.

Она, безъ цензуры, сперва была дана въ Полтавѣ, по личному разрѣшенію Г. Г. Репнина. Щепкинъ хотѣлъ ее дать въ свой бенефисъ въ Харьковѣ. Квитка сказалъ ему: «Назначьте какую-нибудь старинную пьесу, а передъ самымъ днемъ бенефиса сошлитесь на нездоровье какого-нибудь актера и просите оффиціально дать, за поспѣшностью, «Наталку-Полтавку»,—пьесу, уже разрѣшенную для Полтавы» Пьеса была дана...

Основьяненко бросилъ званіе директора театра, по случаю занятій по институту, но любовь къ сценѣ осталась въ немъ навсегда и выказалась впослѣдствіи не одинъ разъ въ его трудахъ для сцены. Штейнъ содержалъ театръ съ 1816 по 1827 годъ, когда передалъ его Млатковскому. Млатковскій былъ послѣднею знаменитостью въ числѣ старинныхъ харьковскихъ антрепренёровъ.

Въ 1811 году Каразинъ учредилъ «Филотехническое Общество». Успѣхъ этого общества вызвалъ мысль основать «Благотворительное Общество», нѣчто въ родѣ петербургскаго «Общества Посѣщенія Бѣдныхъ» Какъ успѣшны были занятія этого общества, видно изъ того, что уже на первыхъ порахъ оно положило основать и основало на свой счетъ «Институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ». Первая мысль объ учрежденіи этого института принадлежала Основьяненкѣ, который былъ въ то же время ревностнѣйшимъ членомъ и правителемъ дѣлъ «Благотворительнаго Общества» и даже свое литературное или печатное поприще началъ статьею въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 г. объ этомъ институтѣ. Общество Благотворенія, направляемое въ своихъ дѣйствіяхъ вліяніемъ Основьяненка, собрало значительную сумму общихъ приношеній,—и институтъ для дѣвицъ былъ открытъ въ 1812 г., черезъ семь лѣтъ послѣ открытія университета и черезъ годъ по открытіи «Филотехническаго Общества». Актъ на открытіе института подписанъ въ одинъ день съ актомъ объ ополченіи, 27-го іюля 1812 г. На Квитку было возложено открыть институтъ 10-го сентября, что онъ и исполнилъ въ то время, какъ непріятель занималъ Москву... Основьяненкѣ было ввѣрено главное управленіе дѣлами института, на который онъ «принесъ въ жертву почти все достояніе свое». Вскорѣ, по ходатайству Основьяненка, императрица Марія Ѳеодоровна приняла Харьков-

скій институтъ подъ свое покровительство. Это было въ 1818 г.

Оставаясь въ званіи правителя дѣлъ Общества Благотворенія, Г. Ѳ. Квитка оказалъ краю услугу, которой одной достаточно было бы для сохраненія памяти о немъ. Однимъ изъ попеченій общества было доставленіе воспитанія юношеству бѣдныхъ семействъ...

Дѣти мужскаго пола были опредѣляемы на иждивеніе общества, въ пансіонъ при губернской гимназіи; для воспитанія же дѣвицъ ни въ Харьковской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ не существовало еще тогда общественныхъ учебныхъ заведеній. Квиткѣ принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи такого заведенія въ Харьковѣ; его же заботливости, трудамъ и жертвамъ принадлежитъ и осуществленіе этой мысли. По его старанію открытъ институтъ, гдѣ должны были получать воспитаніе изъ каждадо уѣзда Харьковской губерніи по двѣ дѣвицы благороднаго происхожденія, изъ бѣднѣйшихъ семействъ, чтобы потомъ, въ свою очередь, быть наставницами и учительницами дочерей достаточныхъ помѣщиковъ. Скоро туда были помѣщаемы и дочери помѣщиковъ, на ихъ собственномъ иждивеніи и на счетъ казны императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Когда институтъ, по представленію Квитки, уже избраннаго въ 1817 г. предводителемъ дворянства харьковскаго уѣзда, поступилъ въ число казенныхъ заведеній, учредителю его поручено составить «Совѣтъ» для управленія институтомъ. Въ январѣ 1818 года Основьяненко, по выборамъ, учрежденъ членомъ институтскаго совѣта и оставался въ этой должности до мая 1821 года. Въ 1816 году Основьяненко сочинилъ «Кадриль» для встрѣчи возвращавшихся въ Харьковъ изъ Парижа войскъ.

Позже, его же стараніями открыты въ Харьковѣ: кадетскій корпусъ, переведенный потомъ въ Полтаву, и публичная библіотека при университетѣ. Основьяненко въ нѣкоторыхъ изъ своихъ неизданныхъ писемъ, въ 1839 году, съ восторгомъ вспоминаетъ объ этомъ времени и о заслуженномъ своемъ торжествѣ. Харьковскій институтъ имѣлъ еще особенно благое значеніе для Квитки. Черезъ институтъ онъ узналъ одну изъ достойнѣйшихъ его классныхъ дамъ, на которой вскорѣ и женился. Свадьбѣ предшествовала самая страстная любовь. Въ 1818 г., изъ Петербурга пpi-

ѣхала въ Харьковъ на мѣсто классной дамы одна изъ пепиньерокъ екатерининскаго института. Тогда Основьяненкѣ было уже *подъ сорокъ лѣтъ*. Черезъ два года по пріѣздѣ въ Харьковъ, около 1821 г., классная дама вышла замужъ за Основьяненко и осчастливила его, по собственнымъ его словамъ, на всю жизнь. Это была почтенная Анна Григорьевна, которой имя такъ часто встрѣчается въ «посвященіяхъ повѣстей» ея мужа, которая принимала участіе во всѣхъ заботахъ и трудахъ Квитки, лелѣяла его жизнь, выслушивала и поправляла его сочиненія, смотрѣла на его литературную судьбу, какъ на свою собственную, на его сочиненія, какъ на что-то сверхъестественное, и когда не стало на свѣтѣ ея стараго друга, она бросила свѣтъ и «съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда могла за нимъ сойти въ могилу».

Анна Григорьевна, въ письмахъ къ П. А. Плетневу, 1839 года, между прочимъ, пишетъ: «Я—Вульфъ, первая, выпущенная въ 1817 г. и на другой же годъ изъ пепиньерокъ отправленная, по волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ Харьковскій институтъ, гдѣ, находясь два года, вышла замужъ за основателя и члена сего же заведенія, нынѣ извѣстнаго Грицька Основьяненка... Вы справедливо сказали, что я счастлива, ибо какое благо въ мірѣ можетъ сравниться съ тѣмъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, которое я имѣю въ моемъ мужѣ-другѣ! О, какъ вы хорошо разгадали эту рѣдкую душу! Вышедши замужъ, я не переставала мечтать о Петербургѣ и часто просила моего мужа найти какую-нибудь должность и переѣхать туда; но онъ, *любя свою родину* и привязанъ будучи къ своимъ роднымъ, никакъ на то не рѣшался!»

Во время женитьбы, Квитка жилъ у своей матери, въ ея домѣ на Екатеринославской улицѣ, невдалекѣ отъ Холодной горы, противъ Дмитріевской церкви. Институтъ былъ тогда тоже близко, тотчасъ за церковью, и Основьяненко со службы шелъ къ матери прямо черезъ калитку институтскаго сада. Его помѣщеніе заключалось въ двухъ комнатахъ: большой, въ три окна, во дворъ, и маленькой спальнѣ въ одно окно, выходившее въ садъ.

Домъ, гдѣ онъ жилъ, принадлежалъ Кундиной. Въ этой квартирѣ три первые мѣсяца онъ провелъ и женатый; туда ему носили, между прочимъ, отъ матери, жившей по со-

сѣдству, въ домѣ своей дочери, чай, а обѣдалъ онъ съ матерью. Мать Квитки была въ числѣ директрисъ института. Основьяненко во время обѣда шутилъ, разсказывалъ объ институтѣ и шалуньяхъ-институткахъ; онъ тогда носилъ темный сюртукъ, съ многочисленными, мелкими складками на тальѣ, *чунарку*, какъ ее называли.

III.

Въ домѣ жены губернскаго прокурора Любовниковой, которую до сихъ поръ съ почтеніемъ вспоминаютъ бывшіе тогда харьковскіе студенты, стали собираться по вечерамъ *для чтенія*. Эти первые «литературные вечера» собирали цвѣтъ тогдашняго харьковскаго ученаго и литературнаго свѣта, профессоровъ, студентовъ и всякихъ дилетантовъ,—словомъ, все мыслящее общество маленькаго городка, гдѣ было тогда не болѣе двѣнадцати тысячъ жителей. Здѣсь сталъ появляться, со своими малороссійскими анекдотами, игрою на флейтѣ и пьесами для фортепьяно, своего сочиненія, и Квитка.

За вечерами Любовниковой открылись литературныя чтенія у Гонорскаго, молодого адъюнкта русской словесности. Основьяненко, появляясь здѣсь, уже не сидѣлъ молча, а позволялъ себѣ разсуждать о тогдашней русской литературѣ. Читалось, однако, тогда мало. Книги привозились въ Харьковъ, до 1805 г., московскими книгопродавцами, во время ярмарокъ. Павловскій, въ 1818 г., издалъ: «Грамматику малороссійскаго нарѣчія», гдѣ помѣстилъ цѣлый разсказъ по-украински, отрывокъ изъ исторіи нѣкоего малороссіянина. Въ это же почти время раздались въ печати и первые звуки художественно-литературнаго украинскаго языка: то былъ извѣстный авторъ «Энеиды, вывороченной наизнанку», Котляревскій. Въ «перелицованной Энеидѣ», писанной въ 1798, 1808 и 1809 годахъ и изданной вполнѣ уже въ 1842 г., господствуетъ чистый малороссійскій языкъ «puritatis legitimae», какимъ впослѣдствіи писалъ рѣдкій изъ южно-русскихъ писателей, не исключая и Квитки, писавшаго на смѣшанномъ харьковскомъ нарѣчіи. Вслѣдъ за «Энеидою» Котляревскій написалъ двѣ оперетки: «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чаривникъ», обѣ изданныя только въ 1838—1841 годахъ. Между Котляревскимъ и собирателями украинской старины является въ одно время съ Основьяненкомъ Гулакъ-Артемовскій, авторъ пьесъ: «Твар-

довскій», «Тюхтій та Чванько», «Солопій та Хивря, або горохъ при дорози», и переводъ изъ Горація, названнаго имъ «Гараською»...

Украинскія сочиненія печатать было негдѣ. При всемъ желаніи посѣтителей вечеровъ у Любовниковой и Гонорскаго, изданіе собственно харьковскаго журнала долго не осуществлялось. Наконецъ, журналъ — гордость маленькаго городка—въ началѣ 1816 года вышелъ, и Основьяненко въ немъ, съ первыхъ же нумеровъ, является прямо *однимъ изъ издателей*.

Журналъ, который сталъ выходить при харьковской типографіи, назывался «Украинскій Вѣстникъ». Онъ выходилъ въ шестнадцатую долю листа, въ 1816, 1817 и 1818 годахъ, и составляетъ теперь для самихъ библіомановъ *библіографическую рѣдкость*. Редакторами его были Ѳиломаѳитскій и Гонорскій. Въ концѣ четвертой и послѣдней части этого журнала за первый годъ, при извѣстіи объ изданіи его въ слѣдующемъ году, во главѣ этихъ двухъ издателей подписался и Основьяненко настоящимъ своимъ именемъ: *Григорій Квитка*.

Подъ редакціею Основьяненко и двухъ другихъ издателей «Украинскій Вѣстникъ» тотчасъ сталъ на твердую ногу.

Основьяненко печаталъ здѣсь, за подписью *Григорія Квитки*, отчеты о благотворительномъ обществѣ и объ институтѣ и статьи юмористическія, производившія въ Харьковѣ фуроръ, подъ псевдонимомъ *Ѳалалея Повинухина*. Но недолго блаженствовали издатели на лаврахъ... Въ Харьковѣ основался другой журналъ—совершенная противоположность «Украинскому Вѣстнику», журналъ, подъ названіемъ «Харьковскій Демокритъ, тысяча первый журналъ», издаваемый Масловичемъ. Издатели «Украинскаго Вѣстника», преклонивъ оружіе, сами стали въ ряды сотрудниковъ веселаго «Демокрита» и его редактора. Между прочимъ, Основьяненко появился здѣсь съ стихотвореніями, подъ которыми вездѣ стоитъ полная его подпись *Григорій Квитка*. Эти стихотворенія «Воззваніе къ женщинамъ» и искусные «Двойные акростихи» любопытны тѣмъ болѣе, что ихъ писалъ будущій веселый авторъ украинскихъ повѣстей и писалъ почти на сороковомъ году жизни.

«Харьковскій Демокритъ» прекратился въ началѣ своемъ (въ 1816 г.); «Украинскій Вѣстникъ» пересталъ выходить

въ началѣ 1820 г. Въ промежутокъ же этого времени выходили, при той же университетской типографіи (1817 по 1823 г.): «Харьковскія извѣстія, листы въ четырехъ отдѣленіяхъ». Это былъ родъ газеты, гдѣ помѣщались внутреннія происшествія, заграничныя новости, смѣсь и объявленія. Въ 1824, 1825 и 1826 годахъ выходилъ еще въ Харьковѣ, при университетѣ: «Украинскій Журналъ», изданіе А. Склабовскаго. Здѣсь уже господствовала строгая наука, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Основьяненко здѣсь не участвовалъ.

IV.

Женившись, по прекращеніи «Украинскаго Вѣстника», Квитка перенесъ свои труды въ «Вѣстникъ Европы», журналъ, издававшійся въ Москвѣ Каченовскимъ. Здѣсь онъ участвовалъ съ 1820 по 1824 годъ, продолжая печатать юмористическія письма, подъ псевдонимомъ *Ѳалалея Повинухина* и подъ другими псевдонимами; главное лицо, къ которому обращались эти письма, былъ *Лужницкій Старецъ*.

Въ № 5-мъ «Вѣстника Европы», за мартъ, явился Основьяненко съ статьей «Письма къ Лужницкому Старцу», за подписью «Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ». Въ 1822 г. въ «Вѣстникѣ Европы» «Письма къ Лужницкому Старцу» наконецъ являются прямо уже съ подписью Ѳалалея Повинухина. Здѣсь, между прочимъ, болтливый авторъ описываетъ свою судьбу съ *Евдокіей Григорьевной*, въ имени которой нельзя не узнать Анны Григорьевны, а обитаемый имъ городъ называетъ *Хар*... Наконецъ, въ томъ же году, въ «Вѣстникѣ Европы» помѣщены пять «Малороссійскихъ анекдотовъ», перемѣшанныхъ съ малороссійскими фразами, анекдотовъ безъ подписи.

Съ той поры начинается новая эра въ жизни Основьяненка, вызвавшая появленіе его комедій и повѣстей около 1830 года. Въ это время Квитка достигаетъ литературной извѣстности, которая вызываетъ противъ него на родинѣ рядъ сплетенъ, перешедшихъ въ стихотворные пасквили. Даже основатель харьковскаго университета, Каразинъ, не удержался отъ написанія на Квитку сатиры, которая начиналась словами:

Былъ монахомъ, былъ актеромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ!

Другое четверостишіе неизвѣстнаго автора говорило слѣдующее:

Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ;
Актеръ, поэтъ и засѣдатель—
Одинъ и тотъ же человѣкъ!

Эти эпиграммы сильно дѣйствовали на Квитку, особенно въ глухой, провинціальной средѣ.

Въ 1832 году Квитка напечаталъ впервые подъ псевдонимомъ Основьяненки повѣсть «Харьковская Ганнуся»—въ «Телескопѣ», въ переводѣ на русскій языкъ М. П. Погодина.

Въ 1827 году онъ написалъ комедію «Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ» (напечатанную въ 1840 году). Эта комедія впослѣдствіи оказалась очень близкою, по внѣшности, съ «Ревизоромъ» Гоголя, опубликованнымъ ранѣе, но написаннымъ позднѣе комедіи Квитки. Я въ свое время прослѣдилъ это сходство по рукописи Квитки, процензированной московскимъ цензоромъ, извѣстнымъ С. Т. Аксаковымъ, въ 1828 году. Ознакомясь съ «Ревизоромъ» и зная близость С. Т. Аксакова къ Гоголю, Квитка пришелъ въ неописанное смущеніе. Дѣйствіе въ «Пріѣзжемъ изъ столицы» Квитки происходитъ, какъ и въ «Ревизорѣ», въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ переводятъ мнимаго ревизора; послѣдній, какъ и Хлестаковъ, мальчишка, неокончившій ученія и ненадежный по службѣ. Другія лица — по внѣшности — тоже напоминаютъ героевъ «Ревизора» — судья Спалкинъ, отъ слова *спать*, и почтовый экспедиторъ (Печаталкинъ), который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу, и смотритель уѣздныхъ училищъ (Ученосвѣтовъ), и частный приставъ (Шаринъ), напоминающій Держиморду, и, наконецъ, *двѣ пріятныя дамы*, сестра городничаго Трусилкина, и племянница его, которыя также влюбляются въ «милашку ревизора». Здѣсь также вся кутерьма происходитъ отъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чиновники также представляются ревизору, и тотъ у нихъ занимаетъ деньги, отъ 27 р. 80 к. асс. до 500 р. асс., куша, взятаго у городничаго. Здѣсь такъ же, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о

храмъ изящества и о томъ, *какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль!* Наконецъ, при развязкѣ, также происходитъ *нѣмая сцена*, причемъ всѣхъ, какъ громомъ, поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ, настоящемъ, какъ видно, ревизорѣ: *Вотъ бумага отъ губернатора, съ жандармомъ присланная!*

Хотя покойный С. Т. Аксаковъ, на мой вопросъ, писалъ мнѣ, что «Ревизоръ» не могъ быть созданъ подъ вліяніемъ комедіи Квитки, такъ какъ Гоголь писалъ его, не зная о существованіи «Пріѣзжаго»,—но нельзя не придти къ мысли, что внѣшній планъ, рамки «Ревизора» могли быть даны Гоголю его другомъ, С. Т. Аксаковымъ, который, въ качествѣ цензора, прочелъ пьесу Квитки еще въ 1828 году. Это не умаляетъ крупныхъ достоинствъ «Ревизора».

Съ 1817 года Квитка былъ избранъ въ дворянскіе предводители харьковскаго уѣзда и пробылъ въ этомъ званіи четыре трехлѣтія, по 1829 г. Въ это время онъ написалъ другую комедію «Дворянскіе выборы», затѣмъ «Шельменко—волостной писарь», которая имѣла на Украйнѣ колоссальный успѣхъ. Въ 1832 году Квитка былъ избранъ совѣстнымъ судьею въ Харьковѣ и оставался въ этой должности девять лѣтъ, до 1840 года.

Въ 1834 году явились два тома извѣстныхъ *«Малороссійскихъ повѣстей, разсказанныхъ Грицько Основьяненкомъ»*. Успѣхъ этихъ повѣстей превзошелъ ожиданія издателей и сразу упрочилъ въ Россіи знаменитость украинскаго писателя. Петербургскіе и московскіе журналы стали наперерывъ искать его сотрудничества. Жуковскій, въ проѣздъ черезъ Харьковъ, отыскалъ Основьяненка, ободрилъ его и совѣтовалъ — писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ мѣстной украинской жизни, и привезъ переводъ нѣсколькихъ его повѣстей въ подарокъ «Современнику», издававшемуся тогда П. А. Плетневымъ. По поводу этого завязалась у Основьяненка обширная переписка съ Плетневымъ, которая длилась до смерти Квитки (до 1843 года). Основьяненко напечаталъ въ «Современникѣ» рядъ повѣстей, отрывковъ изъ романовъ, разсказовъ, очерковъ и воспоминаній и переводы на русскій языкъ почти всѣхъ своихъ малороссійскихъ повѣстей. Съ 1839 года онъ сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ напечаталъ половину извѣстнаго своего (и лучшаго) романа «Панъ Халявскій и исто-

рическую монографію «Головáтый», «Преданія о Гаркушѣ», «Татарскіе набѣги на Харьковъ», «Двѣнадцатый годъ въ провинціи» и пр.

V.

Въ 1840 г. Квитка былъ избранъ въ предсѣдатели Харьковской палаты уголовнаго суда; на третьемъ году исполненія этой послѣдней должности онъ умеръ.

Послѣдніе годы жизни Квитка провелъ въ той же тихой, семейной средѣ, гдѣ за нимъ, какъ за ребенкомъ, ухаживала его Анна Григорьевна. Это была безспорно умная, образованная, хотя и некрасивая женщина, малосообщительная съ посторонними и нравомъ строгая пуританка. Отправивъ утромъ мужа на службу, она чопорно одѣвалась и въ уединеніи домика Основы ожидала его къ обѣду. Основьяненко любилъ покушать, особенно своихъ національныхъ блюдъ, кислыхъ пироговъ, галушекъ, блиновъ, варениковъ. Хозяйствомъ заниматься онъ не любилъ. Послѣ обѣда обыкновенно отправлялся въ свой кабинетъ, и тогда наставали для него лучшіе часы въ жизни. Онъ писалъ, нетревожимый никѣмъ, писалъ на своемъ родномъ, украинскомъ нарѣчіи, или хоть и по-русски—но о своей родной, дорогой, ничѣмъ незамѣнимой Украйнѣ...

Свои произведенія онъ обыкновенно прежде всего прочитывалъ своей женѣ, довѣряя ей слѣпо во всемъ, даже въ своихъ литературныхъ дѣлахъ.

Къ Квиткѣ изрѣдка заѣзжали городскіе гости, пріѣзжіе изъ столицъ. Его особенно порадовало знакомство съ молодымъ тогда писателемъ, тоже украинцемъ, Гребенкой.

Въ городѣ онъ дружбы ни съ кѣмъ не велъ. Чтеніе столичныхъ книгъ и газетъ замѣняло ему живыхъ людей. Тяжелый на подъемъ, онъ не любилъ движенія и мало гулялъ. Въ поѣздки на службу онъ обыкновенно бесѣдовалъ съ старымъ кучеромъ *Лукьяномъ*, отъ котораго заимствовалъ сюжеты большинства своихъ разсказовъ.

Основьяненко страстно любилъ дѣтей, любилъ имъ разсказывать сказки, вмѣшивался въ ихъ игры и былъ кумиромъ дѣтей. Отъ монашества же осталась въ немъ любовь къ церкви, духовная ученость, почему онъ любилъ бывать въ обществѣ духовныхъ, самъ пѣлъ на клиросѣ и руководилъ сельскимъ хоромъ своего брата. Неимѣніе собствен-

ныхъ дѣтей набрасывало грустный оттѣнокъ на тихую супружескую жизнь кроткихъ и уединенныхъ «Филемона и Бавкиды».

Покойный Погодинъ говорилъ мнѣ, что Гоголь перенесъ нѣкоторыя ихъ черты въ своихъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», слыша о Квиткахъ въ свои проѣзды черезъ Харьковъ,—а кто тогда не зналъ не только въ Харьковѣ, но и въ родной Гоголя Полтавѣ о славномъ, гремѣвшемъ на Украйнѣ авторѣ «Маруси», «Пана Халявскаго» и «Шельменко, волостнаго писаря».

Основьяненко во всю жизнь далѣе Харькова и его окрестностей ничего не видѣлъ. Въ раннемъ дѣтствѣ его возили почему-то въ Москву; этого онъ самъ не помнилъ.

Встрѣча съ Гребенкой произошла такъ. Гребенка, проѣздомъ черезъ Харьковъ, нанялъ извозчика и велѣлъ ему его везти въ Основу. Тащась по невылазному песку, онъ разговорился съ извозчикомъ и былъ плѣненъ тѣмъ, что извозчикъ былъ знакомъ не только съ Квиткой, но и съ произведеніями послѣдняго.

Подъ окномъ домика, гдѣ жилъ Основьяненко, Гребенка увидѣлъ старика за книгой и спросилъ:

— А чи дома панъ Основьяненко?

— А чи не Гребиночка?—спросилъ прерывающимся голосомъ изъ окна Квитка, узнавши Гребенку по портрету.

Съ той поры Гребенка сталъ ревностнымъ ходатаемъ Квитки въ его литературныхъ дѣлахъ въ Петербургѣ, гдѣ въ 1841 году вышелъ большой романъ Квитки «Похожденія Столбикова». Вскорѣ нѣкто Фишеръ затѣялъ въ Петербургѣ изданіе «Полнаго собранія сочиненій Основьяненко». Это изданіе остановилось и принесло старику-автору одни огорченія. Квитка разсчитывалъ изъ первыхъ доходовъ отъ изданія сдѣлать женѣ сюрпризъ: выписать ей изъ Петербурга новую лисью, крытую бархатомъ, шубу. Сюрпризъ разлетѣлся мыльнымъ пузыремъ, и Квитка потомъ самъ съ горечью трунилъ надъ своею попыткой — продать кожу съ неубитаго медвѣдя.

Огорченія болѣе и болѣе скоплялись въ душѣ старика. Окружающее мѣстное общество съ недовѣріемъ и даже съ ненавистью смотрѣло на писателя-земляка, котораго произведеніями наполнялись журналы. Всякъ узнавалъ себя въ его забавныхъ очеркахъ. А тутъ поднялъ войну противъ

Квитки извѣстный тогдашній критикъ, ненавистникъ украинской литературы, польскій писатель баронъ Брамбеусъ (Сенковскій). Его язвительныя выходки противъ украинскаго «жарта» (юмора) Основьяненка имѣли вліяніе на позднѣйшіе отзывы русской критики. Послѣдняя справедливо преклонялась предъ геніемъ Гоголя, но несправедливо игнорировала поэтическое, скромное дарованіе его земляка Квитки. Извѣстному профессору петербургскаго университета, академику Изм. Ив. Срезневскому, почитатели Квитки обязаны тѣмъ, что И. И. Срезневскій, перейдя изъ харьковскаго университета въ петербургскій, первый возвысилъ голосъ съ каѳедры за Основьяненка и первый указалъ на его несомнѣнное, крупное дарованіе и на воспитательное, для цѣлаго поколѣнія южно-русскихъ современниковъ Квитки, вліяніе его произведеній.

Въ 1842 году, за годъ до смерти, Квитка, издавъ замѣчательную брошюру по-украински «Листы до любезныхъ земляковъ», написалъ на малороссійскомъ языкѣ «Краткую священную исторію» и «Краткій (для простонародья) сводъ уголовныхъ законовъ».

Къ нравственнымъ огорченіямъ вскорѣ присоединилась серьезная болѣзнь. Г. Ѳ. Квитка простудился, получилъ воспаленіе легкихъ и 8-го августа 1843 года скончался на рукахъ любимой жены, въ Харьковѣ, въ домѣ Краснокутскаго, за Лопанью, на базарѣ, противъ церкви Благовѣщенія и нынѣшней харьковской 2-й гимназіи.

Основьяненко жилъ *шестьдесятъ-четыре года* безъ трехъ мѣсяцевъ. Черезъ девять лѣтъ послѣ него умерла его жена, Анна Григорьевна (31-го января 1852 г.). Оба они похоронены въ Харьковѣ, на кладбищѣ Холодной горы, подъ которой нынѣ расположена станція трехъ, здѣсь сходящихся, желѣзныхъ дорогъ. Могила Г. Ѳ. Квитки находится, на краю обрыва, съ котораго виденъ весь Харьковъ. На его могилѣ стоитъ бѣлый мраморный памятникъ.

Черезъ два года послѣ смерти Квитки, Копенгагенское общество сѣверныхъ антикваріевъ прислало на его имя дипломъ, не зная, что Квитки давно нѣтъ на свѣтѣ.

Болѣе извѣстны и считаются въ Украйнѣ въ числѣ любимыхъ произведеній Квитки его повѣсти: «Солдатскій портретъ», «Маруся», «Божьи дѣти», «Конотопская вѣдьма»,

«Козырь Дивка», «Харьковская Ганнуся», «Мертвецкій великъ день (Пасха)», «Перекати поле», «Сердечная Оксана», «Подбрéхачъ» и «Щира любовь»; романъ «Панъ Халявскій»; комедіи: «Сватанье на Гончаровкѣ» и «Шельменко—волостной писарь». Его историческія монографіи также имѣютъ не мало достоинствъ. Сюда относятся: «Основаніе Слободскихъ полковъ», «Головатый», «О Харьковѣ и уѣздныхъ городахъ Харьковской губерніи», «Украинцы», «Исторія театра въ Харьковѣ», «Преданія о Гаркушѣ», «Татарскіе набѣги», «Двѣнадцатый годъ въ провинціи», и проч.

Кружокъ почитателей Г. Ѳ. Квитки, празднуя въ 1878 году, въ Харьковѣ, память о столѣтіи со дня его рожденія, предпринялъ изданіе полнаго собранія его сочиненій и собралъ по подпискѣ сумму, необходимую для устройства Квиткинской школы, въ память любимѣйшаго и достойнѣйшаго изъ украинскихъ писателей.

1855 г.

Оглавленіе

XXI ТОМА.

Украинская старина.

